

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

3

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Хаустов Д.С. Цифровая личность как социологический документ: Шерлок Холмс и проблема метода 6

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ардашев Р.Г. Феномен смерти в оценках провинциальной молодежи (анализ представлений о самоубийстве и суицидологии) 13
- Заварзина Ю.В. Реализация государственной инвестиционной политики в Иркутской области в сфере строительства: качественный анализ 19
- Мерина В.Н., Гуринович Л.А., Решетникова Е.В. Субъективные представления сибиряков о благополучии современной российской семьи 28
- Седых О.Г., Авилова В.А. Инновационные технологии социальной реабилитации: взгляд научного сообщества на гипотезу 34

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Коновейская А.В. Физкультурно-спортивная деятельность как фактор социальной адаптации студентов с избыточной массой тела 43
- Коряк В.В., Шахов О.Ф., Шебунина Е.А. Анализ событий XX века в российской социально-экономической действительности в контексте влияния на них политической составляющей 51
- Купалов-Ярополк А.И. Трансформация электоральных трендов в Республике Мозамбик в 2014–2024 гг. 56
- Курума Юнусса, Берете Б.Б. Проблемы и возможности гвинейской дипломатии в контексте политического перехода: перспективы на будущее 61
- Чжао Ци. Применение социально-управленческих технологий в адаптации сотрудников к новой культурной среде: систематизация российского опыта 66
- Яковлева О.И., Яковлева А.П. Роль ранней профессиональной социализации в подготовке кадров для системы МЧС России 70

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Банов М.Е. Возможности управления ответственностью и чувством долга государственных гражданских служащих как личностных ценностей в призме социальной технологии: результаты социологического исследования 76
- Горбунов Д.И. Использование призм неинституционального подхода в исследовании инноваций: управленческие аспекты и социальные взаимодействия 82

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус

Тел.: (495) 939-24-05;

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – Добренков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – Кравченко Альберт Иванович, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – Зырянов Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – Агапов Платон Валериевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – Казакова Александра Андреевна, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Желтов Виктор Васильевич, доктор философских наук, профессор; Мамедов Агамали Кулам-Оглы, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Петров Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; Силасте Галина Георгиевна, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; Багдасарян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; Рахманов Азат Борисович, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; Грабельных Татьяна Ивановна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; Добренкова Екатерина Владимировна, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; Бурмыкина Ирина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; Маршак Аркадий Львович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; Осипов Александр Михайлович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; Афонин Юрий Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; Вукичевич Слободан, профессор, факультет философии, Университет Черногории

Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; Митрович Любиша, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; Титаренко Лариса Григорьевна, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; Фарро Антонио Луиджи, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; Чжан Шу-хуа, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; Соколова Галина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; Скворцов Николай Генрихович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; Осипова Надежда Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Иванов Виллен Николаевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; Хунагов Рашид Думалиевич, доктор социологических наук, профессор; Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; Ивченко Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; Дзуцев Хасан Владимирович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.03.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Заховаева А.Г., Мушников Д.Л.</i> Ценностная парадигма здравоохранения: генезис и развитие	87
<i>Оздоева Л.А.</i> Роль социальных инициатив в формировании идентификации молодежи	93
<i>Усольцева Я.С.</i> Использование искусственного интеллекта в деятельности управленческих кадров на государственной службе.....	96
<i>Поляков К.Г.</i> Роль цифровых платформ в оптимизации управленческих процессов.....	99
<i>Сломянский П.В.</i> Социально-экономические барьеры трудоустройства молодежи в условиях демографических изменений	107
<i>Суй Юаньлай.</i> Теория организационного поведения: анализ влияния культурных и социальных факторов на управленческие подходы.....	111
<i>Усольцева Я.С.</i> Профессионализм управленческих кадров на государственной службе: социальные потребности в профессионально подготовленных кадрах	116
<i>Гавриленко О.В., Чжао Юнхуэй.</i> Современные вызовы и перспективы развития управления в условиях цифровизации общества: опыт Китая и России	120

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Гон Чжэн.</i> Социальная справедливость и цифровой разрыв в умных городах: проблема доступности общественных услуг	127
<i>Кравченко А.И.</i> Многомерная провинция.....	132
<i>Макаров А.С.</i> Отражение взаимоотношения сферы веры и знания в произведениях искусства XXI века: аспекты культурологической репрезентации идей А.Н. Бердяева	144
<i>Маслодудова Н.В.</i> Социокультурные особенности информационного пространства	149
<i>Намакинов Т.М.</i> Низкий уровень адаптации детей мигрантов из стран Центральной Азии в общеобразовательных учреждениях города Москвы.....	156
<i>Карпова С.Г., Некрасов С.В.</i> Ключевые трансформационные процессы современного российского общества: социокультурный аспект.....	161
<i>Савицкая Ю.П.</i> Молодежь и религия в современном мире: пути взаимодействия в условиях секуляризации.....	168
<i>Соколова А.Г., Капичникова Э.А., Прокофьев И.М., Румянцев И.С.</i> Педагогические условия и модель формирования коммуникативной компетенции студентов посредством игровых ситуаций на занятиях иностранного языка	174

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Жаров А.М.</i> Критика биологических оснований в концепции культурного «вида»	180
<i>Кукель В.Е.</i> Алгоритм: генезис идеи, влияние	185
<i>Павлова Д.В.</i> Вневременные сокровища: философское исследование традиции термина в школе ньингма тибетского буддизма	192
<i>Рычанский Д.А., Берёзкина И.В.</i> Анализ научных оснований категории «объект-система» в работе Ю.А. Урманцева «Общая теория систем»	200

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Данилов В.Л., Бреусова А.Г.</i> Трансформация модели формирования религиозной идентичности молодежи в условиях виртуального пространства	204
<i>Мартынова Н.Д.</i> Связь гедонизма и утилитаризма: историческая эволюция или концептуальное противоречие?	210

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Гончаров М.А.</i> Исторические трансформации правового сознания: от античности до современных концепций.....	216
<i>Деревянченко Ю.И.</i> Конструирование среднего класса: объективные и субъективные факторы	222
<i>Сироткин А.В.</i> Проблема институционального признания фрилансеров: социально-философский анализ	229
<i>Шайдоров М.А.</i> Ответственность в цифровом мире: новые вызовы и возможности.....	237

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Мушников Д.Л., Латышева Н.А., Солодовник Е.В., Галеева Г.И., Кривенцева С.М.</i> Формирование новой социальной культуры общения в условиях информатизации общества и популяризации социальных сетей	241
<i>Сафронов А.В.</i> Об одной биологической функции сознания	246
<i>Шутова М.В.</i> Репутация профессиональная и деловая... ..	252
<i>Соколова А.Г., Девятникова К.Г.</i> Сгенерированные тексты: как остановить распространение академического мошенничества.....	259

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

- Khaustov D.S.* Digital Personality as a Sociological Document: Sherlock Holmes and the Problem of Method 6

EMPIRICAL STUDIES

- Ardashev R.G.* The phenomenon of death in the assessments of provincial youth (analysis of ideas about suicide and school shooting) 13
- Zavarzina Yu.V.* Implementation of state investment policy in the Irkutsk region in the field of construction: qualitative analysis 19
- Merinova V.N., Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V.* Subjective ideas of Siberians about the well-being of the modern Russian family 28
- Sedykh O.G., Avilova V.A.* Innovative technologies of social rehabilitation: the view of the scientific community on hippotherapy 34

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

- Konobeyskaya A.V.* Physical and sports activities as a factor of social adaption of students over body weight 43
- Koryak V.V., Shakhov O.F., Shebunina E.A.* Analysis of the events of the twentieth century in the Russian socio-economic reality in the context of the influence of the political component on them 51
- Kupalov-Yaropolk A.I.* Transformation of electoral trends in the Republic of Mozambique in 2014–2024 56
- Kourouma Younoussa, Berete B.B.* Challenges and opportunities for guinea's diplomacy in the context of political transition: prospects for the future 61
- Zhao Qi.* Application of social and management technologies in the adaptation of employees to a new cultural environment: systematization of Russian experience 66
- Yakovleva O.I., Yakovleva A.P.* The role of early professional socialization in personnel training for the Russian Ministry of Emergency Situations 70

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Banov M.E.* The possibilities of managing the responsibility and sense of duty of government civil servants as personal values in the prism of social technology: the results of a sociological study 76
- Gorbunov D.I.* Applying the neo-institutional lens to innovation research: management aspects and social interactions 82
- Zakhovaeva A.G., Mushnikov D.L.* Value paradigm of health care: genesis and development 87
- Ozdoeva L.A.* The Role of Social Initiatives in the Formation of Juvenil' Identification 93
- Usolceva Y.S.* Use of artificial intelligence in the activities of management personnel in the civil service 96

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov**; **Russian Sociological Association**
The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.

Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226

Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building

Tel.: (495)9392405;

email: socjournal.msu@gmail.com

http://sociologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – **Dobrenkov Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto Viktor Vasilievich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali Kulamogly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmikina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro; **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Social Sciences Abroad"; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilievich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18

Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 03/30/2025 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

<i>Polyakov K.G.</i> The Role of Digital Platforms in Optimizing Managerial Processes.....	99
<i>Slomyansky P.V.</i> Socio-economic barriers to youth employment in the context of demographic changes	107
<i>Xu Yuanlai.</i> Theory of organizational behavior: analysis of the influence of cultural and social factors on management approaches.....	111
<i>Usolceva Y.S.</i> Professionalism of management personnel in public service: social needs for professionally trained personnel.....	116
<i>Gavrilenko O.V., Zhao Yonghui.</i> Modern challenges and prospects for the development of management in the context of digitalization of society: the experience of China and Russia	120

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Gong Zheng</i> Social justice and the digital divide in smart cities: the challenge of accessibility of public services	127
<i>Kravchenko A.I.</i> Multidimensional Province	132
<i>Makarov A.S.</i> Reflection of the relationship between the sphere of faith and knowledge in works of art of the 21st century: aspects of cultural representation of the ideas of A.N. Berdyaev.....	144
<i>Maslodudova N.V.</i> Sociocultural features of the information space.....	149
<i>Namakinov T.M.</i> Low level of adaptation of children of migrants from central Asian countries in general educational institutions of the city of Moscow.....	156
<i>Karepova S.G., Nekrasov S.V.</i> Key transformation processes of contemporary Russian society: a sociocultural aspect	161
<i>Savitskaya Yu.P.</i> Youth and Religion in the Modern World: Paths of Interaction in the Context of Secularization	168
<i>Sokolova A.G., Kapichnikova E.A., Prokofiev I.M., Rumyantsev I.S.</i> Pedagogical conditions and the model of formation of students' communicative competence by means of game situations in foreign language classes...	174

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Zharov A.M.</i> Criticism of the biological foundations in the concept of a cultural "species"	180
---	-----

<i>Kukel V.E.</i> Algorithm: genesis of the idea, influence.....	185
<i>Pavlova D.V.</i> Timeless Treasures: A Philosophical Study of the Terma Tradition in the Nyingma School of Tibetan Buddhism.....	192
<i>Rychansky D.A., Beryozkina I.V.</i> Analysis of scientific basis of the category "object-system" in the work of Y.A. Urmantsev "General theory of systems"	200

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Danilov V.L., Breusova A.G.</i> Transformation of the model for the formation of religious identity of young people in virtual space	204
<i>Martynova N.D.</i> The relationship between hedonism and utilitarianism: historical evolution or conceptual contradiction?.....	210

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Goncharov M.A.</i> Historical transformations of legal consciousness: from antique to modern concepts	216
<i>Derevianchenko I.I.</i> Constructing the middle class: objective and subjective factors.....	222
<i>Sirotkin A.V.</i> The issue of institutional recognition of freelancers: socio-philosophical analysis	229
<i>Shaidorov M.A.</i> Responsibility in the digital world: new challenges and opportunities.....	237

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Mushnikov D.L., Latysheva N.A., Solodovnik E.V., Galeeva G.I., Kriventseva S.M.</i> Formation of a new social culture of communication in the context of informatization of society and popularization of social networks	241
<i>Safronov A.V.</i> On one biological function of consciousness	246
<i>Shutova M.V.</i> Professional and business reputation.....	252
<i>Sokolova A.G., Deviatnikova K.G.</i> Generated texts: how to stop academic fraud from spreading	259

Цифровая личность как социологический документ: Шерлок Холмс и проблема метода

Хаустов Дмитрий Сергеевич,

к.э.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: dmitry.khaustov1982@mail.ru

В статье предпринята попытка модифицировать метод анализа документов в направлении формирования подхода к цифровой личности как сущности, имеющей определенные признаки социологического документа. В рамках предложенного автором подхода рассмотрена уликовая парадигма. В статье предложено вторичное эмпирическое обобщение материалов по фальшивым новостям как проявлению цифровых личностей. Кратко описаны «величайшая кража данных в истории» и представление о личности-нейросети. Автор полагает, что продемонстрированный подход может стать основой для конструирования социологического метода – на стыке анализа документа и отдельных методик социальной психологии.

Ключевые слова: анализ документа, уликовая парадигма, фальшивые новости, метод Морелли, Cambridge Analytica, диалектический знак.

Классический анализ документа и контент-анализ: уликовая парадигма и метод Галилея

Общеизвестно не всегда явное противопоставление количественных и качественных методов в социальных науках. Авторы известного пособия по проведению полевых социологических исследований отмечают:

«Исследователь, использующий различные методы для исследования одного и того же явления, не должен ожидать, что результаты, полученные разными методами, автоматически будут согласованы между собой. Напротив, следует приготовиться к конфликту результатов, полученному с помощью качественных и количественных методов. Можно также ожидать, что эти результаты будут получены с разной степенью надежности» [9, с. 316].

Впрочем, чуть выше авторы цитируемой работы оговариваются, что подобный конфликт – скорее, результат измерения разных вещей. Объясняется это как неочевидностью выбора метода в конкретном исследовании, так и профессиональными компетенциями самих исследователей [9, с. 316].

Конечно, можно, сильно утрируя, утверждать, что перед нами противостояние гуманитарных и естественных наук. Согласно расхожему пониманию, «человеческие действия представляют собой текст, написанный поведенческими знаками. Понимание деятельности, раскрытие значения поведения требует герменевтической интерпретации... Вот эта особенность – интенциональность поведения – и отличает... изучение человеческой деятельности от изучения природных явлений» [14, с. 300–301]. Иначе говоря, для естественных наук в большей степени подходят количественные методы, а для социальных – качественные. «Точные науки объективны, неточные – субъективны» – так звучит название одной из подглав научно-популярной книги, посвященной интересующей нас проблеме методов в одной из гуманитарных наук – психологии [25, с. 22–25]. Вспоминается старая школьная шутка, согласно которой гуманитарий – это человек, который не знает математики.

Но насколько такое противопоставление продуктивно? Большинство читателей этого текста, вероятно, не согласятся с противопоставлением двух типов методов и наук. Известны примеры количественных исследований в психологии – на-

пример, с помощью функциональной МРТ [25, 27]: деятельность мозга можно действительно прочитывать как текст, написанный поведенческими знаками – хотя бы частично.

Автора статьи в своей научной деятельности часто изучает разного рода тексты и прочие документы. По этой причине ему интересны классический анализ документов и контент-анализ. Классический (качественный) анализ документа часто противопоставляют контент-анализу. Между тем, контент-анализ вполне применим при классификации и рубрикации собранного материала [9, с. 259–261]. Классический анализ документа, по-видимому, пришел в социологию из историографии, и до сих пор в последней продолжается оживленная дискуссия о том, что из себя представляет документ в научном знании [7, с. 15–48].

В описанную дискуссию, имеющую уже довольно почтенный возраст, я бы хотел войти с немного неожиданного ракурса – рассмотреть самого человека, а точнее его цифровую личность, как социологический документ. Этой проблематике посвящена уже довольно обширная литература, обзор которой дан, например, в работе Е. Орех и О. Сергеевой [21]. Под цифровой личностью можно понимать систему взаимосвязанных данных, компьютерных моделей и априорных механизмов выводов надпредметного характера, позволяющую воспроизводить (или имитировать) процессы сознательной деятельности человека при взаимодействии (исследовании, эксплуатации, разработке) с объектами предметной области и другими личностями – как цифровыми, так реальными [8, с. 130].

При этом я бы не хотел подходить к вопросу как Мишель Фуко: указанный автор в ярком, но весьма натуралистическом обсуждении публичной казни как приметы рождения биополитики, заложил основы целой группы теорий постмодерна, обсуждение которых увело бы нас в сторону [26, с. 7–41]. Скорее, я хотел бы сосредоточиться на том, что Карло Гинзбург называл уликовой парадигмой [3, с. 189–240].

В своем знаменитом эссе К. Гинзбург прослеживает связь между методом атрибуции живописных полотен Джованни Морелли, дедукцией Шерлока Холмса и психоанализом Зигмунда Фрейда [3, с. 189–197]. Этот фрагмент иногда вспоминают в научной литературе [23, с. 233–238], поэтому опишем его кратко: все трое – Морелли, Холмс и Фрейд – в своих методах опирались на второстепенные, малозначимые детали. Книги Морелли «усеяны изображениями пальцев и ушей» с полотен различных художников; Шерлок Холмс в рассказе «Картонная коробка» раскрывает дело, опираясь на сходство ушных раковин клиентки и отрезанных ушей в присланной коробке; для психоанализа Фрейда также «привычно обнаруживать тайное и скрытое, исходя из низкооцениваемых или

незамеченных признаков, из отбросов, «отходов» нашего наблюдения» [3, с. 191–193].

Гинзбург называет подобный подход к изучению уликовой парадигмой, типичной для «носителей охотничьего типа знания» [3, с. 197–198]. И в целом есть определенное соответствие с классическим анализом документов. Автор противопоставляет уликовую парадигму «галилеевской» физике: «уликовые» дисциплины (постановка диагноза в медицине, знаточество в искусствоведении и др.) не соответствуют критериям научности, постулируемых галилеевской парадигмой [3, с. 201–203]. С анализом документов при переходе от одной парадигмы к другой приключилась своеобразная виртуализация текста: «Сначала были отброшены, как нерелевантные для текста, все элементы, связанные с произношением и жестикуляцией; затем – также и все элементы, связанные с материальностью письма. Результатом этой двухэтапной операции стала нарастающая дематериализация текста, постепенно очищенного от любых чувственных опор: хотя связь с чувственно воспринимаемой субстанцией и необходима для продолжения жизни текста, текст ни в коей мере не отождествляется со своей опорой» [3, с. 203].

Возможно ли воспринимать социологические документы, сняв противоречия между двумя подходами? Вероятно, универсально ответа не существует, однако мы предлагаем посмотреть на цифровую личность как социологический документ, а точнее – как на систему производимых им знаков.

Елена Петровская в своем эссе, посвященном сериалу «Шерлок» (Шерлок / Sherlock, создатели – М. Гэттис, С. Моффат, 2010–2017) выдвигает гипотезу, что «современный Шерлок – живущий в мире высоких технологий и пользующийся их достижениями – это уже не детектив-человек, а скорее детектив-машина. Впрочем, машина особого рода, а именно: не алгоритм и не компьютер, а действующая на сверхбыстрых скоростях нейросеть» [23, с. 245]. К мысли о том, что Шерлок Холмс – машина приходят также и другие исследователи [1, с. 209–229], но гипотеза о Шерлоке-нейросети резонирует с нашей догадкой человека-документа.

В принципе, подобные подходы имеют распространение: например, нам попало на глаза исследование где «каналом когнитивной среды выступают социальные сети, то живыми системами – блогеры и их интернет-аудитория, согласно биологическому подходу в исследовании языка» [10, с. 564].

Насколько такой подход можно применить при анализе эмпирического и аналитического материала социологии? Попробуем применить элементы такого подхода к популярной сейчас проблеме – деструктивному цифровому воздействию посредством фальшивых новостей.

Фальшивые новости: вторичное эмпирическое обобщение

Дадим в самых общих чертах вторичное эмпирическое обобщение материалов по фальшивым новостям как проявлению цифровых личностей.

Российский исследователь Е.В. Бродовская определяет «внешнее информационное давление» как совокупность системных информационных воздействий более-менее выраженного манипулятивного характера. Зарубежные центры и лидеры общественного мнения через социальные сети оказывают негативное влияние на отдельные группы населения, объединенные по географическому, национальному, профессиональному, социальному, политическому или иному признаку.

В начале тысячелетия основой информационного воздействия было продвижение стандартизованных сценариев «цветных революций». В последние годы конструируются новые гибридные схемы, для которых характерно: долгосрочное манипулятивное воздействие; конструирование цепочек информационно-психологических операций; разжигание социальной, религиозной и межнациональной (межэтнической) розни; нарастание разрушительных тенденций в принимающих государствах и обществах. Вероятно, максимальную опасность несет управляемое использование социальных сетей и мессенджеров в качестве среды создания и продвижения деструктивных материалов, а также ложного и манипулятивного контента с целью формировать соответствующие когнитивные схемы в сознании пользователей. [15, с. 70–71].

Разумеется, негативное цифровое воздействие очень разнообразно: это и чрезмерное удержания внимания с помощью разнообразных психологических уловок [19, с. 75–125], и снижение качества и продолжительности сна [12], и рост радикального экстремизма [13, с. 170–187]. Однако сегодня остановимся на одном из трендов негативного цифрового воздействия – производстве и распространении фальшивых новостей (fake news). Может ли нам для более полного понимания социальной динамики помочь гипотеза о том, что цифровая личность обладает некоторыми чертами социологического документа?

Прежде всего, в чем причина серьезности угрозы фальшивых новостей? Лаконично охарактеризуем это социальное явление.

Известно, что недобросовестная журналистика существует уже давно, однако фальшивые новости – сравнительно позднее изобретение. Социально значимой силой их сделали социальные медиа.

Исследователи приводят данные, что вероятность репоста неправды на 70% выше, и она распространяется в 6 раз быстрее правдивых новостей [11, с. 20–38]. Главными распространителя-

ми недостоверного новостного контента являются не лидеры общественного мнения, а пользователи, малоизвестные широкой сетевой общественности. Попросту говоря, распространение фальшивых новостей – это легкий путь к обретению популярности.

Сочинять фальшивые новости, оказывается, выгодно с коммерческой точки зрения. При этом деньги платят не «черные» пиарщики, а типичные рекламодатели. Как правило, фальшивые новости – самый дешевый контент и ресурс кликов для сайта-однодневки, где «крутят» коммерческую рекламу. Почти никогда серьезные СМИ не производят фейковые новости, но бывает, что встраивают их в цепочку по многоэтапному «отмыву» информации.

Существуют исследования, согласно которым 96% интернет-аудитории не в состоянии отличить фальшивую новость от истинной: в особенности это касается поколения Z: тут весьма показателен интернет-сюжет с фейковым древесным осьминогом [13, с. 158–169].

Как можно интерпретировать представленные данные с позиции нашей гипотезы? Если цифровая личность – это социологический документ, то во многом – это цифровой документ, содержание которого можно редактировать часто без его согласия. Цифровая личность (в основном она и доступна нам через подобного рода анализ) – это, с одной стороны, исчезновение субъекта или, точнее, превращение его в подобие нейросети. Конечно, не такой высокопроизводительной, как кинематографический Шерлок, но всё же.

Существует также определенная связь фальшивых новостей и пропаганды. Не останавливаясь подробно на историческом и общекультурном аспектах феномена пропаганды кратко опишем связь пропаганды и деструктивного цифрового воздействия.

Вероятно, один из первых в истории науки способ измерить влияние пропаганды с помощью количественных методов – это исследование, посвященное геноциду в Руанде в 1994 г. Дэвид Янагизава-Дротт соотнес уровень приема радиосигнала в каждом населенном пункте и количество человек, осужденных за участие в геноциде в соответствующих деревне или городе. Согласно его расчетам, вторая величина была на 62–69% выше в зоне уверенного приема пропагандистского «Радио тысячи холмов» [11, с. 41–43].

Вероятно, это один из первых в истории примеров феномена «биодронов» (иначе говоря – так называемых «зомбированных» с помощью методов социальной инженерии обывателей). В работе посвященной социологии и философии дрона, Грегуар Шамаю пишет о «фабрике политических автоматов» как об одном из сопутствующих эффектов дронификации военного дела [28, с. 238–257]. Индивид как социологический документ-

нейросеть может быть подвержен воздействию вредоносных программ.

Разумеется, в генезисе геноцида в Руанде проявили себя экологические, экономические и политические и прочие факторы [4, с. 429–453]. Однако нельзя не принимать во внимание информационную обработку населения несчастной африканской страны.

Развитие СМИ не стояло на месте: с 90-х годов прошлого века пропаганда (политическая агитация, политическая реклама) в социальных сетях из стандартизированной и тотальной превратилась в адресную и точечную, работая со страхами и надеждами конкретного пользователя. Как это стало возможным?

Ученый из Стэнфорда Михал Косински открыл способ предсказывать индивидуальные особенности человека по использованию кнопки «Нравится» (лайкам) в соцсетях – в сущности, цифровым уликам, оставляемым пользователем на «теле» своей цифровой личности – социологическом документе.

Речь идет о знаменитой «крупнейшей краже данных в истории» компанией Cambridge Analytica – данные около 50 млн пользователей социальной сети Facebook (запрещена в РФ) были собраны и обработаны с помощью алгоритма указанной компании.

Победа Дональда Трампа на выборах президента США в 2016 г. и Брекзит, как утверждают представители указанной компании, – это их рук дело. Разумеется, само по себе данное утверждение очень похоже на фальшивую новость.

В чем суть разработанного М. Косински метода? В его основе лежит пятифакторная модель личности: набор из пяти качеств, которые характеризуют личность. Речь идет о так называемой «Большой пятерке»: открытость новому, добросовестность, экстраверсия, доброжелательность и невротизм.

Онлайн-анкету из 100 вопросов заполнили примерно 86200 добровольцев. Их наиболее близким друзьям в известной запрещенной социальной сети разослали анкету, содержащую 10 контрольных вопросов.

При прохождении анкетирования опрашиваемые получали несколько долларов и соглашались на сбор данных как о них, так и об их друзьях: таким образом Cambridge Analytica получила доступ к профилям примерно 50 млн пользователей.

После сбора данных о столь значительном числе людей-документов при проведении разного рода рекламных и пропагандистских кампаний включался микротаргетинг: конкретный пользователь социальной сети видел те новости, которые точечно воздействовали на его индивидуальные страхи и надежды [11, с. 44–49].

Почему же так важно то, чего мы боимся и что из себя представляют наши френды в социальных медиа?

По некоторым данным, две трети взрослых в США узнают новости из социальных сетей и мессенджеров. Как правило, мы читаем то, чем поделились наши друзья. «Кто поделился» важнее, чем «какая газета написала»: чаще всего наше знакомство с новостью заканчивается ее заголовком. Мы доверяем новости, если доверяем виртуальному другу.

Важное значение исследователи социальных медиа придают «числу Данбара»: человек в состоянии поддерживать не более 150 относительно устойчивых знакомств [5, с. 25–39]. 60% социальной активности типичного индивида приходится на общение с 15 людьми, только 5 из которых придут нам на помощь в случае крупных неприятностей. Примерно 50 человек из 150 – просто хорошие знакомые. Карта социальных связей постоянно перестраивается: за полтора года примерно 40% знакомств меняют статус.

Иронично, но вывод о том, что «все так поступают», мы делаем на основании активного общения с 5–15 людьми [11, с. 83–97].

Как нам кажется, у человека как социологического документа, а точнее – специфически определяемого «цифрового двойника» индивида – есть много общего с концепцией «тела без органов» [6]. Напомним, что тело без органов – это виртуальная версия физического тела, потенциально обладающее многими чертами, которых нет у тела физического. Более того, тело без органов может отрицать своего физического носителя. Делёз и Гваттари даже генезис капитализма сводят к специфическому телу без органов [6, с. 26–27]. Вероятно, к телу без органов гипотеза человека-документа относится в большей степени, чем собственно к физическому телу.

Поэтика детектива, динамические знаки и цифровые личности

Нельзя не отметить связь между внешним информационным давлением, фальшивыми новостями, пропагандой в социальных медиа и негативным цифровым воздействием на подавляющее большинство рядовых пользователей социальных медиа. Вспомнив работы, посвященные социальной власти в эпоху Модерна и Постмодерна, можно сказать, что человечество перестало «Надзирать и наказывать» [26] и начало «Измерять и навязывать» [22].

Постепенно становится общим мнением мысль, что поколение Z считает цифровую среду практически второй (а то – и первой) природой, что накладывает своеобразный отпечаток на современность. Тела без органов получают в такой экосреде форсированное развитие, при этом все сильнее расходясь по ряду признаков со своими физическими носителями.

Насколько продуктивен подход к цифровым личностям как социологическим документам? Что

изучение, например, профилей в социальных медиа могут нам дать для понимания офлайн мира? Попробуем разобраться.

Интересно, что представление о том, что люди в целом везде одинаковы – это одна из логических конструкций детективного романа. Исследователь поэтики детектива Петр Моисеев отмечает связь детективного произведения и классицистского романа. Ряд детективистов заставляют своих персонажей говорить о знании ими человеческой природы: «не характеров, не среды, не бессознательного, а именно природы. <...> Поскольку все люди одинаковы, участников очередной детективной драмы достаточно возвести к некоему идеальному типу, путем аналогии увидеть сущность человека» [18, с. 51–52].

В этом мире все творенья
Нам дают изображение
Как стекло зеркальное,
Нашей жизни и судьбины,
Нашей участи, судьбины,
Верное, печальное.

Это начало стихотворения Алана Лилльского – католического святого, жившего в XII в. Данное поэтическое произведение взяли за основу следственного метода персонажи самого известного романа Умберто Эко «Имя Розы» в попытке раскрыть серию загадочных убийств в монастыре.

Казалось бы, перед нами просто художественная условность, которая должна иметь весьма отдаленное отношение к реальности. Однако выводы наук о человеке как будто подтверждают соответствие природы человека условностям детективного жанра.

Современные социологи, психологи, биологи и нейрофизиологи приходят к мысли, что «политика в крови у новорожденного». Например, политические предпочтения можно узнать с помощью функциональной МРТ и фотографий чего-то отвратительного. Мозг консерватора реагирует на нечто ужасное интенсивнее, чем мозг либерала [11, с. 69–82]. Получается, что политические взгляды зависят от степени пугливости, а политологам вообще пора изучать генетику [17, с. 151–155, 214–220]. В долгосрочном плане поведение консерваторов и либералов также предсказуемо: например, в США консерваторы (республиканцы) имеют в среднем 2,5 ребенка, а либералы (демократы) – только 1,5 [20, с. 84–85].

Иначе говоря, здесь перед нами также присутствует идея о том, что система динамических знаков может давать достоверное изображение, а, значит, как нам кажется, цифровую личность в определенных контекстах можно рассматривать как социологический документ.

Е. Петровская проявления цифровой (и шире – современной) индивидуальности рассматривает через систему динамических знаков, где большое значение придается современным техническим

средствам, порождающим те самые цифровые личности, которые можно рассматривать как социологические документы. В частности, она пишет:

«Сегодня материя дает о себе знать преимущественно через технику. Вот почему такую важную роль для понимания современного мира играют фотография и кино. Это уже не «искусства»... но инструменты познания... Это значит, что кино и фотография не столько нас возвышают или развлекают, сколько рассказывают об изменениях, которые произошли и с культурными навыками восприятия, ставшими необратимо коллективными, и с самой нашей чувственностью, чьей мерой «естественности» они как раз и выступают. Иначе говоря, именно такие технические знаки и являются в своей основе динамическими, поскольку они образуют ту подвижную среду, которой мы захвачены со всех сторон» [23, с. 14] И вот уже появляются исследования об уголовно-правовых рисках использования мобильных приложений для знакомств [2]!

В несколько более мрачной манере об этом пишет Джонатан Крэри, отмечая следующую закономерность:

«В настоящее время конкретная работа и эффекты новейших машин или сетей менее важны, чем то, как ритмы, скорости и форматы ускоренного и интенсивного потребления меняют наш опыт и восприятие. <...> Единственный неизменный фактор, связывающий в остальном бессистемную последовательность потребительских продуктов и услуг, – это усиливающаяся интеграция человеческого времени и человеческой деятельности с параметрами электронного обмена. Ежегодно миллиарды долларов тратятся на исследование того, как сократить время принятия решений, избавиться от бесполезного времени раздумий и созерцания. Это и есть форма современного прогресса – безжалостный захват и контроль времени и опыта» [12, с. 46–48].

Выводы

Как так получилось, что реальные люди (предположительно) превратились в социологические документы?

Отчасти, они были ими всегда. Современником Галилея был личный врач папы Урбана VIII Джулио Манчини, слывший среди современников непревзойденным знатоком живописи и экспертом по их авторской атрибуции, написавший об этом научную работу. При анализе полотен он ориентировался на второстепенные детали, о которых мы выше упоминали, и методы графологии [3, с. 205–209]. В XIX веке существовали врачи-диагносты, которые могли «читать» пациента как открытую книгу, послужившие прототипами литературного жителя Бейкер-стрит [24, с. 26–38]. Графология, из когда-то полумистической дисциплины, пре-

вратилась в одну из базовых дисциплин криминологии – исследования в этой области до сих пор актуальны [16]. В нашу эпоху развития цифровых технологии и их хабитуализации массовым сознанием индивиды, возможно, все более восприимчивы к неявной форме пропаганды.

Возможно, именно в этом заключается одна из причин совпадения и удивительного единообразия цифровых личностей – похожих на персонажей второго плана в классическом детективном произведении.

Как нам кажется, продемонстрированный подход может стать основой для конструирования социологического метода – на стыке анализа документа и отдельных методик социальной психологии.

Литература

- Архипова А., Неклюдова Е. Эпоха сериалов. Как шедевры малого экрана изменили наш мир. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 474 с.
- Бимбинов А.А. Уголовно-правовые риски использования мобильных приложений для знакомств / А.А. Бимбинов. – DOI 10.17150/2500–4255.2024.18(2).181–190. – EDN NWWGHL // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 181–190.
- Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни / Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Сборник статей. – М. Новое издательство, 2004. – С. 189–241.
- Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 762 с.
- Данбар Р. Лабиринт случайных связей. Рассказ о том, как мы общаемся, а главное – зачем. – М.: Ломоносовъ, 2012. – 288 с.
- Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
- Зарецкий Ю. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
- Канакова А.Е. Человек есть цифровая личность, или у человека есть цифровая личность? Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 1. С. 126–135. <https://doi.org/10.21603/2542–1840–2024–8–1–126–135>.
- Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон; под ред. И. Штейнберга. – СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с.
- Кириллова Е.А. Когнитивные искажения как часть продвигающего дискурса в блогосфере / Е.А. Кириллова. – DOI 10.17150/2500–2759.2024.34(3).559–556. – EDN DLTSNN // Известия Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 34, № 3. – С. 559–556.
- Козловский Б. Максимальный репост: Как соцсети заставляют нас верить фейковым новостям. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 198 с.
- Крэри Дж. 24/7. Поздний капитализм и цели сна. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 136 с.
- Кузнецов И. Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. – М.: Эксмо, 2022. – 208 с.
- Кун Т. После «Структуры научных революций». – М.: АСТ, 2014. – 443 с.
- Лукушин В. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства // Общественные науки и современность. – 2023. – № 3. С. 68–82.
- Малахаева С.К. Проявление личностных характеристик агрессивности и тревожности в почерке / С.К. Малахаева, М.М. Осипова, Е.М. Гришаева. – DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(4).1615–1623. – EDN TVUZFD // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 1615–1623.
- Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 512 с.
- Моисеев П. Поэтика детектива. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 240 с.
- Монтаг К. Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. – М.: Individuum, 2023. – 352 с.
- Морланд П. И никого не стало. Зачем миру дети? – М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2024. – 288 с.
- Орех, Е. А., Сергеева, О.В. Цифровое лицо и цифровое тело: новые явления в визуальном контенте социальных сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015 № 2. С. 137–145.
- Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. – М.: Individuum, 2024. – 352 с.
- Петровская Е. Возмущение знака. Культура против трансценденции. – М.: Common Place, 2019. – 288 с.
- Симс М. Артур и Шерлок: Конан Дойл и создание Холмса. – М.: Эксмо, 2018. – 384 с.
- Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 335 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 416 с.
- Черниговская Т. Чеширская улыбка кота Шредингера: мозг, язык и сознание. – М.: АСТ, 2022. – 496 с.

28. Шамаю Г. Теория дрона. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 280 с.

DIGITAL PERSONALITY AS A SOCIOLOGICAL DOCUMENT: SHERLOCK HOLMES AND THE PROBLEM OF METHOD

Khaustov D.S.

Baikal State University

The article attempts to modify the method of document analysis in the direction of forming an approach to a digital personality as an entity that has certain characteristics of a sociological document. Within the framework of the approach proposed by the author, the evidentiary paradigm is considered. The article offers a secondary empirical generalization of materials on fake news as a manifestation of digital personalities. The “greatest data theft in history” and the idea of a neural network personality are briefly described. The author believes that the demonstrated approach can become the basis for constructing a sociological method – at the intersection of document analysis and individual methods of social psychology.

Keywords: document analysis, evidence paradigm, fake news, Morelli method, Cambridge Analytica, dynamic sign.

References

1. Arkhipova A., Neklyudova E. The era of TV series. How small screen masterpieces changed our world. – M.: RIPOЛ classic, 2020. – 474 p.
2. Bimbinov A.A. Criminal and legal risks of using mobile dating applications / A.A. Bimbinov. – DOI 10.17150/2500–4255.2024.18(2).181–190. – EDN NWWGHL // All-Russian Criminological Journal. – 2024. – Vol. 18, No. 2. – P. 181–190.
3. Ginzburg K. Signs. Evidence paradigm and its roots / Ginzburg K. Myths – emblems – signs. Collection of articles. – M. Novoye Izdatelstvo, 2004. – P. 189–241.
4. Diamond J. Collapse. Why Some Societies Survive While Others Die. – M.: AST: AST MOSCOW, 2010. – 762 p.
5. Dunbar R. Labyrinth of Random Connections. A Story About How We Communicate, and Most Importantly, Why. – M.: Lomonosov, 2012. – 288 p.
6. Deleuze, J., Guattari, F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia – Ekaterinburg: U-Factoria, 2007. – 672 p.
7. Zaretsky Yu. Strategies for Understanding the Past: Theory, History, Historiography. – M.: Novoye Literary Obozrenie, 2011. – 384 p.
8. Kanakova A.E. Is a person a digital personality, or does a person have a digital personality? Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 126–135. <https://doi.org/10.21603/2542–1840–2024–8–1–126–135>.
9. Qualitative methods. Field sociological research / I. Steinberg, T. Shanin, E. Kovalev, A. Levinson; edited by I. Steinberg. – St. Petersburg: Aleteya, 2014. – 352 p.
10. Kirillova E.A. Cognitive distortions as part of the promoting discourse in the blogosphere / E.A. Kirillova. – DOI 10.17150/2500–2759.2024.34(3).559–556. – EDN DLTSNN // Bulletin of the Baikal State University. – 2024. – Vol. 34, No. 3. – P. 559–556.
11. Kozlovsky B. Maximum Repost: How Social Media Makes Us Believe Fake News. – Moscow: Alpina Publisher, 2019. – 198 p.
12. Crary J. 24/7. Late Capitalism and the Goals of Sleep. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2022. – 136 p.
13. Kuznetsov I. Memes. A Scientific Look at the Pop Culture Phenomenon That Has Taken Over the World. – M.: Eksmo, 2022. – 208 p.
14. Kuhn T. After the “Structure of Scientific Revolutions”. – M.: AST, 2014. – 443 p.
15. Lukushin V. External information pressure on Russian youth as an instrument of global confrontation // Social Sciences and Modernity. – 2023. – No. 3. P. 68–82.
16. Malakhaeva S.K. Manifestation of personal characteristics of aggressiveness and anxiety in handwriting / S.K. Malakhaeva, M.M. Osipova, E.M. Grishaeva. – DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(4).1615–1623. – EDN TVUZFD // Baikal Research Journal. – 2024. – V. 15, No. 4. – P. 1615–1623.
17. Markov A. Human evolution. In 2 books. Book 2. Monkeys, neurons, and soul. – M.: AST: CORPUS, 2013. – 512 p.
18. Moiseev P. Detective fiction poetics. – M.: Higher School of Economics Publishing House, 2017. – 240 p.
19. Montag K. New gods. How online platforms manipulate our choices and what will give us back our freedom. – M.: Individuum, 2023. – 352 p.
20. Morland P. And then there were none. Why does the world need children? – M.: Azbuka Business, Azbuka-Attikus, 2024. – 288 p.
21. Orekh, E. A., Sergeeva, O.V. Digital face and digital body: new phenomena in the visual content of social networks // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2015, No. 2, pp. 137–145.
22. Pasquinelli, M. Measure and impose. Social history of artificial intelligence. – Moscow: Individuum, 2024. – 352 p.
23. Petrovskaya, E. Indignation of the sign. Culture versus transcendence. – Moscow: Common Place, 2019. – 288 p.
24. Sims, M. Arthur and Sherlock: Conan Doyle and the creation of Holmes. Moscow: Eksmo, 2018. – 384 p.
25. Frith, K. Brain and soul: How nervous activity shapes our inner world. – M.: Astrel: CORPUS, 2012. – 335 p.
26. Foucault M. To supervise and to punish: The birth of the prison. – M.: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art, 2019. – 416 p.
27. Chernigovskaya T. Schrödinger’s cat’s Cheshire smile: brain, language, and consciousness. – M.: AST, 2022. – 496 p.
28. Shamayu G. Drone theory. – M.: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art, 2020. – 280 p.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен смерти в оценках провинциальной молодежи (анализ представлений о самоубийстве и скулшутингу)

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

В статье рассматриваются вопросы восприятия смерти провинциальной молодежью. На примере социальных представлений молодых людей о самоубийствах и скулшутинге раскрывается контекст восприятия смерти. В результате исследования выделяются молодые люди, состояние в сообществах смерти и те, кто не интересуется данной тематикой. Первые обладают более высоким уровнем депрессии, низкой самооценкой и восхищаются тематикой смерти, депрессивных состояний в медиасреде. Вторые испытывают тревогу в отношении того, что вокруг есть самоубийцы и они могут стать жертвами скулшутинга сами, имеют нормальную или высокую самооценку. Делается вывод о том, что смерть в виде самоубийства или массового убийства в школе выступает социально конструируемым феноменом. Поэтому стоит обратить особое внимание на систему противодействия сообществам смерти в виртуальной среде и профилактике депрессии, суицида и агрессии среди подростков и молодежи.

Ключевые слова: смерть, убийство, массовое убийство, самоубийство, школа, колумбайн, насилие в школе, скулшутинг.

Вооруженное насилие в школе, направленное на одноклассников и учителей получило название скулшутинга, насилие в отношении себя, которое может привести к смерти – суицидальное поведение. Это то, о чем пойдет речь в данной статье. Стоит констатировать, что массовые расстрелы в школах, самоубийства школьников все больше становятся деструктивной темой образовательных учреждений¹.

Изначально эти явления были единичными событиями в странах запада, но благодаря распространению подробностей в массмедиа – стали достоянием общестественности и все больше и больше молодых людей находит смысл в этих действиях и для себя самих. Более того, игровой контент виртуального пространства – в виде квестов и игровых сообществ усиливает эффект героизации и исключительности, что подталкивает стигматизированных молодых людей к не просто рассуждениям о «мести» или «доказательстве чего-то», а реальным действиям, которые могут привести и приводят к смерти.

Несмотря на то, что движение «Колумбайн» признано в России деструктивным и запрещено на территории страны, идеология насилия и устрашение населения, через массовую гибель детей, подростков, учителей приводит к социальной нестабильности. Виртуальное пространство наполнено различными сообществами смерти, где последняя романтизируется и героизируется, что для неокрепшей психики подростков и молодежи, находящей в изоляции от сверстников, в депрессивном состоянии становится точкой формирования новых смыслов.

В данной работе – воспитание смерти становится основным в понимании мотивов и форм реализации деструктивной социальной активности молодых людей. Вопрос о смерти – это вопрос о смысле жизни. При жестких условиях внешней среды (несправедливое отношение учителей, притеснение от одноклассников, сложности в коммуникации или социально-экономическом взаимодействии в семье) порождают вопросы о необходимости понимания того, для чего нужно жить. И если ответ не находится в позитивном гуманистическом контексте, то он находится в деструк-

¹ Совбез РФ: Подростков затягивают в криминал с помощью квестов и игровых чатов [Электронный ресурс] // Российская газета. 10.05.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/05/10/legko-li-bit-molodym.html> (дата обращения: 20.04.2025).

тивных явлениях – актах самоубийства или массовых убийств в школах (скулшутинге).

Большинство из них не рассматривает смерть в религиозном или социально-экономическом аспекте. Влияние виртуализации и игризации общества исказили традиционные формы восприятия смерти как перехода души в новое качество, как способ завершения цикла жизни, как социальное действие, меняющее статусы умершего и членов семьи (т.е. духовные, культурные, социальные, экономические и правовые нормы отходят на второй план, о них молодые люди не думают). Приоритетным становится восприятие смерти как феномена компьютерной игры – после того как умер или тебя убили, ты перезагрузился и пошел играть дальше. Это происходит из-за инфантильности и не готовности смотреть шире. Поэтому, молодые люди находятся в зоне риска воздействия деструктивных внешних идеологически негативно сконструированных объектов, меняющих смыслы и контекст жизни, реализации, самообразования и т.д.

Тревога в отношении смерти выступает наиболее распространенной эмоцией, если же в сознании молодых людей тревога заменяется на эйфорию, радость, азарт и т.д., то это выступает показателем дезадаптации личности человека, разрушения его внутренних ориентиров, соотносимым с ценностями и нормами общества, что может приводить к деструктивным событиям – самоубийству или массовому убийству в школах. Положительное отношение к смерти повышает риски суицидального поведения, а также несформированность мировоззренческой картины мира подростков порождает стремление к смерти (к своей смерти или массовому убийствам – смерти «обидчиков»).

Идеи смерти могут рассматриваться на уровне личности и на уровне общества – в первом случае, это результат личных убеждений (зачастую связан с проблемами психики); во втором случае – это социально программируемое действие, которое находится в интересах различных сообществ или социальных групп (то есть выступает конструируемым процессом). Также присутствуют отличия в оценке смерти себя самого (конечность бытия) и смерти другого (заслуженного / незаслуженного итога жизни). Готовность таким образом оценивать происходящие события является показателем зрелости или не зрелости личности, что соотносится с нормами общества и принятыми типами отношения к смерти, что может отражаться в ритуалах и практиках разного рода. Изменение в отношении к смерти, к принятым нормам и правилам оценки смерти в конкретном обществе может являться фактом диванного поведения, нарушения правил социализации, разрушенной системой ценностей и т.д.

Таким образом, отношение к смерти один из показателей социальных трансформаций об-

щественного развития. Рост числа суицидов и актов массового насилия указывает на социальную нестабильность, чем лучше мы будем осознавать риски, связанные с трансформацией данных процессов, тем легче сможем обеспечить социальную безопасность населению и заниматься системной профилактической работой с подростками, учителями, родителями, психологами и т.д.

В научной литературе появляются различные подходы изучения смерти. В работах автора прослеживается изучение различных аспектов суицида и суицидального поведения, а также скулшутинга [1–15]. В исследовании П.А. Баева говорится о моральных авторитетах, определяющих жизнь современных подростков и молодежи [16–18]. О.А. Полюшкевич рассматривает вопросы морали, игры и насилия, которое трансформирует развитие социальных институтов [26–31]. Е.Г. Протопопова и Е.В. Казенная анализируют психологические аспекты скулшутинга [32], С.Н. Гусев детерминанты совершения актов скулшутинга [21].

В работе Н.В. Вяткиной и коллег говорится о таком российском явлении как скулшутинг [19], его особенностях и формах развития в России (В.В. Плотников и С.Ф. Самойлов) [25]. С.А. Мартыросян и коллеги рассматривают скулшутинг в аспекте цифровизации общества [24].

У.Б. Гриненко анализирует отношение молодежи к смерти, а вместе с ним и техническим показателем таких трансформаций [20]. Ю.А. Клейберг говорит о скулшутинге как психолого-девиантологический аспект поведения [23], Ю.В. Суходольская рассматривает скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен [33], А.Ю. Карпова и Д.В. Чайковский изучают «Пост-Колумбайн эффект»: стохастический терриоризм [22].

Таким образом, смерть как аспект реализации нарушения социальных норм присутствует в научной литературе, но требует более детального изучения.

Особенности исследования

В данном исследовании мы стремились выявить отношение к смерти, так как по нашему мнению, именно оно определяет готовность активизации суицидального поведения и готовность проявлять массовое насилие в отношении других.

В онлайн исследовании приняло участие 1200 человек, в возрасте от 16 до 25 лет, 55% девушек и 45% юношей, проживающих в разных регионах Российской Федерации.

Всех участников мы разделили на две группы: те, кто состоит в сообществах смерти, транслирующих тематику смерти через медийные образы (песни, фильмы, сериалы) и тех, кто данной темой не интересуется и не состоит в данных сообществах (50 x 50%).

Результаты исследования обрабатывались в программе SPSS. Погрешность выборки 2,4. При анализе данных использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни, а также корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена.

Анализ результатов исследования

В результате исследования, мы выяснили, что та группа молодых людей, что интересуется тематикой смерти в широком контексте (состоит в сообществах смерти, слушает депрессивную музыку, любит фильмы о смерти, о самоубийствах, о массовых убийствах в школах) более положительно относится к смерти (смерть как спасение ($U = 59,2$; $p < 0,001$); приближение к смерти ($U = 65,3$; $p < 0,001$). Иными словами, в данной группе присутствует суицидальный риск. Положительное отношение к смерти трактуется как избавление от страданий, трудностей и проблем.

Более того, среди этих молодых людей более выражены черты депрессивности (54%). По данным зарубежных и отечественных исследователей, те, кто совершали суицид или участвовали в актах массового насилия имели депрессивные расстройства. Данный факт не может не вызывать беспокойство, так как не решенные депрессивные состояния могут стать фатальными как для самих молодых людей, так и для их окружения.

Те молодые люди, что не интересуются смертью как социальным, духовным или каким-то еще явлением более негативно и отстраненно ее воспринимают (страх смерти $U = 67,8$; $p < 0,001$), избегание смерти $U = 47,9$; $p < 0,001$). Среди этой группы молодых людей более выражены черты тревожности из-за возможных угроз со стороны других, свершённых деструктивных действий и т.д. (49%).

Среди девушек в два раза больше тех, кто боится смерти, для юношей страх смерти более рационален и опирается на когнитивные смыслы (иногда искаженные). Иными словами, девушки чаще эмоционально оценивают смерть в формате «самоубийства» и «массового насилия» как *жалость, печаль, сожаление*; тогда как юноши эти же действия воспринимают как *выбор, важное действие, долг*. Причем и те, и другие воспринимают смерть в рассматриваемых ключах отделено от собственной личности, то, что их напрямую не касается, может случиться с кем-то другим. Девушки боятся боли и мучительной смерти, а юноши – неожиданной смерти.

Те молодые люди, кто состоит в сообществах смерти или интересуется фильмами и музыкой про смерть, говорят о ней как об *обретении смысла, возрождении, новой жизни* и т.д. (иными словами, происходит мистификация данной категории, которая дополняется игровыми эффектами – всегда можно возродиться в новой жизни). Этот факт, может стать основой для реального вовле-

чения их в деструктивные сообщества, направленные на реализацию идей смерти в разных видах и формах. Такое отношение говорит о нарушении существующих в обществе социальных норм и готовности противопоставлять себя обществу – быть негативным героем. Те, кто не интересуется тематикой смерти в социальных сетях, не любит депрессивную музыку о смерти и такие же фильмы, говорят о ней как об *утрате или потере, необходимости ценить жизнь*. Смерть для них нежелательное событие, которое меняет навсегда социальное взаимодействие живых (табл. 1).

Таблица 1. Семантический анализ отношения к смерти (в %)

Семантические категории анализа	Те, кто состоит в сообществах смерти	Те, кто не интересуется тематикой смерти
Жизнь	Беда (47,5) Печаль (45,8) Скука (44,9) Проблемы (43,7)	Активность (52,3) Эмоции (50,9) Страсть (49,6) Радость (47,8)
Смерть	Избавление (66,5) Легкость (68,9) Свобода (67,7) Счастье (64,3)	Печаль (55,4) Тоска (58,9) Боль (56,6) Утрата (54,3)
Убийство другого / других	Справедливость (62,5) Мсть (61,9) Правда (58,7) Воздаяние (56,6)	Глупость (58,4) Агрессия (56,2) Боль (53,9) Тревога (51,2)
Самоубийство	Герой (64,9) Внимание (62,2) Сила (57,5) Храбрость (55,2)	Слабость (54,8) Бегство (52,2) Трусость (50,5) Ложь себе (47,9)

Дисперсионный анализ для тех, кто состоит в сообществах смерти, показал значимость транслируемых смыслов с личным восприятием (заниженной самооценкой и депрессивностью). А для тех, кто не интересуется тематикой смерти, данный анализ выявил отсутствие значимых взаимосвязей.

Для тех, кто состоит в сообществах смерти, в целом характерна заниженная самооценка (67%), средний уровень (23%), высокий уровень (10%). Те, кто не интересуется тематикой смерти уровень самооценки значительно выше: высокая самооценка – 32%, средний уровень – 58%, заниженная – 10%. Низкой самооценкой и пользуются те, кто организует, различные сообщества смерти и формирует среду, где подростки и молодые люди могут чувствовать себя защищенно. Более того, желание сохранить некую кулуарность, избранность приводит к тому, что они активно выполняют условия или игровые правила членства, при этом, не обсуждая это ни с кем из реальной среды своего социального взаимодействия. Более высокая самооценка у тех, кто не интересуется смертью, приводит к тому, что у них формируются другие

личные интересы, сконцентрированные вокруг жизни, а не смерти.

Причиной интереса к смерти (у тех, кто состоит в сообществах смерти) стали проблемы с окружением (друзья, одноклассники) – 32%, сложности во взаимодействии со старшими родственниками – 20%, неразделенные чувства (любовь, преданность) – 12%, экономические трудности – 10%, чувство одиночества, покинутости, депрессии – 26%. Те, кто не интересуется смертью – свои жизненные трудности любого рода преодолевают через взаимодействие и поддержку родных и друзей, учителей и одноклассников, они не чувствуют себя одинокими и покинутыми и тревога и озабоченность выступают лишь временными характеристиками, а не постоянными состояниями.

Итак, подростки и молодые люди находятся в зоне риска, когда увлекаются тематикой смерти. Она может стать для них роковой, так как в различных сообществах смерти в виртуальном пространстве, участников с депрессией и низкой самооценкой, являющихся изгоями среди сверстников в школе и не имеющих поддержки родителей дома становятся мишенью, для управления поведением, которое приводит к самоубийству или массовому убийству в школе.

Выводы

Таким образом, смерть – это показатель социальных перекосов общественного развития. Это социально конструируемый образ, который притягивает к себе внимание тех, кто находится в депрессивных состояниях, граничащих со стигматизацией в социальной среде. Самоубийство как форма смерти – это сила для тех, кто входит в сообщества смерти и слабость для тех, кто не интересуется темой смерти совсем.

Проведенное исследование показало отношение молодежи к смерти, восприятие самоубийства и массовых убийств в школах среди тех, кто увлекается тематикой смерти и тех, кто ей не интересуется. Данный фокус внимания подтвердил наличие взаимосвязей и необходимость мониторинга и дальнейшего изучения данного вопроса.

Более того, необходима целенаправленная профилактическая работа с группой молодежи находящейся в зоне риска – в сообществах смерти в виртуальном пространстве. Тут необходима помощь и поддержка учителей, психологов, родителей, одноклассников, а также мониторинг и цензура публикаций о смерти, призывах к насилию и агрессии в отношении себя и других людей.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 58–68.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицидального поведения молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 39–46.
3. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
4. Ардашев Р.Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 77–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85
5. Ардашев Р.Г. Буллинг в образовательных учреждениях // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 280–286.
6. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
7. Ардашев Р.Г. Криминальный суицид в школах: социальное измерение // Социология. 2022. № 5. С. 23–30.
8. Ардашев Р.Г. Массовые убийства в школах: контент-анализ публикаций // Социология. 2025. № 2. С. 6–11.
9. Ардашев Р.Г. Массовые убийства в школах: оценка ментального здоровья // Социология. 2024. № 12. С. 27–31.
10. Ардашев Р.Г. Ментальное здоровье молодежи: депрессия и суицид в общественном сознании // Социология. 2024. № 10. С. 21–25.
11. Ардашев Р.Г. Обыденность насилия в образовательных учреждениях // Социология. 2024. № 5. С. 22–30.
12. Ардашев Р.Г. Проблемы буллинга и кибербуллинга в образовательных учреждениях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12.
13. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
14. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение в молодежной среде: иррациональность восприятия // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 7. С. 41–45.
15. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение учащейся молодежи: современная аддикция // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 12.
16. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.
17. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные

- и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
18. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
 19. Вяткина Н.В., Щукина Р.И., Федотова П., Гаджиева М.Т. Скулшутинг в России: взгляд на проблему исследователей и обывателей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 120–130.
 20. Гриненко У.Б. Отношение представителей молодежи к смерти и феномену скулшутинга [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 150–163. DOI:10.17759/psylaw.2023130411
 21. Гусев С.Н. Детерминанты совершения актов скулшутинга // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 15–20. DOI: 10.25724/VAMVD.A013
 22. Карпова А.Ю., Чайковский Д.В. «Пост-Колумбайн эффект»: стохастический терроризм // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 2(22). С. 45–53
 23. Клейберг Ю.А. Шуттинг как психолого-девиантологический феномен // Вестник экспериментального образования. 2020. № 1 (22). С. 42–49.
 24. Мартиросян С.А., Овруцкая Г.К., Безвербая Н.А. Скулшутинг в эпоху цифровизации // Caucasian Science Bridge. 2021. № 4 (14). С. 121–122.
 25. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 161–168.
 26. Полюшкевич О.А. Мораль и игра в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. № 13. С. 41–48.
 27. Полюшкевич О.А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 50–58.
 28. Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гоффмана // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск: Иркутск. гос. мед. ун-т, 2019. С. 24–29.
 29. Полюшкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 159–164.
 30. Полюшкевич О.А. Современное прочтение Ирвина Гоффмана // В поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2019. С. 61–67.
 31. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Журавлева И.А., Завьялов А.В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа Интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42–49.
 32. Протопопова Е.Г., Казенная Е.В. Нападения на учебные заведения: феномен «скулшутинг» (скулшутинг) и психологические аспекты безопасности образовательной среды // Образование личности. 2019. № 1. С. 12–19.
 33. Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 117–120.

THE PHENOMENON OF DEATH IN THE ASSESSMENTS OF PROVINCIAL YOUTH (ANALYSIS OF IDEAS ABOUT SUICIDE AND SCHOOL SHOOTING)

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article examines the issues of death perception by provincial youth. Using the example of social ideas of young people about suicide and school shooting, the context of death perception is revealed. As a result of the study, young people are distinguished, the state in death communities and those who are not interested in this topic. The former have a higher level of depression, low self-esteem and admire the topic of death, depressive states in the media environment. The latter are anxious about the fact that there are suicides around and they can become victims of school shooting themselves, have normal or high self-esteem. It is concluded that death in the form of suicide or mass murder at school is a socially constructed phenomenon. Therefore, it is worth paying special attention to the system of counteracting death communities in the virtual environment and the prevention of depression, suicide and aggression among adolescents and young people.

Keywords: death, murder, mass murder, suicide, school, columbine, school violence, school shooting.

References

1. Ardashev R.G. Irrational Foundations of Suicide // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, № 2. Pp. 58–68.
2. Ardashev R.G. Irrational Foundations of Suicidal Behavior in Young People // Sociology. 2022. № 3. Pp. 39–46.
3. Ardashev R.G. Cybersuicide and Cyberbullying in Modern Society // Sociology. 2022. № 6. Pp. 32–38.
4. Ardashev R.G. Philosophy of Suicide in Virtual Space // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, № 2. Pp. 77–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85
5. Ardashev R.G. Bullying in educational institutions // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 280–286.
6. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // Sociology. 2022. № 6. Pp. 32–38.

7. Ardashev R.G. Criminal suicide in schools: social dimension // *Sociology*. 2022. № 5. Pp. 23–30.
8. Ardashev R.G. Mass murders in schools: content analysis of publications // *Sociology*. 2025. № 2. P. 6–11.
9. Ardashev R.G. Mass murders in schools: assessment of mental health // *Sociology*. 2024. № 12. P. 27–31.
10. Ardashev R.G. Mental health of young people: depression and suicide in public consciousness // *Sociology*. 2024. № 10. P. 21–25.
11. Ardashev R.G. Everyday life of violence in educational institutions // *Sociology*. 2024. № 5. P. 22–30.
12. Ardashev R.G. Problems of bullying and cyberbullying in educational institutions // *Eurasian Law Journal*. 2024. № 12.
13. Ardashev R.G. Social Security in the Minds of Siberians // *Sociology*. 2024. № 7. P. 59–64.
14. Ardashev R.G. Suicidal Behavior Among the Young People: Irrationality of Perception // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2022. № 7. P. 41–45.
15. Ardashev R.G. Suicidal Behavior of Student Youth: Modern Addiction // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2024. № 12.
16. Baev P.A. What Russian Youth is Proud of and What is It Ashamed of // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2024. P. 129–132.
17. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference*. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
18. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference*. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
19. Vyatkina N.V., Shchukina R.I., Fedotova P., Gadzhieva M.T. Schoolshooting in Russia: a look at the problem from researchers and ordinary people // *Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences*. 2023. № 1. P. 120–130.
20. Grinenko U.B. The attitude of young people to death and the phenomenon of schoolshooting [Electronic resource]. *Psychology and Law*. 2023. Vol. 13. № 4. P. 150–163. DOI: 10.17759/psylaw.2023130411
21. Gusev S.N. Determinants of the commission of acts of schoolshooting // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. № 3 (62). P. 15–20. DOI: 10.25724/VAMVD.A013
22. Karpova A.Yu., Tchaikovsky D.V. “Post-Columbine Effect”: Stochastic Terrorism // *Bulletin of the National Anti-Terrorism Committee*. 2019. № 2(22). P. 45–53
23. Kleiberg Yu.A. Shooting as a Psychological-Deviantological Phenomenon // *Bulletin of Experimental Education*. 2020. № 1 (22). P. 42–49.
24. Martirosyan S.A., Ovrutskaya G.K., Bezverbnaya N.A. School-shooting in the Era of Digitalization // *Caucasian Science Bridge*. 2021. № 4 (14). P. 121–122.
25. Plotnikov V.V., Samoilov S.F. The problem of school shooting (Columbine) in Russian science // *Society and Law*. 2021. № 2 (76). P. 161–168.
26. Polyushkevich O.A. Morality and play in modern society // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2022. № 13. P. 41–48.
27. Polyushkevich O.A. Modern reading of the sociology of morality // *Humanitarian vector*. 2021. Vol. 16, № 5. P. 50–58.
28. Polyushkevich O.A. Stigmatization: analysis within the framework of I. Hoffmann’s concept // *Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers*. Irkutsk: Irkutsk. state. med. un-t, 2019. pp. 24–29.
29. Polyushkevich O.A. Norms of solidarity after mass violence // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2019. № 10. pp. 159–164.
30. Polyushkevich O.A. Modern reading of Erving Goffman // *In search of social truth. Proceedings of the I International scientific and practical conference*. General editors: V.A. Reshetnikov, O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2019. pp. 61–67.
31. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V., Zhuravleva I.A., Zavyalov A.V. The Impact of the Terrorist Attack of October 17, 2018 in Kerch on the Mental Ecology of Russian Society Based on a Mass Survey of the Population of the Irkutsk Region and Content Analysis of Internet Resources and the Media // *Human Ecology*. 2021. № 8. Pp. 42–49.
32. Protopopova E.G., Kazennaya E.V. Attacks on Educational Institutions: The Phenomenon of “School Shooting” (School Shooting) and Psychological Aspects of the Safety of the Educational Environment // *Education of the Personality*. 2019. № 1. Pp. 12–19.
33. Sukhodolskaya Yu.V. School Shooting as an Independent Criminological Phenomenon // *Bulletin of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation*. 2020. № 3 (77). Pp. 117–120.

Реализация государственной инвестиционной политики в Иркутской области в сфере строительства: качественный анализ

Заварзина Юлия Владимировна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье рассматриваются основы реализации государственной инвестиционной политики. На основе статистических данных, контент-анализа и символического анализа частотных категорий официальных документов об инвестиционной деятельности в сфере строительства делается вывод о перспективах государственного управления на территории Иркутской области. Также рассматриваются социальные последствия данных трансформаций.

Ключевые слова: государственная политика, инвестиционная политика, строительство, качественный анализ, социальное моделирование.

Обеспечение развития инвестиционной деятельности и повышение активности в этой сфере является важным направлением государственного управления, особенно, на региональном уровне с учетом особенностей отдельной территории. Одной из таких территорий является Иркутская область, в которой инвестиции в строительную отрасль являются важным фактором социально-экономического развития.

Актуальность темы работы заключается в необходимости совершенствования государственного управления и стимулирования инвестиционной активности в сфере строительства на территории Иркутской области за счет использования большого объема различных инструментов для создания благоприятных условий вложения капитала в регионе в современных условиях нестабильности и неопределенности. Регион характеризуется отличительными конкурентными преимуществами, развитой транспортной инфраструктурой, обеспечивающей доступ к международному рынку, наличием площадок для размещения производств и др.

Государственная политика территориального инвестирования строится через основы социальной безопасности (Р.Г. Ардашев и А.Н. Адилев [4, 5]; О.А. Полюшкевич [22–24]), развитие национальных интересов России и креативной экономики и экономических притязаний населения (П.А. Баев [6–8], В.А. Скуденков [25, 26]), специфику территориального развития (Ю.В. Заварзина [9–14]), учет ментальных особенностей и установок в экономическом аспекте (Е.В. Палащенко [15–20]). Эти авторы характеризуют основные направления государственной политики в сфере инвестиций в строительство, меры их поддержки и повышения инвестиционной привлекательности региона и др. Тем не менее, регулярные изменения внешней среды и особенности реализации инвестиционной политики на отдельной территории предполагают необходимость учета специфических условий привлечения инвестиций и использования наиболее актуальных инструментов их стимулирования.

Обеспечение повышения инвестиционной привлекательности региона является одной из основополагающих задач государственной политики, для реализации которой используются различные меры.

Иркутская область является одним из экономических центров Сибирского федерального округа

России с численностью населения более 2,3 млн чел по состоянию на 01.01.2025. В регионе располагаются производства в сфере добывающей, химической, энергетической, металлургической, лесной промышленности и др. [32].

В качестве основных преимуществ региона с точки зрения инвестиционной привлекательности в сфере строительства выступают: невысокая стоимость энергетических ресурсов за счет наличия каскада гидроэлектростанций, обеспечивающих возможности для экспорта электроэнергии, достаточно приемлемый промышленный транспортно-логистический потенциал, крупные запасы полезных ископаемых, включая наличие различных ресурсов, а также научно-образовательный комплекс из сети учреждений по подготовки квалифицированных кадров в различных отраслях.

Несмотря на наличие таких преимуществ и реализацию различных мер государственной поддержки инвестиционной деятельности в сфере строительства, в Иркутской области уровень инвестиционной привлекательности остается низким. Исходя из рейтинга агентства «Эксперт РА» по итогам 2023 г., указанный регион вошел в 15 субъектов РФ в категории «С» – с низким уровнем инвестиционной привлекательности [30]. Это вызвано низкими оценками таких параметров, как развитие инфраструктуры, экономики, финансо-

вое состояние организаций, а также уровень жизни населения по сравнению со значениями этих индикаторов в других регионах страны.

По данным Национального инвестиционного рейтинга, который проводит Агентство стратегических инициатив РФ, по итогам 2024 г. Иркутская область заняла 28-е место по сравнению с другими регионами (247,42 балла), а в 2023 г. – 23-е место (249,46 балла) и в 2022 г. – 22-е место (245,71 балла) [29]. Такие данные указывают на ухудшение инвестиционной активности в регионе по сравнению с темпами ее повышения в других субъектах РФ. Кроме того, в области инвестиций для Иркутской области за 2019–2023 гг. характерны низкие темпы прироста объема инвестиционных вложений, замедление темпов жилищного строительства, несмотря на действующие программы государственной поддержки, низкий индекс физического объема выполненных строительно-монтажных работ, особенно, по сравнению с другими регионами. Таким образом, в качестве проблемы исследования определен низкий уровень инвестиционной привлекательности Иркутской области.

По данным Министерства экономического развития и промышленности Иркутской области, а также рейтингов аналитических агентств, можно составить таблицу социального развития инвестиционной политики (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели инвестиций в сфере строительства в Иркутской области

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Янв.-сент. 2024 г.	Темп прироста за 2019–2023 гг., %
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	367	390	516	846	910	603	148,2
- доля в объеме по РФ, %	1,90	1,91	2,22	2,98	2,67	2,51	40,9
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	153	163	218	359	389	259	154,8
- отклонение от показателя по РФ, %	16,95	18,26	37,88	85,53	67,37	55,02	297,4
Динамика инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах к предыдущему году, %	107,4	102,3	118,4	139,9	97,6	101,6	–9,1
- отклонение от показателя по РФ, п.п.	5,31	2,40	9,80	33,20	–12,20	–7,00	–329,7
Инвестиции в строительстве, млрд руб. всего, в т.ч.:	203	208	300	531	528	388	160,4
- в жилую недвижимость	21,9	25,9	23,9	18,5	17,6	6,0	–19,9
- в здания (кроме жилых) и сооружения	180,8	182,5	276,1	512,2	510,2	382,4	182,2
Объем выполненных строительно-монтажных работ, млрд руб.	158	164	281	398	391	195	146,9
- доля в объеме по РФ, %	1,73	1,70	2,54	3,03	2,56	1,76	47,9
Индекс физического объема выполненных строительно-монтажных работ, %	128,9	104,4	151,1	120,6	89,8	72,7	–30,3
- отклонение от показателя по РФ, п.п.	26,8	2,3	44,1	13,1	–19,2	–28,8	–171,6
Ввод в действие зданий по площади, тыс. кв. м	1 667	1 725	1 496	1 688	1 987	1 806	19,2
- жилые	1 433	1 354	1 342	1 409	1 690	1 338	17,9
- нежилые	234	371	154	279	297	467	27,0

тов общей стоимостью 3,5 трлн руб., в т.ч. 145 ед. предусматривают осуществление строительно-монтажных работ. Их реализация, по оценке региональных органов власти, позволит создать свыше 40 тыс. ед. новых рабочих мест [27].

Несмотря на реализацию различных мер поддержки инвестиций в сфере строительства в Иркутской области, следует отметить определенные тенденции (см. табл. 1). В частности, объем инвестиций в основной капитал в регионе за 2019–2023 гг. вырос с 367 млрд руб. до 910 млрд руб. или на 148,2%. Его доля в общем объеме по РФ показала увеличение с 1,9 до 2,67% за данный период, составляя, при этом, существенно низкое значение. Вместе с этим, по итогам 2023 г. объем инвестиций в сопоставимых ценах к предыдущему году составил 97,6% или сократился на 2,4%. Поэтому его рост во многом был вызван влиянием повышения цен на фоне высокой инфляции в регионе. Кроме того, в 2023 г. прирост указанного объема в Иркутской области составил на 12,2 п.п. меньше, чем по России, а за январь–сентябрь 2024 г. – на 7 п.п.

Объем инвестиций в сфере строительства за 2019–2023 гг. вырос всего на 160,4% или с 203 млрд руб. до 528 млрд руб., при этом в жилую недвижимость он сократился на 19,9%. Негативные тенденции следует отметить по объему выполненных строительно-монтажных работ, который вырос на 146,9% за данный период, а его доля по аналогичному показателю в стране принимала

низкое значение – 1,73% в 2019 г. и 1,76% за январь–сентябрь 2024 г. Кроме того, индекс физического объема выполненных строительно-монтажных работ в регионе составил в 2023 г. 89,8% (на 19,2 п.п. меньше, чем по России), а по итогам января–сентября 2024 г. – 72,7% (на 28,8 п.п. меньше, чем по стране). Это говорит о существенном замедлении физических объемов строительства, а следовательно, ухудшении инвестиционной активности в этой сфере в регионе. Кроме того, следует отметить высокий уровень износа отдельных строительных машин в организациях строительства в регионе – 35,7% в 2022 г. и 43,8% в 2023 г.

Объем введенных в действие зданий в регионе увеличился всего с 1667 тыс. кв. м в 2019 г. до 1987 тыс. кв. м в 2023 г. или на 19,2%, а по итогам января–сентября 2024 г. составил 1806 тыс. кв.м. При этом его доля по стране была существенно низкой: по 1,14% в 2019 г. и 2023 г. Несмотря на то, что площадь введенных зданий на душу населения Иркутской области увеличилась за 2019–2023 гг. на 22,3%, она составляла меньше, чем по России в целом, в 2019 г. на 30,27%, а в 2023 г. – на 28,8%.

Более того, мы провели контент-анализ публикаций об инвестиционной политике (n = 3588) за 2019–2024 гг., в сфере строительства и смогли выделить следующие показатели (табл. 2). Источниками анализа выступали официальные страницы органов власти разного уровня, затрагивающие рассматриваемую сферу.

Таблица 2. Контент-анализ публикаций об инвестиционной политике в сфере строительства (в %)

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Гибкость / гибкий подход в строительстве	14,3	11,5	11,5	12,2	13,1	12,2
Имущественные меры поддержки в сфере инвестиций	13,6	13,4	11,2	12,1	11,2	10,6
Уровень жизни населения	15,4	12,2	10,1	10,8	8,8	8,6
Качество жизни	12,1	11,6	10,1	8,9	8,1	8,1
Инвестиции в строительство	11,4	8,1	11,3	8,4	7,6	7,6
Государственное стимулирование строительства	10,9	8,4	14,7	17,3	10,9	17,3
Инвестиционная политика	8,6	17,5	15,6	17,2	19,1	16,7
Строительство в регионе	13,7	17,3	14,5	22,1	21,2	18,9

Представленные в таблице 2 данные указывают на зависимость в информационной среде органов власти тематики инвестиционной активности от разнообразных факторов. В настоящее время действующий механизм реализации инвестиционной политики в Иркутской области в сфере строительства ориентирован преимущественно на оказание мер поддержки бизнеса и социально значимых строительных проектов с доминированием традиционных имущественных, информационных и консультационных мер. При этом для такого механизма характерны следующие ключевые недостатки с учетом результатов его реализации:

- отсутствие гибкого подхода с учетом изменений внешнего окружения и условий функционирования субъектов строительного рынка и инвестиционной деятельности, меры поддержки определяются заранее не ряд лет вперед и практически не меняются;
- преобладание имущественных мер поддержки, не в полной мере доступных для большого числа субъектов инвестиционной деятельности в сфере строительства, отсутствие в отдельных случаях адресного характера поддержки;
- для повышения инвестиционной привлекательности в регионе должны быть созданы благо-

приятные экономические условия капиталовложений в сфере строительства, а, следовательно, приниматься меры по улучшению уровня жизни населения (среднедушевые денежные доходы населения Иркутской области составляли в 2019 г. на 25,4% меньше, чем по стране в целом, в 2023 г. – на 20,7%, а за январь-сентябрь 2024 г. – на 21,5%, т.е. уровень жизни населения систематически в течение длительного периода времени не меняется при высоких темпах инфляции);

- низкий вклад региона в общие объемы инвестиций в основной капитал и выполненные строительно-монтажные работы за 2019–2023 гг., а также их снижение по сравнению с общероссийскими тенденциями, особенно, относительно экономически развивающихся субъектов РФ (г. Москва, Республика Татарстан, Приморский край, Ямало-Ненецкий автономный округ и др.);
- отсутствие взаимосвязи мер государственного стимулирования инвестиционной деятельности в сфере строительства с основными отраслевыми проблемами (высокая стоимость строительных материалов, недостаток квалифицированных рабочих, недостаток заказов на работы и др.).

Таким образом, для повышения эффективности инвестиционной политики в Иркутской области в сфере строительства и улучшения привлекательности региона для инвестиций механизм реализации этой политики должен включать в себя совокупность взаимосвязанных и гибких мер и инструментов контроля, стимулирования и поддержки для достижения целей социально-экономического развития региона.

Проведенное исследование позволило установить необходимость совершенствования государственной инвестиционной политики Иркутской области в сфере строительства за счет улучшения механизма ее реализации, который должен включать в себя следующие элементы:

- ежегодная диагностика строительного рынка (в разрезе жилой и нежилой недвижимости) и инвестиционной активности его субъектов во взаимосвязи с тенденциями социально-экономического развития региона с использованием анализа статистических данных, опросов представителей крупных региональных строительных компаний (Новый город, ПаралетСтрой, Альфа, ДомСтрой, ГРАНДСТРОЙ, ВостСибСтрой, Восток Центр Иркутск и др.), проведения круглых столов с участием органов государственной власти и др.;
- выявление проблем, сдерживающих инвестиционную активность строительных организаций, свойственных для субъектов в Иркутской области, а также проблем повышения уровня жизни населения;

- разработка решений выявленных проблем за счет выработки конкретных мер государственного регулирования и поддержки инвестиционной активности строительных организаций Иркутской области и повышения уровня жизни населения, например, в случае наличия проблемы административных барьеров – регламентация их устранения и упрощение процедур;
- определение круга субъектов инвестиционной деятельности, которые действительно нуждаются в мерах государственной поддержки для обеспечения их адресности;
- обсуждение, обоснование целесообразности и определение мероприятий реализации разработанных направлений решения выявленных проблем, включая нормативно-правовое и методическое сопровождение, сроков и ответственных лиц;
- реализация мер государственного регулирования и поддержки инвестиционной активности строительных организаций Иркутской области, контроль их проведения в соответствии с запланированными сроками;
- ежегодная оценка эффективности реализованных мер стимулирования инвестиционной активности строительных организаций Иркутской области и уровня жизни населения.

Такой механизм реализации государственной инвестиционной политики в сфере строительства позволит улучшить принимаемые меры не только поддержки отрасли, но и создания условий для платежеспособного спроса на инвестиции.

Выводы

В Иркутской области реализуется государственная инвестиционная политика в сфере строительства в соответствии с региональной стратегией социально-экономического развития на долгосрочный период. Стратегическим приоритетом в этой области является повышение эффективности действующих и создание новых мер поддержки субъектов инвестиционной деятельности. При этом ориентация исключительно на оказание различных мер поддержки предполагает недостаточно полноценную разработку мер по повышению инвестиционной привлекательности региона за счет создания благоприятных условий для вложения капитала в отрасль строительства.

Официальные статистические данные свидетельствуют о росте объема инвестиций в сфере строительства, основная величина из которых приходится на объекты коммерческой недвижимости. При этом их рост произошел исключительно за счет ценового фактора, поскольку физический объем строительных работ в 2023 г. и по итогам января-сентября 2024 г. продемонстрировал снижение, особенно, по сравнению с общероссийски-

ми тенденциями. Вклад региона в общий объем инвестиций в стране и выполненные строительно-монтажные работы сократился за 2019–2023 гг., т.е. темпы их повышения составили в Иркутской области меньше, чем по РФ в целом.

Рейтинг Иркутской области по инвестиционной активности является негативным. В Национальном инвестиционном рейтинге, проведенном Агентством стратегических инициатив РФ, региона занял в 2024 г. 28-е место при том, что годом ранее ему было присвоено 23-е место. По оценке агентства «Эксперт РА», Иркутская область входит в регионы с низкой инвестиционной привлекательностью (категория рейтинга «С»).

Для повышения эффективности инвестиционной политики в Иркутской области в сфере строительства и улучшения привлекательности региона для инвестиций механизм реализации этой политики должен включать в себя совокупность взаимосвязанных и гибких мер и инструментов контроля, стимулирования и поддержки для достижения целей социально-экономического развития региона.

Нами предлагается механизм реализации государственной инвестиционной политики Иркутской области в сфере строительства, включающий в себя ежегодную диагностику строительного рынка и инвестиционной активности его субъектов во взаимосвязи с тенденциями социально-экономического развития региона, выявление проблем, определение способов их решения и мероприятий по реализации с последующим контролем и оценкой эффективности с точки зрения поставленных стратегических целей, задач и приоритетов.

Литература

1. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [Электронный ресурс] // Сайт: Консультант-Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения: 20.02.2025).
2. Закон Иркутской области от 10.01.2022 № 15-ОЗ (ред. от 07.11.2024) «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года» [Электронный ресурс] // Сайт: Кодекс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/578051226> (дата обращения: 20.02.2025).
3. Постановление Правительства Иркутской области от 13.11.2023 № 1005-пп (ред. от 30.01.2025) «Об утверждении государственной программы Иркутской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» и признании утратившими силу отдельных по-
- становлений Правительства Иркутской области» // Сайт: Кодекс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/406942090?marker=64U0IK> (дата обращения: 18.02.2025).
4. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 21–27.
5. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
6. Баев П.А. Национальные интересы креативного развития регионов России // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Ю. Фальковской. Иркутск, 2023. С. 30–34.
7. Баев П.А. Трудовые ориентиры молодежи в условиях неопределенности // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Донецк, 2024. С. 226–232.
8. Баев П.А. Экономические притязания молодежи в условиях отсутствия социального благополучия // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 188–191.
9. Заварзина Ю.В. Особенности территориального развития Иркутской области // Перспективы изучения социальной реальности. Сборник научных статей. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, О.А. Эдельштейн, Г.В. Логуновой. Иркутск, 2021. С. 103–110.
10. Заварзина Ю.В. Оценка инвестиционной политики государства: качественный анализ // Социология. 2025. № 2. С. 12–19.
11. Заварзина Ю.В. Перспективы развития региона: бизнес-инновации // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 927–933.
12. Заварзина Ю.В. Проблемы реализации инвестиционной политики в Иркутской области // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-

- практической конференции. Иркутск, 2024. С. 548–555.
13. Заварзина Ю.В. Социальное измерение региональной инвестиционной политики // Социология. 2024. № 6. С. 28–35.
 14. Заварзина Ю.В. Территориальное развитие: основные направления инвестиционной привлекательности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 446–453.
 15. Палащенко Е.В. Ментальные установки как причина неуплаты налогов // Социология. 2023. № 6. С. 35–41.
 16. Палащенко Е.В. Налоговый комплайенс в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 189–191.
 17. Палащенко Е.В. Несоблюдение налогового контроля в социальном измерении // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2023. С. 468–472.
 18. Палащенко Е.В. Почему россияне не хотят платить налоги: оценка студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 332–335.
 19. Палащенко Е.В. Социальная нестабильность власти: несоблюдение налогового контроля // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. Иркутск, 2023. С. 187–189.
 20. Палащенко Е.В. Экспертная оценка налогового комплаенса в России // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 256–259.
 21. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в развитии человеческого потенциала региона // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 391–393.
 22. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
 23. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 343–345.
 24. Полюшкевич О.А. Экспертная оценка социальных индикаторов сплоченности // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 226–229.
 25. Скуденков В.А. Креативная экономика в развитии региональных проектов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономических, социальном и культурном пространствах региона. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 308–312.
 26. Скуденков В.А. Экономические притязания: инструменты предъявления в цифровом мире // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 163–165.
 27. Инвестиционная карта РФ [Электронный ресурс]: Министерство экономического развития РФ: сайт. – URL: <https://invest.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2025).
 28. Инвестиционная привлекательность регионов: новые вызовы и возможности для инвесторов [Электронный ресурс]: Рейтинговое агентство «Эксперт РА»: сайт. – URL: <https://raexpert.ru/#part9> (дата обращения: 17.02.2025).
 29. Инвестиционный портал Иркутской области [Электронный ресурс]: Инвестиционный портал Иркутской области: сайт. – URL: <https://invest.irkobl.ru> (дата обращения: 20.02.2025).
 30. Национальный инвестиционный рейтинг [Электронный ресурс]: Агентство стратегических инициатив РФ: сайт. – URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 13.02.2025).
 31. Отчеты о деятельности Министерства экономического развития и промышленности Иркутской области [Электронный ресурс]: Официальный портал Иркутской области: сайт. – URL: <https://irkobl.ru/sites/economy/about/work-status/work-report.php> (дата обращения: 15.02.2025).
 32. Официальная статистика [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области: сайт. – URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/173730> (дата обращения: 12.02.2025).

33. Официальная статистика [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики РФ: сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 10.02.2025).

IMPLEMENTATION OF STATE INVESTMENT POLICY IN THE IRKUTSK REGION IN THE FIELD OF CONSTRUCTION: QUALITATIVE ANALYSIS

Zavarzina Yu.V.

Irkutsk State University

The article examines the basics of implementing state investment policy. The object of qualitative research based on statistical data, content analysis and symbolic analysis of frequency categories of official documents on investment activities in the field of construction is a conclusion about the prospects of public administration in the Irkutsk region. The social consequences of these transformations are also considered.

Keywords: state policy, investment policy, construction, qualitative analysis, social modeling.

References

1. Federal Law of 25.02.1999 No. 39-FZ (as amended on 25.12.2023) "On Investment Activities in the Russian Federation Carried Out in the Form of Capital Investments" [Electronic resource] // Website: ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (date of access: 20.02.2025).
2. Law of the Irkutsk Region of 10.01.2022 No. 15-OZ (as amended on 07.11.2024) "On Approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Irkutsk Region for the Period up to 2036" [Electronic resource] // Website: Codex. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/578051226> (date of access: 20.02.2025).
3. Resolution of the Government of the Irkutsk Region of 13.11.2023 No. 1005-pp (as amended on 30.01.2025) "On approval of the state program of the Irkutsk Region "Economic Development and Innovative Economy" and recognition of certain resolutions of the Government of the Irkutsk Region as invalid" // Website: Codex. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/406942090?marker=64U0IK> (date of access: 18.02.2025).
4. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security in the modern world // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 21–27.
5. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security and social threats in the views of young people // Sociology. 2025. No. 1. Pp. 26–30.
6. Baev P.A. National interests of creative development of Russian regions // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Proceedings of the V International scientific and practical conference. Under the general editorship of T. Yu. Falkovskaya. Irkutsk, 2023. Pp. 30–34.
7. Baev P.A. Labor guidelines of young people in conditions of uncertainty // Personal and situational determinants of human behavior and activity. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Donetsk, 2024. Pp. 226–232.
8. Baev P.A. Economic aspirations of young people in the absence of social well-being // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the IX international scientific and practical Internet conference. Vologda, 2024. Pp. 188–191.
9. Zavarzin Yu.V. Features of territorial development of the Irkutsk region // Prospects for the study of social reality. Collection of scientific articles. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, O.A. Edelstein, G.V. Logunova. Irkutsk, 2021. Pp. 103–110.
10. Zavarzin Yu.V. Assessment of the state investment policy: qualitative analysis // Sociology. 2025. No. 2. P. 12–19.
11. Zavarzin Yu.V. Regional Development Prospects: Business Innovations // Telecommunication Technologies: Updating and Solving the Problems of Training Highly Qualified Personnel in Modern Conditions. Khabarovsk, 2020. P. 927–933.
12. Zavarzin Yu.V. Problems of Implementing Investment Policy in the Irkutsk Region // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. P. 548–555.
13. Zavarzin Yu.V. Social Dimension of Regional Investment Policy // Sociology. 2024. No. 6. P. 28–35.
14. Zavarzin Yu.V. Territorial development: main directions of investment attractiveness // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 446–453.
15. Palashchenko E.V. Mental attitudes as a reason for non-payment of taxes // Sociology. 2023. No. 6. Pp. 35–41.
16. Palashchenko E.V. Tax compliance in Russia // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 189–191.
17. Palashchenko E.V. Failure to comply with tax control in the social dimension // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 2023. Pp. 468–472.
18. Palashchenko E.V. Why Russians do not want to pay taxes: students' assessment // Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Development Vectors. Collection of scientific papers International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2023. Pp. 332–335.
19. Palashchenko E.V. Social instability of power: failure to comply with tax control // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. Irkutsk, 2023. Pp. 187–189.
20. Palashchenko E.V. Expert assessment of tax compliance in Russia // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. P. 256–259.
21. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in the development of the region's human potential // Social dynamics of the population and human potential. Proceedings of the VI International scientific and practical conference. Moscow, 2024. Pp. 391–393.
22. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 28–31.
23. Polyushkevich O.A. Social modeling with information and analytical data: truth in the flow or the result? // In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 343–345.
24. Polyushkevich O.A. Expert assessment of social indicators of cohesion // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 226–229.
25. Skudenkov V.A. Creative economy in the development of regional projects // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 308–312.
26. Skudenkov V.A. Economic claims: tools for presentation in the digital world // Philosophy and culture of the information society. Eighth international scientific and practical conference. St.

- Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020. Pp. 163–165.
27. Investment Map of the Russian Federation [Electronic resource]: Ministry of Economic Development of the Russian Federation: website. – URL: <https://invest.gov.ru> (date of access: 10.02.2025).
 28. Investment Attractiveness of Regions: New Challenges and Opportunities for Investors [Electronic resource]: Expert RA Rating Agency: website. – URL: <https://raexpert.ru/#part9> (date of access: 17.02.2025).
 29. Investment Portal of the Irkutsk Region [Electronic resource]: Investment Portal of the Irkutsk Region: website. – URL: <https://invest.irkobl.ru> (date of access: 20.02.2025).
 30. National Investment Rating [Electronic resource]: Agency for Strategic Initiatives of the Russian Federation: website. – URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (date of access: 13.02.2025).
 31. Reports on the activities of the Ministry of Economic Development and Industry of the Irkutsk Region [Electronic resource]: Official portal of the Irkutsk Region: website. – URL: <https://irkobl.ru/sites/economy/about/work-status/work-report.php> (date of access: 15.02.2025).
 32. Official statistics [Electronic resource]: Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Irkutsk Region: website. – URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/173730> (date of access: 12.02.2025).
 33. Official statistics [Electronic resource]: Federal State Statistics Service of the Russian Federation: website. – URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (date of access: 10.02.2025).

Субъективные представления сибиряков о благополучии современной российской семьи

Меринова Валентина Николаевна,

к.с.н., доцент Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: merinovavalentina@gmail.com

Гуринович Людмила Анатольевна,

старший преподаватель Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: milgur@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна,

к.ф.н., доцент Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: eresh80@mail.ru

В статье рассматриваются социальные и субъективные факторы, влияющие на представление о благополучии участников семей, проживающих на территории Иркутской области, республики Бурятия и Забайкальского края. На основе результатов проведенного исследования приводятся мнения сибиряков по поводу факторов, свидетельствующих о наличии социального благополучия, и их отражении в планировании семейного развития. Авторами затронуты вопросы, связанные с социальной поддержкой семей и молодежи. Приводятся примеры основных направлений со стороны государства для увеличения рождаемости.

Ключевые слова: социальное благополучие, субъективное благополучие, социальная политика, демографическая политика, увеличение рождаемости, меры социальной поддержки.

Дискуссия, развернувшаяся в контексте обсуждения демографической ситуации в нашей стране, выявляет различные мнения в отношении моделей влияния на группы, отвечающие за воспроизводство населения, а также отношение к собственно процессу рождения детей и условиям его реализации. Основным критерием оценки становится, на наш взгляд, аспект наличия социального и субъективного благополучия семей в предыдущем поколении (при наличии) и мер, предпринимаемых в процессе реализации социальной политики государства.

Субъективное благополучие рассматривают с точки зрения комфорта, удовлетворенности, состояния счастья (Перов Е.В. [9]), фактора влияния на социальное настроение россиян (Латова Н.В. [5]), субъективного на формирование социальной справедливости (Бараш Р.Э. [2], А.В. Немировская [6]), корреляции ощущения благополучия с миграционным поведением представителей отдельных социально-демографических групп (Бабаян И.В., Пашинина Е.И. [1]) и в некоторых других аспектах. Субъективное благополучие является частью социального благополучия, по мнению ряда исследователей, в связи с чем была поставлена задача проанализировать отношение к семье и её участникам как основному элементу восприятия благополучия, а также какие чувства иллюстрируют позитивное отношение к социальному благополучию.

Индивидуализм как процесс формирования личности стал определенной тенденцией развития в нашем государстве еще в конце XX века, с момента становления российского государства. Это отразилось на появлении и преобладании индивидуальных стратегий развития и образования с применением таких маркеров, как престиж и успешность, а также на преобладании в процессе построения государственной политики тактики поддержки саморазвития индивидов и групп, что стало основой реализации, например, мероприятий молодежной политики. Компенсаторная функция периодически трактовалась как неприемлемая, воспринимаемая как элемент возрождения патернализма. Такое состояние нашло свое отражение в разных сферах развития ментальности отдельных групп, не миновало оно и семью как малую группу. Социологи достаточно давно сделали вывод, что преобладание нуклеарных семей стало индикатором индустриального и постиндустриального развития общества, а технологизация и циф-

ровизация свела к неважному критерию необходимость регистрации брачных отношений из представлений о норме взаимодействия между взрослыми мужчинами и женщинами. Государственный запрос на изменение демографической политики делает актуальным изменение представлений о взаимодействии в семье и предсемейных отношениях, а также о необходимости сопровождения.

Благополучие семьи является одним из факторов формирования и существования крепкой, здоровой ячейки нашего общества. Благополучные семьи – это то счастливое состояние, где каждый чувствует себя защищенным, счастливым и принимаемым, отношения между членами семьи уважительные, с высоким уровнем доверия, в семье каждый осознанно принимает решение, согласовывает его с партнерами по отношениям и стремится к благополучию и гармонии.

Основными ценностями благополучия семьи является здоровый образ жизни и культура семейных отношений. Культура семейных отношений заложена в семейном воспитании и возникает не сразу, а формируется и прививается именно в процессе семейных отношений. Основой гармонии семейных отношений является ответственность всех членов семьи, что является традиционным направлением.

Благополучие семьи часто ассоциируется с ее благосостоянием, которое выступает как материальное, финансовое благо, т.е. полная обеспеченность. Если рассматривать благополучие как удовлетворенность собственной жизнью, которое складывается не только из таких факторов, как состояние здоровья, уровня взаимоотношений в семье, коллективе, но и довольство финансовым состоянием, стабильностью и защищенностью.

Благополучие семьи включает несколько видов. Наиболее содержательными видами являются социальное и субъективное благополучие. Социальное благополучие базируется на построении здоровых, заботливых позитивных социальных отношениях, на социальной поддержке и их развитие не только между членами семьи, но и с окружением, т.е. в социуме. Дружеские отношения должны быть выстроены на доверии и уважении, умении управлять конфликтами. Прочные социальные связи обеспечивают общее удовлетворение жизнью со стороны индивида и его малой группы, что становится основой преобладания социального оптимизма в отдельных частях общества.

Социальное благополучие включает различные основы, такие как социальные, финансовые, физические, интеллектуальные, экологические, психические. Говоря о социальном аспекте, мы подразумеваем прекрасные связи с близкими, с друзьями, с коллегами по работе и стремление поддержать этот баланс с личной жизнью.

Финансовые моменты благополучия заключаются в умении правильно планировать свой бюджет

не только на ближайшее время, но и на длительное, а также соблюдать его, не выходя за рамки, что поможет обеспечить финансовую безопасность.

Физический аспект социального благополучия заключается в его активности, участие не только в спортивных занятиях, но и хотя бы в совершение пеших прогулок, которые снижают риск многих заболеваний.

Интеллектуальный аспект очень influential на социальное благополучие. Человек, который много читает, познает мир, интересуется новыми достижениями во всех сферах жизнедеятельности, отгадывает кроссворды, невольно завоевывает уважение среди окружающих и чувствует себя социально защищенным.

Психическое благополучие стало темой дня в ковидную эпоху и не потеряло своей актуальности по сей день, поскольку социальная изоляция повлекла за собой снижение этических и эмоциональных барьеров, снижение уровня эмпатии к представителям других групп, возросла мнимая солидарность. Этот феномен не изменился на протяжении многих столетий, однако более серьезно влияет на уровень стрессоустойчивости и невосприимчивости к социальным инфекциям, каковые становятся новым испытанием для социума.

Немалую роль играет и экологический аспект, так окружающая среда может дать человеку множество положительных ощущений, например, тихий шелест травы или яркое мерцание звезд на небе, способствуют отключиться от проблем, расслабиться. Тенденция настоящего времени, связанная с необходимостью оставить потомкам ресурсонаполненную территорию, с трудом, но приживается в умах граждан, о чем говорят исследования коллег об управлении эко-территориями.

Если рассматривать социальное благополучие семьи в широком смысле, то можно выявить его зависимость от следующих факторов:

- уровня социально-экономического развития страны;
- наличия мер безопасности на государственном уровне;
- защиты социальных прав, например, на образование, право на высокотехнологическое медицинское обслуживание и другие;
- создания условий заниматься спортом, досугом;
- региональных особенностей [11, 12].

Социальное благополучие тесно связано с субъективным благополучием. Субъективное благополучие относится к категории субъектности человека, где каждый может по-разному воспринимать и оценивать что-либо с его точки зрения, руководствуясь своими чувствами, убеждениями и даже желаниями и дать свою субъективную оценку.

Субъективное благополучие по определению Эдварда Дипера, как указывает в своих исследова-

дованиях Кужильная А.В., добавляет в исходный конструкт когнитивный аспект отношений к себе и окружающей действительности, т.е., по его мнению, вместе три таких элемента как удовлетворенность, позитивный и негативный эффект (если анализировать восприятие людьми событий и общественного мнения), формируют определенный уровень [4]. Обычно это называется самооценкой людьми качества жизни, т.е. как человек оценивает жизнь в целом или конкретные обстоятельства, через призму суждений и эффективных реакций.

Говоря о субъективном благополучии, где мы сталкиваемся с индивидуальной оценкой, то нужно сказать, что она включает различные составляющие, например:

- удовлетворенность жизнью. У каждого человека своя оценка такого состояния, и оно зависит, в свою очередь, от множества факторов, например, хорошая работа и личный рост, непрерывный процесс самосовершенствования и обучения, хорошее финансовое положение. Кроме этого, личностные черты индивида также определяют удовлетворенность жизнью;
- эмоциональное благополучие, которое можно рассматривать через призму индивидуальных качеств субъектов, таких как умение не только находить положительные эмоции, как радость, счастье, но и сдерживать и управлять ими, способность восстанавливаться после неудач;
- психологическое благополучие, которое зависит от принятия той или иной ситуации и выражается в позитивном отношении к ней, когда индивид постепенно достигает цель в жизни, и он удовлетворен этим;
- физическое состояние здоровья. При негативном эмоциональном стиле поведения и восприятия, по сравнению с позитивным, у человека ослабевает иммунная система, и это приводит к большому риску развития заболеваний, о чем компетентно заявляют исследователи в сфере здравоохранения.

Можно отметить, что в свою очередь субъективное благополучие влияет на психологическое и физическое здоровье не только на индивидуальном уровне, но и через наши отношения.

Ряд ученых, как Халфина Р.Р., Тимербулатов И.Ф. и другие, указывают на существование прединдикаторов благополучия – это успешность деятельности и поведения, наличие ясных целей, ресурсов и условий для достижения поставленных целей, успешность реализации планов [10].

В рамках обучения студентов по направлению «Социальная работа» на программах бакалавриата и магистратуры авторами было инициировано проведение исследования образа социального и субъективного благополучия среди жителей Иркутской области, республики Бурятия и Забайкальского края методом неструктурированного интервью (N = 120). В числе опрошенных 52% жен-

щин и 48% мужчин. В группе «молодежь» с возрастом от 14 до 35 лет находится 40% респондентов, среди зрелых людей в возрасте от 36 до 58 лет – 43%, пожилых в возрасте от 59 до 74 лет – 17% участников (пожилыми женщинами мы приняли участников с 59 лет, поскольку они находились бы в группе предпенсионеров, будучи безработными).

Проанализировав результаты, касающиеся категорий, которыми опрошенные обозначают «благополучие», мы видим, что в тройку лидеров были выделены финансы (в том числе достаток, доходы, благосостояние) – (47%), здоровье (39%), семья (35%). Во вторую группу мы выделили любовь, дружба и счастье – 21%, спокойствие (в том числе честь, чистая совесть, самоуважение) – 19%, дети и внуки – 9%. Единично респондентами были названы безопасность и защита, комфорт и стабильность, карьера и успех (от 5 до 7% от числа опрошенных).

Респондентам был задан вопрос о формах достижения благополучия. По мнению участников, это общение и поддержка, готовность уделять внимание – 46%; работа (в том числе домашние дела и возможность заниматься любимым делом) – так ответили 35%. Так же отдых с семьей, встречи с родственниками, сочувствие и поддержка со стороны семьи – 29% и готовность вести здоровый образ жизни, посещать врачей, уделять внимание друзьям и представителям противоположного пола (заниматься личной жизнью) – 16%. Прозвучали так же целеустремленность (12%) и образование, самообразование (6%).

Проанализировав оценки участников группы «молодежь», можно отметить, что образ социального благополучия в их представлении зачастую не связан с семьей, больше с любовью, дружбой и доверительными отношениями. Если анализировать ответы респондентов мужского пола, то мы видим преобладание гедонистических установок (заработки, в том числе связанные с «лёгкими деньгами»; общение и поддержка со стороны окружающих близких людей; личные встречи, в том числе с распитием спиртных напитков; компьютерные игры; спортивные победы). Семья рассматривается как те люди, кому можно доверять при встрече, проводить совместно отдых, в том числе туристические вылазки, кто «слушает и слышит», как «островок благополучия» каждым третьим, начиная с восемнадцатилетних, в числе иных, вышеперечисленных способов жизнепроектирования. Женщины демонстрируют важность семьи, детей и заботы в большинстве по своей группе, при выявлении возрастного критерия – после 35 лет.

Наше государство имеет свою национальную цель, которая направлена на увеличение численности населения страны за счет собственных ресурсов. Для воплощения в жизнь национальной программы «Демография», где приоритетным направлением является увеличение рождаемости,

важно принимать экстраординарные меры социальной поддержки семей, имеющих детей, а также повышать внимание к вопросам участия семей в общественных проектах.

Исследовательская практика показывает, что стабильность и благополучие семей не всегда являются главными факторами повышения рождаемости. Так, во многих развитых странах, где высокий уровень жизни, но молодые люди настроены на повышении карьеры, на занятиях наукой, искусством, спортом и на других развлечениях и ребенок для них является обременением. И, напротив, в самых бедных странах, как в Судане, Нигерии, Конго и других, где на уровень рождаемости не влияет ни качество жизни, ни уровень безопасности страны, наличие или отсутствия государственной поддержки семьям. В этих странах социальная роль женщин – это быть матерью, поэтому все семьи многодетные.

Если же рассматривать российские семьи, то на рождаемость оказывают влияние многие факторы. Так, например, отсутствие стабильности, социальные и финансовые кризисы, сложная международная ситуация, участие мужчин страны в специальной военной операции с последующими рисками для семей, инфляция приводит к тому, что многие россияне в настоящий момент не рассматривают рождение детей как приоритет в реализации жизненных планов.

Такие несоответствия подчеркивают, что рождаемость зависит от огромного множества факторов и оценить их влияние довольно сложно.

О том, что в России социокультурный фактор имеет неоспоримую роль, указывает Е.В. Перов в одной из своих работ, и говорит, что согласно исследованиям, 46% россиян не готовы снизить свой уровень жизни и запросов, либо отказаться от карьеры ради рождения детей [9]. Согласно результатам исследования, 46% россиян не готовы снизить свой уровень жизни и запросов либо отказаться от карьеры ради рождения детей [9]. Если обратиться к истории, то можно заметить, что в 2006–2010 годах, где уровень благосостояния россиян был высокий, но рождаемость была на низком уровне.

Одним из основных факторов, влияющих на рождаемость в России можно назвать «квартирный вопрос». Безусловно, на рождаемость влияет обеспеченность семей жильем. Не каждый россиянин может позволить купить себе жилье или нет возможности проживать у родителей, где достаточная жилплощадь. Ситуация с поддержанием ведомственного жилья, в том числе общежитий, является весомой нагрузкой на бюджеты предприятий и муниципалитетов, поэтому не решает проблемы социального жилья для молодых и зрелых семей с детьми. Дорого и небезопасно стало взять жилье в аренду, проживать у родственников, где стесненные условия проживания, что дает повод

строительным компаниям рекламировать предпочтительные установки на ипотечные формы появления жилья.

Остаются многочисленными такие факты, как негативное отношение со стороны работодателей при трудоустройстве женщин с малолетними детьми или незамужние женщины детородного возраста. Хотя известно, что такое отношение со стороны работодателя незаконно, но известны факты, что молодых мам значительно реже берут на работу, чем, скажем, молодых отцов или бездетных мужчин. Такая ситуация заставляет многих женщин откладывать рождение детей до тех пор, пока не будет сформирована серьезная «финансовая подушка», которая позволит какое-то время обходиться без постоянной работы. Эта тенденция последних десятилетий уже привела к тому, что многие женщины начинают откладывать период рождения детей на более поздние сроки, потому что необходимо сначала задуматься о своей карьере, о финансовом обеспечении или даже просто удержаться на рабочем месте.

Для стимулирования рождаемости и увеличения числа многодетных семей (3 ребенка и больше) необходимо принимать новые меры социальной поддержки. Эффективность реализации программы «Материнский капитал» подтверждена результатами. Именно поэтому начиная с 01 января 2020 г. получить средства в рамках данной программы государственной поддержки имеют право семьи, в которых родился еще первый ребенок. Размеры материнского капитала постоянно увеличиваются, так в 2024 г. материнский капитал составит 630 380 руб. на рождение первого и 833 024 руб. на второго и последующих детей.

Усовершенствован механизм представления ежемесячных выплат на детей, начиная с 2023 г., было введено единое социальное пособие и выплачивается в размере 50, 70 или 100% от прожиточного минимума, установленного в субъектах Федерации, в зависимости от среднедушевого дохода семьи [7].

Не остается и без внимания вопрос о создании условий для трудовой деятельности родителей малолетних детей, в некоторых регионах начинает развиваться бесплатная профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет.

Положительным моментом можно отметить, что для сохранения репродуктивного здоровья, повышение качества и доступности медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, а также для новорожденных детей осуществляется строительство новых перинатальных центров, вспомогательные репродуктивные технологии стали оплачиваться за счет средств обязательного медицинского страхования. Развивается направление по профессиональной психологической по-

мощи в кризисных центрах для беременных и молодых матерей. Авторы считают необходимым, тем не менее, отметить, что происходит смещение условий для охраны здоровья матери и ребенка в крупные и средние города, в связи с чем важно демонстрировать опыт сотрудничества системы здравоохранения с социальными учреждениями, где будущие мамы могут остановиться после приезда на консультации в перинатальные центры, а в особенности перед родами, поскольку этот вопрос является острым в свете нуклеаризации семьи и не вовлеченным в общие меры поддержки.

Правительство РФ 17 августа 2018 г. утвердило новые условия для программы так называемой льготной семейной ипотеки, которая постоянно изменяется, давая все новые возможности молодым семьям для приобретения жилья и продлена до 2030 г. Однако можно констатировать, что эта возможность была приостановлена в декабре 2024 года, следовательно, важно говорить об альтернативах – социальном жилье для молодых сотрудников, расширении поддержки по профессиональным стратам, возвращение участия молодых семей в строительстве жилья по принципу молодежных жилищных кооперативов.

В начальной школе предусмотрено для детей бесплатное горячее питание за счет средств региональных и муниципальных бюджетов, что стало важным для многих семей, не только многодетных.

В связи с пандемией COVID-19 были введены дополнительные меры семьям, имеющим детей, например пособия на детей, льготы на коммунальные услуги (если они выше 18–22% от дохода семьи) и бесплатная молочная кухня и другие меры [8].

Но, несмотря на ряд проанализированных положительных моментов, на наш взгляд, необходимо принимать дополнительные меры по стимулированию рождаемости, например:

- продолжать увеличивать размер материнского капитала при рождении вторых и последующих детей;
- оказывать материальную поддержку семьям с двумя и более детьми от 3 до 7 лет, причем не зависимо от статуса нуждаемости, в заявительном порядке;
- ввести налоговые льготы для семей с детьми;
- предоставить бесплатные и /или доступные услуги по уходу за детьми до 3 лет: сочетание работы и возможности ухода за детьми (например, через предоставление работодателями работы формы «удаленка»; обеспечение всех семей с детьми возможностью получения бесплатных мест в яслях и детских садах, в группах продленного дня, выделение бесплатных путевок в оздоровительные лагеря, творческие кружки, спортивные секции и повысить уровень открытости информации об уже имеющихся возможностях; поощрять работодателей за внимание к семьям (например, в форме на-

клеек о несении социальной ответственности их предприятием);

- увеличить период ухода за одним ребенком с 1,5 до 3 лет для включения в страховой стаж при отсутствии трудовой занятости;
- поощрять и оказывать социальную поддержку студенческих семей, обратив внимание на возможности увеличить срок выхода из отпуска по уходу за детьми при предоставлении академического отпуска либо восстановления по месту учебы в период более пяти лет.

Все меры социальной поддержки необходимо предоставлять не только малообеспеченным семьям, но и семьям с доходами, превышающими прожиточный минимум, поскольку они также нуждаются в разноплановой активной поддержке со стороны государства.

Подводя итоги исследования, авторы резюмируют, что представление о социальном благополучии не всеми представителями различных социально-демографических групп связано с построением собственной семьи, рождением и воспитанием детей. Многие граждане прямо отреагировали на изменение социально-экономических, социально-культурных условий и иных обстоятельств, что отразилось на матримониальных планах, например, молодежи. Демографическое поведение становится важной частью социального заказа со стороны государства и общественных структур при обоюдной ответственности за стабильное будущее матерей, отцов и их потомства, а также предков, которые так же нуждаются во внимании и поддержке со стороны родственников. Нам видится, что становится приоритетным направлением работа с семьей, и «мягкое» сопровождение создаваемых семей, и включение ценности юридического оформления семейных отношений в спектр ценностных ориентаций в процессе социального воспитания как подрастающего поколения, так и людей с установившимся стилем поведения, что могут поддерживать и в элементах корпоративной культуры, и в элементах социального служения по сопровождению общественного запроса и на благо нашего государства.

Литература

1. Бабаян И. В., Пашинина Е. И. Социальное благополучие молодежи в социально-экономических условиях модернизации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25810177_49889657.pdf (дата обращения: 14.03.2025).
2. Бараш Р. Э. Представления россиян о ключевых составляющих качества жизни и социальной справедливости: срез общественного мнения в 2024 г. // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 82–109. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7; EDN: UBPJFV. F [Электронный

- ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_79707467_45272653.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
3. Информационное телеграфное агентство России ТАСС, Данные аналитического центра НАФИ Электронный ресурс. <https://tass.ru/obschestvo/9598459> (дата обращения: 12.03.2025).
 4. Кужильная А.В. О подходах к изучению субъективного благополучия личности в зарубежных исследованиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1. С. 83–86.
 5. Латова Н.В. Социально-психологическое состояние российского общества и социальные настроения разных групп россиян // Journal of Institutional Studies 2023. № 15(4): 62–78. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078 [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_59407046_45305611.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
 6. Nemirovskaya A.V. (2020). Subjective well-being and conflicting social identities in the frontier regions of Russia. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 13(9), 1541–1558. DOI: 10.17516/1997-1370-0662. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44094302_24905373.pdf (дата обращения: 14.03.2025).
 7. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей. Федеральный закон РФ от 19.05.1995 № 81-РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/ (дата обращения: 10.02.2025).
 8. О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей. Указ Президента от 07.04.2020 № 249 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/socialnaya_podderzhka_semej_s_detmi_koronavirus/ (дата обращения: 10.02.2025).
 9. Перов Е.В. Влияние субъективного благополучия граждан на их политическое поведение [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42426169_23698251.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
 10. Халфина Р.Р., Тимербулатов И.Ф., Хох И.Р. Особенности чувства субъективного благополучия лиц, с различным типом психологических защит // Вестник психофизиологии. 2021. № 2. С. 55–59.
 11. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
 12. Ардашев Р.Г. Социальное здоровье молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 57–61.

SUBJECTIVE IDEAS OF SIBERIANS ABOUT THE WELL-BEING OF THE MODERN RUSSIAN FAMILY

Merinova V.N., Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V.
Irkutsk State University

This article examines social and subjective factors that influence the perception of well-being of family members living in the Irkutsk region, the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory. Based on the results of the conducted research, the opinions of Siberians are given regarding the factors indicating the presence of social well-being and their reflection in family development planning. The authors touch upon issues related to social support for families and youth. Examples of the main directions from the state to increase the birth rate are given.

Keywords: social well-being, subjective well-being, social policy, demographic policy, increasing the birth rate, social support measures.

References

1. Babayan I. V., Pashinina E.I. Social well-being of young people in the socio-economic conditions of modernization [Electronic resource]. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25810177_49889657.pdf (date of access: 03/14/2025).
2. Barash R.E. Russians' views on key components of quality of life and social justice: a cross-section of public opinion in 2024 // Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Vol.15. No.4. P. 82–109. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7; EDN: UBPJVF. F [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_79707467_45272653.pdf (accessed: 12.03.2025).
3. Information Telegraph Agency of Russia TASS, Data of the Analytical Center NAFL Electronic resource. <https://tass.ru/obschestvo/9598459> (accessed: 12.03.2025).
4. Kuzhilnaya A.V. On approaches to the study of subjective well-being of an individual in foreign studies // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. No. 1. P. 83–86.
5. Latova N. V. (2023) Socio-psychological state of Russian society and social sentiments of different groups of Russians // Journal of Institutional Studies 15(4): 62–78. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078 [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_59407046_45305611.pdf (accessed: 12.03.2025).
6. Nemirovskaya A. V. (2020). Subjective well-being and conflicting social identities in the frontier regions of Russia. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 13(9), 1541–1558. DOI: 10.17516/1997-1370-0662. [Electronic resource]. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44094302_24905373.pdf (date of access: 14.03.2025).
7. On state benefits for citizens with children. Federal Law of the Russian Federation of 19.05.1995 No. 81-RF [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/ (date of access: 10.02.2025).
8. On additional measures of social support for families with children. Decree of the President of 07.04.2020 No. 249 [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/socialnaya_podderzhka_semej_s_detmi_koronavirus/ (date of access: 10.02.2025).
9. Perov E.V. The influence of subjective well-being of citizens on their political behavior [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42426169_23698251.pdf (date of access: 03/10/2025).
10. Khalfina R.R., Timerbulatov I.F., Khok I.R. Features of the feeling of subjective well-being of individuals with different types of psychological defenses // Bulletin of Psychophysiology. 2021. No. 2. P. 55–59.
11. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security and social threats in the perceptions of young people // Sociology. 2025. № 1. P. 26–30.
12. Ardashev R.G. Social health of young people // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the IX international scientific and practical Internet conference. Vologda, 2024. P. 57–61.

Инновационные технологии социальной реабилитации: взгляд научного сообщества на иппотерапию

Седых Ольга Геннадьевна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: SedyhOG@gmail.ru

Авилова Вероника Анатольевна,

магистрант кафедры социологии и психологии, Байкальский
государственный университет
E-mail: nika.school.avi@gmail.ru

В статье представлены результаты комплексного исследования иппотерапии как инновационной технологии социальной работы. Исследование проводилось с использованием следующих методов: количественного и качественного контент-анализа, SWOT-анализа. Целью исследования является проведение комплексного анализа иппотерапии как инновационной технологии социальной работы посредством применения контент-анализа научных публикаций по данной тематике, что позволяет определить специфику использования данной практики в сфере социальной работы. Так, комплексный анализ показал, что иппотерапия является актуальной темой исследования в различных научных журналах оздоровительного и реабилитационного направления. Метод более активно используется в мероприятиях реабилитации, адаптации, коррекции. И имеет свои преимущества, выражающиеся, в частности, в получении клиентом пользы для улучшения своего состояния (физически, психологически), недостатков в виде ограниченной доступности и проблем реализации.

Таким образом, применение иппотерапии представляется важным шагом в развитии социальной и медицинской практики в силу указанных в данной статье особенностей инновационной технологии социальной работы.

Ключевые слова: иппотерапия, реабилитация, технологии социальной работы, контент-анализ, социальные проблемы, некоммерческая организация, социальная реабилитация.

В условиях роста числа людей, нуждающихся в поддержке и помощи, важно не только гарантировать доступ к учреждениям здравоохранения и медицинским услугам, но и создать необходимые условия для полной интеграции людей с ограниченными возможностями в общество. Исследование технологий социальной работы, направленных на реабилитацию, становится ключевым аспектом в решении этой проблемы. Одним из наиболее результативных методов реабилитации является такая инновационная технология социальной работы, как иппотерапия.

Данная технология открывает новые возможности в сфере социальной работы, позволяя улучшить не только физическое здоровье получателя социальных услуг, но и социальное, тем самым способствуя его социальной адаптации. Исходя из этого, можно утверждать, что иппотерапия в настоящее время является одним из перспективных направлений комплексной реабилитации.

В нашем государстве иппотерапия, как метод реабилитации возникла относительно недавно. В 1991 году в Москве начал функционировать Детский экологический центр «Живая Нить», который положил начало развитию иппотерапии, как в Российской Федерации, так и в ближних зарубежных странах. 1 октября 2023 года был утвержден национальный стандарт ГОСТ Р 70774–2023 «Услуги адаптивной верховой езды (иппотерапии). Общие требования». Стандарт распространяется на деятельность всех организаций, оказывающих услуги адаптивной верховой езды (иппотерапии). Нормативный правовой акт устанавливает следующее определение иппотерапии: «адаптивная верховая езда – вид абилитации и реабилитации лиц с ОВЗ с использованием специально организованного процесса верховой езды»¹. Национальный стандарт регламентирует методы абилитации и реабилитации, используемые в иппотерапии. ГОСТ регулирует, что услуги адаптивной верховой езды основаны на использовании трех основных методов: базовой иппотерапии (получатель социальных услуг не управляет лошастью), развивающей верховой езды (получатель социальных услуг управляет лошастью под полным и постоянным контролем инструктора) и оздоровительной

¹ ГОСТ Р 70774–2023. Услуги по адаптивной верховой езде (иппотерапии). Общие требования (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 09.06.2023 № 374-ст).

верховой езды (получатель услуг самостоятельно управляет лошадью¹).

Эффективность использования иппотерапии в реабилитации подчеркнута в работах множества исследователей. Так, например исследователи С.Т. Кохан и Я.И. Грабовская в своей работе пришли к выводу, что изучаемая технология помогает активизировать центральную нервную систему, способствует восстановлению двигательных, когнитивных и сенсорных функций организма, а также положительно влияет на состояние человека в целом [9]. К похожим выводам пришли и ученые И.П. Иванова, М.А. Садвакасова, Ю.О. Якушина и Д.Г. Караханова, изучая иппотерапию как метод лечения [7]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что иппотерапия во многих случаях является незаменимым методом реабилитации даже в самых тяжелых случаях [6; 11].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что иппотерапия представляет собой уникальный и эффективный метод реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.

Методология и методы исследования

Объектом исследования является иппотерапия как инновационная технология социальной работы, предметом – специфика использования иппотерапии как технологии социальной работы.

Целью исследования является проведение всестороннего анализа иппотерапии как инновационной технологии социальной работы путем контент-анализа научных публикаций по тематике исследования, что позволяет определить специфику применения иппотерапии, а также SWOT-анализа иппотерапии как инновационной технологии социальной работы. Достижение цели имеет практическое значение, заключающееся в возможности применения разработанных авторами рекомендаций по результатам исследования на практике, например, в работе конных центров.

В качестве методов исследования были выбраны количественно-качественный контент-анализ научных публикаций в российской электронной библиотечной системе Elibrary.ru, а также SWOT-анализ иппотерапии как инновационной технологии социальной работы.

Для составления исследовательской выборки контент-анализа был осуществлен поиск научных публикаций по ключевым словам. Были отобраны публикации, содержащие ключевое слово «иппотерапия» – 555 шт. Далее были исключены научные публикации, полный текст которых не был размещен на платформе eLibrary.Ru или был недоступен для свободного прочтения.

¹ ГОСТ Р 70774–2023. Услуги по адаптивной верховой езде (иппотерапии). Общие требования (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 09.06.2023 № 374-ст).

Таким образом, в рамках исследования авторами была составлена выборочная совокупность, включающая 154 научные публикации. В нее вошли публикации, соответствующие следующим критериям: публикация опубликована до начала проведения исследования (октябрь 2024 г.), написана на русском языке, имеет полный и доступный текст на сайте научной электронной библиотеки. Единицы анализа – научные публикации, размещенные в российской научной электронной библиотеке eLibrary.Ru об иппотерапии.

Результаты исследования

Исследование было проведено в два этапа. Так, первая часть исследования заключалась в анализе динамики публикационной активности авторов в eLibrary.Ru по изучаемой тематике (рис. 1). Анализируя рис. 1, можно прийти к ряду выводов. Интерес научного сообщества к иппотерапии возник в 2003 году, спустя двенадцать лет с начала работы первого в России реабилитационного центра, использующего в своей работе иппотерапию. Заметен резкий спад публикационной активности в периоды с 2011–2012 гг., и 2019–2020 гг., и пик активности в 2022 и 2023 гг.

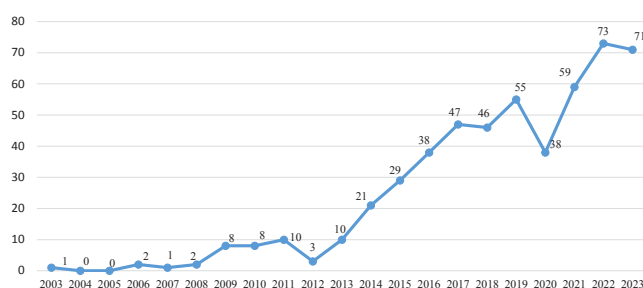

Рис. 1. Динамика публикационной активности научного сообщества по годам

Спад активности научного сообщества в 2019 г. можно объяснить возникновением и широким распространением пандемии COVID-19. Пик активности, зафиксированный в последние годы, объясняется популяризацией конного спорта и конной реабилитацией.

Наиболее популярными работами об иппотерапии являются работы таких авторов, как: В.Я. Эскин и Т.Е. Левицкая («иппотерапия как комплексный метод реабилитации и восстановления» – 24 цитирования [15]); Л.Н. Карашук и М.И. Разживина («проблема аутизма в современном мире» – 19 цитирований [8]); Ю.А. Слепченко («методы абилитации и реабилитации с помощью лошади в системе адаптивной физической культуры» – 16 цитирований [13]); Р.С. Баймуродов и М.К. Амонов («иппотерапия как метод лечебной физической культуры» – 16 цитирований [2]).

Анализ распределения научных статей по журналам, в которых они опубликованы позволил сделать вывод о том, что наибольшее количество на-

учных публикаций об иппотерапии были опубликованы в таких журналах, как: «Теория и практика физической культуры» – 8 шт., «Адаптивная физическая культура» – 7 шт., «Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки» – 7 шт., «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта» – 6 шт., «Коневодство и конный спорт» – 5 шт., «Иппотерапия и ветеринария» – 5 шт. Таким образом, отметим существование журналов, основные рубрики которых непосредственно связаны с реабилитацией с помощью верховой езды. Это еще раз подчеркивает актуальность изучения иппотерапии.

Анализ распределения публикаций по тематическим рубрикам показал, что иппотерапия изучается в рамках следующих предметных полей:

- медицина и здравоохранение – 141 публикация (25,41% от всех публикаций);
- физическая культура и спорт – 132 публикации (23,78%);
- народное образование и педагогика – 119 публикаций (21,44%);
- сельское и лесное хозяйство – 54 публикации (9,73%);
- психология – 41 публикация или (7,39%);
- экономика и экономические науки – 17 публикаций (3,06%);
- социология – 10 публикаций (1,8%);
- строительство и архитектура – 10 публикаций (1,8%);
- и другие предметные поля, сумма которых составляет 31 публикацию (5,59%).

Отметим, что иппотерапия изучается в рамках различных тематических рубрик. К наиболее популярным рубрикам можно отнести медицину и здравоохранение, физическую культуру и спорт, народное образование и педагогику. Было обнаружено, что многие исследования проводились в неожиданных предметных полях (например, экономика и экономические науки, строительство и архитектура), что подчеркивает междисциплинарный характер выбранной для анализа темы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что иппотерапия в настоящее время представляет собой актуальную область исследований для научного сообщества. Это может быть обусловлено тем, что как метод социальной работы, иппотерапия является относительно новой и инновационной практикой не только в нашей стране, но и по всему миру.

Вторая часть исследования представляла собой контент-анализ, который, в свою очередь состоял из шести этапов.

На первом этапе контент-анализа было проанализировано определение иппотерапии и методы ее исследования, используемые авторами научных публикаций. Как оказалось, исследователи склонны понимать иппотерапию по-разному, при этом вкладывая в нее единый смысл. Авторы научных

публикаций определяли иппотерапию как: форму физиотерапии; нейрофизиологическое лечение; метод реабилитации; средство реабилитации; вид зоотерапии; лечение; инструмент реабилитации; технологию социальной работы; вид арт-терапии. При чем, все вышеперечисленное осуществляется при взаимодействии получателя социальных услуг с лошадью. Большая часть исследователей понимают под иппотерапией не только верховую езду, но и непосредственное общение человека с животным.

Однако, в ходе анализа научной литературы было обнаружено понятие «ипповенция», означающее организованное общение человека с лошадью с целью улучшения психологического состояния, получения положительных эмоций, личностного роста и развития человека [10]. Таким образом, отличие иппотерапии от ипповенции заключается в различии воздействия на человека. Ипповенция направлена на решение психоэмоциональных проблем человека, а основная цель иппотерапии – воздействие на физиологию за счет передачи импульсов от движения лошади при верховой езде.

В рамках исследования иппотерапия будет рассматриваться как одна из инновационных технологий социальной работы, при которой воздействие на организм получателя социальных услуг происходит при помощи взаимодействия с лошадью [4]. Основными методами исследования, которые использовали представители научного сообщества при изучении иппотерапии являются: эксперимент, наблюдение, анкетирование, проективный метод, метод экспертного анализа готового решения, традиционный анализ документов, контент-анализ (качественный и количественный) и интервью (стандартизированное, полустандартизированное и нестандартизированное).

Второй этап предполагал изучение назначения (цели применения) иппотерапии (табл. 1). Во многом, применение иппотерапии было неразрывно связано с реализацией какой-либо технологии социальной работы.

Таблица 1. Цель использования иппотерапии

Единицы анализа Подкатегории	Кол-во научных публикаций	Процент упоминания, в %
Реабилитация	151	98,05
Коррекция	48	31,17
Адаптация	46	29,87
Социализация	39	25,32
Диагностика	19	12,34
Абилитация	14	9,09
Социальная поддержка	4	2,6
Физиотерапия	3	1,95

Так, иппотерапия, в большинстве случаев воспринималась авторами научных публикаций как часть реабилитации (151 шт. или 98,08%). Это не вызывает удивления, так как в большинстве публикаций само понятие иппотерапии содержало термин «реабилитация».

На втором месте по количеству упоминаний расположена такая технология социальной работы, как коррекция (31,17%), на третьем – адаптация (29,87%). Обе технологии являются часто применяемыми в работе с людьми, имеющими ограниченные возможности здоровья. Люди с ОВЗ, в свою очередь, являются основной категорией, в работе с которой активно применяется иппотерапия, что также отражено в трактовке понятия «иппотерапия» у многих авторов.

Социализация, которая упоминалась в 39 статьях (25,32%), также является одной из традиционных технологий социальной работы. Упоминания социализации связаны с необходимостью взаимодействия получателя социальных услуг с инструктором, другими специалистами, а также иными всадниками. Тем самым, у человека формируется новое социальное окружение, оказывающее на него положительное влияние.

Диагностика, упомянутая в 19 научных публикациях играет немаловажную роль в иппотерапии. Диагностика, являясь технологией социальной работы представляет собой процедуру, направленную на оценку состояния человека. Таким образом, ее можно считать своеобразным индикатором прогресса иппотерапии. 14 научных статей упоминали иппотерапию, как инструмент абилитации (9,09%). Сама абилитация представляет собой технологию, ориентированную на развитии каких-либо новых умений, навыков и возможностей, для чего и используется иппотерапия.

Менее чем в 5% публикациях упоминались такие назначения иппотерапии, как: социальная поддержка, физиотерапия и арт-терапия (анималотерапия, зоотерапия). Помимо этого, были обнаружены технологии социальной работы, не являющиеся целями или назначениями иппотерапии: проектирование и консультирование. Таким образом, можно сделать вывод о том, что иппотерапия не только представляет собой инновационную технологию, но и служит универсальным инструментом в рамках других технологий социальной работы. Это подчеркивает ее значимость применения иппотерапии.

На третьем этапе были изучены специалисты, задействованные в иппотерапии (табл. 2).

Анализируя таблицу, можно отметить, что 74,03% публикаций содержали в себе упоминание роли инструктора. Примечательно, что разные авторы публикаций использовали разные термины для обозначения инструктора по иппотерапии. Так, были обнаружены следующие обозначения: инструктор; тренер; иппотерапевт; специалист

по иппотерапии. При этом, как бы не был обозначен специалист, его вклад в реабилитацию с помощью иппотерапии не оценим – во многом эффективность технологии зависит именно от его усилий.

Таблица 2. Специалисты, задействованные в иппотерапии

Единицы анализа подкатегории	Кол-во научных публикаций	Процент упомина- ния, в %
инструктор	114	74,03
врач	34	22,08
психолог	24	15,58
массажист	7	4,55
логопед	6	3,9
невролог	2	1,3
методист	1	0,65
специалист по со- циальной работе	4	2,6
волонтеры конных центров	2	1,3

Помимо инструктора по иппотерапии были обнаружены упоминания роли следующих специалистов: врач (22,08%) и психолог (15,58%). Важность медицинских работников в реабилитации обусловлена множеством аспектов. Среди них можно отметить, например, медицинскую оценку состояния пациента – определение показаний или противопоказаний использования иппотерапии в лечении с помощью верховой езды. Медицинские работники, также в рамках межведомственного взаимодействия принимают непосредственное участие в разработке индивидуальной программы реабилитации (ИПР).

Упоминания роли психолога в иппотерапии можно обосновать тем, что иппотерапия является одной из наиболее эффективной технологией при работе с людьми с нарушением психического и (или) интеллектуального развития), а также с расстройством аутистического спектра (РАС). Таким образом, психолог дополняет работу инструктора, обеспечивая более комплексный подход к реабилитации получателей социальных услуг, что особенно необходимо при работе с людьми, имеющими психические и (или) интеллектуальные нарушения.

Помимо часто встречаемых специалистов были обнаружены единичные упоминания массажиста, логопеда, специалиста по социальной работе, невролога, волонтера конного центра и методиста. Такой результат может быть обоснован большой эффективностью комплексного подхода и межведомственного взаимодействия.

Следующий этап контент-анализа предполагал изучение социальных групп, в работе с которыми распространено применение исследуемой тех-

нологии. Отметим, что 91,56% статей содержали в себе идею о том, что иппотерапия адресно применяется в работе с несовершеннолетними. Другие 8,44% научных публикаций упоминали, что иппотерапия применима не только в работе с детьми, но и со всем населением. Например, исследователь С.Д. Жукова в своей работе пришла к выводу о том, что конный туризм, как одна из разновидностей иппотерапии является полезным и важным для всего общества в целом [5, с. 135].

Среди категории несовершеннолетних было распространено упоминание следующих групп – большинство публикаций были посвящены работам со школьниками; более 9% статей были направлены на изучение воздействия иппотерапии на дошкольников, 5% – на подростков с девиантным поведением. Были обнаружены единичные упоминания реабилитации воспитанников интернатов (1,95%) и спортсменов (1,3%), методом иппотерапии.

Большинство авторов научных публикаций писали о реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью (95,45%). Среди них, было изучено упоминание нозологических групп (табл. 3).

Таблица 3. Социальные группы, в работе с которыми используется иппотерапия

Единицы анализа	Кол-во научных публикаций	Процент упоминания, в %
Подкатегории		
Нарушение опорно-двигательного аппарата	81	52,6
Церебральный паралич	51	33,12
Расстройство аутистического спектра	31	20,13
Задержка интеллектуального развития	30	19,48
Нарушение психического развития	28	18,18
Синдром дауна (трисомия по хромосоме 21)	6	3,9
Инвалиды по слуху	5	3,25
Эпилепсия	4	2,6
Моноплегия верхней конечности	1	0,65

Более половины научных публикаций, взятые нами для анализа, были посвящены работе с людьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Среди этой категории наиболее распространенными являются такие нарушения здоровья, как церебральный паралич (33,12%) и моноплегия верхней конечности (0,65%). Третье место по количеству упоминаний занято расстройством аутистического спектра (20,13%).

Практически в равных долях были обнаружены упоминания задержки интеллектуального разви-

тия и нарушения психического развития, доли которых составили 19,48% с 18,18% соответственно. В шести публикациях обнаружены упоминания иппотерапии в работе с детьми с синдромом дауна.

Также, выявлены упоминания реабилитации людей с инвалидностью по слуху (3,25%) и людей, страдающих эпилепсией (2,6%). При чем, исследователями было доказано, что приступы эпилепсии у людей, проходящих реабилитацию с помощью иппотерапии, заметно сократились. Была обнаружена публикация, посвященная использованию иппотерапии с тяжелой формой рассеянного склероза. Авторы исследования пришли к следующим результатам: иппотерапия повышает качество жизни не только получателя социальных услуг с рассеянным склерозом, но и иных людей, вовлеченных в уходе за ним [1, с. 162].

Таким образом, можно подчеркнуть универсальность иппотерапии в работе с различными социальными группами. Следует отметить, что в работе с различными группами населения стоит использовать различные методы и техники иппотерапии в зависимости от целей и задач иппотерапии в конкретном случае.

Пятый этап контент-анализа был нацелен на изучение пользы иппотерапии. Более 92% авторов научных публикаций придерживались идеи комплексной эффективности иппотерапии для человека. Под комплексной эффективностью понимается положительное влияние технологии как на физиологическое здоровье, так и на психологическое и социальное. Несмотря на это, многие исследователи акцентировали внимание на воздействии на какой-либо вид здоровья (табл. 4).

Таблица 4. Виды выгод, которые получают «пациенты» иппотерапии

Единицы анализа	Кол-во научных публикаций	Процент упоминания, в %
подкатегории		
Физические выгоды	148	96,1
Психологические выгоды	117	75,97
Социальные выгоды	79	51,3

Таким образом, на первом месте по количеству упоминаний расположились физические выгоды (96,1%), на втором – психологические (75,97%), на третьем – социальные (51,3%). В зависимости от вида выгод иппотерапии можно классифицировать ее преимущества следующим образом.

1. «Физические выгоды»: развитие координации и моторики – 45,45%; развитие двигательной активности – 37,01%; развитие равновесия и баланса – 27,27%; снижение мышечной спастичности, повышение мышечного тонуса – 29,87%; укрепление дыхательной, сердечной и опорно-двигательной системы – 23,38%; формирование правильной осанки – 19,48%; увеличение мышеч-

ной массы – 16,88%; увеличение скорости реагирования – 14,94%; развитие выносливости – 13,64%; формирование правильного паттерна ходьбы – 10,39%; помогает «побороть болезнь» – 9,74%; тренировка вестибулярного аппарата – 2,6%; повышение аппетита – 1,95%; нормализация сна – 1,3%.

2. «Психологические выгоды»: улучшение самооценки, уверенности в себе – 43,51%; снижение симптомов депрессии и тревожности – 39,61%; улучшаются память, внимание, мышление – 33,12%; развитие навыков саморегуляции и дисциплинированности – 27,92%; расширение спектра эмоций – 27,27%; развитие эмпатии – 11,69%; повышение мотивации к лечению – 11,04%; активизируются все высшие психические функции – 9,09%; формирование чувства ответственности – 8,44%; развитие стрессоустойчивости – 7,14%; улучшение способности воспринимать и обрабатывать сенсорную информацию – 2,6%; раскрытие потенциальных возможностей – 1,3%.

3. «Социальные выгоды»: улучшение взаимодействия с окружающими, способности действовать в команде (коммуникативные навыки) – 34,42%; положительное влияние на процесс воспитания – 13,64%; занятие досуга наездника – 10,39%; укрепление семей – 3,25%; повышение эффективности социальной адаптации – 3,25%.

Исходя из этого, можно заключить, что иппотерапия имеет комплексное положительное влияние на состояние человека в целом. Получатель социальных услуг, реабилитация которого происходит с использованием иппотерапии, получает возможность жить успешной и полноценной жизнью.

Далее, были проанализированы риски (угрозы) и рекомендации, связанные с применением иппотерапии.

Авторы научных публикаций, взятых нами для анализа, выделяют следующие проблемные моменты использования изучаемой технологии.

1. Зависимость эффективности иппотерапии от компетентности и личных качеств инструктора. Работу должен вести подготовленный специалист. В ином случае иппотерапия может нанести вред получателю социальных услуг.
2. Нельзя исключать риск различных реакций «пациентов» на лошадь в начале занятий, в том числе крайне негативных реакций. Так, можно отметить возможность наличия у получателя социальных услуг гиппофобии, которая исключает возможность участия лошади в процессе реабилитации. Особенно этот риск имеет место быть при работе с такими категориями населения, как дети с нарушением психического развития. Работа с такими детьми должна сопровождаться непосредственным участием компетентного психолога.
3. Риск негативного влияния данного метода на организм человека, связанного с возмож-

ной травмой физического и психологического характера. При несоблюдении техники безопасности, технология может представлять угрозу здоровью человека. Так, авторы Т.В. Бутко и С.С. Артамонова описывают в своей работе ситуации, когда преобладание ярких цветов одежды и применение шуршащих материалов могут напугать лошадь и привести к опасной ситуации, угрожающей здоровью всадника [3, с. 39].

4. Отсутствие объективной оценки процесса реабилитации с помощью иппотерапии. В процессе реабилитации иппотерапия, как правило, не используется в качестве единственного метода воздействия на получателя социальных услуг, а представляет собой одну из нескольких применяемых в конкретном случае технологий. Исходя из этого, затруднительно установить, какие именно факторы способствовали достигнутым успехам, а какие не оказали положительного влияния на состояние человека. Например, автор научных публикаций Г.Т. Тусупбекова подчеркивает отсутствие достаточного количества экспериментальных данных, что не позволяет определить иппотерапию, как метод лечения [14, с. 97].
 5. Проблема возникновения трудностей или невозможности подбора индивидуальной нагрузки для всадника и объективной оценки функциональных возможностей и состояния лошади.
 6. Проблема выбора лошади с нужными параметрами и характеристиками. Чаще всего процесс тренировки и подбора лошади происходит без объективной оценки состояния как всадника, так и животного. Однако, многие исследователи, наоборот, отмечают, что конные центры ответственно подходят к выбору лошадей для иппотерапии. Были обнаружены исследования, направленные на изучение пород лошадей, участие которых наиболее эффективно в процессе иппотерапии. Например, работы Е.М. Сергеевой посвящены изучению возможностей применения пони в иппотерапии [12].
- Отметим, что требования к лошади, используемой в адаптивной верховой езде определены государственным стандартом (ГОСТ Р 70774–2023). В соответствии со стандартом, лошади необходимо:
- состояние здоровья, которое позволяет участвовать в занятиях;
 - нахождение под контролем районной ветеринарной станции, и, следовательно иметь па-спорт (ветеринарный или спортивной лошади);
 - иметь персональный чип;
 - обладать ритмичным четырехтактным шагом;
 - обладать четко выраженными правильными аллюрами (аллюр – вид или способ походки лошади);
 - пройти специальную подготовку для участия в занятиях;

- иметь рост не менее 120 см. в холке;
- быть не моложе шести лет.

В процессе анализа были обнаружены следующие рекомендации по использованию иппотерапии в процессе реабилитации.

1. Чем раньше обратились к иппотерапии – тем эффективнее положительное влияние на организм человека.
2. Необходимо продолжить изучение иппотерапии, для обоснования необходимости ее использования в процессе реабилитации получателей социальных услуг.
3. Необходимость использования специальной эргономичной одежды при иппотерапии. Так, рекомендация состоит в необходимости моделирования специфической амуниции для проведения занятий по верховой езде.
4. Иппотерапия должна быть частью комплексной программы реабилитации человека, а не действовать отдельно. Именно такой подход, среди научного сообщества, считается наиболее успешным и эффективным.

На основе проанализированных научных публикаций был проведен SWOT-анализ иппотерапии как технологии социальной работы (табл. 5).

Обсуждение результатов

Данное исследование подтверждает актуальность изучения и применения иппотерапии в медицинской и социальной практике. Что соответствует полученным данным в результате контент-анализа, так и в работах видных деятелей и ученых, в частности

вышеупомянутых, С.Т. Кохан и Я.И. Грабовской [9], И.П. Ивановой, М.А. Садвакасовой, Ю.О. Якушиной и Д.Г. Карахановой [7], и других. Отметим, что в то время, как авторы пришли к выводу, что иппотерапия как технология более применима в реабилитационных мероприятиях, но не исключает и использование в адаптационных и коррекционных программах. Тем не менее ряд исследователей рассматривают иппотерапию, в частности, как меру реабилитации клиента социальных услуг (В.Я. Эскин и Т.Е. Левицкая [15], Ю.А. Слепченко [13]). Авторы акцентируют внимание на возможности и важности применения указанной технологии в работе с различными категориями населения, что соответствует выводам исследователей С.Д. Жуковой [5], Л.Р. Ахмадеевой [1].

Отметим, то иппотерапия как технология социальной работы не только универсальна, но и полезна. То есть приносит физическую, психологическую и социальную пользу участникам восстановительного процесса, что соотносится с полученными в результате анализа выводами и основными положениями статей, указанных выше ученых. Тем не менее, как метод воздействия на состояние клиента является неоднозначным в плане его оценки и фиксации в настоящий момент, поскольку входит в комплексную программу, что подтверждается и в самом исследовании и в работе Г.Т. Тусупбековой [14]. Так, результаты нашего исследования, в целом, согласуются с результатами упомянутых в тексте статьи исследований, но тем не менее имеют свою научную новизну в плане получения данных изучения динамики и содержания работ по указанной тематике.

Таблица 5. Таблица SWOT-анализа

S – сильные стороны	1. Существование принятого государственного стандарта об иппотерапии. 2. Физические выгоды для получателя социальных услуг. 3. Психологические выгоды для получателя социальных услуг. 4. Социальные выгоды для получателя социальных услуг. 5. Подходит для реабилитации многим людям с нарушениями. 6. Улучшение общественного здоровья населения. 7. Формирование экологического сознания и воспитания у молодежи. 8. Профилактика социальных проблем. 9. Создание новых сообществ с общими целями и интересами
W – слабые стороны	1. Отсутствие объективной оценки процесса реабилитации с помощью иппотерапии. 2. Сложности в подборе индивидуальной нагрузки для всадника. 3. Сложность выбора лошади с нужными параметрами и характеристиками. 4. Зависимость эффективности иппотерапии от возраста получателя услуг. 5. Небольшое число организаций, занимающихся иппотерапией, то есть ограниченная доступность. 6. Существование медицинских противопоказаний для занятия иппотерапией. 7. Нехватка квалифицированных и компетентных специалистов
O – возможности	1. Возможность проведения дополнительных исследований. 2. Возможность интеграции людей с ОВЗ и инвалидностью в общество в процессе прохождения реабилитации методом иппотерапии. 3. Возможность сотрудничества конных центров с организациями здравоохранения и образования в рамках межведомственного взаимодействия. 4. Возможность написания грантов и проектов для дальнейшего развития иппотерапии. 5. Возможность расширения целевой аудитории иппотерапии. 6. Возможность интеграции иппотерапии с иными технологиями социальной работы для обеспечения комплексного подхода.

	7. Возможность «освобождения общества» от стереотипов. 8. Возможность создания новых рабочих мест. 9. Возможность активного проведения досуга у всадников
Т – угрозы	1. Риск различных реакций получателей услуг на лошадь. 2. Риск «встречи» с неподготовленным и некомпетентным инструктором. 3. Риск получения травм в процессе использования иппотерапии. 4. Риск возникновения аллергических реакций на лошадь. 5. Риск возникновения непредсказуемого поведения лошади. 6. Риск наступления неприятных климатических условий во время занятий. 7. Риск возникновения неблагоприятной политической и экономической ситуации в государстве. 8. Риск отсутствия эффективности иппотерапии из-за особенностей получателя социальных услуг

Выводы

Таким образом, исследование иппотерапии как инновационной технологии социальной работы, позволило сформулировать следующие выводы.

1. Иппотерапия имеет применение не только в мероприятиях реабилитационного профиля, но и в коррекции и адаптации клиента. То есть является универсальным методом медико-социальной практики.
2. Изучение указанной технологии введется более активно в области медицины и физической культуры, нежели в таких нестандартных полях как экономика и экономические науки, строительство и архитектура.
3. Основное отличие иппотерапии от ипповенции определяется направленностью и результатами воздействия. То есть, если цель иппотерапии – физиологическое воздействие, то ипповенции – психоэмоциональное.
4. Анализ показал, что особую роль в восстановительном процессе играет инструктор (то есть имеется зависимость эффективности метода от его компетентности), не менее важную: тренер, врач, психолог и иные медицинские и социальные работники.
5. Использование иппотерапии приветствуется в работе с различными категориями населения, то есть приносит пользу, как обществу, так и конкретному клиенту. Так, он получает в процессе не только физические, но и психологические и социальные выгоды.
6. Как технология имеет свои нюансы применения, которые, в частности, определяют проблемные моменты реализации на практике: компетентность специалиста, пригодность для здоровья, влияние на организм человека, неоднозначность системы оценки, проблемы выбора необходимой лошади.
7. Авторами были предложены рекомендации в сфере изучения и применения иппотерапии, в частности, продолжение исследований в данной области, использование специальной эргономичной амуниции, а также в комплексе с другими методами в рамках единой программы.

8. По результатам SWOT-анализа, были определены те или иные плюсы практики (существование государственного стандарта, польза для клиента, профилактика социальных проблем и т.д.), минусы (объективная оценка результатов, проблемы реализации, нехватка квалифицированных специалистов и др.), а также соответствующие возможности (гранты и проекты, дополнительные исследования, сотрудничество с другими организациями) и угрозы (нюансы практики: некомпетентный инструктор, непредсказуемость отношений между лошадью и клиентом, травмоопасность и т.д.).

Литература

1. Ахмадеева Л. Р., Гизатуллин Р.Р., Гизатуллин Р.Х., Никитина Н.А. Иппотерапия с тяжелой формой рассеянного склероза: клинический случай // Западно-Казахстанский медицинский журнал. 2021. № 3(63). С. 158–162.
2. Баймуродов Р. С., Амонов М.К. Иппотерапия как метод лечебной физической культуры (обзор литературы) // Биология и интегративная медицина. 2017. № 3. С. 217–242.
3. Бутко Т. В., Артамонова С.С. Исследование потребительских предпочтений и требований безопасности для проектирования рациональных конструкций детской одежды для занятий иппотерапией // Дизайн и технологии. 2015. № 50 (92). С. 36–40.
4. Горбатенко Т. Б., Кичигина И.М., Лян А. Вопросы организации стратегического спортивного менеджмента // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 1. С. 84–93.
5. Жукова С.Д. Конный туризм как один из видов активного отдыха в России // Наука-2020. 2023. № 1(62). С. 130–135.
6. Зимина Е. В., Кишинская Т.А. Физическая культура и спорт в инклюзивном образовательном пространстве вуза // Global and Regional Research. 2020. Т. 2, № 4. С. 117–121.
7. Иванова И. П., Садвакасова М.А., Якушина Ю.О., Караханова Д.Г. Иппотерапия как метод лечения // Modern Science. 2020. № 4–1. С. 225–227.

8. Карашук Л. Н., Разживина М.И. Проблема аутизма в современном мире // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2014. № 1(4). С. 29–35.
9. Кохан С. Т., Грабовская Я.И. Результаты применения иппотерапии у детей с нарушением двигательной активности // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2019. № 4(15). С. 354–357.
10. Рабаданова Р. С., Новиков А.В., Виноградова М.К., Слабкая Д.Н. Ипповенция как действенный практический метод психологопедагогического воздействия в современном обществе // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2022. Т. 11, № 2–1. С. 317–324.
11. Репринцева Е. А., Галич А.В. Психологопедагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с задержкой психического развития дошкольного возраста // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8, № 1. С. 29.
12. Сергеева Е.М. Использование пони в оздоровительной верховой езде // *Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*. 2021. № 1(62). С. 154–159.
13. Слепченко Ю.А. Методы абилитации и реабилитации с помощью лошади в системе адаптивной физической культуры // *Адаптивная физическая культура*. 2019. № 1(77). С. 3–7.
14. Тусупбекова Г.Т. Иппотерапия: аргументы «за» и «против» // *Наука и спорт: современные тенденции*. 2016. Т. 10, № 1(10). С. 94–99.
15. Эскин В. Я., Левицкая Т.Е. Иппотерапия как комплексный метод реабилитации и восстановления // *Сибирский медицинский журнал*. 2009. Т. 24, № 2–2. С. 61–62.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF SOCIAL REHABILITATION: THE VIEW OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY ON HIPPOThERAPY

Sedykh O.G., Avilova V.A.
Baikal State University

The article presents the results of a comprehensive study of hippotherapy as an innovative technology of social work. The study was conducted using the following methods: quantitative and qualitative content analysis, SWOT analysis. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of hippotherapy as an innovative technology of social work through the use of content analysis of scientific publications on this topic, which allows us to determine the specifics of using this practice in the field of social work. Thus, the comprehensive analysis showed that hippotherapy is a relevant topic of research in various scientific journals in the health and rehabilitation field. The method is more actively used in rehabilitation, ad-

aptation, correction activities. And it has its advantages, expressed, in particular, in the client receiving benefits for improving his condition (physically, psychologically), disadvantages in the form of limited availability and implementation problems. Thus, the use of hippotherapy seems to be an important step in the development of social and medical practice due to the features of the innovative technology of social work indicated in this article.

Keywords: hippotherapy, rehabilitation, social work technologies, content analysis, social problems, non-profit organization, social rehabilitation.

References

1. Akhmadeeva L. R., Gizatullin R.R., Gizatullin R. Kh., Nikitina N.A. Hippotherapy with severe multiple sclerosis: a clinical case // *West Kazakhstan Medical Journal*. 2021. No. 3 (63). Pp. 158–162.
2. Baimurodov R. S., Amonov M.K. Hippotherapy as a method of therapeutic physical culture (literature review) // *Biology and integrative medicine*. 2017. No. 3. Pp. 217–242.
3. Butko T. V., Artamonova S.S. Study of consumer preferences and safety requirements for the design of rational designs of children's clothing for hippotherapy // *Design and Technology*. 2015. No. 50 (92). Pp. 36–40.
4. Gorbatenko T. B., Kichigina I.M., Liang A. Issues of Organization of Strategic Sports Management // *Baikal Research Journal*. 2024. Vol. 15, No. 1. Pp. 84–93.
5. Zhukova S.D. Equestrian Tourism as One of the Types of Active Recreation in Russia // *Science-2020*. 2023. No. 1(62). Pp. 130–135.
6. Zimina E. V., Kishinskaya T.A. Physical Education and Sports in the Inclusive Educational Space of the University // *Global and Regional Research*. 2020. Vol. 2, No. 4. Pp. 117–121.
7. Ivanova I. P., Sadvakassova M.A., Yakushina Yu. O., Karakhanova D.G. Hippotherapy as a treatment method // *Modern Science*. 2020. No. 4–1. Pp. 225–227.
8. Karashchuk L. N., Razhivina M.I. The problem of autism in the modern world // *Personality in a changing world: health, adaptation, development*. 2014. No. 1(4). Pp. 29–35.
9. Kokhan S. T., Grabovskaya Ya.I. Results of using hippotherapy in children with impaired motor activity // *Human health, theory and methods of physical education and sports*. 2019. No. 4(15). Pp. 354–357.
10. Rabadanova R. S., Novikov A.V., Vinogradova M.K., Slabkaya D.N. Hippovention as an effective practical method of psychological and pedagogical influence in modern society // *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2022. Vol. 11, No. 2–1. Pp. 317–324.
11. Reprintseva E. A., Galich A.V. Psychological and pedagogical support for families raising preschool-age children with mental retardation // *Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8, No. 1. Pp. 29.
12. Sergeeva E.M. Use of ponies in recreational horseback riding // *Bulletin of the St. Petersburg State Agrarian University*. 2021. No. 1(62). Pp. 154–159.
13. Slepchneko Yu.A. Methods of habilitation and rehabilitation with the help of a horse in the system of adaptive physical education // *Adaptive physical education*. 2019. No. 1(77). Pp. 3–7.
14. Tusupbekova G.T. Hippotherapy: arguments for and against // *Science and sport: modern trends*. 2016. Vol. 10, No. 1(10). Pp. 94–99.
15. Eskin V. Ya., Levitskaya T.E. Hippotherapy as a comprehensive method of rehabilitation and recovery // *Siberian medical journal*. 2009. Vol. 24, No. 2–2. Pp. 61–62.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Физкультурно-спортивная деятельность как фактор социальной адаптации студентов с избыточной массой тела

Конобейская Анжела Владимировна,

аспирант, Тихоокеанский государственный университет

E-mail: kangel15@mail.ru

Статья посвящена анализу актуальной проблемы избыточной массы тела, с которой сталкивается современная молодежь. Приводятся статистические данные о негативных тенденциях в состоянии здоровья молодежи в субъектах Дальневосточного федерального округа, связанные с нарушением метаболизма. В работе рассматриваются факторы, способствующие развитию ожирения, а также последствия данной патологии, влияющие на психофизическое здоровье студентов, их социальное взаимодействие, детерминирующих в дальнейшем успешность социальной адаптации в пространстве вуза. Анализируются как теоретические, так и практические аспекты воздействия физкультурно-спортивной деятельности на состояние здоровья и социальную адаптацию студентов. Эмпирическая база исследования сформирована на основе социологических опросов, проведенных среди студентов-дальневосточников. Полученные результаты свидетельствуют о том, что регулярные занятия физической культурой способствуют развитию коммуникативных навыков и значительно упрощают процесс адаптации к новой социальной среде. С учетом выявленных проблемных аспектов, в статье предлагаются рекомендации по интеграции физической культуры в образовательный процесс с целью повышения эффективности социальной адаптации студентов, имеющих избыточный вес.

Ключевые слова: студенческая молодежь, здоровье, избыточный вес, социальная адаптация, физкультурно-спортивная деятельность.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется постоянным увеличением количества людей с избыточной массой тела и ожирением. С учетом данных Росстата о том, что на начало 2024 года численность населения России превышала 146 млн человек, доля страдающих ожирением россиян составила почти 27%. При этом глава Минздрава Михаил Мурашко подчеркнул, что данное заболевание, возникающее, зачастую, как следствие патогенного влияния современного образа жизни, запускает целый каскад других проблем со здоровьем, нередко приводя к развитию тяжелых сопутствующих заболеваний, потере трудоспособности и инвалидности [16].

Предметом пристального внимания государства и научного сообщества является проблема набора лишнего веса среди подрастающего поколения. По словам замминистра здравоохранения Евгения Камкина, значительно вырос показатель молодежи, имеющей избыточный вес или различные степени ожирения в возрастной группе 15–17 лет, в которой с 2010 по 2022 год, число диагнозов ожирение (на 100 000 населения, с диагнозом, установленным впервые) выросло на 18,8 тысяч человек, и в 2023 году составило 3683 случая [12].

Вышеизложенное согласуется с исследованиями в части изучения состояния здоровья подростков и молодежи 15–19 лет в регионах Дальневосточного федерального округа. Показатели заболеваемости на 2021 год свидетельствуют, что среди классов болезней, традиционно лидирующих среди данной группы населения (органов дыхания, системы кровообращения, органов зрения и др.), зарегистрирована высокая заболеваемость по классу болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ. Наиболее высокие уровни были отмечены в Амурской области (5,8%), Чукотском Автономном Округе (2,4%), Приморском крае (2,2%), Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области (по 1,5%) [10, 17].

Структура первичной заболеваемости среди подростков Хабаровского края 15–17 лет, за период с 2005 по 2021 г. свидетельствуют о достоверном увеличении по классу болезней, протекающих с нарушением метаболизма – ожирению (на 144%), сахарному диабету (на 104%) (рис. 1, 2).

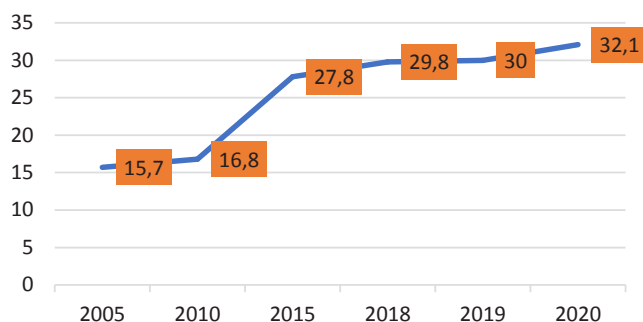

Рис. 1. Динамика заболеваемости подростков с 2005 по 2021 г. сахарным диабетом (на 100 000 населения 15–17 лет)

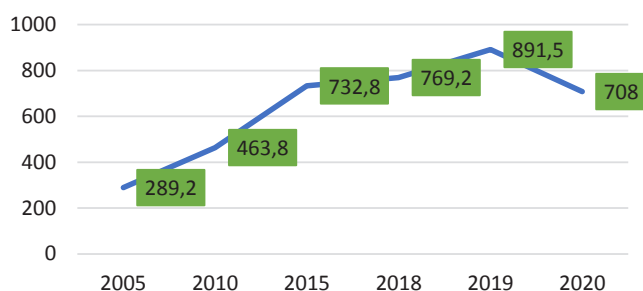

Рис. 2. Динамика заболеваемости подростков ожирением с 2005 по 2021 г. (на 100 000 населения 15–17 лет).

Данные статистики говорят о том, что актуальность проводимого исследования обусловлена такой проблемой, как повсеместное распространение данной патологии среди молодежи, неся в себе высокую угрозу для их здоровья, что может в дальнейшем оказать крайне негативное влияние на социально-экономическое благополучие страны в целом, и дальневосточного региона, в частности.

По утверждению специалистов, наиболее уязвимой социальной группой традиционно является студенческая молодежь, уникальность которой определяется обучением и социализацией в особых условиях высших учебных заведений, предъявляющих высокие требования к пластичности психики и физиологии молодых людей [14]. В свою очередь, избыточный вес и ожирение оказывают значительно большее влияние на физическое и психоземotionalное состояние студентов. Увеличение суммарной учебной нагрузки, напряженная умственная деятельность в сочетании с низкой двигательной активностью, обуславливают снижение активности функциональных систем, а также уровней физического развития и физической работоспособности, что в целом, приводит к возникновению условий для повышенной утомляемости, ухудшению самочувствия и здоровья [19].

Рассматривая данную патологию с позиции физического здоровья, ученые выделяют такие метаболические нарушения, происходящие в организме, как повышенное артериальное давление, сахарный диабет 2-го типа, эндокринные нарушения, респираторные симптомы, включая одышку, ортопедические осложнения, и даже злокачественные новообразования [7]. Помимо рисков, связанных с ожирением, молодые люди данной группы несут психологическое и эмоциональное бремя. Так, у студентов, имеющих лишний вес, могут возникать такие проблемы, как неуверенность в себе и в своей внешности, низкая самооценка, стеснение и многое другое, что в дальнейшем может привести к определенным психическим расстройствам.

В то же время, социальные ожидания в отношении молодежи сегодня связаны с ориентацией на ее серьезные физические возможности и определенные нагрузки – особенно в обществе, переживающем резкие социальные трансформации, в котором наметились новые каналы для социального восхождения, а также максимального повышения личного социального статуса [15]. Возможности постоянного стремления к преобразованиям, социальной мобильности, активной жизненной позицией – дают дополнительные преимущества молодому поколению, имеющему здоровье, и, напротив, еще больше ограничивает возможности лиц с ожирением.

Еще одной значимой проблемой, вставшей в центре внимания научного сообщества, являются вопросы социальной адаптации студентов с избыточным весом к реалиям высшего образования. Активное встраивание молодежи в период обучения в социальную среду вуза, позволяет формировать определенный круг общения, учит жить в обществе. Это новый социальный опыт, неизбежным этапом получения которого, является именно социальная адаптация студента, под которой понимается способность индивида приспосабливаться к социальным и физическим требованиям среды, функционально и культурно взаимодействуя с социумом [3].

В период обучения у студента происходит трансформация системы ценностных ориентаций личности, предпринимаются серьезные усилия по наращиванию квалификации, формируются определенные типы межличностных взаимодействий. Адаптация студентов в высшем учебном заведении – это процесс, который может длиться на протяжении всего периода обучения, от успешности которого зависит содержание и успешность прохождения последующих этапов социализации: интеграции и индивидуализации [9].

Между тем, социальная адаптация студентов, страдающих чрезмерной полнотой, неизбежно отличается от адаптации остальных студентов, так как большинство молодых людей с ожирением, воспринимающих свое положение как депривированное, испытывают объективные трудности в интеграции в общество вследствие определенных отклонений в состоянии здоровья, физических ограничений и, связанных с этим, психологических проблем [21].

Ощущая на себе обструкцию общества и ближайшего окружения, они вынуждены по-своему приспосабливаться к социальной среде вуза, подстраиваться к общепринятым шаблонам, чтобы соответствовать критериям и ценностям студентов, не имеющих нарушений физической «нормы» в виде избыточного веса, которые диктует современное общество. Так, в частности, внешний облик, от которого во многом зависит и их социальный статус, и взаимоотношения со сверстниками и значимыми другими, а также служит своеобразным кодом для окружающих о принадлежности студента к определенной социальной группе, способствует заинтересованности студентов в формировании красивого тела и совершенствовании своей внешности.

Специалисты утверждают, что помимо индивидуальных усилий студентов по преодолению социальной ущемленности в связи с чрезмерной полнотой, работу над созданием необходимых возможностей для социальной адаптации данной группы молодых людей целесообразно начинать с возвращения большинства из них к нормальному весу [15].

В своей научной работе В.В. Апокин говорит о том, что регулировать процесс адаптации студентов в вузе, значит способствовать повышению резистентности организма студента, которая может быть специфической и неспецифической. «Неспецифическая – формирует способность адекватно реагировать на самые различные воздействия. Наиболее эффективным средством повышения неспецифической резистентности и снижения веса считается спорт и физическая культура...» [4].

О том, что физические упражнения стимулируют метаболические процессы в организме, повышают затраты энергии, способствуют коррекции массы тела, нормализации работы всех систем и органов, отмечают в своих трудах многие исследователи [5, 9].

При этом И.Ф. Яценюк добавляет, что физическая культура позволяет положительно влиять не только на физиологическую составляющую адаптации, но и на процесс социально-психологической адаптации студенческой молодежи [20]. Автор утверждает, что физическое развитие и духовное совершенствование личности, здоровый стиль жизни и активная жизненная позиция – все это в настоящее время является теми важными человеческими ценностями, которые формируются в процессе занятий физической культурой и спортом.

Рассматривая в диссертационной работе физическую культуру как средство социальной адаптации студентов в пространстве вуза, Е.С. Левченко говорит о ее значимости в формировании готовности личности к социальному взаимодействию. В свою очередь, это подтверждает тот факт, что

физическая культура может быть интегрирована в социально-педагогическую систему вузов как часть комплексной поддержки студентов, имеющих излишний вес [13].

Результаты исследования Е.Г. Турбиной также подтверждают, что физкультурно-спортивная деятельность позволяет вовлекать студентов в широкий спектр социальных взаимодействий, формируя адекватные поведенческие нормы и стандарты, оказывая при этом важную компенсаторную функцию через возможность формирования и развития межличностных отношений, а также понимания необходимых ориентировок для достижения жизненного успеха, которые в последствии становятся стимуляторами социализации [18].

Эксперты подчеркивают, что совместные занятия, тренировки, а также спортивные соревнования объединяют участников, что в свою очередь способствует формированию доверительных отношений и улучшению взаимодействия между ними. Также, данные практики представляют собой эффективный инструмент, позволяющий студентам проявить свою самостоятельность, социальную ответственность и умение работать в команде. Эти качества играют ключевую роль в процессе социальной адаптации, помогая молодым людям успешно взаимодействовать с окружающим миром и формировать позитивные отношения с другими [8].

В то же время, значительный потенциал физической культуры и спорта на практике не всегда эффективно используется для укрепления здоровья, повышения уровня социальных коммуникаций молодых людей, имеющих излишний вес, полноценной их социализации в обществе. Социальная адаптация студентов данной категории зачастую затруднена из-за ограниченных возможностей для физкультурных занятий, а также недостатка физического воспитания; в большинстве своем, с теоретическим характером подготовки по дисциплине «Физическая культура». Распространенная долгое время среди российской общественности идеология, основанная на мнении, что понятия «ожирение» и «физическая активность», мало совместимы, по факту привели к тому, что физкультурно-спортивная деятельность не рассматривалась как эффективное средство социальной адаптации студентов, имеющих лишний вес, в период обучения в высшем учебном заведении [2].

Методология

Накоплен не малый объем научных работ в области исследования проблемы избыточного веса и ожирения студенческой молодежи. Был выявлен ее междисциплинарный характер: социология, педагогика, психология, медицина так или иначе занимаются изучением данной проблематики, позволяя, в рамках вышеизложенных наук, по-новому взглянуть на дан-

ный процесс. Следует отметить ряд выдающихся российских ученых, работавших и продолжающих работу в данном направлении. Так, проблемы профилактики и борьбы с избыточным весом и ожирением исследованы в научных работах О.В. Бородинной, Т.Г. Вознесенской, С.И. Кузина, М.В. Карманова, А.В. Сидорова, Я.С. Цыденовой и др.

Представляется важным отдельно выделить научные труды исследователей, в которых рассматривалась проблема социальной адаптации студентов, имеющих излишний вес, в пространстве высшего учебного заведения. Так, общие методологические подходы к выявлению состояния социального самочувствия студенческой молодежи с избыточным весом и пути его оптимизации рассмотрены в работах Т.Ю. Покровской [15]. Психологические результаты процесса социальной адаптации студентов представлены в научных статьях Т.Д. Дубовицкой и А.В. Крыловой [11]. Также вопросы социальной адаптации студентов с избыточным весом и ожирением отражены в работах М.И. Базыкина, Г.Н. Лесниковой [5], А.А. Безденежных, В.А. Брыкина, О.Ф. Крикунова [6], Е.В. Филипповой, И.В. Грошевихина [19], в которых авторы рассматривают условия снижения веса и профилактики ожирения у студентов данной категории средствами физической культуры с целью их успешной социальной интеграции, а также ведут поиск стратегических ориентиров ее достижения.

Результаты и обсуждение

В процессе изучения данной проблемы, ранее нами было проведено социологическое исследование среди студентов 1–3 курсов ($n = 995$) некоторых крупнейших дальневосточных вузов по вопросам, касающихся изучения представлений и мотивационных установок студентов в отношении здоровья и здорового образа жизни. Из числа опрошенных 32% составили лица мужского пола, 68% – женского.

Один из разделов анкеты был направлен на изучение распространенности избыточной массы тела и ожирения среди студентов-дальневосточников, а также оценке их способности адаптироваться в социальной среде вуза с помощью средств физической культуры и спорта. В разработанной автором анкеты студентам предлагалось самостоятельно вычислить свой индекс массы тела (ИМТ), опираясь на данные о росте и весе. Также студентов просили ответить на вопросы о своих привычках, предпочтениях в физической активности, о регулярности занятий физкультурно-спортивной деятельностью, а также о том, есть ли у них доступ к спортивным ресурсам в вузе и насколько они активны в социальной жизни, связанной с физической культурой.

По результатам определения студентами индекса массы тела было установлено, что 64,0%

из них относятся к категории веса «нормальный» и находятся в хорошей физической форме. У 20,3% респондентов выявлена недостаточная масса тела, в то время как у 11,7% наблюдается избыточный вес, а 4,0% студентов уже находятся на стадии ожирения (табл. 1). При этом лишь 23,3% респондентов знали, что «здоровым значением» считается показатель от 18,5 до 24, а показатель выше – говорит о риске возникновения проблем со здоровьем.

Таблица 1. Результаты опроса студентов вузов ДФО в возрасте 17–20 лет

№	Категория веса	Девушки	Юноши
1	Недостаточный вес	157 (15,8%)	45 (4,5%)
2	Нормальный вес	509 (51,2%)	128 (12,8%)
3	Избыточный вес	75 (7,5%)	42 (4,2%)
4	Ожирение	13 (1,3%)	27 (2,7%)

Далее на предложенные вопросы отвечала социальная группа студентов, у которых был выявлен излишний вес или ожирение ($n = 157$).

По утверждению специалистов, на уровень социальной адаптации личности воздействует множество факторов, одним из которых является комплекс внутренних факторов, зависящих от степени отклонения физических параметров молодого человека от «нормы». В этой связи студентам было предложено ответить на вопрос: «Оказывает ли Ваш вес влияние на ваше самочувствие и уверенность в себе?». Анализ полученных ответов продемонстрировал, что 78,6% участников опроса признали наличие комплексов, связанных с избыточным весом, из них 62,1% – девушки и 37,9% – юноши.

При ответе на вопрос о том, оказывает ли вес влияние на процесс обучения и адаптацию к университетской жизни, больше половины респондентов (58,2%) ответили утвердительно, 31,1% – указали, что иногда это доставляет им неудобства, а оставшейся части студентов – 10,7%, вес не мешает вовсе.

Также, говоря о социальной адаптации, студенты отметили, что избыточная полнота создает сложности в межличностных взаимоотношениях (72,2%), усиливает желание уклониться от социальных обязанностей (48,4%), мешает вести нормальную общественную (43,3%) и личную жизнь (61,8%), что в свою очередь, может повлиять на возможности для личностного роста, развития (26,1%) и снижение уверенности в своих способностях (19,8%), ограничение возможности заводить новые знакомства (16,8%) и выстраивать отношения (14,6%) (допускался выбор не более трех вариантов ответов).

Регулярные занятия физической культурой и спортом способствуют не только улучшению

физического здоровья индивида, но и позитивно сказываются на его психологическом благополучии, что, в свою очередь, играет ключевую роль в успешной адаптации к социальной среде учебного заведения. С этим согласились 74,2% респондентов. При этом, воспринимают физкультурную деятельность как средство улучшения общего самочувствия, совершенствования деятельности различных систем организма – 38,4% опрошенных, улучшения внешнего вида, пропорций тела – 27,2% респондентов, как средство преодоления стеснительности, снятия нервного напряжения – 19,0%, возможность найти новых друзей, общение с однокурсниками – 15,4%.

Тем не менее, на вопрос о том, насколько часто студенты занимаются физическими упражнениями, выяснилось, что 68,4% опрошенных занимаются только на занятиях по дисциплине «Физическая культура», при этом почти половина из них (36,0%) нередко эти занятия пропускают по причине того, что испытывают трудности в выполнении контрольных нормативов (29,3%), чрезмерной утомляемости (20,5%), ощущении дискомфорта своего состояния во время занятий (16,2%), стеснении, испытываемом, если что-то не получается (12,0%), отсутствии интереса и желания заниматься (8,2%). Также было установлено, что лишь 16,3% респондентов иногда ходят на дополнительные тренировки, а 8,1% – занимаются спортом дополнительно на регулярной основе 2–3 раза в неделю. Возможно, это связано с тем, что при составлении программ физкультурно-спортивных занятий в вузах не учитываются должным образом состояние здоровья студентов с избыточной массой тела, предшествующая физическая подготовленность, интересные и доступные для них формы коммуницирования.

При этом, почти две трети респондентов (72,0%) согласились с тем, что если бы занятия проводились в отдельной группе, по специально разработанной, адаптированной программе занятий и тренировок, с подходящими и посильными для них упражнениями, то это очень повысило бы их мотивацию к занятиям физкультурно-спортивной деятельностью, что в свою очередь, способствовало бы не только снижению веса, но и развитию личностных качеств и коммуникативных навыков. В частности, участники опроса отметили, что это могло бы привести к установлению новых контактов (37,3%), возможности общения с людьми, разделяющими их взгляды и интересы (27,8%), а также к развитию дружеских отношений (20,7%). Эти аспекты имеют большое значение для успешной адаптации в новой социальной среде.

Самыми популярными ответами о том, какой именно активностью они хотели бы заниматься, стали оздоровительный фитнес (йога, занятия с использованием гантелей, фитболов, экспандеров и другого подходящего инвентаря) (36,2%),

плавание (21,4%), легкий туризм и прогулки (17,0%), настольный теннис (11,3%), бадминтон (9,1%).

Таким образом, опрос показал, что большинство студентов с избыточным весом всё же испытывают дискомфорт относительно своего состояния. Молодые люди ощущают социальную дистанцию между собой и другими студентами, чувствуют неуверенность в своих способностях, что, в свою очередь, снижает их самооценку и уровень амбиций, мешая преодолению депривации, с которой они сталкиваются.

Также полученные данные свидетельствуют о положительном образе регулярных занятий физическими упражнениями среди студентов, имеющих лишний вес. Анализ результатов показал, что молодые люди воспринимают физкультурные занятия в большей степени как средство улучшения показателей здоровья и снижения массы тела. Тем не менее, на практике не всех участников опроса, имеющих избыточный вес, можно отнести к тем, кто в свободное время ведет активный образ жизни и поддерживает себя в хорошей физической форме. При выборе конкретных трудностей, самыми популярными стали: физическая усталость, низкая самооценка, а именно неуверенность в себе, стеснение, а также отсутствие интереса.

Одним из основных побудительных мотивов к занятиям физкультурными практиками у респондентов в большей степени может стать включение их в безопасные и продуктивные формы взаимодействия, используя дифференцированный подход, на основе учета индивидуальных особенностей занимающихся и их интересов. В свою очередь, это способствовало бы решению таких психологических и социальных проблем, как развитие уверенности в себе, возможность общения, появления новых социальных контактов и т.д.

В качестве примера положительного опыта хотелось бы привести программы, успешно реализуемые в Тихоокеанском государственном университете, г. Хабаровск. Так, в частности, для преодоления негативных факторов социальной адаптации студентов, страдающих чрезмерной полнотой, в вузе проводится обеспечение материальной доступности таких видов физкультурной деятельности, как оздоровительное плавание и аквааэробика, занятия которыми проводятся как в рамках программы по дисциплине «Физическая культура» (раздел «Плавание»), так и организованной работы секций на бесплатной основе, где могут заниматься все желающие.

Тренировка по плаванию, снижая нагрузку на опорно-двигательный аппарат, при этом эффективно укрепляет мышцы. Данный вид двигательной активности, по утверждению ученых, выступает не только как средство профилактики ожирения, но и оказывает положительное влияние на психологическое и социальное здоровье

студентов, улучшая настроение и повышая самооценку, что в целом способствует улучшению социального самочувствия молодежи [6].

Работа, направленная на социальную адаптацию студентов с избыточным весом, также предполагает вовлечение их в физическую и спортивную активность, с учетом их индивидуальных особенностей и физических возможностей.

Так, к примеру, с 1970 года в вузе работает туристический клуб «Горизонт», где значимый акцент делается на занятиях пешим и водным туризмом. Члены клуба активно принимают участие в соревнованиях различных уровней, ходят в походы, посещают лекционные и практические обучающие занятия и семинары. Согласно мнению специалистов, прогулки и легкий туризм, в целом, обеспечивают необходимую двигательную активность и разностороннюю физическую подготовку, способствуя снижению веса и улучшению общего состояния здоровья, а также формируя позитивный подход к физической активности [1]. Помимо этого, во время похода есть возможность установить новые знакомства и получить массу впечатлений. Тем самым, предпринимаются меры по реализации комплексного решения проблем адаптации студентов и включения их в активную спортивную, а также социальную деятельность.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что в настоящее время проблема лишнего веса и ожирения среди студенческой молодежи очень актуальна.

На основе теоретического анализа и практических наблюдений можно утверждать, что физическая культура, будучи неотъемлемой частью образовательного процесса, не только способствует укреплению здоровья и снижению веса, но и оказывает значительное положительное воздействие на социальную адаптацию студентов. Это, в свою очередь, является важным аспектом их успешной интеграции в социальную среду высшего учебного заведения.

Однако стоит отметить, что потенциал физической культуры и спорта ещё не в полной мере используется для формирования физического и психологического здоровья студентов, имеющих избыточный вес или ожирение. Также не все ресурсы нацелены на улучшение их социальных контактов и полноценную адаптацию в обществе.

В целом, разработка социальной политики вузов по обеспечению социальной адаптации студентов, имеющих излишний вес, должна быть направлена на такие мероприятия, как поддержка здорового образа жизни, доступность занятий физической культурой и спортом, стимулирования собственной социальной активности в преодолении данной патологии. При этом, необходи-

мо направлять молодых людей, ощущающих социальную депривацию, в такую среду, где ценности и нормы были бы для них наиболее подходящими, где взаимодействия со «значимыми другими» носили бы позитивный характер.

Таким образом, можно утверждать, что социальная значимость и недостаточная эффективность подходов к вопросам, связанным с сохранением здоровья, снижением веса и социальной адаптацией студентов с избыточной массой тела и ожирением с использованием средств физической культуры и спорта, делают данное исследование особенно актуальным. Это также подчеркивает растущую потребность в поиске новых и инновационных методов для решения указанных проблем.

Литература

1. Алфёрова А. О., Вронская Н.Г., Конобейская А.В. Влияние оздоровительного туризма на самосохранительное поведение студентов вузов // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 16 января 2024 г.) / гл. ред. Ж.В. Мурзина. — Чебоксары: Среда, 2024. — С. 118–120.
2. Аллахвердиева Л. М., Султанова М.К. Роль физической культуры и спорта в социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Донецкого педагогического института. 2017. № 1. С. 60–64.
3. Анисимова Т.Г. Общие подходы к оптимизации процесса адаптации студентов в среде вуза // Вестник ГУУ. 2014. № 12. С. 162–166.
4. Апокин В.В. Адаптационные возможности организма студентов спортивного факультета в условиях смещения поясного времени // Успехи современного естествознания. — 2014. — № 11. — С. 9–13.
5. Базыкин М. И., Лесникова Г.Н. К вопросу о роли физической культуры в социальной адаптации студентов // Вестник науки. 2024. № 3 (72). С. 390–395.
6. Безденежных А.А. Физическая культура для студентов с избыточным весом / А.А. Безденежных, В.А. Брыкина, О.Ф. Крикунова // Наука-2020. — 2019. — № 11(36). С. 80–84.
7. Бочарова О. В., Теплякова Е.Д. Ожирение у детей и подростков – проблема здравоохранения XXI века // Казанский медицинский журнал. 2020. № 3. С. 381–388.
8. Бухтоярова Л.В. Развитие коммуникативных навыков студентов вуза средствами баскетбола / Л.В. Бухтоярова // Перспективные научные исследования: опыт, проблемы и перспективы развития. — 2023. — С. 230–237.
9. Голубева Н. М., Голованова А.А. Факторы адаптации студентов к образовательной сре-

- де вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 2(10). С. 125–130.
10. Грицина, О. П., Яценко, А. К., Транковская, Л. В., Бодрая, И. С., Поздеева, Е. С., Змитрович, П. А. и др. Состояние здоровья детей и подростков дальневосточного федерального округа // Российский вестник гигиены. 2023. № 4. С. 29–34.
 11. Дубовицкая Т. Д., Крылова А.В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. – URL: http://psyedu.ru/journal/2010/2/Dubovitskaya_Krilova.phtml (дата обращения: 09.01.2025).
 12. Здравоохранение в России. 2023: Стат.сб./ Росстат. – М., 2023. – 179 с.
 13. Левченко Е.С. Социальная адаптация студентов вуза средствами физической культуры: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.04 / Левченко Е.С. Москва, 2007. 180 с.
 14. Подласый И.П. Педагогика: в 3-х кн., кн. 3: Теория и технология воспитания: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подгот. и специальностям в обл. «Образование и педагогика» [Текст] / И.П. Подласый. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ВЛАДОС, 2007. – 527 с.
 15. Покровская Т.Ю. Социальное самочувствие студентов с избыточным весом: формы детерминации и направления социальной адаптации: дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Покровская Татьяна Юрьевна; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. – Казань, 2009. – 211 с.
 16. Представлена статистика распространенности ожирения в России: <https://futuredoc.minzdrav.gov.ru/news/predstavlena-statistika-rasprostranennosti-ozhireniya-v-rossii>.
 17. Ракицкая Е. В., Рзянкина, М.Ф. Здоровье подростков Дальневосточного федерального округа: современные тенденции, вызовы и пути преодоления // Дальневосточный медицинский журнал. 2022; (3): 72–80.
 18. Турбина Е. Г, Маркин А.В. Физические упражнения как средство адаптации студентов первого курса высших учебных заведений // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. 2023. Т. 4. № 1. С. 28–32.
 19. Филиппова Е. В., Грошевихин И.В. Физическая культура студентов с ожирением в период дистанционного и очного постпандемийного обучения // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 4 (206). С. 454–459.
 20. Яценюк И. Ф., Ефименко Э.И. Влияние физической культуры на адаптацию студентов первого курса // Физическая культура, спорт и здоровье студенческой молодежи в современных

условиях: проблемы и перспективы развития: материалы Региональной студенческой научно-практической конференции, посвященной 40-летию РГППУ, 17 апреля 2019 г., г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург: РГППУ, 2019. – С. 261–265.

21. Grima, M. Obesity. Recommendations for management in general practice and beyond / M. Grima, J.B. Dixon // Australian family physician. – 2013. – Vol.42(8). – P. 532–541.

PHYSICAL AND SPORTS ACTIVITIES AS A FACTOR OF SOCIAL ADAPTION OF STUDENTS OVER BODY WEIGHT

Konobeyskaya A.V.
Pacific State University

The article is devoted to the analysis of the current problem of excess body weight that modern youth faces. Statistical data on negative trends in the health of young people in the constituent entities of the Far Eastern Federal District associated with metabolic disorders is provided. The work examines the factors contributing to the development of obesity, as well as the consequences of this pathology, affecting the psychophysical health of students, their social interaction, which subsequently determine the success of social adaptation in the university environment. Both theoretical and practical aspects of the impact of physical culture and sports activities on the health and social adaptation of students are analyzed. The empirical basis of the study was formed on the basis of sociological surveys conducted among students from the Far East. The results obtained indicate that regular physical education contributes to the development of communication skills and significantly simplifies the process of adaptation to a new social environment. Taking into account the identified problematic aspects, the article offers recommendations for the integration of physical education into the educational process in order to increase the effectiveness of social adaptation of overweight students.

Keywords: student youth, health, excess weight, social adaptation, physical education and sports activities.

References

1. Alferova A.O., Vronskaya N.G., Konobeyskaya A.V. The influence of health tourism on the self-preservation behavior of university students // Education, innovation, research as a resource for community development: materials of the All-Russian scientific and practical. conf. with international part. (Cheboksary, January 16, 2024) / ch. ed. Zh.V. Murzina. – Cheboksary: Wednesday, 2024. – P. 118–120.
2. Allahverdieva L.M., Sultanova M.K. The role of physical culture and sports in the social adaptation of students with disabilities // Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute. 2017. No. 1. pp. 60–64.
3. Anisimova T.G. General approaches to optimizing the process of adaptation of students in a university environment // Vestnik GUU. 2014. No. 12. pp. 162–166.
4. Apokin V.V. Adaptive capabilities of the body of students of the sports department in conditions of a zone time shift // Advances in modern natural science. – 2014. No. 11. P. 9–13.
5. Bazykin M.I., Lesnikova G.N. On the issue of the role of physical culture in the social adaptation of students // Bulletin of Science. 2024. No. 3 (72). P. 390–395.
6. Bezdenezhnykh A.A. Physical culture for overweight students / A.A. Bezdenezhnykh, V.A. Brykina, O.F. Krikunova // Science-2020. – 2019. – No. 11(36). pp. 80–84.
7. Bocharova O.V., Teplyakova E.D. Obesity in children and adolescents – a health problem of the 21st century // Kazan Medical Journal. 2020. No. 3. pp. 381–388.
8. Bukhtoyarova L.V. Development of communication skills of university students through basketball / L.V. Bukhtoyarova // Ad-

- vanced scientific research: experience, problems and development prospects. – 2023. – P. 230–237.
9. Golubeva N.M., Golovanova A.A. Factors of adaptation of students to the educational environment of the university // *News of Saratov University. New series. Series Acmeology of education. Developmental psychology*. 2014. T. 3. No. 2(10). pp. 125–130.
 10. Gritsina O.P., Yatsenko A.K., Trankovskaya L.V., Bodraya I.S., Pozdeeva E.S., Zmitrovich P.A., etc. The state of health of children and adolescents of the Far Eastern Federal District // *Russian Bulletin of Hygiene*. 2023. No. 4. pp. 29–34.
 11. Dubovitskaya T.D., Krylova A.V. Methodology for studying the adaptability of students at a university // *Psychological Science and Education*. 2010. No. 2. – URL: http://psyedu.ru/journal/2010/2/Dubovitskaya_KriloVA.shtml (date of access: 01/09/2025).
 12. Healthcare in Russia. 2023: Statistical collection/Rosstat. – M., 2023. – 179 p.
 13. Levchenko E.S. Social adaptation of university students by means of physical culture: dissertation ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.04 / Levchenko E.S. Moscow, 2007. 180 p.
 14. Podlasy I.P. Pedagogy: in 3 books, book. 3: Theory and technology of education: textbook. for university students studying in areas of training. and specialties in the region. "Education and Pedagogy" / I.P. Podlasy. – 2nd ed., rev. and additional – M.: VLADOS, 2007. – 527 p.
 15. Pokrovskaya T. Yu. Social well-being of overweight students: forms of determination and directions of social adaptation: diss. ...cand. social Sciences: 22.00.04 / Pokrovskaya Tatyana Yurevna; [Place of protection: Nizhegor. state University named after N.I. Lobachevsky]. – Kazan, 2009. – 211 p.
 16. Statistics on the prevalence of obesity in Russia are presented: <https://futuredoc.minzdrav.gov.ru/news/predstavlena-statistika-rasprostranennosti-ozhireniya-v-rossii>
 17. Rakitskaya E.V., Rzyankina M.F. Health of adolescents in the Far Eastern Federal District: current trends, challenges and ways to overcome // *Far Eastern Medical Journal*. 2022; (3): 72–80.
 18. Turbina E.G., Markin A.V. Physical exercises as a means of adaptation for first-year students of higher educational institutions // *Science and practice in education: electronic scientific journal*. 2023. T. 4. No. 1. P. 28–32.
 19. Filippova E.V., Groshevikhin I.V. Physical culture of obese students during the period of distance and full-time post-pandemic learning // *Scientific notes of Lesgaft University*. 2022. No. 4 (206). pp. 454–459.
 20. Yatsenyuk I.F., Efimenko E.I. The influence of physical culture on the adaptation of first-year students // *Physical culture, sports and health of student youth in modern conditions: problems and development prospects: materials of the Regional student scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the Russian State University of Psychology and Education, April 17, 2019, Ekaterinburg / Russia. state prof.-ped. univ. – Ekaterinburg: RGPPU, 2019. – pp. 261–265.*
 21. Grima M. Obesity. Recommendations for management in general practice and beyond / M. Grima, J.B. Dixon // *Australian family physician*. – 2013. – Vol. 42(8). – P. 532–541.

Анализ событий XX века в российской социально-экономической действительности в контексте влияния на них политической составляющей

Коряк Владимир Владимирович,

председатель АНО «Центр развития социальной среды»
E-mail: chursina17@gmail.com

Шахов Олег Федорович,

д.э.н., ведущий научный сотрудник Объединенного центра социологии и экономики знания ФНИСЦ РАН
E-mail: oshahov@mail.ru

Шебунина Елена Александровна,

к.э.н., старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института экономики и управления в строительстве
E-mail: chursina11@gmail.com

Статья продолжает серию работ, в которых проводится анализ исторических предпосылок формирования двух социальных групп, обладающих свойствами господствующих общественно-политических классов. При доминировании той или иной группы развитие общества происходит эволюционно по одной из ветвей общественно-экономических формаций, предельными состояниями которых являются уклады государственного и буржуазного капитализма. Равновесному развитию общества соответствует наличие признаков обеих ветвей формаций и двухпартийная политическая система, выражающая интересы указанных групп. Революционными являются переходы между формационными ветвями, связанные с изменением системы ценностей. Статья имеет полемическую направленность, изложенные в ней идеи являются результатом обобщения и систематизацией известных фактов, направлена на выявление структурных диспропорций существующей политической системы с целью их устранения.

Ключевые слова: политология, социология, принуждение, власть, социально – политические изменения.

Энгельс указывал, что ядром марксизма является учение о прибавочной стоимости и исторический материализм [1, с. 350–351], объясняющий эволюцию формаций сменой способов производства с развитием средств [2, с. 7]. Согласно марксизму, в России могла произойти только буржуазно-демократическая революция, преодолевающая пережитки феодализма, и революция произошла, но социалистическая. А проблема в том, что **не должно было быть революции** при переходе от земельного феодализма к государственному капитализму. Революции связаны с изменением системы ценностей, но развитие внутри формационных ветвей является количественным, а не качественным. В ветви формаций, основанных на частном присвоении чужого труда, греко-римское рабовладение превратилось в колонат и в городской феодализм без революции, а превращения городского феодализма в буржуазный капитализм никто не заметил. Революции не было нигде при переходе от патриархального рабовладения к земельному феодализму (Киевская Русь). Первой революцией был отмечен переход от родового строя к патриархальному рабовладению, оставивший след в виде теогонии, переход от патриархального к частному рабовладению был революцией и сопровождался серией конфликтов, например, Пелопоннесской войной, Великая французская революция, утопившая в крови сначала Францию, а потом и Европу, прокладывала путь от земельного феодализма в буржуазный капитализм, Парижская коммуна была попыткой перехода от буржуазного капитализма к государственному (к коммуне), – это были переходы между формационными ветвями.

В России был земельный феодализм, несмотря на отмену крепостного права в 1861 г., община сохранилась [3, с. 196], ее разложение началось с аграрной реформы 1906–1911 гг., пролетариат формировался на базе обнищавших крестьян [4, с. 74], имевших общинные представления о справедливости. Утверждение, что в России начала 20 в. «капиталистическими являлись не только промышленность, но и сельский мир» [5, с. 178] основано на недоразумении: имея предпосылки развития буржуазного капитализма, общество не имело соответствующей такому развитию системы ценностей и восприняло систему коммунистических ценностей. В феврале 1917 г. была **буржуазно-демократическая революция**, которая сверг-

ла царя и разрушила феодальное государство, а в октябре 1917 г. была **социалистическая революция**, которая вернула Россию к исходной ветви формаций – к государственному капитализму. Были две последовательные и противоположные по направленности революции, а не государственный переворот и не одна революция, состоящая из двух этапов [6, с. 5]. В результате двух революций никакого «формационного скачка» не произошло, с переходом к государственному капитализму была достигнута предельная концентрация капитала, ставшая причиной быстрой индустриализации Советской России. Так же как в России, буржуазная революция в Китае (Синьхайская революция 1911–1913 гг.) привела к свержению маньчжурской династии и провозглашению Китайской республики. На момент социалистической революции (1925) в Китае с населением около 483,8 млн чел. [7, с. 7] пролетариат составлял около 2 млн чел. [8, с. 24], т.е. менее 0,42% населения. Как и Ленин, Мао Цзе-Дун мучился с определением природы революции и назвал «буржуазно-демократическую революцию нового типа» – «новомодератической» [9, с. 173]. Революции в России и в Китае были идентичны: общинная культура сделала их возможными, никакой исторической роли пролетариат не играл. Обе страны построили государственный капитализм.

Формационная модель и двухпартийная система

Формационная модель марксизма неверна. К.Маркс и Ф.Энгельс не придали значения праву суверена изымать земли, т.к. немецкие феодалы сохраняли собственность на землю даже с утратой политического суверенитета (упразднение сеньорий и графств в 1801–1806 гг.). На Руси земли принадлежали государству в лице суверена, князя, бояре и духовенство владели землей поскольку служили ему. Ошибка состояла в том, что за личным владением [10, с. 81, 82] не был увиден факт огосударствления, т.е. обобществления земель, поэтому земельный феодализм оказался предтечей не государственного, а буржуазного капитализма. Результатом стала путаница в формационной модели: патриархальное рабовладение (азиатская формация) исчезло, городской феодализм стал «зарождением капитализма в Италии», государственный капитализм стал социализмом, а господствующим классом – пролетариат, а не возглавлявшие его коммунисты. Ошибки можно было избежать, посмотри Маркс и Энгельс на устройство современного им общества Индии, включавшего 4 касты: брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшии (крестьяне, ремесленники, торговцы и ростовщики) и шудры (беднота). До кастового деления индийское общество делилось на 4 варны в том же составе: брахманы, кшатрии, вайшии (скотоводы и землевладельцы) и шудры, первые

три варны именовались «дваждырожденными», но считалось, что только **брахманам и кшатриям** дана **власть над всеми** созданиями (Законы Ману, IX, 327), а вайшиям – только над животными. Варны брахманов и кшатриев считались едиными (Законы Ману IX, 322), причем брахманство было выше кшатры (Панчавимша брахмана XII, II, 9) и считалось ее причиной: брахман мог существовать без кшатры, но кшатра без брахмана существовать не могла [11, с. 305–306], кшатра была военной элитой при брахманстве. Айтарея брахмана (текст из сборника гимнов Ригведы, 6–7 вв. до н.э.) противопоставляла брахманов всем другим варнам и устанавливала, что **царь** должен становиться **идентичным брахману** на время жертвоприношения и избавляться от тождества в конце обряда. Духовником царя был жрец *пурохита* (буквально: «кто поставлен впереди») и считалось, что боги не принимают жертв царя без участия *пурохиты* (Айтарея брахмана VIII; 24). Царь зависел от *пурохиты*, духовно жрец был выше царя, но подчинялся ему в вопросах светской жизни. Таким образом, дуалистическая модель бл. Августина 413–427 гг. в основных положениях повторяла Айтарею брахмана 6–7 вв. до н.э., а в Законах Ману (2 в. до н.э. – 2 в.) была описана структура классов полной формационной модели задолго до Маркса и Энгельса. Тем не менее, и в 20 веке индологи доказывали [66, с. 43], а социологи соглашались, что «*иерархия каст покоится не на власти или господстве, а на отдаленности или близости по отношению к некой ценности...*» [12, с. 161]. Иерархия каст «покоится» на социокультурном господстве и воспроизводит классовую структуру формаций, основанных на обобществленной собственности, т.е. возникновение 4-х основных каст является социальным феноменом и относится к периоду патриархального рабовладения, эти касты включили в себя подкасты, имевшие более древнее происхождение от тотемических групп [13, с. 208]. Существование кастовой системы в 21-м веке означает, что эволюция укладов этой ветви формаций сопровождается изменением форм закабаления и принципов распределения, **больше ничем**, т.е. эволюция такого общества состоит в эволюции культуры.

Новая формационная модель предполагает наличие двух ветвей, отличающихся доминированием идеологического или экономического господства и, следовательно, доминированием в экономике обобществленной или частной собственности на средства производства. В глобальном плане это разделение отражает наличие двух групп закономерностей, определяющих содержание эволюции общества:

- закономерностей биологического и экономического бытия, выражением которых являются дарвиновская теория и теории эволюции обществ, основанных на экономическом господстве (марксизм), а движущей силой развития – имущественное неравенство;

- закономерностей отношений между людьми, т.е. социального бытия, **архаичным** выражением которых, являются религии, а движущей силой развития – неравенство положения в социальной иерархии.

Соответствующие закономерностям типы общественной организации можно условно обозначить как **низший**, ориентированный на дарвинизм и отражающий биологическую природу человека, и **высший**, отражающий его социальную природу. Отличие эволюционных законов экономики от эволюционных законов социальной среды проявляется в том, что первые обуславливают элиминацию социальной дифференциации (за счет установления правового равенства и гражданских свобод) и возникновение имущественного неравенства (определяющего социальное положение), а вторые – элиминацию имущественной дифференциации (экономическое равенство и социальные гарантии) и неравенство положения в социальной иерархии. Эквивалентом гражданских свобод в формациях, основанных на социокультурном господстве, являются социальные гарантии и доступность «социальных лифтов» для представителей «нижних этажей» социальной иерархии, т.е. ротация элит (например, квоты и программы «позитивной дискриминации» в Индии). Быстро выяснилось, что в госкапиталистическом укладе проще сделать всех одинаково бедными, чем одинаково богатыми:

- если в буржуазно капиталистическом укладе возникновение имущественного неравенства и перераспределение богатства осуществляются за счет участия в экономическом росте, то в госкапиталистическом – имущественное неравенство порождается положением в иерархии;
- единственным доходом государства является рента (собственно рента, налоги или дивиденды) и она не может быть произвольной. Случаем, когда размер ренты не приводит к перекосам является взимание дивидендов, и это означает участие государства в капитале и существование секторов буржуазного капитализма внутри государственного. Государственный капитализм способен обеспечить мобилизацию ресурсов и концентрацию капитала, но он не способен обеспечить **интенсивный** экономический рост, в нем нет необходимых для этого движущих сил. Экономический рост в этом укладе является **экстенсивным**, т.е. происходит за счет вовлечения новых ресурсов.

Последнее является причиной необходимости экономически господствующего класса в госкапиталистическом укладе и наличия реально функционирующей двухпартийной политической системы (а не ее имитации). Формации, основанные на экономическом господстве, обеспечивают экономический и научно-технический прогресс,

но соответствуют низшим типам общества, эволюция которых охватывается эволюцией европейской цивилизации и представляет собой не историю человека, а историю превращения обезьяны в человека. Общество, основанное на идеологическом господстве, является высшим типом общества, но без низшего типа оно не может существовать, т.к. не способно к развитию (оно может только расширяться), а при отсутствии «социальных лифтов» оно консервируется и превращается в кастовую систему.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках данной работы исследования были получены следующие результаты.

1. Доказано, что история общества является историей классовой борьбы, но борьбы не тех классов, о которых говорится в марксизме, – это борьба идеологически господствующего класса с экономически господствующим за политическое господство над обществом, символизируемая дихотомией общего и частного блага. Общество используется этими классами: один привлекает **экономическим равенством политически неравных** и заботой (которая превращается в зависимость от социального государства), второй – **экономическим неравенством политически равных** и свободой (которая превращается в свободу продажи самого себя). Политическое доминирование класса определяется системой ценностей, делающей возможными конкретный экономический уклад, форму правления и политический режим, т.е. тип общества:
- **иерархическое (замкнутое) общество**, основанное на обобществленной собственности на средства производства, с чем связано доминирование в нем рентных и распределительных отношений. В таком обществе преобладают отношения социокультурного господства, а отношения распределения формируют зависимости и иерархию. Идеологически господствующий класс стремится к расширению государственной власти, посредством которой он осуществляет обобществление и распределение общественного богатства, что предполагает авторитарные формы правления и социальное государство. Благополучие общества определяется рентой, получаемой за пользование его ресурсами (капиталом, производительными силами, землей, недрами), и изменяется **экстенсивно**. Инклюзивность социальных групп в процесс перераспределения обеспечивает рост или уменьшение неравенства, а в зависимости от принципов оно воспринимается справедливым или нет;
 - **либеральное или демократическое (открытое) общество**, основанное на частном праве на средства производства, из которого вытекают возможность присвоения чужого труда

и экономическое господство. Экономическое господство и присвоение противостоят идеологическому господству и распределению, поэтому экономически господствующий класс стремится к ограничению государственной власти (т.к. не она является источником его господства) и к равенству перед законом, демократическим формам правления и правовому государству. Благополучие общества определяется объемом производства благ с развитием производительных сил и изменяется **интенсивно**, движущей силой интенсификации является имущественное неравенство: перераспределение богатства осуществляется за счет участия в экономическом росте. Рано или поздно это общество превращается в олигархическое, а потом – в иерархическое. Не демократия и не правовое государство порождают олигархию, а тип господства, который в них нуждается;

- **смешанное (реальное) общество**, в котором одни отрасли экономики построены по типу формаций, основанных на обобществленной собственности, а другие – по типу формаций, основанных на частном присвоении чужого труда. Смешанные общества отличаются доминированием черт того или иного «чистого» типа, а объединяет их фиксация в конституции признаков правового и социального государства одновременно. Современная Россия является экономической общностью, смешанным обществом с доминированием черт иерархического, поддерживаемого внешними угрозами, предполагающими необходимость концентрации капитала и государственной собственности в ключевых отраслях.
2. Выявлено, что экономическое господство демократично потому, что равенство оправдывает частное присвоение, порождающее это господство, а идеологическое господство авторитарно, поскольку любая иерархия имеет предел. Исходя из данного тезиса, демократия и авторитария говорят не о свободе, а о доминирующем в обществе типе господства, определяющем ее содержание или как осознанной необходимости определенных действий (Спиноза под необходимостью понимал Бога [14, с. 8 и с. 94], а Ленин – объективные законы [15, с. 195]), или как свободы действовать «*по своему усмотрению, на свой собственный страх, во всем, что касается только его самого*» [16, с. 72], в том числе вопреки осознанной необходимости. Эти две свободы могут не только совпадать, первая свобода может предполагать больший объем гражданских прав, чем вторая, например, если вторая распространяет гражданские свободы на сферу девиантного поведения, к которому априорное равенство не применимо. Первая предполагает, что

действие всегда является рациональным, вторая допускает иррациональность вопреки необходимости и здравому смыслу, и эта разница считается критерием свободы, за которую стоит умирать... Заканчивается история «открытого общества» имени Карла Поппера, реализуемая Дж. Соросом, искренне верящим в озадачивший И.П. Павлова рефлекс свободы [17, с. 343] и в демократию-рефлекс, требующую «конструктивного» вмешательства [18, с. 397], и чем напоминающего Льва Троцкого, из тех же побуждений искренне верившего в Мировую революцию.

3. Выявлено, что в случае если между идеологически и экономически господствующими классами (представляющими их интересы политическими партиями) противоречия возникают только по поводу обладания средствами производства (причины для конфликта отсутствуют при разграничении сфер экономики или участия государства в капитале, т.е. формировании рентных отношений), то борьба идеологических классов между собой за господство над обществом носит бескомпромиссный характер, что является причиной формирования однопартийной системы в госкапиталистическом укладе. Борьбу идеологических классов, которыми являлись фракции ВКП(б), выражавшие различные течения коммунистической доктрины, отражала сталинская концепция нарастания классовой борьбы при построении социализма, другим выражением борьбы идеологических классов является религиозная нетерпимость. В государстве не может быть двух или трех идеологически господствующих классов, – рано или поздно в борьбе за свое политическое господство они устроят бойню, в которую втянут общество. Компромисс между идеологически и экономически господствующими классами является необходимостью и выражается двухпартийной системой.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961, т. 19.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961, т. 13.
3. История государства и права России. Учебник/ под ред. Ю.П. Титова – М.: ООО «ТК Велби», 2003.
4. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века// ПСС. Изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1981, том 17.
5. Кола Доминик. Политическая социология. Пер. с фр.; Предисло. А.С. Гофмана. – М.: Издательство «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001. – С. 406.
6. Троцкий Л.Д. История русской революции. Том 1 // <https://www.litres.ru/book/lev-trockiy/>

istoriya-russkoy-revolucii-tom-i-177726/ (дата обращения: 08.01.2025).

7. Баженова Е.С. Население Китая: история и современность – М.: ИПЦ «МАСКА», 2018. – С. 72.
8. Мао Цзе-Дун. Избранные произведения. Том 1 – М.: Издательство иностранной литературы, 1952. – С. 534.
9. Мао Цзе-Дун. Избранные произведения. Том 3 – М.: Издательство иностранной литературы, 1953. – С. 446.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961, т. 42.
11. Луи Дюмон. Номо hierarchicus: опыт описания системы каст. Пер. с франц. под редакцией Краснодембской Н.Г. Вступительная статья Краснодембской Н.Г. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. – С. 480.
12. Кола Доминик. Политическая социология. Пер. с фр.; Предисловие. А.С. Гофмана. – М.: Издательство «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001. – С. 406.
13. Леви-Стросс К. Первобытное мышление./ Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – С. 384.
14. Бенедикт Спиноза. Этика. О Боге, человеке и его счастье. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022, 832 с. // <https://www.litres.ru/book/benedikt-spinoza/etika-o-boge-cheloveke-i-ego-schaste-68809611/> (дата обращения: 26.01.2025).
15. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1981, том 18.
16. Милль Д. О Свободе. Пер. с англ. А.Н. Неведомского. – Public Domain», 1859 // <https://www.litres.ru/book/dzhon-stuart-mill/o-svobode-8521374/> (дата обращения: 26.01.2025).
17. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Издание 2-е дополненное – Москва: АН СССР, 1951. том 3, книга 1.
18. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер. с англ. – М.: Некоммерческий фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001. – С. 45.

ANALYSIS OF THE EVENTS OF THE TWENTIETH CENTURY IN THE RUSSIAN SOCIO-ECONOMIC REALITY IN THE CONTEXT OF THE INFLUENCE OF THE POLITICAL COMPONENT ON THEM

Koryak V.V., Shakhov O.F., Shebunina E.A.

Center for the Development of the Social Environment, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Central Research Institute of Economics and Management in Construction

This work opens a series of articles that analyze the historical prerequisites for the formation of two social groups with the properties of dominant socio-political classes. With the dominance of one or another group, the development of society occurs evolutionarily along one of the branches of socio-economic formations, the ultimate states of which are the structures of state and bourgeois capitalism. The equilibrium development of society corresponds to the presence of features of both branches of formations and a two-party political system expressing the interests of these groups. Transitions between formation branches associated with a change in the value system are revolutionary. The article has a polemical focus, the ideas presented in it are the result of generalization and systematization of known facts, aimed at identifying structural imbalances in the existing political system in order to eliminate them.

Keywords: political science, sociology, coercion, power, socio-political changes.

References

1. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. – М.: Gospolitizdat, 1961, v. 19.
2. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. – М.: Gospolitizdat, 1961, v. 13.
3. History of the State and Law of Russia. Textbook/edited by Yu.P. Titov – М.: ООО «TK Velbi», 2003.
4. Lenin V.I. The Agrarian Question in Russia by the End of the 19th Century// Collected Works. 5th ed. – М.: Publishing House of Political Literature, 1981, v. 17.
5. Cola Dominic. Political Sociology. Trans. from French; Preface. A.S. Goffman. – М.: Ves Mir Publishing House, INFRA-M, 2001. – P. 406.
6. Trotsky LD History of the Russian Revolution. Volume 1 // <https://www.litres.ru/book/lev-trockiy/istoriya-russkoy-revolucii-tom-i-177726/> (date of access: 08.01.2025).
7. Bazhenova ES Population of China: History and Modernity – М.: IPC «МАСКА», 2018. – P. 72.
8. Mao Zedong. Selected Works. Volume 1 – М.: Publishing House of Foreign Literature, 1952. – P. 534.
9. Mao Zedong. Selected Works. Volume 3 – Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1953. – P. 446.
10. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. – Moscow: Gospolitizdat, 1961, Vol. 42.
11. Louis Dumont. Homo hierarchicus: An attempt to describe the caste system. Translated from French edited by N.G. Krasnodembskaya. Introductory article by N.G. Krasnodembskaya. – St. Petersburg: Eurasia Publishing Group, 2001. – P. 480.
12. Cola Dominic. Political Sociology. Translated from French; Preface. A.S. Goffman. – М.: Ves Mir Publishing House, INFRA-M, 2001. – P. 406.
13. Levi-Strauss K. Primitive Thinking. / Trans., introduction. art. and notes. A.B. Ostrovsky. – М.: Respublika, 1994. – P. 384.
14. Benedict Spinoza. Ethics. About God, Man and His Happiness. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022, 832 p. // <https://www.litres.ru/book/benedikt-spinoza/etika-o-boge-cheloveke-i-ego-schaste-68809611/> (date of access: 26.01.2025).
15. Lenin V.I. Collected Works. 5th ed. – М.: Publishing house of political literature, 1981, volume 18.
16. Mill D. On Freedom. Translated from English by A.N. Nevedomsky. – Public Domain “, 1859 // <https://www.litres.ru/book/dzhon-stuart-mill/o-svobode-8521374/> (date of access: 26.01.2025).
17. Pavlov I.P. Complete Works. 2nd supplemented edition – Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. volume 3, book 1.
18. Soros J. Open Society. Reforming global capitalism. Translated from English. – М.: Non-profit foundation “Support of Culture, Education and New Information Technologies”, 2001. – P. 45.

Трансформация электоральных трендов в Республике Мозамбик в 2014–2024 гг.

Купалов-Ярополк Антон Игоревич,

младший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН
E-mail: kazachok.anton@gmail.com

В статье анализируются основные изменения электорального ландшафта в Республике Мозамбик за период президентских выборов 2014, 2019 и 2024 гг. Пространственное распределение голосов избирателей находится в тесной связи с региональными социально-политическими процессами и исторически обусловленными предпосылками. Были проанализированы официальные материалы мозамбикского правительства, а также публикации зарубежных СМИ за выбранные временные рамки. Ключевой тенденцией исследуемого периода является упадок национал-демократической партии RENAMO и трансформация электорального поведения в провинциях, активно поддерживавших оппозицию с конца 1970-х гг. В конце работы приведены выводы о том, что Мозамбик переживает стадию обновления высшего руководства антиправительственных сил. Автор предполагает, что будущая социально-политическая ситуация в Республике зависима от избрания нового харизматического лидера оппозиционной партии.

Ключевые слова: Африка, Мозамбик, президентские выборы, политическая социология, социально-политическая ситуация, оппозиция.

Введение

Новый этап социально-политического развития государств Африки южнее Сахары в XXI веке и трансформациями институтов региональной власти на континенте привлекает внимание мировых исследователей электоральных процессов.

Согласно пункту 57 Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г., Россия поддерживает стремление африканских государств к сохранению самобытности и суверенитета¹. Политическая независимость стран Африки и принцип «африканским проблемам – африканское решение», важность соблюдения которого также подчеркивается в документе, неразрывно связаны с обеспечением легитимности президентских выборов.

Республика Мозамбик – государство площадью 799,4 тыс. км² на юго-востоке африканского континента. Его восточная часть омывается Индийским океаном, а на юге, западе и севере имеются сухопутные границы с 6-ю странами: Южно-Африканской Республикой, Королевством Эсватини, Республикой Зимбабве, Республикой Малави, Республикой Замбией, Объединенной Республикой Танзанией. Население Мозамбика – 35,2 млн человек². Официальный язык – португальский. Столица – город-порт Мапуту. По классификации Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, государство относится к субрегиону Восточная Африка³. Одновременно, Мозамбик с 1992 года является членом интеграционного торгово-экономического объединения – сообщества развития Юга Африки (англ. Southern African Development Community, SADC)⁴.

Мозамбик является президентской республикой и унитарным государством [6]. В XXI веке страна вовлечена во внешнеполитические процессы, происходящие на континенте. Правительство Мозамбика также старается поддерживать междуна-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 20.01.2024).

² Mozambique Population // Worldometer. – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/mozambique-population/> (дата обращения 20.01.2024).

³ Statistics Division // – URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения 20.01.2024).

⁴ Member States – URL: <https://www.sadc.int/member-states> (дата обращения 20.01.2024).

родный диалог с неафриканскими государствами, в том числе, с Российской Федерацией. Приоритетным направлением сотрудничества для внешних акторов является горнодобывающий сектор. Выбор первичного сектора экономики основной целью прямых иностранных инвестиций обусловлен наличием в стране богатейших запасов природного газа, угля и алюминиевой руды [5, с. 39].

Несмотря на высокий ресурсный потенциал Мозамбика, большинство его населения проживает за чертой бедности [8, с. 95]. Трудности развития национальной экономики во многом связаны с глубоким социально-политическим кризисом. Его причины носят комплексный характер: истощение человеческого капитала населения страны после гражданской войны 1977–1992 гг., неудовлетворенность предпринимаемыми правительством мерами по ликвидации нищеты и голода, обострившаяся после мятежа исламистов 2017 года террористическая угроза на севере страны в провинции Кабу-Делгаду, недоверие населения правящей партии FRELIMO (порт. Frente de Libertação de Moçambique) и разочарование во внутриполитическом курсе послевоенного государства [3, с. 49]. Последний фактор отражается в трансформации электорального поведения граждан Мозамбика.

24 октября 2024 года Национальная избирательная комиссия Мозамбика огласила результаты голосования на президентских выборах. Представитель партии FRELIMO Даниэл Шапу, набравший 70,67%, был объявлен победителем. Общественные волнения, сопровождавшие электоральный цикл и усилившиеся после подведения итогов, переросли в открытые столкновения с силовыми структурами. В ходе противостояния активистов и полиции, по разным оценкам, погибло более 270 граждан Республики [7].

Однако социально-политический кризис в Мозамбике в XXI веке начался заметно раньше и латентно продолжается уже более 10-ти лет. Текущая ситуация является следствием событий первой половины 2010-х годов. Далее будут рассмотрены генезис, период эскалации и последствия кризиса для электорального ландшафта Республики.

Электоральные тренды в условиях кризиса

В 1992 году при содействии ООН с подписанием Римских мирных соглашений между мозамбикским социал-демократическим правительством FRELIMO и оппозиционной национал-демократической партией RENAMO (порт. Resistência Nacional Moçambicana) закончилась гражданская война, длившаяся с 1977 года. Но проявление социального недовольства постконфликтным курсом властей FRELIMO и столкновения с полицией были зарегистрированы уже в ходе электоральных

циклов 1999 и 2002 года [2, с. 896]. Правительство расценило протестное поведение населения как потенциальную угрозу обрушения существующего общественного строя и ввело ряд жестких мер: в стране прошла масштабная волна арестов и конфискаций имущества.

В 2012 году лидер RENAMO Афонсу Длакама, занимавший пост главы официальной оппозиции в стране и сохранивший его после окончания войны, принял решение вернуться к партизанской тактике боевых действий. Военные базы правительства были атакованы повстанцами в центральной и северо-западной части Мозамбика. Эпицентром боестолкновений стала провинция Нампула, где в годы гражданской войны оппозиционеры наиболее активно сопротивлялись наступлению отрядов FRELIMO [9].

Несмотря на открытое вооруженное противостояние двух партий, за RENAMO сохранялся статус официальной оппозиции и право на представительство в парламенте – Собрании Республики. Накануне выборов 2014 года Афонсу Длакама объявил о прекращении огня с целью обеспечения легитимности и безопасности электорального процесса. По итогам голосования победу одержал кандидат от FRELIMO Филипе Ньюси. Длакама официально выиграл только в 5-ти провинциях, население которых традиционно поддерживало RENAMO – в Нампуле, Тете, Софале, Манике и Замбезии, получив в последней наибольшую поддержку в 56% (табл. 1). Позиции FRELIMO были сильны в Ньясе, Кабу-Делгаду, Иньямбане, Газе и Мапуту (в провинции и столице).

Таблица 1. Результаты президентских выборов 2014 г. в Мозамбике, %

Провинция	Филипе Ньюси (FRELIMO)	Афонсу Длакама (RENAMO)
Север		
Кабу-Делгаду	77,7	18,4
Ньяса	48,7	44,3
Нампула	44,3	49,8
Центр		
Тете	45,9	49,8
Замбезия	38,9	52,9
Маника	47,6	48,6
Софала	35,3	56,0
Юг		
Иньямбане	76,2	18,7
Газа	93,8	3,2
Мапуту	73,6	17,6
Мапуту (ст.)	68,9	20,6

Источник: составлено автором по материалам [11].

Важно учесть, что, в отличие от многих оппозиционных партий в соседних государствах, чей политический курс зиждился на консолидации представителей одной этнической группы (например, зулусская «Партия свободы Инката» в Южно-африканской Республике), для RENAMO фактор территориальной консолидации превалировал над вопросами национальной идентичности [2, с. 71]. Но симпатизирующие национал-демократам провинции Нампула, Тете, Маника, Замбезия и Софала оказались заключены между контролируруемыми FRELIMO севером и югом – силы RENAMO были сосредоточены в стратегически невыгодном положении.

Афонсу Длакама обвинил правительство в фальсификации результатов президентского голосования и возобновил боевые действия: с 2014 по 2016 год в центральной части страны развернулась фаза вооруженного противостояния повстанцев RENAMO правительственным силовым структурам. Главная база повстанцев располагалась в Горонгозе (провинция Софала), менее крупные были законспирированы на территории Нампулы, Тете и Замбезии. К концу 2016 года Длакама с целью восстановления сил повстанческих группировок заключил временное перемирие, спустя год подтвердив его продление на неопределенный срок [13]. Мнение лидера о необходимости тактической передышки не приняли активные оппозиционеры, придерживавшиеся политике сопротивления при любых условиях. Разногласия по вопросу продолжения боевых действий постепенно привели к расколу в лагере RENAMO.

Смерть Афонсу Длакамы в 2018 году и приход к власти в оппозиции не самого популярного активиста Осуфу Момаде явились причиной существенной флуктуации курса «партии сопротивления» и потери эмоциональной солидарности у большого числа ее сторонников [4, с. 124]. В 2019 году RENAMO при содействии ООН подписало мирное соглашение с правительством, которое многие члены RENAMO посчитали поражением. На выборах 2019 года национал-демократы впервые не одержали победу ни в одной из провинций (табл. 2). Филипе Ньюси был переизбран президентом Республики, а позиции FRELIMO заметно упрочились.

Таблица 2. Результаты президентских выборов 2019 г. в Мозамбике, %

Провинция	Филипе Ньюси (FRELIMO)	Осуфу Момаде (RENAMO)
Север		
Кабу-Делгаду	75,5	20,8
Ньяса	68,8	28,0
Нампула	61,0	35,1

Окончание

Провинция	Филипе Ньюси (FRELIMO)	Осуфу Момаде (RENAMO)
Центр		
Тете	77,7	20,1
Замбезия	67,1	29,3
Маника	75,2	22,3
Софала	68,1	20,2
Юг		
Иньямбане	82,1	13,5
Газа	95,1	2,9
Мапуту	73,0	21,5
Мапуту (ст.)	69,5	23,1

Источник: составлено автором по материалам [11].

Появление в 2024 году нового политического актора в лице Венасиу Мондлане и поддержавшей его партии PODEMOS (порт. Partido Otimista pelo Desenvolvimento de Moçambique) оказало значительное влияние на электоральное поведение граждан Республики. Партия RENAMO окончательно потеряла поддержку в исторически лояльных провинциях. Ажиотаж вокруг предвыборной компании Мондлане сыграл ключевую роль в трансформации электорального ландшафта.

Выборы 2024 года ознаменовали собой субституцию официальной оппозиции Мозамбика. Поддержка RENAMO снизилась до исторического минимума. Антирекорд был установлен в центральной Тете, где показатели Момаде упали с 20,1 до 2,9% (табл. 3). Лидер RENAMO не справлялся со своими обязанностями, а электоральная инертность партии в лояльных провинциях исчерпала свой ресурс.

Таблица 3. Результаты президентских выборов 2024 года в Мозамбике, %

Провинция	Дани-эл Шапу (FRELIMO)	Осуфу Момаде (RENAMO)	Венасиу Мондлане (PODEMOS)
Север			
Кабу-Делгаду	65,8	7,6	22,6
Ньяса	68,9	9,0	18,5
Нампула	59,6	11,2	25,6
Центр			
Тете	84,4	2,9	10,8
Замбезия	73,0	9,8	14,2
Маника	66,7	6,0	24,6
Софала	65,5	3,3	24,3
Юг			

Окончание

Провинция	Даниэл Шапу (FRELIMO)	Осуфу Момаде (RENAMO)	Венасиу Мондлане (PODEMOS)
Иньямбаке	73,2	3,7	19,9
Газа	84,6	1,6	11,5
Мапуту	68,0	2,5	27,0
Мапуту (ст.)	53,7	9,6	33,8

Источник: составлено автором по материалам [11].

Доля сторонников FRELIMO сократилась менее значительно. Примечательно, что наибольшая разница почти в 10 п.п. (с 75,5 в 2019 до 65,8 в 2024 г.) наблюдается в северной Кабу-Делгаду, где правящая партия с 2014 года набирала не менее 75%. С 2017 года в провинции идут бои между правительственными войсками и исламистской террористической группировкой «Ансар ас Сунна» [3, 51]. Затянувшийся гуманитарный кризис и состояние политической неопределенности негативно отражаются на доверии населения правительству [1, с. 29].

Новые демократы PODEMOS во главе с Венасиу Мондлане получили поддержку не только от провинций, разочаровавшихся в лидерстве Момаде, но и от части бывшего электората FRELIMO. Важным фактором также являлась поддержка молодежи в крупных городах. Наивысший результат в 33,8% был достигнут в столице Мапуту, где позиции правящей партии снизились с 69,5 до 53,7%. Тем не менее, партия PODEMOS официально потерпела поражение во всех провинциях. Мондлане объявил результаты выборов недействительными и призвал население к противостоянию правительству FRELIMO. В стране начались массовые постэлекторальные волнения, продолжившиеся в январе 2025 года.

Заключение

В начале февраля 2025 года стало известно о разрыве отношений между партией PODEMOS и Венасиу Мондлане [10]. Новые оппозиционеры потеряли харизматического лидера, масштабная кампания которого способствовала изменению электорального ландшафта Республики. Заявленный курс Даниэла Шапу на улучшение условий жизни граждан, борьбу с коррупцией и восстановление докризисной социальной стабильности по всей территории страны также направлен на минимизацию возможного нового масштабного выступления антиправительственных сил.

Что касается грядущих выборов 2029 года, остается неясным, кто возглавит оппозицию, учитывая провальное выступление RENAMO в 2024 году и уход Венасиу Мондлане с поста главы PODEMOS.

OS. Насколько эксплицитны текущие конфликты в руководстве партий и в какой мере они отразятся на размахе колебания показателей их поддержки в будущем? От ответов на эти вопросы будет зависеть дальнейшая социально-политическая ситуация в провинциях Мозамбика и развитие международного сотрудничества с Республикой.

Литература

1. Агапов П.В. Терроризм: опыт осмысления научных подходов к изучению проблемы // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 29–31.
2. Грибанова В.В., Гришина Н.В. Этнический фактор в деятельности африканских политических партий // Ученые записки института Африки РАН. – 2023. – № 1. – С. 64–76. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2023-62-1-64-76>
3. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Мозамбик: радикализация ислама как фактор политической нестабильности // Азия и Африка сегодня. – 2024. – № 5. – С. 46–55. <https://doi.org/10.31857/S032150750030834-9>
4. Земскова А.Ю. История изучения электоральной социологии // Вестник института социологии. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 113–130. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.595>
5. Карамаев С.Г. Кризис в Мозамбике и угрозы регионального и глобального характера // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 6. – С. 35–41. <https://doi.org/10.31857/S032150750015263-1>
6. Климанова О.А. и др. Мозамбик // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/2222502#> (дата обращения: 21.02.2025).
7. Мозамбик: три человека убиты во время вчерашних протестов в пользу лидера оппозиции Мондлане. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.agenzianova.com/ru/news/mozambico-uccise-tre-persone-nelle-proteste-di-ieri-in-favore-del-leader-dellopposizione-mondlane/> (дата обращения: 04.02.2025).
8. Морозенская Е.В., Гаврилова Н.Г., Калинин Л.Н. Экономическая безопасность в странах Африки к югу от Сахары: возможные пути преодоления новых вызовов // Ученые записки Института Африки РАН. – 2024. – № 2. – С. 82–101. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-82-101>
9. Lopes M., Fletcher P. Insurgency threat may dim Mozambique's shine for investors // Reuters. 2013 [Electronic source]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-mozambique-threat-idUSBRE95J0XY20130620/> (date of access: 21/02/2025).
10. Mozambican Opposition Leader Mondlane Severs Ties with PODEMOS Party, His Adviser Says. [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

en.sputniknews.africa/20250205/mozambican-opposition-leader-mondlane-severs-ties-with-podemus-party-his-adviser-says-1070516864.html (дата обращения: 04.02.2025).

11. Mozambique Reports and Documents. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www5.open.ac.uk/technology/mozambique/> (дата обращения: 17.02.2025).
12. Regional Surveys of the World: Africa South of the Sahara 2003 / ed. by Murison K. Abingdon-on-Thames: Europa Publications, 2003. – 1374 P.
13. RENAMO reactivating political activity in Manica and Sofala. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thezimbabwean.co/2017/02/renamo-reactivating-political-activity-manica-sofala/> (дата обращения: 21.02.2025).

TRANSFORMATION OF ELECTORAL TRENDS IN THE REPUBLIC OF MOZAMBIQUE IN 2014–2024

Kupalov-Yaropolk A.I.

The Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

The article analyzes the main changes in the electoral landscape in the Republic of Mozambique during the presidential elections of 2014, 2019 and 2024. The spatial distribution of votes is closely related to regional socio-political processes and historically determined prerequisites. The official materials of the Mozambican government, as well as foreign media publications for the selected time frame, were analyzed. The key trend of the period under study is the decline of the RENAMO National Democratic Party and the transformation of electoral behavior in provinces that have actively supported the opposition since the late 1970s. At the end of the work, the conclusions are presented that Mozambique is undergoing a stage of renewal of the top leadership of the anti-government forces. The author suggests that the future socio-political situation in the Republic depends on the election of a new charismatic leader of the opposition party.

Keywords: Africa, Mozambique, presidential elections, political sociology, socio-political situation, opposition.

References

1. Agapov P.V. Terrorism: the experience of comprehending scientific approaches to the study of the problem // *Education and Law*. – 2020. – No. 2. – P. 29–31.
2. Gribanova V.V., Grishina N.V. The Ethnic Factor in the Activities of African Political Parties // *Journal of the Institute for African Studies*. – 2023. – No. 1. P. 64–76. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2023-62-1-64-76>
3. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Mozambique: Islamic Radicalization as a Factor of Political Instability // *Asia & Africa today*. – 2024. – No. 5. – P. 46–55. <https://doi.org/10.31857/S032150750030834-9>
4. Zemsikova A.Y. The history of electoral sociology's studies // *Bulletin of the Institute of Sociology*. – 2019. – Vol. 10. – No. 3. – P. 113–130. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.595>
5. Karamaev S.G. Crisis in Mozambique and regional and global threats // *Asia and Africa Today*. – 2021. – No. 6. – P. 35–41. <https://doi.org/10.31857/S032150750015263-1>
6. Klimanova O.A. and others. Mozambique // *Great Russian Encyclopedia*. The electronic version. 2017 [Electronic source]. – URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/2222502#> (date of access: 21/02/2025).
7. Mozambique: Three people were killed during yesterday's protests in favor of opposition leader Mondlane [Electronic source]. – URL: <https://www.agenzianova.com/ru/news/mozambico-uccise-tre-persone-nelle-proteste-di-ieri-in-favore-del-leader-dellopposizione-mondlane/> (date of access: 04/02/2025).
8. Morozenskaya E.V., Gavrilova N.G., Kalinichenko L.N. Economic Security in Sub-Saharan Africa: Possible Ways to Address New Challenges // *Journal of the Institute for African Studies*. – 2024. – No. 2. – P. 82–101. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-82-101>
9. Lopes M., Fletcher P. Insurgency threat may dim Mozambique's shine for investors // *Reuters*. 2013 [Electronic source]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-mozambique-threat-idUSBRE95J0XY20130620/> (date of access: 21/02/2025).
10. Mozambican Opposition Leader Mondlane Severs Ties with PODEMOS Party, His Adviser Says [Electronic source]. – URL: <https://en.sputniknews.africa/20250205/mozambican-opposition-leader-mondlane-severs-ties-with-podemus-party-his-adviser-says-1070516864.html> (date of access: 04/02/2025).
11. Mozambique Reports and Documents [Electronic source]. – URL: <https://www5.open.ac.uk/technology/mozambique/> (date of access: 17/02/2025).
12. Regional Surveys of the World: Africa South of the Sahara 2003 / ed. by Murison K. – Abingdon-on-Thames: Europa Publications, 2003. – 1374 P.
13. RENAMO reactivating political activity in Manica and Sofala [Electronic source]. – URL: <https://www.thezimbabwean.co/2017/02/renamo-reactivating-political-activity-manica-sofala/> (date of access: 21/02/2025).

Проблемы и возможности гвинейской дипломатии в контексте политического перехода: перспективы на будущее

Курума Юнусса,

аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумба
E-mail: Younoussa114@gmail.com

Берете Бакари Блонд,

аспирант, кафедра «Политические институты, процессы, технологии», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: bkrberete@gmail.com

В статье рассмотрены актуальные ключевые проблемы и возможности гвинейской дипломатии в контексте политического перехода. Основная цель статьи – выявить важнейшие аспекты современной дипломатии Гвинеи, оказывающие влияние на перспективы развития страны. Авторами решены следующие задачи: проанализированы исторические, экономические и социальные предпосылки сложившейся сложной политической ситуации, описаны основные аспекты военного переворота и его последствия. Гипотеза исследования предполагает противоречие между выявлением благоприятных перспектив экономического развития Гвинеи и негативным влиянием действий военного правительства, осуждаемого мировым сообществом. В статье использованы методы анализа современных научных исследований, нормативных документов и международных программ в рамках проблем гвинейской дипломатии. В результате выявлено, что несмотря на значительное мировое осуждение, Гвинея продолжает осуществлять экономическое взаимодействие с Канадой, Турцией, Китаем, рядом стран ЕС и Россией. Однако, выявлено, что причина сотрудничества, вероятно кроется лишь в нежелании развитых стран терять свой капитал и инвестиции в ресурсную отрасль Гвинеи. Как итог, установлена высокая значимость становления демократического строя для благоприятного развития государства.

Ключевые слова: Гвинея, военный переворот, экономическое развитие, бокситы, Африка, международное сотрудничество, Китай, М. Думбуя, санкции.

Введение

В сентябре 2021 года в Конакри, столице Гвинеи, произошел военный переворот. Оппозиционеры под руководством полковника Мамади Думбуя начали перестрелку с солдатами армии президента Альфа Конде. Последствия переворота были далекоидущими и дестабилизировали атмосферу в регионе.

Чтобы правильно оценить последствия и прогнозы для дипломатических связей Гвинеи, важно понимать суть произошедшего переворота и его основных героев.

Полковник Мамади Думбуя по национальности малинке, как и президент. Основными группами населения в стране можно считать малинке, среди выходцев которой много политический лидеров, и фульбе, которые контролируют бизнес и производство, но представлены минимально на политической арене. М. Думбуя окончил Военную академию в Париже и даже служил в Иностранном легионе во Франции, который был задействован в выполнении миссий в Афганистане, Кот-д'Ивуаре и Джибути. По этим фактам можно представить себе М. Думбуя как человека, привыкшего к жесткой дисциплине, строгой иерархии и военным методам, которые отличаются от официальной политики. После возвращения на родину, он возглавил элитное подразделение по борьбе с терроризмом под руководством Министерства обороны. М. Думбуя хотелось большей свободы действий, по слухам его тяготило ограничение автономности группы специальных сил, и, будучи личностью харизматичной, М. Думбуя приобретал всё большее влияние на свое окружение и часть лояльно настроенного общества.

После переворота новый лидер обратился к народу и мировой общественности с объяснением необходимости переворота. По его словам, свергнутый президент А. Конде превышал свои полномочия, нарушал конституцию, препятствовал социально-экономическому развитию и не мог бороться с коррупцией. Надо сказать, что конфликт президента и прогрессивно настроенной оппозиции стал очевиден в 2019 году, когда А. Конде решил внести поправки в конституцию, чтобы оставаться президентом после окончания срока. Заявления М. Думбуя, будучи на самом деле обоснованы, о чем не раз говорили в ЕС и ЭКОВАС, могут соблазнить народ принять военного лидера в качестве правителя, но с точки зрения зако-

на он совершил преступление, пусть даже и в благих целях. Реакция мировой общественности была в большинстве своём однозначной: военный переворот в демократической стране – это незаконно. Кроме того, любой переворот подразумевает роспуск правительства, слом устоявшейся системы, а также политические зачистки. В конкретном случае было приостановлено действие конституции, что недопустимо в демократической стране, арестован президент, распущено правительство. Уже через месяц после переворота М. Думбуя был объявлен временным президентом, на посту которого он находится по сей день.

Результаты исследования

Западные исследователи среди причин переворота отмечают не только пункты, озвученные М. Думбуя в обращении к народу, но и конфликт поколений. Дело в том, что А. Конде – возрастной правитель, который в лучших традициях абсолютизма стремился сохранить за собой пост, а М. Думбуя по сравнению с ним – молодой и прогрессивный правитель, получивший образование в Европе, и готовый принести новую струю в застоявшееся болото политической и социально-экономической жизни Гвинеи.

Обратимся к реакции других стран на события в Гвинее. С получения Гвинеей независимости, СССР был одной из первых стран, признавших новообразованное государство. Советская поддержка была всесторонней, так как Гвинею поддерживали и на мировой арене, и финансово. С середины прошлого века Гвинея видела в СССР, а теперь и в России стратегического и экономического партнера. Надо сказать, что в регионе сохранилась мощная русскоязычная диаспора, и заинтересованность русских людей в Гвинее только растет, несмотря на медленное развитие страны [1]. Тем не менее, Россия осудила действия М. Думбуя и потребовала освободить легитимного президента из-под стражи.

Гвинея входит в ООН, ВТО, Группу 77. Эта страна проводит политику сотрудничества с другими странами, большей частью со странами Африканского континента. Она является активным членом Африканского союза, Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС), Союза реки Ману. Членство во всех этих объединениях позволяет Гвинее интегрироваться в мировое сообщество, принимать деятельное участие в мировой политике и экономике, дает стране возможность быть увиденной странами-гигантами, которые к Африке могут относиться с пренебрежением бывших хозяев. Переворот 2021 года ограничил участие Гвинеи в вышеуказанных союзах. Самые крупные ассоциации африканского региона – АС и ЭКОВАС – приостановили членство Гвинеи в союзах, что несомненно оказало влияние на положение страны. Хотя ЭКОВАС и направило посредни-

ческую миссию в Гвинею, но фактически страна осталась один на один со всем скопом проблем, обозначенных военным лидером, без какой-либо поддержки, поскольку и ЕС, ранее помогающий Гвинее субсидиями, приостановил свою благотворительную деятельность в связи с переворотом. Новые участники холодной войны – США и Китай также выступили против силовой смены власти, хотя у последнего в Гвинее большие экономические вложения.

Гвинея была французской колонией, но политически откристилась от бывшей хозяйки в политическом смысле. Экономически же Гвинея нуждалась в поддержке Франции, так что какое-то время она играла большую роль в развитии региона.

Сейчас расстановка сил изменилась, на первый план вышли такие страны как Россия, Китай и Турция. Регион привлекает экономическими возможностями, но и в политической сфере есть привлекательные черты. Например, Россия помимо экономического сотрудничества с Гвинеей, занимается и обеспечением безопасности в африканском регионе. Российский бизнес представлен здесь компаниями РУСАЛ, Нордголд и др. Помимо этого, было заключено соглашение с гвинейскими властями об использовании в местных школах российского программного обеспечения – «Мой-Офис». Китай, главная мастерская мира и кладовая интеллектуальных сокровищ, включил Гвинею в проект «Один пояс». Помимо этого у Китая в Гвинее множество масштабных проектов, связанных со строительством (порты, мосты, дороги) и добычей полезных ископаемых. Турция подходит к сотрудничеству комплексно и реализует в Гвинее гуманитарные и инфраструктурные программы. Ещё одна набирающая влияние страна – Индия – оказывала помощь Гвинее. Одним из приоритетных направлений индийской помощи являются страны Западной Африки [3]. В данном регионе сосредоточены коммерческие интересы Индии, которую привлекают как залежи полезных ископаемых, так и новые рынки сбыта для широкого индийского экспорта.

За счёт крупнейших в мире залежей бокситов Гвинее удастся поддерживать годовой прирост ВВП на высоком уровне, что, однако, не сильно влияет на благосостояние народа. До половины всех импортируемых в Китай в качестве промышленного сырья бокситов родом из Гвинеи. Они являются важным продуктом для алюминия, наиболее популярного цветного металла в мире, который широко используется в изготовлении современной техники, от телефонов до самолетов. Гвинея богата также железной и алюминиевой рудой, и это является для Китая важным подспорьем в уменьшении зависимости от руды, импортируемой из Австралии, для нужд технического производства. После переворота 2021 года, мир, связанный с гвинейской рудой, был озабочен стреми-

тельным повышением цен, а китайские компании в Гвинее были также обеспокоены тем, как политическая ситуация в стране повлияет на экономическое сотрудничество. Однако военное правительство М. Думбуя доказало, что все экономические и производственные обязательства будут исполняться в штатном режиме и странам-партнерам нечего опасаться.

Кто бы ни находился у власти в Гвинее, у этой страны всегда будет запрос на экономическую и гуманитарную поддержку от других, более развитых стран, поскольку самостоятельно Гвинея не может обеспечить устойчивое и продуктивное развитие. У страны недостаточно инструментов для мощного развития экономики, социального сектора и образования. Столетия оторванности от общего вектора развития в силу территориального отделения, десятилетия колониализма, призванного высасывать силы из неразвитых структур, а не помогать раскрыться их потенциалу, замедлили прогресс в регионе. И теперь Гвинея вынуждена прокладывать свой курс развития, используя бывших поработителей, чтобы немного приблизиться к идеалам развитых государств. Важно отметить, что в Гвинее реализуются многие волонтерские программы Канады, ЕС и Китая. Волонтеры из развитых стран направляются в Гвинею, чтобы работать в школах, больницах, социальных учреждениях [11; 12; 13]. Более квалифицированные кадры даже допущены гвинейскими властями к наблюдению и работе в административных учреждениях, поскольку властные структуры в Гвинее имеют примитивное строение и нуждаются в более совершенных паттернах.

Выводы

Военный переворот заставил экономических партнеров усомниться в том, что их проекты будут существовать в том же режиме, что и при А. Конде, ведь военное управление вызывает трудности с платежеспособностью (много более насущных трат), повышенные угрозы безопасности и общее замедление экономического роста. Однако большая часть стран-партнеров Гвинее осознает эти трудности, оставаясь при этом в регионе. Например, у Китая в Гвинее находится проект Симанду. Это крупное неосвоенное месторождение железной руды, обещающее быть одним из крупнейших в мире. Китайские компании вложили в проект значительные средства и вряд ли захотят их потерять.

Опасения стран-партнеров являются обоснованными, поскольку африканский регион политически сложен, так как представляет собой совокупность территориально небольших государств, развитых сравнительно плохо. Зачатки демократического строя для региона имеют огромное значение для потенциального развития, ведь демократия предполагает стабильность, суверенитет

и поддержку развитых государств на мировой арене, в чем африканские страны нуждаются. Военный переворот в одной стране может вызвать цепную реакцию в соседних государствах, что, собственно, и произошло в Габоне и Нигерии после событий 2021 года [4].

Невзирая на мировое осуждение Гвинее, еще одним ее экономическим партнером после военного переворота 2021 осталась Канада. Импорт товаров в Канаду из Гвинее превышает канадский экспорт в несколько раз, что обеспечивает приток денежных средств в африканскую страну [9]. Важно отметить, что Канада является одним из основных направлений студенческой миграции для гвинейцев. Многие выпускники остаются в странах обучения работать и посылают заработанные средства на родину. Зачастую денежные переводы от родственника из-за рубежа оказываются основной статьей дохода гвинейской семьи [2].

Надо сказать, что санкции, наложенные на Гвинею после переворота, имели негативные последствия не только для Гвинее, но и для всех участников торговых и социальных взаимоотношений в регионе. В частности ЭКОВАС снял все санкции с Гвинее, которой до сих пор управляет временный президент М. Думбуя, в начале 2024 года. Послабления также произошли от ЕС и России, которая в 2023 году организовала значимое для африканского региона событие – саммит «Россия – Африка», в котором принимала участие и гвинейская делегация. Исторический анализ лишний раз доказывает, что военные перевороты в слабых государствах являются не причиной нестабильности и регресса, а их последствием.

Однако сейчас Гвинея снова начинает привлекать внимание мировой общественности нарастающим недовольством её граждан военным правительством. М. Думбуя часто выступает с панфриканскими речами, указывая на усилия военного правительства в отношении развития социальных и государственных институтов. Вместе с тем, с июня 2024 года гвинейцы устраивают протесты, основным посылом которых является недовольство военным режимом, спровоцировавшим уменьшение гуманитарной помощи Гвинее и политическую изоляцию государства [6]. М. Думбуя не стремится дальше затягивать политическую неопределенность в стране, поскольку по заявлению правительства Гвинее планируется проведение референдума по принятию конституции в новой редакции, что будет важным шагом на пути строительства демократии в Гвинее. Гражданское общество Гвинее имеет множество стимулов и большую волю к возвращению страны на путь демократии, поскольку законный референдум, а потом, возможно, и конституционно правомерные выборы, вернут в Гвинею инвестиции, привлекут новые гуманитарные проекты и вернут политическое расположение развитых стран. ЭКОВАС уже под-

твердило свою готовность способствовать Гвинее в проведении референдума [10].

Гвинее требуется помощь стран вне африканского региона, поскольку из-за военных переворотов в соседних странах Гвинея рискует пустить на свою территорию исламистские и светские повстанческие движения, с которыми местным вооруженным силам придется или бороться, или подержать. Если Гвинея примкнет к группе стран с военным режимом, она уже не сможет воспользоваться помощью мировых развитых стран и вернуться на путь демократии.

Внутренняя движущая сила экономики Гвинеи недостаточна, поэтому страна будет всеми силами поддерживать дипломатические отношения с выгодными для экономики странами-партнерами. На данный момент основными партнерами Гвинеи остаются Китай, Россия, Турция, Канада, страны ЕС (в ограниченном контексте). Они, в свою очередь, также стремятся к сотрудничеству с Гвинеей, обладающей богатыми запасами полезных ископаемых и человеческими ресурсами.

Литература

1. Брегадзе, А.В. Россия – Гвинея: 60 лет дипломатическим отношениям, журнал / А. Брегадзе // Международная жизнь. – 2018. – № 12. – С. 50–56.
2. Панин, Н.А. Гвинея: страна переворотов и бокситов, 2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gvineya-strana-perevorotov-i-boksitov> (дата обращения: 27.02.2025).
3. Практика современной гуманитарной дипломатии / под ред. Д.А. Кузнецова – М.: Эдитус, 2022. – 206 с.
4. Akinola A.O., Makombe R.C., Rethinking the Resurgence of Military Coups in Africa. Journal of Asian and African studies, 2024. P. 1–17.
5. Akubueze C., Democracy's Discontent and the Resurgence of Coups in West Africa: Implications for Africa. African Journal of Law Political Research and Administration, 2024. № 7(1). P. 14–24.
6. Gavin M., Guinea's junta feels the heat, Council on Foreign Relations, 2024. – URL: <https://www.cfr.org/blog/guineas-junta-feels-heat> (дата обращения: 27.02.2025).
7. Zamfir I., Political Crisis in Guinea, European Parliament Research Centre, 2021. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2021/698020/EPRS_ATA\(2021\)698020_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2021/698020/EPRS_ATA(2021)698020_EN.pdf) (дата обращения: 27.02.2025).
8. Uppala D., Uppala C.H., Palmberg E., Guinea: Post-coup assessment of social, political, and economic risks, 2022. – URL: <https://www.counterterrorismgroup.com/post/guinea-post-coup-assessment-of-social-political-and-economic-risks> (дата обращения: 27.02.2025).

9. Canada-Guinea relations, Government of Canada website. – URL: <https://www.international.gc.ca/country-pays/guinea-guinee/relations.aspx?lang=eng> (дата обращения: 27.02.2025).
10. A Stagnant Transition in Guinea Africa Center for Strategic Studies website, 2024. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/stagnant-transition-guinea/> (дата обращения: 27.02.2025).
11. Humanitarian action for children, Guinea, UNICEF, 2023. – URL: <https://www.unicef.org/media/131376/file/2023-HAC-Guinea.pdf> (дата обращения: 27.02.2025).
12. Guinean Red Cross strategic plan for 2021–2026. – URL: https://data-api.ifrc.org/documents/GN/SP_Guinea_2021–2026.pdf (дата обращения: 27.02.2025).
13. Guinea interim country strategic plan (2019–2024), World Food Programme. – URL: <https://www.wfp.org/operations/gn02-guinea-interim-country-strategic-plan-2019–2024> (дата обращения: 27.02.2025).

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR GUINEA'S DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF POLITICAL TRANSITION: PROSPECTS FOR THE FUTURE

Kourouma Younoussa, Berete B.B.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Baltic State Technical University "VOENMEKH" named after D.F. Ustinov

The article examines the key challenges and opportunities of Guinea's diplomacy in the context of political transition. The main objective of the article is to identify the most important aspects of Guinea's contemporary diplomacy that have an impact on the country's development prospects. The authors analyze the historical, economic and social preconditions of the current complex political situation. The main aspects of the military coup and its consequences are described. The article uses methods of analysis of modern scientific research, normative documents and international programs within the framework of the problems of Guinean diplomacy. As a result, it is revealed that despite significant world condemnation, Guinea continues to carry out economic interaction with Canada, Turkey, China, a number of EU countries and Russia. However, it is revealed that the reason for cooperation probably lies only in the reluctance of developed countries to lose their capital and investment in Guinea's resource industry. The importance of international cooperation in shaping domestic security is highlighted. As a result, the high importance of establishing a democratic system for the favorable development of the state was established.

Keywords: Guinea, military coup, economic development, bauxite, Africa, international cooperation, China, M. Doumbouya, sanctions.

References

1. Bregadze, A.V. Russia – Guinea: 60 years of diplomatic relations, journal / A. Bregadze // International Life. – 2018. – № 12. – P. 50–56.
2. Panin, N.A. Guinea: the country of coups and bauxite, 2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gvineya-strana-perevorotov-i-boksitov> (date of access: 27.02.2025).
3. Practice of modern humanitarian diplomacy / edited by D.A. Kuznetsov – M.: Editus, 2022. – 206 p.
4. Akinola A.O., Makombe R.C., Rethinking the Resurgence of Military Coups in Africa. Journal of Asian and African studies, 2024. P. 1–17.
5. Akubueze C., Democracy's Discontent and the Resurgence of Coups in West Africa: Implications for Africa. African Jour-

- nal of Law Political Research and Administration, 2024. № 7(1). P. 14–24.
6. Gavin M., Guinea's junta feels the heat, Council on Foreign Relations, 2024. – URL: <https://www.cfr.org/blog/guineas-junta-feels-heat> (date of access: 27.02.2025).
 7. Zamfir I., Political Crisis in Guinea, European Parliament Research Centre, 2021. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2021/698020/EPRS_ATA\(2021\)698020_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2021/698020/EPRS_ATA(2021)698020_EN.pdf) (date of access: 27.02.2025).
 8. Uppala D., Uppala C.H., Palmberg E., Guinea: Post-coup assessment of social, political, and economic risks, 2022. – URL: <https://www.counterterrorismgroup.com/post/guinea-post-coup-assessment-of-social-political-and-economic-risks> (date of access: 27.02.2025).
 9. Canada-Guinea relations, Government of Canada website. – URL: <https://www.international.gc.ca/country-pays/guinea-guinee/relations.aspx?lang=eng> (date of access: 27.02.2025).
 10. A Stagnant Transition in Guinea Africa Center for Strategic Studies website, 2024. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/stagnant-transition-guinea/> (date of access: 27.02.2025).
 11. Humanitarian action for children, Guinea, UNICEF, 2023. – URL: <https://www.unicef.org/media/131376/file/2023-HAC-Guinea.pdf> (date of access: 27.02.2025).
 12. Guinean Red Cross strategic plan for 2021–2026. – URL: https://data-api.ifrc.org/documents/GN/SP_Guinea_2021–2026.pdf (date of access: 27.02.2025).
 13. Guinea interim country strategic plan (2019–2024), World Food Programme. – URL: <https://www.wfp.org/operations/gn02-guinea-interim-country-strategic-plan-2019–2024> (date of access: 27.02.2025).

Применение социально-управленческих технологий в адаптации сотрудников к новой культурной среде: систематизация российского опыта

Чжао Ци,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы
E-mail: 1042238218@pfur.ru

Статья представляет актуальную проблему – трудности, с которыми сталкиваются сотрудники при приеме на новое рабочее место. В качестве примера были взяты международные компании, производящие товары для разных групп потребителей. Было выяснено, что основными барьерами, способствующими стагнации адаптации новых сотрудников, являются организационный этноцентризм, частые конфликты, недопонимание, отсутствие знаний среди сотрудников о негативных последствиях незнания культурных различий и др. Описывается негативное влияние языкового барьера на коммуникацию персонала. Большой акцент был сделан на формировании ряда рекомендаций, позволяющих усовершенствовать деятельность компаний: организация языковых курсов, проведение дополнительных мероприятий, имеющих культурную ценность, найм ментора, который сможет оказать коллегам поддержку.

Ключевые слова: корпоративная культура, адаптация новых сотрудников в организации, кадры, человеческие ресурсы, управление персоналом.

Деловой мир ставит более сложные и уникальные цели перед современными организациями, которые сталкиваются с необходимостью удовлетворения потребностей не только клиентов, но и своих подчиненных. Эволюция организации труда движется в сторону автономизации и создания максимально гибких форм работы. Основное внимание уделяется систематическому повышению квалификации отдельных сотрудников, для которых вертикальное продвижение по службе больше не является признаком профессионального успеха. Функционирование предприятий зависит от талантливых, активных и сознательных сотрудников, которые последовательно повышают свои компетенции, имеют амбиции, стремятся к приобретению знаний и основывают свой успех на новых моделях карьеры без границ. В связи с динамичным развитием цивилизации постоянно возрастает значение мыслительных процессов, направленных на точное и обобщенное распознавание явлений, происходящих в окружающей среде. Здесь чрезвычайно умения структурировать информацию, позволяющие осуществлять анализ данных, а также критически относиться к чужим взглядам.

В основу современного менеджмента также поставлены взаимоотношения между кадрами, которые зачастую относятся к разным культурам. Это особенно присуще для крупных предприятий, ведущих деятельность на иностранных рынках. Развитие международных организаций также способствовало появлению глобальных команд, члены которых отличаются не только местом жительства, но и имеют разный культурный бэкграунд (разные ценности и ожидания) и происходят из разных профессиональных областей. Это оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на функционирование организации. С одной стороны, создаются инновационные идеи, которые являются результатом разнообразия членов творческой команды. С другой стороны, появляются конфликты, которые появляются между коллегами из-за различий в исповедуемых ценностях.

В результате случается так, что менеджеры, работающие за границей, часто жалуются на трудности в социальной жизни, чувствуют себя одиноками и скучают по друзьям и семье. Когда они лишаются привычного окружения, их преодолевают сомнения и терзают экзистенциальные проблемы. Состояние дезориентации, тревоги и страха вызвано

отсутствием знаний о том, как вести себя в культуре, отличной от своей собственной. Иногда у них появляется культурный шок, длящийся на протяжении 5–10 недель. Наблюдения за этим явлением в среде международных компаний показали, что он может стать причиной увольнения сотрудника с должности, конфликта с законом; Г. Хофстеде также указал на случаи самоубийства в подобных ситуациях.

Рассматриваемая концепция применима и к менеджерам, работающим по краткосрочным зарубежным контрактам или часто путешествующим в другие страны. Краткосрочность не допускает полной адаптации; вместо этого возникает «смесь чувств», позитивных и негативных, таких как радость и разочарование. К примеру, многим европейцам тяжело быстро приспособиться к работе в китайских компаниях, где каждый сотрудник полностью отождествляет себя с коллективом, стремится достичь общей цели, принося в жертву собственные интересы. Многие из них указывали на многочисленные проблемы, которые стали причиной последующих увольнений, как было отмечено в опросе, проведенном Сунь Ченьюй и Кэ Сюнь:

- попытка стереть границы между профессиональной и семейной жизнью;
- стремление к компромиссу любой ценой;
- чрезмерная командная работа, приводящая к необходимости участия в большом количестве дополнительных мероприятий;
- ожидание полной идентификации с компанией;
- внешние, чрезмерно вежливые формы межличностных контактов, не имеющие под собой более глубокой психологической основы [5].

Л.К. Бальбунова считает, что ключевым препятствием, стагнирующим процесс адаптации сотрудников к новым условиям, является коммуникационный барьер [1, с. 124]. Это становится особенно явным в случае кросс-культурных виртуальных команд, которые редко встречаются физически в одном месте, в основном общаются онлайн, в социальных сетях. В результате может возникнуть множество недопониманий, пробелов в вербальном общении, семантических фальсификаций. К тому же, например, оказывается, деловой английский язык, используемый иностранцами в компании, регулируется совершенно иными правилами, чем тот вариант, который изучают на курсах в Великобритании. Потому что он полон крылатых фраз, метафор, разговорных выражений и сленга, которые не имеют ничего общего с вежливым общением, практикуемым в классе. Иногда общению могут препятствовать стереотипы, то есть обобщенные, устойчивые представления об определенных группах людей. Они делятся на положительные (немцы трудолюбивые и надежные) и отрицательные (поляки воры и пьяницы). Кроме того, существуют различия, касающиеся восприятия времени и пространства, диверсификации цен-

ностей и различных способов соблюдения одних и тех же ценностей в разных культурах, таких как гостеприимство, выражение эмоций, построение отношений с родственниками или подарками.

Другим ограничением в управлении культурным разнообразием рабочей силы является организационный (институциональный) этноцентризм, как считает Е.В. Протасова [4]. Применительно к международным корпорациям это означает возложение обязанности действовать в соответствии с философией штаб-квартиры на плечи зарубежных дочерних компаний. Проявлением такого подхода является вера в приоритетную роль организационной культуры корпоративной штаб-квартиры, навязываемой всем подчиненным зарубежным подразделениям. Причины использования этноцентрического подхода к зарубежному филиалу включают отсутствие знаний о принимающей стране и связанное с этим стереотипное мышление о культуре, а также экономическая неразвитость страны размещения инвестиций.

Еще одной существенной проблемой является отсутствие знаний среди корпоративных сотрудников о негативных последствиях незнания культурных различий. Это касается как субъективно (отделы, подразделения, департаменты, то есть люди, которые будут за это отвечать), так и инструментального аспектов (какие методы использовать для распространения теоретических знаний) внутри корпорации.

По мнению О.В. Болотовой и Н.С. Соловьевой, в компаниях также могут возникать следующие трудности, связанные с адаптацией персонала в мультикультурном коллективе: нехватка времени и финансовых ресурсов на подготовительные мероприятия; отсутствие определения индивидуальных потребностей сотрудника, поступающего на работу в иной культуре; личные предубеждения руководителей, возглавляющих отделы (например, равнодушие к чужим проблемам, эгоцентричность, убежденность в незначительной важности культурных компетенций для эффективной работы предприятия) [2].

Для решения подобных проблем можно предложить конкретные рекомендации: организация языковых курсов, проведение дополнительных мероприятий, имеющих культурную ценность, а также найм ментора, который сможет оказать коллегам поддержку. В.В. Кравченко подчеркивает, что большую значимость имеют действия лидера, на плечи которого ложатся обязательства по мирному урегулированию конфликтов, возникающих на почве культурных различий, а также по созданию доверительной рабочей среды [3, с. 71]. Психологические предрасположенности такого менеджера можно представить следующим образом: экстраверсия, эмпатия, открытость к чужим идеям, доброжелательность, справедливость.

Обращаясь к опыту международных компаний, реализующих деятельность в России, можно представить стратегии, которых они придерживаются в настоящее время: организация переводов сотрудников вместе с их семьями в другие регионы; поощрение командой работы путем создания многонациональных групп, работающих над заданной темой; проведение кросс-культурных тренингов для людей, приезжающих из-за рубежа; создание тематической газеты, публикующей статьи о достижениях сотрудников.

Конфликты, возникающие в многонациональных коллективах, чаще всего вызваны культурными различиями. Поэтому для их решения важны такие основополагающие принципы, как уважение различий, вежливость, сочувствие и толерантность. Представители различных компаний стараются выявить первоисточник проблемы. В таких обстоятельствах желательные методы разрешения конфликтов включают в себя переговоры и посредничество.

Переговоры подразумевают проведение дискуссий, направленных на достижение соглашения, заключение сделки или разрешение конфликта. Утверждается, что это один из наиболее эффективных способов достижения консенсуса, поскольку общая позиция устанавливается путем анализа аргументов, представленных обеими сторонами спора. В ходе переговоров применяется приемлемый уровень давления и участники убеждают решать конкретные вопросы. После того, как стороны принимают решение, заключается соглашение. Другим эффективным методом является медиация, в ходе которой привлекается медиатор – беспристрастное лицо, не принимающее участия в споре. Его роль – не допустить эскалации конфликта. Выслушивает доводы сторон, предоставляет им информацию о причинах спора и возможных последствиях отдельных решений. Медиатор не принимает окончательного решения – это остается за участниками конфликта.

В многокультурных организациях необходимо учитывать культурные табу, существующие в разных культурах. Знание основ позволит избежать многих неловких ситуаций. Сотрудники могут пройти обучение по другим культурам и получить брошюры и онлайн-информацию о них. Знакомство с другой культурой сокращает расстояние и устраняет страх перед неизвестностью. Прямой контакт между сотрудниками из разных культур способствует лучшему взаимопониманию. Вопрос языка также важен. Основным языком общения на многокультурных предприятиях является английский. Конечно, это не родной язык для всех. По этой причине рекомендуется использовать простую форму этого языка, чтобы сделать его понятным.

В европейских странах также существуют компании, на которые стоит равняться: американ-

ская организация, «Amazon» предлагает тренинги по охране труда, которые ведутся на нескольких языках, а также реализует курсы межкультурного общения для менеджеров. В контексте кадровой деятельности «Nestlé» была внедрена система «напарников», чтобы помочь новым работникам быстрее адаптироваться к правилам, действующим на производственных предприятиях.

Несомненно, межкультурный характер организации, а также широкие возможности для работы в международных коллективах являются привлекательным фактором, мотивирующим кандидатов к подаче заявки на работу. На этапе их отбора, если этого требует конкретная должность, проверяются компетенции потенциальных сотрудников с точки зрения их способности работать в мультикультурных командах, восприимчивости к культурным различиям, знания иностранного языка. Или, например, в процессе обучения сотрудники, участвующие в соответствующих программах, которые зачастую предполагают несколько лет пребывания в филиалах компании за рубежом, подчеркивают важность такого опыта в своей дальнейшей профессиональной карьере.

Подводя итоги, сложность адаптации новых кадров в мультикультурных командах обусловлена необходимостью взаимодействия с людьми, которые думают, общаются и действуют по-разному. К негативным явлениям, сопровождающим создание интернациональных корпораций, относятся культурный диссонанс (отсутствие кросс-культурной восприимчивости), стереотипизация (обобщенные оценки психологических характеристик людей, основанные на их принадлежности к национальным группам) или культурный шок (состояние тревоги, вызванное необходимостью адаптироваться к требованиям чужой культуры).

Соответственно, необходимость сосуществования различных культур в рамках одной организации означает, что необходимо строить отношения между сотрудниками на основе таких ценностей, как такт, уважение, толерантность и принятие чужих взглядов. В ином случае возникают разнообразные проблемы: отсутствие доверия к руководителю, а также конфликты между рядовыми сотрудниками, возникающие на фоне культурных различий. Вышеперечисленные явления, как правило, негативно сказываются на поведении сотрудников, дезинтегрируют работу отделов, ослабляют взаимоотношения в коллективе. Это приводит к растрате финансового бюджета, в основном из-за текучести кадров, а также времени, необходимого для решения проблем, возникающих при функционировании многокультурных команд.

Литература

1. Болотова О.В., Соловьева Н.С. Проблема адаптации персонала в организации // Скиф.

- Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 12. – С. 204–208.
2. Бальбура Л.К. Коммуникативные барьеры в межкультурной коммуникации (на примере российской и американской лингвокультур) // Филология: научные исследования. – 2019. – № 2. – С. 122–131.
 3. Кравченко В.В. Эффективность управления командой в мультикультурной бизнес-компании // Наука и образование сегодня. – 2018. – № 6. – С. 70–71.
 4. Протасова Е.В. О роли институционально-организационных изменений в управлении организацией // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2011. – № 11. – С. 118–121.
 5. Сунь Чэньюй, Кэ Сунь. Методы адаптации персонала в эпоху цифровизации // Архитектурная наука. – 2016. – № 32. – С. 140–146.

APPLICATION OF SOCIAL AND MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN THE ADAPTATION OF EMPLOYEES TO A NEW CULTURAL ENVIRONMENT: SYSTEMATIZATION OF RUSSIAN EXPERIENCE

Zhao Qi

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article presents an urgent problem – the difficulties faced by employees when applying for a new workplace. International companies producing goods for different consumer groups were taken as an example. It was found out that the main barriers contributing to the stagnation of adaptation of new employees are organizational ethnocentrism, frequent conflicts, misunderstandings, lack of knowledge among employees about the negative consequences of ignorance of cultural differences, etc. The authors describe the negative impact of language and ethnicity. The negative impact of language barrier on staff communication is described. A great emphasis was made on the formation of a number of recommendations to improve the companies' activities: organizing language courses, holding additional events of cultural value, hiring a mentor who can provide support to colleagues.

Keywords: corporate culture, adaptation of new employees in the organization, personnel, human resources, personnel management.

References

1. Bolotova O.V., Solovyeva N.S. The problem of personnel adaptation in the organization // Scythian. Student science issues. – 2020. – No. 12. – Pp. 204–208.
2. Balburova L.K. Communicative barriers in intercultural communication (on the example of Russian and American linguocultures) // Philology: scientific research. – 2019. – No. 2. – Pp. 122–131.
3. Kravchenko V.V. The effectiveness of team management in a multicultural business company // Science and education today. – 2018. – No. 6. – Pp. 70–71.
4. Protasova E.V. On the role of institutional and organizational changes in organization management // Modern trends in economics and management: a new perspective. – 2011. – No. 11. – Pp. 118–121.
5. Sun Chengyui, Ke Sun. Methods of personnel adaptation in the era of digitalization // Architectural science. – 2016. – No. 32. – Pp. 140–146.

Роль ранней профессиональной социализации в подготовке кадров для системы МЧС России

Яковлева Ольга Ивановна,

доцент кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения, Академия ГПС МЧС России
E-mail: Olga200663@gmail.com

Яковлева Анастасия Петровна,

магистрант, Академия ГПС МЧС России
E-mail: Yakovleva1405@bk.ru

В статье представлен анализ научных публикаций и практических подходов к проблеме педагогического регулирования ранней профессиональной социализации. Рассмотрены особенности профессиональной социализации в пяти возрастных категориях: дошкольники, младшие школьники, подростки, старший школьники, студенты среднего специального образования. В дошкольном возрасте ведущими каналами знакомства с профессиями МЧС России являются книги, игрушки, видеоконтент (фильмы, мультфильмы), творческая деятельность, компьютерные игры, а также профилактические мероприятия в дошкольном учреждении. Педагогическое регулирование профессиональной социализацией школьников осуществляется посредством тематических мероприятий урочной и внеурочной деятельности, путем привлечения к волонтерской деятельности в дружинах юных пожарных, а также посредством реализации дополнительных образовательных программ. В старших классах профессиональная социализация осуществляется через профориентационные мероприятия, а также в кадетских классах МЧС России. Завершающим этапом ранней профессиональной социализации на наш взгляд является период обучения студентов по профильным программам среднего профессионального образования в образовательных организациях МЧС России.

Представлен анализ научных публикаций и практических подходов. Охарактеризована роль профессиональной социализации в подготовке кадров для системы МЧС России.

Ключевые слова: социализация, профориентационная работа, подготовка кадров, МЧС России, дошкольник, школьник, информационно-пропагандистская деятельности, обучение мерам безопасности.

Профилактическая деятельность по предупреждению чрезвычайных ситуаций и обучению населения мерам безопасности является одним из важнейших направлений деятельности МЧС России. Обучение детей правилам безопасности и безопасному поведению, осуществляемое сотрудниками МЧС России совместно с педагогическим составом образовательных организаций, начинается с дошкольного возраста и продолжается до окончания детьми школы и организаций среднего профессионального образования (СПО). Фактически, осуществление профориентационной работы с дошкольниками, школьниками и студентами программ СПО может рассматриваться как деятельность, в ходе которой дети узнают о специфике работы в МЧС России и могут сделать выбор профессии. Данная статья представляет собой анализ теоретических и прикладных аспектов организации ранней профессиональной социализации, представленных в научной литературе и практической деятельности подразделений МЧС России.

Прежде чем говорить о профессиональной социализации целесообразно рассмотреть терминологический аппарат, применяемый в научных исследованиях и процессуальную сторону вопроса.

В научной литературе различают понятия первичной и вторичной социализации. Подробный научно-теоретический анализ понятий, характеризующих процесс социализации применительно к специфике профилактической и профориентационной деятельности с детьми с целью повышения привлекательности профессией МЧС России представлен в трудах О.Е. Шерстневой, И.А. Сидоркиной, О.Е. Мельник, С.В. Савосько, А.Н. Батуро и других. Ранняя профессиональная социализация охватывает все этапы усвоения детьми понятий окружающего мира, которые ребенок получает в ходе первичной и вторичной социализации. Процесс знакомства с профессиями МЧС России тесно связан с освоением базовых понятий в области личной и общественной безопасности, требованиями соблюдения норм и правил безопасного поведения, предупреждения угроз и опасностей разного рода. Знакомясь с разными аспектами и сферами безопасности, дети узнают о работе пожарных, спасателей, иными словами, впервые погружаются в специфику деятельности МЧС России. Рассмотрим подробнее разные авторские подходы к организации ранней профессиональной

социализации и их роль в подготовке кадров для системы МЧС России.

Первичная представляет собой процесс знакомства ребенком с окружающим миром с младенческого возраста и большую часть периода дошкольного возраста под влиянием близкого окружения, которое заботится о малыше и осуществляет его развитие. Как правило, первым источником об окружающем мире являются родители и близкие родственники. Наблюдая за ними, ребенок усваивает язык, нормы и правила поведения в обществе, культуру, традиции семьи, религию и многие другие аспекты. Ребенок впервые получает представления о существовании разных видов деятельности, в том числе профессий. Изучая каналы социализации в формировании безопасного поведения, исследователь О.Е. Шерстнева в процессе опытно-экспериментальной работы на базе дошкольных образовательных организации выявляет ведущие каналы социализации, которые воздействуют не ребенка дома. Это книги, которые читают родители, игрушки с которыми играют дети, видеоконтент (фильмы, мультфильмы), творческая деятельность, поведение родителей, компьютерные игры. Автор отмечает, что при формировании безопасного поведения дошкольника нерегулируемый информационный поток из различных каналов социализации приводит к стихийному формированию базовых понятий у ребенка об опасном и безопасном, тогда как направленное педагогическое воздействие на ребенка через эти же каналы социализации способствует формированию устойчивых базовых понятий и моделей безопасного поведения, а также представлений о работе пожарных и спасателей. Автор отмечает важность регулирования информационного потока путем применения книг, игрушек, мультфильмов, сюжетов для творчества или готовых наборов, компьютерных игр, которые отражают специфику деятельности подразделений МЧС России [7]. Иными словами, социализация с целью обучения детей мерам безопасности и мотивирования на выбор профессии в сфере деятельности МЧС России эффективна только регулируемая. В научной литературе такую социализацию называют «вторичной» – как организованный процесс освоения социальных норм и правил, которым обучают целенаправленно в образовательных организациях либо с привлечением компетентных специалистов и специально разработанных средств обучения и воспитания. В процессе чтения, игры, творчества фокус внимания ребенка будет привлечен к работе подразделений МЧС России и будет заложен интерес к профессии, который зачастую является движущим фактором при выборе будущей профессиональной деятельности.

Сотрудники Академии ГПС МЧС России и ВНИПО МЧС России Е.А. Клепко, А.А. Чистяков,

В.А. Сидоркин, А.А. Чистякова [8] придерживаются комплексного подхода в профилактической работе, направленной на формирование безопасного поведения детей дошкольного и школьного возраста. В результате практической работы экспериментальной площадки «Азбука пожарной безопасности детям» исследователи приходят к заключению, что на эффективность усвоения социальных паттернов безопасного поведения у детей и представлений о профессиональной деятельности подразделений МЧС России у детей воздействует эмоциональная вовлеченность детей. Положительные эмоции способствуют лучшему запоминанию информации, а они у ребенка возникают тогда, когда удовлетворены его потребности. И напротив, отрицательные эмоции блокируют усвоение полезной интересной информации, и их ребенок испытывает, когда вынужден подавлять свои потребности либо не имеет возможности их удовлетворить. Исследователи приходят к заключению, что при подготовке и проведению профориентационной работы, направленной на формирование у детей стойких моделей безопасного поведения и мотивации к изучению и овладению профессиями МЧС России следует обеспечить возможность удовлетворения возрастных потребностей детей во время профилактических и учебных мероприятий [8, с. 54]. Авторы выделяют пять возрастных категорий: дошкольники, младшие школьники, подростки, старшеклассники, учащиеся техникумов [8, с. 53].

Развивая мысль об эмоциональной вовлеченности детей в процессе ранней профессиональной социализации определим ключевые потребности и способы их удовлетворения согласно предложенным Е.А. Клепко, А.А. Чистяковым, В.А. Сидоркиным, А.А. Чистяковой по возрастным группам:

1) дошкольники в возрасте от 3 до 7 лет испытывают потребность в движении, которая удовлетворяется путем интеграции активных форм обучения, физкультминуток, ролевых и подвижных игр, эстафет и других форм активизирующих двигательную деятельность детей;

2) младшие школьники в возрасте от 7 до 11 лет обладают потребностью познавать мир, любопытством, способны обучаться и их потребности могут быть удовлетворены разнообразными учебно-познавательными заданиями и организацией учебной деятельности;

3) подростки в возрасте от 11 до 15 лет – потребность подражания взрослому, проявления взрослости – посильные учебно-познавательные задачи с четкими нормами и правилами с возможностью самоконтроля и самостоятельной организации, и делегирования задач между детьми;

4) старшеклассники в возрасте от 15 до 17 лет испытывают потребность в сепарации от взрослых, утверждение себя во взрослом мире, которая удовлетворяется углубленным изучением вы-

бранной ими профессии или направления, а также и проявлению личных умений и качеств в сообществе сверстников;

5) студенты среднего профессионального образования вступают во взрослую жизнь и испытывают потребность в самостоятельности и профессиональном росте, которая удовлетворяется акцентуацией на поиске и осознании пользы в деятельности и знаниях для их профессионального и личностного роста.

Позитивный опыт практической реализации подхода регулируемой ранней профессиональной социализации представлен сотрудниками Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России О.Е. Мельник, С.В. Савосько, А.Н. Батуро [2]. Они предлагают создавать в дошкольных образовательных организациях тематически ориентированные пространства. Для этого сотрудники МЧС России совместно с воспитателями и родителями создают уголки безопасности в группах детского сада или отдельное тематическое пространство. В него размещают игрушки, отражающие работу пожарно-спасательных формирований (пожарные машинки, катера, вертолеты, муляжи огнетушителей и ручного пожарно-спасательного инструмента, костюмы пожарного, каски и другие игровые комплекты и настольные игры). Игровые комплекты должны мотивировать ребенка на игровую деятельность на тему работы пожарных и спасателей. Помимо игровых комплектов, тематическое пространство наполняется визуальным наглядным оформлением. Это может быть оформление уголка безопасности в стиле пожарно-спасательного пункта или применение средств наглядности – плакатов, демонстрационных материалов и так далее. Для взаимодействия воспитателей с детьми пространство обеспечивается книгами о работе подразделений МЧС России и правилах безопасного поведения, которые соответствуют возрастным особенностям детей и тематическими материалами для творчества. Таким образом, в процессе мероприятий в тематическом пространстве и самостоятельной деятельности ребенок усвоит базовые понятия в области безопасности и будет проходить фактически раннюю профориентацию, направленную на мотивирование к освоению профессий МЧС России. Практический опыт сотрудников Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России О.Е. Мельник, С.В. Савосько, А.Н. Батуро [2] показывает, что дошкольник в процессе социализации в тематически ориентированном пространстве может узнать:

1) кадровые профессии МЧС России: диспетчер, пожарный, начальник караула, спасатель на воде (ГИМС), водитель пожарного автомобиля, спасатель-кинолог, проводник служебных собак, летчик-спасатель МЧС России;

2) содержание профессиональной деятельности сотрудников разных подразделений МЧС России: пожарная охрана, ГИМС, медицинская служба, психологическая служба, подразделения авиации и другие;

3) специфика взаимодействия подразделений МЧС России и гражданского населения в разных ситуациях: профилактика, обучение, предупреждение ЧС ситуаций, действия при сигналах ГО, поведение при пожаре, эвакуация.

Исследователи В.Э. Пыткина [3], О.Е. Мельник [3, 2], С.В. Савосько, А.Н. Батуро [2] поднимают в своих трудах важный аспект ранней профессиональной социализации как преемственности в обучении детей мерам безопасности. Идея системного поступательного регулярного педагогического воздействия на ребенка и непрерывности учебно-воспитательной и информационно-профилактической деятельности, транслирующей детям меры безопасности и специфику работы пожарно-спасательных формирований МЧС России предусматривает обеспечение педагогического процесса специализированными средствами обучения. С этой целью целесообразно взаимодействовать воспитателям дошкольных образовательных учреждений с учителями начальной школы при составлении содержания воспитательных и образовательных программ и учитывать требований федеральных государственных стандартов образования к обоим уровням. Осуществлять так называемую синхронизацию действий. В формате ранней профориентационной работе с целью формирования у детей понятий мерах безопасности и специфике профессиональной деятельности кадрового состава МЧС России целесообразно повторять в младших классах темы о работе МЧС России и правилах безопасности, которые начали изучать в дошкольном образовательном учреждении. Далее преемственность представляет собой интеграцию обучающего про ориентационного материала во внеурочную деятельности всех уровней школьного образования. Автор В.Э. Пыткина подчеркивает важность педагогического регулирования ранней профессиональной социализации детей в процессе обучения основам безопасности жизнедеятельности и акцентирует внимание на важность применения форм, методов и средств обучения, соответствующих возрастным особенностям и учебно-воспитательным задачам программ, составленных с учетом требований ФГОС по уровням образования [9].

В подготовке кадров для МЧС России наиболее значимыми возрастными категориями для ранней профессиональной социализации являются подростки, старшеклассники и студенты среднего специального образования. Рассмотрим их подробнее.

Профессиональная социализация подростков и старшеклассников с целью мотивирования к профессиональной деятельности в МЧС России может осуществляться в рамках дополнительных образовательных программ, профилактических и обучающих мероприятий и социальных проектов с применением инновационных технологий и в рамках деятельности добровольных общественных организаций.

Опыт Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России показал, что дополнительные образовательные программы для школьников являются эффективным инструментом погружения ребенка в профессию пожарного и спасателя [3]. Дополнительная образовательная программа «Юный спасатель» для детей от 6 до 14 лет, реализуемая в рамках каникулярного отдыха, была ориентирована на обучение мерам безопасности через призму профессиональной деятельности пожарно-спасательных формирований. Школьники за 21 день смогли освоить первую медицинскую помощь, спасение на воде, основы работы диспетчера пожарной охраны, изучить пожарно-строевую подготовку и посмотреть на организацию службы подразделений МЧС России. Возможность «примерить» на себя профессии подразделений МЧС России и сделать свой выбор для дальнейшей жизни. Курсы и образовательные программы по для детей, включающие дисциплины пожарно-прикладного характера с элементами «симуляции» деятельности в качестве спасателей и пожарных позволяют детям лучше осознать специфику профессии и сделать осознанный выбор в пользу работы в МЧС России еще будучи в подростковом возрасте.

Еще одним направлением, обеспечивающим профориентационные мероприятия, погружающие в специфику деятельности пожарно-спасательных формирований – это обучение и социально-ориентированная деятельность дружин юных пожарных.

Школьники в возрасте старше 10 лет согласно приказу Министерства образования и Науки Российской Федерации от 03 сентября 2015 года № 971 «Об утверждении Порядка создания и деятельности добровольных дружин юных пожарных» могут быть включены в добровольную дружину юных пожарных, которые создаются руководством на базе образовательных организаций [8]. Дружины юных пожарных (сокращённо ДЮП) осуществляют начальную профессиональную подготовку в области пожарно-спасательного дела и выполняют задачи информационно-профилактического характера в области пожарной безопасности среди детей и молодежи, учувствуют в культурно-массовых мероприятиях и конкурсах, выступают на соревнованиях по пожарно-спасательному спорту. Специфика создания и организация деятельности ДЮП подробно представлена авто-

рами О.Е. Мельник, А.М. Голубев, А.В. Макаров, А.А. Мельник, Д.В. Зобков, А.Н. Нестругин [4]. В контексте данной статьи обратим внимание на роль ДЮП в подготовке кадров для системы МЧС России.

Профессиональная социализация в дружине юных пожарных предусматривает помимо активной творческой и спортивной деятельности, направленной изучение и на популяризацию мер пожарной безопасности, также активное тесное взаимодействие с пожарно-спасательными формированиями. Постоянная коммуникация детей с практикующими пожарными и спасателями МЧС России и обучение у них как у наставников, посещение пожарных частей формируют у детей общие и узкоспециализированные знания в области пожарной безопасности. Кроме того, социализация предполагает освоение норм и правил не только служебного распорядка и специфики профессиональной деятельности, но также служебной этики. Поскольку сама деятельность дружин юных пожарных специфическая и узкоспециализированная, предусматривает серьезное погружение в профессию, то вполне закономерно, что в данных сообществах остаются дети, которые в будущем планируют связать свою жизнь с МЧС России или профессиями помогающего типа. И выбирают после 9 класса специальные профессиональные программы (СПО) или кадетские классы.

Кадетские классы МЧС России – явление, которое набирает популярность и активно развивается на протяжении последнего десятилетия. Эта ступень профильного обучения, которая создана на базе школы для старшеклассников. Возможность погрузиться в профессию будучи учащимся общеобразовательной школы и принять для себя решение о дальнейшем выборе специальности. По сути, это такие классы могут рассматриваться как полноценный кадровый резерв, поскольку их выпускники далее поступают на программы среднего специального или высшего образования в образовательные организации МЧС России. Данную позицию подтверждают результаты практической педагогической работы в кадетских классах МЧС России, представленные в публикациях С.Л. Фролова, М.Е. Андреева, Н.Г. Цема [5], Г.Б. Свидзинская, Н.В. Баранов [6], С. В., Широбков, А.А. Римшина, В.Ю. Римшин [10], А.С. Сушанский, Е.С. Прокофьева [11] и другие.

Завершающим этапом ранней профессиональной социализации на наш взгляд является период обучения студентов по профильным программам среднего профессионального образования, особенно, если они реализуются на базе образовательных организаций МЧС России. На данном этапе молодой человек или девушка уже совершает профессиональный выбор профессии [1] и принимают решение получить профильное образование. И фактически являются уже полноценным ка-

дровым резервом, привлечение которого возможно, как для прохождения службы в подразделения МЧС России, так и для продолжение профессионального развития в рамках подготовки по программам высшего образования.

Ранняя профильная социализация играет значительную роль в формировании кадрового резерва для системы МЧС России. Она осуществляется на разных уровнях и включает обучающие мероприятия и профильные образовательные программы для дошкольников, младших школьников, подростков, старшеклассников и программы среднего специального образования для студентов. Информационно-пропагандистская и педагогическая деятельность по основам безопасности с целью мотивирования детей и молодежи на выбор профессий МЧС России должна осуществляться с дошкольного возраста, быть эмоционально окрашена и обеспечивать быть непрерывной и системной, учитывать требования ФГОС по уровням образования и реализовываться с помощью средств, форм и методов, обеспечивающих высокий уровень учебно-воспитательного процесса и удовлетворение внутренних потребностей каждой возрастной группы.

Дошкольники, школьники и студенты СПО могут проходить раннюю про ориентационную социализацию в дошкольных образовательных организациях посредством мероприятий в тематически ориентированном пространстве, в школе в рамках урочной и внеурочной деятельности и работы дружин юных пожарных; в кадетских классах; посредством освоения дополнительных и специальных образовательных программ. Поступательная системное педагогическое регулирование ранней профессиональной социализацией детей обеспечивает формирование кадрового резерва мотивированных и осознающих специфику служебной деятельности кадров для системы МЧС России.

Литература

1. Кузнецов С., Сидоркин В., Петрова Н. Профессиональный выбор: опыт успешной профориентации // Основы безопасности жизнедеятельности. – 2018. – № . 8. – С. 10–13.
2. Мельник О. Е., Савосько С.В., Батуро А.Н. Направления взаимодействия сотрудников противопожарной службы и воспитателей по созданию тематически-ориентированного пространства для обучения дошкольников мерам пожарной безопасности //Сибирский пожарно-спасательный вестник. – 2020. – № . 2. – С. 48–55.
3. Мельник О. Е., Зинченко Т.В., Шерстнев Д.Е. Методология создания образовательного пространства для школьников в период летних каникул (опыт преподавания курсов «Основы безопасности жизнедеятельности») //Сибирский пожарно-спасательный вестник. – 2017. – № . 3. – С. 41–49.
4. Мельник О.Е. Организация деятельности дружин юных пожарных: инструктивно-методическое издание для руководителей, организаторов и кураторов дружин юных пожарных [Текст] / О.Е. Мельник, А.М. Голубев, А.В. Макаров, А.А. Мельник, Д.В. Зобков, А.Н. Нестругин. – Железногорск: Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2017. – 164 с.; ил.
5. Фролова С. Л., Андреева М.Е., Цема Н.Г. Социокультурная образовательная среда школы как средство социализации обучающихся в кадетских классах //Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области Академия социального управления, 2019. – № . 1. – С. 347–351.
6. Свидзинская Г. Б., Баранов Н.В. Кадетские корпуса–кадровый резерв МЧС России // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения: сб. матер. Всеросс. науч.-пр. конф. – СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. – 2021. – С. 5–9.
7. Шерстнева О.Е. Влияние виртуальной реальности на формирование личности безопасного типа как педагогическая проблема дошкольного воспитания / Шерстнева О.Е. //Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № . 3. – С. 183–188. Костин Р.А., Климанова А.Е. Вторичная социализация: понятие, проблемы и тенденции развития //Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2011. – № . 3 (9). – С. 47–58.
8. Клепко Е. А. и др. Комплексный подход к формированию культуры пожаробезопасного поведения детей / Е.А. Клепко, А.А. Чистяков, В.А. Сидоркин, А.А. Чистякова // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. – 2019. – № . 2. – С. 52–56.
9. Пыткина В.Э. Организация профориентационных мероприятий для младших школьников во внеурочной деятельности // Редакционная коллегия. – 2022. – С. 246. Приказ Министерства образования и Науки Российской Федерации от 03 сентября 2015 года № 971 «Об утверждении Порядка создания и деятельности добровольных дружин юных пожарных».
10. Широбоков С. В., Римшина А.А., Римшин В.Ю. Некоторые вопросы трансформации профориентационной работы с учащимися кадетских классов МЧС на этапе цифровизации // Педагог цифрового поколения. – 2022. – С. 174–178.

11. Сушанский А. С., Прокофьева Е.С. Проблемы профориентационной деятельности в Кадетском пожарно-спасательном корпусе ФГБ-ВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России» (часть 2) // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2021. – № 3. – С. 278–286.

THE ROLE OF EARLY PROFESSIONAL SOCIALIZATION IN PERSONNEL TRAINING FOR THE RUSSIAN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS

Yakovleva O.I., Yakovleva A.P.

Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The article presents an analysis of scientific publications and practical approaches to the problem of pedagogical regulation of early professional socialization. The features of professional socialization in five age categories are considered: preschoolers, younger schoolchildren, teenagers, older schoolchildren, students of secondary special education. In preschool age, the leading channels of acquaintance with the professions of the Russian Ministry of Emergency Situations are books, toys, video content (films, cartoons), creative activities, computer games, as well as preventive measures in a pre-school institution. Pedagogical regulation of professional socialization of schoolchildren is carried out through thematic events of regular and extracurricular activities, by involving young firefighters in volunteer work in squads, as well as through the implementation of additional educational programs. In high school, professional socialization is carried out through orientation events, as well as in cadet classes of the Ministry of Emergency Situations of Russia. In our opinion, the final stage of early professional socialization is the period of students' training in specialized secondary professional education programs in educational organizations of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

Keywords: socialization, career guidance, personnel training, Russian Ministry of Emergency Situations, preschooler, schoolboy, information and propaganda activities, safety training.

References

1. Kuznetsov S., Sidorkin V., Petrova N. Professional choice: experience of successful career guidance // Fundamentals of life safety. – 2018. – No. 8. – P. 10–13.
2. Melnik O. E., Savos'ko S. V., Baturo A.N. Directions of interaction between fire service employees and educators in creating a thematically oriented space for teaching preschoolers fire safety measures // Siberian Fire and Rescue Bulletin. – 2020. – No. 2. – P. 48–55.
3. Melnik O. E., Zinchenko T.V., Sherstnev D.E. Methodology for creating an educational space for schoolchildren during the summer holidays (experience teaching the courses "Fundamentals of Life Safety") // Siberian Fire and Rescue Bulletin. – 2017. – No. 3. – P. 41–49.
4. Melnik O.E. Organization of activities of young firefighters' teams: instructional and methodological publication for leaders, organizers and curators of young firefighters' teams [Text] / O.E. Melnik, A.M. Golubev, A.V. Makarov, A.A. Melnik, D.V. Zobkov, A.N. Nestrugin. – Zheleznogorsk: Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2017. – 164 p.; ill.
5. Frolova S.L., Andreeva M.E., Tsema N.G. Sociocultural educational environment of the school as a means of socialization of students in cadet classes // Conference of ASOU: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences. – State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region Academy of Social Management, 2019. – No. 1. – P. 347–351.
6. Svidzinskaya G. B., Baranov N.V. Cadet Corps – Personnel Reserve of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Fire Safety: Modern Challenges. Problems and Solutions: Coll. Proc. All-Russian Scientific and Applied Conf. – SPb.: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. – 2021. – P. 5–9.
7. Sherstneva O.E. The Influence of Virtual Reality on the Formation of a Safe Type Personality as a Pedagogical Problem of Preschool Education / Sherstneva O.E. // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. – No. 3. – P. 183–188. Kostin R.A., Klimanova A.E. Secondary socialization: concept, problems and development trends // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology. – 2011. – No. 3 (9). – P. 47–58.
8. Klepko E. A. et al. An integrated approach to the formation of a culture of fire safety behavior in children / E.A. Klepko, A.A. Chistyakov, V.A. Sidorkin, A.A. Chistyakova // Fires and emergencies: prevention, liquidation. – 2019. – No. 2. – P. 52–56.
9. Pytkina V.E. Organization of career guidance events for younger students in extracurricular activities // Editorial board. – 2022. – P. 246. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated September 3, 2015 No. 971 "On approval of the Procedure for the creation and activities of voluntary squads of young firefighters."
10. Shirobokov S. V., Rimshina A.A., Rimshina V. Yu. Some issues of transformation of career guidance work with students of cadet classes of the Ministry of Emergency Situations at the stage of digitalization // Teacher of the digital generation. – 2022. – P. 174–178.
11. Sushansky A. S., Prokofieva E.S. Problems of career guidance activities in the Cadet Fire and Rescue Corps of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia" (part 2) // GosReg: state regulation of public relations. – 2021. – No. 3. – P. 278–286.

Возможности управления ответственностью и чувством долга государственных гражданских служащих как личностных ценностей в призме социальной технологии: результаты социологического исследования

Банов Михаил Евгеньевич,

аспирант, Российский государственный социальный университет
E-mail: mbanov@mail.ru

В статье рассматриваются ответственность и чувство долга как личностные ценности, способные выступать основой устойчивого профессионального поведения государственных гражданских служащих. На основе анализа действующих методик управления профессиональной культурой и нематериальной мотивацией выявлены ограничения в работе государственных органов. Представлены результаты социологического исследования (выборка – 258 респондентов), основанного на применении трёх диагностических инструментов, направленных на фиксацию ценностных ориентаций, жизненных приоритетов и уровня морального отчуждения. Установлено, что для государственных гражданских служащих ответственность и чувство долга сохраняются как значимые личностные ценности, однако преломляются через институциональные формы формального соответствия, что ограничивает влияние этих ценностей на формирование целостной профессиональной идентичности. Обоснованы возможности применения полученных результатов в практике управления государственной гражданской службы призме социальной технологии и нормативного конструирования достойного служебного поведения.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, ответственность, чувство долга, личностные ценности, социальная технология, социологическое исследование.

Введение

Ценности гражданских служащих (далее – ГС) являются актуальным аспектом государственной гражданской службы (далее – ГГС), поскольку они формируют нравственный базис их деятельности. С социологической точки зрения ценности сами по себе являются вариативной и многосоставной категорией научного знания, а в рамках ГГС их интерпретация осложняется недостатком специализированных исследований в области социологии управления. Среди множества личностных ценностей, присущих ГС и характеризующих их профессиональную деятельность, следует выделить ответственность и чувства долга. В социологии эти ценности нечасто становились непосредственным предметом исследования для учёных. Так, в трудах классиков (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Р. Мертон, П. Бурдьё, П. Сорокин, А. Гидденс, У. Бекк, М. Крозье и др.) они описывались лишь косвенно, тогда как с позиции институционального развития современного общества они являются востребованными, поскольку напрямую связаны с общественным благом, общественным устойчивым развитием и интересами общества, осознанием значимости ГГС и добросовестным исполнением ГС своих служебных функций.

В современной России в контексте непростой геополитической обстановки взят курс на отстаивание суверенитета с учётом сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1], в связи с чем вопрос ответственности и чувства долга ГС приобретает особую значимость. Ценности, в отличие от мотивов или, например, привычек, представляют собой довольно устойчивую систему, однако и она может трансформироваться. Несмотря на наличие в недавней российской научной литературе исследований в области изучения формирования профессиональной культуры ГС [4], их патриотизма [9], их представления о ценности общественного служения [10], их профессиональной мотивации [11], адаптации [7] или ценностной ориентации [12], лишь немногие исследования связаны непосредственно с управлением [8], [13]. Настоящее исследование расширяет пул эмпирических исследований в области изучения личностных ценностей

ГС на примере ответственности и чувства долга и определяет возможности их управления в при-зме социальной технологии, которые способны оказать влияние на решение проблем формирования нравственного базиса ГС. Научная новизна исследования заключается в эмпирическом обосновании возможности интеграции ценностей ответственности и чувства долга в практику управления ГГС как основание для проектирования социальной технологии смыслового регулирования служебного поведения ГС.

Теоретическая основа исследования

В настоящее время в Российской Федерации действует методика нематериальной мотивации государственных ГС Российской Федерации (далее – Методика НМ ГС), в которой закреплены четыре ценности ГС: профессионализм, компетентность, честность и беспристрастность. Вместе с тем, в Методике НМ ГС не определено понятие ценностей ГС, а только их мотивации, включая нематериальную [2]. Общее понятие ценностей определено в Методике формирования и развития профессиональной культуры государственного органа, утверждённой Министерством труда России (далее – Методике ПК). Согласно документу, ценности представляют собой «моральные, этические и нравственные ориентиры деятельности гражданских служащих, направленные на достижение целей, задач и реализацию миссии государственного органа» [3].

Методика НМ ГС отражает стремление к системному описанию нематериальной мотивации ГС, однако в ней отсутствует механизм, связывающий воздействие на поведение с внутренними личностными ориентирами. Приоритет формальных и внешних характеристик снижает результативность управления мотивацией. Методика ПК фиксирует аналогичную проблему: ориентация на развитие культуры не подкреплена средствами, способными выявлять и формировать ценностные установки, от которых зависит устойчивость профессионального поведения. Отсутствие адресного инструментария приводит к преобладанию внешних стимулов, что ослабляет устойчивость мотиваций ГС.

В условиях усложнения социальных функций ГГС устойчивость профессионального поведения ГС определяется не столько внешним регламентом, сколько наличием внутренних регуляторов, среди которых ключевое положение занимают ответственность и чувство долга. Эти ценности обладают свойством стабилизировать стратегии поведения, направленные на соблюдение интересов государства и общества. Для формирования таких ценностей требуется осознанное воздействие, направленное на встраивание данных ценностей в профессиональное самосознание ГГС. Несмотря на заявленную ориентацию на развитие личностных качеств, содержание Методики НМ ГС

и Методики ПК не формирует условий для последовательной работы с категориями чувства долга и ответственности как с системообразующими мотивационными основаниями. Их фактическое отсутствие в «списке» ценностей не формирует у ГС устойчивую поведенческую идентичность, связанную с ориентацией на общественное благо.

Вместе с тем управление ценностями в системе ГГС может рассматриваться в качестве социальной технологии, обеспечивающей трансляцию значимых смыслов в практики повседневного профессионального поведения ГС. Системное управление личностными ценностями предполагает включение институциональных механизмов, направленных на формирование профессиональной идентичности ГС. По мере усложнения задач значение ценностей ГС усиливается, поскольку именно они позволяют компенсировать недостатки внешнего стимулирования. Для раскрытия потенциала социальной технологии необходима среда, в которой ценности ГС будут соотноситься с целями ГГС. Такая среда формируется за счёт институциональных механизмов, для чего требуется развитие действующих методик и разработка системы управления личностными ценностями служебной деятельности ГС.

В этом смысле важно разграничить личные и профессиональные характеристики ГС, поскольку это представляет значимость для управления их мотивацией. Личностные свойства отражают общий социальный опыт, тогда как профессиональные формируются под воздействием институциональных норм. При их смешении снижается точность управленческих решений, поскольку внешнее поведение подменяет внутренние основания профессионального выбора. Нечёткость различий затрудняет формирование устойчивой модели мотивационного поведения. В частности, в нормативных текстах Методики НМ ГС и Методики ПК наблюдается отсутствие разграничения личностных и профессиональных качеств. Свойства личности представлены как функциональные компетенции, хотя их природа не связана напрямую с профессиональной социализацией. В результате усиливается влияние внешних норм, а механизмы формирования устойчивых ценностей остаются неразвитыми. Ответственность и чувство долга обладают потенциалом для соединения личностных установок с профессиональными задачами. Их устойчивое присутствие в структуре мотивации ГС может формировать поведение, согласованное с целями ГГС: без включения этих характеристик в систему управления ГГС формирование целостной профессиональной идентичности ГС представляется неполным.

Методология исследования

На примере ответственности и чувства долга предлагается методология исследования ценностей

ГС, включающая в себя три методики: классическую методику изучения ценностных ориентаций М. Рокича (далее – МИЦО), морфологический тест жизненных ценностей в адаптации Л.В. Карпушиной и В.Ф. Сопова [6] (далее – МТЖЦ) и шкалу отчуждения моральной ответственности в адаптации Я.А. Ледовой [8] (далее – Шкала MD-8). Сущность МИЦО заключается в выявлении базовых жизненных ориентаций респондента на основе сравнительного ранжирования инструментальных и терминальных ценностей. Методика строится на оценке значимости определённых смысловых доминант, фиксирующих мотивационную структуру личности. МТЖЦ направлена на исследование индивидуального профиля ценностей через корреляцию целей и средств их достижения. МТЖЦ позволяет определить, какие жизненные смыслы признаются значимыми, а также в какой мере они соотносятся с допустимыми формами поведения. Шкала MD-8 сводится к диагностике степени морального отчуждения личности по отношению к этическим стандартам и нормативной ответственности. Шкала фиксирует склонность индивида оправдывать аморальные действия, что позволяет оценить уровень принятия ценностей чувства долга и ответственности.

Все вопросы, заданные в этих методиках, были объединены в одну онлайн-анкету социологического опроса и перемешаны. К участию в опросе были приглашены 300 ГС, из которых 86% смогли дать ответы.

Анализ данных осуществлялся с использованием процедур первичной обработки, включая проверку полноты ответов, фильтрацию некорректных значений и кодировку шкал согласно методикам. Для каждой методики были рассчитаны индивидуальные показатели: ранговые позиции в МИЦО, индекс приоритетов в МТЖЦ и уровни моральной дистанции по шкале MD-8.

Результаты и их обсуждение

В конечном исследовании приняли участие 258 ГС, что соответствует среднему значению выборки в предыдущих исследованиях [5; 7; 9–13]. Ниже представлены результаты по каждой методике.

Результаты МИЦО. Полученные результаты ранжирования ценностей ГС по методике М. Рокича позволяют зафиксировать выраженное предпочтение тех ценностей ГС, которые непосредственно соотносятся с потребностями в стабильности, социальной включённости и нормативной определённости (рис. 1).

В группе терминальных ценностей к значимым ценностям в среднем по выборке были отнесены ценность здоровья, счастливой семейной жизни, уверенности в себе, общественного признания, интересной работы и активной деятельной жизни, что отражает ориентацию ГС на стабильные

и воспроизводимые формы социального бытия. Аналогичная структура наблюдается в шкале инструментальных ценностей, в которой к значимым были отнесены следующие ценности: честность, ответственность, исполнительность, воспитанность, аккуратность и самоконтроль – они формируют поведенческий норматив ГС в системе ГГС.

Рис. 1. Результаты оценки по МИЦО, средние значения (n = 258)

Примечание: наиболее значимые ценности – 1–6; индифферентные ценности – 7–12; незначимые ценности – 13–18 (сверху вниз).

Результаты МТЖЦ. Методика предполагает интерпретацию результатов по двум составляющим: терминальным ценностям и жизненным сферам. Структура терминальных ценностей, выявленная с помощью МТЖЦ, отражает доминирование жизненных ценностей, связанных с результативностью и социальной включённостью ГС: наивысшие значения получили собственный престиж, социальные контакты, материальное положение и достижения, что, в целом, согласуется с нормативной моделью профессионального поведения ГС. В жизненных сферах зафиксирована высокая выраженность ориентации на «профессиональную жизнь, семейную жизнь, а также обучение и образование (рис. 2).

Результаты Шкалы MD-8. Шкала отчуждения моральной ответственности предполагает оценку по восьми локусам. Общий индекс шкалы отчуждения моральной ответственности демонстрирует средний уровень выраженности (3 балла), при этом наибольшие значения зафиксированы по локусам смещения ответственности и рассеивания ответственности, что позволяет предположить то, что в ценностном профиле ГС имеются тенденции к снижению персонального контроля в ситуациях принятия решений, связанных с неопределённостью или распределённой субъектностью (рис. 3).

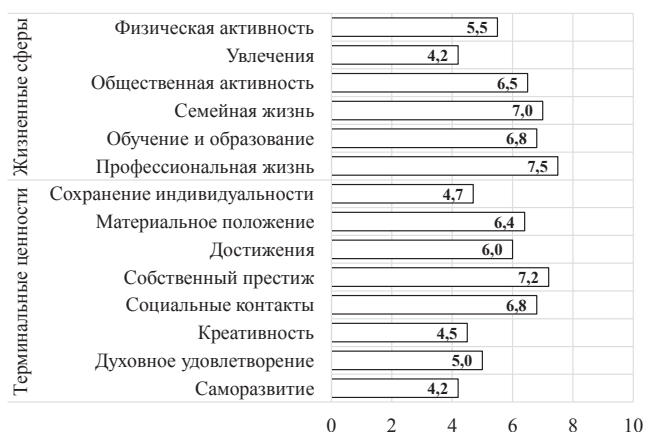

Рис. 2. Результаты оценки по МТЖЦ, средние значения (n = 258)

Примечание: низкий уровень – 1–3; средний уровень – 4–7; высокий уровень – 8–10.

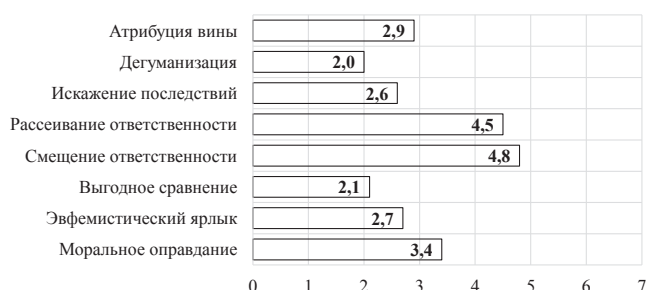

Рис. 3. Результаты оценки по Шкале MD-8, средние значения (n = 258)

Примечание: низкий уровень – 1,0–1,9; средний уровень – 2,0–3,6; высокий уровень – 3,7–7,0.

Подобная модель морального отчуждения может рассматриваться в качестве функциональной адаптации к условиям институциональной среды, когда ответственность ГС приобретает формализованный характер. Умеренные значения по локусам искажения последствий, эвфемистического ярлыка и атрибуции вины подтверждают, что использование механизмов морального отчуждения не выходит за рамки допустимого и не сопровождается нарушением базовых норм профессиональной этики. Низкие показатели по шкалам выгодного сравнения и дегуманизации свидетельствуют о сохранении у ГС ориентации на нормативную рефлексию и ограниченной готовности к оправданию аморальных действий во внутреннем дискурсе. Повышенное значение по шкале морального оправдания свидетельствует о частичном допущении интерпретаций собственных действий в логике служебной необходимости, что может использоваться для внутреннего снятия моральной нагрузки. В целом структура распределения значений по шкале MD-8 позволяет рассматривать отчуждение моральной ответственности как ситуативную защитную стратегию, активируемую ГС при сниженной субъективной включённости в процесс принятия решений.

Выявленные результаты по трём методикам в совокупности позволяют зафиксировать специфическую форму выраженности ответственности и чувства долга как личностных ценностей ГС. В структуре инструментальных ценностей по методике МИЦО ответственность занимает высокую позицию, что указывает на её нормативную значимость в представлениях ГС о желаемом типе поведения. Однако в логике МТЖЦ приоритет получают ориентиры на социальную эффективность, профессиональную стабильность и престиж, тогда как признаки внутренней нормативной мотивации (саморазвитие и сохранение индивидуальности) оказываются на периферии. Шкала MD-8 отражает преобладание стратегий смещения и рассеивания ответственности, а также значимость морального оправдания, что позволяет говорить о наличии механизмов компенсации, снижающих внутреннюю напряжённость ГС, возникающую при несоответствии между институциональными ожиданиями и личной включённостью в принятие моральных решений.

Таким образом, для отечественных ГС ответственность и чувство долга сохраняются как личностные ценности, однако преломляются сквозь призму прагматической установки на формальное следование правилам с учётом ослабленной внутренней персонализации морального выбора.

Сопоставление полученных результатов с результатами предыдущих исследований позволяет выявить как устойчивость нормативных представлений ГС о значимости ответственности и чувства долга в системе ГГС, так и тенденции к их институциональному преломлению (табл. 1).

Таблица 1. Дискуссия с предыдущими исследованиями

Источник	Ключевой вывод предыдущего исследования	Результат настоящего исследования
[4]	У ГС преобладают ценности дисциплины, исполнительности и подчинения	Дополняет
[5]	Имидж ГС строится вокруг социального престижа и формальной лояльности	Дополняет
[7]	Для адаптации ГС требуется переоценка личных установок и ролевой гибкости	Расширяет
[9]	Профессиональная культура воспроизводит нормы, однако она слабо связана с мотивацией	Расширяет
[10]	Патриотизм как ценность встроен в служебную роль, однако он не осмыслен на индивидуальном уровне	Дополняет
[11]	Ценность служения обществу воспринимается как внешнее требование	Дополняет

Окончание

Источ-ник	Ключевой вывод предыдущего исследования	Результат настоящего исследования
[12]	Профессиональная мотивация ГС зависит от формальных стимулов	Расширяет
[13]	Управленческая культура построена на декларируемых нормах	Дополняет

Источник: составлено автором.

Новые эмпирические данные не вступают в содержательное противоречие с ранее полученными результатами, однако позволяют детализировать внутреннюю организацию профиля личностных ценностей ГС, включая способы адаптации к функциональному распределению их ответственности. В частности, за счёт включения шкалы морального отчуждения становится возможным переход от простой констатации ценностей к анализу механизмов их реализации в условиях институциональной неопределённости.

Результаты исследования открывают возможности для конструирования управления ценностями как социальной технологии, направленной на усиление устойчивых личностных характеристик, способствующих профессиональной состоятельности ГС. Включение ответственности и чувства долга в методические основы формирования и развития профессиональной культуры ГС и их мотивации позволяет как формировать нормативную поведенческую модель, так и выявлять внутренние ограничения, связанные с моральным отчуждением и институциональной рутинной. Для поддержания баланса между внешними требованиями и внутренней мотивацией требуется развитие механизмов, способных трансформировать ценности в устойчивые элементы профессиональной идентичности ГС.

Выводы

Полученные в результате проведённого социологического исследования данные не вступают в содержательное противоречие с ранее полученными результатами, однако указывают на необходимость институциональной оптимизации механизмов формирования профессиональной культуры ГС с учётом роли личностных ценностей, способных стабилизировать их поведение в условиях повышенной неопределённости. Выявленное расхождение между декларируемыми ориентирами и внутренним поведением обуславливает необходимость включения категорий ответственности и чувства долга в содержательную часть методик управления сквозь призму социальной технологии. Для практической реализации задач трансформации мотивационной среды ГС целесообразно ввести использованные методики в текущие процедуры профессиональной

аттестации ГС и проектировать модели развития, опирающиеся на диагностику ценностного профиля. Управление данными характеристиками может выступать инструментом укрепления субъективной причастности ГС к целям государственной политики.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 22.03.2025).
2. Методика нематериальной мотивации государственных гражданских служащих Российской Федерации (утв. Минтрудом России) / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321133/ (дата обращения: 22.03.2025).
3. Методика формирования и развития профессиональной культуры государственного органа / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315498/ (дата обращения: 22.03.2025).
4. Гребенникова А. А., Масляков В.В., Осипова И.Н. Некоторые аспекты формирования профессиональной культуры государственных и муниципальных служащих // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 2. – № 3. – С. 100–108.
5. Иванова Н. Л., Петко Б.Б. Самоимидж государственных гражданских служащих: проблемы и факторы формирования // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – С. 141–166.
6. Карпушина Л. В., Сопов В.Ф. Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. – 2001. – № 4. – С. 9–30.
7. Кравец М. А., Емельянова О.Я., Шершень И.В. Профессиональная адаптация государственных служащих в условиях технологических и социально-экономических изменений // Современная экономика: проблемы и решения. – 2022. – Т. 10. – С. 95–106.
8. Ледовая Я. А. и др. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – № 4. – С. 23–39.
9. Парфенова И. Ю., Балганова Е.В., Иванова Л.Н. Основные направления развития профессиональной культуры государственных служащих: социолого-управленческий анализ // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4. – № 4. – С. 34–40.
10. Селезнева Е.В. Патриотизм в структуре ценностей государственных служащих // Научный

результат. Педагогика и психология образования. – 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 67–82.

11. Селезнева Е.В. Представления российских государственных служащих о ценности общественного служения // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 96. – С. 88–103.
12. Стрекалова Н.Д. Профессиональная мотивация как фактор профессионального развития государственных гражданских служащих // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2023. – № 3 (57). – С. 14–21.
13. Яковко Т.В. Выявление ценностей управленческой культуры государственных служащих: обобщение результатов социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 5. – С. 137–140.

THE POSSIBILITIES OF MANAGING THE RESPONSIBILITY AND SENSE OF DUTY OF GOVERNMENT CIVIL SERVANTS AS PERSONAL VALUES IN THE PRISM OF SOCIAL TECHNOLOGY: THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

Banov M.E.

Russian State Social University

The article examines responsibility and a sense of duty as personal values that can serve as the basis for sustainable professional behavior of government civil servants. Based on the analysis of current methods of managing professional culture and non-material motivation, limitations in the work of government agencies have been identified. The results of a sociological study (a sample of 258 respondents) based on the use of three diagnostic tools aimed at fixing value orientations, life priorities and the level of moral alienation are presented. It has been established that for government civil servants, responsibility and a sense of duty are preserved as significant personal values, but they are refracted through institutional forms of formal conformity, which limits the influence of these values on the formation of a holistic professional identity. The possibilities of applying the obtained results in the practice of public civil service management through the prism of social technology and the normative construction of decent official behavior are substantiated.

Keywords: civil service, responsibility, sense of duty, personal values, social technology, sociological research.

References

1. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (date of access: 22.03.2025).
2. Methodology of Non-material Motivation of State Civil Servants of the Russian Federation (approved by the Ministry of Labor of Russia) / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321133/ (date of access: 22.03.2025).
3. Methodology for the Formation and Development of the Professional Culture of a Government Agency / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315498/ (date of access: 22.03.2025).
4. Grebennikova A. A., Maslyakov V.V., Osipova I.N. Some aspects of the formation of the professional culture of state and municipal employees // Journal of Applied Research. – 2022. – Vol. 2. – No. 3. – P. 100–108.
5. Ivanova N. L., Petko B.B. Self-image of state civil servants: problems and factors of formation // Issues of public and municipal administration. – 2020. – No. 4. – P. 141–166.
6. Karpushina L. V., Sopov V.F. Morphological test of life values // Applied Psychology. – 2001. – No. 4. – P. 9–30.
7. Kravets M. A., Emelyanova O. Ya., Shershen I.V. Professional adaptation of civil servants in the context of technological and socio-economic changes // Modern economy: problems and solutions. – 2022. – Vol. 10. – P. 95–106.
8. Ledovaya Ya. A. et al. Alienation of moral responsibility: a psychological construct and methods of its measurement // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. – 2016. – No. 4. – P. 23–39.
9. Parfenova I. Yu., Balganova E.V., Ivanova L.N. The main directions of development of the professional culture of civil servants: a sociological and managerial analysis // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Vol. 4. – No. 4. – P. 34–40.
10. Selezneva E.V. Patriotism in the Structure of Values of Civil Servants // Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education. – 2023. – Vol. 9. – No. 4. – P. 67–82.
11. Selezneva E.V. Ideas of Russian Civil Servants about the Value of Public Service // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2023. – No. 96. – P. 88–103.
12. Strekalova N.D. Professional Motivation as a Factor in the Professional Development of Civil Servants // Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology. – 2023. – No. 3 (57). – P. 14–21.
13. Yakovko T.V. Identification of the values of the management culture of civil servants: generalization of the results of a sociological study // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 5. – P. 137–140.

Использование призмы неинституционального подхода в исследовании инноваций: управленческие аспекты и социальные взаимодействия

Горбунов Дмитрий Игоревич,

аспирант кафедры социологии и управления персоналом
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета

E-mail: gorbunovdmitry9@gmail.com

Статья исследует потенциал неинституциональной теории в анализе управления инновациями и преодоления институциональных барьеров. В первой части раскрываются ключевые концепции неинституционализма, такие как стремление организаций к легитимности, изоморфизм и институциональное предпринимательство. Во второй части неинституциональный подход используется для анализа процесса внедрения и распространения инноваций на примере распространения практики удаленной работы.

Ключевые слова: неинституционализм, изоморфизм, институциональное предпринимательство, теория организаций, социология управления, инновации.

В условиях ускоряющегося процесса цифровой трансформации все большее значение приобретает способность организаций и акторов обеспечить эффективное производство и управление инновациями.

Современные организации могут сталкиваться с парадоксом: даже в условиях почти неограниченного доступа к самым передовым технологиям, многие инновационные инициативы терпят крах при попытке реализации из-за институциональных барьеров. Это может быть бюрократическая инерция, несовершенное законодательство, конфликт инновационной практики и сложившейся корпоративной культуры, а также сопротивление со стороны сотрудников организации. Эти вызовы требуют переосмысления роли управления в инновационной деятельности.

В этом контексте, неинституциональный подход в социологии организаций, основанный на взгляде на институты, как на устойчивые и воспроизводимые когнитивные и культурные схемы, позволяет обеспечить детальный анализ процесса внедрения и создания инноваций. Неинституциональный подход позволяет рассматривать как менеджеры, выступая в роли «институциональных предпринимателей», могут изменять устоявшиеся правила и создавать условия для реализации изменений.

Несмотря на значительный интерес к неинституциональному анализу, роль социальных взаимодействий и управленческих аспектов в процессе внедрения инноваций остается недостаточно изученной. Данная статья призвана восполнить пробел, предложив комплексный взгляд на то, как институциональные механизмы, управленческие решения и социальная динамика, могут обуславливать успех или провал инноваций.

Неинституционализм, с момента своего появления в 70–80-х годах XX века, прошел длинный путь становления одной из доминирующих концепций в теории менеджмента и организаций. Согласно библиометрическому анализу Р. Фогеля неинституционализм в 80-х годах представлял небольшую школу мысли, в 90-е годы постепенно начал расширять свое влияние, в нулевые трансформировался во второй по количеству статей и исследований подход, а в 2010-х и вовсе занял доминирующее положение среди других подходов и концепций в организационных исследованиях [7].

Появление неинституционального подхода в социологии принято отсчитывать с момента пу-

бликации двух ключевых статей: Мейера и Роуэна и Линн Цукер [6, 8]. Предложенный ими подход возник как реакция на ограничения структурного функционализма, традиционного институционализма и теорий рационального выбора и фокусировался на новом понимании процесса принятия решений, структурных особенностей и изменений в организациях. Этот подход сместил фокус с формальных структур и индивидуальной рациональности на роль институтов как социальных конструкций, формирующих поведение через нормы, символы и когнитивные шаблоны. Его ключевая идея – институты не просто ограничивают действия, но и конституируют саму реальность, в которой действуют индивиды и организации. Так, Джон Мейер и Брайан Роуэн в своей статье показали, что организации принимают определенную структуру (например, бюрократию) и практики не из-за стремления к эффективности, а для поддержания легитимности [6]. Сам термин «легитимность» в неонституционализме трактуется как некоторое соответствие действий, структур или организаций социально признанным нормам, ценностям и культурным схемам, которые воспринимаются обществом как «естественные» и «правильные». Согласно Мейеру и Роуэну стандарты легитимности задаются мифами, под которыми понимается социально признанное представление о том, что считается рациональным, прогрессивным или неизбежным в обществе или конкретной профессиональной среде. Таким образом, миф – это некая символическая конструкция, воспринимаемая как объективная реальность. В качестве примера подобного мифа, можно привести взгляд на бюрократию, как на идеальную форму управления – организации внедряют иерархии и должностные инструкции потому что они ассоциируются с «порядком» и «профессионализмом» даже если это отрицательно влияет на эффективность. Мейер и Роуэн описывают процесс демонстрации соответствия мифам через термин «ритуал», под которым понимается символическое действие или практика, через которую организация символизирует свою приверженность социально одобряемым мифам. Организации с помощью мифов создают видимость рациональности и порядка, что позволяет им укреплять доверие со стороны других акторов – государства, инвесторов, клиентов. В качестве примеров подобных ритуалов, можно привести ситуации, когда для соответствия мифу о бюрократии организации создают и поддерживают иерархические структуры управления, включающие сложные системы отчетности, даже если эта отчетность в итоге не используется. Другим примером, можно обозначить ситуацию, когда компании привлекают консультантов и проводят аудиты не столько для дальнейшей работы по повышению эффективности на основе результатов, а скорее для демонстрации соответствия мифам

через сам ритуал проведения аудита и привлечения консалтинга.

Мейер и Роуэн показывают, что такое положение дел приводит к двум ключевым эффектам. Во-первых, необходимость обеспечения легитимности приводит к декаплингу (от англ. decouple – разъединять, расцеплять) – рассогласованности между формальными структурами (ритуалами) и реальными процессами. К примеру, в организациях со сложной иерархической структурой реальные процессы могут сильно отличаться от формальных, многие решения принимаются через неформальные сети отношений для обеспечения достаточной скорости принятия решений и сохранения эффективности. Во-вторых, для выживания организаций на первый план выходит символическая эффективность, успех зависит не от внутренней рациональности, а от соответствия институциональным ожиданиям [6].

Этот подход объясняет почему организации часто действуют иррационально с точки зрения эффективности, но рационально – с точки зрения выживания в институциональной среде. По Мейеру и Роуэну, борьба за легитимность через мифы и ритуалы важнее, чем достижение конкретных целей.

Следующей важной работой для развития неонституционализма стала статья Пола ДиМаджио и Уолтера Пауэлла, основной задачей которой, стала попытка ответить на вопрос, почему связанные организации со временем становятся похожими друг на друга. Исследователи переосмыслили классическую концепцию Макса Вебера о «железной клетке» бюрократизации, утверждая, что в современном мире движущие силы организационных изменений сместились с рыночной конкуренции (как у Вебера) к институциональным процессам, формируемым государством и профессиями [5].

Процесс, в результате которого связанные организации становятся структурно и функционально похожими обозначается термином изоморфизм. ДиМаджио и Пауэлл выделяли два типа изоморфизма – конкурентный и институциональный. Первый движим стремлением к повышению эффективности и рыночной конкуренцией, что подталкивает организации перенимать инновации, внедряемые другими организациями. Второй, напротив, связан с обеспечением легитимности и той частью мифа, и церемониала, о которых писали Мейер и Роуэн. Институциональный изоморфизм бывает трех видов: принудительный, подражательный и нормативный. Принудительный изоморфизм возникает в результате давления внешних сил – государственного регулирования, юридических норм, культурных ожиданий. Подражательный изоморфизм возникает из копирования успешных моделей в условиях неопределенности. Нормативный изоморфизм под влиянием процес-

са профессионализации и стандартов образования. Связанные организации вместе образуют организационное поле – важный элемент анализа в неoinституционализме. Организационное поле ДиМаджио и Пауэлл определяют, как «организации, которые в совокупности составляют сферу институциональной жизни: ключевые поставщики потребители ресурсов и товаров, регулирующие организации и другие организации, производящие сходные услуги или товары» [5]. На ранних этапах существования организационные поля характеризуются разнообразием организационных моделей и форм, которые впоследствии сменяются гомогенизацией и преобладанием одной или нескольких моделей. Это происходит в результате процесса структуризации поля, которая описывается через несколько элементов: усиление взаимодействий между организациями, формирование иерархий и коалиций, рост информационной нагрузки и осознание общности целей участниками поля. Говоря иными словами, в ходе возникновения организационного поля, организации начинают взаимодействовать друг с другом через контракты, совместные проекты и обмен кадрами, в результате постепенно формируются доминирующие организации, воспринимаемые как эталоны другими участниками, постепенно организации все больше и больше анализируют информацию о конкурентах, регуляциях и трендах, а также осознают себя как часть единой системы с общими целями и проблемами. Структуризация поля превращает хаотичное разнообразие в упорядоченную систему, где организации жертвуют уникальностью ради выживания и легитимности.

Неоинституциональный подход не только описывает как институты влияют на поведение субъектов, но и то как субъекты влияют и изменяют институты. Первые работы в области институционализма в своем методологическом основании сталкивались с парадоксом встроенной агентности [3]. Перед исследователями вставал важный вопрос о том, как акторы, чьи действия определяются институтами, могут изменять эти институты. Эта проблема была подробно рассмотрена в более поздних работах Пола ДиМаджио, а также Джули Баттилианы, которые предложили концепцию институционального предпринимательства – процесса, через который акторы иницируют и реализуют изменения, нарушающие существующие институты. Эта концепция позволила вернуть агентность в институциональный анализ, избегая как гипердетерминизма, так и избыточного волюнтаризма [3, 4].

В основе концепции лежит понятие институционального предпринимателя – актора, который иницирует изменения и активно участвует в процессе их реализации, даже если они не заканчиваются успехом. В качестве подобных акторов могут выступать отдельные личности, группы или орга-

низации. Важно отметить, что не все агенты изменений являются институциональными предпринимателями, так как изменения, соответствующие текущим институтам, не учитываются. Стоит также обозначить, что институциональные предприниматели, не обязательно являются предпринимателями в классическом смысле этого слова, они могут не создавать новых компаний и предприятий, а внедрять модели в существующие организации, идущие вразрез с существующими институтами. Для решения парадокса агентности Баттилиана использует несколько подходов: теорию Энтони Гидденса, из которой следует, что институты и действия взаимно конституируют друг друга, критический реализм и реляционную социологию, которые позволяют учитывать социальные позиции и ресурсы акторов, а также прагматизм, утверждающий способность акторов использовать доступные инструменты (дискурс, нарративы) для легитимации изменений [3].

Важным элементом теории институционального предпринимательства становятся условия, в которых оно становится возможным. Во-первых, это характеристики поля, включающие в себя наличие нестабильности и кризисов, степень гетерогенности институциональных логик, а также степень институционализации [3]. Из этого следует, что в условиях кризиса акторам проще реализовать и легитимировать институциональные изменения. Это происходило, например, в период пандемии COVID-19, когда организации стали внедрять удаленные режимы работы, несмотря на встречающееся сопротивление такому виду занятости в период до пандемии. Во-вторых, это социальная позиция акторов: статус в поле, межполевая встроенность, а также формальная власть и социальный капитал. Статус в поле определяет доступные опции для изменений: периферийные акторы чаще иницируют изменения, так как обладают меньшим числом и более слабой силой связей с другими организациями, а центральные акторы могут использовать свой авторитет для легитимации. Межполевая встроенность влияет через способность институциональных предпринимателей, связанных с несколькими полями, переносить практики из одного в другое. Социальный капитал и формальная власть, позволяют использовать доступ к ресурсам и сетям для усиления влияния на реализацию изменений. Концепция предполагает, что институциональное предпринимательство – сложный процесс, требующий учета контекста, ресурсов и стратегий, а понимание механизмов институциональных изменений критически важно для решения сложных управленческих задач.

Из положений неоинституционального подхода следует множество факторов, важных для понимания процессов создания и внедрения инноваций в организациях. Неоинституциональная теория акцентирует внимание на роли формальных

и неформальных правил, легитимации и изоморфизма, предлагает уникальный взгляд на то, как инновации возникают, распространяются и укореняются в организациях.

Концепции институционального изоморфизма и институционального предпринимательства позволяют рассмотреть с какими проблемами сталкиваются организации при внедрении инноваций и при каких условиях возможно обеспечить эффективное внедрение инноваций. С одной стороны, организации испытывают кризис легитимности при попытке внедрения инноваций, которые идут вразрез с принятыми стандартами и существующими институтами в организационном поле. С другой стороны, при наличии определенных условий, открываются окна возможностей для реализации изменений и внедрения инноваций.

В качестве примера для анализа инноваций через призму неинституционального подхода, можно привести внедрение инновационных технологий и процессов, связанных с развитием удаленной работы в России. Внедрение удаленной работы, особенно ускоренное пандемией COVID-19, представляет собой яркий пример того, как экзогенный шок взаимодействует с институциональными структурами, порождая противоречия между традиционными нормами и новыми практиками. Несмотря на то, что и до пандемии существовали все технические возможности для внедрения удаленной работы, эта практика оставалась скорее маргинальной. Это объясняется наличием ряда институциональных барьеров. С одной стороны, восприятие физического присутствия на рабочем месте ассоциировалось с контролем и дисциплиной, а с другой стороны, Трудовой кодекс, хотя и допускал дистанционный формат, не регулировал его детально и создавал ряд правовых неопределенностей, в частности, двойственность понятий «дистанционный» и «удаленный» форматы работы, неопределенные принципы оплаты труда дистанционных работников, способы перевода в дистанционный формат и так далее.

Пандемия стала экзогенным шоком: кризис вынудил пересмотреть существующие нормы, работодатели встали перед выбором – остановить работу или обеспечить удаленный формат взаимодействия, а государство сначала временно создало упрощенные процедуры для установления удаленной работы, а затем внесло поправки в ТК для решения существовавших законодательных неопределенностей [1]. Однако, как можно заметить, этот процесс носит скорее вынужденный характер и не отражает полноценной институциональной трансформации. По истечении пандемии значительное число компаний начало возврат к офисному формату работы, эта тенденция сохраняется и по данным исследований, число удаленных работников на 2024 год приближается к допанде-

мийному уровню [2]. Этот процесс можно описать термином институциональной инерции.

Волна удаленной работы развивалась в соответствии с механизмами институционального изоморфизма. Крупные IT-компании, такие как Сбер, Яндекс, VK, Ozon и другие, уже имевшие опыт с гибридными форматами работы, стали моделями для подражания. Их успех в реализации удаленной работы спровоцировал перенимать практики сначала другие компании внутри организационного поля IT-рынка, а затем и в других отраслях. Однако подражание зачастую носило лишь поверхностный характер, многие организации рассматривали удаленный формат лишь как временное решение и не меняли системы мотивации, оценки и корпоративную культуру.

Как отмечалось ранее, Мейер и Роуэн утверждали, что формальные структуры часто слабо связаны с реальными практиками. В текущем кейсе это проявилось в ритуализации удаленной работы. Несмотря на то, что компании активно внедряли удаленную работу, менеджмент, воспринимающий физическое присутствие в офисе, как элемент контроля и дисциплины, перенес практики надзора и в дистанционный формат. Компании вводили системы тотального контроля за удаленным сотрудником, такие как трекары рабочего времени, скриншоты экрана, что создало гибридную модель институтов, где инновация встроена в устоявшиеся нормы и правила.

В результате, на текущий момент, удаленную работу можно обозначить как полуинституционализированную практику. Пандемия и действия институциональных предпринимателей расширили традиционные нормы, поменяв восприятие удаленной работы в некоторых организационных полях, с другой стороны, сохраняется давление к возврату в офисный формат, которое подпитывается институциональной инерцией и культурными стереотипами.

Можно заключить, что устойчивость этой инновации и ее перспективы будут зависеть от ряда факторов. Во-первых, от дальнейшего обеспечения легальной основы удаленной работы. Во-вторых, от результатов работы институциональных предпринимателей по изменению сложившегося восприятия удаленной работы и переопределения культурных нарративов. Пока удаленная работа существует как полуинституционализированная практика, где новые правила сосуществуют со старыми, ее будущее зависит от способности акторов – от государства до рядовых сотрудников – перевести инновацию из статуса «вынужденной меры» в устойчивый институт.

Проведенный анализ демонстрирует значительный потенциал неинституционального подхода для рассмотрения процессов создания, внедрения и распространения инноваций. Основные концепции подхода, изложенные в первой части

статьи – легитимность, изоморфизм и институциональное предпринимательство помогли выявить и описать ключевые институциональные барьеры, среди которых культурные стереотипы, бюрократическая инерция и правовая неопределенность. На примере удаленной работы в России показано, как экзогенные шоки (например, пандемия COVID-19) создают «окна возможностей» для преодоления этих барьеров, однако без достаточного изменения существующих норм и институтов остаются неустойчивыми.

Институциональное предпринимательство играет критическую роль в трансформации институтов. Акторы, которые обладают достаточным социальным капиталом, межполевой встроенностью, а также формальной властью, способны обеспечивать легитимность инноваций и изменять культурные нарративы. Однако, как показал кейс удаленной работы, даже успешные на первый взгляд изменения могут сталкиваться регрессом из-за институциональной инерции.

Перспективы дальнейших исследований связаны с долгосрочной институционализацией инноваций в условиях цифровой трансформации, а также применением неинституционального подхода для анализа других типов инноваций, таких как искусственный интеллект, автоматизация и роботизация. Учет динамики институциональных полей и агентности институциональных предпринимателей остается ключевым аспектом понимания того, как инновации интегрируются и остаются устойчивыми в социально-экономических системах.

Литература

1. Козлова, А.Н. Дистанционная работа в РФ: законодательное регулирование и перспективы развития // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15.
2. Дистанционная работа в России: тенденции и перспективы [Электронный ресурс]. – URL: <https://issek.hse.ru/news/976040462.html> (дата обращения: 06.03.2025).
3. Battilana, J., Leca, B., & Boxenbaum, E. How actors change institutions: Towards a theory of institutional entrepreneurship // *Academy of Management Annals*. – 2009. – Vol. 3. – P. 65–107.
4. DiMaggio, P.J. Interest and agency in institutional theory // *Institutional patterns and organizations* / ed. by L. Zucker. – Cambridge, MA: Ballinger, 1988. – P. 3–22.

5. DiMaggio, P., Powell, W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Institutional Fields // *American Sociological Review*. – 1983. – Vol. 48, no. 2. – P. 147–160.
6. Meyer, J.W., & Rowan, B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American Journal of Sociology*. – 1977. – Vol. 83. – P. 340–363.
7. Vogel, R. The visible colleges of management and organization studies: A bibliometric analysis of academic journals // *Organization Studies*. – 2012. – Vol. 33. – P. 1015–1043.
8. Zucker, L.G. The role of institutionalization in cultural persistence // *American Sociological Review*. – 1977. – Vol. 42. – P. 726–743.

APPLYING THE NEO-INSTITUTIONAL LENS TO INNOVATION RESEARCH: MANAGEMENT ASPECTS AND SOCIAL INTERACTIONS

Gorbunov D.I.

St. Petersburg State University of Economics

The article explores the potential of neo-institutional theory in analyzing innovation management and overcoming institutional barriers. The first part reveals key concepts of neo-institutionalism, such as the desire of organizations for legitimacy, isomorphism, and institutional entrepreneurship. In the second part, the neo-institutional approach is used to analyze the process of implementation and dissemination of innovations using the example of the spread of remote work practices.

Keywords: neo-institutionalism, isomorphism, institutional entrepreneurship, organization theory, sociology of management, innovation.

References

1. Kozlova, A.N. Remote work in the Russian Federation: Legislative regulation and development prospects // *Issues of Russian Justice*. – 2021. – No. 15.
2. Remote work in Russia: Trends and prospects [Electronic resource]. – URL: <https://issek.hse.ru/news/976040462.html> (accessed: 06.03.2025).
3. Battilana, J., Leca, B., & Boxenbaum, E. How actors change institutions: Towards a theory of institutional entrepreneurship // *Academy of Management Annals*. – 2009. – Vol. 3. – P. 65–107.
4. DiMaggio, P.J. Interest and agency in institutional theory // *Institutional patterns and organizations* / ed. by L. Zucker. – Cambridge, MA: Ballinger, 1988. – P. 3–22.
5. DiMaggio, P., Powell, W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Institutional Fields // *American Sociological Review*. – 1983. – Vol. 48, no. 2. – P. 147–160.
6. Meyer, J.W., & Rowan, B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American Journal of Sociology*. – 1977. – Vol. 83. – P. 340–363.
7. Vogel, R. The visible colleges of management and organization studies: A bibliometric analysis of academic journals // *Organization Studies*. – 2012. – Vol. 33. – P. 1015–1043.
8. Zucker, L.G. The role of institutionalization in cultural persistence // *American Sociological Review*. – 1977. – Vol. 42. – P. 726–743.

Ценностная парадигма здравоохранения: генезис и развитие

Заховаева Анна Георгиевна,

д.ф.н., член-корр. РАЕ, академик MAST, профессор кафедры гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: ana-zah@mail.ru

Мушников Дмитрий Львович,

к.м.н., доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, информатики и истории медицины, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: 89158113918@yandex.ru

Системный, парадигмальный подход к проблеме развития здравоохранения – одна из важных задач современного российского общества. Цель исследования: сформулировать основные принципы ценностной парадигмы российского здравоохранения. Для создания новой ценностной теории развития здравоохранения в представленной работе, использовались следующие методы: системный анализ, парадигмальный подход, аксиологический подход, социологический опрос среди пациентов (клиентов) ($n = 1200$), медицинских работников ($n = 650$) и руководителей медицинских организаций ($n = 100$). Анализ литературы и практики здравоохранения позволил нам выделить 4 ценностных парадигмы здравоохранения и дать им характеристику. Представлена лично-ориентированная (ценностная) парадигма здравоохранения и представлены ее характеристики. Предлагаемая ценностная парадигма здравоохранения через создание «парадигмальной матрицы» объединяет и систематизирует всё лучшее, что было в отечественном здравоохранении и выходит на новую перспективную ступень развития – лично-ориентированная медицина. Представленная «ценностная парадигма здравоохранения» есть открытая концепция, которая может совершенствоваться, отвечая на новые вызовы и ценностные ориентиры.

Ключевые слова: здравоохранение, парадигма здравоохранения, ценности здравоохранения.

Введение

Системный, парадигмальный подход к проблеме развития здравоохранения – одна из важных задач современного российского общества. В «Стратегии развития здравоохранения Российской Федерации на долгосрочный период 2015–2030 гг.» отмечена необходимость формирования Национальной системы здравоохранения – системы, объединяющей все медицинские службы и организации, независимо от формы их собственности и ведомственной принадлежности, и работающей в рамках единого нормативного и правового поля (единых требований к качеству и доступности медицинской помощи, квалификации медицинских работников и др.), а также единого государственного, экспертного и общественного контроля. Базисом может быть не только высокий профессионализм врача, но и гуманистическая, ценностная составляющая здравоохранения. Ценностные приоритеты российского общества и отечественного здравоохранения отражают Указы Президента Российской Федерации: от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Жизнь человека и его здоровье – высшие общечеловеческие ценности, с учетом которых должны определяться все остальные ценности.

Ценность – это социальный, личностный ориентир в культурологической среде общества. «Ценность» как понятие играет важную роль при рассмотрении механизмов должностования и целеполагания. Теория ценностей – аксиология. Аксиологический дискурс в медицине «связан с тем, что понятие «здоровье» стало трактоваться как социокультурное понятие, а не как биологическое» [1, с. 68].

Высшая ценность – это человек. «Предмет медицины – это человек, как личность, т.е. не только его телесное здоровье, но и психическое, а также социальные связи, природная среда. В медицине аккумулированы, систематизированы знания о человеческом организме» [2, с. 341]. Таким образом, складывается ядро медицины – её пациентоориентированный характер, что сформулировано в Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 апреля 2018 г. № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины», базирующемся на па-

радикальной, превентивной и персонализированной медицины» [3]. Важно отметить, что «внедрение пациентоориентированной модели в практику здравоохранения будет способствовать оптимизации работы медицинского персонала, рационализации лечебного процесса, повышению качества и доступности медицинской помощи» [4, с. 422]. Однако следует говорить не только о пациентоориентированной медицине, следует говорить, а о лично-ориентированной медицине, где пациент не есть больной, он личность. Личность – это всё социальное в человеке, его ценностные приоритеты и принципы. Таким образом, медицина поднимается на более высокую ступень ценностной парадигмы здравоохранения.

Здоровье – главная ценность личности, основа ценностной парадигмы медицины. Выделяют три уровня «осознания личностью ценности своего здоровья. 1. Биологический – совершенство саморегуляции в организме и адаптации к окружающей среде. 2. Социальный – мера социальной активности, деятельное отношение человека к миру. 3. Личностный – стратегия жизни человека, степень его контроля над обстоятельствами жизни» [5, с. 76]. При этом «здоровье» следует понимать, как в экзистенциальном смысле (личностного бытия), но и как общественное здоровье – «определённое состояние общественной системы здравоохранения и здоровья населения» [6, с. 166], где «здоровый образ жизни» (ЗОЖ) каждой личности гармонично взаимодействует со всеми ступенями здравоохранения (от охраны здоровья, профилактики до реабилитации). Более того, важен выход к пониманию феномена «здоровое общество». «Здоровое общество» – это с одной стороны, здоровый образ жизни каждого члена общества, с другой здоровье как метафора политической, экономической и социальной стабильности общества. Один из первых стал говорить о важности «здорового общества» великий психоаналитик Эрик Фромм в работе «Здоровое общество», он разрабатывает концепцию построения «здорового общества», где человек всегда является целью, а не винтиком в социуме, а главное – это гуманизм и уважение к личности [7]. Полноценное здоровье личности возможно только в «здоровом обществе», где доминируют идеи демократии и гражданских свобод.

Любая парадигма как ментально-аксиологическая модель теории строится на базе традиционных ценностей.

Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и куль-

турном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Базой всех традиционных ценностей в аспекте медицины следует считать гуманизм. «Гуманизм – это главная этическая категория медицины. Гуманизм в медицине – это уважение к личности через милосердие и сострадание» [2, с. 342]. Гуманистический компонент здравоохранения означает, что пациент и его права являются высшей ценностью системы здравоохранения. Гуманизм – это следующее звено парадигмальной ценностной системы здравоохранения.

Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и культурного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Здесь объединяющей силой является – духовность. «Духовность – неотъемлемое свойство природы человека, это то уникальное, исключительное, важнейшее, то, что отличает человека от других самых высоко развитых живых существ... духовный человек несёт в себе Дух... Дух – это и мышление, и сознание, и воля человеческая, это весь тот континуум, сложный и в то же время единый целостный поток, который составляет особенность человека», – отмечает философ-богослов Александр Мень [8]. Духовность есть гармоническое единение всех нравственных ценностей. Духовность – это Диалог человека с человеком, Личности с Человечеством.

Формой существования общества является диалог, то есть способность субъектов взаимопроникаться смыслами и на этой основе формировать новые значения, новые программы деятельности, соответственно изменять общество. Следующей структурный элемент системы – диалог с гражданским обществом, открытость как самого медика, так и всей системы здравоохранения. Без диалога нет коммуникации. «В ходе медицинского диалога происходит: самопознание и самовыражение людей; обогащение их жизненного опыта; достижение взаимопонимания, доверия и согласия; формирование эмоциональной общности и т.д. Продуктивный медицинский диалог возможен только при условии соблюдения ясных моральных принципов и норм» [9, с. 20]. Открытость системы здравоохранения – это доступность информации об оказании медицинской помощи, о правилах распределения ресурсов в системе здравоохране-

ния, результатах деятельности врача и медицинских организаций, системы медицинского страхования, системы управления здравоохранением, доступность информационных порталов.

Соблюдение прав личности, обеспечение всеобщего охвата услугами здравоохранения, принцип справедливости при оказании помощи – важные звенья в создании ценностной парадигмы здравоохранения. Однако с ценностной позиции развернутого анализа современной парадигмы здравоохранения Российской Федерации не проводилось. В связи с этим в данной статье предпринята попытка создания ценностной «парадигмальной матрицы» здравоохранения.

Цель исследования: сформулировать основные принципы ценностной парадигмы российского здравоохранения.

Материалы и методы. Для создания новой ценностной теории развития здравоохранения в представленной работе, использовались следующие методы:

- системный анализ, для создания новой ценностной конструкции здравоохранения;
- парадигмальный подход для формулировки «парадигмальной матрицы» (поиск логики и закономерностей развития здравоохранения);
- аксиологический подход как инструмент связи между ценностными категориями;
- эмпирические методы: цикл социальных опросов различного уровня (пациент, медицинский работник, руководитель медицинской организации).

На базе здравоохранения Ивановской области в 2024 году проведен социологический опрос среди пациентов (клиентов) ($n = 1200$), медицинских работников ($n = 650$) и руководителей медицинских организаций ($n = 100$). Вопросы анкеты затрагивали следующие характеристики парадигмы здравоохранения: ценностное значение здоровья, ожидания, представления, мотивация, отношения. Респонденты выражали свои оценки в диапазоне от 0 до 5, где 0 – отсутствие значимости / реализации, 5 – крайне высокий уровень значимости / реализации. Для статистической обработки данных использовали программу «Statistica 10.0». Обработка материала включала: расчет средних величин, достоверности их разности в группах сравнения по критерию Стьюдента. Достоверность различий определялась на уровне $p < 0,05$.

Результаты

Система Российского здравоохранения прошла долгий путь от реформ Петра Первого до наших дней. При этом главным стержнем, который проповедовали великие русские врачи М.Я. Мудров, Ф.П. Гааз, Н.И. Пирогов, В.Ф. Войно-Ясенецкий и многие другие – это идеи гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Социологический опрос показал (табл. 1), что имеется ценностно-мотивационный разрыв (13,7%) между значимостью установочных стратегий, нормативных ценностей здравоохранения, ожиданиями и социокультурным откликом (представлениями, мотивацией, отношением) на них со стороны субъектов отношений в здравоохранении – медицинских работников (разрыв 15,6%), клиентов (разрыв 19,6%), руководителей здравоохранения (разрыв 6,3%), а также ожиданий населения и «отзывчивости» здравоохранения (разрыв 37,1%).

Таблица 1. Характеристика ценностно-мотивационного разрыва между значимостью установочных стратегий, нормативных ценностей здравоохранения, ожиданиями и социокультурным откликом на них со стороны субъектов отношений в здравоохранении (балл / %)

Характеристики	Медработники	Руководители	Клиенты	Всего
Ценностное значение	4,4 (87,2)	4,8 (96,7)	3,7 (74,8)	4,3(86,0)
Ожидания	3,9 (79,1)	4,9 (98,6)	3,4 (68,5)	4,1 (82,0)
Представления	4,3 (85,5)	4,4 (88,0)	3,6 (72,8)	4,1 (82,0)
Мотивация	3,9 (78,8)	4,5 (90,9)	4,7 (93,6)	4,4 (88,0)
Отношения	4,5 (90,4)	4,7 (93,6)	4,7 (93,6)	4,6 (92,7)
Совокупная оценка	4,2 (84,4)	4,7 (93,6)	4,0 (80,4)	4,31 (86,3)
Разрыв, %	15,6	6,3	19,6	13,7

Совокупный профиль суждений медицинских работников, клиентов, руководителей медицинских организаций по основным приоритетам здравоохранения представлен в таблице 2.

Таблица 2. Совокупный профиль суждений медицинских работников, клиентов, руководителей медицинских организаций по основным приоритетам здравоохранения

Критерии	Лидеры (наивысший уровень) оценок	Аутсайдеры (наименьший уровень) оценок
Ценностная значимость	«Сохранение и укрепление здоровья»	«Открытость в диалоге с гражданским обществом»
Ожидания	«Социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья»	«Инновационное развитие медицины»
Представления	«Соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий»	«Приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи»
Мотивация	«Увеличение продолжительности жизни населения»	«Открытость в диалоге с гражданским обществом».
Отношения	«Доступность и качество медицинской помощи»	«Открытость в диалоге с гражданским обществом»

Таким образом, для медицинских работников, клиентов, руководителей медицинских организаций наиболее понятны и близки традиционные приоритеты, сложившиеся уже на протяжении десятилетий советского периода развития здравоохранения, а новые приоритеты («Открытость в диалоге с гражданским обществом», «Инновационное развитие медицины», «Приоритет интересов

пациента при оказании медицинской помощи») еще не понятны и не востребованы к реализации.

Анализ литературы и практики здравоохранения позволил нам выделить 4 ценностных парадигмы здравоохранения и дать им характеристику: болезнь-ориентированная; услугоориентированная; пациенториентированная; личностно-ориентированная (табл. 3).

Таблица 3. Генезис ценностных парадигм здравоохранения

Парадигма	Суть парадигмы	Период
Болезнь-ориентированная	В центре внимания врача, медицинских организаций и органов управления здравоохранением стоит лечение болезней. Ценность – здоровье человека, как биологического субъекта. Цель – добиться излечения от болезни. Условие: четкое выполнение пациентом указаний и рекомендаций врача. Пациент – «больной», пассивный, подчиняющийся, неразвивающийся. Врач – «доктор», активный, доминантный, с «застревающим» развитием. Все решения принимает врач без обсуждения с пациентом	до 1991 года
Услугоориентированная	В центре внимания – услуга, полнота и качество ее выполнения, клинический результат, оправданный экономически. Ценность – здоровье человека, как экономического субъекта. Цель – выполнить качественно технологию услуги согласно стандарта (рекомендаций) и получить за нее оплату. Пациент – «потребитель медицинских услуг»; активность ограничена и основана на информированном добровольном согласии или несогласии; подчиняющийся; развитие пассивное и ограничено информированием со стороны врача. Врач – «производитель медуслуг», активный, доминантный, с «технологическим» развитием, алгоритмизацией действий. Все решения принимает врач с клиповым информированием пациента	1991–2010 гг.
Пациенториентированная	В центре внимания – потребности пациента, связанные с сохранением, укреплением и восстановлением здоровья. Ценность – здоровье человека, как социального субъекта. Цель – реализовать качественно медицинскую технологию с обеспечением удовлетворенности пациента ее результатом. Пациент – «клиент»; активность ограничена и основана на медицинском информировании и комплаенсе (приверженности); тип поведения – ограничено доминирующий; развитие – целевое информирование со стороны врача. Врач – «профессионал» и «коммуникатор», подстраивающийся, с «компетентностным» развитием, алгоритмизацией действий. Все решения принимает врач на основе обсуждения с пациентом	2010–2025 гг.
Личностно-ориентированная (ценностная)	В центре внимания – индивидуально-личностный потенциал пациента, связанный с сохранением, укреплением и восстановлением здоровья. Ценность – здоровье человека, как целостной личности. Цель – повысить потенциал здоровья человека, как личности. Пациент – «последователь-партнер»; активность выражена и основана на высоком уровне самомотивации; тип поведения – ответственный, партнерский, тактика сотрудничества; развитие – активное раскрытие и преумножение личного потенциала здоровья. Врач – «лидер здоровьесбережения», вдохновитель, с «личностно-профессиональным» развитием, с индивидуальным подходом к каждому пациенту, благонаправленный на служение ради сохранения и укрепления здоровья людей, открытый и радушный. Оказание помощи на основе клинического проекта – совместного плана сотрудничества в команде лечащего врача, медицинских специалистов и пациента.	Перспектива

Формирование новых нормативных и смысловых ориентиров медицины создают условия для создания ценностной парадигмы здравоохранения. При этом ценностная парадигма здравоохранения должна гармонично соединить все аспекты медицины в так называемой «парадигмальной матрице» (табл. 4).

Предлагаемый парадигмальный подход включает в себя следующие основные принципы: «принцип системно-целостного строения зрелой парадигмы, требующий формирования ее «дисциплинарной матрицы». А именно: принцип научной эвристичности парадигмы, заключающийся в ее способности помогать в решении новых познавательных проблем; принцип революционной смены

парадигм, закономерно происходящей в результате коренной ломки устоявшихся научных представлений; принцип несоизмеримости парадигм, означающий, что каждая новая парадигма представляет собой качественно иное видение мира по сравнению с предшествующей» [10, с. 106–107].

Через формирование общих ценностей, важных, с одной стороны, для сохранения и укрепления индивидуального здоровья граждан, с другой – для решения социальных задач преумножения общественного здоровья, развития здравоохранения, возможно подойти к социальному диалогу – согласию по механизмам и условиям здоровьесбережения, удовлетворяющих интересы: общества, пациентов, медицинских работни-

ков. Одним из основных механизмов реализации данной парадигмы должно стать социальное лидерство медицинских работников, как личностей-профессионалов, использующих командные формы работы и своим примером, вдохновлением увлекающих пациентов-последователей к достижению общей цели – гармонии духовного, физического и социального благополучия, а не только отсутствию болезни.

Таблица 4. Суть ценностной парадигмы здравоохранения («парадигмальная матрица»)

Ценность – здоровье человека, как целостной личности		
Цель – повысить потенциал здоровья человека, как личности		
Жизнь	Духовность	Патриотизм
Справедливость	ЗДОРОВОЕ ОБЩЕСТВО	Гражданственность
Права и свободы	Гуманизм	Милосердие
Пациент – «последователь-партнер»		
Врач – «лидер здоровьесбережения», вдохновитель		
Диалог: пациентов, медицинских работников, общества		
Технология: оказание помощи на основе клинического проекта – совместного плана сотрудничества в команде медицинских специалистов и пациентов		

Выводы

Полученные данные позволили сделать следующие выводы.

1. Парадигмальный подход позволяет рассматривать здравоохранение как социокультурную систему, включающую совокупность особых ценностей, идеалов, смыслов, традиций, способов решения проблем, характера поведения. В генезисе современных парадигм развития здравоохранения выделено 4 типа: болезнь-ориентированная; услугоориентированная; пациенториентированная; личностно-ориентированная.
2. Анализ показал, что для медицинских работников, клиентов, руководителей медицинских организаций наиболее понятны и близки традиционные приоритеты, сложившиеся уже на протяжении десятилетий советского периода развития здравоохранения, а новые приоритеты («Открытость в диалоге с гражданским обществом», «Инновационное развитие медицины», «Приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи») еще не понятны и не востребованы к реализации.
3. Предлагаемая ценностная парадигма здравоохранения через создание «парадигмальной матрицы» объединяет и систематизирует все лучшее, что было в отечественном здравоохранении и выходит на новую перспективную ступень развития – личностно-ориентированная

медицина. Представленная «ценностная парадигма здравоохранения» есть открытая концепция, которая может совершенствоваться, отвечая на новые вызовы и ценностные ориентиры.

Литература

1. Исаев А.В. Проблемы здоровьесбережения в аксиологической перспективе // Научный поиск: личность, образование, культура. 2022. № 1 (43). С. 67–73.
2. Заховаева А.Г. Медицина: к проблеме классификации науки // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2–2. С. 340–342.
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24.04.2018 № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71847662/> (дата обращения: 21.11.2024 год).
4. Хальфин Р.А., Мадьянова В.В., Столбов А.П., Свистунов А.А., Орлов С.А., Бакулина А.А., Ефимова А.О., Татаринова Т.А., Гиль А.Ю. Концепция пациентоориентированной модели организации медицинской помощи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Т. 26. № 6. С. 418–423.
5. Заховаева А.Г., Жуколина М.В. Философия медицины. – Москва: РУСАЙНС, 2022. – 108 с.
6. Молоканов А.А., Диланян В.А. Общественное здоровье как социокультурный феномен // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12 (116). С. 161–166.
7. Фромм Э. Здоровое общество. – Москва: АСТ, 2023. – 528 с.
8. Мень А. Духовность человека [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/o-duhovnosti> (дата обращения: 13.11.2024).
9. Омеличкин О.В. Этическое содержание медицинской коммуникации // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 1. С. 17–26.
10. Ермолаева О.А., Фролов Д.Е. Общенаучный и социально-философский статус парадигмального подхода // Гуманитарий. 2008. № 7. С. 102–112.

VALUE PARADIGM OF HEALTH CARE: GENESIS AND DEVELOPMENT

Zakhovaeva A.G., Mushnikov D.L.
Ivanovo State Medical University

A systematic, paradigmatic approach to the problem of health care development is one of the important tasks of modern Russian society. The purpose of the research is to formulate the basic principles of the value paradigm of Russian health care. To create a new value theory of health care development in the presented work, the following methods were used: system analysis, paradigm approach, axiological approach, sociological survey among patients (clients) (n =

1200), medical workers (n = 650) and heads of medical organizations (n = 100). Analysis of the literature and practice of health care allowed us to identify 4 value paradigms of health care and characterize them. The proposed value paradigm of health care through the creation of a «paradigm matrix» unites and systematizes all the best that was in domestic health care and enters a new promising stage of development – personality-oriented medicine. The presented «value paradigm of healthcare» is an open concept that can be improved, responding to new challenges and value orientations.

Keywords: healthcare, healthcare paradigm, healthcare values.

References

1. Isaev A.V. Problems of health preservation in an axiological perspective // *Scientific search: personality, education, culture*. 2022. No. 1 (43). P. 67–73.
2. Zakhovaeva A.G. Medicine: on the problem of classification of science // *International journal of applied and fundamental research*. 2016. No. 2–2. P. 340–342.
3. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 04.24.2018 No. 186 “On approval of the Concept of predictive, preventive and personalized medicine”. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71847662/> (date of access: 11.21.2024).
4. Khalfin R.A., Mad'yanova V.V., Stolbov A.P., Svistunov A.A., Orlov S.A., Bakulina A.A., Efimova A.O., Tatarinova T.A., Gil A. Yu. The concept of a patient-oriented model of organizing medical care // *Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2018. Vol. 26. No. 6. P. 418–423.
5. Zakhovaeva A.G., Zhukolina M.V. *Philosophy of medicine*. – Moscow: RUSAINS, 2022. – 108 p.
6. Molokanov A.A., Dilanyan V.A. Public health as a socio-cultural phenomenon // *Society: philosophy, history, culture*. 2023. No. 12 (116). P. 161–166.
7. Fromm E. *Healthy society*. – Moscow: AST, 2023. – 528 p.
8. Men A. Human spirituality [Electronic resource]. – URL: <https://azbyka.ru/o-duhovnosti> (date of access: 11/13/2024).
9. Omelichkin O.V. Ethical content of medical communication // *Bulletin of social and humanitarian sciences*. 2022. Vol. 3. No. 1. P. 17–26.
10. Ermolaeva O. A., Frolov D.E. General scientific and socio-philosophical status of the paradigmatic approach // *Humanitarian*. 2008. No. 7. P. 102–112.

Роль социальных инициатив в формировании идентификации молодежи

Оздоева Лика Абукаровна,

проректор по молодежной политике и воспитательной работе,
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

E-mail: lika.ozdоеva@yandex.ru

В статье рассмотрена методология анализа социальных изменений и инициатив, предложенная различными научными школами, начиная с теории длинных волн Н.Д. Кондратьева и заканчивая возможностями искусственного интеллекта. Описаны возможные катализаторы социальных изменений и инициатив. Внимание уделено изучению социальных инициатив, связанных с субъективными аспектами идентификации; исследуются различия между автономной и контролируемой мотивацией. Подчеркивается, что в настоящее время молодежь стремится к созданию инновационных инфраструктур с применением искусственного интеллекта. Отмечается, что социальные инициативы способствуют усвоению молодыми людьми условий и факторов социализации, ретрансляции ценностей, аккумулированных многими поколениями. В статье обоснован тезис, что возрастание количества профессий и сфер занятости в настоящее время способствуют динамике темпов социализации молодежи. В статье приведен конкретный опыт Ингушского государственного университета по развитию инициатив студентов и аспирантов социальной направленности. Руководство Университета создает условия для реализации социальных инициатив молодежи, организуя волонтерские трудовые отряды; стажировки для представителей волонтерских движений в ведущих университетах; летние образовательные программы для детей из социальных учреждений.

Ключевые слова: инновации, искусственный интеллект, социальные изменения, конкуренция, социальные инициативы, волонтерские молодежные движения, глобализация, локоглобализация, социальная идентификация, рынок труда.

Исследованиями социальных изменений и инициатив занимаются многие научные школы. В мировой литературе одной из наиболее успешных моделей эффективного социального взаимодействия считаются этапы реализации «Нового курса» Ф. Рузвельта. В XX веке Н.Д. Кондратьев пришел к выводу, что длинные волны проходят фазы повышения и понижения. Темпы имплементации длинных волн связаны с созданием технологически прорывных технологий и ноу-хау, развитием ESG-повестки, расширением возможностей искусственного интеллекта (ИИ). Для эффективного функционирования инновационной экономики необходимо наличие институциональной среды, ориентированной на приоритеты национального развития.

Теория циклического характера социальных изменений вновь приобретает актуальность. Как известно Н.Д. Кондратьев разделял экономические процессы на необратимые (протекающие в одном направлении) и обратимые (протекающие волнообразно). Подобный алгоритм применим в анализе социальных изменений. Существуют детерминанты воздействия технологических изменений на социальные, что становится особенно значимым в эпоху развития искусственного интеллекта. Необходимо отметить, что искусственный интеллект является катализатором трансформации технологических изменений в социальные.

Важную роль в структуре социальных изменений и инициатив играет конкуренция. Глобальные технологические инновации способствуют формированию профессиональных групп, в том числе обладающих навыками машинного обучения. Также новые технологии создают возможности для широкого использования искусственного интеллекта.

Долгие годы социология изучает субъекты социальных изменений. В настоящее время внимание уделяется изучению социальных инициатив, в том числе социальных инициатив по привлечению молодежи к реализации государственных программ. Социальные инициативы являются элементами социализации, которая транслирует сложившиеся смыслы и социальные нормы через интергенерационную и интрагенерационную культуру. Социальные инициативы связаны с субъективными аспектами идентификации.

Объективная изменчивость социальной реальности требует социальных инициатив студентов и молодежи [5; 8; 9]. На этапе первичной социализации пространство выбора ограничено внешними детерминантами и социальными институтами.

На этапе вторичной социализации субъект становится источником социальной инфраструктуры.

Социологи и психологи исследуют возможности социализации на микро- и макроуровнях, акцентируя внимание на характере и проблемах взаимодействия индивидов между собой и социальными группами [4]. Важную роль играет интерпретация социальных ожиданий, представленная в форме социальных смыслов, стереотипов, образцов поведения.

В данном контексте возрастает роль социальных инициатив и волонтерских движений. Некоторые ученые рассматривают молодежь, как социокультурную систему. Другие изучают молодежные и волонтерские инициативы, как среду (*ambiance*) формирования молодой личности. Если общество ориентировано на развитие, молодежь выступает, как субъект формирования инновационных инфраструктур, особенно в сфере применения искусственного интеллекта. Искусственный интеллект предоставляет широкие возможности для реализации. Идентичность представляет собой элемент процесса социализации в условиях глобализации и локоглобализации.

Социальные инициативы способствуют усвоению молодыми людьми условий и факторов социализации, сложившихся в обществе; ретрансляции ценностей, аккумулированных многими поколениями, нормы образцов поведения, призванных обеспечивать преемственность социального порядка.

Процессы глобализации предполагают усиление инфраструктур и инновационных стратегий развития. Современные ученые выделяют следующие наиболее актуальные стратегии. По содержанию и направленности социальной активности некоторые исследователи выделяют: стратегии жизненного благополучия, стратегии жизненного успеха, стратегии творческой реализации, стратегии ESG, размытые стратегии. Существуют и иные классификации, описанные в научной литературе: стратегия конформизма, стратегия неконформизма, стратегия саморазвития и др.

Как показывают исследования молодые люди в процессе социализации выбирают четыре доминирующие стратегии: стратегию приспособления к нормативным требованиям социального порядка; стратегию эксперимента; стратегию достижения социально значимых статусов и ролей; стратегию эскапизма. В качестве элементов определенных стратегий могут выступать: социальная активность, миграционная активность, добровольная самоизоляция (эскапизм) и др.

По мнению многих ученых-социологов факторы, способствующие социальной идентификации возможно разделить на внешние и внутренние. В свою очередь, внешние факторы подразделяются на две группы – контекстуальные и предписанные. Внутренние факторы подразделяются

на рефлексивные и личностно-обусловленные. В целом вышеуказанные факторы взаимно дополняют друг друга.

В настоящее время возрастание количества профессий и сфер занятости способствует динамике темпов социализации молодежи. Трудоустройство и финансовое благополучие оказывают влияние на социальную идентификацию молодежи [2; 7]. Социальная идентификация и горизонты жизненного планирования студентов и выпускников связаны с инновационными инфраструктурами и потенциальными возможностями искусственного интеллекта (ИИ).

Данные лонгитюдных социологических опросов, проведенных Институтом проблем региональной политики РАН в 2022 году (выборка 1500 человек) свидетельствует о готовности представителей поколения зумеров принимать активное участие в реализации социальных инициатив, направленных на социальную защиту населения. Проблемы социальной защищенности молодежи и студентов вызывают озабоченность у 76 процентов респондентов, 30 процентов связывают жизненный успех с интересной работой. Исследование выявило необходимость создания на базе вузов консультационных служб по психологическим проблемам (40 процентов респондентов), юридическим и медицинским проблемам (соответственно 27 и 20 процентов).

Социальные инициативы способствуют социализации молодежи и студентов [1; 3; 6; 10]. В Ингушском государственном университете ректорат уделяет значительное внимание внедрению в практику социальных инициатив, формированию программ повышения квалификации для молодежи и студентов в целях расширения горизонтов их жизненного планирования, в том числе с использованием машинного обучения. Ориентированность на практические действия в рамках социальных инициатив призвана способствовать эффективной социализации молодежи.

Руководство университета создает условия для реализации социальных инициатив молодежи; организуя волонтерские трудовые отряды молодежи, стажировки для представителей волонтерских движений в ведущих университетах, летние образовательные программы для детей из социальных учреждений.

Литература

1. Грузина Ю.М., Шмелева Л.А., Штанова К.А. Организационно-экономические аспекты функционирования молодежных общественных объединений в образовательных организациях. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 8–2. С. 200–205.
2. Дерюгин П.П., Симтиков Ж.К., Чжао Ц., Лебединцев Д.А. Эволюция и трансформации мо-

лодежного предпринимательства в Китае: социологический анализ. Социодинамика. 2024. № 2. С. 16–29.

3. Ерахтина Е.А. Формирование вузовской среды для самореализации обучающихся. В сборнике: Актуальные вопросы современной педагогики. Материалы региональной (межвузовской) научно-4.
4. Зинуров Э.А. Целерациональное поведение молодежи: исследовательская стратегия. Управление устойчивым развитием. 2023. № 4 (47). С. 55–61.
5. Меркулова Т.К., Ходырева Д.А. Возможности самореализации молодежи в современном обществе. В сборнике: Шамовские чтения. Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Москва, 2024. С. 190–194.
6. Нам Т.А. Эффективные практики воспитания молодежи в образовательном пространстве высшего учебного заведения. Мир университетской науки: культура, образование. 2022. № 5. С. 93–102.
7. Савельева А.В. Профилактика безработицы молодежи. Теория и практика современной науки. 2024. № 12 (102). С. 188–192.
8. Новиков Н.В. Социальное проектирование и участие молодежи в социальных инициативах. В сборнике: Молодые экономисты – будущему России. Материалы XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Ставрополь, 2023. С. 442–446.
9. Нятина Н.В. Актуальные социальные инициативы молодежи и возможности их реализации в проектной деятельности. В сборнике: Интеллигенция и ее роль в современном российском обществе. Материалы XIV Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию доктора философских наук, профессора Ивана Иосифовича Осинского. Научный редактор К.А. Багаева. Улан-Удэ, 2023. С. 76–79.
10. Травкин А.В., Васильев В.Г. Студенческое самоуправление как условие организации спортивно-оздоровительной деятельности студенческой молодежи. Современное профессиональное образование. 2023. № 5. С. 4–6.

THE ROLE OF SOCIAL INITIATIVES IN THE FORMATION OF JUVENIL' IDENTIFICATION

Ozdoeva L.A.

Ingush State University

The article examines the methodology of social changes and initiatives analysis, proposed by various scientific schools, starting with the theory of long waves by N.D. Kondratiev and ending with

the possibilities of artificial intelligence. Possible catalysts of social change and initiatives are described. The article focuses on the study of social initiatives related to the subjective aspects of identification, examines the differences between autonomous and controlled motivation. It is emphasized that young people are striving to create innovative infrastructures using artificial intelligence.

The article emphasizes the importance of contribution of social initiatives to the assimilation of young people to the conditions and factors of socialization and to the retransmission of values accumulated by many generations. The article substantiates the thesis that the increasing number of professions and spheres of employment currently contribute to the dynamics of socialization of young people. Social initiatives enhance the socialization of youth and students. The article presents the specific experiences of Ingush State University in the development of students and postgraduates initiatives to form a social orientation. The main attention is paid by the university administration to the facilitation of civil education and patriotism among young people, support for social initiatives, elaboration of a system of additional education for students, the organization of volunteer labor groups, the exchange of representatives of volunteer movements in modern universities, the implementation of summer educational programs for children from welfare institutions.

Keywords: innovations, artificial intelligence, social changes, competition, social initiatives, volunteer youth movements, globalization, locoglobalization, social identification, labor market.

References

1. Gruzina Yu.M., Shmeleva L.A., Shtanova K.A. Organizational and economic aspects of the functioning of youth public associations in educational organizations. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2022. No. 8–2. P. 200–205.
2. Deryugin P.P., Simtikov Zh.K., Zhao T.S., Lebedintsev D.A. Evolution and transformation of youth entrepreneurship in China: a sociological analysis. Sociodynamics. 2024. No. 2. P. 16–29.
3. Erakhtina E.A. Formation of a university environment for self-realization of students. In the collection: Actual issues of modern pedagogy. Materials of the regional (interuniversity) scientific-4.
4. Zinurov E.A. Goal-oriented behavior of young people: a research strategy. Sustainable development management. 2023. No. 4 (47). P. 55–61.
5. Merkulova T.K., Khodyreva D.A. Opportunities for self-realization of young people in modern society. In the collection: Shamovskie readings. Collection of articles from the XVI International scientific and practical conference. In 2 volumes. Moscow, 2024. P. 190–194.
6. Nam T.A. Effective practices for educating young people in the educational space of a higher educational institution. The world of university science: culture, education. 2022. No. 5. P. 93–102.
7. Savelyeva A.V. Prevention of youth unemployment. Theory and practice of modern science. 2024. No. 12 (102). P. 188–192.
8. Novikov N.V. Social design and participation of young people in social initiatives. In the collection: Young economists – the future of Russia. Proceedings of the XV International scientific and practical conference of students and young scientists. Stavropol, 2023. Pp. 442–446.
9. Nyatina N.V. Current social initiatives of young people and the possibilities of their implementation in project activities. In the collection: The intelligentsia and its role in modern Russian society. Proceedings of the XIV All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of Doctor of Philosophy, Professor Ivan Iosifovich Osinsky. Scientific editor K.A. Bagaeva. Ulan-Ude, 2023. Pp. 76–79.
10. Travkin A.V., Vasiliev V.G. Student self-government as a condition for organizing sports and health activities of student youth. Modern professional education. 2023. No. 5. P. 4–6.

Использование искусственного интеллекта в деятельности управленческих кадров на государственной службе

Усольцева Яна Сергеевна,

аспирант, Институт сервиса и управления, Тюменский
индустриальный университет
E-mail: usolceva.yana@list.ru

В статье рассматриваются перспективы и вызовы использование искусственного интеллекта в деятельности государственных органов. Анализируются возможности применения искусственного интеллекта для автоматизации рутинных задач, повышения качества предоставляемых услуг, борьбы с коррупцией и повышения эффективности государственного управления. В статье проанализированы такие применения искусственного интеллекта, как обработка документов, чат-боты, анализ данных, персонализированные услуги и обеспечение безопасности. Также рассматриваются потенциальные риски и этические вопросы, связанные с внедрением искусственного интеллекта в государственный сектор, включая необходимость обеспечения прозрачности, защиты данных и развития соответствующих компетенций у государственных служащих.

Статья анализирует признаки, влияющие на профессионализм управленческих кадров на государственной службе. На основе анализа, существующих проблем и недостатков, в статье сформулированы предложения по улучшению системы подготовки государственных служащих, а также по улучшению и эффективности их деятельности. Материалы статьи будут полезны для государственных органов, занимающихся кадровой политикой, а также для самих государственных служащих.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственные гражданские служащие, отбор кадров, кадровые подразделения, чат-боты, нормативно-правовые акты, защита персональных данных, государственный орган.

Использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельности государственных органов – это быстрорастущая область с огромным потенциалом для повышения эффективности, прозрачности и качества государственных услуг.

ИИ стремительно трансформирует различные сферы жизни, и государственная служба не является исключением.

Цель написания данной статьи – рассмотреть возможность применения ИИ в работе структурного подразделения государственного органа – отдела государственной гражданской службы и кадров.

Внедрение ИИ открывает перед государственными органами широкие возможности для повышения эффективности, улучшения качества услуг и оптимизации процессов. Однако наряду с потенциалом, использование ИИ на государственной службе сопряжено с рядом вызовов, требующих тщательного рассмотрения и решения.

Искусственный интеллект – это область информатики, занимающаяся созданием систем и программ, способных выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта. Это включает в себя такие функции, как обучение, распознавание речи, решение проблем, понимание естественного языка и принятие решений [1].

Основные типы ИИ:

- узкий ИИ (или слабый ИИ): системы, разработанные для выполнения конкретных задач (например, чат-боты, системы рекомендаций);
- общий ИИ (или сильный): система, обладающая способностью понимать, учиться и применять знания в любой области, как это делает человек. В настоящее время, такой системы не существует.

Основные технологии ИИ:

- машинное обучение: подразделение ИИ, которое позволяет системам обучаться на основе данных и улучшать свои результаты со временем;
- глубокое обучение: подмножество машинного обучения, использующее нейронные сети для анализа больших объемов данных;

Обработка естественного языка: позволяет компьютерам понимать и взаимодействовать с человеческим языком [1].

Применение ИИ

ИИ имеет потенциал значительно изменить многие аспекты жизни, в том числе работу федеральных

государственных гражданских служащих кадровых подразделений, улучшая ее эффективность и открывая новые возможности.

В данный момент времени ИИ уже находит применение в различных сферах, включая медицину (диагностика заболеваний), финансовые услуги (анализ рисков), транспорт (автономные автомобили) и др.

В условиях стремительного развития технологий, цифровизации и увеличением объема данных, с которыми сталкиваются государственные служащие, а также выдвижением идей о сокращении числа государственных гражданских служащих, внедрение ИИ в управлении персоналом открывает новые горизонты для повышения эффективности и качества работы кадровых служб.

Деятельность отдела государственной гражданской службы и кадров при оформлении прохождения государственной гражданской службы имеет ряд особенностей. Во-первых, это высокая нагрузка на сотрудников отдела государственной гражданской службы и кадров, которые часто вынуждены выполнять рутинные задачи, такие как обработка документов и ведение учета. Во-вторых, существует риск ошибок при ручной обработке данных, что может привести к юридическим последствиям и снижению доверия к государственным органам. В-третьих, необходимость соблюдения множества нормативно-правовых актов и процедур требует значительных временных и человеческих ресурсов.

ИИ способен не только автоматизировать рутинные задачи, такие как обработка документов и ведение учета, но и улучшать качество принятия решений, анализируя большие объемы информации и выявляя скрытые закономерности. Например, с помощью алгоритмов машинного обучения можно предсказывать потребность в кадрах, основываясь на текущих трендах и изменениях в законодательстве. Системы на основе ИИ могут обрабатывать большое количество данных, таких как резюме и анкеты, что позволяет сократить время на их анализ [1].

Благодаря ИИ появляется возможность создавать яркие, креативные и привлекательные для кандидатов описания вакансий. ИИ добавит нужную «изюминку», чтобы вдохновить соискателей откликнуться, а также поможет четко сформулировать требования к кандидатам и составить список ключевых навыков, что экономит время на последующих этапах подбора.

ИИ раскрывает всесторонние возможности оптимизации трудового процесса для сотрудников отделов государственной гражданской службы и кадров, на практике появляется возможность внедрения ИИ даже на самом раннем этапе работы с кандидатами, благодаря ИИ и функциональному исполнению, сотрудникам кадровых подразделений будет достаточно указать ссылку для

перехода в чат-бот, который уже в свою очередь, благодаря набору команд и прописанных скриптов будет предоставлять всю информацию (например, перечень нормативно-правовых актов, список необходимых документов для приема на работу, возможность скачивать актуальные образцы анкет, образцы заявлений и т.д.).

Кроме того, ИИ может раскрыть свою пользу и в направлении персонального плана развития государственных служащих, составлении детального плана адаптации вновь принятых государственных служащих, что позволит эффективно интегрировать их в коллектив.

ИИ упростит поведение оценки соответствия кандидатов квалификационным требованиям к должностям (профессионально-функциональных знаний и умений, а также иных знаний и умений, необходимых для замещения должностей государственной гражданской службы).

Также, ИИ может улучшить качество документооборота. Системы обработки естественного языка способны распознавать и классифицировать документы, а также автоматически заполнять шаблоны на основе введенных данных. Это не только снизит вероятность ошибок при ручном вводе информации, но и освободит время специалистов кадровых подразделений.

Тем не менее, внедрение ИИ в деятельность кадровых подразделений государственного органа также связано с определенными рисками и этическими вопросами. Одним из главных опасений является возможность дискриминации при отборе кандидатов. Алгоритмы могут непреднамеренно усугублять существующие предвзятости, если обучены на исторических данных, содержащих такие предвзятости. Важным аспектом является защита персональных данных. В условиях растущего числа кибератак и утечек информации необходимо обеспечить надежную защиту персональных данных сотрудников и граждан.

Для успешного внедрения ИИ в деятельность государственных органов необходимо учитывать, как технические, так и организационные аспекты. Важно проводить обучение специалистов, по внедрению новых технологий и обеспечивать их доступ к необходимым ресурсам. Кроме того, необходимо разработать четкие этические нормы и правила использования ИИ.

ИИ имеет потенциал значительно улучшить деятельность кадровых подразделений государственного органа, но для достижения положительных результатов необходимо тщательно подходить к вопросам этики и безопасности данных. Внедрение ИИ должно быть направлено на улучшение качества услуг, предоставляемых гражданам и повышение эффективности работы государственных органов.

Использование ИИ на государственной службе обладает огромным потенциалом для повышения

эффективности и качества работы государственного аппарата. Однако реализация этого потенциала требует внимательного подхода к решению существующих рисков и вызовов. Только при условии ответственного и этического внедрения ИИ можно достичь максимальной пользы для государства и граждан.

Литература

1. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.
2. Официальный сайт федеральной государственной информационной системы «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации». – URL: https://gossluzhba.gov.ru/page/index/spravki_bk

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF MANAGEMENT PERSONNEL IN THE CIVIL SERVICE

Usolceva Y.S.

Tyumen Industrial University

The article discusses the prospects and challenges of using artificial intelligence in the activities of government agencies. The article analyzes the possibilities of using artificial intelligence to automate operational tasks, improve the quality of services provided, combat corruption and improve the efficiency of public administration. The article analyzes such applications of artificial intelligence as document processing, chatbots, data analysis, personalized services and security. The potential risks and ethical issues associated with the introduction of artificial intelligence into the public sector are also being considered, including the need to ensure transparency, data protection and the development of relevant competencies among civil servants.

This article analyzes the signs that affect the professionalism of managerial personnel in the civil service. Based on the analysis of existing problems and shortcomings, the article formulates proposals to improve the training system for civil servants, as well as to improve the effectiveness of their activities. The materials of the article will be useful for government agencies involved in personnel policy, as well as for civil servants themselves.

Keywords: artificial intelligence, government civil servants, personnel selection, HR departments, chatbots, regulations, personal data protection, government agency.

References

1. Federal Law «On the State Civil Service of the Russian Federation» dated July 27, 2004 № 79-FZ.
2. Official website of the Federal State information System «Unified Information System for Personnel Management of the State Civil Service of the Russian Federation». – URL: https://gossluzhba.gov.ru/page/index/spravki_bk

Роль цифровых платформ в оптимизации управленческих процессов

Поляков Кирилл Геннадьевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий

управления и экономики

E-mail: polyakov-kirill@mail.ru

Современные цифровые платформы трансформируют управленческие процессы, способствуя автоматизации, снижению транзакционных издержек и повышению адаптивности организаций. В исследовании проведён комплексный анализ влияния платформенной экономики и цифровой трансформации на корпоративное управление. Научная новизна заключается в выявлении специфических барьеров цифровизации, характерных для российских компаний, и сравнительном анализе их влияния с международной практикой. Эмпирическая часть включает анкетирование 68 руководителей и 15 экспертных интервью, что позволило выявить наиболее востребованные цифровые решения, их влияние на эффективность бизнеса и ключевые проблемы внедрения. Выявлено, что цифровые платформы ускоряют принятие решений, повышают прозрачность процессов, но их адаптация затруднена кадровыми и организационными барьерами. В отличие от западных компаний, где основными вызовами являются технические сложности, российский бизнес сталкивается с человеческими факторами. Исследование подтверждает необходимость развития цифровых компетенций и адаптивных управленческих стратегий.

Ключевые слова: цифровые платформы, цифровая трансформация, платформенная экономика, управление, автоматизация, организационная адаптация.

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий и роста глобальной конкуренции компании вынуждены адаптировать свои управленческие процессы к новой экономической реальности. Одним из ключевых инструментов этой трансформации становятся цифровые платформы, которые обеспечивают интеграцию бизнес-процессов, автоматизацию операций и повышение гибкости управления. Их внедрение меняет традиционные подходы к организации деятельности, создавая экосистемы, основанные на данных, алгоритмах и сетевых эффектах.

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровые платформы не только улучшают эффективность управления, но и формируют новые модели взаимодействия внутри компаний и с внешними контрагентами. Однако их применение сопряжено с рядом вызовов, включая сопротивление сотрудников, дефицит цифровых компетенций и высокие затраты на внедрение. В российском бизнесе эти проблемы выражены особенно ярко, что требует комплексного изучения влияния цифровых решений на управленческую практику.

Цель исследования – определить влияние цифровых платформ на управленческие процессы организаций, выявить ключевые эффекты их внедрения и существующие барьеры цифровой трансформации. Для достижения этой цели проведён анализ теоретических подходов к платформенной экономике и цифровой адаптации, а также эмпирическое исследование на основе анкетирования и экспертных интервью.

Полученные результаты позволят лучше понять механизмы цифровизации управления, предложить стратегии преодоления барьеров внедрения цифровых платформ и наметить направления дальнейших исследований в данной области.

Методы исследования

Исследование влияния цифровых платформ на управленческие процессы проводилось в несколько этапов, включая анализ теоретических концепций, эмпирическое исследование посредством экспертных интервью и эмпирическое исследование посредством анкетирования.

Теоретико-методологическая основа исследования

На первом этапе был проведён анализ ключевых теоретических подходов к изучению цифровых плат-

форм и их влияния на управление организациями. В основу исследования легли концепции платформенной экономики, цифровой трансформации и организационной адаптации к цифровым изменениям.

Эмпирическое исследование: анкетирование и экспертные интервью

На втором этапе был проведён опрос 68 руководителей среднего и высшего звена, представляющих компании из различных отраслей (ИТ, финансы, производство, ритейл). Опрос проводился в онлайн-формате с использованием платформы SurveyMonkey.

Ключевые вопросы включали:

1. Какие цифровые платформы используются в компании?
2. Как изменились управленческие процессы после их внедрения?
3. С какими проблемами сталкиваются менеджеры при адаптации цифровых решений?

Дополнительно проведены 15 экспертных интервью с CIO (Chief Information Officer) и бизнес-аналитиками, специализирующимися на цифровой трансформации.

Результаты исследования

Теоретические основы цифровизации управленческих процессов

Современные цифровые платформы представляют собой не просто инструменты автоматизации, а сложные экосистемы, способные изменять управление организациями на фундаментальном уровне. Их роль в трансформации управленческих процессов рассматривается в рамках нескольких ключевых теоретических подходов, включая платформенную экономику, цифровую трансформацию и организационную адаптацию.

Концепция платформенной экономики

Платформенная экономика представляет собой модель организации экономических процессов, основанную на цифровых технологиях, обеспечивающих взаимодействие различных участников рынка посредством многосторонних платформ. В отличие от традиционных линейных бизнес-моделей, платформенные экосистемы функционируют на основе сетевого эффекта, при котором ценность платформы увеличивается по мере роста количества её пользователей. Согласно исследованиям Parker, Van Alstyne и Choudary (2016), цифровые платформы формируют новую парадигму управления, предполагающую минимизацию транзакционных издержек, повышение гибкости корпоративного управления и возможность масштабирования операций без значительного увеличения затрат [1, с. 45].

Одним из ключевых аспектов платформенной экономики является трансформация традиционных организационных структур. Tiwana (2013)

указывает, что платформы выполняют координационную функцию, обеспечивая интеграцию различных бизнес-процессов и содействуя принятию управленческих решений на основе централизованного анализа данных [2, с. 87]. Это подтверждается эмпирическими исследованиями Zhu и Iansiti (2019), демонстрирующими, что платформенные компании быстрее адаптируются к изменяющейся рыночной среде, поскольку их архитектура позволяет оперативно обрабатывать данные и выявлять новые возможности для роста [3, с. 112]. McAfee и Brynjolfsson (2017) отмечают, что цифровые платформы изменяют традиционные механизмы конкуренции, перенося акцент с владения ресурсами на управление потоками данных и взаимодействием пользователей [4, с. 63]. Это ведёт к снижению барьеров входа на рынок и формированию новых стратегий управления цепочками создания стоимости.

Важной особенностью платформенной экономики является её влияние на корпоративные управленческие процессы. Исследования Kenney и Zysman (2020) показывают, что платформы способствуют развитию экосистемного управления, при котором компании координируют не только внутренние бизнес-процессы, но и внешние взаимодействия с партнёрами и пользователями [5, с. 39].

Помимо трансформации управления, платформенные модели оказывают значительное влияние на экономические отношения. В исследованиях Cusumano, Gawer и Yoffie (2019) подчеркивается, что платформы изменяют логику конкуренции, создавая условия для формирования цифровых монополий и сетевых экосистем, где центральная платформа становится ключевым координатором экономической деятельности [6, с. 74]. Это требует разработки новых регуляторных механизмов, направленных на обеспечение справедливых условий конкуренции и защиты данных пользователей.

Таким образом, платформенная экономика представляет собой инновационную модель организации экономической деятельности, основанную на цифровых технологиях и сетевых эффектах. Её развитие способствует трансформации управленческих процессов, повышению эффективности корпоративного управления и созданию новых форм экономической координации. В связи с этим дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на анализ механизмов регулирования платформенных экосистем и оценку их долгосрочного влияния на экономику.

Теория цифровой трансформации

Цифровая трансформация представляет собой процесс фундаментального изменения бизнес-моделей, управленческих практик и операционных процессов под влиянием цифровых технологий. В отличие от традиционной автоматизации, цифровая трансформация подразумевает не толь-

ко внедрение отдельных технологических решений, но и комплексное переосмысление стратегий развития организаций. Westerman, Bonnet и McAfee (2014) определяют цифровую трансформацию как системный процесс интеграции цифровых технологий в ключевые сферы бизнеса, требующий адаптации корпоративных структур, культуры и моделей управления [7, с. 121].

Современные исследования подчеркивают, что цифровая трансформация оказывает значительное влияние на корпоративное управление, изменяя механизмы принятия решений, координации бизнес-процессов и взаимодействия с клиентами. По данным исследования Deloitte (2023), цифровизация управленческих процессов позволяет снизить временные затраты на выполнение рутинных операций до 30%, повысить прозрачность бизнес-процессов на 25% и увеличить точность прогнозных моделей на 35% [8, с. 75]. Это обусловлено широким применением аналитики больших данных, машинного обучения и облачных вычислений, обеспечивающих оперативный доступ к актуальной информации и повышающих скорость и качество управленческих решений.

Одним из ключевых аспектов цифровой трансформации является изменение организационных структур. Исследования Hess et al. (2016) демонстрируют, что компании, находящиеся на передовых позициях в области цифровизации, внедряют гибкие управленческие модели, основанные на принципах цифровой координации и децентрализации принятия решений [9, с. 203].

Цифровая трансформация также изменяет корпоративную стратегию и конкурентные преимущества организаций. Согласно исследованиям Rogers (2016), цифровые технологии способствуют формированию новых моделей создания ценности, где ключевую роль играют данные и алгоритмы [10, с. 98]. Автоматизация и применение искусственного интеллекта (ИИ) являются важными элементами цифровой трансформации. Исследования Bughin et al. (2018) показывают, что компании, активно использующие ИИ-решения, демонстрируют рост операционной эффективности на 20–25% и снижение издержек на 15–20% [11, с. 56]. Эти показатели объясняются возможностью автоматизированного анализа больших массивов данных, прогнозирования рыночных тенденций и персонализации клиентского опыта. В этом контексте цифровые платформы играют ключевую роль в интеграции ИИ-инструментов в управленческие процессы.

Важным аспектом цифровой трансформации является необходимость изменения корпоративной культуры и управленческих компетенций. Исследования Kane et al. (2019) подтверждают, что успешная цифровая трансформация требует развития цифровых навыков среди управленцев и сотрудников, а также формирования культуры инно-

ваций и непрерывного обучения [12, с. 147]. Компании, уделяющие внимание обучению и адаптации персонала к цифровым изменениям, демонстрируют более высокие показатели устойчивости и конкурентоспособности в условиях цифровой экономики.

Таким образом, цифровая трансформация является комплексным процессом, включающим технологические, управленческие и организационные изменения. Её реализация способствует повышению операционной эффективности, развитию новых бизнес-моделей и трансформации корпоративного управления. В связи с этим дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на изучение механизмов адаптации организаций к цифровым изменениям и оценку долгосрочного влияния цифровизации на управленческие процессы.

Организационная адаптация к цифровым изменениям

Адаптация организаций к цифровым изменениям представляет собой сложный и многоуровневый процесс, требующий не только внедрения технологических инноваций, но и изменения управленческих подходов, корпоративной культуры и профессиональных компетенций персонала. В условиях стремительного развития цифровых технологий организациям необходимо формировать гибкие структуры управления, обеспечивающие оперативную реакцию на изменения рыночной среды и эффективную интеграцию цифровых решений в бизнес-процессы.

Исследования Vial (2019) показывают, что успешная цифровая адаптация строится на трёх ключевых направлениях: реконфигурации бизнес-моделей, трансформации корпоративной культуры и развитии цифровых компетенций персонала [13, с. 88]. Первое направление связано с переходом компаний к платформенным и гибридным моделям управления, позволяющим повысить скорость принятия решений и гибкость бизнес-процессов. Второе направление заключается в изменении корпоративной культуры, в рамках которой формируется цифровое мышление, содействующее инновациям и быстрой адаптации к новым технологиям. Третье направление касается развития цифровых навыков сотрудников, поскольку 67% компаний внедряют программы повышения цифровой грамотности, что позволяет снизить барьеры при интеграции новых технологических решений [13, с. 89].

Важность комплексного подхода к цифровой адаптации подтверждается данными Всемирного экономического форума (WEF, 2023), согласно которым успешность цифровых преобразований зависит от сочетания технологических решений, управленческих стратегий и кадровых инициатив [14, с. 113]. В частности, исследование акцентирует внимание на необходимости внедрения мето-

дов agile-управления, позволяющих организациям оперативно реагировать на изменения в цифровой среде и адаптировать бизнес-процессы к новым вызовам.

Цифровая трансформация также требует изменения традиционных моделей лидерства. Kane et al. (2021) отмечают, что успешные организации в эпоху цифровых изменений формируют модели управления, основанные на децентрализации принятия решений и развитии цифрового лидерства [15, с. 56].

Другим важным аспектом организационной адаптации является трансформация организационной структуры. Согласно исследованиям Bhargadwaj et al. (2019), компании, интегрирующие цифровые технологии в свои бизнес-модели, чаще всего переходят от иерархических структур к более гибким сетевым моделям управления, что позволяет повысить адаптивность и ускорить процесс внедрения инноваций [16, с. 74]. В таких моделях особую роль играют цифровые платформы, обеспечивающие централизованный доступ к данным, автоматизацию процессов и усиление взаимодействия между подразделениями.

Дополнительно, исследования Davenport и Redman (2020) указывают, что цифровая адаптация невозможна без эффективного управления данными [17, с. 102]. Компании, успешно внедряющие цифровые технологии, активно используют методы анализа больших данных и искусственного интеллекта для повышения качества управленческих решений и оптимизации бизнес-процессов.

Таким образом, адаптация организаций к цифровым изменениям представляет собой комплексный процесс, включающий технологические, управленческие и культурные трансформации. Развитие цифровых компетенций, внедрение гибких моделей управления и изменение корпоративной культуры являются ключевыми условиями успешной цифровой адаптации. В дальнейшем исследование данной темы должно быть направлено на изучение долгосрочных эффектов цифровой трансформации, а также анализ стратегий, позволяющих минимизировать риски, связанные с переходом к цифровым бизнес-моделям.

Выводы по теоретическому исследованию

Анализ научных источников и рецензируемых исследований позволил сформулировать следующие ключевые выводы.

1. Платформенная экономика создаёт новые управленческие модели, в которых цифровые платформы выступают не только как инструменты автоматизации, но и как интеграционные центры бизнес-процессов. Они обеспечивают взаимодействие участников рынка, минимизацию транзакционных издержек и повышение гибкости корпоративного управления

за счёт сетевых эффектов и масштабируемости.

2. Цифровая трансформация представляет собой комплексный процесс, включающий не только технологические инновации, но и изменения в стратегическом управлении, корпоративной культуре и модели принятия решений. Компании, внедряющие цифровые технологии, демонстрируют рост операционной эффективности, сокращение временных и финансовых затрат, а также повышение точности прогнозирования рыночных тенденций.
3. Организационная адаптация к цифровым изменениям требует перестройки традиционных управленческих структур в пользу гибких и платформенных моделей управления. Это включает развитие цифровых компетенций сотрудников, внедрение цифрового лидерства и формирование культуры непрерывного обучения, что позволяет организациям повышать устойчивость в условиях цифровой экономики.
4. Роль данных в управленческих процессах усиливается, поскольку цифровые платформы не только создают новые бизнес-модели, но и меняют логику конкуренции. Владение и анализ данных становятся важнейшими ресурсами, определяющими конкурентные преимущества компаний.

Эмпирическое исследование: анкетирование и экспертные интервью

Для оценки влияния цифровых платформ на управленческие процессы было проведено эмпирическое исследование, включающее анкетный опрос 68 руководителей среднего и высшего звена российских компаний и 15 экспертных интервью с IT-директорами и бизнес-аналитиками. Исследование было направлено на выявление практического опыта использования цифровых платформ в управлении организациями, а также существующих проблем и барьеров внедрения.

Опрос проводился в онлайн-формате с использованием платформы SurveyMonkey. В исследовании приняли участие 68 респондентов, представляющих крупные и средние предприятия из различных отраслей экономики:

- IT и телекоммуникации (31%);
- финансовый сектор (24%);
- промышленное производство (22%);
- ритейл (23%).

Респонденты занимали позиции генеральных директоров, IT-директоров, операционных менеджеров и руководителей бизнес-единиц, что обеспечило разнообразие управленческих точек зрения.

Ключевые вопросы включали:

1. Какие цифровые платформы используются в вашей компании?

2. Какие изменения в управлении произошли после внедрения цифровых решений?
3. С какими проблемами столкнулись при адаптации сотрудников и бизнес-процессов?

Дополнительно были проведены 15 глубинных интервью с CIO (Chief Information Officer), IT-директорами и бизнес-аналитиками, имеющими опыт внедрения цифровых платформ в российских компаниях. Интервью проводились в формате полуструктурированных бесед (40–60 минут), что позволило получить детальные инсайты о проблемах и перспективах цифровой трансформации.

Темы интервью включали следующее.

1. Стратегии внедрения цифровых платформ в российских компаниях.
2. Ключевые трудности, возникающие при цифровизации управленческих процессов.
3. Оценка эффективности цифровых решений.

Результаты интервью были подвергнуты качественному контент-анализу, что позволило выявить основные тенденции и точки расхождения между теорией и практикой.

Опрос показал, что наиболее популярными цифровыми платформами среди российских компаний являются:

- ERP-системы (используются в 74% компаний, лидеры – SAP S/4HANA и 1C: ERP);
- BI-платформы (58%, наиболее распространён – Power BI);
- платформы для коммуникации и управления проектами (86%, лидируют Microsoft Teams и Trello).

Сравнение по отраслям выявило, что ERP-системы чаще внедряются в промышленности (87%) и финансах (79%), тогда как ритейл делает ставку на BI-платформы для анализа продаж и прогнозирования спроса (63%).

Респонденты отметили значительное влияние цифровых решений на управление организацией:

- ускорение принятия решений – 67% опрошенных сообщили, что внедрение BI-аналитики позволило сократить время на подготовку отчётов на 40%;
- автоматизация рутинных процессов – 71% отметили, что автоматизация бизнес-процессов привела к снижению операционных издержек;
- рост прозрачности процессов – 62% респондентов указали, что цифровые платформы способствовали улучшению контроля за выполнением задач и снижению количества ошибок.

Наибольшие сложности, с которыми столкнулись компании при переходе на цифровые решения, включают в себя:

- сопротивление сотрудников (52%) – менеджеры отметили, что часть персонала негативно воспринимает цифровизацию, опасаясь сокращения рабочих мест;
- дефицит квалифицированных специалистов (48%) – нехватка кадров с компетенциями в об-

ласти цифровых технологий затрудняет эффективное использование платформ;

- высокая стоимость внедрения (39%) – особенно актуально для среднего бизнеса, где финансовые ресурсы ограничены;
- проблемы кибербезопасности (31%) – компании обеспокоены рисками утечек данных и угрозами кибератак.

Результаты интервью подтвердили, что главные барьеры цифровизации связаны не столько с технологиями, сколько с человеческим фактором. Например, один из CIO отметил:

«Мы столкнулись с тем, что сотрудники привыкли работать «по-старому» и не видят смысла в цифровых платформах. Нам пришлось инвестировать в обучение и адаптацию персонала».

Результаты исследования подтверждают теоретические подходы к цифровой трансформации:

- в соответствии с концепцией платформенной экономики (Parker et al., 2016), цифровые платформы снижают транзакционные издержки и повышают гибкость управления [1, с. 123];
- теория цифровой трансформации (Westerman et al., 2014) также подтверждается: компании, внедрившие цифровые платформы, отмечают ускорение процессов принятия решений и рост аналитической точности [7, с. 74];
- исследование Vial (2019) подчёркивает, что успешность цифровизации зависит от организационной адаптации – наши данные подтверждают это, так как сопротивление сотрудников оказалось одним из ключевых барьеров [13, с. 123].

Однако обнаружены и некоторые расхождения с теоретическими ожиданиями:

- в отличие от западных исследований (McKinsey, 2023), где главными барьерами цифровизации называются технологические сложности, в России основными проблемами стали сопротивление персонала и нехватка кадров [18, с. 134];
- исследование Gartner (2023) утверждает, что кибербезопасность – главный вызов цифровизации, но в российском контексте этот фактор оказался на третьем месте по значимости [19, с. 104];
- эти различия могут объясняться особенностями российского рынка труда, уровнем цифровой грамотности и корпоративной культурой.

Обсуждение

Результаты проведённого исследования подтверждают ключевые теоретические положения о влиянии цифровых платформ на управленческие процессы, однако выявляют ряд особенностей, характерных для российских организаций. В данной секции представлены сравнительный анализ полученных данных с результатами международных исследова-

ний, научный вклад исследования и перспективы дальнейших исследований в данной области.

Международные исследования подтверждают, что цифровые платформы оказывают значительное влияние на управление организациями за счёт повышения эффективности бизнес-процессов, автоматизации операций и централизации данных (Parker et al., 2016) [1, с. 112]. В частности, Zhu & Iansiti (2019) отмечают, что цифровые платформы снижают транзакционные издержки и ускоряют принятие решений за счёт алгоритмов обработки данных [3, с. 87]. Данные, полученные в ходе настоящего исследования, согласуются с этим выводом: 67% российских компаний сообщили о сокращении времени подготовки управленческих отчётов на 40%, что подтверждает гипотезу о повышении эффективности принятия решений.

Однако существуют и различия. Исследование McKinsey (2023) показало, что основным препятствием цифровизации в глобальном масштабе являются сложности интеграции технологий и адаптации устаревших IT-инфраструктур [18, с. 134]. В отличие от этого, российские компании в большей степени сталкиваются с сопротивлением сотрудников (52%) и нехваткой квалифицированных специалистов (48%). Эти различия могут объясняться особенностями российского рынка труда, более низким уровнем цифровой грамотности и ограниченной доступностью передовых технологических решений.

Gartner подчёркивает, что среди крупнейших международных компаний одним из наиболее серьёзных вызовов цифровизации является обеспечение кибербезопасности и защита данных [19, с. 104]. В то же время, результаты настоящего исследования показали, что для российских компаний этот фактор занимает лишь третье место по значимости (31%). Это может быть связано с тем, что в России вопросы цифровой безопасности находятся на стадии активного развития, тогда как в западных странах риски киберугроз уже осознаны на уровне стратегического управления.

Кроме того, западные исследования Deloitte указывают, что цифровая трансформация ведёт к созданию новых рабочих мест и росту спроса на специалистов в области анализа данных и управления цифровыми экосистемами [20, с. 98]. Однако в российских компаниях наблюдается другая тенденция: руководители выражают опасения по поводу сокращения традиционных рабочих мест в связи с автоматизацией бизнес-процессов. Это свидетельствует о необходимости разработки стратегий перекавалификации сотрудников и адаптации кадровых политик к условиям цифровой экономики.

Настоящее исследование вносит значительный вклад в изучение цифровых платформ и их влияния на управленческие процессы, систематизируя

современные теоретические подходы и дополняя их эмпирическими данными.

Во-первых, подтверждена гипотеза о том, что цифровые платформы трансформируют корпоративное управление, способствуя автоматизации процессов и повышению прозрачности бизнес-операций. Полученные результаты дополняют модель платформенной экономики, предложенную Parker, эмпирическими данными, демонстрирующими эффект цифровых платформ в российских компаниях [1, с. 123].

Во-вторых, исследование выявило барьеры цифровой трансформации, специфичные для российского бизнеса. В отличие от западных компаний, где основными вызовами являются технические ограничения и кибербезопасность (Gartner, 2023), в российских организациях преобладают проблемы сопротивления персонала и нехватки квалифицированных кадров. Данный вывод расширяет существующую литературу по цифровой трансформации (Westerman et al., 2014) и подчёркивает необходимость более глубокой проработки социальных и кадровых аспектов цифровых изменений [7, с. 74].

В-третьих, результаты исследования показывают, что платформенные решения оказывают разное влияние в зависимости от отрасли. В IT-секторе и финансах основной эффект цифровизации связан с автоматизацией процессов и аналитикой данных, тогда как в ритейле на первый план выходят платформы для прогнозирования спроса и персонализации клиентского опыта. Это уточняет выводы Vial (2019), который рассматривал цифровую трансформацию в широком смысле, не учитывая отраслевые различия [13, с. 123].

Заключение

Проведённое исследование подтвердило значительное влияние цифровых платформ на трансформацию управленческих процессов в организациях. Анализ теоретических концепций платформенной экономики, цифровой трансформации и организационной адаптации, а также эмпирические данные позволили выявить ключевые закономерности цифровизации управления и обозначить существующие барьеры внедрения платформенных решений.

Цифровые платформы уже не рассматриваются исключительно как инструменты автоматизации; они выступают в роли самостоятельных экосистем, изменяющих традиционные модели управления. Их ключевыми преимуществами являются снижение транзакционных издержек, ускорение принятия решений и повышение адаптивности бизнеса к изменениям рыночной среды. В то же время результаты исследования показали, что успешность цифровой трансформации зависит не только от технологического развития, но и от организационных факторов, включая кор-

поративную культуру, квалификацию персонала и готовность руководства к стратегическим изменениям.

Сравнение с мировыми исследованиями позволило выявить особенности цифровизации в российских компаниях. В отличие от западных рынков, где основными вызовами цифровой трансформации являются технические сложности и вопросы кибербезопасности, российские компании в первую очередь сталкиваются с проблемами сопротивления сотрудников и дефицита квалифицированных специалистов. Это свидетельствует о необходимости активного внедрения образовательных программ, направленных на повышение цифровой грамотности и адаптацию персонала к новым управленческим реалиям.

Таким образом, цифровые платформы оказывают глубокое влияние на корпоративное управление, формируя новые модели принятия решений и взаимодействия участников рынка. Однако их успешная интеграция требует комплексного подхода, включающего не только технологическое обновление, но и управленческую адаптацию. В дальнейшем перспективными направлениями исследований являются анализ эффективности цифровых экосистем в различных отраслях, изучение долгосрочного экономического эффекта цифровой трансформации, а также разработка стратегий управления изменениями в условиях цифровой экономики.

Литература

1. Parker, G., Van Alstyne, M. W., Choudary, S.P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. – New York: W.W. Norton & Company, 2016. – 336 p.
2. Tiwana, A. Platform Ecosystems: Aligning Architecture, Governance, and Strategy. – Amsterdam: Morgan Kaufmann, 2013. – 300 p.
3. Zhu, F., Iansiti, M. Why Some Platforms Thrive and Others Don't. Harvard Business Review, 2019, vol. 97, no. 1, pp. 118–125.
4. McAfee, A., Brynjolfsson, E. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future. – New York: W.W. Norton & Company, 2017. – 416 p.
5. Kenney, M., Zysman, J. The Platform Economy: Restructuring the Space of Capitalist Accumulation. Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 55–76.
6. Cusumano, M. A., Gawer, A., Yoffie, D.B. The Business of Platforms: Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation, and Power. – New York: Harper Business, 2019. – 320 p.
7. Westerman, G., Bonnet, D., McAfee, A. Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. – Harvard Business Review Press, 2014. – 256 p.
8. Deloitte. Digital Transformation 2023: Corporate Strategies and Business Impact. Deloitte Insights, 2023. 98 p.
9. Hess, T., Matt, C., Benlian, A., Wiesböck, F. Options for Formulating a Digital Transformation Strategy. MIS Quarterly Executive, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 123–139.
10. Rogers, D. The Digital Transformation Playbook: Rethink Your Business for the Digital Age. Columbia University Press, 2016. 304 p.
11. Bughin, J., Seong, J., Manyika, J., Chui, M., Joshi, R. Notes from the AI Frontier: Modeling the Impact of AI on the World Economy. McKinsey Global Institute, 2018. 47 p.
12. Kane, G. C., Palmer, D., Phillips, A. N., Kiron, D., Buckley, N. The Technology Fallacy: How People Are the Real Key to Digital Transformation. MIT Press, 2019. 280 p.
13. Vial, G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda. Journal of Strategic Information Systems, 2019, vol. 28, no. 2, pp. 118–144.
14. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2023. WEF, 2023. 198 p.
15. Kane, G. C., Palmer, D., Phillips, A. N., Kiron, D. Digital Leadership in the Post-Pandemic Era. MIT Sloan Management Review, 2021, vol. 62, no. 3, pp. 48–61.
16. Bharadwaj, A., El Sawy, O. A., Pavlou, P. A., Venkatraman, N. Digital Business Strategy: Toward a Next Generation of Insights. MIS Quarterly, 2019, vol. 43, no. 2, pp. 64–89.
17. Davenport, T. H., Redman, T.C. Digital Transformation and Data Strategy: The Role of Analytics and AI. Harvard Business Review, 2020, vol. 98, no. 4, pp. 94–108.
18. McKinsey Global Institute. The Future of Digital Transformation. McKinsey & Co, 2023. – 134 c.
19. Gartner. ERP Systems and Digital Business: Analysis 2023. Gartner Report, 2023. – 87 c.
20. Deloitte. Automation and Business Optimization: 2023 Trends. Deloitte Research Report, 2023. – 76 c.

THE ROLE OF DIGITAL PLATFORMS IN OPTIMIZING MANAGERIAL PROCESSES

Polyakov K.G.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Modern digital platforms are transforming managerial processes by facilitating automation, reducing transaction costs, and enhancing organizational adaptability. This study provides a comprehensive analysis of the impact of platform economy and digital transformation on corporate management. The scientific novelty lies in identifying the specific barriers to digitalization faced by Russian companies and conducting a comparative analysis of their impact in contrast to international practices. The empirical part includes a survey of 68 executives and 15 expert interviews, which helped identify the most in-demand digital solutions, their effect on business efficiency, and key implementation challenges. The findings reveal that digital platforms accelerate decision-making and improve process transparency, but their adoption is hindered by workforce and organization-

al barriers. Unlike Western companies, where technical challenges are the primary concern, Russian businesses predominantly face human-related factors. The study confirms the need to develop digital competencies and adaptive management strategies.

Keywords: digital platforms, digital transformation, platform economy, management, automation, organizational adaptation.

References

1. Parker, G., Van Alstyne, M. W., Choudary, S.P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. – New York: W.W. Norton & Company, 2016. – 336 p.
2. Tiwana, A. Platform Ecosystems: Aligning Architecture, Governance, and Strategy. – Amsterdam: Morgan Kaufmann, 2013. – 300 p.
3. Zhu, F., Iansiti, M. Why Some Platforms Thrive and Others Don't. Harvard Business Review, 2019, vol. 97, no. 1, pp. 118–125.
4. McAfee, A., Brynjolfsson, E. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future. – New York: W.W. Norton & Company, 2017. – 416 p.
5. Kenney, M., Zysman, J. The Platform Economy: Restructuring the Space of Capitalist Accumulation. Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 55–76.
6. Cusumano, M. A., Gawer, A., Yoffie, D.B. The Business of Platforms: Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation, and Power. – New York: Harper Business, 2019. – 320 p.
7. Westerman, G., Bonnet, D., McAfee, A. Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. – Harvard Business Review Press, 2014. – 256 p.
8. Deloitte. Digital Transformation 2023: Corporate Strategies and Business Impact. Deloitte Insights, 2023. 98 p.
9. Hess, T., Matt, C., Benlian, A., Wiesböck, F. Options for Formulating a Digital Transformation Strategy. MIS Quarterly Executive, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 123–139.
10. Rogers, D. The Digital Transformation Playbook: Rethink Your Business for the Digital Age. Columbia University Press, 2016. 304 p.
11. Bughin, J., Seong, J., Manyika, J., Chui, M., Joshi, R. Notes from the AI Frontier: Modeling the Impact of AI on the World Economy. McKinsey Global Institute, 2018. 47 p.
12. Kane, G. C., Palmer, D., Phillips, A. N., Kiron, D., Buckley, N. The Technology Fallacy: How People Are the Real Key to Digital Transformation. MIT Press, 2019. 280 p.
13. Vial, G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda. Journal of Strategic Information Systems, 2019, vol. 28, no. 2, pp. 118–144.
14. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2023. WEF, 2023. 198 p.
15. Kane, G. C., Palmer, D., Phillips, A. N., Kiron, D. Digital Leadership in the Post-Pandemic Era. MIT Sloan Management Review, 2021, vol. 62, no. 3, pp. 48–61.
16. Bharadwaj, A., El Sawy, O. A., Pavlou, P. A., Venkatraman, N. Digital Business Strategy: Toward a Next Generation of Insights. MIS Quarterly, 2019, vol. 43, no. 2, pp. 64–89.
17. Davenport, T. H., Redman, T. C. Digital Transformation and Data Strategy: The Role of Analytics and AI. Harvard Business Review, 2020, vol. 98, no. 4, pp. 94–108.
18. McKinsey Global Institute. The Future of Digital Transformation. McKinsey & Co, 2023. – 134 c.
19. Gartner. ERP Systems and Digital Business: Analysis 2023. Gartner Report, 2023. – 87 c.
20. Deloitte. Automation and Business Optimization: 2023 Trends. Deloitte Research Report, 2023. – 76 c.

Социально-экономические барьеры трудоустройства молодежи в условиях демографических изменений

Сломацкий Павел Витальевич,

аспирант кафедры социологии, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: pslomyanskiy@mail.ru

В статье исследуются социально-экономические барьеры трудоустройства молодежи в условиях современных демографических изменений. На основе статистических данных и социологических исследований анализируются объективные и субъективные факторы, препятствующие эффективному включению молодых специалистов в рынок труда. Рассматриваются региональные особенности молодежной занятости, механизмы поддержки трудоустройства выпускников, роль системы образования в профессиональной подготовке кадров. Предлагаются направления совершенствования системы трудоустройства молодежи с учетом демографических трендов и потребностей экономики. Эти рекомендации базируются на комплексном анализе актуальных проблем. В работе представлены рекомендации по повышению эффективности мер, направленных на облегчение перехода молодежи от образования к занятости, а также по усилению взаимодействия между системой образования, работодателями и государственными органами для преодоления социально-экономических барьеров на пути трудоустройства молодежи.

Ключевые слова: молодежь, трудоустройство, демографические изменения, рынок труда, профессиональная ориентация, образование, социально-экономические барьеры, занятость.

Демографические изменения и трансформация рынка труда в современной России создают комплексные вызовы для трудоустройства молодого поколения, требующие системного анализа существующих барьеров и механизмов их преодоления. Актуальность исследования социально-экономических барьеров трудоустройства молодежи обусловлена необходимостью разработки эффективных стратегий интеграции молодых специалистов в профессиональную среду в условиях демографического перехода и структурных изменений экономики.

Статистические данные демонстрируют, что уровень безработицы среди молодежи существенно превышает общий показатель по стране. По данным исследований, в 2017 году разрыв между молодежной и общей безработицей составлял 2,5 раза (14% против 5%) [8, с. 129]. Особую тревогу вызывает категория молодых людей, которые не работают, не учатся и не проходят профессиональную подготовку (NEET). В 2016 году доля таких молодых людей в России составила 12%, что сопоставимо с показателями стран Европейского союза [3, с. 32].

Анализ объективных барьеров трудоустройства выявляет несколько ключевых факторов. Прежде всего, это несоответствие квалификации выпускников требованиям работодателей, что проявляется в недостатке практических навыков и отсутствии релевантного опыта работы [1, с. 64]. Данная проблема усугубляется структурными диспропорциями между системой профессионального образования и потребностями рынка труда.

Существенное влияние на процесс трудоустройства оказывают субъективные факторы, связанные с ментальными особенностями молодежи и работодателей. Социологические исследования показывают, что среди основных субъективных барьеров выделяются: завышенные ожидания молодых специалистов относительно условий труда и заработной платы, неготовность к профессиональной адаптации, негативные стереотипы работодателей в отношении молодых сотрудников [4, с. 102].

Демографические тренды последних лет создают дополнительные вызовы для молодежного рынка труда. По прогнозам Минтруда, к 2030 году доля молодежи в возрасте от 15 до 29 лет в общей структуре населения возрастет до 17,1% (25,4 млн человек) по сравнению с 14,3% (22,6 млн человек)

в 2020 году [7, с. 253]. Это потребует создания значительного количества новых рабочих мест и адаптации механизмов трудоустройства.

Региональный аспект проблемы трудоустройства молодежи характеризуется существенной дифференциацией. По данным Росстата, в 2022 году рост занятости молодежи наблюдался лишь в 11 регионах России, при этом наибольший прирост был зафиксирован в Чукотском автономном округе (12,4%), Архангельской области (8,1%) и Карачаево-Черкесии (7,2%) [5, с. 98].

Исследование механизмов трудоустройства молодых специалистов выявляет комплексный характер существующих проблем. Особую роль играет несогласованность образовательных программ с актуальными потребностями работодателей. По данным исследований, около 70% выпускников вузов трудоустраиваются по специальности, в то время как среди выпускников средних специальных учебных заведений этот показатель составляет лишь 58% [6, с. 45].

Существенным фактором, влияющим на эффективность трудоустройства, является территориальная мобильность молодежи. Статистика показывает, что молодые специалисты демонстрируют более высокую готовность к переезду в другие регионы в поисках работы по сравнению со старшими возрастными группами. По данным социологических опросов, 45,6% молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет готовы к территориальной мобильности ради привлекательных условий труда [10, с. 58].

Важным аспектом является психологическая готовность молодежи к профессиональной деятельности. Исследования показывают, что значительная часть молодых специалистов испытывает неуверенность и страх перед выходом на рынок труда. Это проявляется в форме различных психологических барьеров: боязни собеседований, неумения презентовать себя работодателю, сложностей с адаптацией в новом коллективе [2, с. 3].

Экономические факторы также оказывают существенное влияние на процесс трудоустройства. Низкий уровень заработной платы в ряде отраслей снижает мотивацию молодежи к освоению определенных профессий, особенно в производственной сфере. Это создает дополнительные сложности для работодателей в привлечении молодых кадров [9, с. 296].

Анализ институциональных механизмов поддержки молодежного трудоустройства демонстрирует недостаточную эффективность существующих инструментов. Деятельность центров занятости населения часто воспринимается молодежью скептически, что приводит к преобладанию неформальных каналов поиска работы через социальные связи и знакомства [8, с. 132].

Еще одним аспектом является готовность молодежи к непрерывному образованию и профес-

сиональному развитию. Исследования показывают, что 24% молодых людей активно занимаются освоением новых знаний и навыков, а 60,2% выражают готовность к такой деятельности [10, с. 60].

Современные демографические тренды формируют новые вызовы для системы трудоустройства молодежи. Статистические данные свидетельствуют о сокращении численности трудоустроенных молодых людей в возрасте до 30 лет более чем на 1 миллион человек. Особую озабоченность вызывает уменьшение количества занятых в экономике в возрастной группе от 25 до 29 лет на 700 тысяч человек [7, с. 255].

Исследование субъективных барьеров трудоустройства выявляет значительные различия в восприятии проблем между молодежью и старшим поколением. Молодые люди чаще связывают трудности с внешними факторами, в то время как представители старших возрастных групп акцентируют внимание на личностных ограничениях молодых специалистов [10, с. 59].

Фокус-групповые исследования безработной молодежи демонстрируют комплексный характер психологических барьеров. Среди них выделяют: неуверенность в собственных силах, страх перед собеседованиями, недоверие к предлагаемым вакансиям, негативный опыт предыдущих попыток трудоустройства [1, с. 67].

Важным аспектом является влияние социально-экономических факторов на профессиональную ориентацию молодежи. Исследования показывают, что выбор специальности часто осуществляется без учета реальной ситуации на рынке труда, что приводит к последующим сложностям с трудоустройством [5, с. 99].

Анализ региональных программ поддержки молодых специалистов выявляет несколько ключевых направлений: развитие студенческих отрядов, содействие профессиональному развитию студентов и выпускников, стимулирование инновационной активности молодежи, формирование карьерных стратегий [6, с. 46].

Особую роль в преодолении барьеров трудоустройства играет система дуального образования, позволяющая сочетать теоретическую подготовку с практическим опытом работы. Данный подход способствует более эффективной адаптации молодых специалистов к требованиям работодателей [2, с. 4].

Современные исследования демонстрируют трансформацию механизмов поддержки молодежной занятости. Федерация независимых профсоюзов России выделяет ряд критических проблем: низкую заработную плату в производственной сфере, отсутствие актуальной информации о потребностях молодежи, недостаточную адаптацию системы образования к требованиям рынка труда [8, с. 135].

Важным направлением является развитие профориентационной работы. В ряде регионов реализуются комплексные программы, включающие взаимодействие с образовательными организациями, подростковыми клубами, центрами для несовершеннолетних. Активно используются современные информационные технологии и интернет-ресурсы для профессиональной ориентации молодежи [3, с. 35].

Анализ международного опыта показывает эффективность интеграции образовательных программ. Примером служит опыт университетов Сингапура и Франции, реализующих совместные дуальные программы, позволяющие студентам получить два диплома и расширить возможности трудоустройства [4, с. 102].

Также аспектом является развитие системы государственного регулирования трудоустройства выпускников. Рассматриваются законодательные инициативы, направленные на обеспечение выпускников работой на период не менее трех лет после окончания обучения, что может способствовать притоку кадров в критические отрасли экономики [9, с. 298].

Исследования показывают необходимость применения научно обоснованных подходов к планированию подготовки специалистов. Перспективным направлением является использование теории массового обслуживания для оптимизации системы «школа-вуз-предприятие» [7, с. 260].

Результаты анализа демонстрируют важность комплексного подхода к решению проблем молодежного трудоустройства, включающего совершенствование профориентационной работы, развитие системы дуального образования, стимулирование работодателей к созданию рабочих мест для молодых специалистов [10, с. 62].

В современных условиях особое значение приобретает анализ эффективности существующих механизмов поддержки молодежного трудоустройства. Исследования показывают, что успешные региональные практики включают комплексное взаимодействие образовательных учреждений, работодателей и государственных структур [1, с. 70].

Важным направлением является развитие системы профессиональной подготовки, учитывающей актуальные потребности рынка труда. По данным исследований, наиболее эффективные программы включают элементы практико-ориентированного обучения и стажировок на предприятиях [5, с. 100].

Социологические исследования демонстрируют важность развития soft skills у молодых специалистов. Работодатели отмечают, что наряду с профессиональными компетенциями, критическое значение имеют коммуникативные навыки, умение работать в команде, способность к самообучению [2, с. 5].

Анализ региональных программ поддержки молодежной занятости выявляет необходимость дифференцированного подхода, учитывающего специфику локальных рынков труда. Успешные практики включают создание специализированных центров карьеры, развитие системы наставничества, поддержку молодежного предпринимательства [6, с. 47].

Важным аспектом является развитие цифровых платформ для поиска работы и профессиональной ориентации. Современные технологии позволяют создавать эффективные инструменты для взаимодействия молодых специалистов и работодателей, предоставления информации о вакансиях и требованиях к кандидатам [8, с. 138].

Исследования показывают необходимость совершенствования системы мониторинга трудоустройства выпускников. Актуальной задачей является создание механизмов обратной связи, позволяющих оперативно корректировать образовательные программы с учетом потребностей рынка труда [3, с. 37].

Анализ современных тенденций на рынке труда молодежи позволяет сформулировать ключевые направления совершенствования системы трудоустройства. Исследования показывают необходимость развития механизмов взаимодействия образовательных учреждений и работодателей, включая создание совместных образовательных программ и центров профессиональных компетенций [7, с. 262].

Важным аспектом является развитие системы профессиональной ориентации, начиная со старших классов общеобразовательных учреждений. Успешные практики включают проведение семинарских занятий, элективных курсов, практических тренингов с участием представителей предприятий [4, с. 103].

Исследования демонстрируют эффективность применения теории массового обслуживания для оптимизации распределения молодых специалистов. Данный подход позволяет повысить эффективность использования бюджетных средств и обеспечить соответствие подготовки кадров потребностям экономики [10, с. 63].

Анализ международного опыта показывает важность развития системы дуального образования, позволяющей сочетать теоретическую подготовку с практическим опытом работы. Данный подход способствует формированию у выпускников компетенций, востребованных на рынке труда [8, с. 140].

Результаты исследований позволяют сформулировать рекомендации по совершенствованию системы трудоустройства молодежи: развитие профориентационной работы, стимулирование создания рабочих мест для молодых специалистов, совершенствование механизмов мониторинга трудоустройства выпускников [9, с. 300].

Перспективным направлением является развитие научных исследований в области трудоустройства молодежи, включая оценку потребностей работодателей, анализ эффективности существующих механизмов поддержки, разработку новых подходов к профессиональной ориентации и подготовке кадров [1, с. 72].

Литература

1. Аврамова Е.М., Беляков С.А., Логинов Д.М., Полушкина Е.А. Механизмы трудоустройства российской молодежи. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 106 с.
2. Андреева Н.С. Проблема трудоустройства молодежи // Вестник молодежной науки. 2017. № 3 (10). С. 1–7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-trudoustroystva-molodezhi-1> (дата обращения: 18.11.2019).
3. Варшавская Е.Я. Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.
4. Гаранина О.Д. Ментальные практики российского социума // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 3–1 (22). С. 102–103.
5. Гильманов А.З. Выпускники вузов на современном рынке труда: проблемы трудоустройства // Электронный экономический вестник Татарстана. 2013. № 1. С. 97–104.
6. Журавлева И.И., Тимошкова Н.Д. Исследование проблем трудоустройства молодежи // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 1 (6). С. 44–48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-problemtrudoustroystva-molodezhi> (дата обращения: 18.11.2019).
7. Попов А.В. Барьеры реализации потенциала молодежи в трудовой деятельности / А.В. Попов, Т.С. Соловьева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 251–268. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.13
8. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. – М.: ЦСР-НИУ ВШЭ, 2017. – 148 с.
9. Скударева Н.З. Проблема трудоустройства молодежи на рынке труда // Вестник МФЮА. 2017. № 1. С. 294–301. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-trudoustroystva-molodezhi-na-rynke-truda> (дата обращения: 18.11.2019).

10. Устинова К.А., Попов А.В. Объективные и субъективные барьеры трудоустройства молодежи в современной России // Вестник НГУ-ЭУ. 2018. № 3. С. 51–64. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnye-i-subektivnyebariery-trudoustroystva-molodezhi-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 18.11.2019).

SOCIO-ECONOMIC BARRIERS TO YOUTH EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC CHANGES

Slomyansky P.V.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the socio-economic barriers to youth employment in the context of modern demographic changes. Based on statistical data and sociological research, objective and subjective factors preventing the effective inclusion of young professionals in the labor market are analyzed. Regional features of youth employment, mechanisms for supporting graduate employment, and the role of the education system in professional training are considered. The directions of improving the youth employment system are proposed, taking into account demographic trends and economic needs. These recommendations are based on a comprehensive analysis of current issues. The paper presents recommendations for improving the effectiveness of measures aimed at facilitating the transition of young people from education to employment, as well as strengthening cooperation between the education system, employers and government agencies to overcome socio-economic barriers to youth employment.

Keywords: youth, employment, demographic changes, labor market, professional orientation, education, socio-economic barriers, employment.

References

1. Avraamova E.M., Belyakov S.A., Loginov D.M., Polushkina E.A. Mechanisms of Employment of Russian Youth. – Moscow: Publishing House «Delo» RANEP, 2017. – 106 p.
2. Andreeva N.S. The Problem of Youth Employment // Bulletin of Youth Science. 2017. No. 3(10). pp. 1–7.
3. Varshavskaya E.Y. Russian NEET-youth: Characteristics and Typology // Sociological Studies. 2016. No. 9. pp. 31–39.
4. Garanina O.D. Mental Practices of Russian Society // International Research Journal. 2014. No. 3–1(22). pp. 102–103.
5. Gilmanov A.Z. University Graduates in the Modern Labor Market: Employment Problems // Electronic Economic Bulletin of Tatarstan. 2013. No. 1. pp. 97–104.
6. Zhuravleva I.I., Timoshkova N.D. Research of Youth Employment Problems // Business Education in Knowledge Economy. 2017. No. 1(6). pp. 44–48.
7. Popov A.V., Solovyova T.S. Barriers to Realization of Youth Potential in Labor Activity // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. No. 3. pp. 251–268.
8. Russian Labor Market: Trends, Institutions, Structural Changes / Ed. by V. Gimpelson, R. Kapelyushnikov, S. Roshchin. – Moscow: CSR-HSE, 2017. – 148 p.
9. Skudareva N.Z. The Problem of Youth Employment in the Labor Market // Bulletin of MFUA. 2017. No. 1. pp. 294–301.
10. Ustinova K.A., Popov A.V. Objective and Subjective Barriers to Youth Employment in Modern Russia // Bulletin of NSUEM. 2018. No. 3. pp. 51–64.

Теория организационного поведения: анализ влияния культурных и социальных факторов на управленческие подходы

Сюй Юаньлай,

магистрант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: 1598549261@qq.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением процесса организации эффективного менеджмента в организациях в современных условиях исходя из учета влияния культурных и социальных факторов на управленческие подходы. Автор статьи подчеркивается важной формирования системы эффективного менеджмента в организации, от которой зависят конечные результаты деятельности, принятие управленческих решений и комплексная безопасность. Рассмотрено понятие «социокультурная среда». Изучены основные проблемы, с которыми сталкиваются современные организации в процессе осуществления управленческой деятельности. Определено понятие «организационное поведение работников». Рассмотрены основные модели организационного поведения сотрудников организации. Отмечается, что при осуществлении процесса управления в организации должен применяться комплексный подход, основанный на планировании и прогнозировании деятельности, учете и анализе социальных и культурных факторов, а также разработке новых подходов к осуществлению деятельности. Разработан алгоритм построения теории организационного поведения в организации с учетом влияния социальных и культурных факторов среды. Основными ожидаемыми результатами деятельности на основе применения новых подходов и инструментов менеджмента является полная трансформация деятельности организаций с учетом социальных и культурных факторов среды, повышение эффективности работы, снижение рисков и затрат, а также формирование новых моделей организационного поведения сотрудников в коллективе.

Ключевые слова: теория организационного поведения; анализ; влияние; культурные факторы; социальные факторы; управленческие подходы; деятельность.

Введение

Важную роль в системе организации играют управленческие подходы, от которых во многом зависят конечные результаты деятельности, эффективность принимаемых решений, а также обеспечение ее безопасности от внешних угроз и рисков. Большое влияние на формирование организационного поведения оказывают культурные и социальные факторы управления организацией, которые создают внутренний потенциал для развития производственной деятельности, продвижения сотрудников по карьерной лестнице, образования благоприятного психологического климата, установления прочных деловых взаимоотношений между партнерами. Следовательно, в современных условиях на первый план выходит задача организации эффективного менеджмента, основанная на учете влияния множества культурных и социальных факторов, оказывающих влияние на управленческие подходы.

Каждая организация находится в различной социокультурной среде, которая определяется индивидуальными характеристиками страны. Так, например, для Северного Кавказа характерными типичными признаками такой среды является выраженная этническая дифференциация, преобладание эмоциональной составляющей при осуществлении процесса управления деятельностью организации, неоднородность применяемых подходов к процессу управления. Поэтому в коллективах могут часто наблюдаться ситуации возникновения конфликта, повышенной напряженности, стресса и т.д. Для США характерными признаками социокультурной среды является практика осуществления деятельности, основанная на принятых ценностях, убеждениях в обществе, а также этике поведения. В управленческих решениях и подходах часто присутствует взвешенный и рациональный подход, просчитанные шаги и решения [10, с. 316].

Считаем, что очень важно учитывать данные индивидуальные особенности при разработке управленческих подходов в современной организации.

Под социокультурной средой следует понимать определенное пространство для взаимодействия всех участников процесса в котором они проявляют свои культурные и социальные признаки и отличия, формируя открытое общество с контактами и связями.

Научная новизна исследования заключается в разработке алгоритма построения теории организационного поведения в организации с учетом влияния социальных и культурных факторов среды.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. В статье использованы следующие научные методы: литературный обзор, статистический анализ, качественный анализ, анкетирование, тестирование, мониторинг.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся формирования теории организационного поведения, с учетом влияния множества социальных и культурных факторов рассматривали многие ученые такие, как Абрамов В.С., Абрамов С.В., Балашова Н.В., Ефимов С.В., Мясоедов С.П., Борисова Л.Г., Трофимова Л.А., Трофимов В.В., Тимохина Г.С., Шарапова Т.В., Шилова Е.В., Шухно Е.В. и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты

Культурные и социальные факторы оказывают большое влияние на модель формирования организационного поведения в структуре организации, а также управленческие подходы в ее деятельности. Для российской экономики учет влияния данных факторов является важным поскольку при осуществлении своей деятельности организации часто сталкиваются с проблемами недостаточной эффективности учета и понимания кросскультурных факторов менеджмента, в основе которых лежат этнокультурные особенности различных народов. Это определяет важность и актуальность темы исследования и ее практическую значимость [8, с. 34].

Как показывает статистика в последнее время многие организации уделяют пристальное внимание учету социальных и культурных факторов при разработке политики управления производственно-хозяйственной деятельностью.

В 2024 году российские организации построили свою концепцию управления деятельностью на основе учета следующих факторов:

- 1) оценки уровня благополучия сотрудников;
- 2) приспособленность работников к внешним условиям работы;
- 3) желание работать и поддерживать корпоративную культуру;
- 4) оценка уровня культурных ценностей и потребностей и т.д.

На основе данных факторов во многих организациях стала использоваться гибридная модель управления организационным поведением сотрудников. Такая модель была позаимствована у зарубежных организаций, имеющих большой опыт управленческой деятельности [9, с. 55]. Гибридная форма управления сочетает в себе использование цифровых подходов в управлении коллективом, определение новых компетенций организационного поведения в трудовом коллективе, формирование новой культурной среды на основе современных ценностей и потребностей и т.д. Основной фокус внимания здесь сосредоточен на культурных и социальных аспектах работы. В частности, расширены меры поддержки для инвалидов, а также повышена роль социальной ответственности у работников коллектива [5, с. 92].

В современных условиях происходит полная трансформация процессов управления организациями в связи с новыми требованиями рынка, заимствованием различных элементов менеджмента из зарубежных концепций менеджмента. Однако, в настоящее время многие организации сталкиваются с рядом проблем, которые требуют пристального внимания и решения, к числу таких проблем можно отнести следующие:

- 1) отсутствие гибкого подхода к процессу управления организацией;
- 2) использование недостаточно эффективных инструментов и подходов в процессе осуществления деятельности;
- 3) недостаточное внимание со стороны организаций учету внешних и внутренних факторов в производственно-хозяйственной деятельности (например, социальных, культурных);
- 4) недостаточная квалификация сотрудников организации, в частности, менеджеров (управленцев) организации;
- 5) существование высокого уровня рисков в организации, которые затормаживают ее деятельность, создают барьеры;
- 6) недостаточно эффективная система планирования и прогнозирования в деятельности организации;
- 7) отсутствие внедрения инноваций, новых технологических решений, механизмов и подходов к процессу управления деятельностью организацией и т.д. [4, с. 199].

Решение данных управленческих проблем требует комплексного подхода, основанного на использовании современных подходов и методов менеджмента, планировании и прогнозировании деятельности, формировании моделей организационного поведения в коллективе, профилактику возникновения конфликтных ситуаций и т.д.

Рассмотрим основные культурные и социальные факторы, оказывающие влияние на формирование управленческих подходов в организации [3,

с. 161]. К числу социокультурных факторов можно отнести:

- 1) ценностные ориентиры работников организации;
- 2) мотивы и личностное поведение сотрудников;
- 3) социальные установки и стабильность доходов работников;
- 4) предпочтения и жизненные ориентиры работающих;
- 5) уровень образования и духовного развития;
- 6) религия;

7) материальная обеспеченность работников предприятия;

- 8) изменения в стиле жизни;
- 9) семья;
- 10) обычаи, традиции;
- 11) уровень престижности профессии;
- 12) демографическая ситуация и т.д.

Учет влияния социальных и культурных факторов оказывает воздействие на различные стороны деятельности организации, а также модель организационного поведения сотрудников (рис. 1).

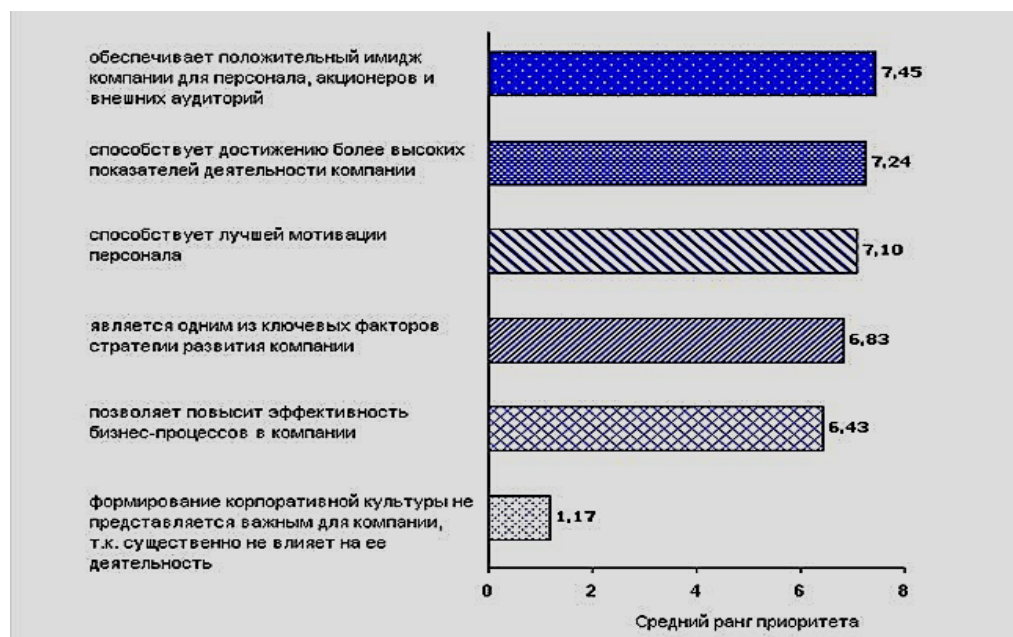

Рис. 1. Влияние социальных и культурных факторов на модель организационного поведения сотрудников

Важно отметить, что данные факторы не только оказывают влияние на сотрудников организации, но и формируют организационное поведение в коллективе. Под организационным поведением следует понимать определенную форму поведения людей в организации, совершение ими поступков, действий в рамках групповой формы работы или осуществления деятельности.

Руководитель каждой организации заинтересован в том, чтобы сформировать эффективную модель организационного поведения в коллективе, с учетом влияния культурных и социальных факторов, которая могла бы обеспечить достижение стратегических целей и задач ведения производственно-хозяйственной деятельности, добиваться успехов и высоких результатов. Такое организационное поведение предполагает преобладание у работников ценностных ориентиров, наличие стимулов к осуществлению деятельности, а также определенных моделей поведения [6, с. 13].

Существуют две основные модели организационного поведения работников в коллективе: конструктивная и деструктивная модель. Конструктивная модель организационного поведения ра-

ботников отличается достижением высоких результатов деятельности, производительностью, мотивацией. Ее основными ожидаемыми результатами является качественно выполненная работа, получение высокой отдачи в виде прибыли, минимальные издержки производства. Наоборот, деструктивная модель поведения характеризуется низкой мотивацией деятельности, высоким риском, проявлением слабого интереса к выполняемой работе [2, с. 2093]. Как правило, основным результатом такой деятельности является ошибки в работе, недочеты, брак, высокие затраты деятельности и низкая отдача.

Модель организационного поведения сотрудников в коллективе зависит от того, принял ли он нормы и организационные установки данной организации, которые, как правило, прописаны во внутренних документах, таких как этический кодекс, кодекс корпоративной культуры. Влияние социальных и культурных факторов также определяют стиль и поведение работников. При принятии ценностных установок организации сотрудников отмечается положительный эффект воздействия в виде благоприятного формирования событий,

достигнутых результатов. В случае сопротивления принятию ценностным установкам организации у сотрудника может возникнуть конфликт, непонимание, кризисные ситуации в коллективе [7, с. 8187].

В данной работе разработан алгоритм построения теории организационного поведения в организации с учетом влияния социальных и культурных факторов среды, представленный на рис. 2.

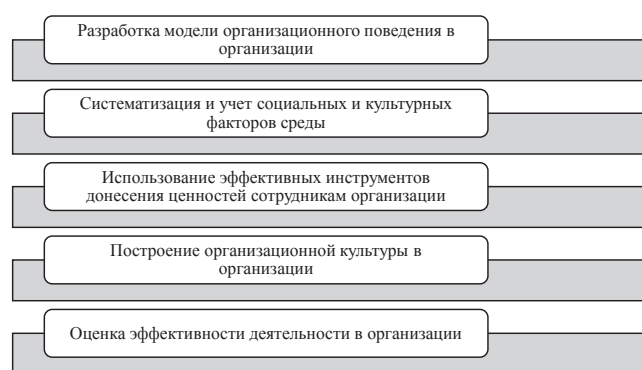

Рис. 2. Алгоритм построения теории организационного поведения в организации с учетом влияния социальных и культурных факторов среды

Источник: разработано автором.

Считаем, что данный алгоритм может быть полезен многим организациям при принятии важных управленческих решений, что окажет положительное влияние не только на осуществляемую ими деятельность, но снизит риски, поможет избежать конфликтов в коллективе, упорядочить и систематизировать работу, стимулировать сотрудников и т.д.

Обсуждение

Анализ социальных и культурных факторов организации определяет успешность управления ее деятельностью, а также организационное поведение ее участников. Данные факторы определяют стиль поведения работников, их взаимоотношения в коллективе, личностные установки, мотивацию деятельности, вкусы, предпочтения и т.д. [1, с. 14]. Поэтому очень важно проводить мониторинг наличия социальных и культурных факторов, определять возможные угрозы и риски, которые могут подстергивать организацию на разных этапах деятельности, а также разрабатывать соответствующую политику управления в краткосрочной и долгосрочной перспективе. С целью проведения анализа влияния социальных и культурных факторов на деятельность сотрудников организации могут быть использованы специальные опросники, анкеты, тестовые методики.

Заключение

Организация системы эффективного менеджмента в организации играет ключевую роль в достиже-

нии высоких результатов деятельности. Руководитель каждого предприятия должен заботиться о развитии своей деятельности, совершенствовать подходы и приемы управления, формировать модель организационного поведения с учетом влияния социальных и культурных факторов. В настоящее время многие организации столкнулись с рядом проблем организационно-управленческого характера, которые заставили их задуматься о стратегии развития своей деятельности в будущем. Переосмысление многих ценностных установок, мотивов и стиля управления позволили создать новую организационную среду, а также соответствующие модели организационного поведения сотрудников в ней. Ожидаемыми результатами в будущем могут стать полная трансформация деятельности с ориентацией и учетом социальных и культурных факторов, создание новых моделей организационного поведения сотрудников, повышение эффективности работы за счет использования новых приемов и подходов менеджмента, а также увеличения уровня коммуникационного обмена между всеми участниками процесса.

Литература

1. Абрамов В. С., Абрамов С.В. Стратегический менеджмент. – М.: Юрайт, 2024. – 435 с.
2. Балашова Н.В. Влияние организационной культуры на формирование трудового поведения работников компании // Экономика труда. 2023. № 12. С. 2093–2108.
3. Ефимов С.В. Факторы внешней среды организации. Общие положения // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 161–163.
4. Мясоедов С. П., Борисова Л.Г. Кросс-культурный менеджмент. – М.: Юрайт. 2024. – 315 с.
5. Мочалова Я.В., Чистникова И.В., Чуб М.В., Батманова В.В. Повышение инновационной активности российских промышленных предприятий в условиях цифровой трансформации // Региональная экономика. Юг России. 2024. Т. 12. № 2. С. 92–102.
6. Трофимова Л. А., Трофимов В.В. Менеджмент. Методы принятия управленческих решений. – М.: Юрайт. 2023. – 313 с.
7. Тимохина Г.С. Проблемное поле барьеров для формирования устойчивого ответственного поведения потребителей // Экономика, предпринимательство и право. 2024. № 12. С. 8187–8204.
8. Шарапова Т.В. Основы менеджмента. – М.: Юрайт, 2023. – 209 с.
9. Шилова Е.В. Организационное поведение. – Пермь, 2021. – 176 с.
10. Шухно Е.В. Организационное поведение и его основные модели // Социологический Альманах. 2022. № 9. С. 316–321.

THEORY OF ORGANIZATIONAL BEHAVIOR: ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF CULTURAL AND SOCIAL FACTORS ON MANAGEMENT APPROACHES

Xu Yuanlai

Lomonosov Moscow State University

The article deals with the issues related to the study of the process of organization of effective management in organizations in modern conditions based on taking into account the influence of cultural and social factors on managerial approaches. The author of the article emphasizes the importance of formation of effective management system in the organization, on which the final results of activity, making managerial decisions and complex security depend. The concept of "socio-cultural environment" is considered. The main problems faced by modern organizations in the process of management activities are studied. The concept of "organizational behavior of employees" is defined. The main models of organizational behavior of employees of the organization are considered. It is noted that when implementing the management process in the organization, an integrated approach should be applied, based on planning and forecasting of activities, consideration and analysis of social and cultural factors, as well as the development of new approaches to the implementation of activities. The algorithm of building the theory of organizational behavior in the organization taking into account the influence of social and cultural factors of the environment is developed. The main expected results of activity on the basis of application of new approaches and management tools are complete transformation of organizations' activity taking into account social and cultural factors of the environment, increase of work efficiency,

reduction of risks and costs, as well as formation of new models of organizational behavior of employees in the team.

Keywords: theory of organizational behavior; analysis; influence; cultural factors; social factors; management approaches; activity.

References

1. Abramov V. S., Abramov S.V. Strategic management. – Moscow: Yurait, 2024. – 435 p.
2. Balashova N.V. The influence of organizational culture on the formation of labor behavior of company employees // *Labor Economics*. 2023. No. 12. Pp. 2093–2108.
3. Efimov S.V. Factors of the external environment of the organization. General provisions // *Young scientist*. 2023. No. 24 (471). Pp. 161–163.
4. Myasoedov S. P., Borisova L.G. Cross-cultural management. – Moscow: Yurait, 2024. – 315 p.
5. Mochalova Ya. V., Chistnikova I.V., Chub M.V., Bat'manova V.V. Increasing the Innovative Activity of Russian Industrial Enterprises in the Context of Digital Transformation // *Regional Economy. South of Russia*. 2024. Vol. 12. No. 2. Pp. 92–102.
6. Trofimova L. A., Trofimov V.V. Management. Methods of Making Management Decisions. – Moscow: Yurait, 2023. – 313 p.
7. Timokhina G.S. Problem Field of Barriers to the Formation of Sustainable Responsible Consumer Behavior // *Economy, Entrepreneurship and Law*. 2024. No. 12. Pp. 8187–8204.
8. Sharapova T.V. Fundamentals of Management. – Moscow: Yurait, 2023. – 209 p.
9. Shilova E.V. Organizational Behavior. – Perm, 2021. – 176 p.
10. Shukhno E.V. Organizational behavior and its main models // *Sociological Almanac*. 2022. No. 9. P. 316–321.

Профессионализм управленческих кадров на государственной службе: социальные потребности в профессионально подготовленных кадрах

Усольцева Яна Сергеевна,

аспирант, Институт сервиса и управления, Тюменский
индустриальный университет
E-mail: usolceva.yana@list.ru

В статье рассматривается актуальная проблема повышения профессионализма управленческих кадров на государственной службе. Исследуется влияние образования, опыта работы и личностных качеств на эффективность деятельности государственных служащих.

Статья анализирует признаки, влияющие на профессионализм управленческих кадров на государственной службе. На основе анализа, существующих проблем и недостатков, в статье сформулированы предложения по улучшению системы подготовки государственных служащих, а также по улучшению и эффективности их деятельности. Материалы статьи будут полезны для государственных органов, занимающихся кадровой политикой, а также для самих государственных служащих, стремящихся к профессиональному росту.

Ключевые слова: государственные гражданские служащие, отбор кадров, замещаемая должность, государственное управление, государственный орган, профессиональная подготовка.

Социальные потребности в профессионалах на государственной службе обусловлены уровнем развития общества и специфическими социальными условиями деятельности государственной службы. Источник развития этих потребностей находится во взаимосвязи между социальным управлением и другими социальными институтами общества. Результаты социального управления, прежде всего, деятельности государственных служащих, относящихся к категории «руководители», прямо или косвенно сказываются на социальных группах и гражданах, уровне удовлетворения их материальных и духовных потребностей, интересов и отражаются в сознании, мнении людей, мотивах их поведения.

Основу профессионализма составляют методологические и социально-экономические требования, предъявляемые к профессии. Применительно к управленческому труду, деятельности и личности человека на оплачиваемой государством должности, истоки этих требований уходят к Платону и Конфуцию, временам античности и древнего Рима. Так, идеальное государство по Платону, должно быть построено следующим образом: самые мудрые управляют государством, самые мужественные защищают его, самые трудолюбивые кормят, одевают, строят жилище для всех людей государства. Профессионализм управленческих кадров на государственной службе – это критически важный фактор эффективного функционирования государства и обеспечения благополучия граждан. Однако, достижение высокого уровня профессионализма в этой сфере сопряжено с рядом сложностей и требует комплексного подхода.

В настоящее время, среди критериев отбора кадров на государственную службу на первый план выходит уровень профессионализма. Сейчас профессионализм принято считать национальным богатством и достоянием. Однако достижение высокой степени профессионализма и его глубокого содержания зависят от ряда условий. К их числу относят состояние общей культуры, профессиональное образование по профилю замещаемой должности, специальную подготовку [5, с. 29–31].

Каковы же основные черты и признаки современного профессионализма государственных служащих?

Первый признак – это профессиональное образование, выраженное в определенной сумме необходимых экономических, управленческих, пси-

хологических и правовых знаниях. Фактор широкого спектра знаний и их современный уровень, служат первейшим и важнейшим признаком профессиональной компетентности государственного служащего, профессионализма государственного управления.

Второй признак профессионализма заключается в умении грамотно и эффективно, с высокой степенью результативности применять не только известные способы и методы решения, возникающих управленческих задач, но и инициировать, создавать, совершенствовать, развивать и обогащать арсенал нетрадиционных средств и приемов осуществления управленческой деятельности и достижения желаемых социально-экономических и иных результатов.

Третий признак профессионализма проявляется в том, что гражданская служба становится для государственного служащего неким жизненным пристрастием, образом жизнедеятельности, которому присуща качественная определенность морально-нравственного совершенства помыслов и практических действий.

Четвертый признак профессионализма состоит в способности воспроизводить управленческие знания, умения и навыки в других людях, т.к. быть педагогом-наставником по отношению к новому поколению вовлекаемых в процесс гражданской службы специалистов.

Пятый признак профессионализма связан с тем, как государственный служащий мотивирует и рационализирует свою деятельность с учетом накопленного опыта, насколько самокритично оценивает свои возможности, насколько продуманно, расчетливо и эмоционально взвешенно он способен действовать при исполнении должностных обязанностей руководителя или специалиста.

Шестой признак профессионализма проявляется в способностях государственного служащего действовать в составе управленческой команды, определять вероятность воплощения решений в условиях дефицита ресурсов, предвидеть последствия управленческих решений и действий, определять стратегию и тактику достижения желаемых результатов, предвидеть и контролировать ход событий на своем участке деятельности.

Перечисленные признаки составляют костяк профессионализма на государственной службе. Поэтому профессионализм государственного служащего – это категория многогранная.

Необходимость в профессиональных руководящих кадрах государственных органов находят отражение в неудовлетворенности различных социальных групп действиями властей, в формировании в массовом общественном сознании противоречивых оценок деятельности властных органов.

Подбор профессиональных кадров на государственную службу – это сложный и многоступенчатый процесс, требующий особого внимания

к компетенциям, этическим качествам и профессиональным навыкам кандидатов. Целью является сформировать высокоэффективную команду, способную решать государственные задачи и служить интересам граждан.

Эффективность государственного управления в значительной степени определяется профессионализмом управленческих кадров. В условиях быстро меняющейся среды и возрастающих требований к качеству государственных услуг, необходимость повышения профессионального уровня управленцев становится всё более актуальной.

Для того чтобы сформировать высокоэффективную команду, необходимо пойти несколько этапов подбора.

1. Определение требований к должности.

Этот этап включает детальное описание должностных обязанностей, необходимых компетенций (знания, умения, навыки), личностных качеств и уровня образования. Важно определить ключевые показатели эффективности для оценки работы сотрудника.

2. Разработка системы оценки кандидатов.

Данная оценка должна быть объективной, прозрачной и соответствовать антикоррупционным требованиям. Система может включать в себя:

- анализ резюме и мотивационных писем;
- тестирование;
- структурированное интервью;
- оценка профессиональных навыков;
- проверка рекомендаций и репутации.

3. Формирование списка кандидатов.

На основе результатов всех этапов оценки формируется список кандидатов, ранжированный по результатам.

4. Поведение собеседований.

Этот этап необходим для более глубокого знакомства с кандидатами и проверки их соответствия корпоративной культуре.

5. Принятие решения о приеме на работу.

На основе всех собранных данных принимается окончательное решение о приеме кандидата на государственную должность.

6. Адаптация и обучение.

После приема на работу важен этап адаптации и обучения нового сотрудника. Это поможет ему быстрее освоиться и эффективно выполнять свои обязанности [11].

Государственная служба на сегодняшний день является той сферой, где профессионализм крайне необходим, т.к. именно в государственном аппарате принятие решений требует серьезного, ответственного подхода, опыта, а социальные последствия касаются не отдельно взятого человека, а всего общества.

Являясь комплексным организационно-правовым и социальным институтом, государственная служба обеспечивает выполнение государственными служащими конституционных

функций государства, деятельность органов государственной власти, отдельных государственных учреждений, а также полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации [11].

На сегодняшний день профессионализм и компетентность выступают важным методологическим основанием – принципом построения и функционирования государственной службы, как социально-правового института и важнейшего механизма государственного управления.

Принцип профессионализма и компетентности государственных служащих, устанавливает важнейшие требования к профессиональному составу государственных служащих во всех видах государственной службы.

Профессионализм – это динамическое качество деятельной сущности личности в сфере трудовой деятельности, ставшей профессиональной по степени сложности действий, приемов и операций, которые человек должен производить, опираясь на накопленные знания, профессиональный психологический опыт, профессиональную интуицию. Иными словами, под профессионализмом понимается, приобретенное качество способностей личности, соответствующее профессиональным требованиям или превосходящее их.

Компетентность – «степень выраженности, проявленности присущего человеку профессионального опыта в рамках компетенции конкретно должности». Компетентность – это деятельная сущность профессионала. Профессионализм и компетентность – две стороны, две неразрывные, взаимосвязанные характеристики человека, как профессионала [6, с. 57–59].

В ходе тщательного изучения данной темы сформулированы предложения по совершенствованию профессионализма управленческих кадров на государственной службе.

1. Оптимизация системы отбора и подбора кадров.

- Внедрение многоступенчатой системы отбора, включающей оценку профессиональных компетенций, личностных качеств, лидерского потенциала и мотивации кандидатов. Использование психологического тестирования, кейсов и ситуационных задач.
- Разработка профиля компетенций для каждой должности, с учетом специфики деятельности и стратегических целей государственного органа.
- Формирование резерва управленческих кадров и активная работа с ним.

2. Система непрерывного обучения и повышения квалификации.

- Внедрение специализированных образовательных программ, ориентированных на формирование ключевых компетенций управленцев: стратегическое мышление, лидерство,

управление проектами, коммуникации, антикризисное управление.

- Использование современных образовательных технологий: дистанционное обучение, онлайн-курсы, вебинары, кейсы.
- Учет индивидуальных потребностей и целей развития каждого отдельно взятого сотрудника.

3. Совершенствование системы мотивации и стимулирования.

- Обеспечение конкурентоспособного уровня оплаты труда, соответствующего квалификации, ответственности и объему выполняемой работы.
- Внедрение системы премирования и бонусов, поощряющей достижение высоких результатов.
- Активное использование нематериальной мотивации: признание заслуг, возможность для профессионального роста, участие в различных проектах.

4. Формирование благоприятной организационной культуры.

- Создание атмосферы доверия, взаимоуважения и открытости в коллективе.
- Поощрение инициативы, творчества и инноваций.
- Развитие корпоративной социальной ответственности.

Реализация данных предложений позволит существенно повысить профессионализм управленческих кадров на государственной службе, что в свою очередь положительно скажется на эффективности государственного управления и качестве выполняемых государственных функций [11].

Повышение профессионализма управленческих кадров на государственной службе – это залог эффективного и стабильного развития государства, который требует комплексных мер, направленных на улучшение системы образования, профессиональной подготовки, оценки эффективности и мотивации.

Литература

1. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих.
2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.
3. Официальный сайт федеральной государственной информационной системы «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации». – URL: https://gossulzhba.gov.ru/page/index/spravki_bk

PROFESSIONALISM OF MANAGEMENT PERSONNEL IN PUBLIC SERVICE: SOCIAL NEEDS FOR PROFESSIONALLY TRAINED PERSONNEL

Usolceva Y.S.

Tyumen Industrial University

The article considers the actual problem of improving the professionalism of managerial personnel in the civil service. The influence of education, work experience and personal qualities on the effectiveness of civil servants is investigated. This article analyzes the signs that affect the professionalism of managerial personnel in the civil service. Based on the analysis of existing problems and shortcomings, the article formulates proposals to improve the training system for civil servants, as well as to improve the effectiveness of their activities. The materials of the article will be useful for government agencies involved in personnel policy, as well as for civil servants themselves seeking professional growth.

Keywords: government civil servants, personnel selection, current position, public administration, government agency, professional training.

References

1. Conflict of interests in the state and municipal service, in the activities of organizations: causes, prevention, settlement: Scientific and practical manual / ed. by A.F. Nozdrachev. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. – 2016. – 110 p.
2. Model Code of Ethics and Official Conduct of Civil servants of the Russian Federation and Municipal Employees.
3. Official website of the Federal State information System «Unified Information System for Personnel Management of the State Civil Service of the Russian Federation». – URL: https://gossluzhba.gov.ru/page/index/spravki_bk

Современные вызовы и перспективы развития управления в условиях цифровизации общества: опыт Китая и России

Гавриленко Ольга Владимировна,

к.с.н., доцент, зав. кафедрой социальных технологий МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

Чжао Юнхуэй,

стажер кафедры социальных технологий МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: 462010@qq.com

В статье изучается феномен цифрового общества, которое в рамках теории социологии управления может быть рассмотрено через призму «цифрового» персонала как части этого цифрового общества в плоскости трудовой и рабочей деятельности и функционирования организации как социальной системы. Рассматриваются ключевые аспекты цифровизации, включая влияние технологий на корпоративную культуру, трудовые ресурсы, организационные структуры и принятие управленческих решений. Используя методы анализа документов, кейс-стади и сравнительного анализа, в статье выявлены вызовы цифровизации и разработаны рекомендации по адаптации управленческих моделей с учетом специфики цифрового общества. Научная новизна исследования заключается в изучении влияния цифровизации на управление предприятиями через анализ изменения в социальной среде, организационной структуре и адаптации работников к новым технологиям. Систематизированы примеры внедрения цифровых технологий в управленческие практики ведущих российских и китайских компаний, что позволило выявить основные тенденции управления в цифровом обществе и новые вызовы, стоящие перед руководством. Практическая значимость работы состоит в возможности применения результатов для разработки стратегий цифровизации управления, учитывающих социальные аспекты и особенности поведения «цифрового» персонала.

Ключевые слова: цифровизация, управление предприятием, цифровое общество, корпоративная культура, «цифровой» персонал, социология управления, искусственный интеллект.

Переход к цифровой экономике придает новые «оттенки» социальному развитию, так как трансформация экономических процессов не может не влиять на социальные связи и отношения [2]. Несмотря на рост эффективности, снижение издержек и оптимизацию ресурсов, цифровизация создаёт новые социальные вызовы [11]. Она становится ключевым фактором социального и экономического развития, влияя на управление предприятиями и трансформацию социального взаимодействия.

Цифровизация общества включает четыре элемента технологической инфраструктуры цифрового общества: коммуникационные сети, технологии больших данных, алгоритмы и платформы [1]. Она ведёт к социальному неравенству, изменяя механизмы взаимодействия. Если в индустриальном обществе существовали «технические разрывы», то цифровое общество порождает «революционные» изменения, разрушая старые социальные конструкции и выдвигая новые требования к людям и организациям.

Развитие цифровой экономики повлияло на традиционные модели управления [12]. Применение цифровых технологий изменило основную движущую силу социально-экономического развития, сформировало цифровое общество, существенно отличающееся от индустриального [17]. Феномены цифрового общества и цифровой экономики имеют важное значение в социологии управления и цифровой социологии. Управление в этих условиях требует адаптации и применения новых подходов, ориентированных с одной стороны на цифровые технологии, которые становятся основным фактором социальной трансформации, а с другой стороны, на особенности поведения индивидов как представителей цифрового общества. В этом контексте отказ или принятие новых технологий предприятиями может стать угрозой или возможностью для обеспечения его конкурентоспособности. В этих условиях, для социологии управления становится необходимой адаптация к изменениям в социальной среде компаний в целях достижения эффективности управления, уделяющего внимание социальным вопросам и правам сотрудников.

В последние годы тема цифрового общества проходит лейтмотивом в работах многих ученых, в особенности в области наук о человеке и обществе. Цифровизация затрагивает управление как

социальный феномен, который осуществляется на принципах обратной связи между принимающим и выполняющим решения [6]. Для современной социологической науки вопрос трансформации процесса управления в условиях перехода человеческой цивилизации на новый качественный этап ее развития продолжает оставаться актуальным [3].

Исследование, представленное в данной статье, находится на стыке двух отраслей социологии – социологии управления и цифровой социологии. В рамках настоящей работы мы стремились изучить специфику цифрового общества и определить особенности управления в нем, тем самым проследив тренд цифровой экономики и информатизации управления на предприятии с позиции социологической науки. Новизна работы заключается в сравнении цифровизации управления в Китае и России, что позволяет выявить сходства, различия и разработать рекомендации. Используются методы анализа документов и корпоративных стратегий, сравнительный анализ и кейс-стади успешных внедрений цифровых технологий.

Цифровое общество – это результат революции в сфере информации, характеризующийся повсеместной цифровизацией и динамическим развитием данных [13]. С. Пинк, Х. Фергюсон и Л. Келли предполагают, что цифровые технологии являются неизбежным и необходимым элементом работы в современном обществе, который следует понимать как гибридную услугу, включающую цифровые практики, такие как видеозвонки и онлайн-общение [9]. М. Кристенсен и А. Фредериксен полагают, что технологии в рамках Science and Technology Studies рассматриваются не как пассивные инструменты, а как активные участники социальных процессов, обладающие агентностью. То есть, технологии влияют на социальные взаимодействия, а не просто используются людьми [8]. В целом, цифровое общество существенно изменило способ взаимодействия. Это процесс избавления от «использования людей в качестве посредников» и перехода к «использованию цифр в качестве посредников» [14].

Цифровое общество, по Д.Е. Добринской, – это результат внедрения сложной технологической инфраструктуры, включающей датификацию, платформизацию и алгоритмизацию [1]. При этом алгоритмы становятся социальными агентами, выступая инструментами решения задач и коммуникационными посредниками.

Цифровое общество принципиально отличается от индустриального в двух аспектах: характере социальных отношений и механизме социальной дифференциации. Ранее посредниками в формировании индивидуальных и социальных связей выступали люди, а социализация происходила в рамках локального общества. Теперь цифровые технологии позволяют индивидам формировать

связи вне географических границ, создавая собственные социальные среды. Однако биологическая привязанность к локальным сообществам сохраняется, несмотря на расширенные цифровые возможности. В результате цифровое и традиционное общества переплетаются, изменяя структуру социальных взаимодействий.

Кроме перечисленного выше, существует другой совершенно иной вариант построения и развития индивидуально-социальных отношений. Индивид может быть глобальным, а не просто локальным, но он все еще встроен в уже существующее общество, которое уже не имеет признаков локального. В таком цифровом обществе люди передают свои цифровые характеристики обществу и сохраняют физические атрибуты, либо передают обществу и то, и другое [17]. Иными словами, цифровое общество, преобразованное в числовые данные, становится посредником в формировании глобальной социальной системы. В этих условиях индивиды уже не ограничены рамками местного сообщества – они создают собственное глобальное пространство, где возникают многовекторные связи между социальными субъектами. В то же время цифровое общество меняет не только индивидуально-социальные отношения, но и всю социальную систему, построенную индустриализацией, маркетизацией и урбанизацией, включая механизм социальной дифференциации, сформированный системами политических, экономических и социальных отношений.

Также важно отметить, что в отличие от постиндустриального и информационного общества, цифровое характеризуется радикальным увеличением объема и изменением роли информации и знания. В нем происходит массовое внедрение наукоемких и информационных технологий во все сферы деятельности. Более того, оцифрованность знаний, информации и технологий в совокупности порождают соответствующие социальные отношения, идеологемы, личностные характеристики [7].

Другой важной особенностью цифрового общества выступает ускорение взаимодействия виртуального и реального, что изменяет управление предприятиями. Распространение цифровых технологий меняет управленческую структуру, способствуя социальной реконструкции и повышая значимость цифровых инструментов. Это приводит к формированию более горизонтальных моделей управления, улучшая координацию между государством, рынком и социальными организациями.

Глобальная цифровизация вызывает схожие процессы в управлении предприятиями разных стран, повышая их гибкость и адаптивность к изменениям рынка. Она упрощает взаимодействие между отделами, устраняя избыточные звенья управления [15]. Однако скорость этих изменений

зависит от культурных факторов и уровня социальной готовности к технологическим инновациям, что влияет на темпы перехода от традиционного управления к модели «цифрового» персонала.

Раскрывая данную особенность, отметим, что в цифровом обществе устанавливается различие в поведении людей на основе фактора принятия технологий и социальной адаптации, что несомненно важно с точки зрения управления как социального процесса. На этой основе выделяются:

- люди предприимчивого типа, рассматривающие технологии как новые возможности для развития карьеры, повышения квалификации, улучшения рутинных процессов;
- люди пассивного типа, которые мало заинтересованы в использовании новых технологий [4].

Цифровые технологии трансформируют взаимодействие сотрудников, заменяя традиционные собрания виртуальными платформами. Они также меняют критерии оценки эффективности, включая мониторинг результатов и способность к освоению новых технологий.

В условиях цифрового общества, координация действий трудового коллектива и руководителя осуществляется посредством цифровых каналов, что стимулирует уровень вовлеченности сотрудников в процесс принятия решений и повышает их самостоятельность. При этом «цифровой» персонал как тип сотрудников с особым набором цифровых компетенций, находит распространение на практике. Так, например, в стратегии цифровизации ПАО «Лукойл» отмечено использование «цифрового» персонала и цифрового рабочего пространства, роботизации рутинных операций, видео- и аудиоаналитики, управления данными, а также создание единой цифровой платформы. В частности «цифровой» персонал предполагает оснащение работников компании современными цифровыми устройствами, интегрирующими данные о рабочих процессах, состоянии персонала. В стратегии развития «China National Petroleum Corporation» цифровизация обозначена как важная задача для повышения устойчивости бизнеса через технологии. В годовом отчете «Huawei» указано, что компания направляет усилия на создание среды для постоянного инновационного развития, в которой технологии ИИ и 5G становятся основными драйверами цифровой трансформации.

Работники предприятий получают доступ к большим объемам данных и инструментам аналитики, позволяющим им принимать более обоснованные решения. Как демонстрирует практика, адаптация к новым технологиям приобретает статус ключевой задачи в стратегиях цифровой трансформации предприятий, например, АО «Россети». Здесь в практику управления внедряются «фабрики данных», большие данные для принятия оптимальных решений. Пример этой компании

наглядно демонстрирует, как цифры становятся важным «социальным агентом». В Китае «Ping An Insurance Group», крупный финансово-страховой конгломерат, также использует «фабрики данных» – центры, интегрирующие платформы и сервисы, обрабатывающие огромные объемы информации и создающие аналитические модели для принятия решений. Данные в этой компании также играют роль важного «социального агента», что связано с их значимостью для обеспечения социального взаимодействия.

Цифровизация оказывает влияние на управление трудовыми ресурсами, корпоративную культуру и организационные структуры. Многие компании трансформируют корпоративную культуру под требования цифровизации. Например, компания ОАО «Российские железные дороги» внедрила цифровую корпоративную культуру, в которой важными компонентами являются обучение специалистов, создание института «агентов изменений» (сотрудников, ведущих мониторинг выполнения цифровых проектов). В Китае в компании «Alibaba» внедрена культура, поддерживающая инновации и технологические изменения на всех уровнях, в конечном итоге способствующая созданию экосистемы, объединяющей облачные решения, интернет-услуги, логистику и финансовые технологии.

Более того, возможность постоянного обучения технологиям становится особенно важной. ПАО «Газпром нефть» создала центры компетенций, занимающиеся разработкой сервисов для решения бизнес-задач, апробации технологий и прототипирования. Среди технологий, на которых профилируются эти центры, включены ИИ, видеоаналитика, блокчейн, виртуальная и дополненная реальность, промышленный интернет вещей, беспилотные технологии, робототехника. Обучающие платформы активно используются во многих китайских компаниях, включая «Tencent» и «Huawei», что позволяет развивать цифровые компетенции и навыки работы с большими данными, аналитикой и ИИ у «цифровых сотрудников». «Alibaba» создала цифровую академию «Ali Academy», в которой сотрудники могут пройти программы обучения новым технологиям. В «Huawei» действует программа «Learn and Grow», в рамках которой созданы «Huawei University» и «Huawei Digital Transformation Academy». Когда сотрудники обучаются работе с передовыми технологиями, их социальная значимость внутри организации и в отрасли значительно возрастает.

Цифровые технологии меняют управление, улучшая эффективность, но создают новые вызовы для предприятий. Одним из ключевых барьеров остается консерватизм руководителей, мешающий внедрению цифровых решений [15]. Результаты опроса сотрудников компаний Минпромторга РФ и Сбера (n = 302) демонстрируют, что лишь

26% компаний используют ИИ, в то время как 45% опрошенных предприятий не планируют использование ИИ в течение ближайших 4 лет [2]. Управляющий директор группы компаний «Цифра» П. Рас-торопшин в своем интервью отметил, что ключевой проблемой внедрения ИИ-решений выступают кадры, «которые сейчас управляют процессами. Имеются в виду люди с большим опытом, большие специалисты, которым тяжело объяснить, что ИИ будет им помогать, но не замещать» [2]. Это подтверждает то, что важная роль в процессе внедрения ИИ в компаниях отводится адаптации руководящих кадров. Один из руководителей ПАО «КамАЗ» Е. Чухонцев отметил, «люди не всегда корректно воспринимают новые решения для внедрения» [2]. Тем самым, в российской практике цифровизация сталкивается с различиями в адаптации и принятии новых технологий, что важно с точки зрения социологии управления.

Китай демонстрирует иную ситуацию с использованием технологий ИИ в практике корпоративного управления. Согласно проведенному Управлением государственной статистики в 2024 г. опросу (n = 280), 72% респондентов указали, что их предприятия в ограниченной или умеренной степени применяли ИИ. 81% респондентов ожидает расширения применения технологий в течение ближайших 12 месяцев, в том числе за счет широкого использования ИИ (48%), программного обеспечения для анализа и визуализации данных (43%), бизнес-аналитики (37%) [18]. Тем самым, китайские предприятия в будущем вероятно раньше столкнутся со сдвигом в управленческой практике и переходом от традиционного лидерства, ориентированного на интуитивное принятие решений, к дата-ориентированному управлению, в основе которого находятся алгоритмы и большие данные.

Примеры китайских и российских компаний демонстрируют, что реагируя на вызовы, система управления не успевает идти в ногу со временем и не совершенствуется своевременно в соответствии с потребностями корпоративного развития. Тем не менее, крупные компании стремятся преодолеть риски технологического отставания, создавая определенные инструменты мониторинга. Например, ПАО «Газпром нефть» разработала инструмент анализа перспектив использования цифровых технологий, получивший название «цифровое технологическое видение». С его помощью происходит оценивание готовности компаний к внедрению технологий, в результате чего составляется профиль «технологический радар». «Alibaba» разработала «AI Radar», помогающий предприятиям определять потенциал использования технологий ИИ в различных бизнес-процессах. Технологический гигант «Baidu» разработал индекс цифровой трансформации ИИ, в состав которого вошли показатели инфраструктуры данных,

компетенции сотрудников, способность интеграции ИИ в бизнес-процессы.

Другим вызовом выступают неэффективные управленческие системы. Это выражается в несвоевременном обновлении внутренних стандартов управления в компаниях. Результатом становится снижение эффективности работы как следствие затруднения внедрения цифровых технологий [15]. Цифровое общество требует в управлении предприятиями учета разнообразия интересов и целей сотрудников в цифровой среде, а также их эффективной интеграции с целями организации. Это также касается социальных функций и цифровой идентичности, которые играют важную мотивирующую роль для работников и повышают эффективность их деятельности.

Цифровые платформы становятся неотъемлемой частью корпоративного управления в Китае и России, но наряду с преимуществами создают новые вызовы. Они активно внедряются в бизнес-процессы, например, ОАО «Российские железные дороги» использует их для цифровизации логистики, а ПАО «Газпром нефть» развивает единую корпоративную платформу. В Китае «Tencent», «Huawei» и другие компании применяют аналогичные решения, такие как WeCom, объединяющую мессенджинг, видеоконференции и управление задачами.

Платформы повышают эффективность работы, контролируя действия сотрудников и анализируя их предпочтения. Однако они вызывают споры с точки зрения защиты прав работников, поскольку могут нарушать их частную жизнь. Возникает риск «цифровой изоляции», когда отдельные сотрудники теряют доступ к корпоративным ресурсам или становятся «невидимыми» для системы, что приводит к их социальному исключению.

В связи с новыми формами взаимодействия и связями между людьми, которые обеспечивают цифровые технологии, происходит изменение социальных связей внутри организаций. Это ведет к проблемам в адаптации к цифровой рабочей среде. Современное предприятие требует воспитания «цифровых» сотрудников, более гибких и мобильных. В связи со снижением зависимости от физического присутствия, цифровой сотрудник может работать удаленно, легко устанавливать обмен информацией с коллегами по «цифровому коллективу» за счет электронной почты, видеоконференций и корпоративных мессенджеров. Например, с внедрением мобильного приложения «Цифровой электромонтер» в компании ПАО «Россети» повысилась производительность труда электромонтажных бригад на 20% за счет дистанционного распределения заданий и обмена информацией в режиме реального времени. В компании «China National Petroleum Corporation» мобильное приложение используется для управления техническим обслуживанием оборудования на нефтяных и га-

зовых месторождениях, способствуя лучшему контролю рабочих процессов в реальном времени, а также оно собирает данные для более обоснованных решений в будущем. Стоит отметить, что виртуальная коммуникация между сотрудниками ставит перед ними более высокие требования к дисциплине и точности передаваемой информации. В таких условиях общение становится более формализованным, а зачастую и менее личным, что ведет к снижению степени доверия между сотрудниками.

Будучи глубоко вовлеченными в цифровую среду, современные предприятия сталкиваются с рядом управленческих рисков. Среди них могут быть выделены первичные, делокализованные, инструментальные и экстенциональные, а также риски замещения реального мира и его вытеснения [16].

Первичные риски относятся к проблемам, которые могут быть вызваны незрелостью цифровых технологий и отклонениями в алгоритмах, что может стать причиной утечки конфиденциальной информации и злоупотребления технологиями. Как пишет М.К. Кобыляцкий, в России «проблемы с конфиденциальностью данных, а также с патентным правом в области технологий могут замедлить процесс внедрения новых разработок» [4].

Делокализованный риск заключается в потере контроля или отчуждении технологий, что может привести к злоупотреблению данными и алгоритмической диктатуре. Это может способствовать усугублению проблемы социального неравенства и «цифрового разрыва». Смещение виртуальности и реальности в цифровом обществе несет в себе инструментальные риски, такие как использование цифровых технологий в качестве инструмента для противоправных действий. В свою очередь экстенциональные риски относятся к воздействию цифровых технологий на реальное общество, например, угрозы изменения информационных коконов и порядка социального управления.

С развитием искусственного интеллекта управление становится всё более автоматизированным, что приводит к гибридизации человека и ИИ. Внедрение систем киберменеджмента, таких как DoodleBot (координатор совещаний) и AptageRBdTool (система управления рисками в agile-проектах), меняет управленческие процессы, делая их зависимыми от алгоритмов. Однако автоматизация может привести к технологической безработице и снижению роли социального управления [5].

Таким образом, обобщая вызовы, перед которыми стоит управление в китайских и российских предприятиях в условиях цифрового общества, можно отметить, что в обеих странах традиционные управленческие подходы и консерватизм руководителей создают барьеры для эффективного использования цифровых решений. Из-за низкой готовности руководителей к внедрению ИИ происходит торможение цифровизации и одновремен-

но создается социальная напряженность, вызывающая сопротивление к изменениям, что в большей степени характерно для российских компаний. В Китае ситуация более динамична, поскольку большинство компаний в ближайшем будущем надеется расширить применение ИИ в практике, это также демонстрирует приверженность дата-ориентированному управлению. Тем не менее, на практике цифровизация сталкивается с рисками, включая нарушение конфиденциальности данных, цифровое неравенство, утрату контроля над технологиями. В ответ на эти вызовы, нами были разработаны рекомендации по управлению в условиях цифровизации, включающие повышение цифровой грамотности руководителей, внедрение в корпоративную культуру цифровых ценностей, создание единой платформы и команды «больших данных», улучшение системы безопасности данных.

Готовность руководителя принимать новые технологии создает социальный контекст, благоприятный для адаптации всего коллектива к цифровизации. Благодаря этому у сотрудников формируется доверие к инновациям. В условиях новой реальности одним из направлений улучшения управления может стать приверженность концепции управления, основанной на гуманистических и инклюзивных ценностных нормах. Гуманистические ценности включают принцип свободного развития человека, координации технологического развития и интересов людей, всеобщее и сбалансированное развитие общества. В то же время, важно придерживаться принципа справедливости и всеобщей выгоды, что означает предоставление предприятием равных возможностей для доступа к технологиям всего коллектива, противостояние усугублению проблемы цифрового неравенства.

Другим направлением может стать трансформация корпоративной культуры. Это связано с тем, что предприятия с преобладающими традиционными подходами сталкиваются с сопротивлением новым технологиям. При этом недостаточно лишь включить ценность цифровизации в стратегическую задачу, важно на всех этапах развития сотрудников интегрировать данный концепт, в том числе в процесс обучения.

Далее отметим, что важным направлением для развития управления в цифровом обществе может выступать переход от иерархических структур к сетевой модели управления, основанной на коллаборации и значимости горизонтальных связей. Также на рисунке среди рекомендаций мы представили улучшение системы безопасности данных. С социологической точки зрения это означает, что культура безопасности должна стать социальной нормой для всех сотрудников предприятия. Это важно не только в аспекте безопасности частной информации, но также может позволить усилить доверие сотрудников к организации.

Проведенное исследование показало, что цифровизация оказывает существенное влияние на управление предприятиями, формируя новую социальную реальность. Она вносит изменения в традиционные управленческие подходы и ведет к переходу от иерархических моделей к более гибким сетевым структурам. В новых условиях цифровые технологии и данные становятся важными социальными агентами, оказывая влияние на принятие решений, трансформацию корпоративной культуры и взаимодействие сотрудников и руководителей. Предприятия сталкиваются с новыми социальными вызовами, подобно недостаточной готовности руководства к внедрению новых технологий, угрозами цифрового неравенства, а также вопросами конфиденциальности данных. Разработанные рекомендации учитывают специфику социальных вызовов в управлении в России и Китае и сводятся к преодолению консерватизма управленческих подходов, ускорению внедрения инноваций посредством развития цифровой грамотности сотрудников всех уровней.

Таким образом, в цифровом обществе управление на предприятиях связано не только с использованием новых цифровых технологий, но и также управление в условиях цифровизации становится важным объектом для социологического изучения. Только с учетом сложных взаимосвязей между технологиями, обществом и организационными структурами возможно разработать комплексный подход к развитию управления в ситуации цифровой трансформации. В этих условиях разработка новых концепций управления, основанных на цифровизации и одновременном учете потребностей «цифрового коллектива» и «цифрового работника» приобретает более высокую актуальность и должна быть проанализирована более подробно в будущих исследованиях.

Литература

- Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 112–129.
- ИИ-решения в российской промышленности: лучшие кейсы, проблемы, перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cdo-2day.ru/cifrovoj-analiz/ii-reshenija-v-rossijskoj-promyshlennosti-luchshie-kejsy-problemy-perspektivy/?ysclid=m46q02zhpg530267911> (дата обращения: 19.11.2024).
- Исаева К.В. Теоретические основы изучения проблемы управления электронно-цифровым обществом // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 1. С. 117–122.
- Кобыляцкий М.К. Принятие технологии как ключевой фактор цифрового развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4. С. 1–9. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.4>.
- Неизвестный С.И. Социальные проблемы принятия решений искусственным интеллектом в цифровом обществе // Социологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 90–108.
- Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81.
- Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 2. С. 4–12.
- Christensen M., Frederiksen A.B., Madsen K.B. What Kind of Social Work in What Kind of Virtual Space? // Nordic Social Work Research. 2021. № 2. С. 1–11.
- Pink S., Ferguson H., Kelly L. Digital Social Work: Conceptualizing a Hybrid Anticipatory Practice // Qualitative Social Work. 2022. № 2. С. 413–430.
- Ван Чжэнь. Стратегия устойчивого социального развития и управленческие решения в условиях цифровой экономики // Шанхайские предприятия. – 2024. – № 2. – С. 42–44. (на кит. яз.).
- Ли Тао. Китайская модернизация и всестороннее развитие личности в контексте цифрового общества // Народный форум. – 2024. – № 4. – С. 51–53. (на кит. яз.).
- Кун Цзюнь. Исследование путей инновационного управления предприятиями в условиях цифровой трансформации // Исследования инноваций в промышленности. – 2024. – № 13. – С. 154–156. (на кит. яз.).
- Мэй Чуаньцян, Шэн Хао. Трансформация модели уголовно-правовой защиты данных: от управления безопасностью к использованию безопасных данных // Журнал Чунцинского университета (версия по социальным наукам). – 2024. – № 1. (на кит. яз.).
- Ху Ин. Понятие цифровой социальной работы, её развитие и этические вызовы, с которыми сталкиваются молодые социальные работники // Современные молодежные исследования. – 2022. – № 5. – С. 119–128. (на кит. яз.).
- Тан Юймань. Анализ инноваций в управлении предприятиями в эпоху информатизации // Информационное управление КНР. – 2020. – № 23. – С. 91–92. (на кит. яз.).
- Ван Сюань. Управление цифровым обществом: ценностные изменения, риски и их преодоление // Теоретические исследования. – 2023. – № 4. – С. 46–52. (на кит. яз.).
- Цю Цзэци. Цифровое общество и эволюция вычислительной социологии // Социальные науки Цзянсу. – 2022. – № 1. – С. 74–83. (на кит. яз.).

18. Исследование показывает, что применение искусственного интеллекта в компаниях материкового Китая набирает обороты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.qq.com/rain/a/20240821A07BL000> (дата обращения: 10.11.2024). (на кит. яз.).

MODERN CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY: THE EXPERIENCE OF CHINA AND RUSSIA

Gavrilenko O.V., Zhao Yonghui

Lomonosov Moscow State University

The article examines the phenomena of the «digital society» and the «digital person» within the framework of management sociology, focusing on the concept of «digital personnel» as a component of the «digital society» in the context of labor, work activities, and organizational functioning as a social system. Using methods such as studies, and comparative analysis, the article identifies challenges and offers recommendations for adapting management models to the realities of the digital society.

The scientific novelty of study lies in its analysis the impact of digitalization on enterprise management, highlighting changes in the social environment, organizational structures, and employee adaptation emerging technologies. Cases of the integration of digital technologies into the management practices of leading Russian and Chinese companies have been systematized and the main trends in management in a digital society and new challenges facing management were identified. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the results to develop strategies for the digitalization of management with a focus on addressing social factors and the behavioral characteristics of «digital personnel».

Keywords: digitalization, enterprise management, digital society, corporate culture, digital personnel, sociology of management, artificial intelligence.

References

- Dobinskaya D.E. What is a digital society? // *Sociology of Science and Technology*. – 2021. – Vol. 12. – No. 2. – P. 112–129. (In Russian).
- AI solutions in Russian industry: best cases, challenges, prospect. URL: <https://cdo2day.ru/cifrovoy-analiz/ii-resheniya-v-rossijskoj-promyshlennosti-luchshie-kejsy-problemy-perspektivy/?ysclid=m46q02zhpg530267911> (date of access: 19.11.2024). (In Russian).
- Isaeva K.V. Theoretical foundations for studying the problem of managing the electronic-digital society // *Mission of Confessions*. – 2021. – Vol. 10. – No. 1. – P. 117–122. (In Russian).
- Kobylyatsky M.K. Technology adoption as a key factor in digital development // *International Research Journal*. – 2024. – No. 4. – P. 1–9. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.4> (<https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.4>). (In Russian).
- Neizvestny S.I. Social problems of decision-making by artificial intelligence in the digital society // *Sociological Journal*. – 2021. – No. 2. – P. 90–108.
- Tikhonov A. V., Bogdanov V.S. From «smart regulation» to «smart governance»: the social problem of digitalizing feedback mechanisms // *Sociological Studies*. – 2020. – No. 1. – P. 74–81. (In Russian).
- Chernavin Yu.A. Digital society: theoretical contours of the emerging paradigm // *Digital Sociology*. – 2021. – Vol. 4. – No. 2. – P. 4–12. (In Russian).
- Christensen M., Frederiksen A.B., Madsen K.B. What Kind of Social Work in What Kind of Virtual Space? // *Nordic Social Work Research*. – 2021. – No. 2. – P. 1–11.
- Pink S., Ferguson H., Kelly L. Digital Social Work: Conceptualizing a Hybrid Anticipatory Practice // *Qualitative Social Work*. – 2022. – No. 2. – P. 413–430.
- Wang Xuan. Digital social governance: value transformation, governance risks, and countermeasures // *Theoretical Exploration*. – 2023. – No. 4. – P. 46–52. (In Chinese).
- Wang Zhen. Strategy for sustainable social development and management decisions in the context of the digital economy // *Shanghai Enterprises*. – 2024. – No. 2. – P. 42–44. (In Chinese).
- Survey shows that AI adoption in mainland Chinese enterprises is accelerating. URL: <https://news.qq.com/rain/a/20240821A07BL000> (date of access: 10.11.2024). (In Chinese).
- Kong Jun. Exploring innovative enterprise management paths in the context of digital transformation // *Industrial Innovation Research*. – 2024. – No. 13. – P. 154–156. (In Chinese).
- Li Tao. Chinese-style modernization and comprehensive human development in the context of a digital society // *People's Forum*. – 2024. – No. 4. – P. 51–53. (In Chinese).
- Mei Chuanqiang, Sheng Hao. The transformation of the legal protection model for data security: from management security to utilization security // *Journal of Chongqing University (Social Sciences Edition)*. – 2024. – No. 1. (In Chinese).
- Tang Yuman. Analysis of enterprise management innovation in the era of informatization // *China Management Informatization*. – 2020. – No. 23. – P. 91–92. (In Chinese).
- Hu Ying. The concept, development, and ethical challenges faced by young social workers in digital social work // *Contemporary Youth Research*. – 2022. – No. 5. – P. 119–128. (In Chinese).
- Qiu Zeqi. Digital society and the evolution of computational sociology // *Jiangsu Social Sciences*. – 2022. – No. 1. – pp. 74–83. (In Chinese).

Социальная справедливость и цифровой разрыв в умных городах: проблема доступности общественных услуг

Гон Чжэн,

магистр МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: gz@lggeo.com

Строительство умных городов, в основе которого лежит технологическая рациональность, сталкивается с глубокими противоречиями между социальной справедливостью и цифровым неравенством. Используя аналитическую структуру «технологии-институты-культура», данное исследование раскрывает суть цифрового неравенства как технологической проекции властных отношений: алгоритмическая предвзятость, колонизация данных и дифференциация цифровой грамотности реконструируют механизм исключения доступности государственных услуг, ставя уязвимые группы перед дилеммой «двойной депривации». Критическая деконструкция показывает, что технологическая система управления направлена на воспроизводство социального неравенства посредством кодексов, правил и институтов, а ее первопричина кроется в подрыве человеческих ценностей парадигмой эффективности. В исследовании предлагается справедливый путь управления на основе триединства «дизайн-институт-культура», подчеркивающий необходимость реализации сдвига парадигмы в технологической этике посредством прозрачности алгоритмов, поставки цифровых общественных благ и критически важного расширения цифровых прав и возможностей. В конечном итоге легитимность умных городов должна основываться на реконструкции общественного договора, уравнивающего диалектическую связь между технологической эффективностью и социальной справедливостью.

Ключевые слова: умный город; социальная справедливость; цифровое неравенство; государственные услуги, управление технологиями; воспроизводство власти.

Введение

Глобальное распространение «умных городов» знаменует собой технологическую реконфигурацию парадигмы городского управления, суть которой заключается в новом механизме распределения полномочий, ориентированном на управление, основанное на данных и алгоритмах. Обещание технологических возможностей якобы подчеркивает рациональность управления, основанного на эффективности: оцифровка государственных услуг снижает административные расходы, интерфейсы на основе платформ повышают удобство участия граждан, а сенсорные сети позволяют точно прогнозировать распределение ресурсов [1]. Однако за этим техно-утопическим повествованием скрывается более сложный парадокс справедливости: по мере того как цифровая инфраструктура становится обязательным шлюзом для предоставления государственных услуг, маргинальные группы в традиционной социальной стратификации оказываются под угрозой системного исключения. Иллюзия нейтральности технологических инструментов постоянно разрушается в этом процессе: скрытая предвзятость алгоритмических решений, административный порог аутентификации цифровой личности и культурные предпосылки дизайна интерфейса вместе составляют новый тип технологической системы кодирования социального исключения. Цифровой разрыв больше не ограничивается традиционными различиями в технологическом доступе, а превратился в инструмент воспроизводства властных отношений в виртуальном пространстве, который, изменяя критерии правомочности и компетентности для доступа к государственным услугам, ставит обездоленные группы в положение «двойного лишения»: они страдают от неравенства в распределении материальных ресурсов и исключены из процесса расширения технологических возможностей из-за недостатка цифровой компетентности. Они страдают от неравенства в распределении материальных ресурсов и исключены из процесса расширения технологических возможностей из-за своей цифровой некомпетентности [2]. Это парадоксальное противоречие выявляет фундаментальный вызов для парадигмы развития «умного города»: когда технологическая рациональность доминирует в повестке дня городского управления, как можно динамично сбалансировать ориентированную на эффективность логику технологической оптимизации с социальной ценностью честности и справедливости? В данном

исследовании предпринята попытка выйти за рамки поверхностной критики цифрового неравенства и проанализировать механизм функционирования власти, присущий системе технологического управления, выявить структурные корни кризиса доступности общественных услуг и обеспечить теоретический прорыв для внедрения принципа социальной справедливости в строительство умных городов. В следующем разделе будут поочередно рассмотрены диалектическая деконструкция отношений между технологиями и обществом, анализ многомерных барьеров на пути к доступности общественных услуг и стратегия реконструкции парадигмы управления, ориентированной на справедливость.

Теоретическая основа: связь социальной справедливости и цифрового неравенства

Противоречие между технологической архитектурой «умных» городов и требованиями социальной справедливости – это, по сути, эпистемологический конфликт между технологической рациональностью и гуманистическими ценностями в цифровую эпоху. Технологическая триада: управление на основе данных, алгоритмическое управление и сервисы на базе платформ – не только меняет материальную основу предоставления общественных услуг, но и реконфигурирует властную топологию социальных отношений с помощью правил кода. Трехмерная модель социальной справедливости – распределительная справедливость, процедурная справедливость и справедливость признания – сталкивается с деконструктивным вызовом цифрового разрыва: когда право доступа к государственным услугам ограничено количеством устройств и цифровыми навыками, эффективность использования ограничена интерпретируемостью алгоритмов и дружелюбностью интерфейсов, а возможность расширения прав и возможностей зависит от суверенитета данных (рис. 1).

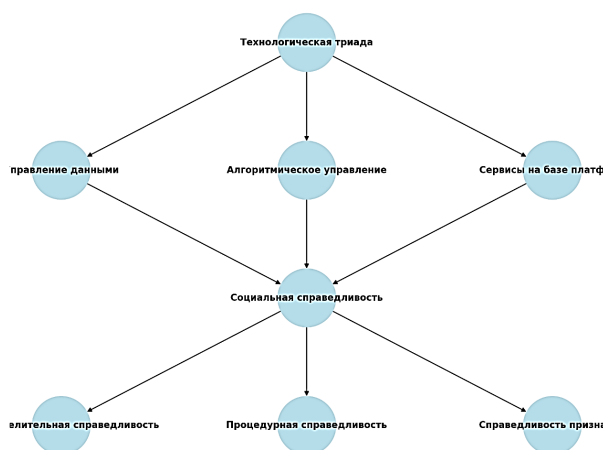

Рис. 1. Взаимосвязь технологического управления и социальной справедливости

Источник: составлено автором.

Нейтральность технологических инструментов проявляется как системный механизм исключения, когда доступ к общественным услугам ограничивается владением устройствами и цифровыми навыками, эффективность использования – интерпретируемостью алгоритмов и удобством интерфейса, а возможности расширения прав и возможностей – суверенитетом данных и способностью к партисипативному проектированию [3]. Этот диалектический процесс внедрения технологий в общество не является ни линейной логикой прогресса, утверждаемой технологическим детерминизмом, ни результатом манипулирования властью, односторонне подчеркиваемым социальным конструктивизмом. Феномен «техно-социогенеза» – взаимное формирование цифровых инфраструктур и институциональных культурных практик – порождает новые формы господства. Полученная аналитическая схема «технология-институт-культура» помещает кризис доступности государственных услуг в тройную структуру: алгоритмическая предвзятость при сборе данных отражает ценностно-нагруженный характер технологического дизайна, цифровая олигополия в государственно-частных партнерствах обнажает дисбаланс институциональных механизмов, а разрыв в цифровой грамотности между поколениями показывает асимметричное воспроизводство культурных представлений [4]. Эта теоретическая перспектива преодолевает инструменталистские ограничения традиционных исследований цифрового неравенства и рассматривает систему технологического управления как политическое поле для воспроизводства социальных отношений, закладывая критический когнитивный фундамент для последующей деконструкции включающего технологического кодирования в умных городах.

Структурные препятствия доступности общественных услуг в умных городах

Технологическая система управления «умными» городами постепенно обнажила глубоко укоренившийся механизм структурного отчуждения под видом повышения эффективности государственных услуг. Это исключение – не случайный технологический сбой, а тройной процесс отчуждения, коренящийся в технологическом дизайне, институциональном устройстве и культурном познании. На уровне технологического дизайна алгоритмическая предвзятость реализует неявное отчуждение через лингвистическое кодирование и правила взаимодействия с интерфейсом: носители нестандартных языков маргинализируются системой из-за предвзятости обучающих данных модели обработки естественного языка, люди с ограниченными возможностями страдают от «технологической инвалидности» перед цифровыми порталами, не имеющими дизайна

доступности, а «колониальный характер цифровой инфраструктуры» не является вопросом случайной технологической неисправности. Колониальный характер цифровой инфраструктуры – культурная гегемония разработчиков технических стандартов, которая предполагает наличие определенных групп как «нестандартных пользователей» и тем самым исключает их из числа пользователей услуг [5]. Пространственные и временные ограничения сбора данных еще больше усугубляют несправедливость охвата услугами, а пространственное избегание сенсорными сетями бедных кварталов и отсутствие идентификации неформально занятых в платформенной экономике характеризуют распределение общественных услуг как форму «дарвинизма данных»: только группы, видимые цифровой системой, имеют право на распределение ресурсов. Институциональный уровень реконфигурации власти характеризуется следующим образом.

Реконфигурация власти на институциональном уровне принимает форму соучастного альянса между технологической олигархией и административной системой. В рамках модели государственно-частного партнерства (ГЧП) частные технологические фирмы доминируют в процессе переговоров благодаря монополии на данные и «черному ящику», в то время как государственный сектор постепенно теряет свою автономию в процессе алгоритмического аутсорсинга – феномена технологического захвата, который приводит к подчинению общественных интересов логике увеличения стоимости капитала. Административная технологизация систем цифровой идентификации еще более коварна: обязательная привязка биометрии к системам кредитного скоринга сводит права граждан к показателям читаемости данных, а лица, не идентифицированные алгоритмами, превращаются в «цифровые призраки» – процесс, который, по сути, использует техническую рациональность для демонтажа социальных атрибутов гражданства.

Когнитивный разрыв в социокультурном измерении отражается в стратифицированном распределении цифровой грамотности и символическом насилии технологического дискурса. Структурные недостатки пожилых людей и малообеспеченных групп населения в плане эксплуатации смартфонов и понимания протоколов конфиденциальности заставляют их страдать от «лишения автономии»: якобы открытые каналы цифрового участия превращаются в символические права из-за существования когнитивных порогов. Технократы клеймят традиционные механизмы демократических консультаций при формировании государственной политики как «неэффективные и устаревшие парадигмы» с помощью дискурсивных конструкций «управляемые данными» и «алгоритмическая оптимизация» и используют технологический и экспертный авторитет для подавления плюралистиче-

ских ценностных заявлений. Авторитет экспертов используется для подавления плюралистических ценностных требований. Такое асимметричное распределение когнитивной власти в конечном итоге приводит к тому, что кризис доступности общественных услуг поднимается с уровня технической эксплуатации до перестройки ценностного порядка – когда техническая рациональность становится высшим мерилom гражданственности, этические основы социальной справедливости сталкиваются с систематическим разрушением» [6]. Взаимодействие вышеуказанных тройных структурных барьеров указывает на то, что кризис доступности «умных городов» по сути является парадигмальным конфликтом между парадигмой технологического управления и принципом социальной справедливости, и единственный способ проникнуть сквозь идеологический туман технологического нейтралитета – это раскрыть диалектическую логику реконфигурации публичности в цифровую эпоху.

Путь управления умным городом, ориентированный на социальную справедливость

Справедливая трансформация парадигмы управления «умным городом» – это, по сути, процесс восстановления баланса между технической рациональностью и социальными ценностями. Эта трансформация требует выхода за рамки частичного совершенствования технологических инструментов и построения системной структуры реконструкции «дизайн-институт-культура» (рис. 2).

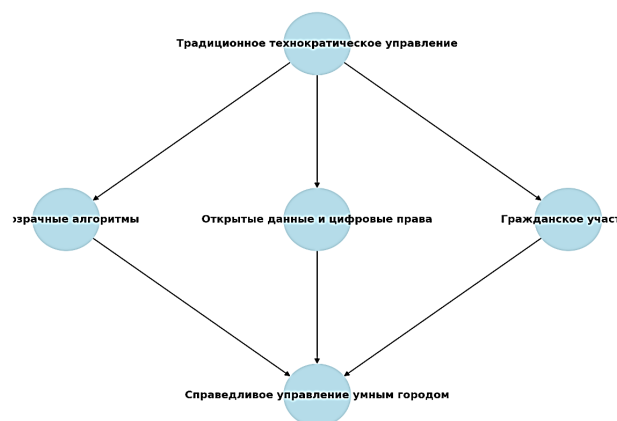

Рис. 2. Переход от традиционного к справедливому управлению умным городом

Источник: составлено автором.

На уровне технологического управления прозрачность и интерпретируемость алгоритмов должны преодолеть формалистическую этическую цензуру и проникнуть в глубинную логику технологической архитектуры: благодаря внедрению принципа проектирования с учетом различий мы мо-

жем включить культурные символы маргинальных групп в сферу выборки данных машинного обучения, чтобы модель обработки естественного языка могла распознавать диалекты и нестандартные грамматические структуры; благодаря использованию интерпретируемых технологий ИИ мы можем преобразовать весовое распределение алгоритмических решений в визуализированное распределение прав. В результате мы можем превратить распределение веса алгоритмических решений в визуализированную основу для обжалования прав, тем самым устраняя эрозию процессуальной справедливости технологическим «черным ящиком» [7]. В инклюзивном дизайне необходимо перейти от коррективной адаптации к упреждающему вмешательству, создавая многосторонние комитеты по технической оценке на стадии планирования цифровой инфраструктуры и обеспечивая, чтобы потребности «уязвимых к данным групп», таких как инвалиды и этнические меньшинства, были закодированы в начальных параметрах системы, а не дорабатывались постфактум.

Суть институциональных инноваций заключается в том, чтобы разорвать двойные оковы цифровой олигополии и административной технократии. Предоставление цифровых общественных благ требует реструктуризации властного контракта между государственным и частным секторами: законодательство должно устанавливать общественные атрибуты ключевых цифровых инфраструктур, а частные платформы должны быть обязаны открывать свои API и доступ к данным, создавая экосистему конкурентного сотрудничества. В рамках суверенитета данных механизм защиты прав граждан должен быть преобразован из пассивной защиты в активное расширение прав и возможностей, а также должна быть создана система доверия к персональным данным, чтобы граждане могли делиться с технологическими компаниями выгодами от данных через коллективные переговоры, а не пассивно соглашаться на уступку неприкосновенности частной жизни. Такой институциональный дизайн не только сдерживает колонизацию цифрового общественного пространства капиталом, но и превращает владение данными в существенную возможность социального участия.

С другой стороны, путь к расширению социальных прав и возможностей требует преодоления доминирующей технократической логики линейного управления. Платформы совместного цифрового управления, управляемые сообществом, должны преодолеть символические ограничения партиципативного дизайна и с помощью децентрализованных организаций самоуправления на основе блокчейна дать жителям возможность напрямую участвовать в определении параметров и оценке эффективности алгоритмов общественных услуг, а также передать право технологического управления от экспертной системы местным сетям зна-

ний.[8] Программы цифровой грамотности для разных поколений должны выйти за рамки узкого позиционирования обучения инструментальным навыкам и построить систему критического образования цифрового гражданства: обучая навыкам работы со смарт-устройствами, они раскрывают эффект информационного кокона алгоритмического натиска, логику контроля капитала при сборе данных и вооружают неблагополучные группы дискурсивной способностью деконструировать технологическую власть. Только благодаря просвещению этого технического познания ликвидация цифрового неравенства может подняться с уровня перераспределения ресурсов в измерение реконструкции субъективности и в конечном итоге реализовать диалектическое единство эффективности и справедливости в управлении умными городами.

Заключение

Практика технологического управления в «умных» городах выявляет фундаментальное противоречие: цифровое неравенство — это не просто проблема неравного технологического доступа, а исторический процесс воспроизводства отношений социальной власти через технологические архитектуры. Когда алгоритмы становятся арбитром распределения ресурсов, данные — средством аутентификации гражданства, а цифровая грамотность — порогом компетентности для доступа к общественным услугам, технологический инструмент превращается в новый тип политического устройства социального исключения. Эта техническая проекция властных отношений по сути обнажает ценностный кризис парадигмы городского управления, в которой доминирует технологическая рациональность — инструменталистская логика превосходства эффективности низводит человеческую субъективность до количественно измеримого и оптимизируемого узла данных, сводя социальную справедливость к подчиненному параметру функционирования технологической системы. Путь к решению этой дилеммы лежит не в итеративной модернизации самой технологии, а в реконструкции этической парадигмы строительства умного города: встраивании принципа «справедливости» в онтологический уровень технологического дизайна, чтобы охват сбора данных, интерпретируемость алгоритмических решений и инклюзивность цифровых интерфейсов стали обязательными стандартами технологической этики, а не декоративными дополнениями моральных инициатив.

Такой сдвиг парадигмы требует преодоления техно-утопического нарратива, сформированного соучастием капитала и власти, и восстановления осевой позиции гуманизма в управлении умными городами. Последовательность ценностей, ориентированная на эффективность, должна уступить место комплексной рациональности, ориентиро-

ванной на справедливость, что означает, что алгоритмы предоставления общественных услуг должны оцениваться с учетом параметров опыта выживания обездоленных групп, инвестиции в цифровую инфраструктуру должны компенсироваться в пользу маргинальных сообществ, а монополия дискурса технократов должна быть проверена и сбалансирована механизмами демократии участия. Конечная легитимность «умного города» заключается не в его технологической изощренности, а в способности защитить человеческое достоинство и равенство прав в процессе оцифровки – когда пожилые люди имеют доступ к ресурсам здравоохранения без необходимости использования цифровых доверенных лиц, передающихся от поколения к поколению, когда данные о неформальной занятости рабочих-мигрантов включаются в алгоритмы социального обеспечения и когда цифровые личности инвалидов получают юридическую силу наравне с биометрическими данными. Когда цифровые личности людей с ограниченными возможностями получают такую же юридическую силу, как и биометрические данные, технологическое управление действительно достигло диалектического сдвига от отчуждения к эмансипации. Это не только технологическая инновация в городском управлении, но и эксперимент по реконструкции общественного договора в эпоху цифровой цивилизации.

Литература

1. Парик П. Хаджра Р. Расширение возможностей государственных служащих путем преодоления цифрового разрыва с помощью интеллектуальных технологий для государственных услуг // Развитие цифровых компетенций государственных служащих: адаптация новых технологий в государственных услугах. 2025. С. 419–452.
2. Колдинг Д., Нильссон К., Шёберг С. Умные города для всех? Преодоление цифрового разрыва для социально устойчивых и инклюзивных городов // Умные города. 2024. Т. 7, № 3. С. 1044–1059.
3. Козлова О.А., Петрова В.С. Трансформация подходов к управлению устойчивым развитием региона: опыт ХМАО-Югра // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 161–164.
4. Ахтырский А.А. Объективизация развития экологической культуры в России: социологический анализ // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1. С. 16–24.
5. Дудин М. Н., Шкодинский С.В., Усманов Д.И. Цифровой суверенитет России: барьеры и новые траектории развития // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 2. С. 30–49.
6. Борисов О.С. Когнитивные процессы в социокультурном измерении // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 3 (124). С. 83–88.
7. Ларти Д., Юрист К.М. Ю. A Proposed Methodology for Intelligent Decision-Making in Smart Cities and Urban Planning // Development. 2024. Vol. 23. P. 25.
8. Расходчиков А.Н. Искусственный интеллект и «умный город»: от цифровизации к городской инновации // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 4. С. 47–54.

SOCIAL JUSTICE AND THE DIGITAL DIVIDE IN SMART CITIES: THE CHALLENGE OF ACCESSIBILITY OF PUBLIC SERVICES

Gong Zheng

Lomonosov Moscow State University

Smart city construction, based on technological rationality, faces deep contradictions between social justice and digital inequality. Using the analytical framework of «technology-institutions-culture», this study reveals the essence of digital inequality as a technological projection of power relations: algorithmic bias, data colonization and differentiation of digital literacy reconstruct the mechanism of exclusion of public services, putting vulnerable groups in the dilemma of «double deprivation». Critical deconstruction shows that the technological system of governance is aimed at reproducing social inequality through codes, rules and institutions, and its root cause lies in the undermining of human values by the paradigm of efficiency. The study proposes a just path of governance based on the trinity of design-institution-culture, emphasizing the need to realize a paradigm shift in technological ethics through algorithmic transparency, the delivery of digital public goods, and critical digital empowerment. Ultimately, the legitimacy of smart cities should be based on the reconstruction of the social contract that balances the dialectical relationship between technological efficiency and social justice.

Keywords: Smart City, Social Justice, Digital Inequality, Public Services, Technology Management, Reproduction of Power.

References

1. Parikh P. Hadzhra R. Empowering Civil Servants by Bridging the Digital Divide with Smart Technologies for Public Services // Developing Digital Competencies of Civil Servants: Adapting New Technologies in Public Services. 2025. P. 419–452.
2. Kolding D. Nilsson K. Sjöberg S. Smart Cities for All? Bridging the Digital Divide for Socially Sustainable and Inclusive Cities // Smart Cities. 2024. Vol. 7, No. 3. Pp. 1044–1059.
3. Kozlova O. A., Petrova V.S. Transformation of Approaches to Managing Sustainable Development of a Region: Experience of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. 2018. Vol. 7, No. 2 (23). Pp. 161–164.
4. Akhtyrskiy A.A. Objectification of the Development of Environmental Culture in Russia: Sociological Analysis // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2022. No. 1. Pp. 16–24.
5. Dudin M. N., Shkodinsky S.V., Usmanov D.I. Digital Sovereignty of Russia: Barriers and New Development Trajectories // Problems of Market Economy. 2021. No. 2. Pp. 30–49.
6. Borisov O.S. Cognitive Processes in the Sociocultural Dimension // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities. 2012. No. 3 (124). Pp. 83–88.
7. Larti D., Jurist K.M. Yu. A Proposed Methodology for Intelligent Decision-Making in Smart Cities and Urban Planning // Development. 2024. Vol. 23. P. 25.
8. Raskhodchikov A.N. Artificial intelligence and the «smart city»: from digitalization to the city of innovation // Social and political sciences. 2022. Vol. 12, No. 4. P. 47–54.

Многомерная провинция

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Провинция как юрисдикция – территориальная, часто административная, единица в пределах государства или страны. Слово происходит от латинского «*provincia*». В Древнем Риме так назывались подвластные Риму территории, находящиеся вне Апеннинского полуострова и управлявшиеся римскими наместниками, т.е. колонии. Провинция всегда была на отшибе большой истории и большой политики. И в культурном отношении ее скорее презирали, нежели ставили вровень или возвеличивали. В мегаполисе на провинциалов смотрят искоса и немного свысока, мол, ну что с них взять – глушь! Но центр всегда живет своей периферией, как город питается своими окрестностями. Без них невозможно ни демографическое, ни ресурсное, ни культурное восполнение мегаполисов. Провинция – переплетение мест и не-мест, пространство застойное и потоковое.

Провинциала как социальный тип можно обнаружить повсюду. У него нет географической привязки, он обитает и в центре, и на периферии. Это не место жительства, а определенный образ жизни, уровень образования, тип поведения и склад менталитета. Провинциал, соответственно, воспринимается ни как любой житель провинции, а носитель определенного образа жизни, т.е. человек с низким уровнем культурного развития и узким кругозором. Таких людей на самом деле можно встретить очень часто. Таким образом, провинциал – далеко не всякий житель провинции, а специфический тип личности.

Ключевые слова: провинция, малая родина, столица, образ жизни, мультикультурализм, физиологический очерк, литература.

Геополитическое измерение провинциального

Провинция имеет не только культурное, социальное и экономическое значения. Важен ее **геополитический** – Россия как политическая провинция Европы – и **политический** – отношение федеральных властей к провинциальному народу – аспекты. Можно ли, в связи с этим утверждать, что столица, или центр, действует как пылесос избирательного действия: т.е. засасывает не все подряд, а лучшее и активное. Вторая гипотеза: центр всегда будет более многообразным, полиэтническим и многокультурным, чем провинция. Если это так, то он и развиваться будет быстрее, ибо многообразие само по себе выступает драйвером развития, даже если других ресурсов мало. Центр, полупериферия, периферия Витгенштейна. Насколько это применимо к провинции и столице? Москва выступает по отношению к своей периферии как США по отношению к странам третьего мира – все оттуда высасывает. А теория зависимости как сюда ложится? Теория зависимости, или теория зависимого развития – что неразвитые государства «периферии» беднеют в результате того, что их ресурсы и капитал утекают в богатые страны «центра».

Исторически любая провинция первоначально обозначала колонию. Даже маленький посёлок, расширяя территорию, захватывает чужие племена и их земли. У России вся Сибирь – внутренняя колонизация. Теперь это провинция. А Московия, которая прирастала завоеваниями? Англия имела колонии в половине земного шара. Америка – ее колония, затем провинция, теперь центр цивилизации. Почему? Потому что стала независимой. Получи наш Владивосток независимость и стал бы северным Гонконгом. Рим прирастал завоевания, которые сначала превращал в колонии, а потом в провинции. Провинция – административно-территориальное деление крупной державы. У нас исчезла провинция как административная единица, но осталась как культурное явление – глушь, отсталость, второсортность, старина, неспешность, неграмотность.

По данным первой переписи населения России 1897 г., в провинции проживало 123,3 млн человек, а в столичных регионах – всего 2,3 млн.

Геополитически провинция – все, что до Урала и за Уралом – это исторические новоприобретения Российской империи, завоевания местных народов и колонизация туда русских. Это отходничество центрально-европейских крестьян в конце 19 и начале 20 в. в сибирские земли, переселение

миллионов крестьян. Точно также казачья вольница на Дону образована беглыми крестьянами. *Отходничество, колонизация и беглость* – два геополитических фронта образования русской провинции. И случилось это недавно – чуть ли не у нас на глазах. Тем не менее, провинцию мы называем хранителем старины, глубиной, глушью, заповедным местом.

К геополитическому измерению провинции надо отнести и тот факт, что всю нашу страну за рубежом на протяжении веков описывали как провинцию, а не столичный город. И сама Москва выглядела для иностранцев-путешественников провинцией: грязная, немытая, народ матюгается, плюется, мочится на улице, медведи ходят по улицам, народ на балалайке играет и всегда пьяный. Гости из далеких стран, даже из Индии и Китая, приезжая на научные конференции по социологии города, после наших докладов удивляются: А мы и не знали, что у вас города есть!

Соотношение столицы и провинции напоминает мне *советский хоккей*. На матчи с канадцами в 1972–1973 годах нам пришлось собирать для сборной лучших спортсменов со всех команд. А канадцам достаточно было привезти или выставить любую клубную команду, чтобы на равных сыграть с нашей великолепной сборной. Столицы, а столицами у нас считаются не только Москва и Петербург, но и региональные центры, это сборные страны или края, которые собирают лучших «спортсменов» со всей округи. Возможно, на Западе иначе. Но это как посмотреть. Плотная упакованная городами Западная Европа сильна местным патриотизмом, жители не убегают из провинции в крупные города, но веками живут на одном месте. Хотя имеется немало данных, что и там провинция не процветает, а столицы служат магнитом, забирающим все силы из регионов. К тому же европейцы и американцы чрезвычайно мобильны, то и дело меняют работу и место жительства.

Провинция – крупномасштабная «территория» культуры, ойкумена культуры, плоский политический рельеф, место ссылки оппозиции, резерв управленческих кадров, родина замечательных писателей, композиторов, художников и ученых, звезд эстрады и масс-медиа. Место, куда редко заглядывают столичные власти и журналисты. Провинция – феодальный удел местных князьков, место кормления чиновников, база налогообложения государства, политический арьергард, вечный источник недовольства и напряжения, место отдыха столичной элиты и туристическая Мекка среднеобеспеченного горожанина, место проживания основного населения страны, уголок консерватизма и традиционализма, захолустье, средоточие косности и застоя, с другой – заповедное место, хранилище народной культуры и высокой нравственности. Провинция – малая родина, от-

чий дом, историческая родина, малые жизненные миры, до конца не отформатированное пространство, «другая Россия», «другой континент», поселковый мир, поселковая культура, «Старый свет», родные просторы, мир патриархальной старины, а также метафоричные названия: «Неизвестная Россия или Россия, которой нет», «Россия, которую мы потеряли», «медвежий край». Дураки и дороги – это характеристика провинциальной России: разбитные дураки-мажоры и разбитые дороги, которые хитрые бизнесмены строят такими, чтобы и на следующий год сюда приходиться.

Провинция – это *тридевятое царство*, место, находящееся от центра очень далеко, в неведомой дали, куда ни доехать, ни дойти, у черта на куличиках, куда ворон костей не заносит, куда Макар телят не гонял, на край света, на кудыкину гору, на почтительное расстояние, дорога в один конец, куда пойти и не вернуться, на верную погибель, Тмутаракань,

Справка: Тридевятое царство (тридесятое царство, тридевятое государство, тридесятое государство) – в народных сказках «иная, далёкая, чужая, волшебная» страна, в которую попадает герой, отделённая от обычного мира непроходимым дремучим лесом, пропастью, морем или иным препятствием.

Провинция во времени и пространстве

Провинция – это состояние во времени и в пространстве. Во времени – некая отсталость, запаздывание и как следствие, стремление догнать. В пространстве – отдаленность, далековатость, глубинка, глушь, Тмутаракань. Провинциалам кажется, что во времени им лидера никогда не догнать, а в пространстве лидер их к себе никогда не приблизит. Даже если во всех городах уже поезда и электропоезда будут ходить, в провинции еще телеги останутся в ходу. Таковы старообрядцы в США и Латинской Америке.

Провинция – зона временного пребывания для талантливого человека, которому не развернуться на месте и он спешит в столицу сделать карьеру. Много талантливых писателей, художников, ученых – выходцы из провинции. Там у них малая родина. Провинция питает кадры столицы добровольно, а столица питает провинцию своими кадрами принудительно – когда приезжают в ссылку. Получается, что для одних столица – награда, для других провинция – наказание (рис. 1).

Математически это: рассредоточенное по пространству множество разнородных точек вокруг центрального скопления.

Провинция должна существовать всегда и везде. Нет центра без периферии. Без нее он сам становится периферией. Периферия – это расходящиеся по воде круги от брошенного камня. Технически – это периферия, социологически – провин-

ция. Это то, что расходится кругами во все стороны от столицы. В космологии знают: у вселенной центра нет. Он там, где сейчас стоишь. Если переместишься за 14 млрд световых лет на периферию, она тут же станет центром. Центр и периферия – это относительность взгляда на вещи. Одно-му кажется так, другому иначе.

Рис. 1. Город – это центр власти. Волость – это периферия власти. Короля без свиты, как известно, не бывает

Провинция – понятие старорежимное, считали большевики. Провинция – понятие вековечное и чтимое, считают сегодня пост-большевики. Провинция – не география, не политика и не экономика. Хотя понятно, что географически это, как правило, отдаленные от центра периферийные места страны; экономически – дотационные регионы; политически – не участвующие в принятии жизненно важных для судеб страны решений. Откуда такая обездоленность? Люди там живут настолько плохие, что с ними можно не считаться? Или столица на себя все одеяло перетянула?

Обратимся к интернету: «В провинции уважают родителей и взрослых, здесь люди воспитаны в духе старой школы. Поэтому они вежливее горожан»; «Я встречала ужасно одетых петербуржцев и безукоризненно одетых провинциалов. Многие приезжие «пообтерлись» в Петербурге, сменили стилевые привычки. Хотя на первом курсе у меня рябило в глазах от нарядов девочек из маленьких городов». Провинциал ведет себя развязно и не знает правил этикета»; «Человек с провинциальным мышлением может быть жителем мегаполиса. Хотя соглашусь: чем меньше город, тем более ограничено мыслит большинство его жителей»; «Я знаю множество людей, которые выросли в Петербурге, но являются носителями так называемого провинциального мышления. Это проявляется в некотором мещанстве, мелких мыслях, зависти к успехам других. Даже у себя я иногда нахожу нечто провинциальное, мещанское: например, я не могу спокойно пройти мимо рядов с рамочками/вазочками/подушечками. Но все-таки я классический сноб из Санкт-Петербурга. Человек-петербуржец, особый вид».

Провинция – это вкус и запах менталитета. О столичных властях, чиновниках, поп-звездах и т.д. нередко можно услышать: ну ты и провинция! Причем, с явным осуждением. А о провинциалах настоящих могут думать с явным сочувствием и даже виной – как об обделенных по нашей вине. Русские провинциалы приравнялись к гастарбайтерам. О них говорят: Понаехали! Лимита! А кто говорит? Москвичи, вчерашние лимитчики и соискатели столичной карьеры.

В России, как ни в какой другой стране, остро чувствуется разделение жизни на столичную и провинциальную. Русскую провинцию можно назвать государством в государстве, живущим по своим законам, со своими порядками и нормами поведения [1]. У столицы статус, у провинции – претензии на статус. Провинция сидит на облучке царской кареты. Ее подстегают, ее понукают, ей приказывают. А в ответ – тишина. Она любой указ «заволокитит», исказит, переиначит как ей выгодно, а с проверяющими договорится, подсластит, поторгует, да и купит. Дуракам закон не писан, если писан, то...

Столица – стольный град, где царь находится, там и его стол, т.е. столица – место вокруг царского стола, наподобие околицы. Царь переехал, перебралась и столица. Так везде и всегда: была Алма-Ата, а стала Астана; был Киев, а стала Москва, была Москва, а стал Санкт-Петербург, а потом снова Москва. В одном из сказаний русского народа говорится, что в 2409 г. до н.э. было создана первая столица Руси, которая называлась Словенск на реке Волхов. Впоследствии он Новгород Великий именовался.

А еще первой столицей Руси считается Ладога (862–864), названная резиденцией Рюрика в Ипатьевском списке «Повести временных лет» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2. Стлб. 14). Омск во время Гражданской войны был столицей объединенного всероссийского антибольшевистского правительства – Омской Директории (затем Белого Верховного) А.В. Колчака. Самара – город, фактически дважды выступавший в роли временной столицы: в начале Гражданской войны в России он был первым местопребыванием всероссийского антибольшевистского правительства – Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), в годы Великой Отечественной войны – местопребыванием правительства СССР и дипломатических миссий иностранных государств; центр третьей по величине агломерации Самара-Тольятти. Уфа во время Гражданской войны была вторым местопребыванием всероссийского антибольшевистского правительства – Уфимской Директории, преобразованной из Комуча. Новосибирск – негласная «столица Сибири». Екатеринбург – «столица Урала». Провинция – тыл нашей родины во время всех войн. Тыл территориальный сырьевой, людской. Оттуда идут людские

резервы армии, питание, полезные ископаемые, промышленные товары.

Социально-экономические условия в провинции

Если без машины и дачи среднеобеспеченный россиянин ныне себя не мыслит, то у бедных и этих ресурсов нет либо их маловато. На машине можно было бы «бомбить», используя практику частного извоза, но бензин дорог, автодороги в провинции испорчены так, что автомобиль немедленно приводят в негодность – на новую «тачку» или капитальный ремонт опять же нет денег. Дача и огород многим помогли спастись от нищеты и безденежья, но лишь в советское время. Сегодня с этим труднее: у бедных, проживающих на селе и в малых городах, есть пока земля, огород и подсобное хозяйство, а у бедных из крупных городов дача, садово-огородный участок с летним домом встречаются в два раза реже, чем у среднестатистического россиянина [2].

Так что от мифа, все еще бытующего в массовом сознании, будто бедные в России выживают за счет дачно-огородной деятельности, придется отказаться или его откорректировать: дача и огород важное подспорье только для среднеобеспеченных слоев, а бедные лишены и этого.

Атрибуты зажиточного образа жизни – сбережения, инвестиции, эксплуатация накопленного имущества – несбыточная мечта бедняков. Всего 7,1% бедных имеют хоть какие-то сбережения (в отличие от четверти населения в целом и 80,9% богатых). Бедным присущи другие накопления – растущие долги: треть бедных (38,7%), или в 2 раза больше, чем по населению в целом, для поддержания уровня жизни вынуждена регулярно делать мелкие долги. Кроме того, у четверти бедных постоянные долги по квартплате. В благополучных группах населения жизнь в долг не приобретает таких масштабов, как у бедных [2].

Острая нехватка средств у бедных любых материальных ресурсов приводит к тому, что каждый второй бедный не в состоянии пользоваться платными услугами, которые доступны другим слоям населения России. Отставание бедных особенно ощутимо в сфере образования, медицины, отдыха. Вот выдержки из интернета: «В провинции бывают люди намного богаче тех, кто живет в городах. Просто представление провинциала о тратах зачастую не совпадает с представлениями коренных жителей мегаполиса. В бюджет провинциала не входит еженедельный маникюр, посещение ресторанов, то же касается трат на одежду и поездки»; «Преобладающее большинство провинциалов беднее, чем жители мегаполисов. Думаю, это обусловлено бедным рынком вакансий. Сельский трудяга рад вкалывать до седьмого пота, получая адекватную плату, но нигде».

Представление об относительной бедности – недотягивание до среднестатистических по стра-

не показателей – можно встретить еще у Адама Смита, который под предметами первой необходимости понимал не только товары, которые необходимы для поддержания жизни, но и то, без чего, по обычаю страны, добропорядочным людям даже из низших слоев оставаться нельзя. Другой, уже современный исследователь, А. Макоули полагает, что «человек или семья считаются бедными, если средства, которыми они располагают, не позволяют им иметь образ и уровень жизни, достигнутые в обществе, в котором они живут» [3].

Исследование выявило некоторые его особенности в мегаполисах и в провинции. В частности, молодежь до 30 лет в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург) отличается от своих сверстников, проживающих в провинции, заметно большим моральным инфантилизмом. Среди них доля опрошенных с высоким уровнем принятия моральных норм (не менее 10 из 12) составляет всего 30%, тогда как в «большой» провинции (областные, краевые, республиканские центры) – 43%, а в «малой» (районные центры) – 51%. В результате в мегаполисах принятие моральных норм молодежью отстает от соответствующего показателя в группе 31–60-летних на 21% (при 14% в большой провинции и 13% в малой) [4].

Культурное пространство

Одним из видов общественного пространства выступает культурная реальность или культурное пространство. Оно формируется обычаями, традициями, идеалами, нормами и символами, которые исторически сложились у данного народа, которые он хранит и передает следующим поколениям, которые защищает соответствующим сводом законов и которым он подчиняет свою обыденную жизнь. Кратко рассмотрим основные его элементы.

Император Карл Великий (747–814) стремился создать единое христианское романо-германское культурное пространство, внедрить грамотность во франкскую среду и, не в последнюю очередь, возродить культурное богатство античности – в той мере, в какой это не противоречило церковному учению. Карл Великий поощрял христианизацию (в том числе и насильственную) народов, населявших его империю. В 789 г. он распорядился открыть школы при всех монастырях и капитулах, а также предписал, чтобы все священники обучали народ основам веры и молитве «Отче наш» на латыни или местных языках.

Латинский язык к тому времени давно превратился в язык одних ученых. На латыни говорили в монастырях, епископских резиденциях и центрах образования, на ней же писали и книги. Карл приказал унифицировать как письменность, так и латынь. Ведь не зная ее, нельзя было понять Священное писание. Однако многие глоссарии и латинско-немецкие словари, составленные в ал-

фавитном порядке, по предметному принципу или в соответствии с учебным текстом, писали частично по-немецки. Они представляют собой наиболее ранние образцы письменного немецкого языка, весьма отличного от современного.

Культурное пространство общества имеет два модуса существования – физический и символический. Музеи и школы расположены в физическом пространстве, а нормы и традиции – в символическом. Их невозможно видеть, трогать, обонять, но зато они обладают иной, возможно, более сильной «энергетикой». Нормы и обычаи заставляют подчиняться человека, властно влияют на его поведение. Того же самого нельзя сказать о музее или школьном здании.

Таким образом, два модуса культурного пространства – это по сути дела два разных измерения, которые непосредственно не соприкасаются между собой. Они могут накладываться, совпадать или пересекаться только в сознании человека.

Разновидностью культурного пространства выступает *историко-культурное пространство*, которое предполагает описание истории заселения и формирования устойчивых общностей, механизмы адаптации национальной культуры к региональным особенностям, рассмотрение культур отдельных этнических групп (системы ценностей, язык, религиозные верования, обряды, традиции), проживающих на данной территории и процессы межкультурного взаимодействия этносов. Учение о нем особенно активно развивается в исторической географии. Проблемы освоения географического пространства в ходе исторического развития России, связь геополитических и общенациональных интересов, анализ места России в мировом сообществе цивилизаций и осознание роли конкретных «мест» и их значения в русской истории дают возможность соотнести актуальное существование культуры и ее историю, позволяют рассмотреть феномен трансляции культуры, обусловленность конкретного «образа» культуры историческими реалиями

Региональную культуру И.Я. Мурзина [5] предлагает рассматривать как вариант национальной, или «материнской культуры». Отношения материнской региональной культур напоминает взаимосвязь общего и особенного. Региональная наследует ценностно-нормативное ядро материнской культуры, формы и способы жизни людей и адаптирует их для условий конкретной территории. Для того чтобы на конкретной территории сложилась своя региональная культура, материнская культура должна пройти через несколько этапов. Первый – включение данного географического пространства в поле освоения материнской культуры (ситуация географических открытий, которая в разной мере характерна для многих регионов России: осваиваются Урал, Сибирь, Дальний

Восток, Юг России, в более позднее время – территория Восточной Пруссии – Калининградская область). Второй – освоение новой родины переселенцами (миграция населения из Центральной России и Русского Севера на Урал и дальше в Сибирь, освоение южнорусских земель казаками, украинцами, белорусами). На этом этапе происходит «символическое включение» территории в состав России. Появляется представление о роли, которую призван сыграть этот регион в судьбе страны, например, быть «кладовой» природных богатств (как Урал или Сибирь), служить житницей страны (Украина) или выполнять функцию охраны рубежей (приграничные области).

На третьем этапе осознается связь с местом, выражающаяся в поиске адекватных местным условиям способов хозяйствования, организации социальной сети взаимоотношений, формировании нового образа жизни. Вступая в межкультурную коммуникацию, коренное и пришлое население начинают осознавать коллективную идентичность как единого этноса. На этом этапе еще сохраняются рудименты прошлой жизни и историческая культурная память. Четвертый этап отличается тем, что все население – пришлое и коренное – воспринимает территорию как свою малую родину.

По мнению И.Я. Мурзиной, не всякий регион продуцирует свою, региональную культуру. Так, можно говорить о региональной культуре применительно к Уралу, Сибири, Югу России. Однако области центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, они находятся в рамках материнской русской культуры (даже в обыденном сознании слова «русская культура» ассоциируются с центральной Россией, тем, что исторически называлось Московией). Отдельными территориями можно назвать Русский Север, который воспринимается как квинтэссенция русской культуры, исторически связанный с другим древнерусским центром – Новгородом, и собственно столичные центры – Москву и Петербург [5].

Культурное своеобразие регионов получает особую социальную маркировку, например, через закрепленные в обыденном сознании этносоциальные стереотипы («москвич», «петербуржец», «сибиряк», «донской казак»), через кристаллизовавшиеся в совокупности артефактов территориальные специализации (камнерезное искусство как «визитная карточка» Урала) или благодаря местным культурным героям («знаменитые земляки»: А.С. Пушкин – москвич, Г.Н. Чернышевский – саратовец). На последующих этапах, когда на данной территории сменяется ни одно поколение, у населения накапливаются собственные традиции, легенды, фольклор, появляются памятные места, возникают культурные достопримечательности с многовековой историей.

У всякого региона страны, если он обладает культурной спецификой и самобытностью, есть

собственное культурное пространство. К примеру, культурное пространство Татарстана существенно отличается от общероссийского. В республике два государственных языка, две конфессии, которые равны между собой. Совместное проживание в едином культурном пространстве двух этносов, татар и русских, формирует особую психологию и менталитет. Как показывают социологические опросы, очень похоже отношение русских и татар к статусу республики, к гражданству Татарстана и его соотношению с общероссийским гражданством. Во всех школах обязательны для изучения два языка. По желанию вузы могут вводить татарский язык в качестве обязательного для ряда специальностей. Расширяется число факультетов, на которых преподается татарский язык. Этот общетатарский фон становится своим и для русских. Появляется понятие народа Татарстана, которое, скорее всего, станет понятным лишь будущим поколениям. Если мы выйдем за границы Татарстана, утверждает Р. Хакимов, государственный советник по политическим вопросам при президенте Республики Татарстан, директор Института истории АН Татарстана, то увидим иное культурное поле [6].

Культурное пространство – это единый пространственно-временной континуум общества, где совершается культурное взаимодействие людей как представителей больших социальных групп, субъектов культурных статусов и ролей. Разновидностями культурного пространства выступают: Информационное пространство; Религиозное пространство; Образовательное пространство; Когнитивное пространство. Одной из разновидностей культурного пространства выступает *литературное пространство* – совокупность художественных и научно-публицистических текстов, получивших институционализацию одним из легитимных или хотя бы признанных обществом способов, например, через публикацию в журнале или газете, сообщению по радио или показу по телевидению, появлению в Интернете. Карта литературного пространства разграфлена на участки и зоны по критерию жанровой принадлежности, на горы и равнину – в соответствии с качеством, степенью общественного признания, популярностью произведения. Топографическими точками на пересеченной местности, обозначающими выступы и впадины, достижения и провалы, признание и забвение выступают два типа социально-культурных маркеров: 1) официально существующие премии и награды, которые учреждаются и присваиваются конкретной организацией либо сообществом, например, Букеровская премия или Пулитцеровские премии; 2) неофициальные санкции – народная молва и популярность, успех у аудитории, признание коллег и др.

Провинциальная культура

Провинция – другая культура, нежели столичная. В свою очередь, крупные областные или республиканские города отличаются как от столицы, так и от села. Полемика о культурной роли провинции развернулась в русской публицистике еще в 1860–1870-х гг.

Культуру можно представить себе как внешнюю среду или продолжение нашего мозга, чувств и поведения. Она создается, сохраняется и изменяется благодаря социальному взаимодействию. Научение культурным нормам можно назвать процессом социализации. Конечная цель **социализации** – достижение *конформизма* с ожиданиями окружающих людей. Естественно, каково окружение, таковы и мы сами. По большому счету нас воспитывает ближайшая социальная среда, а не далекие к нам социальные институты и абстрактные нравственные принципы. Воспитавшиеся в небольшом захолустном городке юноши и девушки усваивают провинциальные манеры поведения, свойственные замкнутой территориальной общности. Столкнувшись с нравами и нормами большого города, они испытывают неловкость и полностью дезориентируются.

Провинциальная культура – возникший в годы Советской власти термин, обозначающий: 1) культуру средних и малых городов России, 2) культуру всех городов и сел, кроме столицы СССР Москвы и столиц союзных республик, входивших в состав СССР, а также Ленинграда, всегда считавшимся культурным центром; 3) в чем-то ущербную, неразвитую, неполноценную или отсталую культуру. Понятия «провинциал» и «провинциальная культура» появились задолго до Советской власти и уже тогда несли в себе уничижительный оттенок. Но именно в советские годы разрыв между культурным уровнем столичных и провинциальных городов, особенно средних и малых, достиг опасной черты. Между городом и селом он различается в 20 раз, между центральными и периферийными регионами страны – в 30 раз.

В 1990-е годы эта тенденция нарастала, поскольку рост цен на транспорт фактически изолировал провинцию от центра, интенсивность культурных контактов во много раз ослабла, а значит, разрыв между столичной и провинциальной культурой нарастал. И в дореволюционной, и в советской России провинция всегда служила источником кадрового пополнения культуры, науки, управления. Именно с российской глубинкой связаны имена артистов Щепкина и изобретателя Кулибина, маршала Жукова и президента Горбачева. Однако до революции провинциальная культура была многообразнее, полнее и богаче, чем в постреволюционный период. Столичные города буквально «высасывали» всех талантливых людей, мало-мальски успевших заявить о себе.

Причиной всегда служили и служат сегодня следующие факторы: 1) более высокий уровень коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни, 2) большие перспективы творческого и служебного роста, 3) возможность быстро прославиться не только у себя в стране, но и за рубежом, 4) более высокие гонорары и зарплата, 5) более широкая аудитория; 6) более высокий уровень профессионализма создателей культурных ценностей (коллег по жанру), критиков и более высокая подготовленность (а стало быть, и требовательность) зрителей. Культурный отрыв столицы от провинции, крупных городов от средних и малых, города от деревни породил особую форму сокращения культурной дистанции – культурное шефство (рис. 2).

Рис. 2. Провинциальные типы

Провинция – это место жизни и рождения и стартовая площадка для бесконечного множества талантливых людей. Судьба многих русских писателей проходила вдали от столиц и больших городов: Некрасова – на Волге, Гончарова – в тихом и сонном Симбирске, Достоевского – в сельской глубинке Тульской губернии, Чехова – в захолустном южном городке Таганроге. Ни один из городов, попавшихся Чехову по пути на Сахалин,

не произвел на него впечатления: «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч. Колокола звонят великолепно, бархатно». Кстати, до Перми Чехов добирался на пароходе по Каме, которая ему тоже не понравилась: «Кама прескучнейшая река... Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам чёрт не сумеет дуть так резко и противно».

Звезды загораются в столице, а рождаются в провинции. Большинство российских звезд – уроженцы далеких провинциальных городков. Лариса Долина родилась в Баку, в трехлетнем возрасте ее увезли в Одессу, а прославилась в Москве. Столичный художник Никас Сафронов родился в городе Ульяновске, Александр Песков из российской глубинке, городка Кораяма Архангельской области, Дима Билан появился на свет в Карачаево-Черкесии, Анастасия Заворотнюк из Астрахани, Валерий Леонтьев – уроженец деревни Усть-Уса в Республике Коми, Вячеслав Зайцев из Иваново, Надежда Бабкина родилась в Астраханской области, Лолита – Мукачево (Закарпатская область). Евгений Евстигнеев родился и вырос на окраине Нижнего Новгорода, Наталья Водянова родилась в Горьком, Олег Газманов – в городе Гусеве Калининградской области, Алсу Абрамова (Сафина) – Бугульма (Татарстан), Людмила Гурченко – в Харькове, Иосиф Кобзон – в Донецкой области, Людмила Сенчина – в Николаевской области. Список можно продолжать чуть ли не до бесконечности. Надежда Румянцева, Людмила Касаткина, Марина Ладынина, Лариса Гузеева, Нонна Мордюкова, Надежда Кадышева, Вия Артмане родились в селе. Большинство знаменитостей, без которых Москва уже немыслима, – это бывшие провинциалы.

Провинция питала столичные города и раньше. Родились в «глубинке» и стали известными на весь мир: Антон Павлович Чехов с берегов Азовского моря, Фёдор Шаляпин из Казани, Лев Толстой из Тульской области, Михаил Шолохов с Ростовской области, М.М. Сперанский из Владимирской области, И. Тургенев, Н. Лесков и И. Бунин из Орловской губернии. Михаил Иванович Глинка родился в Смоленской губернии, Модест Петрович Мусоргский – в Псковской губернии, Николай Андреевич Римский-Корсаков – в Новгородской губернии, С.В. Рахманинов – в Новгородской губернии, С.С. Прокофьев – в Донецкой области, а Пётр Ильич Чайковский уроженец Вятской губернии. Они сами пробили путь через тернии к звездам. Легче пришлось А.С. Пушкину, А.В. Суворову, А.К. Саврасову и А.Н. Скрябину из Москвы, Д.Д. Шостаковичу, К.П. Брюллову, М.И. Кутузову и И.Ф. Стравинскому из Санкт-Петербурга. Художники Иван Айвазовский родился в Феодосии, Виктор Васнецов – в небольшой деревне Ло-

пьял, Иван Шишкин – в Елабуге, Кузьма Петров-Водкин – в Хвалынске, Михаил Врубель – в Омске.

Справка: Модель «центр-периферия», или модель «ядро-периферия» (англ. core-periphery model), – в экономической географии модель взаимодействия центральных и периферийных районов в процессе их развития. В классическом виде разработана Джоном Фридманом в 1966 г. в книге «Политика регионального развития: опыт Венесуэлы» [7]. В этой модели небольшой по территории центр, объединяющий наиболее передовые технологические и социальные достижения, противопоставляется огромной периферии – совокупности отдаленных и слабо развитых территорий с замедленной модернизацией, служащей источником ресурсов и потребителем инноваций. Выделяют также полупериферийные районы, занимающие промежуточное положение, – бывшие центральные с устаревающей технологической базой, либо близко расположенные к центру периферийные районы, которые более эффективно взаимодействуют с центром. Следует отметить, что модель «центр-периферия» применяется на различных уровнях: глобальном, региональном, локальном.

Культурный шлейф движения в провинцию сформировался даже не в годы гражданской войны 1918–1921 гг., когда в провинцию из Москвы и Питера, не считая границы, стихийно мигрировала интеллигенция – в том числе ради пропитаний. Он начался, пожалуй, в 1825 г. ссылкой в Сибирь декабристов. Так что, у «шефской помощи» российской провинции со стороны культурных центров имеет долгую историю (рис. 3).

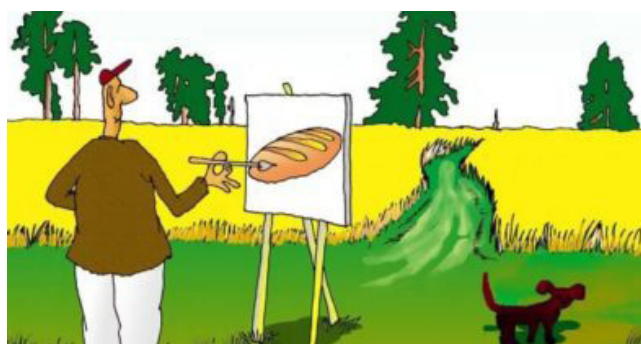

Рис. 3. Провинция – не только кладовая России, но и источник художественного вдохновения для столичной интеллигенции

Французский писатель Гюстав Флобер (1821–1880) почти всю свою жизнь провел в небольшом местечке Круасси возле Руана и доподлинно знал провинциальные нравы. Их-то он и описал в знаменитом романе «Госпожа Бовари» (1857). За хроникой местных событий писатель рассмотрел убийственную пошлость обывательской среды, бездуховность тихой и благопристойной глубинки. Флобер оказал большое влияние на развитие реализма в мировой литературе еще и как блестящий стилист.

Значимость **культурной среды** определяется числом памятников культуры, получивших статус памятников мировой, европейской, российской или местной культуры. Еще одним показателем культурной среды выступает неоднородность ее территориального распределения. Для России характерна наибольшая насыщенность культурными объектами крупных и столичных городов, и наименьшая – малых и средних провинциальных городов. Особенно страдают так называемые моногорода, исторически выросшие вокруг одного большого предприятия, рудника, электростанции, научного комплекса. Зачастую в них нет ни театров, ни художественных галерей, ни других объектов, характеризующих крупные города. Единственными очагами культуры служат кинотеатры, клубы, дворцы пионеров, дворцы культуры, парки культуры, центральные площади.

В российской провинции долгое время преобладали центристские тенденции – физическое тяготение к столичным центрам, но духовно часто преобладали центробежные тенденции, оппозиционные к столице: у нас есть своя гордость!

В поэтическом восприятии и романтическом описании русской провинции особая роль отводится дворянскому поместью и усадьбам. С одной стороны, это дом угнетателя-помещика, с другой – обворожительный заповедник старинной культуры и традиционного быта: варенье, засолы, пирожки, мезонинчики... Тихие радости жизни в глуши. *Мир усадьбы* – это гармония с природой, друзьями и любимыми крестьянами. Усадьба строилась на века, переходила по наследству не как недвижимая собственность, а как подвижный в своей жизненной силе отчий дом. Многие русские писатели, поэты и художники – Львов, Капнист, Боровиковский и другие – поэтизировали быт и нравы дворянской усадьбы. Такой дом «насыщен временем, притом историческим в узком смысле слова, то есть временем исторического прошлого семьи. В нем отложились в зримой форме следы веков и поколений в обстановке, в галерее портретов предков...» [8].

Однако гармония усадебного рая имела оборотную сторону – монотонность и скуку, от которой провинциалы пытались спастись, наполняя жизнь развлечениями, праздниками, чтением книг, хождением по гостям, охотой, сбором грибов и рыбной ловлей. Многие провинциалы, переселяясь в столицу, усвоить диалектный язык столиц – Москвы и Петербурга, – поскольку все остальные диалекты являются символами провинциализма, что воспринимается почти как синоним низкого уровня культуры [9].

Москва и Петербург – диалог «старшей» и «младшей» столиц, культурный спор западников, прогрессистов и славянофилов, консерваторов, двух культурных полюсов. Москва во многих

случаях стала восприниматься как город архаичный, с чертами «азиатчины» и «китайщины». Петербург же, наоборот, представлял городом европейским, просвещённым, на сотню лет обогнавший Москву в своём развитии [10].

Составной частью борьбы за сохранение культурного наследия в прежние годы являлось **краеведческое движение** – массовое общественное движение в 1920 начале 1930-х годов в СССР, направленное на изучение и сохранение памятников культуры, истории и природы. В 1927 г. в СССР насчитывалось 1763 краеведческие организации. Краеведческое движение имело свои центральные координирующие органы в Москве и Ленинграде, центральные и местные издания, проводило съезды и конференции. Базой краеведческого движения являлась провинциальная интеллигенция учителя, агрономы, работники краеведческих музеев. Краеведческое движение было одной из мощных составляющих общего природоохранного движения. В 1937 г. краеведческое движение было официально распущено, многие краеведы как «враги народа» оказались в ГУЛАГе. В настоящее время краеведческого движения в странах СНГ как такового не существует.

Провинция как эвакупункт. В провинцию отправляют женщин, детей и стариков во время войны. Туда же эвакуируют музеи и театры в 1941–1942 годах. Высокий уровень современных провинциальных театров, музеев, вузов, конструкторских бюро, архитектурных мастерских, редакций объясняется военным пополнением артефактов и интеллигенции, эвакуированными «из центра». Порой им некуда было возвращаться, и после войны они осели на Урале, в Поволжье, Сибири и Средней Азии, значительно разнообразив интеллектуальную и художественную жизнь в регионах.

Мультикультурализм по-русийски

Оборотная сторона мультикультурализма – размывание собственной идентичности под напором пришлых народов, которые разными путями инкорпорируются в тамошнее общество – межнациональные браки, совместные мероприятия, снижение межличностной агрессии и практикование политкорректности, совместные политические партии, проникновение иммигрантов в парламент, правительство и силовые структуры. Римская империя накануне своей гибели фактически растворилась среди бесчисленных орд пришельцев («варваров», особенно германцев), которые из провинции переселились постепенно в столицу, были приняты на государственную службу, составляли значительную часть армии и рабочей силы. Так произошло и с Багдадским халифатом, где завоз массы турок-сельджуков-рабов и формирование привилегированных сельджукских войск положили начало поглощению державы арабов турками и появлению

в результате Османской империи. В том, что исторические прецеденты не оставляют «мультикультурализму» никаких шансов, нет ничего удивительного, справедливо полагает И. Богацкий [11]. Гармоничное мультикультурное общество, где все равны – такая же утопия, как коммунизм. «Применительно к отношениям между народами и конфессиями, абсолютное равенство следует заменить равенством относительным, – понимаемым как наделение друг друга взаимными привилегиями, гарантирующими народам их физическое существование, право владения землей своих предков и сохранения своей культуры. Это означает, что, скажем, жители Северного Кавказа должны находиться в более привилегированном положении у себя на малой родине, а жители Петербурга и Москвы в своих городах, а за пределами своих регионов иметь статус гостей, не претендуя на большее» [11].

Но поскольку чиновники воровали не только на губернском, но и на провинциальном уровне (провинций тогда было 47), на каждого из «субъектов империи» офицеров не хватило, поэтому в провинции пришлось посылать младшей комсостав – гвардии сержантов. Служить у нас посылали в провинцию младших по званию, а командовать ее – старших. В советское время перед приездом столичного начальства в провинциальном гарнизоне красили пожелтевшую траву зеленой краской, прокладывали новый асфальт, чинили забор, белили фасады.

Провинция – сфера чинопочитания, но не законопослушания. Перед высокими чинами раболепствуют, на законы плюют и их не соблюдают. Оно и понятно, чиновник – он живой, может сослать, сгноить, со света сжить. А законы – это абстракция, все не соблюдают, и я не буду. А главное провинция с головы гниет, с начальства, а хвост рубят рядовым. В России нет закона, есть столб... Все это хорошо показано в «Ревизоре». Пусть и утрированно, но собирательно и категорично все верно. В уездном городе N царит беззаконие, и виноваты в этом чиновники. Они постоянно нарушают законы, видимо, считая, что закон – это они сами. Находясь далеко от столичного начальства, они не боятся наказаний и делают все, что хотят.

Об универсальности общинного института размышлял выдающийся русский социолог М.М. Ковалевский. Он отмечал, что семейная община существует у западных и южных славян, она «известна и древнегреческому, и древнеримскому быту... о ней говорят и древнеюридические памятники Индии... она встречается в равной мере и в Китае, и у жителей древней Мексики и Перу... ее надо считать основой быта не одних горцев нашего Кавказа, но одинаково армян и грузин... она не осталась чуждой ни древне-кельтскому праву, в частности, ирландскому, ни древнегерманскому, – в виде исключения она продолжала держаться... и в некоторых провинциях Франции до эпохи

революции... и в испанской Галиции... еще в сороковых годах ее наблюдали в департаменте Ниевры... в Пенджабе или Черногории» [12].

В здравоохранении, пишет В.П. Воронцов, мы встречаемся с недостатком врачей настолько сильным, что даже в городах, где они по преимуществу и сосредоточены, медицинскими услугами пользуется лишь небольшая, зажиточная часть населения. «О деревнях же и говорить нечего: сплошь да рядом встречаются губернии, где на целый уезд приходится по одному, по два врача». Вообще отношение числа врачей к населению в России и других государствах таково: в США на 10000 человек имеется 16,2 врача, в Швейцарии – 7, в Италии – 6,1, в Англии – 6, в Австрии – 3,4, в Германии – 3,2, во Франции – 2,9, в России – 1,6 [13]. Таким образом, в России в 2–4 раза меньше врачей, чем в других европейских странах. У нас их не только мало, но и распределены имеющиеся кадры крайне неравномерно: в центральных регионах их больше, в провинции – меньше. Так, в среднем по стране один врач приходится у нас на 6400 человек, но во многих уездах один врач приходился бы на 15–20 тысяч человек населения [14].

В елизаветинское время наблюдался мощный всплеск театрального искусства. Корни этого явления следует искать в общем пристрастии эпохи к театру. С середины 1730-х годов в Санкт-Петербурге гастролируют итальянские, французские и немецкие труппы. За короткий промежуток времени эти труппы показали русскому зрителю весь лучший классический репертуар того времени. Именно в царствование Елизаветы происходит массовое появление домашних театров, как в столицах, так и в провинции.

Значительную роль в духовном прогрессе общества играла *печать*. После вступления на престол (1801) Александр I отменил запрет на ввоз в страну иностранных книг, разрешил частные типографии, свободный выезд за границу. В стране стали издаваться различные журналы. В середине XIX века появляются частные газеты, оформляется сеть провинциальных газет.

К середине XIX века уже сформировался комплекс представлений о **субкультуре** провинциального города: а) о характере провинциала: наивность, простота, узость и ограниченность, некомпетентность, не оригинальность, церемонность, претенциозность, переимчивость; б) представления о занятиях провинциалов: сплетни; взяточничество; пьянство; сочинительство (поэзия, летописание и т.п.) [15].

Малая родина и малая Родина

Малая родина (малая Родина) – местность, с ее природно-географическими особенностями, а также социальная, культурная, национальная среда,

где родился и вырос (зачастую продолжает жить и работать) человек. Малая родина – это местность, где ты родился. Будь то город, село или хутор. Это твои соседи, друзья, школа, любимая работа. Это красота и очарование твоего любимого края, которая ни с чем не сравнится и никогда не забывается. Ностальгия – мощный индикатор реального существования данного феномена, в отличие от провинциализма и провинциальности. Малая родина характеризует социальную онтологию общества, причем любого по территории и уровню развития, в любую историческую эпоху.

При этом термин употребляется в двух, равно распространенных, вариантах написания – малая родина и малая Родина. Отечественная аудитория еще не определилась, какой вариант более правильный или аутентичный. При употреблении прописной буквы подчеркивается академическая практика, при написании с заглавной буквы – патриотический и культурно-исторический смысл. И чаще всего второй смысл оказывается много важнее первого, ибо затрагивает самые интимные, самые драгоценные и самые теплые ноты в душе каждого человека.

Малая родина – это место, которое связано у нас с самым дорогим, а не только с рождением человека. Как понятие она сформировалась в рамках краеведческого движения рубежа XIX–XX вв. В конце 1960-х гг. в рамках «деревенской прозы» приобрел метафорически-топонимический смысл. Географического наполнения у него никогда не было. По данным социологических опросов более 90% россияне считают, что человек должен знать, откуда он родом, т.е. свою малую родину.

Наибольший интерес к малой родине и больше всех изучают ее краеведы. **Краеведение** так и называется – изучение и описание малой родины, местной истории, в масштабах всей России, т.е. необозримой провинции с привязкой к городам как центрам сосредоточения основных сил краеведов (их базового лагеря). Краевед всегда в походе по местным достопримечательностям, всегда в поиске – на земле, под землей, в архивах и раскопах, в расспросах и наблюдениях. Итоги полевых экскурсий откладываются, накапливаются и выставляются напоказ в краеведческих музеях. Раньше слово «краеведение» звучало несколько иначе: краелюбие, родиноведение. Со временем придумали регионоведение, сегодня – провинциологию.

Другим крылом движения за изучение малой родины выступают **бытописатели** XIX века, занимавшиеся изучением не только городского, но и сельского быта, на основе фактических данных и собственных наблюдений характеризовали образ жизни и нравы всех слоев населения тогдашней России, включая провинциальную. К их числу можно отнести П.П. Свиньина, М.И. Пыляева, М. Микишатыева, Д.А. Засосова, В.И. Пы-

зина, С.В. Максимова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.С. Афанасьева-Чужбинского, В.А. Гиляровского, П. Виетенгофа, П.И. Богатырева, И.Т. Кокорева, Д.И. Никифорова, И.К. Кондратьева, П.Д. Боборыкина, И.Е. Забелина, К.Г. Паустовского, И.С. Шмелева, Ф.В. Булгарина, В.И. Даля, Д.В. Григоровича, И.А. Гончаров и др.

Вот конкретный пример описания малой родины у И. Аксакова о Ярославле: «Город белокаменный, веселый, красивый, с садами, со старинными прекрасными церквями, башнями и воротами; город с физиономией. Калуга не имеет никакой физиономии или физиономию чисто казенную, Симбирск тоже почти, но Ярославль носит на каждом шагу следы древности, прежнего значения, прежней исторической жизни. Церквей – бездна, и почти ни одной – новой архитектуры; почти все пятиглавые, с оградами, с зеленым двором или садом вокруг. Прибавьте к этому монастыри внутри города, с каменными стенами и башнями, и вы поймете, как это скрашивает город, а тут же Которосль и Волга с набережными, с мостами и с перевозами. Что же касается до простого народа, то мужика вы почти и не встретите, т.е. мужика-землепашца, а встречается вам на каждом шагу мужик промышленный, фабрикант, торговец, человек бывалый и обтертый, одевающийся в купеческий долгополый кафтан, с фуражкой, жилетом и галстуком... Роскошь в городе страшная. Мебель, квартиры, одежда – все это старается перещеголять и самый Петербург».

Литература

1. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Текст пространства: фрагменты словаря «Русская провинция». Часть вторая // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 2. 2012. С. 42–66.
2. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социс, 2004. № 3. С. 40–50.
3. Макоули А. Определение и измерение бедности // Бедность: взгляд ученых на проблему / под ред. М.А. Мозиной. – М., 1994. – С. 10.
4. Седова Н.Н. Морально-нравственные ориентации и социальная активность // Социс. 2004. № 8. С. 88–90.
5. Мурзина И.Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социс, 2004. № 2.
6. Этноконфессиональные факторы единства России // Независимая Газета. 27.10.1999.
7. John Friedmann. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. – MIT Press, 1966. – 279 p.
8. Коковина Н.З. Провинциальный быт в структуре художественного произведения XIX века //

Провинция как реальность и объект осмысления. – Тверь, 2001. – С. 101–109.

9. Карелова Т.В. Образ провинции в отечественной литературе и журналистике // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, vol. 13, no. 2–2, 2011, pp. 419–422.
10. Доманский В.А. Текст провинциального города: дефиниции и субстраты // Филологическая регионалистика, no. 2 (12), 2014, pp. 7–13.
11. Богацкий И. О решении «национального вопроса» после Манежной площади // <http://www.evrasia.org/article/1561>
12. Цит. по: Лаптин П.Ф. Община в русской историографии. – Киев, 1971. – С. 193.
13. Врачебные ведомости, 1881, № 488.
14. Врач, 1882, № 8, 30; Медицинский вестник, 1882., № 46; Врач, 1833, № 14.
15. Ишкин Б.С. Динамика представлений о провинциальном городе в российской культуре Нового времени // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса. – М.: Новый хронограф, 2009. С. 318–319.

MULTIDIMENSIONAL PROVINCE

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

A province as a jurisdiction is a territorial, often administrative, unit within a state or country. The word comes from the Latin "provincia". In Ancient Rome, this was the name given to the territories subject to Rome, located outside the Apennine Peninsula and governed by Roman viceroys, i.e. colonies. The province has always been on the margins of great history and politics. Culturally, it was despised rather than equalled or exalted. In the metropolis, the provincials are looked down upon with a glance and a bit of condescension, as if they were in the middle of nowhere! But the centre always lives with its periphery, as a city feeds on its surroundings. Without them, neither demographic, resource, nor cultural replenishment of megacities is possible. The province is an interweaving of places and non-places, a space of stagnation and flux.

The provincial as a social type can be found everywhere. It has no geographical reference, it inhabits both the centre and the periphery. This is not a place of residence, but a certain way of life, level of education, type of behaviour and mentality. A provincial, accordingly, is perceived not as any resident of the province, but as a carrier of a certain way of life, i.e. a person with a low level of cultural development and a narrow outlook. Such people can actually be met very often. Thus, a provincial is not just any inhabitant of the province, but a specific type of person.

Keywords: province, small homeland, capital, way of life, multiculturalism, physiological essay, literature

References

1. Milyugina E.G., Stroganov M.V. Text of space: fragments of the dictionary "Russian province". Part two // Labyrinth. Journal of social and humanitarian studies. No. 2. 2012. Pp. 42–66.
2. Davydova N.M., Sedova N.N. Material and property characteristics and quality of life of the rich and the poor // Socis, 2004. No. 3. Pp. 40–50.
3. Macauley A. Definition and measurement of poverty // Poverty: a view of scientists on the problem / edited by M.A. Moshina. – M., 1994. – P. 10.
4. Sedova N.N. Moral and ethical orientations and social activity // Socis. 2004. No. 8. Pp. 88–90.

5. Murzina I. Ya. Methodological aspects of studying regional culture // Sotsis, 2004. No. 2.
6. Ethnoconfessional factors of Russia's unity // Nezavisimaya Gazeta. 10/27/1999.
7. John Friedmann. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. – MIT Press, 1966. – 279 p.
8. Kokovina N.Z. Provincial life in the structure of a 19th-century work of art // Province as a reality and an object of comprehension. – Tver, 2001. – P. 101–109.
9. Karelova T.V. The image of the province in Russian literature and journalism // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, vol. 13, no. 2–2, 2011, pp. 419–422.
10. Domansky V.A. The text of a provincial town: definitions and substrates // Philological regional studies, no. 2 (12), 2014, pp. 7–13.
11. Bogatsky I. On the solution of the “national question” after Manezhnaya Square // <http://www.evrazia.org/article/1561>
12. Quoted from: Laptin P.F. Community in Russian historiography. – Kyiv, 1971. – P. 193.
13. Medical News, 1881, no. 488.
14. Doctor, 1882, no. 8, 30; Medical Bulletin, 1882., no. 46; Doctor, 1833, no. 14.
15. Ishkin B.S. Dynamics of ideas about a provincial town in Russian culture of the New Age // Fundamental problems of cultural studies: Collection of articles based on materials of the congress. – Moscow: Novyi khronograf, 2009. Pp. 318–319.

Отражение взаимоотношения сферы веры и знания в произведениях искусства XXI века: аспекты культурологической репрезентации идей А.Н. Бердяева

Макаров Артем Сергеевич,

аспирант кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
E-mail: makarov_artem_s@mail.ru

В статье рассматриваются взаимоотношения веры и знания с целью выявления их значимости в социально-культурологической практике, связанной с текстами культуры. Методологической базой исследования выступает система методов, среди которых особое значение имеет диалектический, характеризующий экзистенциальную связь в сознании человека двух форм познания: веры, выступающей маркером духовной сферы, и знания, определяющего деятельность субъекта в материальном мире. При написании материалов применялись также методы интерпретации и анализа текстов культуры, демонстрировавших взаимосвязь веры и знания в практике жизни. Статья раскрывает взаимоотношения веры и знания, обоснованные в учении Н.А. Бердяева: приоритет веры и отрицание значимости знания, главенство знания и отрицание веры, и, наконец, их дуализм. В качестве примеров реализации указанных связей рассматриваются: роман П. Козьмо «Алхимик», кинематографическая лента режиссера С. Кулеша «Взлет» и кинокартина режиссера К. Нолана «Оппенгеймер». На основе проделанного анализа текстов культуры невозможно однозначно утверждать, какая форма взаимоотношений является правильной или неправильной. В мировоззренческой сфере сознания каждого человека имеются свои базовые установки, которые и определяют возможность оценивать необходимость веры, знания, а также искать соответствия между ними.

Ключевые слова: вера, феномен, знания, взаимоотношения, приоритет, дуализм, тексты культуры, кинематограф.

Введение

Во все времена человечество интересовало «вечные» проблемы бытия, которые связаны с анализом жизни, с ее духовными основаниями, познавательными практиками, их границами и возможностями использования. Вопрос соотношения веры и знания, актуальный в эпоху средневековья, и по сей день не утратил своей значимости. Об этом свидетельствуют созданные на рубеже XX–XXI веков учения, характеризующие многообразие философских, социальных, культурологических подходов к решению обозначенной проблемы. Все эти подходы непосредственно связаны с ценностными основаниями учений классиков гуманитаристики. Объектом исследования выступает форма взаимоотношений веры и знания. Предметом являются тексты культуры, образно репрезентирующие обозначенные формы.

Согласно взглядам Л.Н. Роднова, С.В. Ковалевой, сущность человека, выраженная актом самосознания «Я», содержит феномены человеческого бытия, одним из которых является вера [1, 2, 3]. Будучи феноменом, определяющим сущность личности, вера актуализируется только сознательным усилием воли человека и осуществляется в творческом процессе мыследеятельности. Как писал в своем учении И.А. Ильин, вера выступает источником любого делания человека, в том числе детерминирует познавательный процесс. Знания, формируясь в этом процессе, одновременно являются результатом осуществления веры [4]. О взаимоотношении веры и знания писали такие философы как И. Кант, Л. Фейербах, Шеллинг, а среди русских мыслителей П.Д. Юркевич, Вл. Соловьев, С.Н. Трубецкой, А.Н. Бердяев, И.А. Ильин.

Методы исследования

Методы, применяемые в ходе исследования и написания статьи, определены спецификой объекта и предмета, рассматриваемых, чаще всего, сквозь призму гносеологической проблематики. Однако в ходе изучения взаимоотношений веры и знания была выявлена их онтологическая связь, которая нашла свое воплощение в социально-культурологической практике XX века. Основные методы:

- метод анализа, который позволяет выявить в учениях классиков основные формы взаимоотношений веры и знания;

- метод герменевтики, который способствовал актуализации смысла понимания идей, заложенных в основании изучаемых философско-культурологических систем;
- метод интерпретации, с помощью которого продемонстрировано изложение образно-смысловой проблематики текстов культуры, репрезентирующих социальные формы взаимоотношений веры и знания;
- системный метод, применение которого позволило сформулировать выводы по статье.

Результаты

Согласно представлениям А.Н. Бердяева, между верой и знанием могут быть отношения тройственного характера: «верховенство веры и отрицание знания, верховенство знания и отрицание веры, дуализм знания и веры» [5, с. 145]. Первое положение, в котором признается авторитет веры и отрицается значимость знания, возможно, связано с определенным отношением человека (или группы людей) к существованию в сфере материально-природной реальности. В контексте жизни, протекающей в пространственно-временных границах, не являются значимыми блага, которые необходимы для удовлетворения психофизиологических потребностей, поэтому в сознании таких людей не возникает стремление углубляться в процессы физического мира, познавать их, а затем полученное знание применять в практической деятельности, используя предметы, явления. Существование в природной действительности само по себе смысла не имеет, но обретает его только в том случае, если оно рассматривается как средство для достижения духовного просветления. В таком понимании многоплановости жизненного пространства, в котором проявляет себя бытие духовное, вера является феноменом, который, как фундамент личности, определяет ценностное отношение к тому, что не явлено человеку посредством его внешней чувственности.

Содержанием указанного отношения является убежденность в реальности высшей Личности – Бога, приближение к которому возможно при соблюдении аскетических правил существования, исключающих необходимость знания об объектах физического мира. В системе религиозных мировоззрений, которые формируются при таком отношении к природному существованию, вера, как феномен человеческого бытия, является иррациональной, чувственно-интуитивной основой принятия убеждений, называемых догматами, согласие с которыми предполагает следование их постулатам, и осуществляется даже вопреки возможным сомнениям. Кроме всего сказанного, именно феномен веры является источником личностного доверия Богу как Творцу всего существующего, принимаемого человеком в качестве высшего гаранта жизни в ее воплощении в форме судьбы.

Такое понимание веры особенно актуальным было в эпоху средневековья, наиболее емко в своем выражении оно представлено в высказывании Тертуллиана «Верую, ибо абсурдно» («Credo, quia absurdum»). В современной литературе формирование человека на основе веры представлено в творчестве Пауло Коэльо, в частности, в его произведении «Алхимик». Главный герой, отправляясь в странствие по миру, боится довериться тому, что открыл ему во сне Бог. Пройдя путь, испытав лишения, потери, скорби, страдания, он произносит фразу: «Все мы боимся утратить то, что имеем, будь то наши посевы или сама жизнь. Но страх этот проходит, стоит лишь понять, что и наша судьба, и история мира пишутся одною рукой» [6, с. 119]. Следование по пути веры приводит к пониманию, что Творец не оставит человека, и «вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание ... сбылось» [там же, с. 126]. Повествование в книге основано на представлении, что вера – основа жизни, двигаясь по которой, человек формирует свою судьбу. При этом Вселенная, состоящая из предметов и явлений, на самом деле является системой знаков, разгадывая которые с помощью интуиции, человек открывает настоящее сокровище в себе.

Второе положение Н.А. Бердяева, согласно которому знание приоритетно по отношению к вере. Такое понимание свойственно философским взглядам русского религиозного мыслителя В.С. Соловьева [7]. По его мнению, вера не имеет онтологического статуса, не определяет бытийственное положение личности в отношении Бога-Творца, но обладает гносеологическим характером. Вера как «вещей обличение невидимых» представляет собой первоначальный акт познавательного процесса. Философ был убежден в том, что, будучи основой познания, вера только удостоверяет, что существуют некие непознанные явления, в некоторые (а, может, и во все) свойства которых приходится только верить. Но по мере усовершенствования познавательных возможностей субъекта, по мере создания новых, более точных инструментов, приборов возможности познания непознаваемого, но постулированного верой, увеличиваются. В конечном итоге вера, как первоначальный гносеологический акт сознания, «снимается» знанием. Исходя из такой позиции, вера не обладает ценностью, она только фиксирует неразвитость субъекта, его отсталость, но по мере познавательного просвещения она неизбежно будет вытеснена, и ее место в сознании полноправно займут знания, содержащие объективную истину об объекте, который ранее был непознаваем.

Текстом культуры, показательно передающим такое замещение веры в невозможное и непознанное явление конкретным знанием, является кинематографический фильм «Взлет», созданный в 1979 году советским режиссером С. Кули-

шом. Картина повествуют о жизни К.Э. Циолковского (актер, сыгравший роль физика Е. Евтушенко), ученого конца XIX начал XX века, который верил в возможность создания летательных аппаратов, управляемых с земли. Герой создал множество проектов, посвященных разработке аэростатов, отсылал их в Русское физико-техническое общество Санкт-Петербурга с верой, что они будут адекватно оценены и использованы в различных практиках жизни. Однако каждый предложенный ученым проект отвергался с формулировкой: «практического значения идея не имеет, в субсидировании отказать». С течением времени таких отказов поступило более десяти, но вот однажды в газете, принесенной старшим сыном, К.Э. Циолковский узнает, что в Германии был создан дирижабль. Ученый на грани отчаяния от бессилия доказать собственную правоту, разрушает свою лабораторию, размещавшуюся в сарае.

В фильме показан эпизод, в котором жена изобретателя Варвара Евграфовна (актриса Л. Кадочникова) умоляет мужа сходить вместе с ней в церковь на пасхальное богослужение. Однако служба его не занимает, Циолковский продолжает мысленно вести расчёты. Наконец оставив церковь, он отправляется к своему другу и соратнику Панину (актер А. Филозов), чтобы рассказать о новой идее. Слушая ученого, одержимого верой в будущее практическое подтверждение своих теоретических разработок, Сергей Иванович произносит слова: «Константин, ты прикован, как раб к галере» своими научными представлениями. Фильм заканчивается демонстрацией фрагментов из биографии ученого: изданные К.Э. Циолковским книги станут редкостью, формула, которую он вывел, будет носить его имя, а основные теоретические положения его идей найдут применение не только в самолетостроении, но и в создании космических аппаратов. Вера в невозможное – полет человека в воздушном и космическом пространстве – заместила реальным знанием, которое определило мировоззрение не только самого ученого, но и стало фундаментом целой отрасли науки и техники.

И, наконец, третья форма взаимоотношений веры и знания, которая предполагает тождество между ними, рассматривается как характеристика двух порядков бытия человека, не сводимых друг к другу. Феномен веры показывает уровень духовно-нравственной составляющей сознания, которая демонстрирует способность человека нести ответственность за свои деяния на основе веры в значимость для общества тех или иных открытий. Обозначенный уровень образно характеризует вертикаль внутреннего мира, тот стержень, который обеспечивает личностную устойчивость человека и **уверенность** в своей мировоззренческой позиции, определяющую способность отвечать за созданные открытия. Эти последние пред-

ставляют собой результат деятельности другой, рассудочно-утилитарной сферы сознания, реализуемой в познавательном процессе, результатом которого являются знания, воплощенные в форме того или иного изобретения. Образно обозначенная сфера сознания характеризует горизонталь внутреннего мира, которая, направляемая феноменом, может изменять вектор своего движения в зависимости от выбранной цели, определенной предметом веры. Таким образом, в этом случае знания и созданные на его основе открытия только дополняют веру, но не устраняют и не замещают ее, потому что у них разные фундаменты и свои уникальные функции, которые формируют целостную структуру сознания человека.

В качестве примера, показывающего жизнеспособность таких взаимодополняющих отношений феномена веры и знания, может служить кинематографический фильм «Оппенгеймер», созданный в 2023 году режиссёром и сценаристом Кристофером Ноланом. Ученый-физик Роберт Оппенгеймер (актер К. Мерфи), работающий в США, соглашается принять участие в создании атомной бомбы в силу того обстоятельства, что нацистская Германия слишком близка подошла к разработке этого оружия. Для того чтобы предотвратить возможное использование этой бомбы против США, как союзника СССР, военные чиновники торопят ученых, создают специальный военно-научный полигон в Лос-Аламосе. Несмотря на опасения, что один единственный ядерный взрыв может уничтожить весь мир, воспламенив цепной реакцией атмосферную оболочку Земли, Оппенгеймер все же проводит испытание созданной его командой атомной бомбы. Наблюдая за взрывом, он произносит слова: «Теперь я стал Смертью, разрушителем миров».

Как известно, Роберт Оппенгеймер был не только ученым-физиком, но и знал несколько языков, читал в оригинале различные, в том числе и религиозные книги. В частности, слова, произнесенные им при взрыве, это – цитата из «Бхагавад-гиты», индуистского священного писания, которое состоит из 700 стихов, созданных приблизительно в первом тысячелетии до нашей эры. Данное высказывание связано с диалогом между принцем Арджуной и Кришной, аватаром божества Вишну. В одном из отрывков священного писания принц обращается с просьбой к Кришне: показать ему свое божественное проявление, которое выражается в «многорукой форме». Откликаясь на просьбу, Кришна являет себя, и принц созерцает следующее: «Если бы сотни тысяч солнц одновременно поднялись в небо, они могли бы напоминать сияние Верховной Личности в этой вселенской форме» [8]. Можно утверждать, что Оппенгеймер, наблюдая взрыв атомной бомбы, увидел в его силе и световой мощи форму проявления индуистского бога, которого он как ученый «вызвал», расще-

появляя атом. Его знания квантовой физики и созданное на их основе изобретение не упразднили в его сознании веру в высшее божество индуистской религии, но помогли осознать меру ответственности за сделанное открытие.

Далее в фильме повествуется, что вся американская общественность аплодирует ученому, не скупиться на похвалы пресса. В августе 1945 года разработанные в Лос-Аламосе бомбы сбрасывают на Хиросиму и Нагасаки – города Японии, которая была союзником гитлеровской Германии. Оппенгеймер принимает похвалы и награды, но его беспокоят видения гибели сотен тысяч людей, появляется страх перед будущим, ибо эта атомная атака японских городов являет собой начало Холодной войны и дальнейшей гонки вооружений. Ученого мучат угрызения совести, своим открытием он нарушил меру человечности, не только в себе, но и в социуме, выпустив «атомного» джина на свободу. Пытаясь донести до общественности последствия создания атомного оружия, чтобы предотвратить дальнейшее распространение такой формы воздействия на инакомыслящих, Оппенгеймер обращается к политикам.

Он встречается с президентом США Трумэном, но тот, выслушав его, не понимает беспокойство ученого и спокойно заявляет, что всю ответственность за ядерные удары уже состоявшиеся и, возможно, будущие, он берет на себя. Выставив Оппенгеймера из своих апартаментов, Трумэн приказывает помощникам, «этого плаксу» больше не пускать. В глазах циничного политика ответственность ученого в форме угрызений совести за собственное изобретение, продемонстрировавшее возможность массовой гибели большого количества людей, является проявлением слабости. Феномен веры, определившей познавательный процесс ученого с целью применить сделанное открытие на пользу согражданам, выявил в его сознании меру ответственности за содеянное изобретение, при этом значимость самого знания и его воплощение не утратило актуальность и по сей день.

Выводы

Таким образом, на примере литературных, кинематографических текстов культуры показана реализация взаимоотношений между феноменом веры и знания, которые, согласно позиции А.Н. Бердяева, могут выступать в трех различных формах. На основе проделанного анализа невозможно однозначно утверждать, какая форма взаимоотношений является правильной или неправильной. В мировоззренческой сфере сознания каждого человека имеются свои базовые установки, которые и определяют возможность оценивать необходимость веры, знания, а также искать соответствия между ними. Социаль-

ная и культурологическая практики, которые могут выступать как различные формы взаимоотношений веры и знания, не ограничиваются рассматриваемыми примерами.

Литература

1. Роднов Л.Н. Сознание. Познание. Личность. Монография. – Кострома: Изд-во Костром. гос. технол.ун-та. 1995. – 169 с.
2. Ковалева С.В. Априоризм как основа духовности в философском наследии Европы и России: этический аспект / Научный журнал. Наследие веков. 2021. № 3 (27). С. 54–63.
3. Ковалева С.В. Онтология сознания: феноменальность акта «эго» / Журнал Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова № 7, 2014. С. 130–133.
4. Kovaleva S., Kizilova N., Kashirina O., Isaenko A., Odnoprienko V. Adaptation of foreign students in the educational and sociocultural system of an agricultural university / В сборнике: Innovations in Sustainable Agricultural Systems (ISAS 2024) (Lecture Notes in Networks and Systems). Conference proceedings. Cham, Switzerland, 2024. С. 399–405.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. Смысл творчества – М.: Правда, 1989. – 607 с. / Философия свободы. 3–253 с.
6. Коэльо П. Алхимик. – М.: АСТ. 1992. – 130 с.
7. Соловьёв Вл.С. Вера как основание науки // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 113–128.
8. Почему Оппенгеймер сказал: «Теперь я – Смерть, разрушитель миров», и что это означало? / Текст: электронный. – URL: <https://www.syfy.com/why-oppenheimer-said-now-i-am-death-the-destroyer-of-worlds> (дата обращения: 04.03.2025).
9. Саенко Н.Р., Хрустова В.С. Бытие человека в условиях ускорения социокультурной динамики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2–2(40). – С. 175–178.

REFLECTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SPHERE OF FAITH AND KNOWLEDGE IN WORKS OF ART OF THE 21ST CENTURY: ASPECTS OF CULTURAL REPRESENTATION OF THE IDEAS OF A.N. BERDYAEV

Makarov A.S.

Kuban State Agrarian University

The article examines the relationship between faith and knowledge in order to identify their significance in socio-cultural practice related to cinematic cultural texts. The methodological basis of the research is a system of methods, among which dialectical is of particular importance, characterizing the existential connection in the human mind of two forms of cognition: faith, which acts as a marker of the spiritual sphere, and knowledge, which determines the activity of the subject in the material world. When writing the materials, methods of interpretation and analysis of cultural texts were also used, demonstrating the relationship between faith and knowledge in the practice of life. The article reveals the relationship between faith and

knowledge, grounded in the teachings of N.A. Berdyaev: the priority of faith and the denial of the importance of knowledge, the primacy of knowledge and the denial of faith, and, finally, their dualism. Examples of the implementation of these relationships are considered: P. Coelho's novel "The Alchemist", the cinematographic film directed by S. Kulesh "Takeoff" and the film directed by K. Nolan "Oppenheimer". Based on the analysis of cultural texts, it is impossible to unequivocally state which form of relationship is right or wrong. In the ideological sphere of each person's consciousness, there are basic attitudes that determine the ability to assess the need for faith and knowledge, as well as to seek a correspondence between them.

Keywords: Faith, phenomenon, knowledge, relationships, priority, dualism, cultural texts, cinema.

References

1. Rodnov L.N. Consciousness. Cognition. Personality. The monograph. Kostroma: Kostrom Publishing House. gos. technol.un-ta. 1995. 169 p. (In Russian).
2. Kovaleva S.V. A priori as the basis of spirituality in the philosophical heritage of Europe and Russia: ethical aspect / Scientific Journal. Legacy of Centuries. 2021. No. 3 (27). pp. 54–63. (In Russian).
3. Kovaleva S.V. Ontology of consciousness: the phenomenality of the act of "ego" / Journal Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU No. 7, 2014. pp. 130–133. (In Russian).
4. Kovaleva S., Kizilova N., Kashirina O., Isaenko A., Odnoprienko V. Adaptation of foreign students in the educational and sociocultural system of an agricultural university / In the collection: Innovations in Sustainable Agricultural Systems (ISAS 2024) (Lecture Notes in Networks and Systems). Conference proceedings. Cham, Switzerland, 2024. pp. 399–405. (In English).
5. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom / N.A. Berdyaev. The meaning of creativity— Moscow: Pravda, 1989, 607 p. / Philosophy of Freedom. 3–253 p. (In Russian).
6. Coelho P. The Alchemist. Moscow: AST. 1992. 130 p. (In Russian).
7. Solovyov V.S. Faith as the foundation of science // Questions of philosophy. 1994. No. 1. Pp. 113–108. (In Russian).
8. Why did Oppenheimer say, "Now I am Death, the destroyer of worlds," and what did that mean? / Text: electronic. — URL: <https://www.syfy.com/why-oppenheimer-said-now-i-am-death-the-destroyer-of-worlds> (date of reference: 03/04/2025).
9. Saenko N.R., Khrustova V.S. Human existence in conditions of accelerating socio-cultural dynamics // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. — 2014. — № 2–2(40). — Pp. 175–178. (In Russian).

Социокультурные особенности информационного пространства

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России

E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматриваются различные стороны воздействия информационного пространства на социокультурные особенности развития общества. Через анализ различных информационных источников (сеть Интернет, телевидение, радио, печатные СМИ), анализируется контекст воздействия на разных стороны социокультурного потенциала развития общества. Приводятся результаты массового опроса россиян, указывающие на смещение негативного информационного воздействия на социокультурное развитие всего медийного пространства.

Ключевые слова: информационное пространство, социокультурные особенности, медийное пространство, виртуальность, интернет, социальное воздействие.

Информационное пространство – это основа развития современного общества. Оно создает условия для развития человеческого капитала и социальной безопасности, формирует механизмы социального доверия и общего развития. Информационное пространство – это ресурс социокультурного воспроизводства социума. Социокультурные особенности информационного пространства рожают условия и механизмы общественного развития. Это процесс самовосстановления и воспроизводства социокультурных практик и смещения морально-нравственных категорий социальных ориентиров.

Признаки информационного пространства в современных социокультурных условиях:

- технологические особенности подготовки (ТВ, радио, Интернет);
- универсальность социокультурной коммуникации (понятность сообщений);
- разнообразные виды коммуникации (фото и видео, речевые и текстовые);
- упрощение форм взаимодействия (развитие использования смайлов и мемов вместо слов);
- особенности сохранения информации (в интернете ничего не исчезает);
- производство новых смыслов материального, социального и духовного развития (через фото, видео, аудио и текстовой контент).

Социальное пространство (пространство форм и условий), мы вслед за П. Бурдьё [20], будем обозначать как место социального развития социокультурных особенностей информационного пространства (содержательных характеристик информации и знаний, трансформирующихся под влиянием разных условий). Информационное пространство конструируется через информационные потоки (М. Кастельс [24]). Именно они формируют общественное мнение, социальные рамки и нормы, а также способы их нарушения. Оно же транслирует идеологические или религиозные установки и формирует социальные ориентиры приемлемого и неприемлемого поведения.

Более того, конкретные социальные сообщества формируют информационный контекст, информационное поле возможностей и ограничений. Это могут быть: сообщества молодежи, общественные объединения, журналисты, блогеры и проч. Они наполняют информационное пространство важными для себя информационными сообщениями, тем самым определяя его контекст и условия развития.

Социокультурные особенности могут определяться религиозными нормами, морально-этическими стандартами, нравственно-эстетическими ориентирами государства или локальных территорий. Но в любом случае, благодаря им формируется уникальная среда, которая не может повториться ни в одном конце мира.

Социокультурные особенности влияют на самость личности, ее самосознание. Для жителей локальных сообществ или целого государства это выражается в самосознании и самоидентичности. Это формирует контекст отношения «мы-они», «свои-чужие», «иные», «другие», и т.д.

А также на основе социокультурных особенностей информационного потенциала формируется имидж страны, имидж региона, имидж города. Это может стать основой для бренда городской среды, также помогать делать узнаваемым бренд города через его символы (виды, памятники, места), исторические условия и историческую память (воспроизводство прошлого опыта), перспективные ориентиры социальной динамики. Любые информационные образы в медиапространстве становятся основой для настоящего понимания и будущего развития.

Информационное пространство конструирует повседневное пространство жителей, оно формирует символический образ того, на что ориентируются обыватели, что становится важно и дорого, а что обесценивается. Это иррациональные формы восприятия своего прошлого, настоящего и будущего в отношении здоровья и социальной среды (Р.Г. Ардашев [1–7], В.А. Скуденков [36–39]), рынка труда и трудовой мотивации в новых условиях (П.А. Баев [8–17], Д.С. Хаустов [18, 19], Р.В. Иванов [21–23]), которые конструируют представления о значимом и важном как для одного человека, так и для отдельных сообществ, а также всего общества (О.А. Полюшкевич [30–35]). Эти процессы одновременно и спонтанны (так как мобильно реагируют на любые внешние события), и управляемы (так как эти события можно целенаправленно сформировать). Поэтому, информационное пространство обладает рядом характеристик, позволяющих очертить общий формат социального взаимодействия, определяющий векторы настоящего и будущего развития. На данную тему ранее нами [25–29] был проведен ряд исследований, но, безусловно, этого не достаточно, чтобы однозначно очертить основные сферы и формы социального воздействия на социокультурные особенности через информационные потоки.

Особенности исследования

Исследование проводилось через онлайн платформу опросов www.google.com. Оно проходило в виде квотного анкетирования ($n = 1200$), по признаку поля, возраста, региона проживания. В ис-

следовании приняло участие 55% женщин и 45% мужчин, в возрасте от 18 до 65 лет; уровень образования: среднее – 12%, средне специальное – 38%, высшее – 50%. Разные регионы России.

Мы изучали социокультурные особенности информационного пространства через когнитивные, аффективные и поведенческие символы, которые указывали респонденты в процессе исследования. Результаты обрабатывались в программе SPSS и Atlas.ti.

Анализ результатов исследования

Информационные потоки для россиян строятся через сеть Интернет – 52% и ТВ – 38%, все меньше интереса вызывает радио – 10%. В личных сообщениях респонденты доверяют друзьям – 42%, родственникам – 28%, коллегам – 25%, иным – 5%. Сегодня виртуальные цифровые ресурсы передачи информации доминируют над печатными изданиями. Они занимают первые места и в деловой и профессиональной информационной структуре и в личной (на уровне хобби, сплетен и слухов) – 70 и 30% соответственно.

Информационное пространство влияет на повседневную жизнь, по мнению 42% опрошенных, на важные внешние события (социальные, экономические, политические, культурные) – 33%, влияет на мировоззрение и ценности – 28%, на повседневные привычки – 21%, на личные оценки (как сам себя воспринимает человек в сравнении с тем, что он слышит и видит в информационном поле) – 18%. Указные факторы между собой могут пересекаться и каждый раз это формирует уникальное информационное воздействие на человека или сообщество, образуя реальный след социального моделирования жизненных условий и форм социального развития.

Человеческий капитал формируется под влиянием информационных потоков об образовании, здоровье, рынке труда, семье и публичном пространстве) и многих других категориях общественного пространства. Эти общие условия и механизмы формирования человеческого капитала под влиянием информационной среды. Мы развили их идеи, включив в перечень вопросов данные сферы как основную структуру и основные источники человеческого капитала представлены в таблице 1.

Таблица 1. Источники о структуре человеческого капитала представлены (в %)

Составляющие человеческого капитала	Интернет	ТВ	Радио	Печатные СМИ
Образование	45,5	25,4	16,8	12,3
Здоровье	38,8	36,2	8,3	16,7
Рынок труда	46,6	17,8	13,5	22,1

Окончание

Составляющие человеческого капитала	Интернет	ТВ	Радио	Печатные СМИ
Семья	34,8	35,4	4,3	25,5
Публичное пространство	43,4	26,1	6,3	24,2

Из таблицы 1 видно, что воздействие радио на сегодняшний день минимально, далее по минимальному воздействию печатные СМИ, затем ТВ и на первом месте всевозможные Интернет-ресурсы. Полагаем, в будущем это станет основным источником информационного воздействия (из медийных институтов). Хотя влияние других институтов сегодня присутствует, но обозначено какими-то рамками (социально-возрастного для старшего поколения – приоритет телевизионного ресурса информационного воздействия, для людей пожилого возраста – радио является приоритетным, а также для отдельных социально-профессиональных групп (водители любых транспортных средств от такси и водителей автобусов, до машинистов поездов). Печатные СМИ более затратные по сравнению с электронными, поэтому процесс переключения с одних на другие – вопрос времени. Поэтому, данные показатели выступают скорее характеристикой современного среза информационного пространства, наполненного своими рисками, перспективами и особенностями развития.

Оценивая качество и контекст информации, респонденты указывали, что доминируют негативные коннотации во всех источниках информации (табл. 2). Это говорит о том, что системные изменения социокультурного пространства под влиянием информационного пространства они универсальны. Нет более «позитивных» источников, стало быть – это действуют социальные закономерности общественного воспроизводства.

Таблица 2. Оценка контекста информационного потока в аспекте человеческого капитала (в %)

Составляющие человеческого капитала	Положительная	Отрицательная	Нейтральная
Образование	21,2	44,3	34,5
Здоровье	15,6	47,7	36,7
Рынок труда	21,4	66,2	12,4
Семья	16,8	68,8	14,4
Публичное пространство	20,1	67,7	12,2

По мнению россиян, на информационное пространство влияют различные социокультурные нормы (табл. 3).

Таблица 3. Влияние информационного пространства на социокультурные нормы (в %)

	Интернет	ТВ	Радио	Печатные СМИ
Мораль и нравственность	44,4	24,4	9,1	22,1
Религия	37,8	31,2	5,6	25,4
Социальные нормы	35,8	33,1	6,7	24,4
Эстетические нормы	32,3	30,1	17,1	20,5

Как видно в таблице 3, влияние социокультурных норм на информационное пространство, достаточно однозначно, – приоритет отдается Интернету и ТВ. И это воздействие носит также более негативный контекст в аспекте качественного измерения (табл. 4).

Таблица 4. Оценка влияния информационного потока на социокультурные нормы (в %)

Составляющие человеческого капитала	Положительная	Отрицательная	Нейтральная
Мораль и нравственность	34,2	51,6	14,2
Религия	36,7	46,6	16,7
Социальные нормы	25,6	57,2	17,2
Эстетические нормы	22,9	46,7	23,8

Самостность также формируется через информационные потоки. В таблице 5 представлены оценки формирования самостности в современных информационных потоках.

Таблица 5. Самостность в информационных потоках (в %)

	Интернет	ТВ	Радио	Печатные СМИ
Гражданственность	26,7	36,7	15,4	21,2
Патриотизм	29,9	41,1	12,2	16,8
Эгоизм (индивидуализм)	35,8	36,5	14,3	13,4
Коллективизм	22,8	24,5	18,9	33,8

Как видно из таблицы 5, ТВ и Интернет являются основными источниками моделирования этого состояния. В таблице 6 представлена качественная оценка трансформации самостности от информационных потоков разных источников медийного пространства.

Таблица 6. Оценка влияния информационного потока на самость (в %)

Составляющие человеческого капитала	Положительная	Отрицательная	Нейтральная
Гражданственность	51,7	33,8	14,5
Патриотизм	46,8	36,4	16,8
Эгоизм (индивидуализм)	45,0	34,8	20,2
Коллективизм	39,2	37,6	23,2

Благодаря выявленным контекстам, становятся очевидны социальные связи со «своими» и разорванные отношения с «чужими». Это то, что формирует стратегию солидарности и социальной идентичности, развивая рамки и условия возможного развития общественной динамики. В таблице 6 показаны качественные характеристики трансформации сладостности.

Далее представлен общий контекст информационных сообщений о социокультурном контексте современного этапа общественного развития (табл. 7).

Таблица 7. Социокультурный контекст общественного развития (на основе трансперсонального анализа информационных сообщений), в %

	Интернет	ТВ	Радио	Печатные СМИ
Когнитивные	Перспектива (65,4) Развитие (63,2) Ресурс (60,1)	История (56,7) Культура (54,2) Опыт (50,1)	Наследие (54,4) Сила (52,2) Возрождение (50,1)	Утрата (57,6) Разрушение (55,9) Обесценивание (54,4)
Аффективные	Интересная (63,2) Активное (60,1) Масштабный (58,7)	Богатая (54,5) Открытая (52,1) Многовековая (50,5)	Активное (27,6) Могучая (26,3) Позднее (25,5)	Полная (54,3) Тотальное (52,1) Масштабное (50,1)
Деятельностные	Притягивает (62,1) Мобилизует (58,9) Укрепляет (57,7)	Рушится (53,3) Беднеет (51,9) Утрачен (48,7)	Обесценено (34,5) Утрачено (37,7) Обнулено (42,2)	Завершена (53,7) Активировано (50,4) Развивается (48,7)

Как видно из таблицы, на когнитивном уровне самый негативный контекст информационных сообщений приходится на печатные СМИ. Это можно объяснить желанием удержать внимание аудитории через максимально негативный контекст публикаций. На аффективном уровне не так все однозначно, т.е. эмоциональные оценки в негативном контексте чаще звучат в сети Интернет, ТВ и печатных СМИ (по убывающей), а на радио присутствуют минимально.

В деятельности ключевые однозначно позитивные контексты встречаются в сети Интернет, в остальных информационных потоках нейтрально-негативные контексты публикаций.

Это позволяет говорить о том, что информационные потоки направлены скорее на деструктивные составляющие социокультурного потенциала. При том, что имеются позитивные образы, они обесцениваются высоким уровнем пессимистического контекста, который разрушает социальное взаимодействие и воспроизводство.

Выводы

Таким образом, социокультурные особенности информационного пространства конструируются под влиянием новых условий виртуализации мира (интернет все больше занимает места и значимости в медийном поле). Информационное пространство становится частью повседневной жизни многих россиян. Социокультурные контексты создают особые ментальные пространства развития социальных связей жителей страны.

Социальный и человеческий капитал тесно включены в информационное поле регионов и помогают жителям найти «своих» и выявить «чужих». Это динамика социальных отношений, определяющая контекст формального развития и перспектив нового опыта регулирования социального взаимодействия.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональные стратегии оценки здоровья в условиях неопределенности // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы V Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 133–135.
2. Ардашев Р.Г. Мнительность в отношении здоровья: последствия COVID-19 // Инновационные технологии в фармации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию образования фармацевтического факультета ИГМУ. Под общей редакцией Е.Г. Приваловой; Министерство здравоохранения Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет». Иркутск, 2021. С. 420–423.
3. Ардашев Р.Г. Мнительность в период пандемии: парадоксы сознания в отношении здоровья // Социальная динамика населения и устойчивое развитие. сборник тезисов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2021. С. 114–116.

4. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 141–144.
5. Ардашев Р.Г. Социальное здоровье молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 57–61.
6. Ардашев Р.Г. Социальное здоровье населения в условиях неопределённости // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 84–86.
7. Ардашев Р.Г. Субъективное переживание последствий пандемии: особенности сознания и здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 100–103.
8. Баев П.А. Виртуализация и цифровизация профессий и труда // Социология. 2024. № 9. С. 159–163.
9. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
10. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
11. Баев П.А. Парадоксы трудовых ценностей современной молодежи // Социология. 2024. № 10. С. 63–67.
12. Баев П.А. Трудовые ориентиры молодежи в условиях неопределенности // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Донецк, 2024. С. 226–232.
13. Баев П.А. Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации // Социология. 2024. № 7. С. 37–42.
14. Баев П.А. Трудовые ценности разных поколений // Социология. 2024. № 8. С. 82–86.
15. Баев П.А. Экономические притязания молодежи в условиях отсутствия социального благополучия // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 188–191.
16. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
17. Баев П.А. Экспертная оценка трудовой мотивации молодежи в цифровом мире // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 241–244.
18. Баев П.А., Хаустов Д.С. Жизнь в долг: моральные установки россиян // Социология. 2023. № 6. С. 94–100.
19. Баев П.А., Хаустов Д.С. Материальные притязания и финансовые идолы современных студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2023. С. 352–355.
20. Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдые; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
21. Иванов Р.В. Виртуализация социальной поддержки населения в России // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 188–191.
22. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161–165.
23. Иванов Р.В. Роль цифрового пространства в профессиональной реализации человека // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 74–75.
24. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
25. Маслодудова Н.В. Влияние информационного общества на социальные отношения // Социология. 2022. № 6. С. 74–82.
26. Маслодудова Н.В. Изменяющаяся социальная реальность и новая мировоззренческая концепция // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты. Материалы международного научно-практического семинара. Отв. редактор Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2023. С. 117–121.
27. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.

28. Маслодудова Н.В. Оценка реализации государственной программы «Информационное общество» глазами работающей молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 39–45.
29. Маслодудова Н.В. Эффективность реализации государственной программы «информационное общество»: экспертная оценка // Социология. 2025. № 2.
30. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 7.
31. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 420–422.
32. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
33. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 159–163.
34. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 343–345.
35. Полюшкевич О.А. Социальные коммуникации и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 41–44.
36. Скуденков В.А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.
37. Скуденков В.А. Социальные условия взаимодействия здоровья и эмоций в социально-психологической практике // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2018. С. 74–80.
38. Скуденков В.А. Социологический подход к эмоциям и здоровью человека в период экономических санкций // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 17–22.
39. Скуденков В.А. Социопсихология здоровья в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 64–69.

SOCIOCULTURAL FEATURES OF THE INFORMATION SPACE

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses various aspects of the impact of the information space on the sociocultural features of the development of society. Through the analysis of various information sources (Internet, television, radio, print media), the context of influence on different sides of the sociocultural potential of society is analyzed. The results of a massive survey of Russians are given, indicating the displacement of the negative information impact on the sociocultural development of the entire media space.

Keywords: information space, sociocultural features, media space, virtuality, Internet, social influence.

References

1. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the context of virtualization // Humanitarian and ecological resources of Lake Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among young people. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, 2021. Pp. 141–144.
2. Ardashev R.G. Irrational strategies for assessing health in conditions of uncertainty // Social dynamics of the population and human potential. Proceedings of the V International scientific and practical conference. Moscow, 2023. Pp. 133–135.
3. Ardashev R.G. Social health of the population in conditions of uncertainty // Social dynamics of the population and human potential. Proceedings of the VI International scientific and practical conference. Moscow, 2024. Pp. 84–86.
4. Ardashev R.G. Social health of young people // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the IX international scientific and practical Internet conference. Vologda, 2024. Pp. 57–61.
5. Ardashev R.G. Subjective experience of the consequences of a pandemic: features of consciousness and health // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. Pp. 100–103.
6. Ardashev R.G. Suspiciousness during a pandemic: paradoxes of consciousness in relation to health // Social dynamics of the population and sustainable development. collection of abstracts of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2021. Pp. 114–116.
7. Ardashev R.G. Suspiciousness in relation to health: consequences of COVID-19 // Innovative technologies in pharmacy. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 80th anniversary of the foundation of the pharmaceutical faculty of Irkutsk State Medical University. General editorship of E.G. Privalova; Ministry of Health of the Russian Federation; Irkutsk State Medical University. Irkutsk, 2021. Pp. 420–423.
8. Baev P.A. Labor guidelines of young people in conditions of uncertainty // Personal and situational determinants of human behavior and activity. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Donetsk, 2024. P. 226–232.

9. Baev P.A. Labor values and guidelines of regional youth in the context of digitalization // *Sociology*. 2024. No. 7. P. 37–42.
10. Baev P.A. Labor values of different generations // *Sociology*. 2024. No. 8. P. 82–86.
11. Baev P.A. Paradoxes of labor values of modern youth // *Sociology*. 2024. No. 10. P. 63–67.
12. Baev P.A. Economic aspirations of young people in the absence of social well-being // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the IX international scientific and practical Internet conference*. Vologda, 2024. Pp. 188–191.
13. Baev P.A. Economic well-being of ideological attitudes of young people // *Sociology*. 2024. No. 2. Pp. 57–64.
14. Baev P.A. Expert assessment of youth work motivation in the digital world // *Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third international scientific and practical conference*. Irkutsk, 2024. Pp. 241–244.
15. Baev P.A. Life crisis or new opportunities: the impact of socio-economic transformations on young people // *Sociology*. 2024. No. 11. Pp. 27–31.
16. Baev P.A. Life crisis or new opportunities: the impact of socio-economic transformations on young people // *Sociology*. 2024. No. 11. P. 27–31.
17. Baev P.A. Virtualization and digitalization of professions and labor // *Sociology*. 2024. No. 9. Pp. 159–163.
18. Baev P.A., Khaustov D.S. Life on credit: moral attitudes of Russians // *Sociology*. 2023. No. 6. P. 94–100.
19. Baev P.A., Khaustov D.S. Material aspirations and financial idols of modern students // *Science and higher education in the 21st century: space of possibilities and vectors of development. Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference*. Irkutsk, 2023. P. 352–355.
20. Bourdieu P. *Sociology of politics*: trans. from French / P. Bourdieu; compiled, general editorship and foreword by N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos, 1993. 336 p.
21. Castells M. *Information Age: Economy, Society and Culture*: trans. from English / M. Castells; trans. from English under scientific ed. O.I. Shkaratan. Moscow: HSE, 2000. 608 p.
22. Ivanov R.V. The role of digital space in the professional development of a person // *Philosophy and culture of the information society. Eighth international scientific and practical conference*. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020. Pp. 74–75.
23. Ivanov R.V. Virtual interaction: truth and falsity // *Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International scientific and practical conference*. Grozny – Makhachkala, 2020. Pp. 161–165.
24. Ivanov R.V. Virtualization of social support for the population in Russia // *Social reality of virtual space. Proceedings of the III International scientific and practical conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. Pp. 188–191.
25. Maslodudova N.V. Assessment of the implementation of the state program "Information Society" through the eyes of working youth // *Sociology*. 2025. No. 1. P. 39–45.
26. Maslodudova N.V. Changing Social Reality and a New World-view Concept // *Counteracting the Drug Threat at the Present Stage: Legal and Social-Humanitarian Aspects. Proceedings of the International Scientific and Practical Seminar*. Editor-in-Chief N.N. Tsukanov. Krasnoyarsk, 2023. Pp. 117–121.
27. Maslodudova N.V. Effectiveness of the implementation of the state program "Information Society": expert assessment // *Sociology*. 2025. No. 2.
28. Maslodudova N.V. Information Space of the Modern World // *Sociology*. 2023. No. 6. P. 27–34.
29. Maslodudova N.V. The Impact of the Information Society on Social Relations // *Sociology*. 2022. No. 6. Pp. 74–82.
30. Polyushkevich O.A. Social communications and prosocial practices in the digital world // *Social reality of virtual space. Proceedings of the V International scientific and practical conference*. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. P. 41–44.
31. Polyushkevich O.A. Social modeling with information and analytical data: truth in the flow or the result? // *In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. P. 343–345.
32. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference*. Irkutsk, 2024. Pp. 28–31.
33. Polyushkevich O.A. Social security of society in the implementation of pro-social practices // *Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference*. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 159–163.
34. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in the digital age // *Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Vologda, 2021. Pp. 420–422.
35. Polyushkevich O.A. Truth is modeled // *In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference*. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. P. 7.
36. Skudunkov V.A. Features of the social framework of mental health // *Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. FSBEI HE Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation*. Irkutsk, 2020. P. 39–43.
37. Skudunkov V.A. Social conditions of interaction between health and emotions in socio-psychological practice // *Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers*. Irkutsk, 2018. P. 74–80.
38. Skudunkov V.A. Sociological approach to emotions and human health during the period of economic sanctions // *Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers*. Irkutsk, 2017. P. 17–22.
39. Skudunkov V.A. Sociopsychology of health in a pandemic // *Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers*. Irkutsk, 2021. P. 64–69.

Низкий уровень адаптации детей мигрантов из стран Центральной Азии в общеобразовательных учреждениях города Москвы

Намакинов Тоши Мискинович,

аспирант, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: namakinov@bk.ru

В современных условиях, характеризующихся ухудшением геополитической обстановки, военными, социально-экономическими и экологическими кризисами, растет количество мигрантов. В связи с чем проблемы адаптации детей мигрантов в современном глобализованном мире приобретают актуальность. Российская Федерация, находясь на перекрестке различных культур и цивилизаций, также активно вовлечена в этот процесс.

Стремительная трансформация общественных структур создает новые вызовы для адаптационных механизмов личности. Индивиды, оказавшиеся в новой социокультурной среде, сталкиваются с необходимостью быстрого освоения незнакомых поведенческих паттернов и ценностных ориентиров.

Особенно остро проблематика социальной адаптации проявляется при обучении детей мигрантов из стран Средней Азии в общеобразовательных учреждениях. Миграционная динамика формирует новые социальные реальности, требующие инновационных подходов к организации межкультурного диалога и системной поддержки детей мигрантов.

Разработка эффективных механизмов адаптации детей мигрантов из стран Средней Азии в общеобразовательных учреждениях становится одной из приоритетных задач современной социальной политики, требующей междисциплинарных исследований и комплексных решений.

Цель статьи – охарактеризовать проблему низкого уровня адаптации детей мигрантов из стран Средней Азии в общеобразовательных учреждениях города Москвы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что анализ проблемной ситуации в контексте низкого уровня адаптации детей мигрантов из стран Средней Азии в общеобразовательных учреждениях города Москвы позволит разработать необходимые направления для повышения уровня адаптации детей мигрантов.

Ключевые слова: дети мигрантов, страны Центральной Азии, адаптация, общеобразовательные учреждения, город Москва.

Введение

Современное общество сталкивается с серьезными вызовами в сфере образования детей из семей, прибывших из-за рубежа. Особую актуальность приобретает проблема недостаточной адаптации учащихся из центральноазиатского региона в российские школы и другие образовательные учреждения.

Дети мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и других стран Центральной Азии испытывают значительные трудности при вхождении в новую образовательную среду. Языковой барьер становится первым и наиболее очевидным препятствием для их успешной социализации. Несмотря на существующие программы поддержки, уровень адаптации таких детей остается критически низким [1].

Культурные различия усугубляют ситуацию, создавая дополнительные сложности в коммуникации как с педагогами, так и с одноклассниками. Образовательные учреждения зачастую не имеют достаточных ресурсов и методик для эффективной работы с многонациональным контингентом учащихся, что приводит к формированию замкнутых этнических групп внутри школ.

Недостаточная интегрированность детей из семей мигрантов в образовательное пространство влечет за собой долгосрочные негативные последствия для всего общества. Необходима комплексная стратегия по созданию инклюзивной образовательной среды, учитывающей потребности всех учащихся независимо от их этнического происхождения.

Материалы и методы исследования

Адаптационные процессы детей-мигрантов среднеазиатского происхождения в школьной среде стали объектом исследования данной статьи, для которого были изучены как концептуальные методологии, так и прикладные методики. Также тщательно была проработана научная литература с целью формирования комплексного представления о существующих эффективных стратегиях адаптации в современном контексте.

Результаты и обсуждение

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на различные сферы общественной жизни принимающей стороны, и система образования

не исключение. Более того, именно с помощью образования происходит социально-культурная адаптация и социализация иностранных мигрантов, их интеграция в новую жизненную среду. Российские образовательные учреждения всех уровней сталкиваются с необходимостью адаптировать и обучать детей мигрантов. Это следствие того, что многие иностранцы стремятся прибыть в Россию ради шанса получить качественное образование, которое впоследствии открывает путь к хорошему трудоустройству.

Большинство школьных классов в Москве имеют смешанный этнический состав. Особенно большая концентрация приезжих с детьми в Южном, Юго-Восточном, Восточном и Северо-Восточном административных округах. Здесь 16% детей в классах являются представителями других национальностей [2].

Дети из семей мигрантов часто проявляют пассивность в обучении и низкую инициативность. Это результат комплекса проблем, с которыми они сталкиваются в новой стране. Разлука с привычным окружением и друзьями может вызывать тревожность, заниженную самооценку, агрессию и отторжение незнакомых социокультурных норм.

Социологические исследования показывают, что среди основных сложностей, с которыми сталкиваются такие дети в непривычных и порой неблагоприятных условиях, выделяются следующие сложности, отраженные на рис. 1.

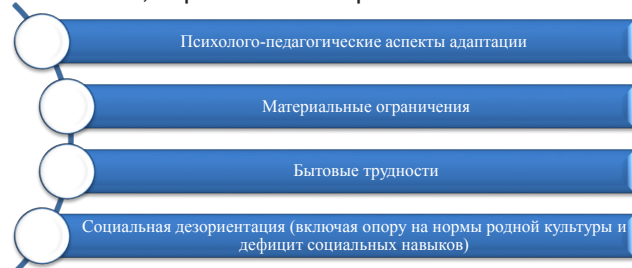

Рис. 1. Сложности адаптации детей мигрантов

Хотя недостаточное владение русским языком остаётся главным барьером, именно совокупность «взрослых» проблем создаёт наибольшие препятствия для нормальной интеграции и развития этих детей в новой среде.

Дети мигрантов, оказавшись в новой среде, сталкиваются с серьезными препятствиями в доступе к социальным благам. Особенно остро встает вопрос образования. Для успешной интеграции в незнакомое общество им приходится в сжатые сроки практически с чистого листа изучать иностранный язык и адаптироваться к непривычной системе культурных и моральных ориентиров.

Одними из первых с трудностями в процессе адаптации детей мигрантов в школе сталкиваются педагоги. Им предстоит снизить уровень тревожности и страхов, повысить учебную мотивацию, сформировать у ребенка из семьи мигрантов коммуникативные умения и навыки, релевантные принимающей среде [3].

Основные проблемы адаптации детей мигрантов из стран Средней Азии в общеобразовательных учреждениях представлены на рис. 2.

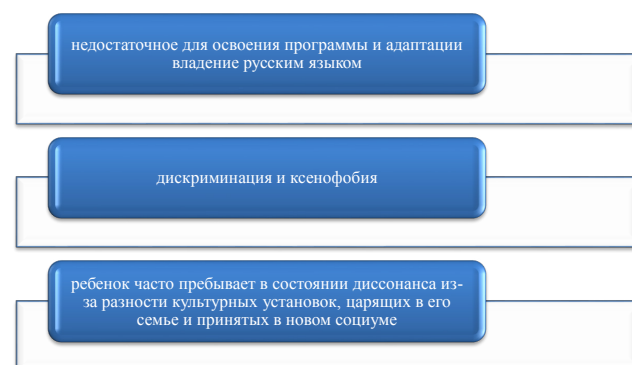

Рис. 2. Основные проблемы адаптации детей мигрантов из стран Средней Азии в общеобразовательных учреждениях

С точки зрения социальной педагогики первой проблемой, возникающей на этом пути, становится обучение детей мигрантов русскому языку. Исследования показывают, что подавляющее большинство (свыше 80%) подростков из семей мигрантов, где русский язык не служит основным языком коммуникации, осознают критическую важность его освоения для своего будущего. Дети и внуки мигрантов практически не владеют русским языком, хотя демонстрируют значительную заинтересованность в его изучении. Это контрастирует с ситуацией среди представителей старшего поколения иммигрантов, которые довольно хорошо владеют разговорным русским благодаря образованию, полученному еще в период СССР.

Семья играет ключевую роль в овладении русским языком. Однако родители в семьях мигрантов зачастую избегают русской речи в общении с детьми, что формирует традиционную проблему. Когда ребенок плохо владеет русским языком, это создает преграды в образовании, в частности, лишает возможности готовиться к школе в специальных группах. Процесс языковой интеграции начинается уже на начальном этапе обучения. Проживание семей мигрантов в изоляции от русскоязычного населения и слабое знание языка самими родителями становятся дополнительными препятствиями для успешной языковой адаптации детей [4].

Овладение разговорным русским языком происходит у детей лишь поверхностно в первый год обучения. Письменная речь остаётся наиболее трудной задачей для них. Без развития навыков письма дети мигрантов не смогут окончить школу, что лишает их надежды на успешное будущее. Этот факт подчёркивает ключевую значимость языковых компетенций в адаптации семей к новой социально-культурной среде.

В современных образовательных учреждениях наблюдается нетерпимость по отношению к учащимся-мигрантам, что представляет собой

комплексную проблему, требующую системного решения.

Педагогический состав часто сталкивается с серьезными трудностями при формировании инклюзивной атмосферы в классе. Хотя преподаватели обычно реагируют на явные проявления агрессии в отношении детей мигрантов, многие из них испытывают методологический дефицит при выстраивании конструктивного диалога о принятии разнообразия.

Вопросы ксенофобии и дискриминации образуют второй существенный барьер в образовательном процессе. Недостаточная подготовленность учителей в области межкультурной коммуникации приводит к тому, что попытки пресечь негативное поведение не сопровождаются эффективными воспитательными мерами по формированию толерантного мировоззрения у школьников [5].

Для преодоления этой проблемы необходимо внедрение специализированных программ повышения квалификации для педагогов, а также разработка методических материалов по воспитанию культуры принятия различий среди учащихся с самого раннего возраста.

Одним из наиболее значимых вызовов в процессе их интеграции является внутренний конфликт между семейными традициями и нормами принимающего общества.

Исследования показывают, что ребенок, воспитывающийся в семье иммигрантов, ежедневно испытывает культурный диссонанс, пытаясь совместить противоречивые ценностные системы. С одной стороны – домашняя среда с устоявшимися обычаями родной культуры, с другой – новый социум с иными поведенческими моделями и ожиданиями [6].

Данная проблема приобретает особую остроту в семьях, прибывших из традиционных регионов Центральной Азии с низким уровнем модернизации. В таких случаях разрыв между домашними установками и общественными нормами принимающей страны может быть настолько значительным, что вызывает у детей сильное внутреннее напряжение и дезориентацию. Социологи отмечают, что именно этот контраст мировоззрений становится источником психологического стресса, влияющего на успешность интеграции и академические результаты.

Решение этой сложной задачи требует комплексного подхода с участием образовательных учреждений, психологических служб и культурных центров, способных помочь молодому поколению мигрантов построить гармоничную идентичность на пересечении различных культурных традиций.

В условиях современных обстоятельств столичный регион активно формирует соответствующую стратегию по вопросам миграции. Стоит подчеркнуть, что значительное число переселенцев отвергает идею культурной интеграции. Их подход характеризуется демонстративным выделением собственной этнической принадлежности, обосо-

бленным проживанием и использованием родного языка в общественных местах. Сложно предвидеть, насколько терпимо коренные жители Москвы будут относиться к мигрантам в обозримом будущем. Тем не менее, отсутствие целенаправленных действий в отношении молодого поколения может осложнить ситуацию, что требует разработки эффективных мер со стороны Москвы.

В перспективе Москва рискует стать площадкой для формирования изолированных этнических анклавов, подобных тем, что существуют в городах Западной Европы, если сохранится текущее отношение к миграционным процессам. Поэтому важно переориентировать миграционную стратегию на создание эффективных механизмов, способствующих полноценному включению приезжих иных национальностей в социокультурное пространство России [7].

Сегодня практически каждая московская школа испытывает трудности в обучении и адаптации школьников – мигрантов. Следует признать, что сложившаяся система образования пока еще не может эффективно работать с приезжими детьми. Причин для этого достаточно: слабая подготовка учителей как в плане навыков обучения, так и в плане опыта работы с такими учениками, недоброжелательное, а порой и враждебное отношение сверстников одноклассников, настороженное, нелояльное обращение школьной администрации к детям мигрантам и их родителям. Дети мигрантов, попадая в неблагоприятную школьную среду с самого начала обучения, сталкиваются с культурным разделением. Возникающая дихотомия «свои-чужие» способствует их отчуждению от принимающего общества. Не желая приспосабливаться к новым социокультурным реалиям, они замыкаются в рамках собственных традиций. Такая ранняя изоляция практически гарантирует им будущие жизненные трудности. В результате формируется благодатная почва для развития межнациональной розни, сегрегации и конфликтов на этнической почве.

По большому счету образование детей мигрантов и их социальная адаптация выгодны в первую очередь государству, которое желает в будущем получить качественную рабочую силу, решить демографическую проблему и иметь лояльных граждан.

Интеграция юных представителей разных культур в образовательное пространство представляет собой не просто гуманитарную миссию, но и прагматичный шаг для развития государства. Привлечение квалифицированных кадров и решение демографических вызовов напрямую связаны с успешной социализацией детей из семей мигрантов. Государство, инвестируя в образование таких детей сегодня, завтра получает лояльных граждан и профессиональных работников, способных внести существенный вклад в экономику страны [8].

Современный рынок труда предъявляет высокие требования к компетенциям специалистов независимо от их происхождения. Отсутствие полноценного образования становится непреодолимым барьером для социальной мобильности, лишая возможности получить престижную работу и достойный статус в обществе. Законченное среднее образование выступает необходимым пропуском в мир высших учебных заведений и профессионального роста.

Фундаментом для успешной интеграции и самореализации служит именно школьное образование. Оно не только обеспечивает необходимыми знаниями, но и формирует мировоззрение, открытое к культурному многообразию. Школа становится тем универсальным пространством, где дети независимо от этнической принадлежности учатся принимать многоликий мир во всем его разнообразии. Однако, для того, чтобы повысить эффективность адаптации детей мигрантов, необходимо анализировать сам процесс социальной адаптации. Некоторые подходы к методологии анализа процесса социальной адаптации детей мигрантов отражены на рис. 3.

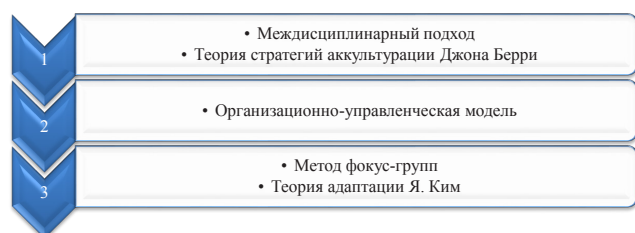

Рис. 3. Некоторые подходы к методологии анализа процесса социальной адаптации детей мигрантов

Комплексный междисциплинарный анализ открывает возможности для изучения взаимодействия между детьми из семей мигрантов и представителями местного населения. Он позволяет исследовать поведенческие модели детей мигрантов в новой социокультурной среде через призму этнокультурных и религиозных факторов, а также предсказать их потенциальные адаптационные стратегии [9].

В контексте адаптации мигрантов особую ценность представляет концепция аккультурационных стратегий, разработанная Берри. Выбор мигрантом определенной стратегии – будь то интеграция, ассимиляция, маргинализация или сепарация – существенно влияет на эффективность его социокультурной адаптации. Этот выбор формируется под влиянием коммуникативного опыта с принимающим обществом и ближайшим социальным окружением.

Процесс социокультурной адаптации, согласно концепции Я. Ким, существенно зависит от общения с коренными жителями принимающей страны. В модели организационного управления выделяются последовательные стадии: сначала формальный этап, включающий сбор первоначальной информации через интервью, наблюдения

и специальные методики для оценки уровня интеграции. Для понимания специфических сложностей адаптации детей мигрантов и определения их социализационных приоритетов эффективно применение метода фокус-групп, который также помогает выявить долгосрочные перспективы их интеграции в новую среду.

Исследование адаптации детей мигрантов предполагает изучение содержания компонентов данного процесса: учебных, социально-психологических, а также культурных. Помимо всего прочего важны и социально-демографические сведения [10].

Эффективная адаптация должна осуществляться на базе разнообразных учреждений – образовательных организаций, специализированных центров адаптации и интеграционных служб. Важно создать экосистему поддержки, включающую профессиональных педагогов, прошедших специальную подготовку по работе с детьми-мигрантами, а также привлечь волонтеров, которые могут обеспечить дополнительную поддержку и связь с местным сообществом.

Выводы

В традиционной школьной практике реакция педагогов на проблемы детей с миграционным опытом может быть различной. Многие испытывают определенные трудности.

Эффективная работа педагогов с учащимися из семей мигрантов требует комплексного подхода. Понимание культурных традиций и насущных проблем мигрантов создает фундамент для развития толерантности. Недостаточно лишь совершенствовать предметные компетенции и осваивать инновационные методики преподавания – необходимо глубокое погружение в особенности менталитета и быта переселенцев для формирования по-настоящему инклюзивной образовательной среды [11].

Литература

1. Железнякова Е.А. Дети мигрантов в современной российской школе: пути языковой адаптации / Е.А. Железнякова // Известия Пензенского государственного университета. 2022. № 28. С. 774–778.
2. Миграционная статистика России [Электронный ресурс]. – URL: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika>.
3. Антонюк Т.В. Работа с мигрантами как направление социальной работы / Т.В. Антонюк. // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VIII междунаро. науч.-практ. конф. [Электронное издание]. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ» – М.: Изд-во «Перо», 2019. – С. 127–133.

4. Зинченко Е. Ю., Хазов Е.Н., Евсеева И.Г. Положение детей-мигрантов в Российской Федерации // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-detey-migrantov-v-rossiyskoy-federatsii>.
5. Тугаров, А.Б. Воспитание как проблема социальной превенции: философско-методологический аспект / А.Б. Тугаров, Э.А. Шевцова // Педагогический институт им. В.Г. Белинского: традиции и инновации: сб. ст. науч. конф., посвящ. 78-летию Педагогического института им. В.Г. Белинского Пенз. гос. ун-та (г. Пенза, 19 декабря 2021 г.) / под общ. ред. О.П. Суриной. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. С. 225–228.
6. До 60% детей в младших классах Москвы плохо говорят по-русски [Электронный ресурс]. – URL: <https://russoprot.livejournal.com/34605.html>
7. Тугаров, А.Б. Философия солидарности как методология социальной работы с мигрантами / А.Б. Тугаров, Т.А. Николаева, М.С. Усова // E-Scio [Электронный ресурс]: Электронное периодическое издание «E-Scio.ru» – Эл № ФС77–66730 – Режим доступа: <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2018/04/Тугаров-А.-Б.-Николаева-Т.-А.-Усова-М.-С..pdf> – Загл. с экрана.
8. Ханбекян, Д.С. Социальная работа с молодыми мигрантами, прибывшими в Российскую Федерацию / Д.С. Ханбекян. // Молодёжь. Инициатива. Развитие: сб. мат-лов II регионального форума / отв. ред. А.М. Олешкова. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2020. – С. 176–180.
9. Юдина, Т.Н. Социальная работа с мигрантами и беженцами в предметном поле социологии: постановка проблемы / Т.Н. Юдина, Е.Ю. Киреев. // Социальная политика и социология. 2018. Т. 15. № 5 (118). С. 166–173.
10. Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 94–101.
11. Зборовский Е., Шуклина Е.А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 80–91.

LOW LEVEL OF ADAPTATION OF CHILDREN OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE CITY OF MOSCOW

Namakinov T.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In modern conditions, characterized by the deterioration of the geopolitical situation, military, socio-economic and environmental crises, the number of migrants is growing. In this regard, the problems of adaptation of migrant children in the modern globalized world are becoming relevant. The Russian Federation, being at the crossroads of various cultures and civilizations, is also actively involved in this process. The rapid transformation of social structures creates new challenges for the adaptation mechanisms of the individual. Individuals who

find themselves in a new socio-cultural environment are faced with the need to quickly master unfamiliar behavioral patterns and value orientations.

The problem of social adaptation is especially acute when teaching children of migrants from Central Asian countries in general education institutions. Migration dynamics are forming new social realities that require innovative approaches to organizing intercultural dialogue and systemic support for migrant children. The development of effective mechanisms for the adaptation of children of migrants from Central Asian countries in general education institutions is becoming one of the priority tasks of modern social policy, requiring interdisciplinary research and comprehensive solutions.

The purpose of the article is to characterize the problem of the low level of adaptation of children of migrants from Central Asian countries in general education institutions of Moscow.

The practical significance of the study is that the analysis of the problem situation in the context of the low level of adaptation of children of migrants from Central Asian countries in general education institutions of Moscow will allow developing the necessary directions for increasing the level of adaptation of children of migrants.

Keywords: children of migrants, Central Asian countries, adaptation, general education institutions, Moscow.

References

1. Zheleznyakova E.A. Children of migrants in a modern Russian school: ways of language adaptation / E.A. Zheleznyakova // Bulletin of the Penza State University. 2022. No. 28. Pp. 774–778.
2. Migration statistics of Russia [Electronic resource]. – URL: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika>.
3. Antonyuk T.V. Working with migrants as a direction of social work / T.V. Antonyuk. // Social work in the modern world: interaction of science, education and practice: materials of the VIII international. scientific and practical. conf. [Electronic publication]. Belgorod: ID “Belgorod” National Research University “BelSU” – M.: Publishing house “Pero”, 2019. – Pp. 127–133.
4. Zinchenko E. Yu., Khazov E.N., Evseeva I.G. The situation of migrant children in the Russian Federation // Psychology and pedagogy of service activity. 2020. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-detey-migrantov-v-rossiyskoy-federatsii>.
5. Tugarov A.B. Education as a problem of social prevention: philosophical and methodological aspect / A.B. Tugarov, E.A. Shevtsova // Pedagogical Institute named after V.G. Belinsky: traditions and innovations: collection of articles of scientific conf., dedicated to the 78th anniversary of the Pedagogical Institute named after V.G. Belinsky of Penza State University (Penza, December 19, 2021) / under the general. ed. O.P. Surina. – Penza: PSU Publishing House, 2021. – Pp. 225–228.
6. Up to 60% of children in elementary grades in Moscow speak Russian poorly [Electronic resource]. – URL: <https://russoprot.livejournal.com/34605.html>
7. Tugarov, A.B. Philosophy of solidarity as a methodology of social work with migrants / A.B. Tugarov, T.A. Nikolaeva, M.S. Usova // E-Scio [Electronic resource]: Electronic periodical publication “E-Scio.ru” – El No. FS77–66730 – Access mode: <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2018/04/Тугаров-А.-Б.-Николаева-Т.-А.-Усова-М.-С..pdf> – Title from the screen.
8. Khanbekyan, D.S. Social work with young migrants who arrived in the Russian Federation / D.S. Khanbekyan. // Youth. Initiative. Development: collection of papers. Proceedings of the II Regional Forum / Ed. A.M. Oleshkova. – Irkutsk: IrSU Publishing House, 2020. – pp. 176–180.
9. Yudina, TN Social work with migrants and refugees in the subject field of sociology: problem statement / TN Yudina, EY Kireev. // Social policy and sociology. 2018. Vol. 15. No. 5 (118). pp. 166–173.
10. Makarov A. Ya. Features of ethnocultural adaptation of migrant children in Moscow schools // Sociological research. 2020. No. 8. pp. 94–101.
11. Zborovsky E., Shuklina EA Education of migrant children as a problem of their social adaptation // Sociological research. 2023. No. 2. P. 80–91.

Ключевые трансформационные процессы современного российского общества: социокультурный аспект

Карпова Светлана Геннадьевна,

к.с.н., ведущий научный сотрудник, Институт социологии
ФНИСЦ РАН
E-mail: Svetlran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович,

научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: sv_79@inbox.ru

Статья посвящена осмыслению ряда ключевых, с авторской точки зрения, трансформационных процессов, происходящих в социокультурной и детерминирующей ее социетальной сферах современного российского общества. Актуальность тематики обусловлена устойчивой тенденцией перманентной перестройки общественных институтов, распространенных в социуме культурных практик, базовых ценностей и др. что в совокупности формирует неоднозначный вектор его развития. Данные процессы оказывают определяющее воздействие на коллективное сознание, алгоритмы общественного развития, а также влияют на способность социума адекватно реагировать на внутренние и глобальные вызовы современной социальной реальности. В статье отражены статистические данные (ВЦИОМ, ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) позволяющие выявить ряд значимых факторов, трансформирующих социальную реальность и формирующих современную социокультурную динамику. Вопросы трансформаций современного российского общества в социокультурной сфере актуализированы как в нормативных государственных документах, отвечающих за национальную безопасность страны, так и в сфере современных социально научных исследований. Отмечается важность изучения данной проблематики.

Ключевые слова: социокультурная трансформация, модернизация, идентичность, либеральные реформы, традиция, инновации, патернализм, культура, институты, институциональные преобразования.

Введение

Неотъемлемой частью «природы» новой социальной реальности России стали трансформационные процессы или «...радикальные структурные перемены в обществе» [3], детерминирующие эволюцию или инволюцию современного социума по ключевым социетальным сферам развития. Любые трансформации по своей сути это всегда «...процессы изменения социальной системы, которые характеризуются качественными изменениями системообразующих элементов, многовекторностью и высоким темпом их реализации, а также повышенным влиянием субъективных факторов» [8, с. 172]. Общественные преобразования и, как следствие, активные бифуркационные процессы, охватившие широкий временной континуум новейшей истории России 90-х – рубежа XX–XXI веков и по настоящее время, пролонгированы в краткосрочной среднесрочной и долгосрочной перспективах ее развития.

Общий синергетический эффект, накопленный от последствий перманентных трансформаций, спровоцировал развитие трудно управляемой и во многом «не предсказуемой» социальной реальности, где состояние лабильности, изменчивости породило подвижность во внутренних процессах и структурах современного российского общества. *Устоявшиеся социально-экономические, духовно-нравственные механизмы и социальные институты претерпевают существенные изменения, вызывая напряжённость между модернизационными тенденциями и традиционным укладом в социуме.* Общество фактически оказалось в «переходном» периоде и перед насущной необходимостью создания более модернизированной общественной системы, подразумевающей преодоление прошлого опыта в угоду новым перспективам.

Подобные направления «внутренней перестройки» оказали воздействие на весь социетальный и, что немаловажно, социокультурный план общества и его коллективное сознание в целом. Это проявилось в возникновении новых общественных институтов, культурных практик, социальных взаимодействий, духовно-нравственных ценностей и др., формирующих неоднозначный вектор развития социума. *Речь идет об определяющем воздействии трансформаций на глубинные процессы безопасности общества и, как уже было отмечено выше, «...системообразующие общественные ин-*

ституты, такие как наука, образование, вера, семья, мораль и др., которые отвечают за духовно-нравственную целостность общества, его крепость, культурно-историческую преемственность и сформированные через систему данных институтов легитимные ценности и положительный исторический опыт» [6, с. 165]. Следовательно, затрагивается способность социума адекватно реагировать на вызовы современности. Трансформируются и базовые алгоритмы общественного развития поскольку «...ценностные и духовно-нравственные установки, мотивации и диспозиции социума являются основой как конструирования людьми самой социальной реальности, так и формирования направления её развития» [6, с. 165] и их изменения всегда чреватые для социума.

У органов государственной власти и научного сообщества России есть понимание значимости изучения данного феномена, а также важности управления им. В соответствии с чем, во избежание выхода трансформационных процессов из-под контроля *данная проблематика актуализируется как на правовом, так и научном уровнях.*

Правовой уровень, или необходимость отражения и законодательного регулирования социальной реальности, наполненной трансформационными процессами, вызовами и рисками, нормативно закреплён в третьей редакции Стратегии национальной безопасности РФ от 02 июля 2021 года № 400. Именно эта редакция Стратегии с учетом современных трансформаций и угроз, отраженных в перечне основных девяти приоритетов национальной безопасности, определила новый этап реализации государственной политики на третье десятилетие XXI века. Социокультурный аспект ключевых трансформационных процессов вошёл в следующие приоритеты: информационная безопасность, развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти и др. При этом сам феномен актуализирован и в остальных стратегических приоритетах. В условиях проводимой Россией СВО управление трансформациями в данной сфере актуализировано в последней редакции 2024 года Доктрины военной РФ, а также Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. от 31.12.2015 № 683 и Стратегии научно-технологического развития РФ от 28.02.2024 № 145 и т.д.

Научно-исследовательский уровень также имеет различные аспекты актуализации, о чем пойдет речь ниже и определяется непрерывными общественными преобразованиями, требующими изучения и управления ими.

Изучение данного феномена имеет выраженную научную актуальность и определяется специ-

фикой его функционирования, включающей в себя риски как для общества, так и для национальной безопасности страны в целом.

Материалы и методы

Теоретико-методологическая разработанность проблематики трансформационных процессов современного российского общества в социокультурной сфере достаточная, что нашло свое отражение в ряде теоретических и научно-практических разработок таких советских и российских ученых, как Г.В. Осипов, С.Г. Кара-Мурза, А.А. Кокошин, И.А. Панарин и др., рассматривающих ключевые аспекты социокультурных и институциональных преобразований в России. Так, Д.Н. Баринев [1] подробно изучил социальную модернизацию сквозь призму традиционных ценностей, указывая на возрастание роли менталитета. М.Н. Гребенюк [2] акцентировала внимание на том, как трансформации затрагивают культурную идентичность, порождая кризис самоопределения. В исследованиях Т.И. Заславской [4] проанализированы социальные структуры, демонстрирующие главные направления перемен в 1990-е годы. Н.Н. Исаченко [5] рассмотрел динамику общественного развития, выявив регрессивные и прогрессивные тенденции социокультурных процессов. С.Г. Кареева, С.В. Некрасов, А.Н. Пинчук [6] и И.Л. Макаров [9] подчеркнули зависимость успешной адаптации общества к вызовам модернизации от готовности менять привычные ценностные паттерны и др. М.Э. Мусаев и Е.А. Шутаева [10] рассмотрели, каким образом глобализация усложняет развитие постсоветских государств, сталкиваясь с локальными культурными барьерами. С.С. Стручкова [12] проанализировала состояние социально-культурной сферы России, указав на её противоречивую эволюцию и новые тренды в управлении культурными учреждениями. Н.Е. Тихонова [13] представила модель социокультурной модернизации и оценила перспективы её продвижения. А.С. Федотов [16] подчеркнул специфику трансформации российского общества в контексте оппозиции «традиция – модернизация», тогда как Д.В. Щёлков [17] выделил институциональные метаморфозы, влияющие на социальные практики и др.

Проблематика, детерминированная сложностью и многогранностью самого феномена, имеет выраженный междисциплинарный характер. При этом отмечается, что большее развитие получило теоретическое направление изучения. На перспективу, в связи со сложившейся геополитической ситуацией и общим социально-политическим вектором развития новой России, будет необходимо осуществить выход на научно-практический и управленческий уровень проблематики. Для достижения этой цели, в будущем, разумно проследить связь между институциональными преобразованиями и изменениями в массовом со-

знании социума; рассмотреть различные формы адаптации общества к либеральным реформам и сохранению традиционных ценностей; определить факторы, препятствующие либо способствующие переходу к рационально ориентированным управленческим практикам в данной сфере и, как следствие, к устойчивому развитию социума и др. В данном контексте немаловажным представляется изучение связей между социально-экономической и культурной динамикой, порождающих изменчивость ценностных установок населения страны, что даст возможность понять важнейшие тенденции и амбивалентный характер трансформационных процессов и др. Выход на научно-практический уровень может стать «... не только продолжением модернизационных процессов, но и умножением мобилизационных усилий страны по выходу на новый уровень подъема во всех сферах жизнеобеспечения её народа. И все это – в условиях усилившихся тенденций противостояния цивилизаций и др... может стать новой базой для дальнейшего развития России в 2025–2030 гг. в зоне научно обоснованных приемлемых стратегических рисков» [15].

Методологической основой работы является сравнительный метод, позволяющий сопоставить разные подходы к описанию трансформационных процессов, анализ источников (монографий, статей), нацеленный на вычленение общих и особенных черт в эволюции социума, а также методы – описание, систематизация, обобщение и др. Использованы статистические данные (ВЦИОМ, ИСИЭЗ НИУ ВШЭ). Научно-исследовательский вклад отечественных ученых в разработку данной проблематики трудно переоценить. Актуальность и востребованность ее дальнейшего изучения будет только возрастать.

Результаты и обсуждение

Рубеж 1990-х годов ознаменованный новым политическим курсом для страны стал фундаментальным «водоразделом» в сознании социума постсоветской России и ключевых сферах его жизнедеятельности. Череда кардинальных реформ в обществе закономерно спровоцировала активное развитие трансформационных процессов в стране.

Широко распространилось противоречие между устоявшимися в советскую эпоху «привычными алгоритмами» и новыми радикальными изменениями в стране, что привело к распаду прежних социально-политических, социально-психологических и др. механизмов [16], что повлияло на важнейший, с нашей точки зрения, социокультурный план и породило глубокие трансформационные процессы в социуме.

В соответствии с институциональными переменами и постперестроечной ситуацией в стране, унаследованные от эпохи СССР формы пове-

дения и коллективные установки вошли в столкновение с либерально-рыночными принципами, что впоследствии активизировало процесс поиска новых регулятивных правил [17], социально-экономических и управленческих конфигураций. Социально-экономическая сфера стала детерминирующей для социокультурного плана социума.

Для России всегда было типичным сочетание формального принятия демократических норм с убежденностью в особой миссии государства как «хозяина» материальных и духовных ресурсов нации [1]. Это привело к тому, что, хотя население признаёт значимость рыночных идей, но в России сохраняется высокая готовность принимать чрезвычайные меры властей ради «общего блага».

При этом в социально-экономической сфере формируется новый тип неравенства, при котором: капитал концентрируется в руках ограниченных групп, в то время как широкие слои населения испытывают постоянную материальную нестабильность. Согласно данным ВЦИОМ 11 февраля 2015 года по вопросу насколько справедливым россияне считают распределение доходов в российском обществе и должно ли государство решать данный вопрос, сегодня большинство россиян (полностью – 51% и частично – 38%) считают несправедливым распределение доходов в России, и лишь 5% придерживаются противоположного мнения. 60% опрошенных считают, что власти не должны предпринимать шаги по его регулированию, тогда как ранее 64% полагали, что им не следует вмешиваться [11].

Статистика также указывает на усиление социальной поляризации: 69% респондентов заявляют о слишком высоком разрыве по доходам, из них 79% в городах-миллионниках и 78% в Москве и Санкт-Петербурге. Лишь 18% соглашались с тезисом о целесообразности сильного имущественного различия, а 55% настаивают на мерах по уравниванию возможностей [6].

Приобрела большинство сторонников в российском обществе идея об ограничении доходов населения: 32% респондентов (12% в 1989 г.) выступают за сохранение разницы в доходах не более чем в 3–4 раза. Около пятой доли опрошенных (18%) придерживаются позиции, что в российском обществе не должно быть миллионеров (с 27% в 1989 г.). Каждый десятый (11%) считает, что доходы всех граждан должны быть равны.

Надежды россиян на государство в решении проблемы несправедливого распределения материальных благ с годами возросли: 90% россиян считают, что власти должны гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума (84% в 1989 г.). О необходимости предоставления больших льгот людям с низкими доходами говорят 85% опрошенных в 2014 г. против 64% в 1989 г. Три четверти опрошенных (74%) убеждены, что государство должно следить за тем, чтобы разница

в доходах «богатых» и «бедных» не была слишком большой, тогда как 25 лет назад – половина (50%) [11].

Параллельно продолжается становление предпринимательских сред, готовых к новым форматам деловой активности, что ведёт к возникновению устойчивого интереса к инновационному развитию при надлежащей поддержке со стороны государственных институтов [2]. В частности, следующим образом представлен уровень инновационной активности малых предприятий по видам экономической деятельности 50% и выше: гостиничный и ресторанный бизнес (77,1%), культура и спорт (72%), деятельность по предоставлению прочих видов услуг – ремонт и обслуживание вычислительной техники, предметов домашнего обихода и личных вещей (64,3%), сельское хозяйство (50,6%); уровень инновационной активности предприятий до 38%: образование, включая дополнительное и дошкольное (38,2), здравоохранение (33,9%), транспортировка и хранение (35,5%), деятельность в области информации и связи (26,3%), профессиональная, научная и техническая деятельность (24,4%); обрабатывающие (19,4%) и добывающие (18,7%) сектора; уровень инновационной активности 13% и ниже: лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство (12,5%), административная деятельность (8,1%), водоснабжение, водоотведение, сбор и утилизация отходов (7,2%), оптовая и розничная торговля (10,3%), финансовая и страховая деятельность (9,1%), строительная индустрия и операции с недвижимостью (по 7%); минимальный уровень активности наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе (13,7%) [7].

В социуме, таким образом, наблюдается своеобразная поляризация общественных оценок, где одна часть населения придерживается взглядов, оправдывающих право государства вторгаться в экономические процессы и вводить ограничения ради «общих интересов», другая же делает ставку на свободу предпринимательства и неприемлемость директивных методов. С одной стороны, растёт признание демократии и свободы предпринимательства. С другой – сохраняется готовность одобрять меры, вводящие дополнительные государственные ограничения. Подобная двойственность подтверждает выводы, что архаические элементы соседствуют с модернизационными. При всей масштабности экономических перемен общественное сознание во многом сохраняет устойчивые поведенческие паттерны, унаследованные от прежней системы.

Фактически создается многослойное поле, где закрепляются контрасты в уровне инновационной активности, материального благополучия и запросе на государственную опеку, что определяет неоднозначный социокультурный ракурс современного российского общества.

В России возникла специфическая конфигурация, где модернизационные образцы и новые формы в различных сферах жизнедеятельности общества накладываются на его традиционный культурный фонд [9]. В исходном сценарии постсоветской глобализации, наблюдавшемся после 1991 г., произошел переход к поддержке отдельных субрегиональных связей, но вместе с тем усилилось стремление национальных республик закрепить свои культурные коды, что сформировало своеобразную «региональную идентичность» и многовекторные пути преобразований [10].

В культурной области перманентно сохраняется противоборство традиций и ценностей глобальной современности. Одни [9] видят в возрождении исторических духовных ориентиров условие самоидентификации общества, позволяющее преодолеть распылённость ценностей. Другие [10] указывают на опасность переоценки архаических элементов, сдерживающих движение к новым социальным практикам. В трансформирующейся социокультурной среде взаимные ожидания государства и общества смещаются к сложным формам взаимозависимости и взаимодействия [12]. Как показывает опрос ВЦИОМ в 2023 году предпочтение следованию традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности отдают 65% россиян. Треть опрошенных (34%) соглашались с тем, что не стоит держаться за традиционные ценности, т.к. жизнь не стоит на месте и те, кто не в ладах с современностью, с духом времени, всегда будут в проигрыше. Не согласны с этим утверждением (54%). Чаще всего выбирают сторону современности молодёжь до 25 лет (53%), которая против следования традиционным духовным принципам, 25–34-летние (49%) предпочитают следовать традиционным ценностям, 40% нет. У 35–44-летних (63%), 45–59-летних (74%) и старше 60-летних (72%) доминирует мнение о приоритете традиционного над современным. Различия в предпочтении у молодёжи объясняются тем, что она активнее вовлечена в современные технологии, более подвержена влиянию глобализации и космополитичности. Люди старше 35 лет, у которых уже есть семья, стремятся сохранить устоявшиеся нормы и ценности, воспринимаемые ими как стабильные и надёжные [14].

В рамках обозначенных выше социально-экономических, политических, ценностных и ряда духовно-нравственных изменений актуализируется череда социокультурных трансформаций в поле России.

Активно проявляются процессы глобального обмена, что преобразуют региональные способы культурной жизни и создают предпосылки для взаимодействия местных традиций с общемировыми практиками. Подтверждением служит востребованность сетевых форм коммуникации

и разнообразие форматов международных мероприятий в музейном, библиотечном и концертно-выставочном деле. Упрочилась роль цифровых инструментов для распространения новой повестки: сетевые формы кооперации обрели дополнительные ресурсы, что усиливает автономные начала взаимодействия и взаимодействует с территориальным самосознанием граждан. Одновременно по данным ВЦИОМ от 23 августа 2022 года, лишь 30% населения склонны оценивать западные ценности как полезные, тогда как 33% определяют их как несоответствующие и еще 26% – вредные. Особо примечательно, что почти половина опрошенных (55%) указывает на самоустранение от собственных культурных корней как главную причину деструкции, а в числе молодежи 18–24 лет этот показатель достигает 73% [6].

В данной ситуации социокультурная стабилизация опирается на комбинацию механизмов управления и социокультурные проекты по возрождению духовного наследия, в том числе краеведческие, что зачастую получают одобрение в виде благотворительной или региональной поддержки.

Трансформационные процессы затрагивают профессиональную структуру общества. Еще в советскую эпоху социальное деление опиралось на рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию, а после перехода к рыночной экономике сформировались дополнительные стратумные градации: предпринимательство, финансовые и IT-специалисты, управленцы. Параллельно расширился слой среднего класса, в который, помимо традиционной интеллигенции, включились высококвалифицированные работники IT и владельцы частных предприятий.

Миграционный поток качественно изменяет этнокультурную картину современности. Волна переселений способствовала и способствует сложному переплетению культур и появлению новых диаспор, оказывающих влияние на практики в городской среде. По информации ВЦИОМ 2023 года, 47% граждан оценивают трудовую миграцию позитивно, а 41% придерживаются иного взгляда. В возрастной группе 18–24 лет 61% высказываются за пользу приезжих, тогда как среди старших возрастов этот показатель ощутимо ниже. Итогом выступает появление дополнительных форм самоорганизации у мигрантов (этнические общины, землячества) и усложнение социального пространства в некоторых регионах [6].

Технологические нововведения и современные цифровые платформы модифицируют социально-профессиональную мобильность и стили труда. По сведениям ВЦИОМ от 26 июля 2022 года, всего 5% россиян классифицируют себя как фрилансеров, чаще всего в городах-миллионниках и среди молодых (12% в возрастной группе 18–24 лет). 53% уверены в росте количества людей, которые трудятся вне традиционных офисных схем, притом

54% все-таки не готовы переходить на фриланс. Дополнительно удаленная занятость сохраняет популярность: 10% работают из дома, из них 36% – представители IT-сферы и 35% – сферы масс-медиа. В итоге 82% людей на «удаленке» предпочитают такой формат, так как легче соединять работу и семейные дела. Однако почти половина (49%) опрошенных в целом одобряет классический офисный режим [6]. У молодых групп усиливается готовность к самостоятельным формам экономического поведения, что отражает процессы изменений в сознании новых поколений.

Следующий момент связан с *изменениями в гендерных представлениях социума.* До сих пор сохраняются патриархальные убеждения в распределении ролей: по итогам опросов 61% считает, что мужчина – кормилец семьи, а женщине надлежит заниматься домом и воспитанием детей. Попутно 40% женщин сталкиваются с трудностями при найме и продвижении, хотя доля выпускниц вузов превышает количественные показатели по мужчинам в некоторых направлениях [6]. Тем самым комплекс гендерных стереотипов влияет на профессиональное поведение и карьерную траекторию, а также на домашнюю нагрузку и семейные модели.

Дополнительно зафиксирован рост зависимости общества от СМИ и социальных сетей. Согласно оценкам, 65% населения склонны считать, что медиа приукрашивают события, а социальные сети у 78% молодежи 18–24 лет определяют поведенческие ориентиры. Влияние таких ресурсов на формирование установок у граждан едва ли не доминирует, формируя ризоматические сообщества с непрочной этической регуляцией. Цифровые технологии, по мнению 47% опрошенных, дали возможности для обучения и профессионального развития, особенно в научно-техническом сегменте [6].

Все вместе демонстрирует неоднозначное сочетание локальной культурной специфики, новых социально-профессиональных групп, технологической перестройки и противоречий в среде массового сознания. Глобализация и быстрая урбанизация формируют полиэтнический социум, в котором растет значимость вопросов культурной идентичности. Социологические данные подтверждают, что молодые более открыты внешним импульсам воздействия, старшие поколения более скептичны к глобальному влиянию. В целом замечено, что молодежные группы и городские сообщества в целом более активно воспринимают инновационные модели поведения, тогда как часть старших поколений ориентируется на формы, связанные с коллективизмом и государственным патернализмом [1].

Социокультурная динамика в России колеблется между опорой на традиционно устоявшиеся ценности и стремлением к рационализирован-

ной и модернизированной модели развития. Преодоление подобной противоречивой дуальности требует, на перспективу, системных мер от государства, снижающих поляризацию общественных групп, в том числе мер по укреплению социально ориентированных институтов, расширению доступа к образованию и возможностям экономической самореализации, ответных шагов в сфере регулирования миграции, образа жизни работающих и сохранения традиций.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что ключевые трансформационные процессы в социокультурной сфере являются неотъемлемой частью детерминирующей их социетальной сферы. Они тесно переплетаются с исторически укоренёнными коллективистскими установками, что порождает неоднозначные результаты в социуме, где: принятие рыночных механизмов и либеральных норм сосуществует с ожиданиями патерналистской помощи от государства; налицо параллельное сосуществование «архаизирующих» настроений и инновационных практик; присутствует диссонанс между формальным законодательством и неформальными ролевыми нормами, а также неравномерность распределения экономических ресурсов и др. Трансформации затрагивают как политические и экономические структуры, так и массовое сознание, где сосуществуют образы прошлого и черты инновационного будущего.

К базовым направлениям трансформаций социокультурного характера, с нашей точки зрения, можно отнести: растущее значение миграционных потоков и, как следствие, изменение этнокультурной картины социума, смещение фокуса занятости на удаленные и фриланс-форматы, усиление влияния СМИ и социальных сетей, а также сохранение патриархальных гендерных установок в сочетании с постепенными сдвигами в сторону эгалитарных моделей и т.д. Также, следует отметить, что такие глобальные факторы новой социальной реальности, как технический прогресс и локальные традиции совместно формируют многослойное социальное пространство. Налицо поляризация мнений о целесообразности экономического либерализма и роли государства, стремление к самостоятельности и осторожном отношении к инновациям, включая цифровые инструменты.

Так, можно заключить, что современный российский социум находится на стыке традиционных культурных ориентиров и интенсивных инновационных процессов. При этом социокультурная сфера выступает не просто как носитель «наследованного фонда», но и как ресурс адаптации общества к новым социально-экономическим реалиям. Разработка и реализация мер в социокультурной плоскости способна смягчить возникающие про-

тиворечия, повысить устойчивость общественной системы и создать благоприятные условия для дальнейших модернизаций в социуме.

Литература

1. Баринов Д.Н. Социокультурные аспекты модернизации России // Бюллетень науки и практики. 2017. № 12(25). С. 466–474. DOI: 10.5281/zenodo.1116582.
2. Гребенюк М.Н. Трансформационные процессы и социокультурная идентичность в российском обществе // Аналитика культурологии. 2012. № 3(24). С. 103–106.
3. Данилов А.Н. Трансформационные процессы в обществе // Социология: Энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин. Минск: Книжный дом, 2003. 1311 с. – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/332/transformationnyye-processy-v-obschestve.htm> (дата обращения: 15.03.2025).
4. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – 568 с.
5. Исаченко Н.Н. Современное российское общество в динамике социокультурных процессов // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 2. С. 35–39. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.006.
6. Каропова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Социокультурные трансформации современного российского общества: ключевые тенденции и их отражение на уровне массового сознания // Социология. 2024. № 8. С. 165–172. DOI: 10.24412/1812-9226-2024-8-165-178.
7. Кузнецова И.А., Фридлянова С.Ю., Дитковский К.А. Что говорят открытые данные об инновационной активности малого бизнеса? // Экспресс-информация: Наука. Технологии. Инновации. М., ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2022. – URL: <https://issek.hse.ru/news/590668421.html?ysclid=m8ltj203b3973192499> (дата обращения: 15.03.2025).
8. Локосов В.В. Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах: [Монография]. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 552 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-3935.2022.
9. Макаров И.Л. Социокультурная адаптация к процессам современной модернизации // KANT. 2022. № 4(45). С. 145–149. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-45.24.
10. Мусаев М.Э., Шутаева Е.А. Социокультурная трансформация на постсоветском пространстве в условиях современной глобализации мирохозяйственного развития // Инновационная наука. 2021. № 7. С. 79–81.

11. Распределение доходов в обществе: государственное регулирование или рыночный механизм? // ВЦИОМ. 11 февраля 2015. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/raspredelenie-dokhodov-v-obshchestve-gosudarstvennoe-regulirovanie-ili-rynochnyy-mekhanizm> (дата обращения: 15.03.2025).
12. Стручкова С.С. Развитие социально-культурной сферы в современной России // Вестник науки. 2025. Т. 3. № 1(82). С. 759–765.
13. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 62–81.
14. Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ. 28 декабря 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?ysclid=m8lwblas60349803027> (дата обращения: 15.03.2025).
15. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / КосультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.03.2025).
16. Федотов А.С. Социокультурная трансформация современной России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2003. № 6. С. 108–113.
17. Щёлоков Д.В. Динамика процессов институциональных трансформаций в современном российском обществе: основные тренды и метаморфозы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 63. С. 86–96.

KEY TRANSFORMATION PROCESSES OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: A SOCIOCULTURAL ASPECT

Karepova S.G., Nekrasov S.V.
Institute of Sociology of FCTAS RAS

The article is devoted to comprehend a number of key transformation processes, from the authors' view, occurring in the sociocultural sphere of contemporary society and societal one that determines the former. The relevance of the theme is conditioned by a constant tendency to the permanent reconstruction of social institutions, cultural practices, basic values, etc. in society, which together form an ambiguous vector of its development. These processes affect the ability of society to respond adequately to the internal and global challenges of contemporary social reality, as well as the collective consciousness and algorithms of social development. The article reflects statistical data (WCIOM, HSE ISSEK), which allow us to identify a number of significant factors transforming the social reality and shaping the contemporary sociocultural dynamics. The issues of transforming contemporary Russian society in the sociocultural sphere are updated both in the normative state documents responsible for the country's national security and in the sphere of modern social and scientific research. One can note the significance of studying this issue.

Keywords: sociocultural transformation, modernisation, identity, liberal reforms, tradition, innovation, paternalism, culture, institutions, institutional transformations.

References

1. Barinov D.N. Sociocultural aspects of Russia's modernisation // Bulletin of Science and Practice. 2017. № 12(25). PP. 466–474. DOI: 10.5281/zenodo.1116582.
2. Grebenyuk M.N. Transformation processes and sociocultural identity in the Russian society // Analytics of cultural studies. 2012. № 3(24). PP. 103–106.
3. Danilov A.N. Transformation processes in a society // Sociology: Encyclopedia / compiled by A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin. Minsk: Knizhnyi dom, 2003. 1311 p. – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/332/transmacionnye-processy-v-obshchestve.htm> (reference date: 15.03.2025).
4. Zaslavskaya T.I. The societal transformation of a Russian society: an activity-structural conception. – М.: Delo, 2002. – 568 p.
5. Isachenko N.N. Modern Russian society in the dynamics of sociocultural processes // Herald of Vyatka State University. 2018. № 2. PP. 35–39. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.006.
6. Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. Sociocultural transformations of modern Russian society: key trends and their reflection at the level of mass consciousness // Sociology. 2024. № 8. PP. 165–172. DOI: 10.24412/1812-9226-2024-8-165-178.
7. Kuznetsova I.A., Fridlyanova S.Yu., Ditkovskii K.A. What do public data say about of a small enterprise's innovation activity? // Express-information: Science. Technologies. Innovations. М., HSE ISSEK, 2022. – URL: <https://issek.hse.ru/news/590668421.html?ysclid=m8ltj203b3973192499> (reference date: 15.03.2025).
8. Lokosov V.V. Sociology of a disruptive change: the transformation of a Russian society in 1987–2020: [Monograph]. – М.: FCTAS RAS, 2022. – 552 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-3935.2022.
9. Makarov I.L. Sociocultural adaptation to the processes of modern modernisation // KANT. 2022. № 4(45). PP. 145–149. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-45.24.
10. Musaev M.E., Shutaeva E.A. Sociocultural transformation in the post-Soviet space in the context of modern globalization of world economic development // Innovative science. 2021. № 7. PP. 79–81.
11. Income allocation in a society: a government control or market mechanism? // WCIOM. 11 February 2015. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/raspredelenie-dokhodov-v-obshchestve-gosudarstvennoe-regulirovanie-ili-rynochnyy-mekhanizm> (reference date: 15.03.2025).
12. Struchkova S.S. Development of sociocultural sphere in modern Russia // Bulletin of Science. 2025. Vol. 3. № 1(82). PP. 759–765.
13. Tikhonova N.E. Sociocultural modernisation in Russia: dynamics and prospects // Russia reforming. Issue 11: An annual book / ed.-in-chief M.K. Gorshkov. – М.: Novyi khronograf, 2012. – PP. 62–81.
14. Traditions during times of change // WCIOM. 28 December 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?ysclid=m8lwblas60349803027> (reference date: 15.03.2025).
15. RF Presidential Decree of 02.07.2021 № 400 “On the strategy for the national security of the Russian Federation” // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (reference date: 15.03.2025).
16. Fedotov A.S. Sociocultural transformation of modern Russia // Bulletin Saratov state socio-economic university. 2003. № 6. PP. 108–113.
17. Schelokov D.V. Dynamics of institutional transformation processes in modern Russian society: main trends and metamorphoses // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2022. № 63. PP. 86–96.

Молодежь и религия в современном мире: пути взаимодействия в условиях секуляризации

Савицкая Юлия Петровна,

к.с.н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: savitskajap@tyuiu.ru

В статье представлена специфика религиозных установок современной российской молодёжи. Рассматриваются предпосылки и общий фон, характеризующие существующее положение дел в данной сфере. Отмечается тенденция интенсификация процесса секуляризации связанного с повышением уровня экзистенциальной безопасности глобального социума. Рассматривается влияние религиозного «ренессанса» постсоветского социума на отечественный религиозный ландшафт. В эмпирической части работы осуществлён вторичный анализ, в частности проанализированы базы данных с результатами исследований по релевантной тематике, реализованных ВЦИОМом. Выделена специфика религиозных установок молодых россиян. Показаны их оценки относительно современной роли Русской православной церкви. Сделан вывод о трансформации традиционных религиозных убеждений современной молодёжи в сторону альтернативных интерпретаций, формировании субкультурных форм выражения духовно-нравственных ориентиров.

Ключевые слова: молодёжь, религия, ценности, церковь, духовность, секуляризация, социологическое исследование.

Введение

Ускорение процессов секуляризации, связанных с культурными изменениями цифровой эпохи, сегодня является фактом, фиксируемым многими социологами. Если до недавнего времени секуляризация лишь набирала темпы в большинстве стран мира, то теперь глобальное общество находится на траектории быстрой секуляризации. По мнению Роналда Инглхарта основная причина связана с выживанием и безопасностью. Основываясь на широком эмпирическом материале, собранном с 1981 по 2020 год и представляющем большинство стран мира, а также углублённом сравнительном анализе этих данных, учёный исследовал неравномерный процесс секуляризации в мире и обнаружил рост религиозности с 1981 по 2007 год, и её резкий спад с 2007-го по 2020-й.

Религиозные догмы, по мнению учёного, поощряющие репродуктивные установки населения и осуждающие разводы, аборты, контрацепцию и др. были ориентированы, прежде всего, на доиндустриальные условия, когда высокая детская смертность граничила с низкой продолжительностью жизни. В текущих же условиях нормы рождаемости больше не влияют на выживание общества, а экзистенциальная необходимость традиционных культурных норм, тесно связанных с религией, отпала. Модернизация способствует росту благосостояния, снижает уровень насилия в обществе и положительно влияет на уровень здоровья населения. Это, в свою очередь, редуцирует социальную потребность в религии [4].

Процесс секуляризации наиболее активен в обществах с высоким уровнем экзистенциальной безопасности, однако он может замедлиться или даже пойти вспять, если ощущение безопасности среди населения снижается. Россия и ряд других посткоммунистических стран представляют собой именно такой «возвратный» случай, когда крах системы привел к масштабному снижению субъективного благополучия населения и позволил религиозности и национализму заполнить идеологический вакуум.

После распада Советского Союза российское общество столкнулось с глубокими социально-экономическими изменениями. Исчезновение социалистической системы привело к утрате многими людьми привычных социальных ориентиров и идеологической поддержки [5]. Наиболее уязви-

мой перед лицом неопределенности в этот период оказалась молодежь. Обращение к религии стало одним из способов поиска смыслов и стабильности, позволило некоторым молодым людям обрести внутреннюю гармонию и смысл существования в новых условиях.

Значительная роль в указанный период принадлежала традиционным религиям, имеющим глубокие корни в культуре народов России. После десятилетий атеистической пропаганды граждане впервые открыли для себя возможность свободно изучать различные духовные учения. Это пробудило любопытство и желание узнать больше о религиозных традициях. Обращение к религии позволило почувствовать связь с историей и культурой своего народа, что стало важным элементом самоидентификации для многих россиян. Возрождение интереса к религии после распада СССР стало важной частью процесса формирования новой гражданской, культурной и национальной идентичности российского общества. Молодежь сыграла ключевую роль в этом процессе, используя религию как средство самовыражения и поиска смысла в стремительно меняющемся мире [2].

Вовлечение в религиозную сферу происходило как через формальные институты, так и через семью. Религиозные общины активно привлекали молодежь через образовательные программы, молодежные клубы и волонтерские инициативы, а экономический кризис и политическая нестабильность обусловили поиск поддержки многих молодых людей в церквях и мечетях. Семьи, сохранившие религиозные традиции, сыграли значительную роль в передаче веры молодому поколению [1]. Являясь своеобразными «островками» преемственности, они поддерживали религиозные обычаи и ритуалы даже в условиях атеистической политики советского периода. Восстановление семейной религиозности происходило через обряды, праздники и совместные молитвы, которые передавались из поколения в поколение. Особенно значимым оказалось влияние старшего поколения, которое нередко сохраняло живую память о предвоенных временах, когда религия была неотъемлемой частью повседневной жизни.

Возрождение интереса к религии проявлялось в различных формах. Молодые люди становились активными участниками религиозной жизни, посещая богослужения и участвуя в общественных мероприятиях. В некоторых случаях в ряде регионов религиозные порывы приобретали экстремальные формы, создавая межконфессиональную напряженность [7]. Часто традиционные религиозные практики адаптировались к современным условиям, например посредством использования социальных сетей и онлайн-платформ для распространения религиозных знаний и общения внутри общин. В некоторых случаях религиозная деятель-

ность осуществлялась в политических целях, что вызывало скептицизм у части молодежи. Однако в большинстве случаев молодые люди воспринимают религию как личный выбор, не связанный с политической повесткой дня.

Сегодня среди молодежи наряду с приверженцами традиционных религий также встречаются новые религиозные движения. Некоторые молодые люди ищут альтернативные формы духовности, такие как восточные практики (йога, медитация), эзотерические учения и неоязычество. Данная тенденция привела к тому, что в конце XX – начале XXI веков социологи, под влиянием упадка религиозности и её заменой понятием «духовность», инициировали дискуссии о возможности формирования новой области исследований – «социологии духовности» [3].

Обобщая сказанное, отметим что религиозные постулаты играли ключевую роль в формировании ценностной системы и целеполагания личности на протяжении длительного исторического периода развития человечества. Они помогали находить смысл жизни, определяли социальное поведение гармонизировали общественные отношения. Процесс секуляризации обозначил движение общества к большей рациональности и автономии индивидов. Снижение влияния религии на общественные институты, политику, культуру привело к ослаблению традиционных ориентиров, что создало новый общественный запрос на мораль, нравственность и духовность в классическом понимании. Религиозное возрождение, которое произошло в российском обществе после распада СССР, вызвало неоднозначную реакцию среди молодежи, по-разному влияя на формирование их ценностных установок. В этой связи исследование религиозных ценностей современной молодежи представляет собой ключевой фактор для обеспечения дальнейшего устойчивого и стабильного развития российского общества.

Методы

Эмпирическая часть работы базируется на результатах двух мониторинговых исследований, последние волны которых были проведены Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2022 и 2023 годах. Анализ данных осуществлялся в ходе работы непосредственно с базами данных, которые размещены ВЦИОМом на сайте в тех же разделах, что и аналитические обзоры. Оба исследования были проведены в ходе всероссийского опроса «ВЦИОМ–Спутник». Они были реализованы посредством телефонных интервью по методу стратифицированной случайной выборки, составленной из общего перечня мобильных номеров, используемых на территории России. Каждый опрос охватил по 1600 респондентов старше 18 лет. Данные были скорректированы с учетом

социально-демографических характеристик. Максимальная статистическая погрешность составила 2,5% с вероятностью 95%.

Результаты и их обсуждение

По результатам опроса 2023 года, приуроченного ко Дню Крещения Руси, представляется возможным определить степень религиозности россиян, и выделить специфику молодёжных религиозных установок [9]. Отвечая на вопрос, является ли респондент верующим человеком, и если да, то последователем какой религии себя считает, подавляющее большинство (57%) отнесли себя к православию, 5% считают себя мусульманами, а менее 1% респондентов отметили, что являются католиками, протестантами или буддистами. Примечательно, что 5% респондентов отметили, что принадлежат к другому вероисповеданию, 6% считают себя верующим, но к какой-либо конкретной конфессии не принадлежат, а ещё 7% колеблются между верой и неверием. Однозначно не верующими себя считает около пятой части выборки (19%).

Гендерная специфика ответов на данный вопрос показывает, что мужчины значительно чаще женщин считают себя атеистами (24% против 15%). В возрастном разрезе наиболее неверующей оказалась молодёжь: среди 18–24-летних их доля составила 42%, среди 25–34-летних – 24%, а в более старших возрастных группах в пределах 13–16%. Примечательно, что доля колеблющихся среди молодёжи также оказалась почти вдвое выше, чем в других возрастных группах (9–10% против 5–6%).

Обобщенный портрет православного россиянина выглядит следующим образом: это чаще всего женщина старше 35 лет, имеющая среднее специальное образование, средний уровень дохода, проживающая в небольшом городе (до 100 тысяч жителей) или селе, предпочитающая телевидение либо одинаково использующая и ТВ, и интернет. Напротив, портрет неверующего россиянина представлен мужчиной моложе 25 лет, активным пользователем интернета. Среди людей в возрасте 25–34 лет около 10% находятся в состоянии колебаний между верой и неверием или считают себя верующими, но не принадлежат ни к одной конкретной религии. Это поколение, похоже, меняет тенденции в отношении православия: молодёжь становится преимущественно неверующей, тогда как старшее поколение остается приверженным православной вере.

Другое исследование, которое целесообразно рассмотреть в настоящей работе посвящено влиянию Русской православной церкви на современное российское общество. Православие остается самой распространенной религиозной традицией среди российской молодежи. Многие молодые

люди воспринимают православие как неотъемлемую часть национальной культуры и истории, даже если они не являются активными верующими. В то же время влияние Русской православной церкви на различные сферы жизни общества постепенно снижается, о чём свидетельствуют результаты мониторингового исследования, проводимого ВЦИОМом [10].

Оценка влияния на личную жизнь респондентов проявилась в следующем. В 2010 году 15% респондентов считали, что церковь оказывает сильное влияние на их личную жизнь, а к 2022 году этот показатель снизился до 9%. Доля тех, кто считает, что церковь влияет, но не существенно, снизилась с 36% в 2010 году до 26% в 2022 году. Количество людей, считающих, что церковь практически не влияет на их личную жизнь, выросло с 43% в 2010 году до 55% в 2022 году. Затруднившихся с ответом стало больше – с 6% в 2010 году до 10% в 2022 году.

Влияние на РПЦ на духовно-нравственное состояние общества респонденты оценивают аналогично с влиянием на личную жизнь. В 2010 году 15% респондентов отметили сильное влияние церкви на духовно-нравственное состояние общества, а в 2022 году таких было всего 10%. Число тех, кто считает, что церковь влияет, но не существенно, практически не изменилось: в 2010 году их было 43%, в 2022 году стало 41%. Доля респондентов, полагающих, что церковь практически не влияет на духовно-нравственное состояние общества, выросла с 30% в 2010 году до 38% в 2022 году. Колебания затруднившихся с ответом незначительны – около 1%.

Похожая ситуация и с оценками населения влияния церкви на международную политику. В 2010 году 12% респондентов полагали, что Русская православная церковь оказывает значительное влияние на международную политику, однако к 2022 году это число сократилось до 9%. Доля тех, кто отмечал влияние, но не существенно, составляла 30% в 2010 году и 25% в 2022 году. Процент тех, кто считал, что церковь практически не влияет на международные дела, вырос с 37% в 2010 году до 48% в 2022 году. Доля затруднившихся с ответом на данный аспект оказалась достаточно высокой и за десятилетие немного снизилась (21% в 2010 году и 18% в 2022 году).

Иная картина связана с общественным мнением по отношению к влиянию РПЦ на внутреннюю политику. Оно изменилось в противоположную сторону: если в 2010 году 12% опрошенных видели сильное влияние церкви на внутреннюю политику, то в 2022 году таковых стало 14%. Те, кто видел влияние, но не существенно, составляли 32% в 2010 году, и уже 36% в 2022 году. Доля респондентов, утверждавших, что церковь практически не влияет на внутреннюю политику, снизилась

с 37% в 2010 году до 35% в 2022 году. Меньше стало и затруднившихся с ответом: 18% в 2010 году и 15% в 2022 году.

Таким образом, представленные результаты позволяют сделать вывод, что практически во всех сферах, за исключением внутренней политики, наблюдается тенденция к снижению оценки влияния Русской православной церкви. Рассматривая представленные результаты в возрастном разрезе необходимо отметить более секулярные настроения в молодёжных когортах населения. В возрастной группе 18–25 лет оценка влияния РПЦ оказалась практически в два раза ниже чем в более старших когортах населения.

В другом вопросе рассматриваемого исследования респондентам было предложено высказаться, как должны строиться отношения между церковью и обществом. За последнее десятилетие число тех, кто полагает, что церкви следует заниматься проблемами веры и религии, не вмешиваясь в жизнь общества и государства выросло с 27 до 33%. И наоборот, доля тех, кто считает, что церковь должна активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства снизилась с 16 до 13%. Также снизилось и количество затруднившихся с ответом (с 14 до 9%), а доля полагающих, что церковь должна влиять на моральную духовную жизнь всего общества, но не вмешиваться в политику и государственные дела выросло незначительно с 43 до 45%. Рассматривая распределение ответов 2022 года в возрастном разрезе бросается в глаза существенное отличие ответов молодёжных когорт от других групп респондентов. Так, среди 18–25-летних респондентов число считающих что церкви следует заниматься только своими делами и не вмешиваться в дела общества и государства составляет 62%, среди 26–35-летних – 46%, а в группе 46–55-летних таких лишь 20%. Таким образом, среди молодёжи оказывается в два-три раза больше тех, кто против влияния церкви на государство и общество.

Если предыдущий вопрос носил гипотетический характер, то в следующем респондентам было предложено оценить как в настоящее время в России складываются реальные отношения между православной церковью и обществом (государством). Данный вопрос также задавался с разницей в десять лет, что дало нам возможность зафиксировать изменения произошедшие в общественном мнении.

Вариант ответа, согласно которому РПЦ оказывает недостаточное влияние на общественную и государственную жизнь и ей следовало бы более активно участвовать в решении важных для страны вопросов, в 2012 году выбрали 23%, а в 2022–12%. Таким образом, число сторонников активного социально-политического участия церкви снизилось почти в два раза. Снижение

социальной поддержки церкви связано и со следующим вариантом, идея которого заключается в том, что церковь сейчас выстраивает взаимодействие с обществом и государством оптимальным образом: выражает свою позицию тогда, когда это действительно важно, и воздерживается от вмешательства в вопросы, которые ее не касаются. В 2012 году данный тезис поддержали 43%, а в 2022 лишь 30%. А вот идея о том, что в настоящее время церковь чрезмерно интенсивно интегрирована в общественные процессы хотя ей следовало бы акцентировать внимание на духовно-нравственных компонентах, наоборот, за десятилетие стала популярнее (19% в 2012 году и 31% в 2022). Почти вдвое возросло и число затруднившихся с оценкой роли РПЦ в жизни общества (14% в 2012 году и 27% в 2022).

Возрастная специфика ответов на данный вопрос в очередной раз продемонстрировала крайнюю поляризацию в ответах молодёжи и пожилых респондентов. Так, например, первый вариант (о недостаточности влияния церкви) в группе 18–25-летних выбрало 4% респондентов, а в группе 46–55 лет таковых оказалось 17%. В выборе второго варианта значения в аналогичных группах составили 14 и 34%, третьего – 60 и 23,7% соответственно. Представляется, что подобный межпоколенческий разрыв по отношению к месту и роли религии в обществе может быть связан лишь с кардинальными изменениями в ценностной структуре общества.

Выводы

Обозначенные нами тенденции подтверждаются и результатами других исследований. Так, Е.А. Кублицкая приходит к выводу, что начиная с начала текущего века, имеет место значительное снижение уровня религиозности, усиление критики, а также пересмотр роли Церкви и других традиционных религиозных институтов. Одной из ключевых причин стало идеализирование религиозных организаций и завышенные ожидания относительно их способности преобразовать общественную жизнь, вовлечь людей и оказать поддержку. Ожидание широкой благотворительности со стороны этих организаций часто приводит к разочарованию, когда такие надежды не оправдываются. Другая важная причина кроется в исторических особенностях процесса социализации, который проходил в условиях прерванной в советские времена преемственности православных традиций. Даже религиозное возрождение 1990-х годов развивалось в контексте светских общественных отношений. В результате приобщение к религиозным традициям было весьма противоречивым процессом. Секулярные взгляды преобладали практически во всех областях жизни, а религия стала символом

демонстрации национальной и культурной принадлежности [6].

Несмотря на сказанное, религия сохраняет значение как моральный ориентир, влияющий не только на старшие поколения, но и на определенную часть молодых людей. Частично это объясняется потребностью в активном духовно-нравственном поиске, характерной для молодежи. Стремящаяся к новому, молодёжная аудитория принимает саму концепцию религиозности, хотя и не обязательно следует канонам. Традиционные религии не предлагают исчерпывающего объяснения многих социальных явлений, что ведет к поиску альтернативных интерпретаций в новых формах веры и движениях. В итоге религиозный интерес среди молодежи приобретает обновленный смысл и становится ближе к субкультурным формам выражения.

Представители самой Церкви, включая Ю.Л. Ореханова, разделяют аналогичную точку зрения. Они утверждают, что религиозные убеждения молодых россиян являются отражением глобальных процессов, происходящих в религиозной сфере, и коррелируют с событиями, разворачивающимися в постсекулярной Европе. Религиозный ландшафт России становится столь же многообразным, как и в Европе, что обусловлено индивидуальным и избирательным характером «новой веры». Эта новая форма религиозности характеризуется отсутствием догматизма, изменением восприятия греха и глубоким недоверием к любым авторитетам [8].

Литература

1. Баев П.А. Виртуальная религиозность современности // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 55–58.
2. Баев П.А. Религиозное сознание в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 3. С. 47–54.
3. Дьякова В. В., Каргаполова Е. В., Беляева Н. С., Павлова А. С. Духовные практики современной молодежи: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 17–26. doi:10.24158/tipor.2024.4.1
4. Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022–236 с.
5. Калашникова М.Б. Особенности религиозности российской молодежи // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2016. № 2 (93). С. 49–54.
6. Кублицкая Е.А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского мегаполиса // Научный результат. Соци-

ология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 103–115. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8.

7. Олифиренко Е.П. Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления (на материалах СКФО): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2012.
8. Ореханов Ю.Л. Секуляризация и постмодерн: религиозные процессы в молодежной среде в современной России и Европе и их социально-богословская рефлексия // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. № 56 (6). С. 101–118.
9. Религия и общество: мониторинг // Аналитический обзор ВЦИОМ от 27 июля 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 23.03.2025).
10. Церковь и общество: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ от 19 октября 2022 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 23.03.2025).

YOUTH AND RELIGION IN THE MODERN WORLD: PATHS OF INTERACTION IN THE CONTEXT OF SECULARIZATION

Savitskaya Yu.P.

Tyumen Industrial University

The article presents the specifics of religious attitudes of modern Russian youth. The prerequisites and general background characterizing the current state of affairs in this area are considered. The tendency of intensification of the secularization process associated with an increase in the level of existential security of the global society is noted. The influence of the religious “renaissance” of the post-Soviet society on the domestic religious landscape is considered. In the empirical part of the work, a secondary analysis is carried out, in particular, databases with the results of studies on relevant topics implemented by VTsIOM are analyzed. The specifics of religious attitudes of young Russians are highlighted. Their assessments regarding the modern role of the Russian Orthodox Church are shown. A conclusion is made about the transformation of traditional religious beliefs of modern youth towards alternative interpretations, the formation of subcultural forms of expression of spiritual and moral guidelines.

Keywords: youth, religion, values, church, spirituality, secularization, sociological research.

References

1. Baev P.A. Virtual religiosity of our time // Social reality of virtual space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. Pp. 55–58.
2. Baev P.A. Religious consciousness in a pandemic society // Sociology. 2022. No. 3. Pp. 47–54.
3. Dyakova V.V., Kargaplova E.V., Belyaeva N.S., Pavlova A.S. Spiritual practices of modern youth: a sociological analysis // Theory and practice of social development. 2024. No. 4. pp. 17–26. doi:10.24158/tipor.2024.4.1
4. Inglehart R. The unexpected decline of religiosity in developed countries. – St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2022–236 p.

5. Kalashnikova M.B. Features of the religiosity of Russian youth // Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. 2016. No. 2 (93). p. 49–54.
6. Kublitskaya E.A. Dynamics of the post / de / secularization process among youth groups of the Moscow metropolis // Scientific result. Sociology and management. 2022. Vol. 8, No. 3. P. 103–115. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8.
7. Olifirenko E.P. Youth religious extremism in modern Russia and ways to overcome it (based on the materials of the North Caucasus Federal District): author's abstract. dis. ... Cand. of Political Sciences. Krasnodar, 2012.
8. Orekhov Yu.L. Secularization and Postmodernism: Religious Processes among the Youth in Modern Russia and Europe and Their Social and Theological Reflection // Bulletin of PSTGU. Series 1: Theology. Philosophy. 2014. No. 56 (6). pp. 101–118.
9. Religion and Society: Monitoring // Analytical Review of VTsIOM of July 27, 2023 [Electronic Resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (accessed March 23, 2025).
10. Church and Society: Monitoring. Analytical Review of VTsIOM of October 19, 2022 // [Electronic Resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring> (accessed 23.03.2025).

Педагогические условия и модель формирования коммуникативной компетенции студентов посредством игровых ситуаций на занятиях иностранного языка

Соколова Алла Германовна,

к.т.н., доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Капичникова Элеонора Антоновна,

магистрант, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: eleonora080103@mail.ru

Прокофьев Илья Максимович,

магистрант, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: prokofievil@yandex.ru

Румянцев Илья Сергеевич,

магистрант, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: Ilya.rumyantsev2000@mail.ru

Исследование посвящено изучению педагогических условий, необходимых для формирования коммуникативной компетенции студентов высших учебных заведений на занятиях иностранного языка. Авторами показано, что создание игровых ситуаций на занятиях, предполагающее активное использование современных цифровых технологий, способствует повышению мотивации студентов и приводит к получению желаемого результата от обучения. Для будущих инженеров и архитекторов важными педагогическими условиями являются также установление междисциплинарных связей и создание реальной языковой среды для осуществления межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: педагогические условия, коммуникативная компетенция, геймификация, игровые ситуации, преподавание иностранного языка, высшие образовательные учреждения.

Introduction

When listing the goals of foreign language (FL) teaching, today an important emphasis is made not only on the possession of basic linguistic competences, but also on the education of a multilingual, multicultural personality who is able to integrate into the cultural space of the country of the target language without difficulties. Formation of communicative competence in students of higher educational institutions by means of creating game situations takes place within specific favorable pedagogical conditions aimed at stimulating their development in in-class educational process and further self-tuition or self-development. To identify such pedagogical conditions, the system of interconnected activities and communicative approaches is used. Such a system usually reflects the essential features of communicative competence formed during educational process.

An analysis of textbooks used in FL teaching in Russian higher educational institutions shows a predominance of exercises with an emphasis on the development of grammar and vocabulary skills and an insufficient amount of spoken material of various genres from different cultural areas. In many cases, audio and video material on the studied topic is just absent or not available in the tutorials or educational resources. To correct this imbalance, teachers have to find and select additional material at their own discretion (articles from the Internet, video and audio podcasts, films, etc.).

The practice of involving a language partner from a partner university of the country of study and the arrangement of online bridges, where students can communicate with native-speaking language partners, students, tutors and teachers, has proved to be quite effective. Language partners are selected by the teacher according to their personal traits, language level and the difference in time zones. Pairs of language partners can be matched for one month, for instance, following the change or rotation of partners. This practice provides an active dialogue of cultures, rich conversational material of social orientation with a broad cultural component, which contributes to the formation of socio-cultural competence.

The predominance of linguistic and communicative-pragmatic components in the used teaching aids and the insufficient number of socio-cultural educational components are also corrected through the estab-

lished model of functioning of the above-mentioned language partners during the entire academic year. Such work also motivates students from both sides to perform creative and productive tasks with great interest, as there is live interaction with native speakers carried out by means of digital technologies.

The purpose of the present study is to identify the pedagogical conditions for effective formation and development of communicative competence in students by means of creating game situations in FL lessons in higher educational institutions.

Results and findings

Interactive interaction between language pairs of students studying in different universities is naturally revealed through joint project activities, in which the emphasis shifts from exercises to active thinking, independent speech composition, and orientation in the information space. By working on a joint project, students acquire knowledge, skills, abilities and expertise by actively interacting with each other through Internet technologies. Blogging, podcasts, flash mobs, chats, forums, cross-national interviews can be used as project activities [1].

Besides the commonplace Internet technologies, educational platforms, online services, messengers, chats, forums, the educational trajectory of FL teaching has recently witnessed a sharp jump in the use of artificial intelligence (AI), thus, we can talk about revising the term '*functional literacy*', introduced by UNESCO in 1957, when it was understood as 'a set of reading and writing skills to use language in everyday life and to meet everyday problems'.

Today, it is necessary to clarify this notion by adding the ability of a person to adapt quickly in the world of digital technologies and the flow of multilingual information, as well as the readiness for digital interaction and information exchange, and also formation of intercultural communicative competence, which is ensured by the implementation of a set of pedagogical conditions:

- integration of all areas of training (theoretical, methodological, practical) for professional activity using online technologies;
- formation of students' positive motivation and readiness to use digital technologies and platforms for collaborative activities (online classes, organization of knowledge control in the form of tests, credits and exams);
- building up the educational process of students' language training with the involvement of a native-speaker language partner both for joint learning activities in the classroom and in the process of self-tuition;
- introduction of the practice of language pairs into the educational process: a student of the country of the learnt language – a Russian student;

- formation of multicultural competence (understanding of the national and cultural context of the country of the learnt language);
- forming students' productive skills in speaking through the introduction of a set of educational tasks of linguo-cultural orientation;
- forming students' linguo-digital competence (the ability to critically analyze digital information, the ability to use digital tools in the context of specific situations);
- formation of students' socio-cultural competence.

The implementation of the above conditions is a means of forming intercultural communicative competence, which is most effectively realized in an open linguo-digital space. Compliance with these conditions leads to the fact that students perceive the subject of FL differently. Now it is not just a discipline in the academic timetable, but a means of personal development, cognition of other cultures, a new perspective on learners' own culture. FL is perceived as an instrument of intercultural interaction, as an engine that includes both sides in an active dialogue of cultures. Due to its flexible characteristics, FL allows students to prepare for international examinations with a view to further study in the profession [2].

Another very important condition to mention is positive motivation in FL learning created by means of the introduction of media space. Motivation is seen as the complex mechanism combining internal and external factors of learners' personal behavior that influence orientation, occurrence, methods and techniques of implementing specific forms of activity. Extrinsic motivation is incentivized by the necessity to make progress towards the desired goal, whereas intrinsic one is essentially communicative motivation dwelling upon the willingness of students to communicate with native speakers, broaden their horizons, exchange letters with foreign friends, partake in online forums and chats, delivering reports and presentations in FL, etc. Unfortunately, active communication in FL is the most difficult type of communication to maintain as the majority of situations simulated in classroom are essentially artificial.

Motivation as the source of an activity should be distinguished from the motive, i.e. the object at which an individual's activity is directed. Accumulated practical teaching experience shows that there are no students without motivation to learn but motivation needs to be nurtured by educators by creating the system of motives. Cognitive abilities of learners comprise both operational components, such as skills, abilities and knowledge, and motivational ones that include attitude, motive and interest. The highest expression of motivation is interest manifested in the direction of attention, thoughts, the need in attraction, desire, and will. Interest is a motive that acts by virtue of its realized significance and emotional appeal, so, gradually increase the interest of students in the lesson is the task of every teacher.

To encourage learning activities in students, usually more than one motive is required. Typically, to achieve the desired effect, a teacher should develop a certain system of motives, which interact, intertwine and complement each other.

Currently, modern pedagogical science dwells upon two principal models of innovations, namely innovations-modernizations and innovations-transformations. The former upgrades the educational process keeping pace with cutting edge technologies and guiding it towards desired educational outcomes. This model is based on a technological approach to learning, so educational activities are shaped in compliance with this model. The latter transforms the learning process by introducing the elements of research activity, developing learners' cognitive activity, and actively involving them into scientific research and implementation of various projects. Innovation is regarded as a lengthy, labor- and time-consuming, complex, multi-faceted process, variable in its content and technology. Previous studies in the sphere of FL teaching have shown that teaching-learning process is gradually acquiring the features of an innovative educational environment, mainly, thanks to active introduction of telecommunication technologies, digitalization, Artificial Intelligence, etc. [3].

Some researchers also specify the pedagogical condition "The use of media space as the means of developing communicative competence" [3] that actively involves the synthesis of written and oral forms of speech at any level of teaching FL. For this purpose, original newspaper texts are recognized as the most suitable since working with these texts in the form of rendering, writing summary, translating, retelling enables to assimilate the rules of constructing a written form in a journalistic style. Also, many modern editions, such as "The Economist", "Wall Street Journal", "Times", duplicate a text with a podcast, which allows students to work on intonation and pronunciation at their own pace, pausing and rewinding the record if necessary. The language of newspaper texts shows its peculiarities at phonetic-graphic, lexical, word-formation, morphological, syntactic, semantic levels, which makes them suitable even for learners with the highest level of language proficiency. For the learners with lower levels of knowledge, original texts can be abridged and adapted by a teacher.

Integrating the Internet resources into educational process enables to address a number of issues, in particular, developing reading skills on electronic materials taken from the net directly. Such materials are easy to find, download and disseminate in a group of students. Moreover, the array of topics and formats is limitless, and the way of distribution is paperless. Electronic resources help improve writing skills by partaking in essay preparation, composing letters to partners, writing a scientific article, CV, creating portfolios, chatting, participation in various online forums, etc. Also, the role of the Internet content is invaluable for

expanding active and passive vocabulary as it reflects the most up-to-date stage of the people culture and the social and political organization of society. In this context, it is highly recommended to use various language corpora and online dictionaries, including professional glossaries and even slang dictionaries. Electronic resources can be immediately and directly incorporated into the lesson's structure or used for collecting data and information for individual research or independent project work, homework preparation, so the range of applications is also boundless.

Some researchers (Gerasimov E., Kudryashova M., Fahrutdinova R.A., Fahrutdinov R.R. and others) [4,5] outline the pedagogical condition "Possession of the methodology for conducting and organizing game situations involving interdisciplinary communication in teaching FL". Interdisciplinary approach based on cojoining of the studied disciplines, synergy and mutual enrichment of different sciences is supposed to develop a shared understanding of a topic or solution to a problem, provide the link between the studied disciplines and form additional motives for learning. Nowadays, transdisciplinary approaches to FL teaching, where disciplinary directions are not evident, are also gaining momentum in higher educational institutions.

In the framework of acquiring communication in a FL, creating game situations as a specially organized exercise requires involvement of emotional and mental strength from both teachers and learners. The purpose of educational games is to create the atmosphere of joy and delight, the feelings of equality for all game participants, the attainability of set goals, to overcome shyness, a common obstacle interfering free use of FL.

Some authors (D. Bartosh, M. Kharlamova, T. Pochinok, and others) [6] also identify the pedagogical condition "The possibility of creating a real language environment for international communication based on the technology of project activities". This pedagogical condition is regarded as an integral system incorporating educational goals, content and the learning process itself. Pedagogical technology is seen as a system of consistent deployment of educational activities aimed at personal development of learners and attainment of the study goals or as a complex system of principles, methods, ideas and means of training that results in targeted and reliable outcomes during the current period of study followed by subsequent replication and reproduction. Students' project activity, carried out individually, in small groups, or by entire team, is gaining momentum in modern educational institutions as it helps to develop student's creativity and personal qualities throughout the learning process. The project method enables to find, collect and analyze information, to draw parallels between various cultural, social and political systems, to identify common features and the principal differences between them, and also to project an image of tolerance to sociocultural differences. Students

have to immerse into the avalanche of available information on the project that requires careful analysis of information sources for reliability and relevance followed by highlighting the most valuable and plausible arguments. So, pedagogical conditions should be created for development of critical thinking and presentation of the project work in an original manner.

Some illustrative examples of guessing games composed by students of civil engineering universi-

ty include 'Guess the brand by its slogan', 'Construction quiz', 'Construction crossword', 'Collect the fragments', 'Professional jargon of engineers', and many others (fig.1). Designing these games allows students to be creative, think outside of the box, use their imagination, demonstrate their professional skills and knowledge and also search for original ways of presenting their assignments, which can be quite time- and labor-consuming.

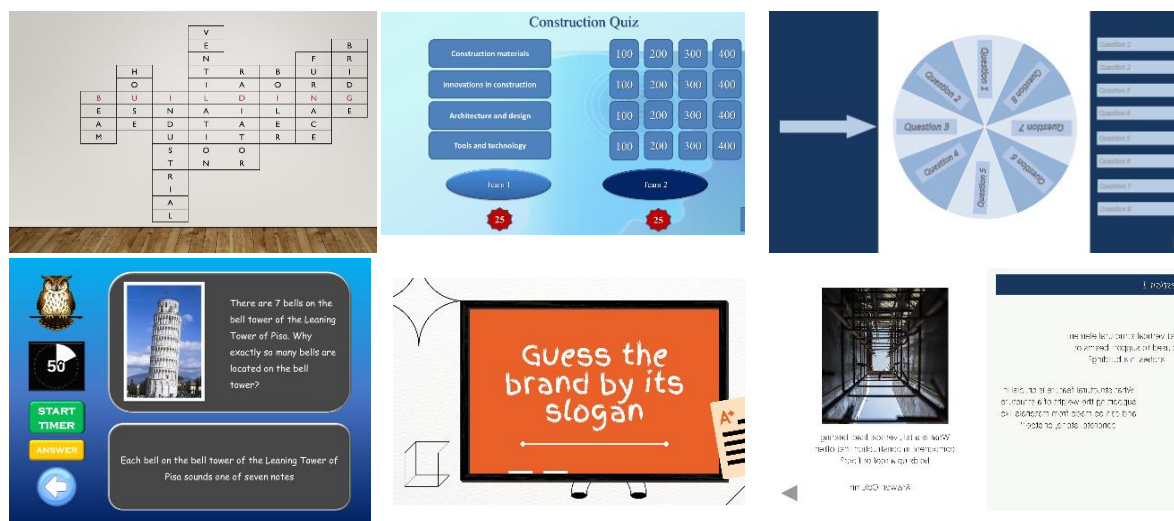

Fig. 1. Examples of guessing games developed by Master's students of National Research Moscow State University of Civil Engineering (2023–2024)

Out-of-class gamification strategies include *game-based* and *game-enhanced learning environments*. Games for educational purposes can be designed by such a tool as Trivia Crack, for instance. While the game itself acts as the educator, university teachers should be aware of their existence and put them to good use. Game-enhanced learning environments employ commercially-available games, with entertainment in mind. While playing the games, learners find the means for discussing gameplay experience with other individuals. The role of an educator here is to find and recommend examples of the games directly or indirectly related to the studied discipline and give the space for students to reflect on the gameplay experience. For example, *World of Warcraft* or *Second Life* are proven to be efficient for immersing FL learners in another language. The latter incorporates creating an own avatar in a virtual world and embodying a 3D space, communication is done through the text that reduces students' anxiety to speak. While games like *SimCity* enable learners to understand economic principles, popular commercial game *Minecraft* gives students a sandbox to construct their own virtual worlds. Similarly, a computer game *Earthquake Rebuild*, developed by the specialists of the Educational Psychology department of Florida State University College of Education in 2013, encourages students' creativity in design and also teaches geometry, architectural principles like symmetry and balance, artistic choices about color, etc. While using this game-based learning

platform, students are given a task to rebuild a virtual village destroyed by a devastating earthquake.

Gamification and game-based learning should be gradually and thoughtfully incorporated into a course and does not require a monumental shift in a teaching-learning process. Many well-known active learning strategies can be modified into effective learning tools.

Effective multicultural communication is inconceivable without development of linguistic and cultural competences as they help learners to blur the lines between cultural differences and overcome the language barrier.

One of the gamification techniques includes the use of authentic video materials in a learnt language. Videos are believed to be a highly informative teaching aid in a FL classroom as acquiring of new active lexis and grammar is accompanied by the corresponding visuals that facilitate educational process. The use of videos can be complementary both in class with a tutor and for self-tuition purposes outside the linguistic environment. Ideally, such videos should have a supplement of a custom-made assignment for revision and self-control.

Some researchers propose the use of animated films in a FL [7], a very effective means to immerse in a learnt language environment through the system of connotations, means of expression, body language, moral values, stereotypical behavior, etc. Usually, learners respond positively to incorporation of edutainment in FL teaching since it helps to boost motivation

for better understanding a language spoken in real-life situations and offers a glimpse into the culture of a studied language.

Thus, the introduction of animated videos with a simple story line is recommended even for elementary level learners. For this purpose, popular videos in a native language professionally translated and dubbed into a FL are also can be used since students can easily recognize the familiar plot and recall the utterances of characters. Such videos are accessible on various online platforms and can be used for practicing back translation and reconciliation, with subtitles in both languages, if necessary. Examples of Russian animated videos translated into an array of foreign languages comprise "Hedge in the Fog", "Snow maiden", "Magic Porridge Pot", "Masha and the Bear", "The Little Humpbacked Horse", "Prostokvashino" series and many others.

For example, learners with an elementary level of knowledge are supposed to watch a video without sound for the first time and try to understand the storyline, characters, their emotions and interactions, to guess the plot. The second viewing of the video can be accompanied by voice-over done by the students, or students with a teacher, in turns, in sync with the characters. Such viewing includes the elements of role-play and also helps learners discover their artistic talents. Another positive outcome is that watching animated movies cheers students up and creates a relaxed, fun atmosphere in the classroom boosting students' motivation and increasing their involvement in a teaching-learning process.

Conclusion

To conclude, having analyzed a variety of pedagogical conditions for the formation of communicative competences in FL students by means of creating game situations, the following conditions should be highlighted as the most relevant and taken as the object of further study:

- positive motivation during FL learning accompanied by the introduction of media space and active usage of digital technologies, including AI;
- incorporating methods of creating game situations with inter- and transdisciplinary connections, which is specifically important for ESP (English for Specific Purposes) taught to future engineers and architects;
- establishment of real language environment for cross-cultural communication, which involves the technology of project activities, e.g. with language partners.

Литература

1. Evtyugina A., Zhuminova A., Grishina E., Kondyurina I., Sturikova M. Cognitive-Conceptual Model for Developing Foreign Language

Communicative Competence in Non-Linguistic University Students // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). 2020. Issue 8, p. 69–77. DOI: 10.23947/2334-8496-2020-8-SI-69-77

2. Labzina P.G. Tutor support as a pedagogical condition for the project activities implementation of university students // Vestnik of Minin University. 2022. Issue 10(3), p. 3–4. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-4
3. Topcu I. Pedagogical conditions of forming communicative competences in students by means of game situations // Revista de științe socioumane. 2019. Issue 2 (42), p. 128–132.
4. Gerasimov E., Kudryashova M. Updating and modernization of the key concepts of the theory of pedagogical systems V.P. Bepalko and its basic principles from a position of competence and technological approaches to learning in the university // Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн. 2014. № 4(5).
5. Fahrutdinova R.A., Fahrutdinov R.R. The Model of Forming Communicative Competence of Students in the Process of Teaching the English Language // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Issue 11(6), p. 1285–1294.
6. Bartosh D., Kharlamova M., Pochinok T., Stoyanova E. Pedagogical conditions for the use of electronic educational resources in the context of the modernization of linguistic education // Research in English Studies and FLT. 2023. Issue 11(1), p. 49–65. DOI: 10.46687/WTJO1735.
7. Yudina T. Animated Films as Edutainment in Teaching Foreign Languages // Reports Scientific Society. 2021. Issue 2(26), p. 23–27.

PEDAGOGICAL CONDITIONS AND THE MODEL OF FORMATION OF STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE BY MEANS OF GAME SITUATIONS IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Sokolova A.G., Kapichnikova E.A., Prokofiev I.M., Rumyantsev I.S.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

The present research deals with the study of pedagogical conditions necessary for the formation of communicative competence of higher education students in the foreign language classroom. The authors have shown that the creation of game situations at the classes, involving the active use of modern digital technologies, contributes to the increase of students' motivation and the formation of communicative competence at foreign language classes and leads to the desired learning outcomes. For future engineers and architects, the important pedagogical conditions are also the establishment of interdisciplinary links and the creation of a real language environment for cross-cultural communication.

Keywords: pedagogical conditions, communicative competence, gamification, game situations, foreign language teaching, higher educational institutions.

References

1. Evtyugina A., Zhuminova A., Grishina E., Kondyurina I., Sturikova M. Cognitive-Conceptual Model for Developing Foreign Language Communicative Competence in Non-Linguistic University Students // International Journal of Cognitive Research in Sci-

- ence, Engineering and Education (IJCRSEE). 2020. Issue 8, p. 69–77. DOI: 10.23947/2334-8496-2020-8-SI-69-77
2. Labzina P.G. Tutor support as a pedagogical condition for the project activities implementation of university students // Vestnik of Minin University. 2022. Issue 10(3), p. 3–4. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-4
3. Topcu I. Pedagogical conditions of forming communicative competences in students by means of game situations // Revista de științe socioumane. 2019. Issue 2 (42), p. 128–132.
4. Gerasimov E., Kudryashova M. Updating and modernization of the key concepts of the theory of pedagogical systems V.P. Bespalko and its basic principles from a position of competence and technological approaches to learning in the university // Universum: Psychology and education: electron. scientific magazine 2014. No. 4(5).
5. Fahrutdinova R.A., Fahrutdinov R.R. The Model of Forming Communicative Competence of Students in the Process of Teaching the English Language // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Issue 11(6), p. 1285–1294.
6. Bartosh D., Kharlamova M., Pochinok T., Stoyanova E. Pedagogical conditions for the use of electronic educational resources in the context of the modernization of linguistic education // Research in English Studies and FLT. 2023. Issue 11(1), p. 49–65. DOI: 10.46687/WTJO1735.
7. Yudina T. Animated Films as Edutainment in Teaching Foreign Languages // Reports Scientific Society. 2021. Issue 2(26), p. 23–27.

Критика биологических оснований в концепции культурного «вида»

Жаров Александр Михайлович,

исследователь, Русское общество истории и философии науки

E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

В работе предлагается проект эволюционной эпистемологии призванный освежить метафорические основы данного направления. Так как то эволюционное учение, на которое опирались создатели эволюционной эпистемологии, уже заметно отличается от сегодняшних научных достижений: адаптация утратила ведущую роль, большее число случайных факторов влияет на эволюцию, лишая ее механизмы фиксированной иерархии, а благодаря представлениям о проницаемости границ между биологически видами генеалогия развития биологических видов сегодня уже больше похожа на сеть, нежели на древо. В данном исследовании мы намерены привести современную эволюционную эпистемологию к соответствию своим метафорическим истокам. Внимание сосредоточено на проблемных аспектах эссенциалистской интерпретации вида: проблеме неопределенности относительно вопроса существования сущности у культурного вида. Показано, что метафорические истоки эссенциалистской эпистемологии Гулда давно устарели в современных биологических науках. Делается вывод о необходимости отказаться от четкого функционального разделения между концептуальными элементами теории на те, что составляют стабильную неизменную идентичность теории, и те, что играют второстепенную роль. Вернуться к мысли Тулмина, подразумевающей отсутствие строгой логической связи между элементами теории и возможность их кочевания из одной теории в другую.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, культурный ген, Ст. Тулмин, антиэссенциализм, теоретический вид, Д. Халл, Ст.Дж. Гулд.

Введение

Одной из характерных особенностей эволюционной эпистемологии является выделение дискретных элементов культуры. Склонность человека разделять произведения культуры на единицы существует ровно столько же, сколько существует рефлексия над явлениями культуры – данное стремление неотъемлемо от практики анализа как таковой. Один из наиболее известных примеров древности – концепция идей Платона. Сегодня же вокруг этой когнитивной тенденции сосредоточились многие подходы в гуманитарных науках, включая семиотику, историю понятий, дискурсивные исследования и т.д. Причем это только те направления, которые ставят в центр своего внимания изучение квантов культуры, а само по себе выделение элементарных культурных единиц свойственно практически любому современному гуманитарному теоретическому направлению.

Сегодня трудно найти какое-либо учение о культурных феноменах, которые не включали бы в себя теоретическое объяснение изменчивости, даже если это учение отрицает возможность существенного изменения культуры. Эволюционное же учение на данный момент является наиболее оптимальным и практически безальтернативным вариантом – оно подразумевает такую логику изменчивости и развития, которую трудно обойти при любых попытках построить теорию культурного развития. Что опять говорит о наличии спроса на исследование данного характера и актуальности.

Эссенциализм и антиэссенциализм в эволюционной эпистемологии

Понятие культурного гена является одним из наиболее популярных эволюционных концептов, используемых за границей эволюционной эпистемологии. Однако большинство использующих его исследователей останавливаются лишь на уровне самого метафорического образа. Многие занимают пространство своих работ, специально посвященных культурным генам, различными иллюстративными примерами, но не продвигаются дальше в их концептуализации.

Детальная концептуализация встает перед разными проблемами. Одной из главных является проблема определения относительно вопроса существования сущности у культурного вида. То есть если представить культурные гены, как элементарные единицы, из которых составляется генотип тех или иных теоретических направлений,

Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект No 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

то можно представить ту или иную крупную теорию и теоретическую школу как аналог биологического вида. Тем не менее, относительно вопроса структуры теоретического вида существуют противоположные мнения. Полярные точки привычно обозначать концепциями С. Дж. Гулда и Д. Халла. Гулд уверен в том, что теория имеет свое ядро, набор неотъемлемых положений, лишение которых уничтожает идентичность теории [Gould 2002, p. 9]. Халл же утверждает, что теории в единые направления объединяет только общая генеалогия, которая может выливаться в совершенно противоположные подходы [Hull 1989, p. 106].

В данной работе, мы намерены отстоять позицию Халла, так как считаем ее наиболее удобной, для развития представления о культурном гене. Начнем с того, эпистемология Гулда черпает вдохновение из биологического эссенциализма. Однако, в отношении понятия вида в биологии давно господствует скепсис. Достаточно вспомнить хотя бы несколько цитат известных ученых. Таких как Николсон («Ни один термин не является более трудным для определения, чем «вид», и ни по одному вопросу зоологи не разделяются больше, чем по поводу того, что следует понимать под этим словом» [Nicholson 1872, p. 20]), Добжанский («В последнее время тщетность попыток найти общепризнанный критерий для различения видов стала довольно широко, хотя и неохотно, признаваться» [Dobzhansky 1937, p. 310]) и Холдейн («Концепция вида – это уступка нашим языковым привычкам и неврологическим механизмам» [Haldane 1956, p. 95]).

Вид все больше понимается как конструкт, удобный для оперирования в научных работах. Именно по той причине, что вид – это индуктивное понятие, основанное лишь на наиболее частом повторении признаков (этого мнения придерживается в своей эволюционной эпистемологии и Луман, обозначая этот процесс понятием «конденсации»), регулярном обновлении за счет появления «черных лебедей», он пребывает в постоянно текущем состоянии. Используя пример Лумана, можно вспомнить, что раньше искусство объединял код «прекрасного», сегодня же определяющим становится нечто другое: погоня за новизной, оригинальностью и т.д. В данной ситуации нам наиболее близка мысль последователя попперовской эволюционной эпистемологии Имре Лакатоса. В его видении теории сменяют друг друга постепенно, пока одна за другой отменяются поддерживающие концепции.

Эссенциалистские заблуждения в отношении вида и, шире, «культурного вида» опираются на весьма устаревшие эволюционные взгляды и пропуская факт, что современная эволюционная биология уже давно отбросила их. Старая теория эволюции утверждает, что жизнь развивается через активную адаптацию к изменениям среды.

Но современные исследования подчеркивают, что адаптация, хоть и важна, не доминирует в эволюционном процессе. Генетические мутации и случайные изменения также существенны. Например, в природе выживают не только адаптированные организмы. Случайные мутации могут создать новые преимущества в выживании. Таким образом, эволюция – сложный процесс, где адаптация лишь один из элементов. Сегодняшние представления относительно эволюции являются подтверждением необходимости учета разнообразных факторов в совершенствовании. Адаптация – важный, но не единственный двигатель эволюции, что помогает понять изменения в природе.

Неприменимость эссенциализма демонстрируется на следующих примерах. Нередко мы склонны определять сущности через определенные характеристики, но нередко фиксированные характеристики начинают нарушать границы. Так шимпанзе генетически ближе к человеку, чем к горилле, хотя внешне и по многим существенным для нас параметрам ближе к горилле. Разница его генома с геномом человеческим в количественном процентном соотношении очень ничтожна. И тогда, если вы определяете сущность вида через набор генов, вы будете вынуждены признать, что человек и шимпанзе – это чрезвычайно близкие существа. Однако никто в здравом смысле это не делает, так как цепляется за другие характеристики, внешность и поведение. Хорошо, если мы будем определять вид морфологически, то будем вынуждены признать китов и дельфинов рыбами, хотя они млекопитающие. Это говорит об условности объединяющих признаков, сущностных эссенциалистских у видов и т.д.

Ситуация усугубляется, когда мы говорим о микробах. Микробы, присутствующие на нашей планете минимум 3 млрд лет и составляющие минимум 90% клеток человеческого тела, заставляют подвергнуть сомнению понятие «тела человека». Их выживаемость в разнообразных обстоятельствах – от поверхности космических аппаратов до глубин океана разрушает устоявшиеся представления в биологии. Горизонтальный перенос генов создает сложную сеть родственных связей.

Микробы нарушают критерий видовой изоляции, смешивая классификацию. Образование сложных колоний «одноклеточными» микробами размывает различие между одноклеточной и многоклеточной жизнью. Симбиотические отношения размывают границы между микробами и многоклеточными организмами. Микробиота усложняет выделение организма в пространстве, действуя как посредник в обмене со внешней средой.

«Эмансипация» микробов смывает границы между видами, индивидами, индивидуумом и окружающей средой, а также между микро- и макроуровнями организации. Вирусы, участвующие в горизонтальном переносе генов, играют важную

роль в микробной и, вероятно, в многоклеточной жизни. Этот процесс меняет наше представление о биологии, вызывая сомнения в устоявшихся границах и привычных определениях.

Микробоцентричный взгляд подчеркивает условность научных классификаций из-за разнообразия свойств объектов. Исследователь, руководствуясь практическим интересом, формирует разные классификации. Проблемы возникают, когда один метод становится единственно верным шаблоном, и не учитывает формы жизни, такие как микробы и вирусы. Важно признать, что разнообразие живых организмов не всегда поддается единой классификации, требуется уважение к различным подходам ученых.

Целое превосходит сумму частей, но его значение зависит от внешних факторов, не только от эмерджентных свойств. Геном содержит информацию, проявляющуюся в контексте клеточной машинерии. Синтезированный из гена белок, несмотря на одинаковую структуру, может осуществлять разнообразные функции. Организм, который создается из таких белков, может являться паразитом или симбионтом, отличаясь от независимого организма и занимая различные экологические ниши.

Редукционистский подход в биологии, ориентированный на гены как единственные определяющие признаки, является непродуктивным и вводит в заблуждение. Важно осознавать, что генетические факторы лишь одна сторона формирования свойств биологических объектов. Эти свойства также зависят от эпигенетических процессов, окружающей среды и социокультурных влияний.

Поддержка идеи «ген признака» может привести к негативным социальным и политическим последствиям. Недооценивая роль других факторов, мы рискуем создать упрощенное видение сложной природы биологических явлений.

Для более полного и адекватного описания биологических объектов необходимо рассматривать влияние «снизу вверх» и «сверху вниз». Такой подход позволяет учесть все аспекты, включая взаимодействие генетических элементов, окружающей среды и социокультурных факторов. Только тогда мы сможем по-настоящему понять и объяснить сложные явления в биологии, избегая узколобости и ошибочных выводов. Ближе всего к такому взгляду находится теория систем Лумана, о чем подробнее скажем ниже.

Синтетическая теория эволюции (СТЭ) на данный момент сильно устарела. Уже делаются попытки создать новый синтез эволюционной теории на замену предыдущей. В частности, СТЭ придерживается позиций панадаптации, панселекционизма, средового и генетического детерминизма, униформизма эволюционных механизмов, градуализма и восприятия эволюционной генеалогии как древа.

На данный момент все эти принципы СТЭ научное сообщество склонно отвергать. Естественный, положительный, дарвиновский отбор не доминирует среди факторов эволюции. Значимость того или иного эволюционного фактора разнится от случая к случаю. Значительное большинство фиксируемых мутаций нейтральны, и фиксируются посредством генетического дрейфа и множества иных факторов, а не отбора [Ohta 2002, p. 16–134]. Полезные мутации, подверженные естественному отбору, чрезвычайно редки. Причем мутация есть периодический процесс, во многом независимый от внешних причин. Более того, для фиксации мутации достаточно быть даже не нейтральной, а всего лишь недостаточно вредной, чтобы мешать жизнедеятельности. Так, например, при половом отборе нередко закрепляются вредные признаки, как например дисфункциональны в плане обороны и передвижения олени рога, которые снижают выживаемость, но при этом более привлекательные для противоположного пола, что способствует распространению генов именно вредных рогов.

В конце концов, ложно представление о том, что все части генома имеют свои функции. Существует феномен, так называемых, мусорных ДНК, подразумевающий то, что большая часть генов вообще никак нефункциональна, избыточна. К этому добавляется понятие транспозонов или мобильных генов, которые часто меняют свое положение в геноме.

Далее одним из центральных движущих механизмов эволюции является дупликация генов – когда копия гена приобретает совершенно иные биологические функции. Помимо того, что этот факт бросает вызов градуализму, он еще и указывает на отсутствие за теми или иными генами фиксированных функций – стабильной семантики (а если учитывать транспозоны – и синтаксиса) генетического кода. И даже метафорическая интерпретация гена как кода сегодня подвергается сомнению [Kay 200, p. 472].

Причем функционально подвижен как генотип, так и фенотип. Аналогом дупликации генов в фенотипе выступает пандантизм и экзадаптация, разработанные Гулдом и Левонтином [Gould, Lewontin 1979, p. 581–598]. Последние указывают на то, что часто бывает, когда какой-либо признак либо меняет свои функции, либо их приобретает, изначально будучи нейтральным. Этот момент также сопряжен с критикой в адрес панадаптации. А так же и в адрес детерминизма – обращаясь к излюбленной метафоре Гулда, можно сказать, что, если проиграть эволюционную пластинку заново, то финальный результат может оказаться иным до неузнаваемости, нежели тот который наблюдается сейчас при одинаковых начальных условиях.

Механизмы эволюции различны и непостоянны, в частности эндосимбиоз можно рассматри-

вать как событийное явление, которое оказалось решающим фактором биологической эволюции в переходе от прокариот к эукариотам, но не имеет постоянного присутствия.

Точно так же не фиксированы строго биологические границы видов. Существует горизонтальный перенос генов в царствах растений и бактерий, а некоторые виды насекомых и млекопитающих не создают гибридов только по причине преград природного ландшафта, не имея к этому генетических барьеров. Вирусы лишены фиксированного генома. Некоторые организмы способны к смене пола в течение жизни (например, Рыба-клоун).

Из описанного выше, а также иных фактов, биологи отвергают представление о прогрессивном движении эволюции как в сторону большей адаптации, так и в сторону большего усложнения. Факт продолжения существования вида уже говорит о его прекрасной адаптации в своей экологической нише, а большая сложность организма нередко становится причиной меньшей выживаемости и большей чувствительности к изменениям окружающей среды. Сам рост генетической сложности организмов обусловлен пагубным фактором, обозначенным как геномный синдром.

Заключение

Последнее особенно созвучно идеям Никласа Лумана о том, что системы адаптируются не столько к миру, сколько к своей внутренней среде, рост внутренней сложности системы не повышает ее адаптированность к миру. Луман на огромный шаг обгоняет всех остальных эволюционных эпистемологов, его концепция более соответствует современному эволюционизму XXI в., нежели СТЭ. Необходимо совершить следующие шаги и привести в соответствие современную эволюционную эпистемологию со своими метафорическими истоками – нынешняя теория биологической эволюции значительно развилась и отказалась от тех положений, из которых черпала вдохновение для своих метафор эволюционная эпистемология.

А именно, отказаться от четкого функционального разделения между концептуальными элементами теории, пропозициями и положениями на те, что составляют стабильную неизменную идентичность теории, образуя концептуальное ядро, и те, что играют второстепенную непринципиальную роль. Вернуться к мысли Тулмина, подразумевающей отсутствие строгой логической связи между элементами теории и возможность их кочевания из одной теории в другую.

Литература

1. Гулд С. Дж. Структура эволюционной теории. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета, 2002. 1433 с.

2. Халл Д.Л. Метафизика эволюции. Олбани: SUNY Press, 1989. 331 с.
3. Николсон Х.А. Руководство по зоологии. Нью-Йорк: Appleton and Company, 1872. 673 с.
4. Добжанский Т. Генетика и происхождение видов. Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1937. 364 с.
5. Холдейн Дж.Б.С. Можно ли обосновать концепцию вида? // Концепция вида в палеонтологии / Под ред. П.С. Сильвестра-Брэдли. Лондон: Ассоциация систематиков, 1956. С. 95–96.
6. Охта Т. Почти нейтральность в эволюции генов и их регуляции // Труды Национальной академии наук. Вашингтон, Округ Колумбия: Национальная академия наук. 2002. Том 99. С. 16–134.
7. Кей Л.Э. Кто написал Книгу жизни? История генетического кода. Пало-Альто, Калифорния: Издательство Стэнфордского университета, 2000. 472 с.
8. Гулд С.Дж., Левонтин Р.К. Спандрелы из Сан-Марко и панглоссианская парадигма: критика адапционистской программы // Труды Королевского общества В: Биологические науки. 1979. Том 205. С. 581–598.

CRITICISM OF THE BIOLOGICAL FOUNDATIONS IN THE CONCEPT OF A CULTURAL “SPECIES”¹

Zharov A.M.

Russian Society for the History and Philosophy of Science

The paper proposes a project of evolutionary epistemology designed to refresh the metaphorical foundations of this field. Since the evolutionary doctrine on which the creators of evolutionary epistemology relied is already noticeably different from today's scientific achievements: adaptation has lost its leading role, a greater number of random factors affect evolution, depriving its mechanisms of a fixed hierarchy, and thanks to ideas about the permeability of boundaries between biological species, the genealogy of the development of biological species today is more like a network, rather than the tree. In this study, we intend to bring modern evolutionary epistemology in line with its metaphorical origins. Attention is focused on problematic aspects of the essentialist interpretation of the species: the problem of uncertainty regarding the question of the existence of essence in a cultural species. It is shown that the metaphorical origins of Gould's essentialist epistemology have long been outdated in modern biological sciences. It is concluded that it is necessary to abandon a clear functional division between the conceptual elements of the theory into those that constitute a stable, unchanging identity of the theory and those that play a secondary role. To return to the thought of Toulmin, which implies the absence of a strict logical connection between the elements of the theory and the possibility of their wandering from one theory to another.

Keywords: evolutionary epistemology, cultural gene, St. Toulmin, anti-essentialism, theoretical view, D. Hull, St.J. Gould.

References

1. Gould S.J. The structure of evolutionary theory. Cambridge-MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2002. 1433 p.

¹ The study was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 22–78–10171 “Transdisciplinary conceptualizations of scientific progress: problem-oriented, semantic and epistemic approaches. On the 100th anniversary of the birth of Thomas Kuhn and Imre Lakatos.”

2. Hull D.L. The Metaphysics of Evolution. Albany: SUNY Press, 1989. 331 p.
3. Nicholson H.A. A manual of zoology. New York: Appleton and Company, 1872. 673 p.
4. Dobzhansky T. Genetics and the origin of species. New York: Columbia University Press, 1937. 364 p.
5. Haldane J.B.S. Can a species concept be justified? // The species concept in paleontology / Ed. by P.C. Sylvester-Bradley. London: The Systematics Association, 1956. P. 95–96.
6. Ohta T. Near-Neutrality in Evolution of Genes and Gene Regulation // Proceedings of the National Academy of Sciences. Washington, D.C.: National Academy of Sciences. 2002. Vol. 99. P. 16–134.
7. Kay L.E. Who wrote the Book of Life? A history of the genetic code. Palo Alto, California: Stanford University Press, 2000. 472 p.
8. Gould S.J., Lewontin R.C. The Spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm: A Critique of the Adaptationist Program // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 1979. Vol. 205. P. 581–598.

Алгоритм: генезис идеи, влияние

Кукель Виктор Евгеньевич,

аспирант Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого
E-mail: lac.kenon@gmail.com

В статье исследуется эволюция и значение алгоритмов в контексте философии и науки. Автор начинает с анализа античных философских основ, которые заложили фундамент для формирования алгоритмического мышления. В частности, рассматриваются идеи Платона, Аристотеля и Гераклита, которые внесли вклад в понимание рациональности и структурированности мышления. Внимание уделяется вкладу средневекового ученого аль-Хорезми, чье имя стало основой для термина «алгоритм». Автор также исследует вклад Декарта и Лейбница в концептуализацию алгоритмов, подчеркивая их стремление к созданию универсальных методов для решения сложных задач. В статье подчеркивается значимость конструктивизма и интуиционистской математики в формализации понятия алгоритма. Философские размышления автора сосредоточены на осмыслении алгоритма как нового «Логоса» – принципа, который структурирует знание и взаимодействие с миром. Кроме того, автор анализирует влияние алгоритмов на социогуманитарные науки, отмечая как положительные, так и отрицательные аспекты их применения. Статья подчеркивает необходимость гуманитарной рефлексии в осмыслении современных вызовов цифровизации.

Ключевые слова: алгоритмы, философия науки, цифровизация, рациональность, социогуманитарные науки.

Введение

Алгоритм для современного мира является одним из основных инструментов, который обеспечивает работу технологий и сервисов. Алгоритмы используются для машинного обучения, обработки и анализа данных и т.д. Технологии алгоритмов стали занимать важное место в нашей жизни, перераспределили механизмы коммуникаций ускорили темпы развития цифровизации.

Компьютерные науки определяют цифру и информацию основными предметами своих исследований. Инженерия заинтересовалась «цифрой» для оптимизации и автоматизации, упрощения процессов внутри машины. Естественнонаучные направления (например, химия) в современной реальности смогли найти место в системе поиска наиболее подходящих материалов для носителей информации. Социальные науки «смотрят» в сторону трансформации отношений субъектов. Возникает вопрос: а какая роль философии (и философии науки и техники, в частности) в новом цифровом мире? На наш взгляд, философия может сделать значительный вклад именно для фиксации глобальных изменений, таких как трансформация парадигмы, перераспределение границ в культуре, автоматизация знания и др.

Изменения (и глобальные в том числе) можно разделить на две группы: первые происходят в соответствии с законами природы, вторые – по воле. Чтобы избежать хаоса воля актора в свою очередь регулируется разными нормативными системами, которые формируют культуру и понимание о ней. Тут можно выдвинуть тезис о том, что нормативность задается по определенным алгоритмам. Тогда определение алгоритма позволяет нам не только определить основания компьютерных технологий (алгоритм для которых является определяющим инструментом), но и сформировать представления о формировании нормативных систем и центральных идей в эпоху цифровизации.

Итак, актуальность исследования в первую очередь продиктована дискурсом философии науки и техники. Так, с точки зрения науки, алгоритмы способны на воспроизводство и автоматизацию знания, что порождает проблемы, связанные с наукометрией, рождением новой научной парадигмы и др., поэтому исследования алгоритмов с позиций философии науки и техники является необходимым элементом в сознании современного состояния науки. Помимо прочего, тема алгоритмов объединяет в своем предмете философию с дру-

гими сферами знания, создавая пространство для междисциплинарных исследований, что является актуальной тенденцией в современной науке.

Данная статья представляет собой обзорный материал по теме генезиса алгоритма, цели – проследить процесс становления алгоритма в философии, дать интерпретацию алгоритма как общего принципа рациональности, установить какое влияние алгоритм оказывает социогуманитарное знание и установить роль гуманитаристики в рефлексии на тему алгоритма.

Общий принцип

Алгоритм начинает работать еще в древнем мире, однако формирование алгоритма как некоторого рационального принципа не происходит. Но античная философия дает нам некоторые основания, которые позволили алгоритму быть. Итак, вычислительные принципы, которые позволили структурировать работу, довести ее до пошаговых методик в выполнении задач, а главное: возможность воспроизводства результата, – одни из важнейших для будущей формализации алгоритма и о цикличности в развитии природы говорили все (и досократики, и Платон, и Аристотель). В «Метафизике» проблемы первоначал связаны универсальными законами, которые могут служить «маркерами» для достоверных выводов [1]. А в «Тимее» предполагается исследование реальности через понятные математические формы [2]. Так и Фуко в «Археологии знания» говорит о том, что несмотря на то, что у Платона и Фрейда высказывания будут различны, «схемы использования, правила употребления, констелляции, в которых они могут играть определенную роль, их стратегические возможности образуют для высказываний поле *стабилизации*, которое, несмотря на все различия в акте высказывания, позволяет *повторить их в их тождественности*» [3, с. 203].

Абстрактные вычислительные структуры античности не пришли к формализации идеи алгоритма или другой подобной идеи, а наличие логической структуры, аксиоматический и дедуктивный методы, метод исчерпывания – основой. Но в этом не было необходимости. Интеллектуальные структуры были сосредоточены вокруг Логоса и были продиктованы культурной и социальной сферами, античной традицией. Гераклит ввел Логос в центр всех интеллектуальных поисков, делая его универсальным законом, где познание осуществляется через осознание принципа Логоса, Мрачный «подчеркивал, что «тайная гармония» природы вечно сызнова воссоздает согласие из противоположностей, что общий разум (λόγος) правит всем, что первосущность по твердым законам преобразуется во все вещи и снова изъе­млет себя из них» [4, с. 62]. Ясперс считает, что Логос стал структурирующим принципом мышления, называет Логос принципом, который связывает мышление с по-

иском универсального [5]. В «Смысле и назначении истории» Ясперс развивает идею осевого времени, согласно которой, человечество примерно в одно время переходит от мифологического к рациональному типу сознания [5, с. 33–34]. Ницше [6], Хайдеггер [7], Гадамер [8], Адо [9], Делез [10] и проч. признавали Логос некоторым общим рациональным принципом, концепцией (или одной из), которая дает представление о порядке устройства мира.

Подобные «центральные идеи» возникают в разных культурах, в разных философских традициях. В Китае Лао-Цзы сформулировал понятие «Дао», которое стало фундаментальной основой идеи преобразования [11, с. 18]. И несмотря на то, что теория Лао-Цзы сосредоточена на этических исканиях и культивировании нравственности [там же], Дао воспринимается в значении слова, правила и пути [11, с. 20], что делает идеи схожими по своей сущности. Также и трактовка буддистской кармы, исключая индивидуальный путь, может восприниматься как универсальный принцип взаимодействия с действительностью [12]. В западных философских концепциях мы тоже видим попытки либо переосмысления Логоса, либо, на основании критики Логоса, выдвижение альтернатив. Так например, монадология Лейбница предлагает «теорию всего», в которой монады выступают первичными субстанциями, формируя составные части «Великого механизма» [13]. Ноосфера Вернадского также является выражением коллективной рациональности, стремится быть принципом познания законов природы [14]. Можно перечислить еще множество подобных теорий, суть от этого для нашей работы не изменится, важно то, что на наш взгляд человечество естественным образом стремится к познанию и такие концепции и облегчают взаимодействие с реальностью, и закладывают основу для дальнейшего развития.

Такие концепты сложные, многоуровневые и требуют усилий для осознания, а социальный и культурный контексты заставляют подобные идеи проходить во времени путь развития, «Логос, проходя через различные перекрывающиеся стадии, стал функционировать как своего рода клей или клей, который позволял пересекаться сопоставимым системам. Хотя это не было неизбежным положением дел, гибкость логоса, тем не менее, делала его идеальной философской и теологической конструкцией, предлагающей решения фундаментальных проблем, связанных с соединением трансцендентности и неизбежности» [15, с. 217–218]. Введенный Гераклитом Логос продолжает свой путь у Платона, который использует Логос как способность ума, и у Аристотеля, который обозначает Логосом сущности вещей [15, с. 211]. Со временем складывается две соотвующие традиции в философии (позднее и в теологии). В од-

ной: существование абстрактного мира идей и Логоса как их постижения (Платон). В другой: анализ и систематизация эмпирических данных, где Логос – инструмент (Аристотель), наука при этом не разделена с эросом. Эти традиции продолжают свое развитие и в Академии и аристотелевской школе [16, с. 79, 83]. Различие понимания ценности Логоса можно усмотреть и в разведении, которое демонстрирует нам два типа рациональности, понятий «техне» и «космос».

Идея «техне» раскрывает суть технической рациональности, «традиционно понимаемая рациональность выражает именно идею «сделанности вещи», такое понимание рациональности восходит к античной идее «техне» – искусного искусственного преобразования» [17, с. 123], идея космической рациональности, может быть раскрыта «идеей «космоса» – естественной гармоничной целостности мира, когда особое значение приобретает индивидуально-неповторимое – не абстрактный элемент множества, а необходимая часть целого, без которой целое уже иное» [17, с. 128]. Типы этих рациональностей не противопоставлены друг другу, и несмотря на то, что техническая может быть единственной в целеполагании ее носителя, она может (и должна) быть включенной в космическую рациональность, дополнять ее. Мы получаем модели нескольких картин мира, в первой носитель определяют свои действия только результатом, во второй носитель видит широкую цепь взаимосвязей, определяет свои действия возможными последствиями, несет ответственность.

Концептуализация идеи алгоритма

Античные идеи и методы мышления стали важным вкладом в формирование математических основ, проложивших путь до введения понятия «алгоритм» именем персидского ученого аль-Хорезми, работавшего в средневековый период. Сам термин происходит от имени ученого, существует следующее толкование: «В средние века алгоритмом называли правило, по которому выполняется то или другое из четырех арифметических действий по десятичной системе счисления. В IX веке такие правила были даны узбекским математиком Хорезми (по-арабски: ал-Хорезми); по его имени совокупность этих правил стали называть в Европе словом «алгоризм», затем это название было переделано в «алгоритм» [18, с. 20]. В XII в. в Европу попадает труд ал-Хорезми в переводе на латинский язык под названием “*Algoritmi de numero Indorum*” (в пер. Краткая книга о расчетах с помощью восстановления и уравнений). Тут и появляется знакомое нам слово «алгоритм», которое произошло от латинской формы имени ал-Хорезми – *Algoritmi* [19]. Из-за переводов истинное значение слова *Algoritmi* было забыто, и термин стал относиться к письменному труду, посвященному описанию операций с индийскими

и арабскими цифрами. В этой книге ал-Хорезми подробно описал процесс умножения чисел, что и привело к системе пошагового умножения, ученый разработал методы для сведения дробей к более простым числам и общим знаменателям, эти математические механизмы европейцы и стали называть *algorithm*. Разработки персидского ученого позволили ученым прибегать к более сложным расчетам и математическим моделям, и мы можем утверждать, что ал-Хорезми заложил субструкцию развития идеи алгоритма.

Сам процесс формализации алгоритма начинается с эпохи Возрождения. Слово «алгоритм» начинает чаще появляться в трудах и названиях трудов по математике и алгебре. В это время возникают сочинения по искусству счета, например, трактат в стихах “*Carmen de Algorismo*” Александра де Вилла Деи, который также известен как “*Algorismus metricus*”. В работе автор декларирует новую систему расчета с помощью индуистско-арабских цифр на бумаге (без абак) [11]. Учитывая то, что произведение названо «Песней алгоритмов», начинает формироваться представление об алгоритме как о определенном порядке или последовательности. Английский математик Иоанн Сакробоско пишет свою работу “*Algorismus vulgaris*”, которая в дальнейшем стала учебником по десятичному счету с арабскими цифрами, а алгоритм закрепляется в виде понятия искусства счета. А позже появляются такие знаменитые работы как “*Algorismus proportionum*” Н. Орема (1330–1382), “*Opus algorismi jocundissimi*” Г. Пурбаха (1423–1461) [12], которые находят-ся «в лагере десятичного счета». Таким образом, происходит предварительная формализация алгоритма. Еще значительный вклад в формирование концепта алгоритма вносит Декарт, который формирует систему подходов и формальных методов мышления и логики в науке. В трактате «Правила для руководства ума» Декарт представляет нам набор принципов, цель которых – обеспечить истинность знаний о природе. Автор считает, что «посредством дедукции, есть один ровный и прямой путь, которым мы можем легче всего переходить от одних терминов к другим, все же прочие являются более трудными и окольными» [20]. Для Декарта актуально восприятие простых (самоочевидных) истин и отталкивание от них в построении теории. Помимо выделения дедуктивного метода, Декарт указывает на значение опыта (при этом совсем не рассматривает эксперимент). Такой подход к математическим моделям является значимым для концептуализации алгоритма.

В сочинении Лейбница “*Nova Methodvs pro maximis et minimis, itemque tangentibus...*” [21] автор вводит понятие «универсального алгоритма», цель которого он видел в решении проблем дифференциального исчисления. Универсальный алгоритм (или универсальный метод (*mathesis universalis*))

по замыслу автора должен быть способным на решение не только математических задач, но и философские тоже (путем упорядочения всего знания путем разложения сложных понятий на простые) [22]. Для нас важно то, что теория универсального алгоритма Лейбница добавила еще одно свойство к пониманию категории алгоритма – сжатие информации, алгоритм должен уменьшать объемы информации, алгоритм должен содержать минимум, самое важное, для того, чтобы исполнитель смог работать и приводить к результату свои действия.

Это что касается генезиса, предтеч алгоритма. А вот состоялся алгоритм уже благодаря конструктивизму и конструктивистской математике. Л.Э.Я Брауэр в 1904 г. выдвинул свою критику классической математики и акцентировал внимание на объектах. Брауэр проблематизировал вопрос о необходимости существования множества объектов и об их возможности построения. Автор противостоял формализации интуиционизма в математике и обращал внимание на наглядную умственную убедительность простейших конструктивных процессов реальной действительности. Значение у Брауэра имеет не только формальное существование объекта, но и его концептуальная правдивость. Компонентами конструктивной математики: аксиоматический подход (отрицание абстрактных математических единиц), формалистский подход (математические единицы должны быть конкретно построены, конструктивно), логика и доказательность [23].

Направление конструктивизма показывает противоречия в работе теории множеств. В конструктивизме множества могут быть определены только через процедуры, таким образом можно избежать противоречия, приблизиться к истинности в знаниях о природе. Одним из самых известных парадоксов является парадокс Б. Рассела (1872–1970) [24], который связан со множеством всех множеств, которые не содержат сами себя. По мнению Рассела, если такое множество существует, то оно должно содержать себя, если и только если оно не содержит себя, что является противоречием. Переосмысление основ математики после парадоксов теории множеств стимулировало формализацию понятия алгоритма. Парадоксы смогли показать необходимость строгого определения. В дальнейшем работа с λ -исчислением А. Черча (1903–1995) была направлена в том числе на стремление избежать парадоксов, которые возникли в наивной теории множеств. Черч выводит свой тезис, в котором он утверждает, что любое интуитивно понятное понятие алгоритма или вычислимой функции можно формализовать с помощью λ -исчисления [25], машины Тьюринга или других эквивалентных формальных систем. А. Гейтинг разработал интуиционистское исчисление предикатов [26]. А. Колмогоров предложил ин-

терпретацию в виде исчисления задач [27]. С. Клини внес понимание через рекурсивную реализуемость [28], что было поддержано научной школой А. Маркова [29]. К 70-м годам XX века была завершена теория свободно становящихся последовательностей. Таким образом категория алгоритма завершил свой долгий процесс формализации: алгоритм – формальная процедура, выраженная в математических терминах, основы которой заключаются в математической строгости, вычислимости и конструктивности.

Мы можем увидеть, что свойства алгоритма, которые мы выделили раньше коррелируются с основными тезисами конструктивной математики. Алгоритмы подобным образом могут существовать в виде мысленных построений или концептуальных процессов, не ограничиваясь вопросом их физического существования.

Социогуманитарного знание

Можно предположить, что интуиционистская математика, концепции алгоритмов способствуют углублению понимания сложных процессов и открывают пути для ответственного использования знаний и технологий в постоянно усложняющемся цифровом мире. И возвращаясь к теме технической рациональности...

Алгоритм, конечно, вызывает сопоставления с технической рациональностью. Суть вычислений алгоритма – его результат, к которому он обязан прийти, иначе алгоритм не работающий, бесполезный. Рациональность техне подталкивает нас на размышления о том, что алгоритмизация сегодня является воплощением такого типа рациональности. Алгоритм при этом только может подразумевать инструментализацию достижения (реализации) цели, путь познания космической целостности, аппроксимация к ней, бесконечное приближение пониманию великого замысла сущего. И человеку дано чувство бесконечной гармонии этой целостности, но не ее воспроизводство в алгоритме. Алгоритм в каком-то смысле можно рассматривать как «новый Логос», воплощение знания о знании, «закон мироустройства» [17]. Логос как традиция определен и фрагментарным восприятием мира (что обеспечило научно-технический прогресс), и целостным (что сохраняет «осознание меры и глубины ответственности»).

Понимание научных подходов, методов доказательства и способов получения знания вообще подверглись влиянию алгоритмов, конструктивизм вместе с тем захватил вопросы о природе математической реальности, о границах научного познания. Элементы формализма и систематического подхода стали ключевыми для науки сегодня. Алгоритмы позволили четко моделировать процессы во всех сферах научного знания, а построение точных, логических моделей стало обя-

зательным правилом. Для социогуманитарного можно выделить как плюсы, так и минусы. Ну, например, использование технологий может оказать положительное влияние на педагогику [30], на реставрационную практику [31], на процесс сбора данных для социологии и т.д. Из минусов: доверие к алгоритмам и вычислительным данным может привести к низкому уровню критического анализа и игнорированию нюансов; снижение уровня принимаемых решений человеком – все это продиктовано снижением личного контакта и понимания через собственную субъектность, что важно для социогуманитарных подходов. Однако, несмотря на то, что это важные проблемы, хотелось бы обратить внимание немного другое.

Позитивистская методология сильно укрепились в области социальных и гуманитарных наук. В рамках этой модели концепции, которые не поддаются операционализации, верификации или фальсификации, считаются ненаучными и скорее относятся к мифологии или метафизике [33, с. 178]. Такой подход появился неспроста и оправдан появлением в первую очередь в социальных и экономических науках, позволил опираться на эмпирические знания, позволяющие точно обрабатывать массивы данных, однако, ««эмпирика» предполагает определенные представления, консенсус относительно того, что есть «факт». Без такого интерпретационного фона ни верификация, ни фальсификация данных оказываются невозможны. Сама «теоретическая рамка», задающая такие представления о реальности, уже зависит от используемого метода» [там же]. Такой подход продиктован эффективностью получаемого результата, а его популярность – эффективностью работы метода. Оптимальность, конструктивность, понятность, целесообразность, закономерность – главные компоненты техне-рациональности и алгоритм в этом контексте отлично вписывается в эту парадигму как общий принцип рациональности. Такой подход оборачивается «внеличностностью» [17, с. 159], «природа, общество подвергаются насилию ради воплощения якобы познанных закономерностей их же развития. И ответственность при этом снимается – ведь природа и люди приводятся в соответствие со своей же сущностью. Иначе говоря, свобода понимается как произвол, навязываемый извне природе, обществу, человеку. Человек обязан принять некую схему, «осознать необходимость», он, так или иначе, оказывается абсолютно несвободен в обосновании своих поступков. Но зато – полностью свободен от ответственности за последствия и результаты. Ведь он действовал рационально, был всего лишь средством и орудием, исполнителем – не более. Тем самым «технический» рационализм лишает философию нравственности собственно поступка как сознательного и вменяемого действия» [там же].

Заключение

Алгоритм нельзя определить как инструмент (без продолжения определения), но как общий принцип рациональности – да. Не подразумевается как сущее, имеет необходимость, которая заключена в программе выстраивания объективного порядка, раскрытию тайны объектов и сути объективного. Осознание процесса перехода к новому принципу рациональности – важная задача, которая позволит фиксировать характерные особенности времени и событий. И эта задача «в руках» социогуманитарного знания, поскольку только оно может провести экспертизу и состояния человека и общества сегодня. «Невероятно, что все влияет на ход событий, кроме человека, как это предполагает фатально бездумный аргумент: «прогресс не остановишь», который выдвигают, когда не хотят ничего предпринимать для управления им. Не остановишь – но он может идти в разных направлениях при разном качестве и это как-то зависит от нашего выбора» [34]. Латур, например, призывает к переходу от традиционного модернизма к новому экологическому мышлению, экологизму, который тоже основан на идее того, что разделение природы и общества с человеком – ошибка, искажающая реальную картину мира, продвигая идею экологизма, обращает внимание на проблемы климата с позиции наличия целостной и гармоничной объективной реальности и нашей с ней взаимосвязи [35]. Такие идеи свидетельствуют о том, что гуманитарная рефлексия на современные вызовы идет, но пока требует времени и более активной реакции со стороны сообщества. Сюда можно отнести и концепции натурального земледелия, апокалиптической методологии, ответственной методологии и проч. [34]. А осмысление алгоритма как Логоса, сквозь современные процессы цифровых трансформаций нашей жизни является инструментом, который может быть эффективным в обращении внимания на проблемы и вызовы цифровизации. Алгоритмы предлагают новые подходы к осмыслению и взаимодействию с миром, требуя философского, культурного и социального осмысления.

Литература

1. Аристотель. Метафизика. – М.: АСТ, 2019. – 448 с.
2. Платон. Тимей. – М.: Нобель Пресс, 2024. – 170 с.
3. Фуко М. – СПб.: Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.
4. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. – СПб.: Алетейя, 1996. – 294 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
6. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философы стучат молотом. – М.: Эксмо-Пресс, 2018. – 160 с.

7. Хайдеггер М. Гераклит. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 504 с.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
9. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – СПб.: Коло, 2005. – 448 с.
10. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
11. Wang, S. A Comparison between the Western Understanding of Logos and the Asian Understanding of Dao // *Transactions on Social Science, Education and Humanities Research*. – 2024. – № 8. – P. 16–21.
12. Fisher, G. Universal Karma // *Journal of Global Buddhism*. – 2023. – № 24 (2). – P. 100–103.
13. Лейбниц Г.В. Монадология. – М.: Рипол-Классик, 2022. – 200 с.
14. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991. – 272 с.
15. Williams, D. The Career of the Lógos: A Brief Biography // *Philosophies*. – 2016. – № 1. – P. 209–219.
16. Адо П. Что такое античная философия?. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.
17. Тульчинский Г.Л. Рациональность и иррациональность ответственности // *Рациональность и культура*. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 121–136.
18. Файзуллаев А.Ф. Основные заслуги Мухаммада Ал-Хорезми в математике. – Ташкент: ФАН, 1983. – 32 с.
19. Mehri B. From Al-Khwarizmi to Algorithm // *Olympiads in Informatics*. – 2017. – № 1. P. 71–74.
20. Декарт Р. Правила для руководства ума. – М.: Юрайт, 2025. – 97 с.
21. Лейбниц Г.В. Сочинения. – М.: Мысль, 1983. – 689 с.
22. Chaitin G.J. Epistemology as Information Theory: From Leibniz to Omega // *Cornell University URL*: <https://arxiv.org/abs/math/0506552v2> (дата обращения: 18.06.2024).
23. Брауэр Л.Э.Я. Интуиционизм и формализм // *Метафизика. Век XXI*. – М.: Бином, 2011. – С. 149–163.
24. Ладов В.А., Эннс И.А. Аналитическое определение числа, парадокс Рассела и теория типов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2012. – № 2(18). – С. 13–20.
25. Целищев В.В. Тезис Черча. – Новосибирск: Параллель, 2008. – 172 с.
26. Гейтинг А. Интуиционизм. – М.: Мир, 1965. – 202 с.
27. Колмогоров А.Н. О принципе tertium non datur // *Математический сборник*. – 1925. № 4, Т. 32. – С. 646–667.
28. Клини С.К. Введение в метаматематику. – М.: Либроком, 2009. – 526 с.
29. Марков А.А. Теория алгоритмов. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1954. – 375 с.
30. Курзаева Л.В., Масленникова О.Е., Белобородов Е.И., Копылова Н.А. К вопросу о применении технологии виртуальной и дополненной реальности в образовании // *Современные проблемы науки и образования*. – 2017. – № 6. – С. 216–226.
31. Kee K. Seeing the Past with Computers: Experiments with Augmented Reality and Computer Vision for History. – Michigan: University of Michigan Press, 2019. – pp. 75–80.
32. Shang Z., Cheng G. Computational Limits of A Distributed Algorithm for Smoothing Spline // *Journal of Machine Learning Research*. – 2017. – № 18. – pp. 1–37.
33. Тульчинский Г.Л. Три нарратива политической науки: перспективы междисциплинарности политических исследований // *Политэкс*. – 2019. – № 2 (15). – С. 174–2000.
34. Кутырев В.А. Спекулятивный реализм как философия фактичности начала конца человеческого (мира). (Размышление над книгой: Квентин Мейясу. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург – Москва. 2015) // *Философия и культура*. – 2018. – № 10. С. 8–17.
35. Латур Б. Политика природы: Как привить наукам демократию. – М.: Ad Marginem, 2018. – 336 с.

ALGORITHM: GENESIS OF THE IDEA, INFLUENCE

Kukel V.E.

St. Petersburg Peter the Great Polytechnic University

The article explores the evolution and significance of algorithms in the context of philosophy and science. The author begins by analyzing the ancient philosophical foundations that laid the foundation for the formation of algorithmic thinking. In particular, the ideas of Plato, Aristotle and Heraclitus, which contributed to the understanding of rationality and structured thinking, are considered. Attention is given to the contributions of the medieval scholar Al-Khwarizmi, whose name became the basis for the term “algorithm”. The author also explores the contribution of Descartes and Leibniz to the conceptualization of algorithms, emphasizing their desire to create universal methods for solving complex problems. The article emphasizes the importance of constructivism and intuitionistic mathematics in formalizing the concept of algorithm. The author's philosophical reflections are focused on conceptualizing the algorithm as a new “Logos” – a principle that structures knowledge and interaction with the world. In addition, the author analyzes the impact of algorithms on the socio-humanities, noting both positive and negative aspects of their application. The article emphasizes the necessity of humanitarian reflexion in comprehending modern challenges of digitalization.

Keywords: algorithms, philosophy of science, digitalization, rationality, socio-humanities.

References

1. Aristotle. *Metaphysics*. – М.: AST, 2019. – 448 p.
2. Plato. *Timaeus*. – М.: Nobel Press, 2024. – 170 p.
3. Foucault M. – St. Petersburg: Humanitarian Academy, 2004. – 416 p.
4. Zeller E. *Essay on the History of Greek Philosophy*. – St. Petersburg: Aletheia, 1996. – 294 p.

5. Jaspers K. The Meaning and Purpose of History. – M.: Politizdat, 1991. – 527 p.
6. Nietzsche F. Twilight of the Idols, or How to Philosophize with a Hammer. – M.: Eksmo-Press, 2018. – 160 p.
7. Heidegger M. Heraclitus. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2011. – 504 p.
8. Gadamer H.-G. Truth and Method. – Moscow: Progress, 1988. – 704 p.
9. Ado P. Spiritual Exercises and Ancient Philosophy. – St. Petersburg: Kolo, 2005. – 448 p.
10. Deleuze J. Logic of Meaning. – Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2011. – 472 p.
11. Wang, S. A Comparison between the Western Understanding of Logos and the Asian Understanding of Dao // Transactions on Social Science, Education and Humanities Research. – 2024. – № 8. – P. 16–21.
12. Fisher, G. Universal Karma // Journal of Global Buddhism. – 2023. – № 24 (2). – P. 100–103.
13. Leibniz G.V. Monadology. – M.: Ripol-Classic, 2022. – 200 p.
14. Vernadsky V.I. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. – M.: Nauka, 1991. – 272 p.
15. Williams, D. The Career of the Lógos: A Brief Biography // Philosophies. – 2016. – No. 1. – P. 209–219.
16. Ado P. What is Ancient Philosophy? – M.: Publishing House of Humanitarian Literature, 1999. – 320 p.
17. Tulchinsky G.L. Rationality and Inrationality of Responsibility // Rationality and Culture. – St. Petersburg: Aletheya, 2013. – pp. 121–136.
18. Faizullaev A.F. The main achievements of Muhammad Al-Khwarizmi in mathematics. – Tashkent: FAN, 1983. – 32 p.
19. Mehri B. From Al-Khwarizmi to Algorithm // Olympiads in Informatics. – 2017. – No. 1. P. 71–74.
20. Descartes R. Rules for guiding the mind. – M.: Yurayt, 2025. – 97 p.
21. Leibniz G.V. Essays. – M.: Mysl, 1983. – 689 p.
22. Chaitin G.J. Epistemology as Information Theory: From Leibniz to Omega // Cornell University URL: <https://arxiv.org/abs/math/0506552v2> (date of access: 18.06.2024).
23. Brouwer L.E. Ya. Intuitionism and formalism // Metaphysics. Century XXI. – M.: Binom, 2011. – Pp. 149–163.
24. Ladov V.A., Enns I.A. Analytical definition of number, Russell's paradox and the theory of types // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2012. – No. 2 (18). – Pp. 13–20.
25. Tselischev V.V. Church's Thesis. – Novosibirsk: Parallel, 2008. – 172 p.
26. Heyting A. Intuitionism. – M.: Mir, 1965. – 202 p.
27. Kolmogorov A.N. On the principle of tertium non datur // Mathematical collection. – 1925. No. 4, T. 32. – P. 646–667.
28. Kleene S.K. Introduction to metamathematics. – M.: Librocom, 2009. – 526 p.
29. Markov A.A. Theory of algorithms. – M.-L.: Academy of Sciences of the USSR, 1954. – 375 p.
30. Kurzaeva L.V., Maslennikova O.E., Beloborodov E.I., Kopylova N.A. On the issue of using virtual and augmented reality technology in education // Modern problems of science and education. – 2017. – No. 6. – P. 216–226.
31. Kee K. Seeing the Past with Computers: Experiments with Augmented Reality and Computer Vision for History. – Michigan: University of Michigan Press, 2019. – pp. 75–80.
32. Shang Z., Cheng G. Computational Limits of A Distributed Algorithm for Smoothing Spline // Journal of Machine Learning Research. – 2017. – No. 18. – pp. 1–37.
33. Tulchinsky G.L. Three Narratives of Political Science: Prospects for Interdisciplinarity of Political Research // Politex. – 2019. – No. 2 (15). – P. 174–2000.
34. Kutyrev V.A. Speculative realism as a philosophy of the factuality of the beginning of the end of the human (world). (Reflections on the book: Quentin Meillassoux. After finitude. Essay on the necessity of contingency. Ekaterinburg – Moscow. 2015) // Philosophy and Culture. – 2018. – No. 10. Pp. 8–17.
35. Latour B. Politics of Nature: How to instill democracy in the sciences. – M.: Ad Marginem, 2018. – 336 p.

Вневременные сокровища: философское исследование традиции терма в школе ньингма тибетского буддизма

Павлова Дарья Викторовна,

аспирант, кафедра истории зарубежной философии,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
E-mail: agniadevi@gmail.com

Данное исследование посвящено историко-философскому анализу уникального феномена терма как одного из значимых элементов тибетской духовной традиции ньингма. В работе рассматриваются философские, исторические и религиозные аспекты сокрытых учений, их роль в сохранении и передаче духовного наследия буддизма. Особое внимание уделяется концепции тайны, которая обеспечивает защиту учений от внешних воздействий и создает условия для их актуализации в нужный момент. Анализируются практики тертонов, включая ритуальные и духовные аспекты их подготовки, а также их значение для восстановления утраченных элементов традиции. Автор исследует диалектику скрытого и открытого знания, подчеркивая онтологические и эпистемологические аспекты терма как философского феномена. Терма рассматриваются как динамический процесс, объединяющий прошлое и настоящее, сакральное и историческое. В статье поднимается вопрос о зависимости раскрытия учений от кармических условий эпохи и духовной зрелости практиков. В заключении делается вывод о значении терма для тибетской традиции и их универсальной ценности как примера взаимодействия мудрости, времени и сакрального пространства смыслов.

Ключевые слова: терма, ньингма, тертон, тантрический буддизм, ваджраяна, ритуальная практика.

Введение

В школе ньингма тибетского буддизма существует тантрическая традиция сокрытия и последующего раскрытия знаний, аспектов учения и других материалов, имеющих духовную ценность, посредством мистической силы существ, достигших просветления. Эта традиция известна в Тибете как *тер* (тиб.: gTer, «сокровища»), *терма* (тиб.: gTer-Ma, «сокровища») или *терчо* (тиб.: gTer-Chos, «сокровища Дхармы») или «сокровища учений»). Школа ньингма сохраняет традицию открытия терма мужчинами и женщинами, которым приписываются мистические способности. Их называют *тертонами* (тиб.: gter ston, «открыватели сокровищниц») [10, с. 279–280]. Мистические способности позволяют им находить и расшифровывать священные тексты и реликвии, скрытые по всему тибетскому ландшафту буддийскими учителями и мастерами прошлого. Эти учения и предметы затем передаются как монашескому, так и мирскому сообществу, чтобы способствовать их стремлению к просветлению и освобождению. Данное исследование рассматривает концепцию терма в широком культурном и историко-философском контексте, демонстрируя ее особенности и подчеркивая ее важность для школы ньингма.

Учителя ньингмапинской традиции выделяют три вида передачи знаний: кама, терма и дананг. Кама (тиб. *bka ma*) – это длинная линия устной передачи, она объединяет основные циклы учения махайоги, ануйоги и атийоги, то есть буддийские тексты и комментарии, которые передаются от человека к человеку подобно тому, как в целом передается любое знание на Земле. Терма (тиб. *gter ma*) – короткая линия передачи. Существует еще и третий вид передачи знания – глубокая передача (тиб. *dag snang*), она связана с чистым видением: так получается знание, проживаемое в медитации, исходящее из творческой способности ума или же непосредственно возникающее в сознании практикующего.

Терма – наследие тантрических учений, традиция которых началась с VIII века нашей эры, когда Гуру Падмасамбхава и его супруга Еше Цогьял спрятали первые терма в ландшафте тибетских Гималаев. Эти учения были сокрыты в ожидании того, что будущие тертоны откроют их в периоды духовной необходимости в будущем [12, с. 10]. Сокрытие сокровищ обусловлено тем, что неред-

ко ученики не готовы воспринять большое количество обширных и глубоких учений в тот период времени, когда нужно осуществить его передачу. Многие терма намеренно предназначены для грядущих поколений практиков [1, с. 105]. Франческа Фримантл пишет: «...термы не всегда сразу становятся достоянием общественности. Условия могут быть неподходящими; люди могут быть еще не готовы к ним; и может потребоваться раскрытие дальнейших инструкций для прояснения их смысла. Часто сам тертон должен практиковать их в течение многих лет.» [8, с. 19]. В связи с этим зародилась традиция «запечатывать» учение в пространстве, обычно природном ландшафте вроде пещер, лесов или побережий рек, чтобы впоследствии, спустя века, практикующий буддист при должном уровне развития смог обнаружить его и осознать как откровение.

Согласно традиции, источником большинства терма является Падмасамбхава (хотя существуют некоторые линии терма, имеющие другие источники: так, терма Маникабум – это учение Сонгцэн Гампо) [9, с. 294]. Практика сокрытия терма в рамках тибетского буддизма свойственна практически исключительно школе ньингма. Тогда как в школах новой традиции сарма (сакья, кагью и гелуг) терма присутствуют в незначительном количестве, в ньингме учения, полученные таким образом, составляют значительную часть всего наследия текстов и практик. Большинство тертонов, соответственно, также появляются внутри ньингма-пинской традиции.

Терма также частично присутствуют и в традиции бон. Из-за взаимного влияния и плотного переплетения бон и ньингмы сложно проследить, внутри какого из этих направлений зародилась традиция подобной передачи знания.

Исторический контекст

Буддизм ваджраяны проник в Тибет из Индии в восьмом веке н.э.; в Тибете в то время правила династия Ярлунг. Буддизм был привнесён туда Падмасамбхавой, одним из наиболее значимых просветленных мастеров буддизма, почитаемого в ньингме наравне с Буддой. Падмасамбхава является центральной фигурой в исторической перспективе рассмотрения развития буддизма в Тибете [4, с. 600]. Несмотря на то, что его историчность не подтверждена, а личность обросла множеством легенд, историки и тибетологи склонны, хотя и с осторожностью, считать его реальным, а не мифологическим персонажем [6, с. 1197–1212].

Падмасамбхава, или Гуру Ринпоче, прибыл в Тибет по приглашению царя Трисонг Децэна (ок. 755–797) для усмирения гневных демонов и злых сил, препятствовавших постройке монастыря Самье, который строил ранее приглашенный в Тибет Шантаракшита – один из 17 выдающихся мудре-

цов и монахов университета Наланды. Строительство не удавалось, поскольку природные катаклизмы – грозы, ливни и молнии раз за разом рушили возводимое здание, что местными жителями было воспринято как знак того, что новая религия не является подходящей [3, с. 50–51] [13, с. 34–35]. Тогда Шантаракшита был отправлен в Непал, но затем вернулся и привез с собой Падмасамбхаву, который был практиком тантры из Уддияны [13, с. 80]. Перед ним стояла задача усмирить местных духов при помощи мистических сил, а также произвести впечатление на местное население. После того, как эта задача была выполнена, ливни и грозы прекратились и строительство монастыря было продолжено [13, с. 34–35]. Во время своего пребывания в Тибете Падмасамбхава практиковал и преподавал тантрическую йогу, чем способствовал распространению буддизма в Тибете¹ [5, с. 22]. Одним из наиболее важных вкладов в развитие буддизма было сокрытие Гуру Ринпоче учений в сознании его учеников для будущего их обнаружения перерождениями (тулку) этих учеников и дальнейшей интеграции учения в тибетское монашеское и мирское сообщество. В большинстве случаев терма являются тантрическими текстами, чаще всего это наиболее глубокие и сложные аспекты внутренних тантр. Их отличает то, что обычно они не требуют толкования, поскольку изложены кратко и практично, что делает их довольно легкими для понимания теми практикующими, чей уровень практики соответствует изложенному в них знанию.

Условия необходимости передачи учений

Утверждается, что есть четыре причины, которые обосновывают существование традиции передачи учений посредством их сокрытия для последующих поколений практиков [12, с. 62–63]. Во-первых, такое сокрытие обеспечивает сохранность традиции и ее доктрины. Школа ньингма во время гонений на буддизм выжила во многом благодаря общей децентрализованности, обеспечение которой требовало гибкости и некоторой мобильности ее последователей: приходилось много перемещаться, и сокрытие учений обеспечивало их сохранность в нестабильных условиях. Таким образом удалось избежать участи исчезновения знания в сложные времена, сохранив его доступность для грамотных практиков в более позднее время. Так, например, сокрытие учений обеспечивало защиту буддизму во время преследований Лангдармы². Некоторые терма были впоследствии открыты и в результате

¹ Так, существуют исследования, доказывающие, что тантрические учения Падмасамбхавы преподавались в Тибете в X веке.

² Лангдарма, также известный как Удбанг Ньикхар Ценпо, был тибетским царем, правившим в IX веке (годы правления 838–842 н.э.). Он печально известен в тибетской истории своими попытками подавить буддизм и преследованием его после-

этого по всему Тибету были установлены линии передачи терма, а также появилось разграничение на два вышеупомянутых способа передачи дхармы: так называемая «длинная устная передача» от учителя к ученику в непрерывных ученических линиях и «короткая передача» через непосредственное сокрытие учения. Вторая причина заключается в защите учения от фальсификаций: подлинность наставлений внутри линии преемственности будет сохраняться на протяжении веков и передаваться из поколения в поколение, если источник знаний напрямую исходит от гуру, минуя множественные устные передачи, неизбежно искажающие скрытые уровни смыслов. В-третьих, благословения, сопутствующие сокрытым наставлениям, будут также сохранены нетронутыми.

И, наконец, четвертая причина – сокращение линии преемственности, поскольку тертон получает первоначальные учения непосредственно от гуру, спрятавшего их. Открытие терма, таким образом, существенно сокращает линию передачи.

Согласно нингмапинской философии, учения терма, как и все другие учения внутри традиции, происходят от Будды. Процесс передачи учения включает три стадии.

Передача ума, когда изначальный Будда, дхармакая, передает тантру из своего состояния пустотности, спонтанно соединяя свой ум с Буддой Самбхогакая, пребывающим во вневременном поле Будды.

Указующая передача, когда Будда Самбхогакая передаёт тантру Будде Нирманакае, который, в свою очередь, войдёт в сансару и будет проявляться в ней различными способами, взаимодействуя с живыми существами, чтобы избавить их от страданий.

Устная передача, когда Будда Нирманакая (обычно Падмасамбхава) распространяет учение тантры группе практикующих людей [12, с. 46].

Последняя передача, в свою очередь, состоит еще из нескольких фаз: Падмасамбхава назначает ученика, который в будущем должен будет обнаружить терма в некоторый момент времени, далее знание внедряется в сознание этого ученика, задачей которого становится сохранить его и пронести через множественные перерождения, и, наконец, учение записывается как текст на символическом языке, после чего скрывается в одном из пяти элементов и охраняется дакини. После того, как Сокровища сокрыты, они могут быть обнаружены лишь соответствующим тертоном, тулку ученика, который получил это учение напрямую от Падмасамбхавы [12, с. 69]. Особенности текстов терма является красота слога, присущая, впрочем, в той или иной мере всем буддийским текстам, а также возможность интерпретировать открытое учение на все более и более глубоких уровнях, от-

дователей, что оказало существенное влияние на религиозный и политический ландшафт Тибета.

крывающихся с каждым прочтением и зависящих также от практической подготовленности ума учеников к восприятию изложенных в терма знаний.

Типы терма

Терма, согласно традиции, подразделяются на два основных типа: сокровища земли (*тиб. Sa gTer*) и сокровища ума (*тиб. dGongs gTer*) [8, с. 17]. Рассмотрим подробнее каждый из них. Сокровища земли включают в себя тексты, описывающие ритуалы, медитативные техники визуализации божеств, исторические тексты о Тибете, прославляющие правителей императорского периода, биографии знаменитых учителей тибетского буддизма, разъяснения философских и доктринальных особенностей, пророческие заметки, теоретические описания техник и ритуалов, необходимых для входов в определенные состояния сознания, рекомендации по практикам, а также тексты, содержащие в себе наставления по архитектуре и искусству. Терма также включают в себя священные образы, лекарственные травы, вещества и ритуальные инструменты. Они скрываются в различных местах, как внутри строений – храмов и монастырей, статуй, так и в природе: в горах, внутри скал, в пещерах, озерах, ручьях и других водоёмах, иногда, согласно представлениям буддистов, даже в небе. Тексты в большинстве случаев фрагментарны, иногда состоят из нескольких слов или закодированы некоей символической письменностью, которая может видоизменяться или полностью исчезает через некоторое время после обнаружения. Иногда находят полноценные тексты, но нечасто. В качестве ключа для обнаружения сокровищницы используется символический текст, записанный на желтом свитке бумаги. Эти свитки способствуют пробуждению воспоминаний об учении и обстоятельствах, при которых оно было сокрыто в исконной природе ума тертонов. Символический текст обычно состоит из букв и символов, которые не подлежат прямому переводу. Это в некотором роде шифр, набор емких знаков: в нескольких буквах может содержаться шесть или семь томов учения. Иногда целое учение кодируется всего лишь одной буквой. Способность понимать этот шифр – удел немногих, – тех, кто получал некогда прямую передачу от Падмасамбхавы.

Тексты служат некоей материальной основой, которая провоцирует возникновение измененного состояния сознания у тертона: достигая посредством взаимодействия с сокровищами тонкого состояния ума, он получает способность войти в слои реальности, внутри которых сокрыто учение. Таким образом, земные терма это физические объекты, используемые как «триггеры» доступа к знанию [8, с. 17].

Сокровища ума проявляются в уме тертона в форме букв тибетского алфавита или звуков, позволяющих тертону соединиться с их сущностным

содержанием. Они являются результатом осознаний, достигнутых в медитациях или же закладываются в сознание посредством прямой передачи через гуру. Это позволяет практикующему соединиться с содержанием учения напрямую в моменты передачи сокровищ [11, с. 153]. После получения осознания, тертон должен удерживать учение в уме и дважды записать его текстом по памяти. После выполнения этого действия записи сравниваются, и, если между ними нет никаких расхождений, терма признаётся подлинной. До того, как тертон получит возможность формально передавать учения, ему необходимо полностью осознать его сущность. Нередко тертон назначается автором терма, так как получил и облёк в слова открывшийся аспект учения именно он, хотя, строго говоря, он им не является.

В глобальном смысле все терма можно считать сокровищами ума, поскольку учение в любом случае представляет из себя прямую передачу от сущности ума гуру к сущности ума тертона, то есть сокровище всегда внедряется в сознание практикующего [12, с. 165–166]. Терма также может оставаться в уме тертона после передачи и быть открыта лишь в дальнейшем, например в одном из будущих воплощений в благоприятное время. Иногда созерцание определенного слога или символа – это ключ к пробуждению знания в пространстве ума тертона [12, с. 61].

Процесс сокрытия учения в сознании предполагает, что тертон должен достичь реализации в текущем воплощении. В момент сокрытия обычно составляется некоторое пророчество со списком условий и обстоятельств, при которых учение будет обретоено вновь: так, например, такими обстоятельствами нередко являются определенные ритуальные инструменты и объекты, которые должны быть использованы для обнаружения сокровища, а также списки личностей помощников и учеников тертона.

Тертоны в основном представляют из себя бывших учеников Падмасамбхавы, которые перерождаются как тулку, уже имея связь с определенным кладом терма, который в VIII веке сокрыл Падмасамбхава [11, с. 154]. Тертоны рождаются даже в наше время, таким образом традиция терма является живой и имеет место в современном тибетском буддизме.

Примеры текстов, открытых как терма

Наиболее ранними из известных терма считаются сутры Будды Шакьямуни, которые, согласно традиции, были переданы Нагарджуне (II век нашей эры) царём нагов, который хранил их на дне озера. Но, как уже было упомянуто ранее, наибольшее распространение терма получили в периоды гонений на буддизм в Тибете после смерти покровителя буддизма Меагцома в середине VIII века. Тогда

знание скрывалось в целях его защиты от анти-буддийски настроенной аристократии. Еще одним известным примером переданного таким образом знания является «Бардо Тхёдол» (тиб. *bar do thos grol*, «Освобождение через слышание в состоянии Бардо»), нередко ошибочно называемый «тибетской книгой мертвых». Это собрание погребальных практик и текстов для узкоспециализированного применения авторства Карма Лингпы. Также Шесть трактатов Асанги считаются переданными ему Буддой Майтрейей, которого он посетил в небесах Тушита во время видения. Среди других текстов терма можно выделить Лонгчен Ньингтиг – цикл текстов дзогчен, открытых Джигме Лингпой в XVI-II веке и цикл текстов Ринчен Тэрдзод, состоящий из тысяч текстов терма, кропотливо собранных и систематизированных Джамьянгом Кхьенце Вангпо, Джамгоном Конгтрулом и Чогьюром Дечен Лингпой [12, с. 90]. Это лишь немногие примеры терма из общеизвестных текстов. Крупнейшее 60-томное собрание ньингмапинских учений-терма «Драгоценная сокровищница терма» составлено Конгтрулом Йонтемом Гьяцо в XIX веке. О значении учений терма писал один из наиболее известных учителей школы Ньингма, тертон Джигме Лингпа (1729–1798), цитируя Кункьена. Он отмечал, что в те времена, когда канонические учения подвергнутся искажениям, подобно тому как молоко разбавляют на рынке, и окажутся на грани исчезновения, начнется распространение терма. Их ценность заключается в том, что, будучи свободными от искажений, они представляют собой быстрый путь практики. Кроме того, терма обладают множеством превосходных качеств, включая огромную силу, и предлагают более доступный способ достижения духовных свершений. Именно по этой причине они имеют столь важное значение [12, с. 58].

О тертонах и особенностях передачи

В глобальном смысле терма помогает практикующему обнаружить в себе природу Будды, поскольку именно в этой природе и было запечатано знание, которое необходимо извлечь из сознания в процессе практики. В тантре передача учения – это самый важный аспект практики, поскольку передаваемая таким образом сила и является основой продвижения по пути тантры, а следовательно и основой тантрической традиции. Без посвящений невозможно продвижение по пути тантры, а нередко оно попросту опасно, так как человек без посвящения неправильно интерпретирует полученное из текстов знание. Чтобы учения были действенными, необходимо, чтобы в момент передачи они не утратили своей чистоты.

Прежде, чем открыть терма, тертон выполняет нёндро – подготовительные практики. Обычно они включают в себя садхану, полный цикл тайной медитации и ритуалы божества. Открытие тер-

ма – сложный, последовательный и в некотором роде даже творческий процесс. Благодаря подготовительным практикам тертон оказывается способен восстановить в сознании и правильно расшифровать теоретические и практические аспекты знания на основании фрагментарного видоизменяющегося текста. Вследствие усилий тертонов возникают новые формы учения и само учение как бы видоизменяет свою форму согласно постоянно меняющимся мировым обстоятельствам в зависимости от эпохи и её контекстов. Считается важным, чтобы разные виды терма обнаруживали в разные периоды времени для того, чтобы они соответствовали желаниям, способностям и возможностям рожденных в соответствующее время людей. Тертон, таким образом, является немаловажной частью цепи передачи знания, нередко он играет в этом процессе большую роль, чем держатель учений длинной линии устной передачи. Хотя тертоны не являлись авторами открытых ими терма, они играли решающую роль в их расшифровке и адаптации для восприятия современников. Чо-мо Менмо, открывшая в XIII веке терма «Собрание всех тайн дакини» (тиб. mkha' gro' gsans-ba kun dus), не смогла передать это учение другим практикам, поскольку ее учитель Чоки Вагчука (1212–1270) сказал ей, что, хотя «учение и является глубоким, сейчас не подходящее время для его распространения на благо живых существ» [7, с. 773]¹. Впоследствии это учение было открыто вновь Джамьяном Кхьенце Вангпо (1820–1892) и распространялось уже в его время, в XIX веке.

Передача терма от Падмасамбхавы к ученику традиционно описывается тремя этапами. Первым этапом является пророчество-поручение, в котором предрекалось будущее открытие учений: кто и в каких обстоятельствах их откроет, кто будет опорами тертонам, кто будет держателем учения и главными учениками. Такое пророчество обычно сбывается полностью, включая мельчайшие детали. Оно вдохновляет учеников на получение и практику учений и на создание сильного намерения открыть учения в будущем. Второй этап – это передача знания посредством посвящения-пожелания, ее также иногда называют передачей-наказом: это сокрытие смысла символа в человеке, который позднее (согласно традиции, в одном из своих последующих воплощений) откроет данное терма и передача его как наказа при помощи сосредоточения ума Падмасамбхавы. Третий этап – вверение дакини. Это процесс передачи желтого свитка – символических текстов, сокрытых в природных ландшафтах и вверенных различным охранителям терма. То есть процесс передачи терма заключался в том, что Падмасамбхава сначала учил подходящего ученика, потом удостоверялся, что его или ее понимание передаваемого

знания является правильным. Далее Падмасамбхава произносил пророчество о будущих обстоятельствах открытия учения и наказывал дакиням охранять его до тех пор, пока не наступят подходящие времена для его открытия. После передачи тайных учений своим ученикам Падмасамбхавой, его супруга Еше Цогьял, обладая безупречной памятью, систематизировала эти учения. Она, совместно с опытными практиками-каллиграфами, зафиксировала их на желтых свитках бумаги, используя символическую письменность. Эти свитки были помещены в специальные ларцы и сокрыты в различных местах, где тертоны, следуя пророчествам, могли бы обнаружить их. Такие тексты служили ключами, благодаря которым тертоны могли извлечь из своего пробужденного состояния ума воспоминания о содержании, смысле и глубоком понимании терма. Кроме самих учений, в ларцы были включены пророческие руководства, предназначенные для тертонов. Этот процесс включал передачу терма под защиту дакини или других охранителей учений.

Процесс вверения терма дакиням и другим охранителям представляет из себя отдельный аспект традиции, достойный краткого разбора. После записи желтых свитков и их помещения в ларцы, они передавались под охрану таким защитникам терма, как Экаджати, Ваджрасадху и Рахула. Их роль заключалась в защите терма, передаче их предназначенным тертонам и обеспечении сохранности последователей учений и традиции. Эти охранители принадлежат к разным классам существ, включая богов, нагов, якшей и ракшасов. Все они получили учения непосредственно от Падмасамбхавы и дали обет охранять Дхарму. Чаще всего они являются повелителями своих классов. Некоторые существа защищают множество учений, а одно терма может быть под охраной сразу нескольких духов. Особую роль в охране терма играют дакини (тиб. mkha' Gro, кхадро, санскр. ākinī;) [11, с. 152]. Эти существа женского облика наделены духовной силой и считаются основными защитницами терма. Они передают терма тертонам и оберегают последователей учений. Главные защитницы терма часто проявляются в женском облике, поскольку охранять и сохранять считается естественным выражением женского начала. В тибетской традиции кхадро – это также почтительное обращение к супругам тантрийских учителей.

Тертоны считаются воплощениями главных учеников Падмасамбхавы, которым он передавал свои учения в IX веке. Сам Падмасамбхава предсказывал личности, которые станут тертонами, а также указывал детали их рождения. Первым тертоном считается Сангье Лама, который появился в XI столетии. После него возникло множество других тертонов – сотни лам, специализирующихся на обнаружении этих духовных сокровищ. Тра-

¹ Цит. по: Dudjom Rinpoche. The Nyingma History of Tibetan Buddhism. ... P. 773.

диционно выделяют 100 великих тертонов и около 1000 малых [11, с. 154].

Большинство тертонов с раннего возраста проявляют необычные способности. Их рождение сопровождается чудесными знаками, они с лёгкостью или вообще без труда осваивают тексты, по желанию совершают чудеса и постоянно получают видения и благословения от будд, божеств и дакини. Однако некоторые тертоны до момента своего пробуждения и открытия учений могут вести обыкновенный образ жизни.

Пророческие руководства – это предсказания и наставления, предназначенные для тертонов, которым предстоит открыть терма. В них содержатся сведения о том, что человек является тертоном, а также информация о том, как, где и когда были сокрыты сокровища и как их следует обнаружить. В пророчествах могут быть указаны имена людей, которые будут помогать тертону, включая его спутников, супругу, держателя учения и главных учеников. Также даются наставления относительно выполнения подготовительных практик, способов расшифровки символических знаков, методов практики и особенностей дальнейшего распространения учений. Иногда тертоны получают такие пророчества непосредственно от проявлений Падмасамбхавы, великих учителей, дакини или охранителей Дхармы – либо лично, либо через видения. Бывают случаи, когда вместе с терма тертоны находят пророческие руководства для будущих открытий. Если пророческого руководства нет, тертон должен обнаружить терма, полагаясь исключительно на своё духовное видение. Личность, которой предсказано стать тертоном, должна определить долину, где сокрыто терма, основываясь на общих пророческих указаниях. Далее он должен обнаружить точное место сокрытия, используя внутренние подсказки, открыть вход в место сокрытия, сделать подношения охранителям терма и заменить извлечённое сокровище другими предметами, как предписано в сокровенном пророческом руководстве.

Когда наступает время открытия терма, а подготовительные практики завершены, тертон отправляется в место сокрытия. Он извлекает терма из камней, земли, озёр, храмов, статуй, деревьев или даже из воздуха – в зависимости от того, где его оставил Падмасамбхава. Если открытие публичное, приглашаются свидетели, чтобы засвидетельствовать это чудесное событие. Если же оно проводится тайно, присутствуют только избранные лица. В некоторых случаях процесс извлечения происходит совершенно незаметно для окружающих.

На месте сокрытия тертон вместе со спутниками выполняет пуджу и читает молитвы. Пуджа – это тантрический ритуал, предназначенный для накопления заслуг, очищения неблагих кармических последствий и устранения препятствий на пу-

ти практики [4, с. 679]. Также пуджа иногда сопровождается открытием терма. Обычно извлечение терма происходит во время проведения пуджи, иногда спустя некоторое время после неё, а в редких случаях – без какого-либо видимого ритуала.

Супруга тертона играет важнейшую роль в создании благоприятных условий для постижения и открытия терма. С помощью тантрической практики она способствует порождению и поддержанию мудрости единства великого блаженства и пустоты, силой которой тертон обретает изначальное состояние. Таким образом, она помогает пробудить в нём понимание и создать условия для раскрытия сокрытого учения.

Тот, кто рождается ваджрадудой, то есть практиком, который в прошлых жизнях зародил сильные устремления, может воплотиться в роли супруги тертона, чтобы выполнить задачу – открыть глубокие тайные учения для блага последователей. Иногда, для открытия нескольких важных текстов, тертону требуется помощь разных супругов. Известен случай, когда молодому тертону пришлось воспользоваться помощью женщины-калеку, которой было более восьмидесяти лет. Чтобы выполнить ритуал, её принесли к месту открытия, так как её присутствие было необходимо в силу прошлой кармы и пожеланий. Если нужный человек не может присутствовать лично или стать духовной супругой, иногда эту роль может выполнить предмет-заместитель, например, украшение или одежда, подаренные этим человеком. По закону взаимозависимого возникновения такой предмет становится опорой для открытия терма, расшифровки символического текста и последующего распространения учения.

Когда тертон читает и расшифровывает символические письмена языка дакини, их поведение может быть различным. Иногда письмена изменяются прямо во время чтения или становятся нечёткими, а порой меняется их смысл. Такие тексты, у которых меняются как символы, так и их значение, называются «иллюзорными чудесными текстами». Благоприятные обстоятельства и подготовительные практики помогают тертону обеспечить большую ясность и постоянство текста во время его чтения.

Существует и другая категория текстов, которые с самого начала отличаются ясностью и неизменным смыслом. Эти тексты называют «неиллюзорными чудесными текстами». Различия в поведении текстов зависят не только от их природы, но также от степени пробуждения прошлых переживаний и духовных навыков в уме тертона. Иногда тертон способен прочитать текст сразу после его обнаружения, но в некоторых случаях это возможно только после длительного созерцания.

После расшифровки текста тертоны записывают его собственноручно или диктуют каллиграфу. Когда запись завершена, из символических

письмен больше ничего не проявляется, поскольку цель благословений и пожеланий, данных Гуру Падмасамбхавой во время сокрытия, считается исполненной.

Хранение тайны открытия терма играет важную роль в сохранении учения. Это позволяет обеспечить мир, защитить учение от препятствий и поддерживать благоприятные обстоятельства для его распространения. Обычно тертоны хранят учение в тайне ещё длительное время – дни, месяцы или даже годы, ожидая подходящего момента для передачи. Прежде чем передавать учение другим, тертон самостоятельно практикует его, чтобы развить способность эффективно делиться знаниями с последователями.

Заключение

Сохранение тайны вокруг открытия и передачи терма – один из важных инструментов защиты целостности тибетских буддийских учений. Такое преднамеренное сокрытие выполняет сразу несколько функций: оно защищает учения от внешнего вмешательства, сохраняет благоприятные условия для их передачи и обеспечивает сохранение их сакрального статуса до того момента, когда их раскрытие будет сочтено уместным. Ответственность тертона за предварительное самостоятельное освоение учения до его передачи подчеркивает взаимодействие личной духовной трансформации и коллективной пользы, акцентируя необходимость переживания истинного опыта для передачи эзотерического знания.

Терма как феномен находится на пересечении мистического опыта, религиозного откровения и глубоких философских размышлений. Укорененные в тантрийском видении времени и знания как циклических и скрытых процессов, эти учения бросают вызов традиционным представлениям о линейности как в историческом, так и в эпистемологическом аспектах. Сокрытие мудрости с целью ее открытия в будущем представляет собой сознательный метафизический акт, в котором Падмасамбхава и его ученики воплощают видение знания как одновременно вневременного и контекстуально обусловленного. Этот акт выражает глубокую философскую позицию относительно подвижности смысла, где раскрытие терма зависит не только от ее физического обнаружения, но и от готовности практиков, а также кармической зрелости эпохи.

Кроме того, строгая духовная и ритуальная подготовка, необходимая для тертонов, выявляет философское напряжение между доступностью и исключительностью в религиозной передаче. В этом смысле традиция терма функционирует как диалектический процесс: учения одновременно сокрыты и открыты, индивидуальны и коллективны, временны и вечны. Эта диалектика подчеркивает онтологическую и эпистемологическую

сложность терма как «сокровища» не только в буквальном смысле, но служит неким «символическим мостом» между скрытой мудростью прошлого и необходимостью обновления в настоящем. Терма, таким образом, представляют собой не статичные реликвии, а динамические каналы, через которые мудрость древних мастеров вновь обретает актуальность, отвечая на постоянно меняющиеся духовные и экзистенциальные вызовы человечества.

В этом свете терма выступают не только хранителями традиции, но и активными участниками ее эволюции. Они воплощают буддийский философский принцип взаимозависимого происхождения, демонстрируя взаимодействие между скрытыми потенциями прошлого и возникающими условиями настоящего. Через их переоткрытие и распространение терма подтверждают преобразующую силу знания как живой энергии, соединяющей историческое, духовное и философское измерения человеческого существования. Следовательно, они не только обогащают тибетский буддизм, но и приглашают к более глубокому размышлению о природе мудрости, временности и сакрального.

Литература

1. Намкай Норбу Ринпоче. Самоосвобождение благодаря видению обнаженной осознанности. – СПб.: Уддияна, 2001. – 240 с.
2. Цогьял, Еше. Рожденный из Лотоса: жизнеописание Падмасамбхавы. – М.: Уддияна, 2003. – 336 с.
3. Шакабпа В.Д. Тибет: политическая история / Цепон В.Д. Шакабпа; [Пер. с англ. А. Дюранова под ред. А. Терентьева]. – СПб.: Нартанг, 2003. – 428 с.
4. Buswell, Robert E.; Lopez, Donald S. Jr., eds. The Princeton Dictionary of Buddhism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2013. – 1304 p.
5. Cantwell, Cathy; Mayer, Rob. Representations of Padmasambhava in early post-Imperial Tibet. In Cüppers, Christoph; Mayer, Robert; Walter, Michael (eds.). Tibet after Empire: Culture, Society and Religion between 850–1000. LIRI Seminar Proceedings Series, 2013. – pp. 19–50.
6. Doney, Lewis. Padmasambhava in Tibetan Buddhism. In Silk, Jonathan A.; et al. (eds.). Brill's Encyclopedia of Buddhism. Leiden, Boston: Brill, 2015. – 1212 p.
7. Dudjom Rinpoche. The Nyingma History of Tibetan Buddhism. Wisdom Publications, 2002. – 1584 p.
8. Fremantle, Francesca. Luminous Emptiness: Understanding the Tibetan Book of the Dead. Boston: Shambhala Publications, 2001. – 407 p.
9. Gyatso, Janet. Apparitions of the Self. Princeton University Press, 1999. – 384 p.
10. Martin Dan. Pearls from Bones: Relics, Chortens, Tertons and the Signs of Saintly Death in Tibet. // Numen, Vol. 41. № 3, 1994. – pp. 279–280.
11. Tulku Thondup. The Terma Tradition of the Nyingmapa School. // The Tibet Journal, Vol. 15, No. 4, Shakabpa Memorial Issue: Part I, 1990. – pp. 149–158.
12. Tulku Thondup Rinpoche. Hidden teachings of Tibet: An explanation of the Terma tradition of Tibetan Buddhism. Boston: Wisdom Publications, 1986. – 304 p.

13. van Schaik, Sam. Tibet: A History. Yale University Press, 2013. – 324 p.

TIMELESS TREASURES: A PHILOSOPHICAL STUDY OF THE TERMA TRADITION IN THE NYINGMA SCHOOL OF TIBETAN BUDDHISM

Pavlova D.V.

Lomonosov Moscow State University

This study is dedicated to the historical and philosophical analysis of the unique phenomenon of terma as one of the significant elements of the Tibetan spiritual tradition of Nyingma. The article examines the philosophical, historical, and religious aspects of hidden teachings, as well as their role in preserving and transmitting the spiritual heritage of Buddhism. Special attention is given to the concept of secrecy, which ensures the protection of teachings from external influences and creates conditions for their actualization at any needed moment. The study analyzes the practices of tertöns, including the ritual and spiritual aspects of their preparation, as well as their significance in restoring lost elements of the tradition. The author explores the dialectic of hidden and revealed knowledge, emphasizing the ontological and epistemological aspects of terma as a philosophical phenomenon. Terma is considered as a dynamic process that unites past and present, the sacred and the historical. The article raises the question of the dependence of revelation of teachings on the karmic conditions of the era and the spiritual maturity of practitioners. In conclusion, the study highlights the significance of terma for the Tibetan tradition and its universal value as an example of the interaction between wisdom, time, and the sacred space of meanings.

Keywords: terma, Nyingma, tertön, Tantric Buddhism, Vajrayana, ritual practice.

References

1. Namkhai Norbu Rinpoche. Self-Liberation Through Seeing with Naked Awareness. – St. Petersburg: Uddiyana, 2001. – 240 p.
2. Tsogyal, Yeshe. Born from the Lotus: The Biography of Padmasambhava. – Moscow: Uddiyana, 2003. – 336 p.
3. Shakabpa V.D. Tibet: Political History / Tsepon V.D. Shakabpa; [Translated from English by A. Duranov, edited by A. Terentyev]. – St. Petersburg: Nartang, 2003. – 428 p.
4. Buswell, Robert E.; Lopez, Donald S. Jr., eds. The Princeton Dictionary of Buddhism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2013. – 1304 p.
5. Cantwell, Cathy; Mayer, Rob. Representations of Padmasambhava in early post-Imperial Tibet. In Cüppers, Christoph; Mayer, Robert; Walter, Michael (eds.). Tibet after Empire: Culture, Society and Religion between 850–1000. LIRI Seminar Proceedings Series, 2013. – pp. 19–50.
6. Doney, Lewis. Padmasambhava in Tibetan Buddhism. In Silk, Jonathan A.; et al. (eds.). Brill's Encyclopedia of Buddhism. Leiden, Boston: Brill, 2015. – 1212 p.
7. Dudjom Rinpoche. The Nyingma History of Tibetan Buddhism. Wisdom Publications, 2002. – 1584 p.
8. Fremantle, Francesca. Luminous Emptiness: Understanding the Tibetan Book of the Dead. Boston: Shambhala Publications, 2001. – 407 p.
9. Gyatso, Janet. Apparitions of the Self. Princeton University Press, 1999. – 384 p.
10. Martin Dan. Pearls from Bones: Relics, Chortens, Tertons and the Signs of Saintly Death in Tibet. // Numen, Vol. 41. No. 3, 1994. – pp. 279–280.
11. Tulku Thondup. The Terma Tradition of the Nyingmapa School. // The Tibet Journal, Vol. 15, No. 4, Shakabpa Memorial Issue: Part I, 1990. – pp. 149–158.
12. Tulku Thondup Rinpoche. Hidden teachings of Tibet: An explanation of the Terma tradition of Tibetan Buddhism. Boston: Wisdom Publications, 1986. – 304 p.
13. van Schaik, Sam. Tibet: A History. Yale University Press, 2013. – 324 p.

Анализ научных оснований категории «объект-система» в работе Ю.А. Урманцева «Общая теория систем»

Рычанский Дмитрий Анатольевич,

студент, Институт общественных наук и массовых коммуникаций

E-mail: Dimarichy@yandex.ru

Берёзкина Илеанора Владимировна,

учитель физики и информатики, МБОУ СОШ № 36

E-mail: NoraVB@rambler.ru

Статья посвящена проблеме анализа научных оснований категории «объект-система» в работе Ю.А. Урманцева «Общая теория систем». Исследователи обращаются к целям и задачам, которые ставит перед собой автор, его определению проблем в процессе построения теории, связанных с чрезмерной общностью и тривиальными утверждениями. Ю.А. Урманцев предполагает не только то, что должно быть и что может быть, но так же и чего не может быть у любых систем – материальных и идеальных. Это формирует критерии для объекта-системы, выделяя её из ряда других объектов. Для построения теории Ю.А. Урманцев использует диалектический метод, и выдвигает обоснованные предпосылки. При выборе условия авторы статьи исходили из того, что существование является фундаментальной характеристикой системы.

Ключевые слова: объект-система, категория, теория систем, система, научные основания, условие.

Введение

Приступая к анализу работы Ю.А. Урманцева «Общая теория систем» (ОТС), обратимся в первую очередь к целям и задачам которые ставит перед собой автор: «Еще до построения ОТС мы считали, что на «выходе» ОТС должна дать в руки исследователей своеобразный перечень того: 1) что должно быть, 2) что может быть, 3) чего не может быть у любых систем – материальных и идеальных, т.е. предполагалось, что данная теория должна была быть всеобщей» [9]. Суть противоположного способа образования определений и понятий заключается в синтезе и образовании новых признаков, характеристик в дополнении к существующим [1].

Диалектический метод предполагает построение общей теории систем, функции которой связаны с вопросами, обобщениями, оценками, устранениями неточностей и ошибок, интеграцией накопленного материала и опыта. Для построения теории Ю.А. Урманцев использует диалектический метод и выдвигает предпосылки [10].

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались методы анализа, синтеза, обобщения, классификации. Материалами исследования послужили научные работы по теории систем в контексте изучения проблемы анализа оснований категории «объект-система» в работе Ю.А. Урманцева.

Объектно-ориентированный системный анализ абстрагирует сущности проблемной области в объекты и использует базовые объектно-ориентированные концепции, такие как классы, наследование и полиморфизм, для описания структуры и поведения системы. В объектно-ориентированном системном анализе объекты представляют собой независимые сущности, которые нельзя разделить в системе, а классы – это абстракции объектов, описывающие свойства и поведение объектов. Объектно-ориентированный системный анализ абстрагирует сущности проблемной области на объекты и создает модель проблемной области для лучшего понимания и описания явлений.

Объектно-ориентированный системный анализ широко используется при интеграции теорий систем. С помощью объектно-ориентированного системного анализа можно создать более четкую, гибкую и удобную в обслуживании модель системы.

Результаты и обсуждения

Теория систем – это системная наука, знание, изучающее общие закономерности, структуры и законы систем. Она изучает общие характеристики различных систем, использует знания теории систем для количественного описания их функций, а также ищет и устанавливает принципы, модели, применимые ко всем системам. Слово «система» происходит от древнегреческого языка и означает целое, состоящее из частей. Систему обычно определяют как органическое целое с определенной функцией, состоящее из нескольких элементов, соединенных в определенную структурную форму. Это определение включает в себя четыре понятия системы, элемента, структуры и функции, указывающие на взаимосвязь между элементами и элементами, элементами и системами, а также системами и средой.

Согласно теории Ю.А. Уфимцева, существует 5 условий функционирования общей теории систем.

Первое условие основано на законе диалектики, согласно которому существует три формы воплощения системы: 1) пространственной – «простиранию»; 2) временной – к «длению – брению»; 3) динамической – «изменению + сохранению». Из них особенно важна третья форма, т.е. движение. Второе условие предполагает синтез различных материальных и идеальных объектов, проецируемых в объективном существовании окружающего мира. В данном контексте «объект» понимается как любой предмет как объективной, так и субъективной реальности [4]. Следующее условие – «единое» – представляет собой некоторое одинаковое для всех композиций («объектов-систем») данной системы («системы объектов данного рода») свойство (или признак), логически выступающее основанием классификации. Четвертое условие связано со взаимодействием «первичных» субстанций и элементов, которые обладают аддитивными, неаддитивными, аддитивно-неаддитивными свойствами. Данное условие фундаментально для построения системы и отражает закон диалектики о борьбе противоположностей. Последнее из предполагаемых ученым условий – «достаточность» – понимается в том же смысле, какой имеют в виду, когда говорят о необходимости достаточного количества материала и необходимых условий для сооружения какого-либо объекта.

Первое условие характеризует взаимосвязь пространства, времени и движения. Второе условие необходимо для понимания и демонстрации многообразия форм и явлений. Третье условие напрямую связано с пониманием категории «объектов-систем» и указывает на единство в многообразии. Именно с этим условием связана возможность классификации, данное условие не-

сет в себе определенность, детерминированность в сравнении самих систем, но не для объекта-системы в принципе. Четвертое условие направлено на создание объектов-систем, возникших в результате взаимодействия элементов и первичных субстанций. Пятое условие также считаем необходимым именно для объекта-системы, так как из него вытекает не только критерий «достаточный», но и критерий «критический», как критическая масса, критическое напряжение и т.п.

К понятию объекта-системы Ю.А. Урманцев приходит следующим образом: «Пользуясь условиями (1) – (5), мы можем утверждать, что «существует множество объектов. Это означает, что мы образовали комбинацию (1), (2), которая сводится к утверждению о существовании так называемого универсального множества, принятого в теории множеств. Онтологически же это суждение совпадает с суждением о существовании мира» [9].

Условие – это внутренняя причина, определяющая существование и развитие вещей, и являющаяся внутренним фундаментальным противоречием внутри вещей, а корень движения вещей – это внешние факторы, которые ограничивают и влияют на существование и развитие вещей. Они взаимосвязаны и ограничивают друг друга. Условие играет большую или принципиально решающую роль в развитии вещей. Разные основания определяют разные характеристики и разные возможности развития вещей. Условия действуют только через основания. Различие между условием и состоянием относительно, и при определенных условиях они могут трансформироваться друг в друга. Логически относится к положению вещей, в котором возникает определенная ситуация вещей, отраженная в гипотетическом суждении. Условия делятся на типы: достаточные и ненужные условия [2].

В силу сказанного правомерно: 1) все объекты, возникающие благодаря отношениям единства в соответствии с необходимыми условиями из ряда объектов, назвать композициями; 2) участвующие в образовании композиций объекты – «первичными» элементами; 3) Если элемент не один, то это множество «первичных» элементов; 4) законы единения (условия, ограничивающие отношения единства) – законами композиции [3].

Объект-система – это одна из основных концепций объектно-ориентированной теории систем, которая инкапсулирует данные и операции вместе для формирования независимых объектов. Объекты обладают свойствами и поведением, могут взаимодействовать с другими объектами посредством функций. Объектные системы имеют существенные преимущества при разработке теоретических концепций.

Выделение любого объекта как объекта-системы из среды по «первичным» элементам, Урманцев сравнивает с разрывом его «живых» связей, омертвлением его «деятельности», что

не дает определить и классифицировать характер связей [9]. Если объект есть и имеет границы по отношению к материи, следовательно, это внешние границы, так как материю мы мыслим бесконечной. Тогда единичный объект, в котором есть внутренняя граница, мы назовем объектом-множеством [7].

Наделив объект пространственными параметрами, мы получим объект-тело. Таким образом, из единичного объекта «тело» мы диалектически выводим два, при наличии внутренней границы. Складывая их критерии вместе, мы можем получить объект из множества тел. Но что если два или более тел стремятся в одно место? Ведь мы определили, что любой объект имеет свои внешние границы, а если это тела и их границы уже пространственные, как они могут находиться в одном месте? Они не смогут этого сделать, но будут взаимодействовать. В этот момент мы получаем не только сам феномен взаимодействия, но и такие феномены как движение – ведь объекты стремятся в одно место, феномен время – ведь взаимодействие это уже событие, а разные события могут быть не равны друг другу, ну и наконец, мы диалектически развиваем виды объектов и определяем объект-структуру. То есть объект, в котором тела взаимодействуют.

Для решения данной проблемы мы предлагаем следующие методы. Во-первых, они останутся в рамках материалистической диалектики, но на нее мы обязаны взглянуть более абстрактно, а применять её будем несколько шире. Во-вторых, мы определим все «связи», «взаимосвязи», «взаимодействия» и тому подобное, по характеру их возникновения. Если объект есть и имеет границы по отношению к материи, следовательно, это внешние границы, так как материю мы мыслим бесконечной [6]. Тогда единичный объект, в котором есть внутренняя граница, мы назовем объектом-множеством. Наделив объект пространственными параметрами, мы получим объект-тело. Таким образом, из единичного объекта «тело» мы диалектически выводим два, при наличии внутренней границы. Складывая их критерии вместе, мы можем получить объект из множества тел.

Таким образом, мы условия (1) – (4), вывели из поля оснований, в поле виды материальных объектов, и таким образом добились дифференциации самих объектов, что может позволить нам выделить объект систему. Установить, что объект-система – это не все объекты и не каждый объект универсума. Помимо него мы выделили еще четыре объекта – это единичный объект; объект-множество; объект-тело и объект-структура.

Выводы

На данном этапе вернемся ко второй части обозначенных нами проблем ОТС Ю.А. Урманцева,

а именно характеру «связи» в объектах-системах. На уровне объекта-структуры мы установили «взаимодействие» или «взаимосвязь» тел, но как должна развиваться структура, чтобы стать системой. И здесь мы обратимся к пятому условию «достаточность». Это условие считаем необходимым и для объекта-структуры (например, чтобы использовать структуру «ведро» у неё должно быть дно и достаточные стенки). А для объекта-системы, мы будем считать «достаточный» как критерий «критический». Таким образом, объектом-системой будет объект-структура, приведенный к критическому состоянию. А именно когда его тела (элементы) будут не просто взаимодействовать, а притягивать окружающие тела, образуя ядро – точку, в которую стремится все окружающее. Например, наше солнце объект, набравший критическую массу и притягивающий остальные тела солнечной системы, или атом притягивающий электроны, так же клетка, притягивающая питательные вещества. В этот момент проявляются феномены как ядро, так и «поле» действия ядра – что и образуют внешние элементы объекта-системы.

Объект-система – это объект-структура, приведенный к критическому состоянию, при котором образуется ядро, притягивающее тела, точка, в которую стремится все окружающее. Объектно-ориентированный системный анализ является очень важной частью профессиональных знаний по интеграции общей теории систем. С помощью метода объектно-ориентированного системного анализа мы можем лучше понять и описать проблемную область и создать более четкую, гибкую и поддерживаемую модель системы, тем самым повышая эффективность разработки и качество кода, а также улучшая удобство сопровождения и масштабируемость системы.

Литература

1. Абовский Н.П. Творчество: системный подход, законы развития, принятие решений. – М.: СИНТЕГ, 1998. – 312 с.
2. Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов с польского и английского. – М.: Прогресс, 1969. – С. 106–124.
3. Винограй Э.Г. Основы общей теории систем. – Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. 1993. – 339 с.
4. Веригин А.Н., Незамаев Н.А., Королёва Л.А. Развитие общей теории систем // Экономический вектор. 2017. № 3(10). С. 4–10.
5. Гайдес М.А. Общая теория систем (Системы и системный анализ). – М.: Глобус-пресс, 2005. – 201 с.
6. Жариков О.Н., Королевская В.И., Хохлов С.Н. Системный подход к управлению:

учеб. пособие для вузов / под ред. В.А. Персианова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 62 с.

7. Месарович М. Общая теория систем. – М.: Мир, 1978. – 316 с.
8. Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления // Общесметодологические проблемы системных исследований / под ред. Д.М. Гвишиани. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 360 с.
9. Урманцев Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложение и перспективы развития // Система, симметрия, гармония. – М.: Мысль, 1988. – С. 38–124.
10. Урманцев Ю.А. Что должно быть, что может быть, чего не может быть для систем // Развитие концепции структурных уровней в биологии. – М., 1972. – С. 294–304.

ANALYSIS OF SCIENTIFIC BASIS OF THE CATEGORY “OBJECT-SYSTEM” IN THE WORK OF Y.A. URMANTSEV “GENERAL THEORY OF SYSTEMS”

Rychansky D.A., Beryozkina I.V.

Institute of Social Sciences and Mass Communications, School No. 36

The article is devoted to the problem of analyzing the scientific foundations of the category “object-system” in the work of Yu.A. Urmantsev “General Theory of Systems”. Researchers refer to the goals and objectives that the author sets for himself, his definition of problems in the process of constructing a theory associated with excessive generality and trivial statements. Yu.A. Urmantsev suggests not only what should be and what can be, but also what cannot be in any systems – material and ideal. This forms the criteria for the object-system, distinguishing it from a number of other objects. To

build the theory, Yu.A. Urmantsev uses the dialectical method and puts forward reasonable assumptions. When choosing a condition, the authors of the article proceeded from the fact that existence is a fundamental characteristic of the system.

Keywords: object-system, category, systems theory, system, scientific foundations, condition.

References

1. Abovsky N.P. Creativity: a systems approach, laws of development, decision-making. – Moscow: SINTEG, 1998. – 312 p.
2. Boulding K. General systems theory – the skeleton of science // Studies in the general theory of systems. Collection of translations from Polish and English. – Moscow: Progress, 1969. – Pp. 106–124.
3. Vinograi E.G. Fundamentals of the general theory of systems. – Kemerovo: Kemerovo Technological Institute of the Food Industry, 1993. – 339 p.
4. Verigin A.N., Nezamaev N.A., Koroleva L.A. Development of the general theory of systems // Economic vector. 2017. No. 3 (10). Pp. 4–10.
5. Gaides M.A. General theory of systems (Systems and systems analysis). – M.: Globus-press, 2005. – 201 p.
6. Zharikov O. N., Korolevskaya V.I., Khokhlov S.N. Systems approach to management: Textbook for universities / Ed. by V.A. Persianov. – M.: UNITY-DANA, 2001. – 62 p.
7. Mesarovich M. General theory of systems. – M.: Mir, 1978. – 316 p.
8. Sadovsky V.N. Shift in paradigms of systems thinking // General methodological problems of systems research / Ed. by D.M. Gvishiani. – M.: Editorial URSS, 1999. – 360 p.
9. Urmantsev Yu.A. General theory of systems: state, application and development prospects // System, symmetry, harmony. – M.: Mysl, 1988. – P. 38–124.
10. Urmantsev Yu.A. What should be, what can be, what cannot be for systems // Development of the concept of structural levels in biology. – M., 1972. – P. 294–304.

Трансформация модели формирования религиозной идентичности молодежи в условиях виртуального пространства

Данилов Вячеслав Леонидович,

к.и.н., доцент кафедры теологии, философии и культурологии,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Бреусова Анна Георгиевна,

к.э.н., доцент кафедры региональной экономики и управления
человеческими ресурсами, Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: annabreusova@yandex.ru

В современном мире виртуальное пространство становится все более значимым фактором, влияющим на формирование религиозного сознания молодежи. Цифровизация общества создает новые возможности для распространения религиозных идей и практик, трансформируя традиционные формы религиозности. Статья посвящена исследованию влияния виртуального пространства на формирование религиозного сознания современной российской молодежи. Цель данного исследования заключается в выявлении специфики влияния виртуального пространства на формирование религиозного сознания современной российской молодежи. Особое внимание уделяется анализу трансформации традиционных религиозных практик в цифровой среде и их восприятию молодым поколением. На основе комплексного исследования анализируются особенности цифровой религиозности включающего анкетирование, глубинные интервью и контент-анализ, выявлены основные тенденции в развитии религиозного сознания молодежи под влиянием цифровизации. Установлено, что виртуальное пространство способствует формированию новой модели религиозности, характеризующейся синтезом традиционных верований и современных цифровых практик. Определены ключевые факторы, влияющие на религиозную идентичность молодежи в цифровую эпоху, и обоснована необходимость адаптации традиционных религиозных институтов к новым формам коммуникации. Результаты исследования имеют практическую значимость для развития религиозного образования и межкультурного диалога в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: виртуальное пространство, религиозное сознание, молодежь, цифровая религиозность, религиозная идентичность, социальные сети, религиозные практики, цифровизация.

Введение

Религиозные организации активно осваивают интернет-пространство, используя его для миссионерской деятельности и поддержания связи с верующими. При этом формируются новые способы религиозного самовыражения, включая виртуальные обряды и онлайн-богослужения.

Анализ научной литературы показывает, что религиозность молодого поколения претерпевает существенные изменения под влиянием цифровых технологий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания роли виртуального пространства в духовной жизни молодежи.

Религия, по мнению А.В. Баяндина, Д.А. Шарова и А.В. Рыбьяковой, представляет собой систему взглядов, основанную на вере в божественное начало. Она включает в себя не только моральные нормы и принципы, но и обряды, традиции, а также модели поведения, которые формируют мировоззрение человека. В Средние века религия играла центральную роль в жизни общества, объясняя многие социальные явления через призму божественного замысла. Однако в современном мире, где социальная реальность часто воспринимается как хаотичная и несправедливая, религия приобретает новое значение. Утрата веры в добро, справедливость и милосердие, по мнению авторов, делает религию важным инструментом для сохранения гуманности и нравственных ориентиров в обществе [1].

Анализ вовлеченности в религию, проведенный М.Д. Конуровым, Д.В. Паккаром и Н.В. Лукьяненко, позволяет выделить три ключевых аспекта религиозности: состояние, степень и характер. Состояние религиозности отражает место религии в жизни человека. Если в прошлом религиозные практики, такие как посещение храма, были обязательной частью повседневной жизни, то сегодня они часто воспринимаются молодежью как элемент культурного досуга или туристического интереса. Степень религиозности, то есть интенсивность проявления веры, также снижается, что особенно заметно среди молодого поколения. Характер религиозности, включающий представления о Боге и сакральном, также претерпевает изменения. Современная молодежь демонстрирует смешанные чувства по отношению к религии, что свидетельствует о поверхностном, а порой и рав-

нодушном отношении к религиозным ценностям [4].

В условиях цифровизации виртуальное пространство становится важным фактором формирования религиозного сознания. Как отмечает С.Ю. Белоруссова, многие религиозные организации активно осваивают интернет, видя в нем возможность для миссионерской деятельности и привлечения новых сторонников. Современные церкви используют профессиональные технологии для трансляции богослужений и создания качественного визуального контента, что делает религию более доступной и привлекательной для молодежи. Особую роль в цифровом пространстве играют православные блогеры, которые делятся на две группы: поддерживающих официальную позицию Русской Православной Церкви (РПЦ) и критикующих ее. Эти киберлидеры становятся проводниками религиозных идей, привлекая внимание молодежи через социальные сети и блоги. Однако, как подчеркивают священнослужители, интернет-служение рассматривается как промежуточный этап, цель которого – привести человека к реальному участию в церковной жизни. Примером такого подхода могут служить случаи, когда после онлайн-общения с блогерами или священниками нерелигиозные люди становились активными прихожанами [2].

Тем не менее, виртуальное пространство накладывает свои ограничения. Многие священнослужители с осторожностью относятся к проведению таинств и ритуалов онлайн, считая, что сакральные действия должны совершаться в реальной жизни. Однако для молодежи интернет остается основным источником информации о религиозных обычаях и традициях. Молодые люди активно изучают блоги, задают вопросы на форумах и в социальных сетях, что делает виртуальное пространство важным инструментом для формирования их религиозного сознания.

Современная молодежь активно использует цифровые технологии, включая их в различные сферы жизни, в том числе и в религиозную практику. Однако, как отмечают А.Г. Терехина, К.О. Каретникова и Л.Д. Фомина, многие молодые люди недостаточно осведомлены о сути цифровых религий, их особенностях, рисках и преимуществах. Интернет предоставляет доступ к информации о множестве религиозных традиций, но сложность и многообразие цифровых религий могут затруднить понимание их ценностей и смыслов. В своем исследовании авторы пришли к выводу, что цифровые религии представляют собой перенос религиозных компонентов, таких как ритуалы и практики, в цифровую среду. Также они рассматривают цифровые религии как новые формы религиозного учения, возникшие благодаря развитию технологий и интернет-культуры. В ходе исследования выяснилось, что у студентов цифровые религии

ассоциируются с онлайн-сервисами, такими как виртуальные свечи, молитвы, трансляции религиозных событий, а также с аккаунтами представителей церкви в социальных сетях и религиозными сообществами в интернете. При этом, хотя все участники исследования сталкивались с проявлениями цифровых религий, никто из них не состоял в религиозных интернет-сообществах [9].

Т.В. Шершнёва в своих работах подчеркивает, что религиозные убеждения и предписания не являются определяющими факторами поведения современной молодежи. Для молодых людей характерен рациональный подход к религии, который проявляется в использовании молитвы как инструмента для достижения конкретных целей, например, успешной сдачи экзаменов. Несмотря на доступность храмов и адаптированной религиозной литературы, эти ресурсы не получили широкого распространения среди молодежи. Религиозные праздники и обряды воспринимаются скорее как часть культурного наследия, лишенная глубокого духовного смысла. Автор отмечает, что понятия «вера» и «религиозность» не вызывают интереса у молодежи, а иногда даже ассоциируются с необразованностью или психическими отклонениями. Нравственные ориентиры формируются стихийно, под влиянием массовой культуры и контента социальных сетей, что приводит к отрыву образовательного процесса от реальных потребностей молодежи [10].

А.П. Романова, Д.А. Черничкин и М.С. Топчиев рассматривают виртуальную религиозную идентичность как способ отождествления себя с определенным религиозным сообществом в виртуальном пространстве. Это понятие включает в себя представления индивида о своей религиозной принадлежности, которые могут быть выражены через аватары и другие виртуальные образы. Виртуальная религиозная идентичность отличается изменчивостью и синтетичностью, отражая личные мотивы и религиозные ценности пользователя. Она может не иметь четкой фиксации, так как аватары часто создаются для создания эффекта подобия, но не обязательно отражают реальность. Авторы подчеркивают, что виртуальный религиозный мир может быть чрезвычайно разнообразен и фантазиен, даже если он имеет аналоги в реальной жизни. На трансформацию религиозной идентичности влияют как глобальные, так и локальные факторы, среди которых виртуальное пространство играет ключевую роль [8].

Виртуальное пространство становится все более значимым фактором формирования религиозного сознания современной российской молодежи. Как отмечают С.А. Лифанов и Т.Ю. Лифанова, цифровые инструменты религии служат достижению «массовой религиозности», выполняя просветительские и прозелитические функции, а также способствуя реализации индивидуальных

духовных потребностей. Религия и духовность занимают значительное место в структуре интернет-контента, что свидетельствует о возрастающей роли виртуальной среды в религиозной жизни. Однако виртуальность, как подчеркивают исследователи, приводит к фрагментации идентичности: человек может ощущать себя верующим в одной ситуации, но утрачивать эту связь в другой. Это связано с тем, что онлайн-среда не подчиняется традиционным иерархическим структурам, предоставляя пространство для альтернативных форм религиозности [5].

О.А. Полюшкевич обращает внимание на то, что виртуальное пространство позволяет молодежи делать более осознанный выбор религиозных убеждений. Это объясняет рост числа приверженцев различных конфессий и усиление религиозной идентичности среди молодых людей. В отличие от прошлых поколений, современная молодежь вступает в религиозные сообщества не по привычке или принуждению, а исходя из внутренних потребностей. Религиозная идентичность становится стержнем личности, что делает ее устойчивой к внешнему влиянию. Однако активное участие в виртуальных сообществах может снижать уровень реального взаимодействия, что создает новый культурный контекст, требующий внимания со стороны исследователей. Если традиционные религиозные движения не адаптируют свои ценности к цифровому формату, они рискуют утратить влияние на молодое поколение [6].

В виртуальном пространстве представлены разнообразные ресурсы: от тематических сайтов и социальных сетей до приложений, помогающих в соблюдении религиозных практик. Как отмечают И.В. Ивлев, О.Л. Дариенко и В. Шестаков, интернет, будучи глобальным коммуникативным пространством, может противоречить некоторым религиозным учениям, поскольку несет в себе определенные культурные и ценностные установки. Например, в конфуцианских обществах интернет воспринимается как угроза традиционным ценностям из-за продвижения идей свободы выражения и индивидуализма. Кроме того, неконтролируемый поток информации может подрывать авторитет религиозных лидеров и способствовать возникновению расколов внутри конфессий [3].

А.П. Романова и Д.А. Черничкин подчеркивают, что виртуальное пространство создает условия для постоянной трансформации религиозной идентичности. Молодежь, активно использующая интернет, оказывается подвержена влиянию мейнстримных трендов, что приводит к многократной смене религиозных убеждений. Виртуальная среда позволяет «примерять» различные идентичности, не совершая реального выбора, что делает процесс формирования религиозного сознания более гибким, но и менее устойчивым. Виртуальное пространство становится не только фактором,

но и вызовом для традиционных форм религиозности, требуя переосмысления подходов к взаимодействию с молодежью [7].

Методы исследования

Исследование посвящено изучению влияния виртуального пространства на формирование религиозного сознания современной российской молодежи. Основное внимание уделяется тому, как цифровые технологии, включая социальные сети, блоги, онлайн-ресурсы религиозных организаций и виртуальные религиозные практики, воздействуют на мировоззрение, религиозные убеждения и идентичность молодых людей. В фокусе исследования находятся такие аспекты, как степень вовлеченности молодежи в цифровые религиозные практики, характер их религиозности, а также трансформация религиозной идентичности под влиянием виртуальной среды.

Для сбора данных использовался комплексный подход, включающий количественные и качественные методы. Основными источниками данных стали анкетирование, глубинные интервью, анализ контента и экспертные интервью. Анкетирование проводилось среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, проживающей в крупных городах России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и Казань. В опросе приняли участие 500 человек, из которых 60% составили женщины и 40% мужчины. Анкета включала вопросы о частоте использования интернета для поиска религиозной информации, участии в онлайн-богослужениях, отношении к цифровым религиозным практикам и степени влияния виртуального пространства на их религиозные убеждения.

Глубинные интервью были проведены с 30 представителями молодежи, активно использующими интернет для взаимодействия с религиозным контентом. Эти интервью позволили выявить мотивы обращения к цифровым религиозным ресурсам, особенности восприятия онлайн-ритуалов и трансформацию религиозной идентичности. Анализ контента включал изучение популярных религиозных блогов, страниц в социальных сетях, таких как ВКонтакте, Instagram¹ и YouTube, а также онлайн-ресурсов традиционных религиозных организаций, включая Русскую Православную Церковь, исламские и буддийские сообщества. Особое внимание уделялось контенту, ориентированному на молодежь, включая видеотрансляции богослужений, молитвы, виртуальные свечи и дискуссии на религиозные темы.

Экспертные интервью были проведены с представителями религиозных организаций, священнослужителями и исследователями в области цифровых религий. Это позволило получить про-

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

фессиональную оценку роли виртуального пространства в формировании религиозного сознания молодежи. Для обеспечения репрезентативности исследования были установлены критерии, такие как возраст участников (18–30 лет), география (крупные города России), религиозная принадлежность (православные, мусульмане, буддисты, нерелигиозные) и активность в интернете (регулярное использование социальных сетей и онлайн-ресурсов).

При анализе данных учитывались социально-демографические характеристики участников, включая возраст, пол, уровень образования и место проживания. Также принимался во внимание уровень цифровой грамотности, религиозный бэкграунд, культурный контекст и технологические ограничения, такие как доступность интернета и качество цифрового контента. Участники исследования представляли собой разнородную группу, включающую молодежь с различным уровнем образования, религиозной принадлежностью и активностью в интернете.

Для анализа данных использовались количественные и качественные методы. Данные анкетирования обрабатывались с помощью статистических методов, включая корреляционный анализ и построение диаграмм для визуализации результатов. Интервью и экспертные мнения анализировались с использованием метода тематического кодирования, что позволило выделить ключевые темы и закономерности. Контент-анализ онлайн-ресурсов и социальных сетей проводился с использованием инструментов анализа текста и визуального контента.

Результаты исследования

Проведенное исследование выявило существенное влияние виртуального пространства на формирование религиозного сознания современной российской молодежи. Анализ полученных данных позволил выделить несколько ключевых аспектов этого влияния.

Цифровая вовлеченность в религиозные практики показала высокий уровень активности молодежи в виртуальном религиозном пространстве. 78% респондентов регулярно используют интернет для поиска религиозной информации, причем 45% делают это ежедневно. Наиболее популярными платформами являются социальные сети (ВКонтакте – 65%, Instagram¹ – 48%) и YouTube (52%). При этом 33% опрошенных участвуют в онлайн-богослужениях хотя бы раз в месяц.

Анализ мотивации обращения к религиозному контенту в интернете выявил три основных фактора: удобство доступа к информации (82%), возможность анонимного изучения религиозных во-

просов (67%) и потребность в духовном развитии (58%). Глубинные интервью показали, что молодые люди ценят возможность самостоятельного выбора религиозного контента и формата его потребления.

Трансформация религиозной идентичности под влиянием виртуального пространства проявляется в формировании гибридных форм религиозности. 42% респондентов отметили, что их религиозные взгляды стали более эклектичными благодаря доступу к разнообразной религиозной информации в интернете. При этом 35% опрошенных признают, что виртуальные религиозные практики частично заменили им традиционные формы религиозного участия.

Контент-анализ религиозных онлайн-ресурсов показал значительное разнообразие форматов представления религиозной информации. Наиболее эффективными оказались короткие видеоролики (engagement rate 7,2%), инфографика (6,8%) и интерактивные форматы (5,9%). Религиозные организации активно адаптируют свой контент под запросы молодежной аудитории, используя современные digital-инструменты.

Экспертные интервью выявили неоднозначное отношение религиозных лидеров к цифровизации религиозных практик. 60% экспертов признают необходимость присутствия религиозных организаций в виртуальном пространстве, однако подчеркивают важность сохранения традиционных форм религиозной жизни.

Исследование также показало гендерные различия в восприятии виртуальных религиозных практик. Женщины проявляют больший интерес к эмоциональным и визуальным форматам религиозного контента (72%), в то время как мужчины предпочитают аналитические материалы и теологические дискуссии (68%).

Особый интерес представляет корреляция между уровнем образования респондентов и их отношением к виртуальным религиозным практикам. Молодые люди с высшим образованием демонстрируют более критический подход к религиозному контенту в интернете (коэффициент корреляции 0,72) и чаще обращаются к первоисточникам и научной литературе.

В целом результаты исследования свидетельствуют о формировании новой модели религиозного сознания молодежи, характеризующейся синтезом традиционных религиозных представлений и современных цифровых практик. Это требует дальнейшего изучения и разработки адекватных подходов к религиозному образованию и коммуникации с молодежной аудиторией в виртуальном пространстве.

Выводы

Проведенное исследование влияния виртуального пространства на формирование религиозного со-

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

знания современной российской молодежи позволяет сделать ряд существенных заключений.

Виртуальное пространство стало значимым фактором в формировании религиозного мировоззрения молодого поколения россиян. Высокий уровень цифровой вовлеченности молодежи в религиозные практики, подтвержденный статистическими данными, свидетельствует о трансформации традиционных форм религиозности под влиянием современных технологий.

Исследование подтвердило формирование новой модели религиозного сознания, характеризующейся синкретизмом традиционных верований и цифровых практик. Значительная часть молодых людей успешно интегрирует виртуальные религиозные практики в свою духовную жизнь, что приводит к возникновению гибридных форм религиозности. Выявленные гендерные различия в восприятии религиозного контента и корреляция между уровнем образования и критическим подходом к религиозной информации указывают на необходимость дифференцированного подхода к религиозному просвещению в виртуальном пространстве.

Результаты исследования демонстрируют необходимость адаптации традиционных религиозных институтов к новым формам коммуникации с молодежью. При этом важно соблюдать баланс между инновационными подходами и сохранением фундаментальных религиозных ценностей. Полученные данные могут служить основой для разработки эффективных стратегий религиозного образования и коммуникации в цифровую эпоху. Дальнейшие исследования в этой области позволят лучше понять долгосрочные последствия цифровизации религиозных практик и их влияние на формирование религиозной идентичности молодого поколения.

Литература

- Баяндин, А.В. Проблема религиозности современной молодежи / А.В. Баяндин, Д.А. Шаров, А.В. Рыбьякова // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2021. – Т. 1. – С. 177–180. – EDN CFK-MTD.
- Белоруссова, С.Ю. Религия в виртуальном пространстве / С.Ю. Белоруссова // Этнография. – 2021. – № 4(14). – С. 94–118. – DOI 10.31250/2618–8600–2021–4(14)-94–118. – EDN SYPKTC.
- Ивлев И.В., Дариенко О.Л., Шестаков В., Ивлев В. Актуальные проблемы религиозной коммуникации в информационном пространстве // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты: Материалы IX Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Горловка, 29 марта 2024 года. – Горловка: Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 53–60. – EDN VHSSOK.
- Конурова, М.Д. Феномен религиозности современной молодежи / М.Д. Конурова, Д.В. Паккар, Н.В. Лукьяненко // Материалы конференций ГНИИ «Нацразвитие»: Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие», Санкт-Петербург, 10–13 февраля 2021 года. – Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. – С. 146–148. – EDN XUFJRR.
- Лифанов, С.А. Виртуализация религии и влияние цифровых технологий на формирование религиозной идентичности / С.А. Лифанов, Т.Ю. Лифанова // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Грозный, 09–10 декабря 2022 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2022. – С. 216–224. – EDN YXNXOF.
- Полюшкевич, О.А. Идентичность и солидарность: религиозность виртуального пространства / О.А. Полюшкевич // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации: Материалы Всероссийского научного семинара, Астрахань, 28–30 октября 2020 года / Под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Черничина. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет», 2020. – С. 165–171. – EDN GDHDJW.
- Романова, А.П. Проблемы виртуальной религиозной идентичности / А.П. Романова, Д.А. Черничкин // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 59–73. – DOI 10.31249/poln/2020.04.03. – EDN AMYIWD.
- Романова, А.П. Факторы трансформации современной религиозной идентичности российской молодежи в виртуальном пространстве / А.П. Романова, Д.А. Черничкин, М.С. Топчиев // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2020. – № 3(13). – С. 96–113. – EDN LWCSYL.
- Терехина, А.Г. Цифровые религии в представлении молодежи / А.Г. Терехина, К.О. Каретникова, Л.Д. Фомина // Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения: Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Кемерово, 25 мая 2023 года / под общей редакцией О.Ф. Гаврилова, О.И. Жуковой, С.Н. Чируна. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. – С. 219–224. – EDN BCEUPB.

10. Шершнева, Т.В. Проявления религиозности личности в молодежной среде / Т.В. Шершнева // Психология в системе социально-производственных отношений: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Красноярск, 17 апреля 2020 года. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2020. – С. 130–134. – EDN TXUGNI.

TRANSFORMATION OF THE MODEL FOR THE FORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY OF YOUNG PEOPLE IN VIRTUAL SPACE

Danilov V.L., Breusova A.G.

Dostoevsky Omsk State University

In the modern world, virtual space is becoming an increasingly significant factor influencing the formation of religious consciousness of young people. Digitalization of society creates new opportunities for the dissemination of religious ideas and practices, transforming traditional forms of religiosity. The article is devoted to the study of the influence of virtual space on the formation of religious consciousness of modern Russian youth. The purpose of this study is to identify the specifics of the influence of virtual space on the formation of religious consciousness of modern Russian youth. Particular attention is paid to the analysis of the transformation of traditional religious practices in the digital environment and their perception by the younger generation. Based on a comprehensive study, the features of digital religiosity are analyzed, including questionnaires, in-depth interviews and content analysis, the main trends in the development of religious consciousness of young people under the influence of digitalization are identified. It is established that virtual space contributes to the formation of a new model of religiosity, characterized by a synthesis of traditional beliefs and modern digital practices. The key factors influencing the religious identity of young people in the digital age are identified, and the need to adapt traditional religious institutions to new forms of communication is substantiated. The results of the study are of practical importance for the development of religious education and interfaith dialogue in the virtual space.

Keywords: virtual space, religious consciousness, youth, digital religiosity, religious identity, social networks, religious practices, digitalization.

References

1. Bayandin, A.V. The problem of religiosity of modern youth / A.V. Bayandin, D.A. Sharov, A.V. Rybakova // Formation of a humanitarian environment at the university: innovative educational technologies. Competence-based approach. – 2021. – Vol. 1. – Pp. 177–180. – EDN CFKMTD.
2. Belorussova, S. Yu. Religion in virtual space / S. Yu. Belorussova // Ethnography. – 2021. – No. 4 (14). – Pp. 94–118. – DOI 10.31250/2618–8600–2021–4(14)–94–118. – EDN SYPKTC.
3. Ivlev I.V., Darienko O.L., Shestakov V., Ivlev V. Actual problems of religious communication in the information space // Actual issues of economics and management: theoretical and applied aspects: Proceedings of the IX International scientific and practical conference. In 2 parts, Gorlovka, March 29, 2024. – Gorlovka: Donetsk National Technical University, 2024. – Pp. 53–60. – EDN VHSSOK.
4. Konurova, M.D. The phenomenon of religiosity of modern youth / M.D. Konurova, D.V. Pakkar, N.V. Lukyanenko // Proceedings of the conferences of the State Research Institute «Natravzvitie»: Collection of selected articles based on the materials of scientific conferences of the State Research Institute «Natravzvitie», St. Petersburg, February 10–13, 2021. – Saint Petersburg: State Research Institute «Natravzvitie», 2021. – P. 146–148. – EDN XUFJRR.
5. Lifanov, S.A. Virtualization of religion and the influence of digital technologies on the formation of religious identity / S.A. Lifanov, T. Yu. Lifanova // Humanitarian knowledge and spiritual security: Collection of materials of the IX International scientific and practical conference, Grozny, December 9–10, 2022. – Makhachkala: Limited Liability Company «ALEF Publishing House», 2022. – P. 216–224. – EDN YXNXOF.
6. Polyushkevich, O.A. Identity and solidarity: religiosity of virtual space / O.A. Polyushkevich // Religious identity and intercultural communications: Proceedings of the All-Russian scientific seminar, Astrakhan, October 28–30, 2020 / Under the general editorship of A.P. Romanova, D.A. Chernichkin. – Astrakhan: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Astrakhan State University», 2020. – P. 165–171. – EDN GDHDJW.
7. Romanova, A.P. Problems of virtual religious identity / A.P. Romanova, D.A. Chernichkin // Political science. – 2020. – No. 4. – P. 59–73. – DOI 10.31249/poln/2020.04.03. – EDN AMYIWD.
8. Romanova, A.P. Factors of Transformation of Modern Religious Identity of Russian Youth in the Virtual Space / A.P. Romanova, D.A. Chernichkin, M.S. Topchiev // Abyss (Problems of Philosophy, Political Science and Social Anthropology). – 2020. – No. 3(13). – P. 96–113. – EDN LWCSYL.
9. Terekhova, A.G. Digital Religions in the Minds of Young People / A.G. Terekhova, K.O. Karetnikova, L.D. Fomina // Social Communications: Philosophical, Political, Religious, Cultural and Historical Dimensions: Collection of Articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Kemerovo, May 25, 2023 / Edited by O.F. Gavrilov, O.I. Zhukova, S.N. Chirun. – Kemerovo: Kemerovo State University, 2023. – P. 219–224. – EDN BCEUPB.
10. Shershneva, T.V. Manifestations of Religiosity of an Individual Among the Youth / T.V. Shershneva // Psychology in the System of Social and Industrial Relations: Collection of Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, April 17, 2020. – Krasnoyarsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev», 2020. – P. 130–134. – EDN TXUGNI.

Связь гедонизма и утилитаризма: историческая эволюция или концептуальное противоречие?

Мартынова Надежда Дмитриевна,

аспирант, кафедра философии, Казанский федеральный университет

E-mail: martynadezhda@gmail.com

Традиционно утилитаризм рассматривается как этическое учение, направленное на достижение общего блага, в то время как гедонизм связывается с индивидуальным стремлением к удовольствию. Однако в данной статье анализируется вопрос о том, является ли это противопоставление сущностным или представляет собой номинальное разграничение, обусловленное интерпретационными традициями. Рассматриваются аргументы в пользу концепции утилитаризма как про-социального развития гедонизма, основанного на приоритете удовольствия и минимизации страданий, а также критические позиции, демонстрирующие концептуальные различия между этими философскими направлениями. В ходе анализа выявляется, что утилитаризм сохраняет гедонистические основания, но интегрирует их в этическую модель коллективного блага, в то время как гедонизм, стремясь сохранить философскую и моральную состоятельность, неизбежно приобретает социальное измерение, приближаясь к утилитаристской этике. Тем не менее, аргументы Г. Сиджвика и Д.Э. Мура ставят под сомнение возможность однозначного отождествления утилитаризма с гедонизмом, выявляя методологическую сложность определения их взаимосвязи. Таким образом, вопрос о разграничении или объединении данных концепций остаётся открытым и во многом зависит от исследовательской перспективы.

Ключевые слова: гедонизм, утилитаризм, страдания, удовольствие, общее благо.

Принято считать, что утилитаризм как этическое учение ориентирован на общее благо, тогда как гедонизм – на личное удовольствие. Такое противопоставление широко распространено и выглядит логичным. Само наличие двух разных терминов – «гедонизм» и «утилитаризм» – указывает на различие этих философских направлений. Однако исторический контекст возникновения и развития этих учений вызывает сомнения: является ли это разграничение номинальным или сущностным? Не искусственно ли оно возникает из-за упрощённой интерпретации? В данной статье анализируется взаимоотношение философских традиций утилитаризма и гедонизма. Рассматриваются аргументы в пользу того, что утилитаризм можно интерпретировать как про-социальное (ориентированную на общественное благо, а не только на индивидуальное удовольствие) историческое развитие философии гедонизма, а также аргументы в защиту позиции, что гедонизм является принципиально отличным от утилитаризма этическим учением.

Перейдём к рассмотрению аргументов, подтверждающих, что утилитаризм представляет собой про-социальное развитие гедонизма.

1. В основе классического утилитаризма лежат принципы гедонизма.

Утилитаризм можно рассматривать как форму гедонизма, поскольку:

а. И утилитаризм и гедонизм берут за основу стремление к удовольствию и минимизацию страданий. и

б. Классический утилитаризм так же произрастает из приоритета *индивидуального* удовольствия (и отсутствия страданий), как и классический гедонизм.

1.а. Удовольствие и страдание – как основа морали для гедонизма и утилитаризма.

Идея пересечения философского смысла гедонизма и утилитаризма регулярно встречается у исследователей. Так, российский исследователь М. Сушенцова в статье «Утилитаризм И. Бентама и Дж.С. Милля: от добродетели к рациональности» отмечает, что «Бентам и Милль формируют свою этическую доктрину на базе гедонизма» [6]. Ю.Ю. Кузьмина в кандидатской диссертации «Гедонистические основания художественного и научного творчества» подчеркивает, что творчество Бентама демонстрирует сходство и взаимодействие утилитаризма с гедонизмом [2]. Исследова-

тели Н.А. Некрасова и Ф.А. Тригубенко указывают, что гедонизм, эвдемонизм и утилитаризм имеют одинаковую внутреннюю логику обоснования [5].

И действительно, утилитаризм основывается на том же понимании блага и ценностей, что и гедонизм: оба учения исходят из того, что моральная оценка действия должна основываться на том, приводит ли это действие к страданию или удовольствию.

И. Бентам в работе «Введение в основания нравственности и законодательства» прямо утверждает, что удовольствие и боль лежат в основе его моральной системы: «Природа поставила человечество под власть двух верховных повелителей – боли и удовольствия. Только они указывают нам, что следует делать, и определяют, что мы сделаем... Принцип полезности признаёт это подчинение и делает его основанием системы, стремящейся воздвигнуть здание счастья руками разума и закона» [7, с. 6].

Его последователь Дж.С. Милль в работе «Утилитаризм» развивает эту мысль, подчёркивая, что удовольствие и боль являются основой утилитаризма: «Доктрина, которая в качестве фундамента морали принимает Пользу, или Принцип Наибольшего Счастья, исходит из того, что действия являются правильными или неправильными в той мере, в какой они способствуют или препятствуют увеличению счастья. Под счастьем подразумевается удовольствие и отсутствие боли; под несчастьем – боль и лишение удовольствия», – пишет Дж.С. Милль [4, с. 45].

Таким образом, английские философы, представители философии утилитаризма, И. Бентам и Дж.С. Милль чётко артикулируют гедонистические основания утилитаризма, связывая мораль с личным опытом страдания и удовольствия.

1.6. Индивидуализм в основе утилитаризма.

В статье «Гедонистический образ жизни в современном обществе потребления» отмечается: «В отличие от утилитаризма, гедонизм разрешает стремление не столько к общественным, сколько к личным, эгоистическим наслаждениям» [3]. Такое противопоставление утилитаризма и гедонизма часто рассматривается как классическое в современной философской традиции. Однако взаимосвязь утилитаризма с общественным и личным благом представляется более сложной. И утилитаризм, и гедонизм исходят из стремления к личному удовольствию, но классические утилитаристы, такие как И. Бентам и Дж.С. Милль, утверждали, что между личным рациональным интересом и общественным благом нет противоречия. Иеремия Бентам в своей «Деонтологии» объяснял, что достижение личного удовольствия требует соблюдения моральных норм, поскольку это ведёт к долгосрочному благополучию. Он утверждал: «Определение для каждого человека в каждой ситуации того, какое поведение наиболее способствует его

счастью: его *собственному счастью* – в первую и последнюю очередь; счастьем других – только в той мере, в какой *его счастье* обеспечивается содействием их благополучию, а *его интересы* совпадают с их интересами» [8, с. 123]. Бентам полагал, что задача деонтологии – показать, как забота об удовольствии и счастье окружающих соответствует личным интересам. Он писал: «Какова же задача деонтолога? В каждом случае выводить из тени ... точки совпадения, в которых интересы, направленные вовне, связаны и самой природой отождествлены с интересами, направленными на самого себя» [8, с. 193].

Джон Стюарт Милль поддерживал эту логику, отмечая, что личное счастье невозможно без учёта интересов других. Он писал: «Необходимо особо подчеркнуть связь между личным счастьем и тем, как поступки человека, положительные и отрицательные, должны соотноситься с общечеловеческими правилами и понятиями о счастье; это означает не только невозможность личного счастья, если поведение человека наносит ущерб общему благу, но также и привычную готовность всегда без колебаний действовать в его интересах» [4, с. 79].

Классический утилитаризм И. Бентама и Дж.С. Милля можно рассматривать как философию, обосновывающую связь личного удовольствия с общественным благом. Генри Сиджвик, исследуя философию утилитаризма, развивал эту мысль И. Бентама и Дж.С. Милля как гипотезу, требующую анализа: будет ли «рациональный эгоист» всегда вести себя про-социально, то есть станет ли забота о собственном счастье для рационального эгоиста неизменно благом для общества? [12, с. 78] Для И. Бентама и Дж.С. Милля ответ на этот вопрос был бы однозначно положительным (особенно в случае верно устроенного законодательства в обществе – по И. Бентаму).

Таким образом, утилитаризм можно рассматривать как философию, глубоко укоренённую в индивидуализме. Во-первых, любое обсуждение страдания и удовольствия неизбежно связано с личными переживаниями, что делает индивидуальный опыт центральным элементом морального рассуждения. Во-вторых, классические утилитаристы, такие как Милль и Бентам, считали, что мораль проистекает из рационального стремления к личному счастью. Они полагали, что мир устроен так – или должен быть устроен так – что индивидуальное стремление к удовольствию приведёт к общественному благу. И. Бентам и Дж.С. Милль подчёркивали, что утилитаризм – это не отказ от личного интереса, а способ его интеграции в общественное благо. Утилитаризм для них остаётся философией, проистекающей из индивидуально понятого счастья, которое, будучи рационально преследуемым, гармонизируется с интересами общества.

2. Ключевые философы утилитаризма и гедонизма рассматривали эти традиции как концептуально взаимосвязанные.

В статье «Утилитаризм» А. Прокофьев отмечает преемственность утилитаризма и гедонизма, указывая (хотя автор не считает их тождественными): «утилитаризм всегда тяготел к ... (гедонистическим) интерпретациям блага (и Бентам, и Милль прямо называли Эпикура своим предшественником)» [1].

Генри Сиджвик, автор «Методов этики», также определял себя как гедониста и использовал термины «утилитаризм» и «универсалистский гедонизм» взаимозаменяемо, хотя и различал их философские основания, отмечая парадоксы каждого подхода отдельно. Он также исследовал и взгляды И. Бентама, Дж.С. Милля и (хоть и в меньшей степени) Эпикура в контексте различных форм гедонизма.

Современные философы гедонизма продолжают эту традицию, связывая гедонизм и утилитаризм. Например, современный французский философ Мишель Онфре, автор «Манифеста гедониста», включает И. Бентама и Дж.С. Милля в гедонистическое наследие, описывая их как «новейших сторонников эпикурейского гедонизма: английских философов Джона Стюарта Милля и Джереми Бентама» [10, с. 20]. А современный британский философ Дэвид Пирс, автор работы «Гедонистический императив», прямо определяет себя как утилитариста [11].

Мы видим, что философы демонстрируют тесную связь между утилитаризмом и гедонизмом. Утилитаристы признавали гедонистические основания своих учений, а гедонисты, включая современных мыслителей, рассматривали утилитаризм как продолжение гедонистической традиции.

3. Современная социальная осведомленность препятствует развитию гедонизма вне утилитаризма и утилитаризма без опоры на гедонизм.

3.а. После Нового времени гедонизм требует социально-этического обоснования и неизбежно трансформируется в утилитаризм.

Развитие философской мысли привело к тому, что в Новое время философия всё больше фокусируется на человеке как на *социальном* существе. В Новое время философия всё больше фокусируется на человеке как на социальном существе. Хотя античная этика уже включала социальное измерение (например, у Платона, Аристотеля, стоиков), в её основе лежала идея личной добродетели. В отличие от этого, у Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббса и Дж. Локка мораль формируется через общественные институты, нормы и договор, а не только через индивидуальное развитие. Возникновение утилитаризма фактически ставит точку в возможности развития гедонистической философии, «слепой» к социальному происхождению или из-

мерению морали. Поэтому гедонизм без социального измерения перестаёт восприниматься как философская концепция, тем более как этическая теория, оставаясь лишь личной стратегией жизни. Эту мысль подтверждает и сам философ-гедонист, Мишель Онфре. В работе «Манифест гедониста» мы находим его мысль о том, что «гедонизм не является моральной системой, если вы не придаёте значения другому» [10, с. 96]. Он приводит максимуму Шамфора как гедонистический императив: «Наслаждайся и позволь другим наслаждаться, не причиняя вреда ни себе, ни кому-либо другому» [10, с. 96]. Онфре подчёркивает: «Никакая этика невозможна без этого. Мораль – это про других людей» [10, с. 96]. Таким образом, если сегодня гедонизм замыкается на личном удовольствии, он теряет этическое и даже философское содержание. Социальной формой личного эгоизма выступает признание права других людей на удовольствие и избегание страданий как необходимый элемент этического обоснования. Таким образом, личный гедонизм расширяется до социальной этики, где важно не только собственное удовольствие, но и уважение к удовольствию других. Логическим продолжением этой идеи становится признание удовольствия наибольшего числа людей как блага.

Кроме того, Генри Сиджвик в «Методах этики» указывает на логическую необходимость перехода от гедонизма к утилитаризму (где благо понимается как удовольствие наибольшего числа людей). Г. Сиджвик формирует эту необходимость перехода как логический парадокс, который возникает в самой основе эгоистического гедонизма. Если человек признаёт важность удовольствий, ожидаемых в будущем, то тем самым он соглашается с необходимостью заботы о своём будущем «я», которое по своей природе ничем не отличается от любого другого субъекта (то есть другого человека). Сиджвик формулирует этот парадокс таким образом: «Если эго – это лишь система феноменов, а постоянное «я» – вымысел, почему одна часть ощущений должна заботиться о другой больше, чем о любых других ощущениях?» [12, с. 203]. Таким образом, Г. Сиджвик пытается показать, что эгоистический гедонизм неизбежно сталкивается с внутренним логическим противоречием: если человек принимает важность удовольствия для себя в будущем, он должен признать равнозначность удовольствия любого другого человека, поскольку и его будущее «я», и любое другое «я» представляют собой феномены, существующие за пределами непосредственного опыта. Это рассуждение концептуально подрывает основу эгоистически понятого гедонизма, показывая, что индивидуальное наслаждение не может быть единственным ориентиром моральной философии. Таким образом, гедонизм вынужден либо трансформироваться в этику, включающую заботу о других

(то есть утилитаризм), либо остаться на уровне субъективной жизненной стратегии, не имеющей философской значимости.

3.б. Философия утилитаризма в постмодерне с необходимостью нуждается в опоре на индивидуализм и личные переживания удовольствия и страдания.

Философия утилитаризма в постмодернистском контексте неизбежно опирается на примат индивидуального опыта удовольствия и страдания. Критика метанарративов, возникшая после Второй мировой войны как реакция на опыт тоталитарных режимов (Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Т. Адорно, М. Хоркхаймер), сформировала в философии и культуре глубокое недоверие к идее общего блага, если оно не ограничено уважением к индивидуальной свободе и субъективным переживаниям. В этом контексте утилитаризм, понимаемый как стремление к всеобщему благу, лишённому приоритета индивидуальных чувств и свободы, становится трудно вообразимой сегодня этической позицией, ведь подобная концепция легко превращается в тоталитарную утопию, где общее благо подменяет личное счастье, открывая путь к риторике, исторически сопряжённой с фашистскими и авторитарными идеологиями. Поэтому из-за исторических и культурных причин в рамках развития современной философии утилитаризм вынужден ограничивать себя, признавая значимость индивидуального опыта счастья, тем самым глубже укореняя себя в своей исторической взаимосвязи с гедонизмом.

Таким образом, гедонизм и утилитаризм под давлением логики истории и развития философии оказываются в вынужденно связанном положении, опираясь друг на друга: утилитаризм черпает свою этическую основу из гедонистического понимания блага как удовольствия и избегания страданий, тогда как гедонизм, стремясь сохранить философскую и моральную состоятельность, неизбежно приобретает социальное измерение, приближаясь к утилитаристской этике общего блага. Тем не менее, существуют два весомых контраргумента против утверждения, что утилитаризм является про-социальной формой гедонизма.

1. Аргумент Г. Сиджвика: эгоистически интерпретированный гедонизм не обязательно ведёт к утилитаризму, а утилитаристское поведение не всегда связано с личным удовольствием и счастьем (с эгоистически понятым гедонизмом).

Как уже отмечалось, в работах И. Бентама связь между индивидуальным стремлением к удовольствию и общественным благом была одной из ключевых идей, тогда как Дж.С. Милль принял её как данность, не делая на ней особого акцента; Генри Сиджвик же подверг эту связь сомнению.

В своей работе «Методы этики» Генри Сиджвик приходит к выводу, что связь между личными инте-

ресами и моральным поведением не имеет убедительных доказательств. В своих рассуждениях он создаёт образ рационального эгоиста, чтобы проанализировать, совпадёт ли его поведение с общепринятыми моральными нормами. Г. Сиджвик описывает такого эгоиста как человека, который может проявлять социальные добродетели ради личной выгоды. Однако гедонизм, рассматриваемый исключительно через призму эгоизма, не способен сдерживать человека от аморальных поступков, если они сулят личное удовольствие или помогают избежать страданий. В качестве примера он отмечает, что человек, следующий эгоистическому гедонизму способен причинить вред окружающим, если есть уверенность, что последствия останутся незамеченными, а действие принесёт удовлетворение [12, с. 78]. Он так же разрывает связь между утилитаристским поведением – поведением направленным на общее благо и личным счастьем, удовольствием человека: «... неразрывная связь между утилитаристским долгом и величайшим счастьем индивида, который ему следует, не может быть удовлетворительно продемонстрирована на эмпирических основаниях» [12, с. 245].

Таким образом, в своем анализе Г. Сиджвик демонстрирует, что на практике утилитаризм не обязательно является логическим продолжением гедонистического поведения, как и утилитаризм не обязательно является гедонистическим выбором: связь между гедонизмом и утилитаризмом носит скорее концептуальный, чем эмпирический характер, выявляя разрыв между индивидуальной выгодой и общественным благом.

2. Аргумент Д.Э. Мура: утилитаризм не обязательно должен базироваться на гедонизме.

Д.Э. Мур в *Principia Ethica* («Принципы этики») подвергает критике связь между утилитаризмом и гедонизмом, согласно которому удовольствие является единственным высшим благом. Анализируя логические противоречия гедонизма, он утверждает, что существуют иные внутренне ценные состояния, такие как красота и знание, не сводимые к удовольствию [9]. Эти ценности обладают самостоятельной значимостью и также могут рассматриваться как высшие блага. Критика Мура разрывает традиционную связь утилитаризма с гедонистическими основаниями, демонстрируя, что утилитаризм может ориентироваться не только на максимизацию удовольствия, но и на стремление к множеству иных интуитивно ценных состояний. Таким образом, он показывает, что утилитаристская этика может основываться на разнообразных формах внутреннего блага, выходя за пределы гедонизма.

Вывод

Подводя итоги, можно сказать, что анализ взаимоотношений утилитаризма и гедонизма демонстри-

рует сложность и многоплановость их философской связи. Несмотря на то, что логически и концептуально эти традиции могут существовать как самостоятельные и несводимые друг к другу учения, что подтверждается критическими аргументами Г. Сиджвика и Д.Э. Мура, исторический контекст их развития выявляет глубокое взаимопроникновение. Эта связь прослеживается не только в общей ценностной основе, но и в преемственности идей, отражённой в трудах ведущих философов, от Бентама и Милля, до современных исследователей.

Таким образом, утилитаризм может быть понят как про-социальное расширение гедонизма: утилитаризм сохраняет гедонистические основания, но выводит их в этическую плоскость коллективного блага. В то же время гедонизм, развиваясь в условиях современной этической мысли, неизбежно приобретает социальное измерение, приближаясь к утилитаристскому пониманию общего блага.

В конечном счёте, вопрос о том, следует ли рассматривать утилитаризм и гедонизм как отдельные или взаимосвязанные философские традиции, остаётся открытым и во многом определяется исследовательской оптикой. Научный подход к их интерпретации может быть сфокусирован как на исторических и концептуальных пересечениях, так и различия в этических основаниях. Выбор исследовательской позиции – рассматривать их как единое направление или как принципиально разные традиции – является вопросом методологии и целей научного анализа.

Литература

1. Андрей Прокофьев Утилитаризм // Философская антропология. 2019. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utilitarizm> (дата обращения: 22.02.2025).
2. Кузьмина Ю.Ю. Гедонистические основания художественного и научного творчества: дис. ... канд. филос. наук: 17.00.09 / Барнаул, 2006. – URL: <https://www.dissercat.com/content/gedonisticheskie-osnovaniya-khudozhestvennogo-i-nauchnogo-tvorchestva> (дата обращения: 21.02.2025).
3. Мальцева Светлана Михайловна, Кубышева Олеся Олеговна Гедонистический образ жизни в современном обществе потребления // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 8 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gedonisticheskiy-obraz-zhizni-v-sovremennom-obschestve-potrebleniya> (дата обращения: 22.02.2025).
4. Милль Дж.С. Утилитаризм / пер. с англ., предисл. А.С. Земерова. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. – 240 с.
5. Некрасова Н. А., Тригубенко Ф.А. О проблеме обоснования моральных принципов // Ученые

записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-obosnovaniya-moralnyh-printsiptov> (дата обращения: 22.02.2025).

6. Сушенцова М.С. Утилитаризм И. Бентама и Дж.С. Милля: от добродетели к рациональности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utilitarizm-i-bentama-i-dzh-s-millya-ot-dobrodeteli-k-ratsionalnosti> (дата обращения: 22.02.2025).
7. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation [Электронный ресурс] / Дж. Бентам. – © Jonathan Bennett, 2017. – Режим доступа: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/bentham1780.pdf>, свободный. – (дата обращения: 21.02.2025).
8. Bentham J. Deontology: Together with a Table of the Springs of Action and the Article on Utilitarianism / ed. by A. Goldworth // The Collected Works of Jeremy Bentham / general ed. F. Rosen. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – (Reprinted edition).
9. Moore G.E. Principia Ethica / G.E. Moore. – Cambridge: Cambridge University Press, 1922. – (Reprinted from 1903 edition).
10. Onfray M. A Hedonist Manifesto: The Power to Exist / M. Onfray; transl. with an introd. by J. McClellan. – New York: Columbia University Press, 2015. – (Insurrections: Critical Studies in Religion, Politics, and Culture). – 171 p.
11. Pearce D. The Hedonistic Imperative [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>, свободный. – (дата обращения: 21.02.2025).
12. Sidgwick H. The Methods of Ethics [Электронный ресурс] / © Jonathan Bennett, 2017. – URL: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/sidgwick1874.pdf>, свободный. – (дата обращения: 21.02.2025).

THE RELATIONSHIP BETWEEN HEDONISM AND UTILITARIANISM: HISTORICAL EVOLUTION OR CONCEPTUAL CONTRADICTION?

Martynova N.D.

Kazan Federal University

Utilitarianism is traditionally regarded as an ethical doctrine aimed at achieving the common good, whereas hedonism is associated with the pursuit of individual pleasure. This article examines whether this opposition is fundamental or merely a nominal distinction shaped by interpretative traditions. Arguments in favor of interpreting utilitarianism as a pro-social development of hedonism – rooted in the prioritization of pleasure and the minimization of suffering – are considered, alongside critical perspectives highlighting the conceptual differences between these philosophical traditions. The analysis reveals that utilitarianism retains hedonistic foundations but integrates them into an ethical model of collective well-being, while hedonism, in its attempt to maintain philosophical and moral coherence, inevitably acquires a social dimension, approaching a utilitarian ethic. However, the arguments of Henry Sidgwick and G.E. Moore challenge the possibility of fully identifying utilitarianism with hedonism, exposing the methodological complexity of defining their relation-

ship. Ultimately, the question of whether these traditions should be distinguished or unified remains open and is largely determined by the researcher's perspective.

Keywords: Hedonism, utilitarianism, pleasure, pain, common good.

References

1. Andrey Prokofiev Utilitarianism // Philosophical anthropology. 2019. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utilitarizm> (date of access: 02/22/2025).
2. Kuzmina Yu.Yu. Hedonistic foundations of artistic and scientific creativity: diss. ... Cand. Philosophical Sciences: 17.00.09 / Barnaul, 2006. – URL: <https://www.dissercat.com/content/gedonisticheskie-osnovaniya-khudozhestvennogo-i-nauchnogo-tvorchestva> (date of access: 02/21/2025).
3. Maltseva Svetlana Mikhailovna, Kubysheva Olesya Olegovna Hedonistic lifestyle in a modern consumer society // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2018. No. 8 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gedonisticheskiy-obraz-zhizni-v-sovremennom-obschestve-potrebleniya> (date of access: 02/22/2025).
4. Mill J.S. Utilitarianism / trans. from English, foreword by A.S. Zemerov. – Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House, 2013. – 240 p.
5. Nekrasova H. A., Trigubenko F.A. On the problem of substantiation of moral principles // Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences. 2011. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-obosnovaniya-moralnyh-printspov> (date of access: 22.02.2025).
6. Sushentsova M.S. Utilitarianism of I. Bentham and J.S. Mill: from virtue to rationality // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. 2017. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utilitarizm-i-bentama-i-dzh-s-millya-ot-dobrodeteli-k-ratsionalnosti> (date of access: 22.02.2025).
7. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation [Electronic resource] / J. Bentham. – © Jonathan Bennett, 2017. – Access mode: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/bentham1780.pdf>, free. – (access date: 02/21/2025).
8. Bentham J. Deontology: Together with a Table of the Springs of Action and the Article on Utilitarianism / ed. by A. Goldworth // The Collected Works of Jeremy Bentham / general ed. F. Rosen. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – (Reprinted edition).
9. Moore G.E. Principia Ethica / G.E. Moore. – Cambridge: Cambridge University Press, 1922. – (Reprinted from 1903 edition).
10. Onfray M. A Hedonist Manifesto: The Power to Exist / M. Onfray; transl. with an introduction. by J. McClellan. – New York: Columbia University Press, 2015. – (Insurrections: Critical Studies in Religion, Politics, and Culture). – 171 p.
11. Pearce D. The Hedonistic Imperative [Electronic resource]. – URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>, free. – (date of access: 21.02.2025).
12. Sidgwick H. The Methods of Ethics [Electronic resource] / © Jonathan Bennett, 2017. – URL: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/sidgwick1874.pdf>, free. – (date of access: 21.02.2025).

Исторические трансформации правового сознания: от античности до современных концепций

Гончаров Максим Алексеевич,

аспирант, Московский государственный лингвистический университет

E-mail: maxgekkon@gmail.com

Данная статья посвящена анализу эволюции правового сознания от античных времён до современности, выявлению ключевых изменений и тенденций, оказавших значительное влияние на формирование правовой системы и правосознания в различных исторических и культурных контекстах. Правовое сознание представляет собой систему представлений, убеждений и норм, формирующих представление человека о праве, его роли в обществе и функциях. Важность изучения правового сознания не вызывает сомнений, поскольку оно не только отражает культурные и социальные изменения, но и влияет на юридическую практику и правоприменение.

Анализ трансформации правового сознания от античности до современности позволяет обнаружить ключевые закономерности и факторы, способствующие формированию различных правовых систем. Статья стремится детально исследовать эти изменения, а также раскрыть их влияние на современное правосознание и юридическую практику.

Ключевые слова: правовое сознание, античное сознание, современное сознание, правовые системы, социальная философия.

Введение

В античных цивилизациях, таких как Древний Рим и Древняя Греция, понятие права и его восприятие было тесно связано с философскими концепциями, религиозными верованиями и социальными нормами. Античные мыслители, такие как Платон и Аристотель, рассматривали право как выражение высшего блага и справедливости. Их идеи о праве и справедливости стали основой для многих последующих правовых систем и продолжают оказывать влияние на юридическое мышление и правотворчество.

С переходом к Средневековью, правовое сознание претерпело значительные изменения, обстоятельства которых были связаны с усилением религиозного влияния. В этот период право воспринималось через призму теологии, а каноническое право получило широкое распространение. Правовая концепция в Средневековье акцентировала внимание на моральных и этических аспектах, что отразило важность религиозных норм в регулировании человеческого поведения. В это время зародились новые формы правовых порядков и систем, что стало основой для дальнейшего развития правового сознания в Новое время.

С началом Нового времени, когда образовались новые философские течения, такие как рационализм и эмпиризм, восприятие права стало более секулярным, и акценты сместились на индивидуальные права и свободы. На этом фоне развивается концепция правового государства, заботящегося о защите прав личности и обеспечении справедливости. С принятием различных конституций и правовых актов, правовое сознание изменилось, ориентируясь на права человека как основной философский принцип [6].

Материалы и методы исследования

Источники правового сознания

Источники правового сознания представляют собой основы и элементы, из которых складываются представления людей о праве, справедливости и морали. В разные исторические эпохи источники правового сознания изменялись и эволюционировали, отражая при этом социальные, экономические и культурные изменения в обществе. Рассмотрим ключевые источники правового сознания в различные исторические периоды.

В античные времена источниками правового сознания были, прежде всего, философские учения и общественные нормы. Философы, такие как Платон и Аристотель, заложили фундаменты правового мышления, создав теории, которые рассматривали закон как инструмент для достижения справедливости. Например, Платон в своем произведении «Государство» подчеркивал, что идеальный закон должен служить высшему благу, а не интересам отдельных лиц. Эти идеи о праве, как о проявлении справедливости, стали основой для всей европейской правовой мысли.

С переходом в эпоху Средневековья, важными источниками правового сознания стали религиозные тексты и доктрины. Религия оказывала значительное влияние на формирование норм и правил, регулирующих поведение людей. Каноническое право, разработанное в рамках христианской церкви, стало моделью для правового регулирования общества, соединяя моральные и правовые аспекты. В данном контексте богатые культурные традиции и учения, почерпнутые из Библии, стали авторитетным источником норм и стандартов, которые формировали правосознание людей того времени.

В Новое время с активизацией стремления к индивидуализму и правам человека источники правового сознания начинают включать в себя не только философские и религиозные элементы, но и социальные движения, основанные на требованиях свободы и равенства. Развитие Просвещения, работ таких мыслителей, как Руссо и Локк, привело к изменению восприятия права как средства защиты личных свобод и демократических ценностей. В этот период большое значение приобретают конституции и правовые акты, которые фиксируют права граждан и обязанности государства перед ними.

В наши дни источники правового сознания продолжают развиваться, охватывая различные аспекты, такие как международные правовые нормы, политические и социальные движения, а также научные достижения. Правовое сознание современного общества формируется под воздействием сложного взаимодействия традиционных и новаторских идей. Например, современные концепции прав человека и правового государства вдохновляют на переосмысление правосознания и формирование новых подходов к правоприменению.

Таким образом, источники правового сознания даже в ходе исторических изменений остаются многогранными и многослойными, интегрируя в себя различные философские, социокультурные и правовые достижения. Это многообразие позволяет глубже понять, как именно формируются представления о праве и справедливости в разных обществах и как они адаптируются к новым вызовам времени.

Методы анализа

В исследовании эволюции правового сознания важную роль играют методы анализа, которые помогают глубже понять сущность и динамику трансформаций, происходивших на протяжении истории. В данной статье используются два основных метода: историко-правовой и социологический, каждый из которых вносит свой вклад в более комплексное понимание правового сознания.

Историко-правовой метод позволяет исследовать правовое сознание в контексте исторического развития и культурных изменений, имеющих место в различных эпохах. С помощью этого метода анализируются исторические документы, правовые акты, философские трактаты и другие источники, отражающие правовую мысль и нормы общества. Например, применяя историко-правовой метод, можно понять, как идеи римского права повлияли на формирование современных правовых систем в Европе, а также как изменения в правосознании соотносились с социальными и политическими преобразованиями. Как отмечает В. Лапаева, «право – это исторический продукт, который необходимо анализировать в контексте конкретных исторических обстоятельств» [10].

Социологический метод, в свою очередь, обращает внимание на взаимодействие правового сознания с социальной реальностью. Он позволяет исследовать, как определенные социальные факторы, такие как классовая структура, культурные традиции и общественные движения, влияют на формирование и трансформацию правовых представлений граждан. Эмпирические исследования, проводимые с использованием социологического метода, помогают выявить, как права и нормы воспринимаются различными социальными группами. Например, социологические опросы показывают, что восприятие права может значительно различаться в зависимости от уровня образования, социального и экономического статуса.

Оба метода в сочетании позволяют создать более полное представление о правовом сознании как динамичном и изменчивом явлении. Использование историко-правового метода помогает понять корни современных правовых концепций и норм, тогда как социологический метод дает возможность проанализировать, как эти концепции воспринимаются и интерпретируются в текущей социальной практике. Таким образом, комбинация этих методов предоставляет исследователю возможность выявить как исторические корни, так и современные контексты правового сознания.

В заключение можно сказать, что применение историко-правового и социологического методов в рамках данного исследования позволяет достичь глубинного понимания трансформаций правового сознания. Эти методы обеспечивают многосторонний анализ, который помогает не только

осветить эволюцию правовых норм и институтов, но и осмыслить их актуальность в современном обществе, понять, как правосознание взаимодействует с социальной реальностью и какие факторы способствуют его изменениям в условиях глобализации и быстрого социального прогресса.

Результаты и обсуждение

Античность и Средневековье

Правовое сознание в античности занимает важное место в истории права и является основой, на которой впоследствии развивалось юридическое мышление в Средние века. В этот период, характеризующийся высокой философской и культурной активностью, формировались первые системы норм и концепций, которые оказали глубокое влияние на европейское правосознание.

Древняя Греция, в частности, представила миру идеи, которые стали краеугольным камнем западного правопонимания. Философы такие как Платон и Аристотель разрабатывали свои теории, рассматривая право как выражение высшей справедливости. Платон в «Государстве» утверждал, что законы должны служить общему благу и быть в соответствии с разумом, что подчеркивало важность моральных норм в праве. Аристотель, со своей стороны, предложил идеи о праве как средстве достижения общественных целей, акцентируя внимание на необходимости баланса между индивидуальными и общественными интересами. Эти соображения стали основой для дальнейшего развития юридической мысли и правосознания.

На протяжении веков греческие концепции права были адаптированы и развиты в Римской империи, где право стало более систематизированным и кодифицированным. Римское право, основанное на принципах фидуциарности контракта и права собственности, сформировало мощный юридический аппарат, который регулировал жизнь населения. Юридические деятели, такие как Гай и Ульпиан, прокладывали пути к пониманию функционирования права, акцентируя внимание на универсальных принципах, которые должны были сохраняться вне зависимости от конкретных культурных контекстов. Это показало, как правовое сознание может служить основой для развития сложных правовых систем, включая те, что впоследствии будут применяться в Европе в Средние века [9].

С наступлением Средневековья правовое сознание претерпело значительные изменения. В этот период религиозные нормы, в частности христианские, начали оказывать доминирующее влияние на правовые отношения. Право стало тесно связано с моралью и этическими аспектами вероучения, что привело к формированию канонического права, которое регулировало вопросы, касающиеся как духовной жизни, так и гражданских дел. Религиозные авторитеты (такие как

Папа и церковные умы) пытались интегрировать римское право с христианскими ценностями, формируя правосознание, основанное на представлении о божественной справедливости.

Также в Средние века правовое сознание обогатилось взаимодействием различных традиций, включая нормандское, германское и местные обычаи. Это привело к появлению новых форм правовых систем, таких как феодальное право, которое акцентировало внимание на личных обязательствах и социальном статусе. Однако в отличие от античности, где право рассматривалось как средство достижения справедливости, в Средние века акцент был смещен на соблюдение установленных норм и авторитетов.

Таким образом, правовое сознание в античности стало ключевым этапом в формировании основ права, которые впоследствии были модифицированы и адаптированы в Средние века. Эти трансформации не только определили юридические структуры своего времени, но и оказали долгосрочное влияние на каноническое право и европейское правосознание в целом.

Современные концепции правового сознания

Современные концепции правового сознания представляют собой синтез исторического наследия и новых социокультурных контекстов, в которых функционируют правовые системы. Эти подходы рассматривают право не только как набор норм и правил, но и как сложное социальное явление, формируемое под воздействием различных факторов, включая культурные, экономические и политические аспекты.

Одной из ведущих современных концепций правового сознания является пандектная система, берущая свои истоки из римского права. Эта теория подчеркивает важность систематизации норм и правовых институтов, обеспечивая их целостность и согласованность. В рамках данной концепции право воспринимается как логически структурированная система, в которой отношения между правовыми нормами определяются их внутренней логикой и взаимосвязями. Это приводит к развитию таких понятий, как принцип правовой определенности и правовой ясности, которые играют важную роль в современном правосознании [12].

С другой стороны, исследователи акцентируют внимание на социологическом подходе к правовому сознанию. Этот подход базируется на идее, что право должно быть понято через призму его социального контекста, а не только через призму формальных норм. Социологическое правоведение анализирует, как право воспринимается различными социальными группами, как оно фактически применяется и как влияет на повседневную жизнь граждан. Работы таких ученых, как Пьер Бурдьё, подчеркивают, что нормы и законы не действуют в вакууме: они формируются и изменяются в за-

висимости от социального контекста и влияния общественных движений.

Кроме того, в творчестве современных правоведов наблюдается акцент на важности прав человека и фундаментальных свобод. Эти идеи стали важной частью правового сознания во многих странах и служат основой для формирования и реформации юридических систем на международной арене. Таким образом, концепции прав человека рассматриваются не только как абстрактные идеалы, но и как практические инструменты, изменяющие правосознание в глобальном масштабе.

Также стоит отметить, что в последние десятилетия наблюдается активное распространение понятий правовой культуры, правовой политики и правового плюрализма. Эти концепции акцентируют внимание на многослойной природе права, которое сочетается с другими формами социальной регуляции и нормирования. Правовая культура исследует, как правосознание формируется под воздействием традиций, ценностей и общественных норм, что дифференцирует правовое восприятие в разных странах и регионах.

Таким образом, современные концепции правового сознания являются результатом исторической эволюции и адаптации к новым реалиям. Они отражают сложное взаимодействие между историческим наследием и современными вызовами, что позволяет глубже понять природу права в условиях современного общества. Анализ этих концепций показывает, что правовое сознание продолжает развиваться, адаптируясь к изменениям в обществе, синтезируя прежние идеи и новые подходы в ответ на вызовы времени.

Заключение

Основные выводы исследования

В ходе моего исследования были проанализированы ключевые моменты трансформации правового сознания от античности до современности, а также рассмотрены источники и методы его формирования. Основные выводы исследования подчеркивают, что правовое сознание является динамичным явлением, которое эволюционирует под воздействием различных исторических, культурных и социальных факторов.

Во-первых, одним из наиболее значимых аспектов, выявленных в ходе исследования, является влияние античных философских концепций на формирование правового сознания. Идеи, выдвинутые такими мыслителями, как Платон и Аристотель, легли в основу правовых систем и норм, которые развивались на протяжении веков. Они многократно переосмысливались и адаптировались в контексте различных обществ, что подчеркивает важность исследования истории правового

мышления в осознании современных правовых систем.

Во-вторых, трансформация правового сознания в Средние века, когда религиозные нормы начали доминировать над светскими правовыми системами, также имеет большое значение. Это время показало, как закон может сочетать в себе элементы морали и этики, а каноническое право стало важным ориентиром в правосознании. Такое тесное переплетение права и религии сформировало глубокие культурные предпосылки, которые продолжают влиять на правовые системы и сегодня [7].

В-третьих, современные концепции правового сознания варьируются между социологическими и правовыми подходами. Многие современные исследователи подчеркивают важность изучения права как социального феномена. Это позволяет выявить, как право функционирует в условиях многообразия культур и норм, помогая адаптировать правовые системы к изменениям в обществе и удовлетворять потребности граждан.

Также значительное внимание в исследовании уделяется концепции прав человека, которая формировалась в результате борьбы за гражданские свободы и демократические ценности. Принятие международных норм и стандартов прав человека стало основополагающим элементом современного правового сознания и определяет его дальнейшее развитие.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что правовое сознание **не** является статичным. Оно формируется в результате исторических обстоятельств, социокультурного контекста и новых вызовов, которые встают перед обществом. Таким образом, правовое сознание, являясь многослойным и сложным явлением, должно продолжать эволюционировать, чтобы эффективно реагировать на нужды современного мира.

В заключение, результаты моего исследования подчеркивают, что понимание правового сознания требует комплексного подхода, учитывающего как его исторические корни, так и современные реалии. Это знание крайне важно для правозащитников, юристов и политиков, стремящихся создать справедливую и эффективную правовую систему, способствующую защите и уважению прав и свобод человека в современном обществе.

Литература

1. В.Б. Власова. Русский путь от нравственности к праву (продолжение темы). DOI 10.7256/1999-2793.2013.03.3 // Философия и культура. 01.03.2013. – URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-23633 (дата обращения: 21.02.2025).
2. Георгиевский Э.В.. Георгиевский Э.В. К вопросу об общественно-политических и культурно-

- религиозных основаниях древнегерманского уголовно-правового генезиса. DOI 10.7256/1812-8696.2014.5.10754 // Политика и Общество. 01.05.2014. – URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-29634 (дата обращения: 21.02.2025).
3. Андрей Александрович Микерин. Развитие культурной идентичности как приоритетная цель государственной политики в образовании. DOI 10.37973/kui.2023.58.39.006 // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 29.09.2023. – URL: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/70386/view> (дата обращения: 21.02.2025).
 4. Елена Валерьевна Демидова-Петрова. Ювентильные правонарушения: особенности, причинный комплекс. DOI 10.37973/kui.2023.58.78.007 // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 24.03.2023. – URL: http://vestnikkui.ru/arhive/2023/1_51_2023.pdf#page=51 (дата обращения: 21.02.2025).
 5. Артур Мочалов. Территориальная структура государства как инструмент управления этническим разнообразием (Конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС). DOI 10.17323/2072-8166.2017.2.154.173 // Law Journal of the Higher School of Economics. 10.09.2017. – URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2017/10/09/1159583717/%D0%B%D0%BE%D0%BB%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).
 6. Крюков С.В., Лапшина А.С.. Имитационная модель процесса налогообложения имущества физических лиц (объектов жилой недвижимости) на основе их кадастровой оценки. DOI 10.7256/2454-065x.2017.5.23266 // Налоги и налогообложение. 01.05.2017. – URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23266 (дата обращения: 21.02.2025).
 7. Никита Кишкин, Валерий Нехамкин. Концепция «экоцентризм»: научно-философское содержание. DOI 10.18698/2306-8477-2017-8-459 // Humanities Bulletin of BMSTU. 01.07.2017. – URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/459.html> (дата обращения: 21.02.2025).
 8. Валентина Лапаева. Закон техногенной цивилизации. DOI 10.17323/2072-8166.2021.3.4.35 // Law Journal of the Higher School of Economics. 10.09.2021. – URL: <https://law-journal.hse.ru/2021-3/516493046.html> (дата обращения: 21.02.2025).
 9. Захарцев Сергей Иванович, Сальников Петрович, Российской Федерации, С.И. Захарцев, Д.Д. Масленников, Виктор Сальников. О вопросе перспектив современного толкования естественного права: юридические философские и теологические аспекты. DOI 10.21681/2226-0692-2021-4-2-8 // Monitoring of Law Enforcement. 01.01.2021. – URL: <http://uzulo.su/mon-prav/pdf-jpg/mp-2021-4-st01-s002-008.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).
 10. Н. В. Федорова. Трансформация нормы и абнормального в процессе формирования культуры. DOI 10.36809/2309-9380-2020-26-35-39 // Review of Omsk State Pedagogical University Humanitarian research. 01.01.2020. – URL: [https://vestnik-omgpu.ru/volume/2020-1-26/vestnik_1\(26\)2020_35-39.pdf](https://vestnik-omgpu.ru/volume/2020-1-26/vestnik_1(26)2020_35-39.pdf) (дата обращения: 21.02.2025).
 11. Антон А. Иваненко, Андрей Н. Муравьев, Ксения В. Крукова. Философия истории И.Г. Фихте в зеркале современности. DOI 10.21638/11701/spbu17.2018.205 // Vestnik of Saint Petersburg University Philosophy and Conflict Studies. 01.01.2018. – URL: <http://hdl.handle.net/11701/10320> (дата обращения: 21.02.2025).
 12. Юлия Валерьевна Григорьева. Субъективные идеи женщин-студенток о трудных жизненных ситуациях. DOI 10.37724/rsu.2020.55.3.010 // Психолого-педагогический поиск. 29.10.2020. – URL: <http://ppsjournal.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/%D0%9F%D0%9F%D0%9F-2020-%E2%84%96-3-55-%D0%B%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82.pdf#page=78> (дата обращения: 21.02.2025).
 13. С.Ю. Андрейцо, М.М. Соболева. Защита личных прав и свобод человека в рамках взаимодействия институтов гражданского общества и полиции в России. DOI 10.26163/gief.2023.79.57.008 // Журнал правовых и экономических исследований. 15.03.2023. – URL: <http://search.rads-doi.org/project/11618/object/168284> (дата обращения: 21.02.2025).
 14. Любимова Т.М., Данилова А.А. Лингвистическая безопасность личности, общества и государства в модусе лингвоконфликтологии. DOI 10.7256/2073-8560.2014.2.10937 // Национальная безопасность / nota bene. 01.02.2014. – URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-28061 (дата обращения: 21.02.2025).
 15. Елена В. Лунева. Тренды в развитии методологии научного познания гражданской правовой реальности. DOI 10.17072/1995-4190-2015-3-117-124 // Вестник Пермского университета Юридические науки. 01.01.2015. – URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/en/issue-3-29-2015?id=2134> (дата обращения: 21.02.2025).

HISTORICAL TRANSFORMATIONS OF LEGAL CONSCIOUSNESS: FROM ANTIQUE TO MODERN CONCEPTS

Goncharov M.A.
Moscow State Linguistic University

This article is devoted to the analysis of the evolution of legal consciousness from ancient times to the present day, identifying key changes and trends that have had a significant impact on the formation of the legal system and legal consciousness in various historical and cultural contexts. Legal consciousness is a system of ideas, beliefs and norms that shape a person's understanding of

the law, its role in society and functions. The importance of studying legal consciousness is beyond doubt, since it not only reflects cultural and social changes, but also influences legal practice and law enforcement.

The analysis of the transformation of legal consciousness from antiquity to modern times allows us to discover key patterns and factors that contribute to the formation of various legal systems. The article seeks to examine these changes in detail, as well as to reveal their influence on modern legal consciousness and legal practice.

Keywords: legal consciousness, ancient consciousness, modern consciousness, legal systems, social philosophy.

References

1. V.B. Vlasova. The Russian Path from Morality to Law (continuation of the topic). DOI 10.7256/1999-2793.2013.03.3 // Philosophy and Culture. 01.03.2013. – URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-23633 (date of access: 21.02.2025).
2. Georgievskii E.V. Georgievskii E.V. On the Issue of Socio-Political and Cultural-Religious Foundations of the Ancient Germanic Criminal-Law Genesis. DOI 10.7256/1812-8696.2014.5.10754 // Politics and Society. 01.05.2014. – URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-29634 (date of access: 21.02.2025).
3. Andrey Aleksandrovich Mikerin. Development of cultural identity as a priority goal of state policy in education. DOI 10.37973/kui.2023.58.39.006 // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 29.09.2023. – URL: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/70386/view> (date of access: 21.02.2025).
4. Elena Valerievna Demidova-Petrova. JUVENILE OFFENSE: FEATURES, CAUSAL COMPLEX. DOI 10.37973/kui.2023.58.78.007 // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 24.03.2023. – URL: http://vestnikkui.ru/arhive/2023/1_51_2023.pdf#page=51 (date of access: 21.02.2025).
5. Artur Mochalov. Territorial structure of the state as an instrument for managing ethnic diversity (Constitutional and legal regulation in the BRICS countries). DOI 10.17323/2072-8166.2017.2.154.173 // Law Journal of the Higher School of Economics. 10.09.2017. – URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2017/10/09/1159583717/%D0%BC%D0%BE%D0%B%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf> (date of access: 21.02.2025).
6. Kryukov S.V., Lapshina A.S. Simulation model of the process of taxation of property of individuals (residential real estate) based on their cadastral valuation. DOI 10.7256/2454-065x.2017.5.23266 // Taxes and taxation. 01.05.2017. – URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23266 (date of access: 21.02.2025).
7. Nikita Kishkin, Valery Nekhamkin. The concept of «ecocentrism»: scientific and philosophical content. DOI 10.18698/2306-8477-2017-8-459 // Humanities Bulletin of BMSTU. 01.07.2017. – URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/459.html> (date of access: 21.02.2025).
8. Valentina Lapaeva. The law of technogenic civilization. DOI 10.17323/2072-8166.2021.3.4.35 // Law Journal of the Higher School of Economics. 10.09.2021. – URL: <https://law-journal.hse.ru/2021-3/516493046.html> (date accessed: 21.02.2025).
9. Zakhartsev Sergey Ivanovich, Salnikov Petrovich, Russian Federation, S.I. Zakhartsev, D.D. Maslennikov, Viktor Salnikov. On the question of prospects for modern interpretation of natural law: legal philosophical and theological aspects. DOI 10.21681/2226-0692-2021-4-2-8 // Monitoring of Law Enforcement. 01.01.2021. – URL: <http://uzulo.su/mon-prav/pdf-jpg/mp-2021-4-st01-s002-008.pdf> (date of access: 21.02.2025).
10. N. V. Fedorova. Transformation of the norm and the abnormale in the process of culture formation. DOI 10.36809/2309-9380-2020-26-35-39 // Review of Omsk State Pedagogical University Humanitarian research. 01.01.2020. – URL: [https://vestnik-omgpu.ru/volume/2020-1-26/vestnik_1\(26\)2020_35-39.pdf](https://vestnik-omgpu.ru/volume/2020-1-26/vestnik_1(26)2020_35-39.pdf) (date of access: 21.02.2025).
11. Anton A. Ivanenko, Andrey N. Muravyov, Ksenia V. Kravkova. I.G. Fichte's Philosophy of History in the Mirror of Modernity. DOI 10.21638/11701/spbu17.2018.205 // Vestnik of Saint Petersburg University Philosophy and Conflict Studies. 01.01.2018. – URL: <http://hdl.handle.net/11701/10320> (date of access: 21.02.2025).
12. Yulia Valerievna Grigorieva. Subjective ideas of female students about difficult life situations. DOI 10.37724/rsu.2020.55.3.010 // Psychological and pedagogical search. 29.10.2020. – URL: <http://ppsjournal.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/%D0%9F%D0%9F%D0%9F-2020-%E2%84%96-3-55-%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82.pdf#page=78> (date of access: 21.02.2025).
13. S. Yu. Andreytso, M.M. Soboleva. Protection of personal rights and freedoms of a person in the framework of interaction between civil society institutions and the police in Russia. DOI 10.26163/gief.2023.79.57.008 // JOURNAL OF LEGAL AND ECONOMIC RESEARCH. 15.03.2023. – URL: <http://search.rads-doi.org/project/11618/object/168284> (date of access: 21.02.2025).
14. Lyubimova T.M., Danilova A.A. Linguistic security of the individual, society and the state in the mode of linguoconflictology. DOI 10.7256/2073-8560.2014.2.10937 // National security / nota bene. 01.02.2014. – URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-28061 (date of access: 21.02.2025).
15. Elena V. Luneva. Trends in the development of the methodology of scientific knowledge of civil legal reality. DOI 10.17072/1995-4190-2015-3-117-124 // Bulletin of Perm University Legal Sciences. 01.01.2015. – URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/en/issue-3-29-2015?id=2134> (date of access: 21.02.2025).

Конструирование среднего класса: объективные и субъективные факторы

Деревянченко Юрий Иванович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры отечественной истории,
социологии и политологии Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского
E-mail: der@bk.ru

Статья посвящена анализу изучения среднего класса в рамках теорий социальной стратификации. Рассматриваются ключевые критерии его идентификации, подчеркивается взаимосвязь устойчивости социальной структуры с наличием развитого среднего класса. Анализируются методологические сложности применения объективных (доход, собственность, образование) и субъективных (культурные практики, идентичность) факторов определения среднего класса. Делается вывод о необходимости использования для исследования среднего класса новых концептуальных инструментов, способных учесть как его динамическую природу, так и влияние глобальных и локальных трансформаций.

Ключевые слова: средний класс, социальная стратификация, социальная структура, классовая структура, критерии стратификации, социальная идентификация.

Промышленная революция XVIII–XIX вв. ознаменовала радикальный разрыв с докапиталистическими обществами, чья организация, несмотря на внутренние изменения, сохраняла связь с традиционными институтами – родством, общинной солидарностью и ремесленным воспроизводством знаний. Возникновение индустриального порядка не только трансформировало экономические практики, но и перестроило социальную структуру: усиление мобильности индивидов, массовая урбанизация и профессиональная специализация породили противоречивую динамику. С одной стороны, миграция в города разрушила патриархальные связи, усложнив стратификацию; с другой – стандартизация труда в рамках фабричного производства способствовала формированию крупных однородных групп, упрощавших классовую структуру.

Эта двойственность нашла отражение в классических социологических теориях. Карл Маркс, признавая многомерность социальной реальности, сознательно редуцировал анализ капитализма до бинарной модели, противопоставляющей собственников средств производства («буржуазию») и наемных работников («пролетариат»). По его утверждению, такая редукция отражает саму суть капиталистического способа производства: «это сведение [непосредственных участников производства к двум классам] (...) представляет собой адекватное теоретическое выражение капиталистического способа производства, выражает его *differentia specifica*» [1, с. 163].

Несмотря на эвристическую ценность, двухклассовая схема игнорировала промежуточные страты, что стало очевидным по мере институционализации социологии как науки, ориентированной не только на анализ, но и на детальное описание социальной структуры.

М. Вебер, соглашаясь с марксистским пониманием роли экономических факторов в формировании классов, предложил гораздо более широкую и детальную картину социальной дифференциации, в которой между крайними социальными полюсами находится место для «средних классов», располагающихся между «позитивно привилегированными классами», владеющими собственностью, и «негативно привилегированными классами», не имеющими собственности и не обладающими профессиональной квалификацией [2, с. 154]. М. Вебер понимал под классами не реальные сообщества, а номинальную основу или теоретические конструкторы социальной интегра-

ции людей в процессе их деятельности. Средний класс, таким образом, формируется агентами, обладающими либо материальными активами, либо профессиональной квалификацией, обеспечивающей конкурентные преимущества на рынке труда [2, с. 154]. Согласно концепции М. Вебера, формирование статусной группы детерминировано совокупностью «жизненных шансов», включающих как объективные факторы – социальное происхождение, профессиональную специализацию, уровень и институциональные траектории получения образования, – так и субъективные параметры: мировоззренческие установки, культурные практики и стилевые паттерны повседневности. Эти элементы, взаимодействуя, конструируют символические границы группы, отделяющие её от иных страт.

Однако веберовский подход актуализировал ключевую методологическую проблему: отсутствие четких критериев выделения среднего класса. Дискуссии о том, когда разнородные «средние слои» (включая историческое «третье сословие») трансформируются в полноценный класс, остаются центральными в современной социологии. Сложность заключается в сочетании объективных параметров (доход, профессия) с субъективными факторами (идентичность, стиль жизни), что требует междисциплинарного синтеза экономического, исторического и культурного анализа.

Как отмечает Д. Локвуд, несмотря на фиксацию историками элементов среднего класса уже с середины XVIII века, систематическое социологическое изучение этого феномена начинается лишь в 1960-х гг. [3]. Это методологическое «опоздание» не случайно: социология классического периода, сфокусированная на противостоянии капитала и труда, долгое время игнорировала промежуточные страты, чья «рыхлость» противоречила бинарным классовым схемам. Средний класс всегда представлял из себя сложную мозаику социальных групп и индивидов, недаром М. Вебер, одним из первых в социологии обративший внимание на проблему среднего класса, использовал это понятие во множественном числе. В период становления капиталистического общества эта разнородность была выражена особенно отчетливо, границы среднего класса постоянно переопределялись за счет включения/исключения маргинальных групп – от мелких собственников до технических специалистов. Установить его четкие социальные границы или совокупность его экономических интересов в этот период крайне затруднительно.

Обнаружение историками «среднего класса» в обществах XVIII–XIX вв. нередко оказывается примером ретроспективной проекции – наложения современных категорий на исторические контексты, где отсутствовали условия для формирования классовой идентичности в её нынешнем понимании. Эта методологическая проблема осо-

бенно очевидна в исследованиях США, которые традиционно считаются «родиной» среднего класса. Классическая работа С. Блюмина «Возникновение среднего класса: социальный опыт американского города, 1760–1900 гг.» связывает генезис этой группы с 1830-ми гг., когда урбанизация и разделение физического/нефизического труда способствовали формированию страты с общей культурой потребления, профессиональной этикой и идеологией прогресса [4].

Однако расширительное толкование «нефизического труда» как ключевого маркера класса приводит к концептуальным натяжкам. Например, в последнее время в работах, опубликованных в США, всё чаще включают в эту категорию элиты рабовладельческого Юга, что порождает очевидные парадоксы.

Исследование Д. Грина и Д. Уэллса демонстрирует, как выпускники военных академий Юга, продвигавшие инфраструктурные реформы и индустриализацию, одновременно легитимировали рабство как основу «цивилизаторского проекта» [5, 6]. Этот пример обнажает противоречие: группы, соответствующие экономическим критериям среднего класса (нефизический труд, формы потребления), оказывались идеологическими столпами системы, основанной на расовом угнетении. Д. Уэллс в своей книге посвященной южному среднему классу, вынужден констатировать, что рабство не просто сосуществовало с модернизационными устремлениями южного «среднего класса», но становилось ядром его идентичности [6].

По всей видимости, следует согласиться с Т. Пикетти, по мнению которого, несмотря на то, что средний класс в определенном смысле существовал в США еще в XIX веке, «становление настоящего «имущественного среднего класса» является ключевым структурным изменением в распределении богатства в развитых странах в XX веке» [7, с. 259]. Это изменение было вызвано социальными реформами и экономическим переходом от модели «общества рантье» к модели «общества менеджеров».

Если в XIX веке промежуточные страты (например, мелкие собственники или квалифицированные ремесленники) оставались маргинальными в структуре богатства, то к середине XX века сочетание социальных реформ (прогрессивное налогообложение, расширение доступного образования) и экономических трансформаций (рост производительности, индустриализация) позволило перераспределить капитал в пользу средних групп. Как подчёркивает Т. Пикетти, до прошлого столетия «среднего класса не существовало, поскольку промежуточные 40% были практически такими же бедными в имущественном отношении, как и 50% самых бедных» [7, с. 260].

К середине XX века к среднему классу, чье положение основывалось на владении собственно-

стью, присоединилась новая социальная группа – высокооплачиваемые и высококвалифицированные наемные работники. Массовое производство и автоматизация, увеличили спрос на технических специалистов и менеджеров, чьи зарплаты стали основой для формирования «профессионального среднего класса».

Активное вмешательство государства в экономику после Великой депрессии (1929–1933 гг.) стало поворотным моментом в трансформации капитализма. Введение кейнсианских мер регулирования финансовых рынков и расширение государственного сектора, привело к возникновению «менеджерияльного капитализма» – системы, в которой управление предприятиями перешло от собственников к профессиональным менеджерам.

Одновременно рост государственного аппарата, особенно в сферах планирования, здравоохранения, образования и социального обеспечения, создал новый слой высокооплачиваемых профессионалов, чьи доходы и статус стали основой для формирования среднего класса.

Ч. Миллс в работе «Белые воротнички: Американский средний класс» (1951) предложил одно из первых социологических исследований, раскрывающих драматическую трансформацию среднего класса в XX веке. С ностальгией описывая «старый средний класс» – независимых предпринимателей, владевших собственностью для которых «конкуренция была средством создания свободных личностей, испытательным полем для героев», – Ч. Миллс противопоставляет его новому среднему классу «белых воротничков» [8, с. 11]. Последние, по его мнению, оказались в ловушке отчуждения, вынужденные продавать не только свой труд, но и личность, подстраиваясь под стандартизированные требования бюрократических систем, превращаясь в «профессиональных инвалидов», утративших автономию и творческий потенциал в условиях растущей формализации труда [8, с. 182].

Эта антитеза отражает не только сдвиги в социальной структуре, но и ценностную нагруженность концепта среднего класса, который стал инструментом критики индустриальной модерности. Р. Сеннет отмечает, что «коррозия характера» в условиях гибкого капитализма, где идентичность работника всё чаще определяется формальными требованиями, а не личными ценностями, совсем не похожа на предпринимательскую «созидательную деструкцию» И. Шумпетера, развивающую капитализм [9, с. 30].

Средний класс, в строгом смысле слова, становится детищем социального реформизма, изменений в системе промышленного производства и сложного экономического процесса падения прибыльности капиталов.

Социология обращает внимание на средний класс только тогда, когда он превращается в зна-

чимую социальную, экономическую и политическую силу. Классовое противостояние второй половины XIX – начала XX вв. сделало понятие среднего класса не только инструментом социальных и экономических исследований, но и орудием политической борьбы. Многочисленный и устойчивый средний класс, способствующий всестороннему развитию общества, предстает привлекательной альтернативой радикальным правым и левым социальным моделям, например, идея среднего класса использовалась для демонстрации превосходства американского образа жизни над альтернативами, предлагаемыми советским коммунизмом. К середине XX в. средний класс превратился не только в реальный, но и в теоретически осмысливаемый социально-экономический субъект. Общественный консенсус «одноклассового общества» активно использовался политическими партиями, постепенно смещавшимися в своих идеологических установках в сторону центра, а также бизнесом, активно предлагающим модели потребления, ориентированные на средний класс, массовой культурой, транслирующей соответствующие вкусы, желания и нормы.

Образ счастливой американской семьи, живущей в собственном доме, дающей своим детям хорошее образование, регулярно меняющей автомобиль, стал настолько привычен для американского самосознания, что, как отмечает С. Лоуренс, принадлежность к среднему классу превратилась в США в «естественную «настройку по умолчанию» [10, с. 7].

Эмоционально описанная Ч. Миллсом смена старого среднего класса новым очень хорошо отражает ценностную нагруженность этого понятия, которое является значимым для общественной саморефлексии.

Наблюдаемый сегодня плюрализм подходов к определению среднего класса – от строго объективных (доход, профессия, образование) до субъективных (самоидентификация, ценности) – отражает не столько методологическую слабость исследований, сколько многогранность самого феномена и его нормативную нагруженность. Этот концепт давно перерос рамки чисто академического дискурса, став инструментом политики, экономики и социального проектирования. Ключевой вопрос, стоящий за дебатами о критериях, – зачем вообще изучать средний класс? [11].

Ответ определяется целями развития, которые ставятся перед обществом. Средний класс рассматривается как важный элемент социальной структуры, способный влиять на экономическую эффективность, политическую стабильность и культурное воспроизводство. Он выступает драйвером потребления, инноваций и стабильности. Его представители традиционно ассоциируются с поддержкой демократических институтов, толерантностью и снижением рисков радикализации

[12]. Рост имущественного расслоения в 2010-х гг. в США и Европе убедительно продемонстрировал корреляцию с ростом политического популизма и поляризации [13].

Установки на образование, профессиональный рост делают средний класс агентом модернизации. Его представители стремятся обеспечить своим детям качественное образование и доступ к социальным благам, что способствует накоплению человеческого капитала в обществе.

Сложность определения критериев среднего класса коренится в его двойственной природе: представители среднего класса должны не только обладать ресурсами для выполнения возложенных на них обществом функций, но и субъективно идентифицировать себя как часть этой социальной группы.

Такая многомерность требует анализа объективных условий существования среднего класса – экономических и социальных ресурсов, формирующих материальную основу статуса – и субъективных условий – символических и идентичностных аспектов: ориентации на самореализацию, стабильность, социальную ответственность) и образа жизни (потребление, досуг, воспитание детей).

Ключевая сложность заключается в противоречии между объективной динамикой (например, рост доходов в развивающихся странах не всегда сопровождается укреплением институтов, гарантирующих стабильность среднего класса и субъективной фрагментацией (например, представители одной профессиональной группы могут по-разному оценивать свой статус в зависимости от культурного контекста или локальных ценностей).

Таким образом, средний класс выступает не просто статистической категорией, а социально-экономическим феноменом, где материальные ресурсы, культурные коды и индивидуальные стратегии взаимодействуют в условиях глобальной нестабильности. Его изучение требует комплексного подхода, учитывающего как макроэкономические показатели, так и микроуровневые практики идентификации.

Европейская социология, формируя подходы к исследованию среднего класса, опирается на две ключевые традиции, восходящие к классическим теориям социальной стратификации: марксистскую и веберийскую/неовеберийскую. Эти направления, несмотря на их условное разделение, продолжают влиять на современные исследования, предлагая разные методологические рамки для анализа.

Согласно экономическому подходу, классовое положение трактуется как объективная позиция в системе распределения материальных ресурсов [14].

В этом контексте средний класс идентифицируется преимущественно через доход и ответственность, что порождает множество методологических стратегий для определения его границ.

Наиболее распространенным методом остается использование симметричных интервалов относительно медианного дохода.

В научной литературе отсутствует консенсус относительно пороговых значений, однако доминирующей моделью, обладающей наибольшей теоретической валидностью, выступает симметричный интервал 75–125% от медианного дохода^[15], с. 3–4¹. Данный подход аргументирован эмпирически: нижняя граница (75%) исключает домохозяйства, подверженные риску бедности (в ЕС – ниже 60% медианы), а верхняя (125%) обеспечивает симметрию распределения, минимизируя субъективность в выделении «верхней страты». Критики, однако, отмечают, что подобная модель игнорирует региональные различия в покупательной способности и структуре расходов, что ограничивает её универсальность.

Поэтому предлагаются другие подходы. Так Организация экономического сотрудничества и развития понимает под средним уровнем дохода домохозяйств 75–200% от медианных по стране. Pew Research Center предлагает использовать еще более широкий интервал доходов – 67–200% от медианы.

Однако если нижний порог опирается на нормативные критерии (связь с бедностью), то определение верхней границы лишено аналогичной концептуальной ясности. Использование 125% медианы, несмотря на статистическую симметрию, не подкрепляется эмпирически верифицируемыми аргументами. Использование в качестве пороговых значений 75 и 125% в разных странах приводит к тому, что в группе с доходами выше, чем у среднего класса, оказываются от 27% населения в Дании, Норвегии и Швеции до 39% в Мексике [16].

Компаративистские исследования среднего класса выявляют методологическую ограниченность доходоцентричных подходов, демонстрируя, что реальные социальные позиции формируются комплексом факторов, включая доступ к нематериальным ресурсам, институциональные условия и культурный капитал. Например, анализ Брукингского института подчеркивает, что применение американских стандартов среднего класса (ориентированных на медианный располагаемый доход) в Западной Европе искусственно сокращает его долю на 10%, игнорируя компенсаторные эффекты социального государства [17]. В странах ЕС высокая продолжительность жизни, низкое неравенство и доступность публичных благ (образование, здравоохранение) повышают субъективное благосостояние на 11–19% даже при умеренных доходах. Напротив, в развивающихся экономиках, таких как Россия, разрыв между доходом и благосостоянием превышает 16%, что объясняется слабостью институтов, коррупцией и ограниченным доступом к долгосрочным активам [18].

В итоге сложно не согласиться с Э. Аткинсоном и А. Брандолини, завершившими свое исследова-

ние вопросом: «является ли аналитически удовлетворительной характеристика социальных классов по чистому доходу? Возможно, пришло время заново интегрировать анализ личных доходов, положения в разделении труда и структуры собственности» [16, с. 20].

Однако даже расширение экономических критериев не решает ключевой проблемы – отсутствия учета групповой идентичности как конституирующего элемента класса. Являясь во многом социальным конструктом, средний класс оказывается очень чувствителен к динамике идентификационных процессов.

Пример кризиса идентичности американского среднего класса, описанный С. Лоуренсом, иллюстрирует, как контркультурные движения 1960-х гг. деконструировали его ценностные основы. Отказ от консюмеризма и профессионального конформизма, инициированный студенческой молодежью, привел к фрагментации классового самосознания [10, с. 174]. Протестующая молодежь, осознанно отвергнувшая стратегии поведения среднего класса, выстраивала повседневные практики по принципу отторжения от тех, что свойственны представителям среднего класса. Идентичность всё чаще формируется вне традиционных экономических рамок, через этические паттерны потребления (минимизация отходов, медленная мода, ответственное потребление и пр.).

Во второй половине XX в. идентичность в социальных науках, сделалась одним из ключевых объектов анализа. Уже в 1961 году Дэвид Рисмен в предисловии к переизданию своей работы «Одинокая толпа» отметил, имея ввиду США, «современную одержимость идентичностью в этой стране» [19, с. IX].

Постиндустриальное общество радикально усложнило стратификационную систему, предоставив возможность человеку конструировать свою идентичность, свободно меняя набор значимых характеристик.

Современный средний класс характеризуется крайней гетерогенностью: представители одной профессии могут занимать противоположные позиции в зависимости от владения культурными и социальными ресурсами. Исследование «Great British Class Survey» (2013) продемонстрировало, что группа «устоявшегося» среднего класса демонстрирует наибольшие показатели социального капитала, в то время как «технический»¹ средний класс – наименьшие среди всех слоев британского общества [20].

По мнению М. Кастельса, культурный капитал является главной отличительной особенностью среднего класса. Однако именно этот капитал становится фактором внутренней фрагментации класса, способствуя формированию новых страт, таких как «информационные производите-

ли». М. Кастельс подчеркивает, что информационный капитализм, в отличие от индустриальной модели, основан на гиперконцентрации капитала и минимизации социальных обязательств поскольку направлен на «углубление капиталистической логики стремления к прибыли», поэтому его логика, противоречит принципам социального государства, которое исторически обеспечивало стабильность среднего класса через перераспределение ресурсов и гарантии занятости [21, с. 41].

Размывание групповой идентичности среднего класса усугубляется индивидуализацией отношений найма в информационную эпоху, что делает профессиональное положение среднего класса еще более уязвимым. «Новая система характеризуется тенденцией возрастания социального неравенства и поляризации, а именно, одновременного роста верхушки и дна социальной шкалы» [21, с. 499]. Растущая прекаризация делает представителей среднего класса уязвимыми, что стирает границы между ними и низкоквалифицированными.

Как отмечает Н.Е. Тихонова, «огромное значение в новых условиях приобрели новые виды ресурсов: особенности поведения, вытекающие из характера социализации, общий уровень культуры и т.п., – рассматривавшиеся ранее только как следствие экономического статуса, а также физиологический (здоровье, возраст, пол), символический, личностный и т.д. ресурсы» [22, с. 19].

Попытка определить средний класс исключительно через субъективную самоидентификацию сталкивается с не менее существенными методологическими и концептуальными сложностями, чем опора на объективные критерии. Как показывают данные ОЭСР, около 67% населения развитых стран относят себя к среднему классу, несмотря на значительные различия в их объективном социально-экономическом положении [23]. В США аналогичные опросы фиксируют схожие тенденции: в 2017 году 62% респондентов идентифицировали себя как представителей среднего класса [24]. Многие респонденты причисляют себя к среднему классу независимо от их объективного социально-экономического положения, поэтому процент людей, идентифицирующих себя как представителей среднего класса, может значительно колебаться, особенно в странах с формирующейся экономикой, что объясняется стремлением дистанцироваться от стигмы бедности [23].

На субъективные критерии принадлежности к среднему классу влияет обширный набор факторов: доход, образование, возраст, раса, городская или сельская местность проживания, не считая влияния таких сложно измеряемых факторов, как: происхождение, престижность района проживания, моделей поведения, связанных с одеждой, автомобилями, домами, манерами, браком [25].

Во многом это обусловлено историческими и культурными традициями конкретного общества,

¹ Специалисты, занятые в инженерных, IT-сферах, а также в научно-прикладных областях.

так, в английском обществе традиционно культурные факторы принадлежности к социальным группам играют большую роль, чем в американском. В Великобритании классовая идентичность исторически связана с образованием, акцентом и манерами [20], тогда как в США акцент смещён в сторону профессионального успеха и дохода [26].

Не случайно Организация экономического сотрудничества и развития в своих материалах предпочитает не использовать понятие «средний класс» из-за неопределённости его научного статуса, заменяя его понятием «класс со средним уровнем дохода».

Средний класс представляет собой многогранный социально-экономический конструкт, который складывается из переплетения объективных характеристик, таких как доход, профессиональная занятость и уровень образования, с субъективными аспектами, включая самоидентификацию и культурные практики. В контексте цифровой революции, глобализации и изменений в структуре трудовых отношений традиционные границы классов становятся всё более расплывчатыми. Значительная доля среднего класса сегодня оказывается в промежуточной, «серой» зоне между формальным и неформальным секторами экономики, что отражает усложнение его социально-экономического положения.

Особенно заметны эти изменения для молодёжи среднего класса, которая сталкивается с серьёзными препятствиями в воспроизводстве социального статуса своих родителей. Рост стоимости жилья, увеличение расходов на образование и сокращение возможностей для стабильной, гарантированной занятости создают дополнительные барьеры на пути к сохранению статусных позиций. Эти факторы усиливаются процессами индивидуализации в современном обществе, которые подрывают коллективную идентичность среднего класса, делая её более фрагментированной и персонализированной.

В результате анализ среднего класса в рамках привычных методологических подходов становится всё более затруднительным, требуя новых концептуальных инструментов, способных учесть как его динамическую природу, так и влияние глобальных и локальных трансформаций.

Литература

1. Маркс, К. Капитал. Т. 4. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 26. Ч. II.
2. Вебер, М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
3. Lockwood, D. (1995). Marking out the middle classes // Butler, T., Savage, M. Social Change and the Middle Classes. – London: UCL Press, 1995. – P. 1–14.
4. Blumin, S. M. (1989). The emergence of the middle class: Social experience in the American city, 1760–1900. – New York: Cambridge University Press. – 452 p.
5. Green, J. R. (2008). Military education and the emerging middle class in the Old South. – Cambridge: Cambridge University Press. – 314 p.
6. Wells, J.D. The Origins of the Southern Middle Class, 1800–1861. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2005. – 321 p.
7. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
8. Mills, C. W. (1969). White collar: The American middle classes. – Oxford: Oxford University Press. – 182 p.
9. Сеннет, Р. Коррозия характера. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004. – 296 с.
10. Lawrence, S. R. (2014). The American middle class: A cultural history. – New York: Routledge. – 174 p.
11. Reeves, R. V., Guyot, K., & Krause, E. (2018). Defining the middle class: Cash, credentials, or culture? The Brookings Institution. – URL: <https://www.brookings.edu/research/defining-the-middle-class-cash-credentials-or-culture/>
12. Липсет, С.М. Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг.: Сб. переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко, Е.Ю. Мелешкина. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 35–86.
13. Draca, M., Schwarz, C. (2024). How polarised are citizens? Measuring ideology from the ground up // The Economic Journal. – Volume 134. – Issue 661. – P. 1950–1984. DOI:10.1093/ej/ueae010.
14. Kingston, P. W. (2000). The classless society. – Stanford, CA: Stanford University Press. – 280 p.
15. Birdsall, N., Graham, C., Pettinato, S. Stuck in the Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle Class // Center on Social and Economic Dynamics. – Working Paper 14. – Brookings Institution, Washington DC. – 37 p.
16. Atkinson, A., Brandolini, A. (2011) On the Identification of the «Middle Class» // ECINEQ, Society for the Study of Economic Inequality. – No 217. – P. 1–27. DOI:10.11126/stanford/9780804778244.003.0003.
17. Reeves, R.V., Guyot, K., Krause E. (2018) Defining the Middle Class: Cash, Credentials, or Culture? // The Brookings Institution. – URL: <https://www.brookings.edu/research/defining-the-middle-class-cash-credentials-or-culture/>
18. Jones, C. I., & Klenow, P. J. (2016). Beyond GDP? Welfare across countries and time // American Economic Review. – Vol. 106. – No. 9. – P. 2426–2464. DOI: 10.1257/aer.20110236.
19. Riesman, D. (1961). Preface to the 1961 edition // Riesman, D., Glazer, N. Denney, R. The lonely

- crowd: A study of the changing American character. – New Haven: Yale University Press. – P. XXIX.
20. Savage, M., Devine, F., Cunningham, N., Taylor, M., Li, Y., Hjellbrekke, J., Le Roux, B., Friedman, S., & Miles, A. (2013). A new model of social class: Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment // *Sociology*. – Vol. – 47(2). P. 219–250. DOI: 10.1177/0038038513481128.
 21. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
 22. Тихонова, Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*. – 2006. – Т. 7. – № 3. – С. 11–34.
 23. OECD. Under Pressure: The Squeezed Middle Class (2019). – Paris, OECD. – 172 p.
 24. Newport, F. (2017) What Determines How Americans Perceive Their Social Class? // Gallup. – URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/204497/determines-americans-perceive-social-class.aspx>
 25. Bird, R., Newport, F. (2017). What determines how Americans perceive their social class? // Gallup, Polling Matters. – URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/204497/determines-americans-perceive-social-class.aspx>
 26. Brown, A. (2016) What Americans say it takes to be middle class // Pew Research Center. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2016/02/04/what-americans-say-it-takes-to-be-middle-class/>
 5. Green, J. R. (2008). Military education and the emerging middle class in the Old South. – Cambridge: Cambridge University Press. – 314 p.
 6. Wells, J.D. The Origins of the Southern Middle Class, 1800–1861. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2005. – 321 p.
 7. Piketty, T. Capital in the 21st Century. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. – 592 p.
 8. Mills, C. W. (1969). White collar: The American middle classes. – Oxford: Oxford University Press. – 182 p.
 9. Sennett, R. Corrosion of character. – Novosibirsk: FSPI "Trends", 2004. – 296 p.
 10. Lawrence, S. R. (2014). The American middle class: A cultural history. – New York: Routledge. – 174 p.
 11. Reeves, R. V., Guyot, K., & Krause, E. (2018). Defining the middle class: Cash, credentials, or culture? The Brookings Institution. – URL: <https://www.brookings.edu/research/defining-the-middle-class-cash-credentials-or-culture/>
 12. Lipset, S.M. Some social prerequisites for democracy: Economic development and political legitimacy // The concept of modernization in foreign socio-political theory, 1950–1960: Collection of translations / Comp. and trans. V.G. Nikolaev; ed. – Moscow: INION RAS, 2012. – P. 35–86.
 13. Draca, M., Schwarz, C. (2024). How polarised are citizens? Measuring ideology from the ground up // *The Economic Journal*. – Volume 134. – Issue 661. – P. 1950–1984. DOI:10.1093/ej/ueae010.
 14. Kingston, P. W. (2000). The classless society. – Stanford, CA: Stanford University Press. – 280 p.
 15. Birdsall, N., Graham, C., Pettinato, S. Stuck in the Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle Class // Center on Social and Economic Dynamics. – Working Paper 14. – Brookings Institution, Washington DC. – 37 p.
 16. Atkinson, A., Brandolini, A. (2011) On the Identification of the "Middle Class" // ECINEQ, Society for the Study of Economic Inequality. – No – P. 1–27. DOI:10.11126/stanford/9780804778244.003.0003.
 17. Reeves, R.V., Guyot, K., Krause E. (2018) Defining the Middle Class: Cash, Credentials, or Culture? // The Brookings Institution. – URL: <https://www.brookings.edu/research/defining-the-middle-class-cash-credentials-or-culture/>
 18. Jones, C. I., & Klenow, P. J. (2016). Beyond GDP? Welfare across countries and time // *American Economic Review*. – Vol. 106. – No. 9. – P. 2426–2464. DOI: 10.1257/aer.20110236.
 19. Riesman, D. (1961). Preface to the 1961 edition // Riesman, D., Glazer, N., Denney, R. The lonely crowd: A study of the changing American character. – New Haven: Yale University Press. – R. XXIX.
 20. Savage, M., Devine, F., Cunningham, N., Taylor, M., Li, Y., Hjellbrekke, J., Le Roux, B., Friedman, S., & Miles, A. (2013). A new model of social class: Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment // *Sociology*. – Vol. – 47(2). P. 219–250. DOI: 10.1177/0038038513481128.
 21. Castells, M. The Information Age. Economy, Society and Culture. – Moscow: HSE, 2000. – 608 p.
 22. Tikhonova, N.E. The Resource Approach as a New Theoretical Paradigm in Stratification Studies // *Economic Sociology*. – 2006. – Т. 7. – No. 3. – P. 11–34.
 23. OECD. Under Pressure: The Squeezed Middle Class (2019). – Paris, OECD. – 172 p.
 24. Newport, F. (2017) What Determines How Americans Perceive Their Social Class? // Gallup. – URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/204497/determines-americans-perceive-social-class.aspx>
 25. Bird, R., Newport, F. (2017). What determines how Americans perceive their social class? // Gallup, Polling Matters. – URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/204497/determines-americans-perceive-social-class.aspx>
 26. Brown, A. (2016) What Americans say it takes to be middle class // Pew Research Center. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2016/02/04/what-americans-say-it-takes-to-be-middle-class/>

CONSTRUCTING THE MIDDLE CLASS: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS

Derevianchenko I.I.

Dostoevsky Omsk State University

The article is devoted to the analysis of the study of the middle class within the framework of theories of social stratification. The key criteria for its identification are considered, the relationship between the stability of the social structure and the presence of a developed middle class is emphasized. The methodological difficulties in applying objective (income, property, education) and subjective (cultural practices, identity) factors in determining the middle class are analyzed. A conclusion is made about the need to use new conceptual tools for studying the middle class that can take into account both its dynamic nature and the influence of global and local transformations.

Keywords: middle class, social stratification, social structure, class structure, stratification criteria, social identification.

References

1. Marx, K. Capital. Vol. 4. Part 2 // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. – Vol. 26. Part II.
2. Weber, M. Basic Concepts of Stratification // *Sociological Studies*. – 1994. – No. 5. – P. 147–156.
3. Lockwood, D. (1995). Marking out the middle classes // Butler, T., Savage, M. Social Change and the Middle Classes. – London: UCL Press, 1995. – P. 1–14.
4. Blumin, S. M. (1989). The emergence of the middle class: Social experience in the American city, 1760–1900. – New York: Cambridge University Press. – 452 p.

Проблема институционального признания фрилансеров: социально-философский анализ

Сироткин Антон Владимирович,

аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: aspirantsirotkin@gmail.com

В условиях цифровой трансформации и гибкости рынка труда фриланс становится неотъемлемым элементом современной социальной структуры, однако его институциональный статус остаётся неопределённым. В данной статье предпринимается социально-философский анализ проблемы институционального признания фрилансеров, их социального статуса и профессиональной идентичности. Исследование основано на теоретических концепциях социальной стратификации (М. Вебер), форм капитала (П. Бурдьё) и институционального порядка (Э. Дюркгейм), а также на актуальных эмпирических данных. Особое внимание уделяется амбивалентности социального положения фрилансеров, характеризующегося сочетанием элементов автономной занятости и высокой степени социальной уязвимости. Рассматриваются ключевые аспекты их институциональной неустойчивости: правовая незащищённость, экономическая нестабильность, отсутствие механизмов социальной интеграции и коллективной защиты. Автор выявляет специфику формирования символического капитала фрилансеров в условиях платформенной экономики и демонстрирует структурные факторы, препятствующие их социальной легитимации. В статье обоснована необходимость разработки системных мер, направленных на институционализацию фриланса как особого режима трудовой деятельности, включая совершенствование нормативно-правовой базы, адаптацию социально-экономических механизмов поддержки и развитие профессиональных сообществ. Представленные результаты способствуют углублённому пониманию феномена фриланса в контексте современной социальной философии и открывают перспективы дальнейших исследований, ориентированных на выработку стратегий устойчивого развития данной формы занятости.

Ключевые слова: фриланс, социальный статус, институциональная неустойчивость, профессиональная идентичность, цифровая экономика, прекаризация, социальная философия.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления специфики социального статуса фрилансеров в условиях гибкости рынка труда и размытости границ традиционных профессиональных идентичностей. Отсутствие институционализированных механизмов регуляции данной социальной группы может приводить к возникновению феноменов социальной маргинализации, трудовой прекарности, а также к деформации процессов социальной интеграции.

Целью настоящей статьи является выявление ключевых проблем социального статуса фрилансеров, а также разработка возможных путей его институционализации в контексте цифрового общества. В рамках исследования предполагается рассмотреть методологические основания анализа социального статуса, выявить специфику фрилансерской занятости, а также определить направления социальной политики, способствующие укреплению их положения в социальной структуре.

Методологической основой исследования выступает комплекс социально-философских и социологических подходов к изучению феномена социального статуса и стратификации. В частности, опираясь на концептуальные разработки М. Вебера, П. Бурдьё, Э. Дюркгейма и других мыслителей, будет проведён анализ социокультурных характеристик фрилансеров в их взаимосвязи с изменениями рынка труда. Особое внимание уделено феноменологическому анализу профессиональной идентичности, а также аксиологическим аспектам, связанным с восприятием обществом данной категории работников.

Таким образом, данное исследование призвано не только прояснить природу социальных проблем, с которыми сталкиваются фрилансеры, но и предложить теоретические и практические рекомендации, способствующие институционализации их статуса в рамках современного социума.

М. Вебер рассматривал социальный статус как одну из трёх ключевых составляющих социальной стратификации наряду с классом и партией. В отличие от классового положения, определяемого доступом к экономическим ресурсам, статус связан с общественным признанием, престижем и стилем жизни. Он обуславливает степень социальной легитимности индивида в сообществе и влияет на его возможность взаимодействия в различных социальных сферах [2]. Развивая

идеи Вебера, П. Бурдьё предложил рассматривать стратификацию как распределение не только экономических, но и культурных и социальных ресурсов. В контексте фриланс-деятельности именно символический капитал – признание профессионального сообщества, репутация на цифровых платформах – становится динамическим элементом, обуславливающим вариативность социального положения. Однако этот капитал формируется на основе культурного и социального капиталов, таких как профессиональные компетенции и сеть контактов [1].

В российской академической традиции фриланс как социально-философский феномен остаётся на наш взгляд недостаточно исследованным, в частности, можно говорить о некотором дефиците в изучении статуса фрилансеров. Однако в работе Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука отмечается, что социальный статус фрилансеров в российском обществе сопряжён с нестабильностью занятости и индивидуализированным карьерным треком [18]. Авторы подчёркивают, что фрилансеры, несмотря на внешнюю свободу, подвержены риску экономической маргинализации из-за отсутствия институциональной поддержки. Кроме того, в других исследованиях, таких как «Аксиологические аспекты свободы выбора фрилансеров» и «Социальный портрет молодых российских фрилансеров» и акцентируется внимание на ценностной ориентации фрилансеров, для которых ключевыми атрибутами профессиональной идентичности выступают стремление к самореализации, гибкости в организации труда и ощущение независимости [4; 14].

Таким образом, теоретико-методологический анализ социального статуса фрилансеров демонстрирует амбивалентность их положения в современном обществе. Сочетание гибкости и уязвимости, индивидуализации и социальной неопределённости требует углублённого философского осмысления и разработки институциональных механизмов, способных стабилизировать их социальный статус в условиях информационной эпохи.

Информационное общество, согласно классическим концепциям М. Кастельса, А. Тоффлера и Ю. Хабермаса [15], представляет собой социокультурное пространство, где доминирующим фактором общественного развития становятся знания, информация и когнитивные технологии. В данном контексте фриланс выступает как гибкая форма занятости, органично встроенная в сетевую структуру информационной экономики. Его сущность детерминирована трансформацией труда, для которой характерны гибкость, децентрализованность и проектный формат взаимодействия. Отличительной чертой фриланса является деструкция традиционного институционального каркаса трудовой деятельности, описанного Э. Дюркгеймом в терминах социальной соли-

дарности и нормативной регуляции [5]. В отличие от институционально закреплённого статуса наёмного работника, фрилансер существует в парадигме «самоназначения», формируя профессиональную идентичность не через принадлежность к корпоративной структуре, а через индивидуализированные трудовые практики.

Таким образом, фриланс в информационном обществе можно рассматривать в качестве своеобразного социально-экономического гибрида: с одной стороны, он ориентирован на индивидуальную автономию, с другой – остаётся зависимым от алгоритмов цифровых платформ и колебаний рыночной конъюнктуры. Это противоречие находит отражение в их социальном статусе, характеризующемся институциональной неопределённостью и прерывистостью социальной идентичности.

Фрилансеры, находясь на пересечении институциональных границ, демонстрируют статусную амбивалентность, которая становится особенно очевидной при сравнении с двумя традиционными группами занятости: наёмными работниками и предпринимателями. Наёмный труд, согласно социологической традиции [5], характеризуется стабильностью социального положения, гарантированными правами и институциональной защитой, обеспеченной трудовым законодательством. Социальный статус наёмного работника во многом детерминирован принадлежностью к определённой профессиональной группе, корпоративной культуре и коллективной идентичности. Предпринимательская деятельность, напротив, предполагает автономное принятие экономических решений, индивидуальную ответственность за результаты деятельности и независимость в организации производственного процесса. Социальный статус предпринимателя формируется через категорию экономической успешности, а также через участие в социальных сетях, формирующих бизнес-культуру. Фрилансеры же сочетают черты обеих групп: они обладают гибкостью предпринимателей, но лишены институциональных гарантий наёмных работников. Их социальный статус оказывается флуктуирующим, поскольку:

- в отличие от наёмных работников, фрилансеры не имеют коллективной защиты профсоюзов, права на оплачиваемые отпуска, больничные и социальные гарантии;
- в отличие от предпринимателей, фрилансеры не всегда обладают ресурсами и юридическим статусом, необходимыми для полной автономии в профессиональной деятельности. Их деятельность часто регулируется платформами, которые задают алгоритмические условия взаимодействия с заказчиками.

Таким образом, статус фрилансера в современной социальной структуре можно охарактеризовать как «пограничный», что подтверждает ги-

потезу о формировании новой категории занятости, не вписывающейся в классические стратификационные модели [16].

Современные фрилансеры сталкиваются с рядом проблем, связанных с неопределённостью их социального статуса. Эти трудности можно разделить на несколько групп: правовую, экономическую, институциональную, социальную и символическую.

Правовая неопределённость статуса фрилансеров формирует ситуацию социальной маргинальности, создавая ситуации, в которых они сталкиваются с отсутствием чёткого признания их статуса как полноправных участников рынка труда, например, при оформлении кредитов, получении социальных гарантий и взаимодействии с государственными учреждениями, при которой представители данной группы не могут однозначно соотнести себя с существующими нормативными категориями рынка труда [7]. Ни одна из категорий, к которым могут быть отнесены фрилансеры, не отражает в полной мере специфики их профессионального положения. Например, статус самозанятого не предусматривает механизмов защиты от недобросовестных заказчиков, таких как задержка оплаты, отказ от выполнения договорённостей и другие недобросовестные практики, а оформление индивидуального предпринимательства сопряжено с дополнительными финансовыми обязательствами, включая страховые взносы, бухгалтерское сопровождение и налоговые платежи, которые для нерегулярной проектной деятельности могут стать чрезмерными. Помимо этого, доступ к социальным гарантиям для фрилансеров остаётся ограниченным. Работая в условиях самозанятости или внештатного сотрудничества, фрилансеры вынуждены самостоятельно обеспечивать свою социальную безопасность, что зачастую приводит к отказу от регулярных отчислений. Таким образом, их положение соотносится с концепцией «прекарного труда» [17], где социальная незащищённость становится не исключением, а системным признаком. Сложность регулирования трудовых споров также создаёт дополнительную уязвимость фрилансеров. При отсутствии официально оформленных договорных отношений исполнители оказываются в положении, при котором гарантии своевременной оплаты труда зависят исключительно от добросовестности заказчика. Следовательно, правовая неопределённость фриланса выступает в качестве структурной проблемы, порождающей не только индивидуальные трудности, но и препятствующей формированию устойчивой социальной идентичности данной профессиональной группы. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, включающего пересмотр нормативных актов, разработку специализированных форматов социального страхова-

ния и внедрение механизмов защиты интересов фрилансеров на институциональном уровне.

Экономическая нестабильность представляет собой одно из центральных препятствий на пути к институционализации фриланса как устойчивой формы занятости в современном обществе. Данный феномен обусловлен совокупностью факторов, среди которых нерегулярность доходов, отсутствие долгосрочных социальных гарантий, высокая конкурентная нагрузка и дефицит институциональной поддержки. Фрилансеры вынуждены самостоятельно нести финансовую нагрузку, связанную с профессиональной деятельностью. Речь идёт не только о налоговых обязательствах, но и о сопутствующих расходах: оплате страховых взносов, бухгалтерском сопровождении, приобретении необходимого программного обеспечения, аренде рабочего пространства. В условиях неопределённости эти расходы становятся значительным барьером на пути к экономической устойчивости [15].

Институциональная неустойчивость социального статуса фрилансеров представляет собой значительный фактор, препятствующий их профессиональному и социальному развитию в условиях современного информационного общества. В рамках классических социально-экономических институтов сложилось устойчивое непризнание фриланса как традиционной формы занятости, что обусловлено отсутствием унифицированных нормативных стандартов, регулирующих данную профессиональную деятельность. Дополнительным фактором институциональной неустойчивости является отсутствие профессиональных ассоциаций и отраслевых объединений, способных защищать интересы фрилансеров на системном уровне. В отличие от традиционных сфер занятости, где профессиональные союзы регулируют вопросы трудовой безопасности, оплаты труда, профессиональной квалификации, в сфере фриланса подобные институты либо не сформированы, либо обладают фрагментарным и малоэффективным характером. Эта институциональная разобщённость может порождать ощущение профессиональной маргинализации среди фрилансеров, усугубляя их социальную уязвимость. Наиболее очевидно институциональная неустойчивость проявляется при взаимодействии фрилансеров с финансовыми институтами. При обращении за кредитными продуктами, такими как ипотека или потребительские кредиты, фрилансеры зачастую сталкиваются с отказами, поскольку их доходы не рассматриваются банками как стабильные и прогнозируемые [19]. Данное явление связано с отсутствием официального трудового договора, нерегулярностью поступлений и невозможностью предоставить гарантии продолжительности профессиональной деятельности [21]. Таким образом, институциональная неустойчивость фриланса является ком-

плексной проблемой, включающей нормативно-правовые пробелы, отсутствие профессиональных сообществ и сложности во взаимодействии с финансовыми структурами. Разработка законодательных механизмов, адаптированных к специфике удалённой занятости, а также создание отраслевых объединений, способных представлять интересы фрилансеров на макроуровне, являются необходимыми условиями для минимизации данной проблемы и укрепления социального статуса данной категории работников.

Одним из ключевых факторов, определяющих специфику профессиональной и личностной идентичности фрилансеров в условиях трансформации социальной структуры современного общества является социальная изоляция. Значимым аспектом этой изоляции выступает отсутствие корпоративной среды, которое существенно сужает пространство для горизонтальных связей, профессионального обмена знаниями и карьерного роста. Корпоративная культура, будучи традиционным механизмом интеграции индивидов в профессиональное сообщество, в данном случае утрачивает свою функцию, оставляя фрилансера один на один с необходимостью самостоятельного выстраивания траекторий профессионального развития. Дефицит неформального взаимодействия с коллегами формирует специфическую профессиональную изоляцию, которая, согласно результатам социологических исследований [9], может оказывать влияние на субъективное восприятие собственной значимости в профессиональной сфере. Важным последствием данной социальной обособленности становится сложность в поддержании баланса между работой и личной жизнью. Размытые границы рабочего времени, характерные для фриланс-деятельности, трансформируют традиционные представления о режиме труда и отдыха, что приводит к феномену перманентной вовлечённости в профессиональную деятельность. Такой режим не только способствует эмоциональному выгоранию, но и снижает качество социальных взаимодействий вне рабочей среды, формируя ощущение оторванности от общества. Таким образом, социальная изоляция фрилансеров представляет собой многомерный феномен, обусловленный изменением традиционных структур занятости и спецификой саморегулируемой профессиональной деятельности. Понимание данной проблемы предполагает разработку стратегий социальной интеграции, включая создание профессиональных сообществ, формирование виртуальных площадок для обмена опытом и внедрение образовательных программ, способствующих укреплению социальной идентичности этой категории работников.

Символический статус фриланса в общественном сознании характеризуется амбивалентностью: с одной стороны, он ассоциируется со сво-

бодой, творчеством и возможностью самореализации, с другой – с нестабильностью, временной занятостью и отсутствием профессиональной серьёзности. Стереотипное восприятие фрилансеров как временных работников, студентов или людей, не сумевших найти «нормальную» работу, формирует негативный символический капитал профессии. Этот дискурс подкрепляется медийными нарративами, которые часто изображают фриланс как неустойчивую и экономически небезопасную деятельность, доступную любому без необходимости в специальных навыках. Недооценка профессиональной компетенции фрилансеров со стороны работодателей препятствует признанию их квалификаций, что особенно ощутимо при участии в конкурсах на крупные проекты. Такая ситуация обусловлена отсутствием унифицированных стандартов оценки профессиональных достижений, что, в свою очередь, усиливает социальную маргинализацию данной категории работников.

Феномен фриланса в контексте прекаризации обретает двойственную природу: с одной стороны, он выступает в качестве инструмента профессиональной автономии, обеспечивающего индивидам гибкость трудовой деятельности, с другой – представляет собой пространство системных рисков, связанных с экономической, социальной и юридической незащищённостью, рассмотренными в данной статье. Однако следует учитывать, что фриланс не всегда является вынужденной формой трудовой занятости, сопряжённой исключительно с негативными последствиями прекаризации. Для многих специалистов он становится осознанным выбором, позволяющим реализовать индивидуальные стратегии самореализации, гибкости и профессиональной мобильности. В этой связи можно говорить о двух полярных формах прекаризации: вынужденной, когда фриланс является следствием отсутствия иных трудовых альтернатив, и добровольной, при которой профессионалы сознательно выбирают данную форму занятости, принимая на себя соответствующие риски.

Исследование прекаризации фрилансеров в отечественной научной традиции представляет собой сравнительно новый, но уже демонстрирующий значительную эвристическую продуктивность дискурс. В рамках социологии труда, экономики и социальной философии данный феномен рассматривается преимущественно через призму гибкой занятости, теневой экономики и процессов институциональной трансформации современного рынка труда.

На основании проведённых исследований можно выделить ряд тенденций, характеризующих прекаризацию фрилансеров в российской действительности.

1. Нестабильность занятости и цикличность доходов. Исследования показывают, что значи-

тельная часть фрилансеров сталкивается с периодами отсутствия заказов, что ведёт к нестабильности их трудовой занятости и доходов. Это явление особенно выражено в цифровой экономике, где проектный характер работы не позволяет гарантировать долгосрочную стабильность. В периоды спада заказов фрилансеры вынуждены компенсировать потери за счёт накоплений или искать альтернативные источники дохода, что усиливает их экономическую уязвимость [12; 16].

2. Теневая экономика и проблемы легализации доходов. Фрилансеры, будучи представителями неформального сектора занятости, сталкиваются с трудностями в легализации своих доходов и официальной регистрации деятельности. Несмотря на существование механизмов оформления самозанятости и индивидуального предпринимательства, значительная часть фрилансеров предпочитает оставаться вне правового поля. Это обусловлено не только налоговой нагрузкой и административными барьерами, но и особенностями рыночных отношений, в которых значительная доля заказчиков требует неофициальных расчётов. Отсутствие социально-экономических стимулов для выхода из тени усугубляет проблему, а невозможность верификации доходов затрудняет доступ фрилансеров к банковским и государственным сервисам. Таким образом, феномен теневой занятости среди фрилансеров является не только следствием индивидуального выбора, но и результатом институциональных пробелов в регулировании цифрового рынка труда [11; 17].
3. Низкий уровень социальной защищённости и профессиональной идентичности. Фрилансеры, в отличие от наёмных работников, не имеют доступа к системе социального страхования, что делает их положение экономически уязвимым. Они не обеспечены гарантированными выплатами в случае потери трудоспособности, отсутствуют механизмы коллективной защиты их прав. Правовая неопределённость их статуса усиливает институциональный разрыв между фрилансерами и традиционными субъектами рынка труда. Профессиональная идентичность фрилансеров также остаётся фрагментированной, так как они исключены из коллективных форм труда и профессионального взаимодействия. В отсутствие профсоюзов и институтов защиты интересов их идентичность формируется индивидуально, что ведёт к социальной атомизации и снижению возможностей для профессионального развития [3].
4. Высокая конкуренция и демпинг цен как факторы прекаризации. Фрилансеры, действуя в условиях глобальной цифровой конкуренции,

оказываются в ситуации постоянного ценового давления. В отличие от традиционного рынка труда, где уровень оплаты регулируется отраслевыми стандартами и коллективными соглашениями, в сфере фриланса цены на услуги формируются стихийно, зачастую по принципу «кто предложит дешевле». Алгоритмы некоторых платформ ранжируют исполнителей по стоимости их услуг, вынуждая фрилансеров снижать цены ради конкурентоспособности [6]. Этот процесс ведёт к двум последствиям: во-первых, фрилансеры оказываются в положении вынужденной самоэксплуатации, увеличивая объём работы без соответствующего роста доходов; во-вторых, теряют возможность долгосрочного профессионального развития, поскольку вынуждены ориентироваться на краткосрочные заказы, обеспечивающие лишь текущий уровень доходов. Таким образом, демпинг цен и высокая конкуренция становятся не только экономическими, но и социальными механизмами прекаризации, приводя к размыванию границ между занятостью и бедностью.

5. Психологические аспекты и качество жизни фрилансеров. Фриланс, являясь гибкой, но нестабильной формой занятости, связан с высокой эмоциональной нагрузкой, обусловленной неопределённостью, нерегулярностью доходов и социальной изоляцией. Исследования показывают, что отсутствие институциональных механизмов защиты труда ведёт к хроническому стрессу, эмоциональному выгоранию и размыванию границ между работой и личной жизнью [16; 17].
6. Дополнительным фактором прекаризации является социальная атомизация фрилансеров: они лишены коллективных трудовых механизмов, что приводит к потере чувства профессиональной идентичности и снижению уровня социальной поддержки. Таким образом, психологические аспекты становятся не просто следствием индивидуального выбора фрилансеров, но системным феноменом, порождённым институциональной неопределённостью их трудового положения [17; 20].

Таким образом, российская научная мысль постепенно расширяет горизонты исследования прекаризации в контексте фриланса, демонстрируя многоаспектную природу данного феномена и его социокультурные последствия. Однако проблематика требует дальнейшего концептуального осмысления, в особенности в рамках социальной философии, что обусловлено спецификой современного рынка труда, сочетающего элементы автономии и структурной неустойчивости.

Вопрос о стабилизации социального статуса фрилансеров предполагает обращение не только к инструментальным механизмам государственно-

го регулирования, но и к более глубинным процессам трансформации трудовых отношений в эпоху цифровой экономики. Решение данной проблемы не может сводиться к простому расширению существующих нормативных структур на новые формы занятости, поскольку сама природа фриланса предполагает иной характер социальной и профессиональной идентичности, выходящий за пределы традиционной модели наёмного труда. Одним из ключевых направлений возможной стабилизации является юридическая институционализация фриланса как особого режима трудовой деятельности. Включение фрилансеров в систему социального страхования, разработка специализированных контрактных моделей, адаптированных к динамичной и проектной занятости, создание механизмов правового урегулирования споров между исполнителями и заказчиками – все эти меры, апробированные в ряде западных стран, могут способствовать укреплению социальной защищённости фрилансеров.

В ряде западных стран уже разработаны и внедрены эффективные меры поддержки фрилансеров, направленные на стабилизацию их социального статуса и улучшение условий труда. Ниже приведены некоторые из таких инициатив.

Великобритания внедрила программу «New Enterprise Allowance» (NEA), которая предоставляет финансовую и менторскую поддержку безработным, желающим начать собственное дело, включая фрилансеров. Участники программы получают еженедельные выплаты и консультации опытных бизнес-наставников, что способствует успешному старту и развитию их деятельности [8].

В Германии определенные категории самозанятых, включая фрилансеров, обязаны участвовать в системе социального страхования. Это обеспечивает им доступ к пенсионному обеспечению и медицинскому страхованию наравне с наёмными работниками, способствуя повышению социальной защищённости и стабильности их профессиональной деятельности [10].

В Соединенных Штатах существуют программы, направленные на поддержку фрилансеров и самозанятых лиц, способствующие стабилизации их социального статуса и улучшению условий труда. К примеру, Программа помощи самозанятым (SEA) предоставляет возможность безработным лицам, получающим пособия по безработице, начать собственное дело без необходимости продолжать активный поиск работы. Участники программы могут получать пособия по безработице в течение 26 недель, сосредоточившись на создании и развитии собственного бизнеса. Программа также предлагает консультации и поддержку в разработке бизнес-плана и оценке жизнеспособности бизнеса. Примером реализации такой программы является штат Орегон, где более 1500 жителей успешно воспользовались этой возможностью [13].

Эти примеры демонстрируют, как государственное регулирование и поддержка могут способствовать улучшению условий труда и социальной защищённости фрилансеров, интегрируя их в общенациональные системы социального обеспечения.

Не менее важны экономические механизмы поддержки. Государственные и частные программы финансирования, включающие грантовые инициативы, субсидирование образовательных проектов и налоговые льготы, способны снизить уровень финансовой нестабильности, который является одной из основ прекарного положения фрилансеров. Вместе с тем такие меры не устраняют структурные дисбалансы в экономике цифрового труда, связанные с монополизацией платформенных сервисов, ростом конкуренции в глобальном масштабе и эрозией традиционных профессиональных карьерных траекторий. В российской законодательной практике в качестве такой меры можно рассматривать введение системы налогообложения для самозанятых правительством РФ, которое позволяет фрилансерам не просто оформить свою деятельность легитимно, но и создаёт условия для внедрения наиболее современных, юридически и технологически доступных программ и приложений для этих целей [17].

Кроме того, нельзя недооценивать фактор социальной интеграции и признания фриланса как легитимного вида профессиональной деятельности. Пока в массовом сознании сохраняется представление о фрилансе как о временной или вынужденной форме занятости, его статус остаётся маргинализированным, что отражается как на уровне правового регулирования, так и в восприятии самого профессионального сообщества. Развитие профессиональных объединений, создание образовательных инициатив, формирование сетевых сообществ, обеспечивающих не только обмен опытом, но и горизонтальные механизмы защиты прав, становится важным условием стабилизации социального положения фрилансеров.

Фриланс как форма занятости в цифровой экономике представляет собой многослойное и противоречивое явление, которое не укладывается в традиционные категории трудовых отношений. Его социальный статус оказывается амбивалентным: с одной стороны, фрилансеры выступают носителями высокой квалификации и профессиональной автономии, с другой – сталкиваются с рисками нестабильности, отсутствия социальных гарантий и размытости правового положения. Анализ показал, что фрилансеры занимают пограничное положение в социальной стратификации, сочетая характеристики высококвалифицированных профессионалов с чертами прекариата. Феномен прекаризации фрилансеров не следует рассматривать исключительно в терминах экономической нестабильности. Он затрагивает более широкие аспекты социальной идентичности, включаю-

щие не только трудовые условия, но и восприятие фрилансеров обществом, их статусное самоопределение, а также динамику изменений профессионального поля и психологические барьеры.

Перспективы стабилизации социального статуса фрилансеров требуют комплексного подхода, включающего правовую институционализацию, экономические механизмы поддержки и социальную интеграцию. Однако открытым остаётся вопрос о том, возможно ли достичь устойчивости социального положения фрилансеров без утраты их ключевых характеристик – гибкости и автономии. Насколько правомерно говорить о фрилансе как об устойчивой модели занятости, если его существенной характеристикой является именно перманентная изменчивость и адаптивность к нестабильной цифровой среде?

Литература

1. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. – М.: Изд-во «Весь мир», 2006.
3. Голованова, Д.В. Прекариат: возможна ли успешность на рынке труда (на примере фрилансеров) / Д.В. Голованова, О.М. Дудина // Креативная экономика. – 2019. – Т. 13, № 6. – С. 1253–1268. – DOI 10.18334/ce.13.6.40735 Golovanova, D. V., & Dudina, O. M. (2019). Precariat: is it possible to be successful in the labor market (on the example of freelancers)? Creative Economy, 13(6), 1253–1268. <https://doi.org/10.18334/ce.13.6.40735>
4. Дудина Ольга Мухаметшевна, Голованова Дарья Владимировна Социальный портрет молодых российских фрилансеров // КЭ. 2018. № 9.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991.
6. Забелина Ольга Викторовна, Мирзабалаева Фарида Исламудиновна. Фриланс как новая гибкая форма самозанятости на российском рынке труда // Экономика труда. 2020. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frilanskak-novaya-gibkaya-forma-samozanyatosti-na-rossiyskom-rynke-truda> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Карпова Г.Г., Убогова А.С., Федосеева А.А. Социальная незащищённость фрилансеров: объективное положение и субъективное восприятие // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 19. С. 62–80.
8. Комлева, Д.С. Обучение людей старшего возраста как фактор сохранения и развития их трудового потенциала: зарубежный опыт / Д.С. Комлева // Костинские чтения: Материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 07 октября 2020 года / под научной редакцией Н.В. Локтюхиной, С.А. Шапиро. – Москва: Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2020. – С. 138–142. – EDN BQWWTT.
9. Красовская, О.И. Взаимосвязь межличностных отношений и удовлетворенности работой в трудовом коллективе / О.И. Красовская // Психологическая студия: сб. статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей каф. прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова. Вып. 13. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020.
10. Левченко, Е.А. Социальная защита отдельных категорий граждан в странах ЕС: опыт Германии / Е.А. Левченко // Экономика труда. – 2016. – Т. 3, № 4. – С. 371–380. – DOI 10.18334/et.3.4.37138
11. Лесовская М.И. Дилемма легализации самозанятых // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 1 (11).
12. Анастасия Дмитриевна Мельник, Наталья Леонидовна Антонова Фриланс как вынужденная форма занятости молодых профессионалов // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11.
13. Программа помощи самозанятым (SEA) // Oregon Employment Department [Электронный ресурс]. – URL: <https://unemployment.oregon.gov/ru/self-employment> (дата обращения: 10.03.2025).
14. Сироткин, А.В. Аксиологические аспекты свободы выбора фрилансеров / А.В. Сироткин // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции, Москва, 10 октября 2023 года. – Москва: Алеф, 2023. – С. 300–305. – DOI 10.34755/IROK.2023.25.70.084. – EDN SMRSSX.
15. Сироткин, А.В. Информационное общество и цифровая трансформация в социально-философском дискурсе / А.В. Сироткин // Социология. – 2024. – № 9. – С. 141–147. – EDN EFUFBU.
16. Сироткин, А.В. Фриланс в условиях информационного общества: социокультурные изменения / А.В. Сироткин // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 9. – С. 144–149. – EDN UEWKJO.
17. Сироткин, А.В. Социально-философский анализ феномена фриланса: правовые аспекты ведения деятельности / А.В. Сироткин // Социология. – 2024. – № 3. – С. 260–265. – EDN NHGVMV.
18. Стребков Д. О., Шевчук А.В. (2015). Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров). Мир России, 24(1), 72–100.

19. Стребков, Д.О. Фрилансеры на российском рынке труда / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук // Социологические исследования. – 2010. – № 2(310). – С. 45–55. – EDN LTOKHD.
20. Харченко В.С. Социальное самочувствие российских фрилансеров / В.С. Харченко // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы II Международн. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 18–20 апреля 2016 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – Т. 1. – С. 213–217.
21. Что в статусе тебе моем: банки отказывают в кредитах самозанятым // Известия [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1169716/roza-almakunova/chto-v-statuse-tebe-moem-banki-otkazyvaiut-v-kreditakh-samozaniatyam> (дата обращения: 10.03.2025).

THE ISSUE OF INSTITUTIONAL RECOGNITION OF FREELANCERS: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Sirotkin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

In the context of digital transformation and the flexibility of the labor market, freelancing is becoming an integral element of the modern social structure, but its institutional status remains uncertain. This article undertakes a socio-philosophical analysis of the problem of institutional recognition of freelancers, their social status and professional identity. The research is based on the theoretical concepts of social stratification (M. Weber), forms of capital (P. Bourdieu) and institutional order (E. Durkheim), as well as current empirical data. Special attention is paid to the ambivalence of the social status of freelancers, characterized by a combination of elements of autonomous employment and a high degree of social vulnerability. The key aspects of their institutional instability are considered: legal insecurity, economic instability, lack of mechanisms for social integration and collective protection. The author identifies the specifics of the formation of symbolic capital of freelancers in a platform economy and demonstrates the structural factors that hinder their social legitimization. The article substantiates the need to develop systemic measures aimed at institutionalizing freelancing as a special mode of work, including improving the regulatory framework, adapting socio-economic support mechanisms and developing professional communities. The presented results contribute to an in-depth understanding of the phenomenon of freelancing in the context of modern social philosophy and open up prospects for further research aimed at developing strategies for the sustainable development of this form of employment.

Keywords: freelancing, social status, institutional instability, professional identity, digital economy, precarization, social philosophy.

References

1. Bourdieu P. Forms of Capital // *Economic Sociology*. 2002. Vol. 3. No. 5. Pp. 60–74.
2. Weber M. *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*. – Moscow: Ves Mir Publishing House, 2006.
3. Golovanova, D.V. Precariat: Is Success in the Labor Market Possible (using Freelancers as an Example) / D.V. Golovanova, O.M. Dudina // *Creative Economy*. – 2019. – Vol. 13. No. 6. – Pp. 1253–1268. – DOI 10.18334/ce.13.6.40735 Golovanova, D. V., & Dudina, O. M. (2019). Precariat: is it possible to be successful in the labor market (on the example of freelancers)? *Creative Economy*, 13(6), 1253–1268. <https://doi.org/10.18334/ce.13.6.40735>
4. Dudina Olga Mukhametshvna, Golovanova Darya Vladimirovna Social portrait of young Russian freelancers // *KE*. 2018. No. 9.
5. Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology. – M.: Science, 1991.
6. Zabelina Olga Viktorovna, Mirzabalaeva Farida Islamudinovna. Freelancing as a new flexible form of self-employment in the Russian labor market // *Labor Economics*. 2020. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frilans-kak-novaya-gibkaya-forma-samozanyatosti-na-rossiyskom-rynke-truda> (date of access: 10.03.2025).
7. Karpova G.G., Ubogova A.S., Fedoseeva A.A. Social insecurity of freelancers: objective situation and subjective perception // *Interaction. Interview. Interpretation*. 2019. Vol. 11. No. 19. Pp. 62–80.
8. Komleva, D.S. Training of older people as a factor in maintaining and developing their labor potential: foreign experience / D.S. Komleva // *Kostinskie readings: Proceedings of the III International scientific and practical conference*, Moscow, October 7, 2020 / edited by N.V. Loktyukhina, S.A. Shapiro. – Moscow: Educational institution of trade unions of higher education “Academy of Labor and Social Relations”, 2020. – Pp. 138–142. – EDN BQWWTT.
9. Krasovskaya, O.I. The relationship between interpersonal relationships and job satisfaction in a work collective / O.I. Krasovskaya // *Psychological studio: collection of articles by students, master's students, graduate students, young researchers of the Department of Applied Psychology of Voronezh State University named after P.M. Masherov*. Issue. 13. – Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2020.
10. Levchenko, E.A. Social protection of certain categories of citizens in the EU countries: the experience of Germany / E.A. Levchenko // *Labor Economics*. – 2016. – Vol. 3, No. 4. – Pp. 371–380. – DOI 10.18334/et.3.4.37138
11. Lesovskaya M.I. The dilemma of legalizing the self-employed // *Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2019. No. 1 (11).
12. Anastasia Dmitrievna Melnik, Natalya Leonidovna Antonova Freelancing as a forced form of employment of young professionals // *Theory and practice of social development*. 2024. No. 11.
13. Self-Employed Assistance Program (SEA) // Oregon Employment Department [Electronic resource]. – URL: <https://unemployment.oregon.gov/ru/self-employment> (date of access: 03/10/2025).
14. Sirotkin, A.V. Axiological aspects of freedom of choice of freelancers / A.V. Sirotkin // *Challenges of modernity and strategies for the development of society in the context of the new reality: collection of materials from the XX International scientific and practical conference*, Moscow, October 10, 2023. – Moscow: Alef, 2023. – Pp. 300–305. – DOI 10.34755/IROK.2023.25.70.084. – EDN SMRSSX.
15. Sirotkin, A.V. Information society and digital transformation in socio-philosophical discourse / A.V. Sirotkin // *Sociology*. – 2024. – No. 9. – P. 141–147. – EDN EFUFBU.
16. Sirotkin, A.V. Freelancing in the information society: socio-cultural changes / A.V. Sirotkin // *Social and humanitarian knowledge*. – 2024. – No. 9. – P. 144–149. – EDN UEWKJO.
17. Sirotkin, A.V. Social and philosophical analysis of the freelancing phenomenon: legal aspects of doing business / A.V. Sirotkin // *Sociology*. – 2024. – No. 3. – P. 260–265. – EDN NHGVMV.
18. Strebkov D. O., Shevchuk A.V. (2015). Labor trajectories of self-employed professionals (freelancers). *Mir Rossii*, 24(1), 72–100.
19. Strebkov, D.O. Freelancers in the Russian labor market / D.O. Strebkov, A.V. Shevchuk // *Sociological studies*. – 2010. – No. 2(310). – P. 45–55. – EDN LTOKHD.
20. Kharchenko V.S. Social well-being of Russian freelancers / V.S. Kharchenko // *Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the II International scientific-practical conf.* Ekaterinburg, April 18–20, 2016: in 2 volumes. – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2016. – Vol. 1. – P. 213–217.
21. What's in my status: banks refuse loans to the self-employed // *IZVESTIA* [Electronic resource]. – URL: <https://iz.ru/1169716/roza-almakunova/chto-v-statuse-tebe-moem-banki-otkazyvaiut-v-kreditakh-samozaniatyam> (date of access: 10.03.2025).

Ответственность в цифровом мире: новые вызовы и возможности

Шайдоров Максим Александрович,

аспирант кафедры философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

E-mail: MaximumSH@yandex.ru

Цифровой мир, характеризующийся стремительным развитием технологий и глобализацией, порождает новые этические и экзистенциальные вызовы, требующие переосмысления понятия ответственности. В статье автор рассматривает и подвергает критическому анализу подобные вызовы, уделяя пристальное внимание вопросам искусственного интеллекта, приватности данных, дезинформации, правовому регулированию ИИ и кибербезопасности. Красной нитью в работе проходит проблема укрепления социальной ответственности, которая предстает перед исследователями сегодня, в частности, усиление гражданского участия, расширение доступа к информации и формирование новых форм солидарности.

Ключевые слова: ответственность, цифровой мир, цифровизация, онлайн-платформы, искусственный интеллект, вина, правовое регулирование.

Сегодня цифровой мир является не просто набором инновационных технологий, но и новой средой обитания для человека, которая радикально меняет способы коммуникации, познания, взаимодействия и управления. Как пишет декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова – Н.Г. Осипова, «сегодня цифровые технологии внедрены в повседневную жизнь и быт людей – они есть в каждом современном доме, учреждении, на предприятиях, заводах ...» [7, с. 15]. Стремительное развитие и внедрение в повседневную жизнь людей цифровых технологий, начиная от искусственного интеллекта (ИИ), заканчивая социальными сетями, создает возможности с одной стороны, для беспрецедентного прогресса, с другой же порождает новые этические и экзистенциальные вызовы, требующие переосмысления самого понятия ответственности.

Здесь стоит определиться с базовой трактовкой понятия «ответственность», принятой в научном обороте. В частности, термин «ответственность» как таковой был впервые введен шотландским философом А. Бэном, который трактовал ответственность как правовую категорию или «наказуемость» [1, с. 3]. Продолжительное время проблематику ответственности исследователи рассматривали исключительно с правовой точки зрения, однако постепенно ее изучение приобрело более междисциплинарный характер. На сегодняшний день же, ответственность выходит за рамки исключительно индивидуальной, правовой категории. В таком случае чаще всего ученые используют понятие «вина» как более обособленное [2, с. 59–60]. Ответственность же сегодня затрагивает коллективные субъекты, алгоритмы и системы, более того и будущее человечества [4, с. 68]. Главной целью исследования в связи с вышеописанным является критический анализ вызовов и возможностей, которые процессы цифровизации и глобализации ставят перед исследователями с точки зрения философских наук.

Вызовы цифрового мира – переосмысление ответственности

Развитие искусственного интеллекта ставит ребром вопрос ответственности исследователя за решения, принимаемые алгоритмами. Возникают логичные вопросы: Кто несет ответственность за ошибку, совершенную искусственным интеллектом (ИИ)? Является ли ответственность лишь программированием или же она распространяется на разработчиков,

пользователей и даже на сами системы? Подобные вопросы поднимают фундаментальные проблемы философской антропологии, морали и права. В связи с чем, актуальной становится разработка этических принципов и правовых рамок по регулированию деятельности искусственного интеллекта (ИИ), обеспечению прозрачности алгоритмов и защите прав человека.

Так, на настоящий момент в РФ нет комплексного единого закона, посвященного регулированию деятельности искусственного интеллекта (ИИ). Можно говорить о том, что правовое регулирование ИИ в России находится на стадии формирования и носит фрагментарный характер. Основные элементы правовой базы, которые можно выделить на сегодняшний день:

Концептуальные и стратегические документы

- Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490). Данный документ определяет цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере развития ИИ, задает общий вектор развития и ориентиры для дальнейшего правового регулирования. Важно при этом отметить, что это не нормативный акт, а стратегический документ!
- Федеральный проект «Искусственный интеллект» (в составе национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»), который определяет приоритеты финансирования и поддержки проектов в сфере ИИ.

Действующее законодательство, применимое к ИИ

- Гражданский кодекс РФ. Общие положения об ответственности за причинение вреда могут применяться, когда вред причинен в результате действий систем ИИ, также важными являются положения об авторском праве.
- Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Если ИИ используется для обработки персональных данных, необходимо соблюдать требования данного закона (получение согласия на обработку, обеспечение безопасности данных).
- Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, который регулирует вопросы распространения информации, в том числе генерируемой ИИ.
- Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах», который регулирует вопросы, связанные с охраной результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью ИИ.
- Отраслевые законы. В зависимости от сферы применения ИИ (медицина, транспорт, финансы и т.д.), могут применяться соответствующие отраслевые законы и нормативные акты.

Экспериментальные правовые режимы (ЭПР).

В РФ вводятся ЭПР в сфере цифровых инноваций,

в рамках которых могут тестироваться различные подходы к регулированию искусственного интеллекта. Подобное позволяет опробовать новые регуляторные механизмы и оценить их эффективность. В частности, Постановление Правительства РФ от 30 июня 2020 г. № 961 «Об утверждении Правил создания и функционирования инновационных научно-технологических центров» позволяет создавать на территории ИНТЦ особые условия для тестирования и внедрения инновационных технологий, включая ИИ.

Таким образом, правовое регулирование искусственного интеллекта в России находится на начальном этапе развития. Существующее законодательство применяется фрагментарно, а стратегические документы задают общие направления развития. В ближайшем будущем ожидается принятие специализированного закона об ИИ, который должен устранить существующие пробелы и создать единую правовую базу для данной сферы.

Цифровизация в современном мире подразумевает под собой огромный объем данных, который собирается, обрабатывается и анализируется постоянно. Подобное создает реальную угрозу приватности, автономии и свободе человека. Государства и различные компании могут использовать подобные данные для контроля и манипулирования [10]. В этой связи ответственность за обеспечение приватности лежит на компаниях, собирающих и обрабатывающих данные, государствах, вырабатывающих правовые рамки в данной сфере, а также на самих пользователях, которые осознают свои права и обязанности в отношении собственных персональных данных. Таким образом, философский анализ данной проблематики необходимо сосредоточить на разграничении необходимости сбора данных и защиты личных данных человека.

Говоря о глобальном распространении цифровизации в мире необходимо обратить внимание на социальные сети и различные онлайн-платформы. Сегодня они стали мощнейшими инструментами для распространения дезинформации, фейков и киберпропаганды. Все выше отмеченное создает реальную угрозу для обеспечения демократии, общественного доверия и социальной стабильности того или иного государства. В данном контексте ответственность за борьбу с дезинформацией, фейками и прочим лежит на всех участниках цифровой экосистемы (СМИ, образовательные учреждения, отдельные пользователи и т.д.).

Кроме того, современный мир особенно уязвим для кибератак, взломов и прочих форм киберпреступности. В частности, кибератаки могут нанести существенный экономический, политический и социальный ущерб [5, с. 147–148]. Ответственность по обеспечению кибербезопасности в данном

контексте лежит на государстве, которое занимается разработкой стратегий киберзащиты, на компаниях, которые обеспечивают безопасность собственных внутренних систем, а также на самих пользователях, которые соблюдают правила так называемой кибергигиены. В качестве примеров взятия на себя ответственности по обеспечению кибербезопасности можно привести: внедрение систем обнаружения вторжений (IDS) и систем предотвращения вторжений (IPS) для выявления и блокирования подозрительной активности в сети в различных компаниях; использование надежных и уникальных паролей для каждой учетной записи пользователями и прочее.

Новые возможности цифровизации – расширение границ ответственности

Инструменты, появившиеся в период эволюции цифровизации, предоставили новые возможности для участия гражданского общества в политике, общественном контроле и принятии каких-либо решений. В частности, соцсети, онлайн-петиции и прочие платформы позволили гражданам выразить собственное мнение, организовать протесты и как-либо влиять на политические процессы [9, с. 64–65]. Можно говорить о том, что ответственность за использования подобного инструментария лежит на самих членах общества, которые должны осознавать собственные права и обязанности, а также на государстве, которое обеспечит свободу слова и доступа к информации.

Новый цифровой мир дает беспрецедентный доступ к информации и образованию. Разнообразные онлайн-библиотеки, образовательные платформы и прочие ресурсы дают возможность получить знания и навыки вне зависимости от местоположения и социального статуса. Все выше отмеченное способствует всестороннему развитию личности, повышению социальной мобильности и укреплению гражданского общества. Ответственность по использованию данных возможностей лежит на всех, у кого есть доступ к сети Интернет.

Стоит отметить и то, что цифровой мир дает новые возможности для формирования социальных связей и солидарности. Например, онлайн-сообщества, краудфандинг и подобное дает человечеству возможность объединения для решения общих проблем, поддержки нуждающихся и реализации социальных проектов. В данном случае категория ответственности за формирование и поддержание подобных сообществ относится к их участникам, которые должны стремиться к сотрудничеству, взаимопомощи и уважению к другим.

Таким образом, цифровые технологии в будущем однозначно сыграют одну из ключевых ролей в достижении устойчивого развития мира, в част-

ности, в борьбе с изменением климата, защите окружающей среды, снижении бедности и прочем. Использование инструментария цифровизации для мониторинга, анализа данных и оптимизации процессов может поспособствовать повышению эффективности и устойчивости различных сфер жизни общества, начиная политикой, и заканчивая экологией. В таком контексте ответственность за использование цифровых технологий ляжет на плечи государства, компаний и каждой отдельной личности.

Заключение

Подводя итоги, можно говорить о том, что цифровой мир сегодня – сложная и противоречивая реальность, которая ставит перед человечеством новые вызовы и открывает новые возможности. Переосмысление категории ответственности в цифровом мире сегодня является необходимым условием для гармоничного развития человечества. Стоит уделить внимание и тому, что ответственность в цифровую эпоху не может быть сведена лишь к узко эгоистичным интересам одного человека, а требует рассмотрения долгосрочных последствий принимаемых решений, заботы о будущем, других и планете в целом. Философский анализ данной проблематики поспособствует разработке «новой этики» и практических стратегий, которые будут направлены на использование возможностей, представляемых цифровизацией, для укрепления социальной справедливости, защиты человеческих прав и достижения устойчивого развития. Лишь осознание и принятие на себя ответственности всеми субъектами сегодняшнего цифрового мира позволит реализовать его потенциал и избежать негативных последствий.

Литература

1. Апанасенко О.Н. Ответственность как внешняя форма и внутренняя социальная свобода личности / О.Н. Апанасенко. – Текст: непосредственный // Экономика и социум. – 2014. – № 2–5(11). – С. 491–495.
2. Арендт Х. Ответственность и суждение / пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2013. – 352 с. – ISBN 978-5-93255-353-4. – Текст: непосредственный.
3. Гвилия Н.А. Концепция корпоративной цифровой ответственности в управлении мезологистическими системами/ Н.А. Гвилия. – Текст: непосредственный // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. – 2021. – № 3. – С. 88–101.
4. Дрожжина С.В. Феномен ответственности как базовой жизнесохраняющей ценности: социально-философский анализ / С.В. Дрожжина. – Текст: непосредственный // Социально-

- гуманитарные знания. – 2023. – № 10. – С. 65–70.
5. Козаев Н.Ш. Киберпреступность в современном мире: тенденции, вызовы и стратегии противодействия / Н.Ш. Козаев. – Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 11. – С. 146–153.
 6. Ореховский А.И. Философия ответственности. Методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты / А.И. Ореховский. – Москва: Алгоритм, 2015. – 287 с. – ISBN 978-5-906798-48-0. – Текст: непосредственный.
 7. Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии / Н.Г. Осипова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. – Серия 18. Социология и политология. – 2022. – № 3. – С. 7–27.
 8. Попов А.А. Систематизация корпоративных этических норм в сфере больших данных / А.А. Попов. – Текст: непосредственный // Социальные нормы и практики. – 2024. – № 3. – С. 47–59.
 9. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие / Р.В. Пырма. – Текст: непосредственный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 4(40). – С. 63–69.
 10. Российский совет по международным делам: российская некоммерческая организация в сфере внешней политики и международных отношений: сайт – Москва, 2013. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/realnaya-istoriya-tsifrovoy-dezinformatsii/> (дата обращения: 19.03.2025). – Режим доступа: открытый. – Текст: электронный.
 11. Сафонов К.Б. Феномен ответственности в современном обществе: философский анализ / К.Б. Сафонов. – Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2012. – № 4. – С. 61–65.
 12. Философия ответственности: коллективная монография / под ред. Е.Н. Лисанюк, В.Ю. Перова. – Санкт-Петербург: Наука, 2014. – 253 с. – ISBN 978-5-02-038371-5. – Текст: непосредственный.
 13. Чистов Р.С., Медведев С.О. Положение личности в современном информационном обществе / Р.С. Чистов, С.О. Медведев. – Текст: непосредственный // Российский гуманитарный журнал. – 2023. – № 1. – С. 29–43.

RESPONSIBILITY IN THE DIGITAL WORLD: NEW CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Shaidorov M.A.

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

The digital world, characterized by the rapid development of technology and globalization, generates new ethical and existential challenges that require rethinking the concept of responsibility. In the article, the author examines and critically analyzes such challenges, paying close attention to issues of artificial intelligence, data privacy, disinformation and cybersecurity. A common thread in the work is the problem of strengthening social responsibility, which researchers face today, in particular, strengthening civic participation, expanding access to information and the formation of new forms of solidarity.

Keywords: responsibility, digital world, digitalization, online platforms, artificial intelligence, guilt, legal regulation.

References

1. Apanasenko O.N. Responsibility as an external form and internal social freedom of the individual // *Economy and socium*. – 2014. – № 2–5(11). – P. 491–495.
2. Arendt H. Responsibility and judgment / trans. from eng. D. Aronson, S. Bardina, R. Gulyaev. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. – 352 p. – ISBN 978-5-93255-353-4.
3. Gvilia N.A. The concept of corporate digital responsibility in the management of mesologic systems // *Vestnik of ASTU. Series: Economics*. – 2021. – № 3. – P. 88–101.
4. Drozhzhina S.V. Phenomenon of responsibility as a basic life-preserving value: socio-philosophical analysis // *Socio-humanitarian knowledge*. – 2023. – № 10. – P. 65–70.
5. Kozhev N.S. Cybercrime in the modern world: trends, challenges and countermeasures strategies // *Humanities, socio-economic and social sciences*. – 2024. – № 11. – P. 146–153.
6. Orekhovsky A.I. Philosophy of responsibility. Methodological, conceptual-theoretical, legal, analytical and prognostic aspects / A.I. Orekhovsky. – Moscow: Algorithm, 2015. – 287 p. – ISBN 978-5-906798-48-0.
7. Osipova N.G. Digitalization of social reality: key discussions // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*. – 2022. – № 3. – P. 7–27.
8. Popov A.A. Systematization of corporate ethical norms in the sphere of big data // *Social norms and practices*. – 2024. – № 3. – P. 47–59.
9. Pyrma R.V. Influence of digital communications on political participation // *Humanities. Vestnik Finansovogo Universitet*. – 2019. – Vol. 9, № 4(40). – P. 63–69.
10. Russian Council on Foreign Affairs: Russian non-profit organization in the field of foreign policy and international relations: website – Moscow, 2013. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/realnaya-istoriya-tsifrovoy-dezinformatsii/> (date of access: 19.03.2025).
11. Safonov K.B. The phenomenon of responsibility in modern society: a philosophical analysis // *Vestnik of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. – 2012. – № 4. – P. 61–65.
12. Philosophy of responsibility: a collective monograph / ed. by E.N. Lisanyuk, V.Y. Perov, E.N. Lisanyuk, V.Y. Perov. – St. Petersburg: Nauka, 2014. – 253 p. – ISBN 978-5-02-038371-5.
13. Chistov R.S.; Medvedev S.O. The position of the individual in the modern information society // *Russian humanitarian journal*. – 2023. – № 1. – P. 29–43.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Формирование новой социальной культуры общения в условиях информатизации общества и популяризации социальных сетей

Мушников Дмитрий Львович,

к.м.н., доцент, генеральный директор ООО «Институт актуальных исследований и технологий» (г. Иваново), доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, экономики и истории медицины ФГБОУ ВО «Ивановский государственный медицинский университет» Минздрава России

E-mail: 89158113918@yandex.ru

Латышева Наталия Александровна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента, Российский университет транспорта (МИИТ)

E-mail: nalat59@mail.ru

Солодовник Елена Викторовна,

к.ф.-м.н., магистр психологии, доцент ВШ ПГС, доцент ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

E-mail: esolodovnik@yandex.ru

Галеева Гульнара Ирековна,

старший преподаватель кафедра теории и практики преподавания иностранных языков, Высшая школа зарубежной филологии и межкультурной коммуникации им И.А. Бодуэна де Куртенэ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: Galeeva@kpfu.ru

Кривенцева Светлана Михайловна,

преподаватель кафедры публичного права, ФКОУ ВО «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

E-mail: Smk.uui@mail.ru

Статья посвящена вопросам изучения особенностей новой культуры общения, которая формируется в современных условиях информатизации общества. Данная тема имеет актуальное значение, так как распространение социальных сетей и открытый доступ к информации затрагивает все сферы жизни общества: социальную, экономическую, политическую, и культурную. Поэтому целью данного исследования является изучение формирования новой социальной культуры общения в условиях информатизации общества посредством распространения социальных сетей.

Задачи нашего исследования следующие: проанализировать существующие условия информатизации общества в РФ; определить популярные социальные сети, распространенные в РФ; и изучить основные особенности влияния информатизации общества на формирование новой культуры общения.

Для решения данных задач использовались методы сравнительного анализа научной литературы соответствующих авторов. На основании анализа были обозначены следующие выводы: в связи с распространением цифровых технологий, социальных сетей и широкого доступа к информации в интернете, формируется новая культура общения в электронном формате, которая получила название «экранная культура».

Интернет-культура является частью экранной культуры. Люди используют интернет для общения, самовыражения и развития своих творческих способностей. В интернете люди создают, используют и модифицируют виртуальные объекты, которые напоминают реальные, но отличаются от них. В связи с этим, в обществе формируется новый тип общения, который меняет отношения в обществе в целом, и влияет на развитие культуры, социальной жизни, а также отражается в экономической и политической сферах.

Ключевые слова: экранная культура, интернет-культура, цифровизация, культура общения, социальная культура, социальные сети, информатизация.

В связи с распространением общения в интернете посредством социальных сетей и появления информационных технологий, формируется новая информационная культура современного человека. Это новый виртуальный мир, который имеет свои правила, систематизированные информационные процессы, при которых создают правила общения и взаимодействия в информационной среде.

Под социокультурным воздействием формируются важнейшие ценности и установки в сознании и социума в целом, на основании которых ими создается социальная реальность будущего. Особое внимание в данном процессе уделяется роли творческих акторов или своеобразных методологов данной сферы (людей творческих профессий – художников, писателей, ученых и т.д.), имеющих практический опыт воздействия на сознание людей через искусство и творчество в целом.

По мнению К.А. Зайкина и Л.Н. Шаймухаметова информационная культура человека, характеризуется несколькими аспектами:

- умение чётко формулировать информационные запросы;
- умение эффективно находить нужную информацию в разнообразных источниках;
- способность обрабатывать информацию и создавать новые знания;
- умение выбирать и применять информацию;
- навыки информационного взаимодействия и знание правил «информационной этики»;
- владение компьютерными технологиями.

Как видно из выше перечисленных аспектов, особую роль играют психологические характеристикам личности, которые место главное место в успешном процессе адаптации и функционирования в современном информационном обществе (рис. 1) [1].

Рис. 1. Формирование информационной культуры в современном обществе

Поэтому, существует несколько научных методов изучения электронной, экранной и интернет-культуры: в рамках культурологического подхода анализируется система ценностей, символов и этических норм в контексте определённых видов культуры. Филологический подход направлен на исследование коммуникативных возможностей интернета, информационных потоков и изменений языка в виртуальной среде. Философский подход изучает феномен этих видов культуры и их влияние на восприятие мира современным человеком [3].

Психологический подход фокусируется на взаимодействии людей и их поведении в интернете.

Эти методы демонстрируют, что для изучения информационной культуры можно применять методы из различных научных областей, таких как теория, логика и эмпирические исследования.

Интернет и интернет-культура в целом меняют наше представление о коммуникации и оказывают значительное влияние на формирование культуры общения современного человека.

Для этого необходимо определиться с основными понятиями исследования: «информационная культура», ключевые моменты развития информационной культуры, и этапы ее развития.

В современном мире, где информация становится одним из важнейших ресурсов, вопрос раз-

вития информационной культуры становится все более актуальным.

Создавая культуру, в которой информация используется осознанно и ответственно, мы способствуем не только своему личному развитию, но и развитию общества в целом.

В последние годы виртуальное общение приобрело огромную значимость в нашей повседневной жизни. Возрастает использование социальных сетей, мессенджеров и видеоконференций как спо-

собов общения не только в личной, но и в профессиональной сфере. Освоение коммуникативных умений в виртуальном пространстве становится важным навыком, необходимым для эффективного взаимодействия.

Общение в виртуальном пространстве имеет ряд неоспоримых преимуществ: возможность обмениваться информацией в режиме реального времени, возможность общаться с людьми из разных стран и находить тех, кто разделяет ваши взгляды (рис. 2) [7].

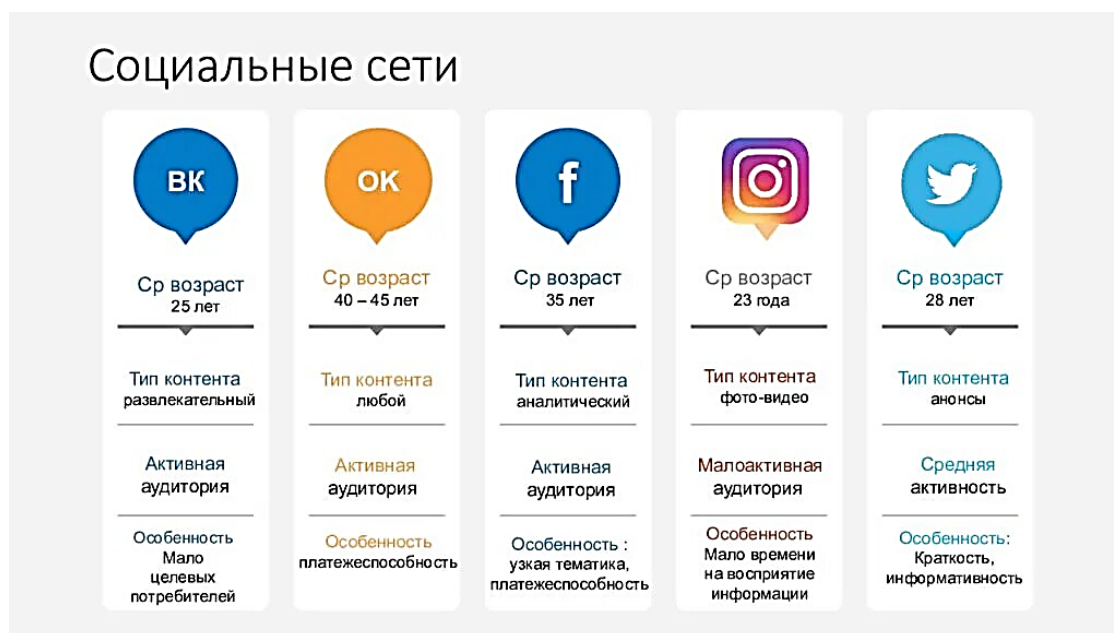

Рис. 2. Основные характеристики наиболее популярных в России социальных сетей

Примечание. Facebook и Instagram принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Однако у такого общения есть свои нюансы, которые важно учитывать, чтобы избежать недопонимания и конфликтов.

В виртуальном общении не менее важно уметь внимательно слушать собеседника. Это включает в себя чтение между строк, задавание уточняющих вопросов и предоставление обратной связи. Активное слушание поможет вам лучше понять позицию другого человека и избежать недоразумений.

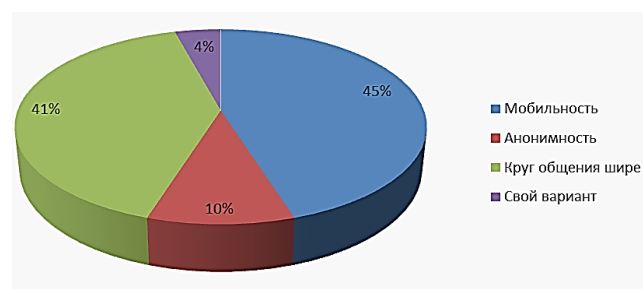

Рис. 3. Основные достоинства Интернет-общения

В интернете можно встретить людей с разным уровнем образования, культурными особенностями и ожиданиями. Поэтому важно уметь адапти-

ровать свой стиль общения под конкретную ситуацию и собеседника (рис. 3) [5].

Интерактивные форматы позволят улучшить коммуникативные виртуальные практические навыки общения:

- участие в онлайн-форумах, группах и клубах по интересам. Это поможет вам получить опыт виртуального общения и научиться находить общий язык с разными людьми;
- получение обратной связи от коллег и знакомых о вашем стиле общения. Это поможет вам понять, в чём нужно совершенствоваться;
- развитие письменных навыков. Ведение блога, написание статей или ведение дневника поможет вам улучшить стиль письма и навыки передачи мыслей в письменной форме;
- изучение культурных особенностей разных стран и национальностей. Это поможет вам избежать неловких ситуаций в международной переписке [8].

Освоение коммуникативных умений виртуального общения – это задача, требующая практики и осознанности. Важно понимать, что виртуальное общение имеет свои нюансы и особенности, требующие адаптации подходов и методов. Осваивая

эти навыки, вы не только улучшите качество своего общения, но и сделаете его более эффективным и комфортным как для себя, так и для окружающих.

Создание условий для развития интеллектуальных способностей и вовлечения в непосредственное, живое общение является ключевым аспектом не только для образовательных учреждений, но и для бизнеса, семьи и общества в целом. В век технологий и цифровизации, когда общение чаще всего происходит через экраны, важно не упустить возможность развивать навыки взаимодействия, критического мышления и творчества [7].

Первым шагом к развитию интеллектуальных способностей является создание стимулирующей среды. Это может быть, как физическое пространство, так и психологическая атмосфера. Важно окружить людей ресурсами – книгами, лабораториями, игровыми и обучающими материалами.

С ростом числа онлайн-платформ и приложений, а также с увеличением объема информации, с которой мы взаимодействуем, важно понимать принципиальные основы этики в цифровом пространстве.

Цифровая этика представляет собой систему моральных правил и принципов, которые регулируют поведение людей в интернете. Это не только соблюдение законов, но и проявление уважения к другим пользователям, сохранение конфиденциальности, а также честное и открытое общение. Соблюдение цифровой этики означает понимание последствий своих действий для других людей, а также готовность нести ответственность за свои слова и поступки [5].

Одним из ключевых аспектов цифрового поведения является уважение к личной информации других людей. Важно помнить, что информация, размещенная в сети, может быть доступна и использована не по назначению.

Соблюдение этики и цифрового поведения является необходимым условием для поддержания здорового и безопасного виртуального пространства. Каждый человек в digital жизни может стать носителем этих принципов, формируя будущее цифрового общения [7].

Давайте подробнее рассмотрим эти аспекты и выделим основные направления развития культуры общения под влиянием интернета.

Среди них можно выделить следующее.

1. Развитие и расширение связей между людьми, поиск новых оснований и причин для общения.
2. Появление новой формы общения – виртуального общения с невидимыми собеседниками – и влияние на традиционные формы общения человека.
3. Компенсация неудовлетворённых потребностей в общении и стремление к самовыражению в реальных контактах через активное участие в виртуальном общении.
4. Рост интерактивности общения.

5. Изменения в словарном запасе и структуре языка.

6. Перенос новых слов и выражений, возникших в процессе виртуального общения, в повседневную коммуникацию [9].

Следует рассмотреть основные причины обращения человека к общению в социальных сетях. Одной из ключевых причин, почему люди так активно пользуются Интернетом, является нехватка общения в реальной жизни. Важно подчеркнуть, что интерес к общению в интернете может быстро угаснуть, если у человека появляются возможности для общения в реальном мире.

Ещё одной причиной может быть желание человека выразить себя, ведь компьютер – это особый вид общения, в котором нет тех опасностей и проблем, что есть в общении между людьми. Если человек не может реализовать себя в реальной жизни, он ищет способы выразить себя в виртуальном мире, где не нужно преодолевать трудности и проблемы, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни [6].

Таким образом, для определенных категорий населения данные моменты имеют большое значение, которые по тем или иным причинам ограничены в возможности непосредственного общения.

Соответственно, информатизация играет важную роль и выполняют несколько функций.

1. Сохранение и передача культурного наследия. Информационные технологии помогают сохранить коллективную память, традиции и культурные ценности. Они способствуют передаче знаний и опыта от одного поколения к другому через воспитание, семью и общество.
2. Стимулирование инноваций и прогресса. Информационные технологии способствуют появлению новых идей, методов и технологий. Они помогают разрушать устаревшие системы и создавать новые, более эффективные.

Информационные технологии также позволяют людям влиять на окружающую среду и изменять мир вокруг себя, и способствует саморазвитию. Однако, существуют и недостатки, которые сложно контролировать: понимание того, что время, потраченное на общение, было потрачено впустую, деградация молодого поколения, получение нежелательной информации в процессе общения или от интернет-собеседника. Поэтому, существует потребность в создании специальных учреждений, либо информационных организаций, контролирующей процесс общения и правила взаимодействия внутри сети [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальные сети являются значимыми в формировании цифровой культуры общества и оказывают существенное влияние на потребителей информации. Быстро происходят ценностно-культурные изменения, а медиатеchnологии, включая социальные сети, являются ключевыми ин-

струментами для создания нового типа общества. Цифровая культура, формируемая социальными сетями, играет важную роль в развитии личности.

Литература

1. Вести 2020 – Министр культуры: несмотря на пандемию, отрасль совершила прорыв [Электронный ресурс] // Вести. 29.12.2020. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2505040>
2. Сергеева, Ю. (2021) Интернет и соцсети в России в 2021 году – вся статистика [Электронный ресурс] // Web-Canape. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-soc-seti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/>
3. Волков, С. К. (2020) Опыт региональных вузов в организации дистанционного обучения: первые итоги // Информационное общество. № 4. С. 52–62.
4. Колин, К. К. (2021) Информационное общество // Цифровая трансформация общества: современные концепции общественного развития и новая терминология / под ред. К.К. Колина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 126 с. С. 15–19.
5. Грязнова Е. В., Кочнева Е.М. Индивидуализация в информационном пространстве цифровой культуры: проблемы и перспективы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 3 (36). С. 343–345. DOI: 10.26140/anip-2021-1003-0087.
6. Доброродный Д.Г. Информационная активность личности как условие информационной открытости общества // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 1. С. 39–43.
7. Зеер Э. Ф., Церковникова Н.Г., Третьякова В.С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6. С. 153–184. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-153-184.
8. Кудренко С.С. Современное межкультурное общение посредством интернет-пространства // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 2643–2649.
9. Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.
10. Каропова С.Г., Карепов Г.Е. Социокультурный аспект информационной безопасности: «мусорное искусство» как инструмент социальной реальности // Гуманитарные, социально-экономические науки. 2023. № 2. С. 29–33.

FORMATION OF A NEW SOCIAL CULTURE OF COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION OF SOCIETY AND POPULARIZATION OF SOCIAL NETWORKS

Mushnikov D.L., Latysheva N.A., Solodovnik E.V., Galeeva G.I., Kriventseva S.M.
Ivanovo State Medical University, Russian University of Transport (MIIT),
Pacific National University, Kazan (Volga Region) Federal University, Perm
Institute of the Federal Penitentiary Service

This article is devoted to the issues of studying the features of the new culture of communication, which is formed in the modern conditions of informatization of society. This topic is of current importance, since the spread of social networks and open access to information affects all spheres of society: social, economic, political, and cultural.

Therefore, the purpose of this study is to study the formation of a new social culture of communication in the conditions of informatization of society through the spread of social networks. The objectives of our study are as follows: to analyze the existing conditions of informatization of society in the Russian Federation; to identify popular social networks common in the Russian Federation; and to study the main features of the influence of informatization of society on the formation of a new culture of communication.

To solve these problems, the methods of comparative analysis of the scientific literature of the relevant authors were used. Based on the analysis, the following conclusions were made: in connection with the spread of digital technologies, social networks and wide access to information on the Internet, a new culture of communication in electronic format is being formed, which is called "screen culture". Internet culture is a part of screen culture.

People use the Internet for communication, self-expression and development of their creativity. On the Internet, people create, use and modify virtual objects that resemble real ones, but differ from them. In this regard, a new type of communication is being formed in society, which changes relationships in society as a whole, and influences the development of culture, social life, and is also reflected in the economic and political spheres.

Keywords: screen culture, internet culture, digitalization, communication culture, social culture, social networks, informatization.

References

1. Vesti 2020 – Minister of Culture: despite the pandemic, the industry made a breakthrough [Electronic resource] // Vesti. 12/29/2020. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2505040>
2. Sergeeva, Yu. (2021) The Internet and social networks in Russia in 2021 – all statistics [Electronic resource] // Web-Canape. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-soc-seti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/>
3. Volkov, S. K. (2020) The experience of regional universities in organizing distance learning: first results // Information society. No. 4. P. 52–62.
4. Kolin, K. K. (2021) Information Society // Digital Transformation of Society: Modern Concepts of Social Development and New Terminology / edited by K.K. Kolin. M.: Publishing House of Moscow Humanitarian University. 126 p. Pp. 15–19.
5. Gryaznova E. V., Kochneva E.M. Individualization in the Information Space of Digital Culture: Problems and Prospects // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 10. No. 3 (36). Pp. 343–345. DOI: 10.26140/anip-2021-1003-0087.
6. Dobrorodny D.G. Information activity of an individual as a condition for information openness of society // Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology. 2021. No. 1. P. 39–43.
7. Zeer E. F., Tserkovnikova N.G., Tretyakova V.S. Digital generation in the context of forecasting the professional future // Education and Science. 2021. Vol. 23. No. 6. P. 153–184. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-153-184.
8. Kudrenko S.S. Modern intercultural communication through the Internet space // Innovations. Science. Education. 2021. No. 36. P. 2643–2649.
9. Yanitsky O.N. Challenges and risks of globalization. Seven theses // Sociological research. 2019. No. 1. P. 29–39.
10. Karepova S.G., Karepov G.E. Socio-cultural aspect of information security: "garbage art" as a tool of social reality // Humanities, Socio-Economic Sciences. 2023. № 2. Pp. 29–33.

Об одной биологической функции сознания

Сафронов Алексей Владимирович,

к.т.н., соискатель, МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: safronov.philosophy@mail.ru

В статье исследуется биологическая функция сознания, связанная с обучением, в частности с приобретением автоматических умений. Показано, что необходимо разделять сознание в процессе обучения, при формировании условных рефлексов, долговременной памяти и мотивации, и в иных ситуациях. Исследуется отношение аргумента обучения и «трудной проблемы сознания» на примере функции сознания при формировании условных рефлексов. Делается вывод, что в случае обучения аргументация «трудной проблемы сознания» не работает, так как феноменальное сознание здесь выступает в качестве именно того условия, которое требуется для формирования условного рефлекса. Обсуждается эволюционное преимущество сознания, благодаря которому организмы способны легче обучаться и приобретать автоматические умения и долговременную память. Также показано, что аргумент обучения позволяет по-новому интерпретировать ряд нейробиологических исследований, если рассматривать сознание не как результат некоторых нейронных процессов или каузальную причину, а как фактор, влияющий на статистику протекания нейронных процессов в мозге вообще.

Ключевые слова: условный рефлекс, трудная проблема сознания, аргумент обучения, долговременная память, статистика нейронных процессов.

Существует некоторая теоретическая сложность для определения биологических функций сознания. Это связано с тем, что не определена биологическая и иная физическая природа сознания, или в терминах Кристофа Коха и Фрэнсиса Крика [1], нейронные корреляты сознания. Наиболее точно о сознании мы пока можем судить по вербальным отчетам самого человека, что не является достоверным методом.

Специалист по философии сознания Дэвид Чалмерс не исключает, что сознание может быть эпифеноменом, то есть таким необязательным или дополнительным феноменом, который лишь вызывается нейронными событиями в мозге, но никак на них не влияет. После изучения многих аргументов Чалмерс пришёл к заключению, что эпифеноменализм сознания не только нельзя исключать, но и что он вероятнее многих других теорий, например теории тождества, приравнивающей сознание и отдельные нейронные процессы мозга [2]. На основании своего сомнения Чалмерс формулирует «трудную проблему» сознания, ставя вопрос: почему психические процессы «освещаются светом» сознания, или в его формулировке, «не протекают в темноте». По Чалмерсу, известные нам психические процессы вполне возможны «в темноте», то есть без сознания.

Основным возражением против того, чтобы рассматривать сознание как эпифеномен считается эволюционный подход, в соответствии с которым, если сознание возникло в ходе эволюции, то оно должно было иметь какой-то функционал, улучшающий свойства адаптации организмов. Хотя теоретически в процессе эволюции могли возникать и случайные, то есть не необходимые для адаптации свойства. Или, например, сознание могло быть необходимым на каком-то этапе эволюции, но затем оказалось чем-то вроде «рудимента». Тем не менее выглядит вполне разумным, что сознание должно иметь некоторый функционал, иначе бы оно не было столь важным предметом для нашего исследования. В частности, копчиковая кость не вызывает столько споров, сколько проблема сознания.

По мнению российского оппонента Чалмерса Д. Дубровского, сама постановка вопроса об эпифеноменальной природе сознания спорна. Его аргумент также является эволюционным и заключается в том, что сознание обладает функциональными свойствами необходимыми для скоординированного информационного взаимодействия между частями многоклеточного организма. Со-

мнение Чалмерса, что у сознания имеется какая-то понятная функция, для Дубровского выглядит как нонсенс [3]. Он пишет:

«Остро поставленный Д. Чалмерсом вопрос, почему информационные процессы «не идут в темноте», несет оттенок удивления, связанный с допущением, что они вполне могли бы идти «в темноте». Но тем самым неявно предполагается, что явления СР (субъективной реальности) тут как бы не обязательны, что и без них все бы происходило точно так же, т.е. за ними не признается какой-либо специфической функциональной способности и каузальной действенности».

Далее в своем ответе Дубровский указывает, что роль сознания заключается в процессе «самоотождествления» и категоризации. Он указывает: «Поэтому на вопрос Д. Чалмерса можно дать убедительный ответ: информация становится субъективно переживаемой при условии хотя бы одного цикла процесса «самоотождествления» и акта категоризации».

Для аргументации своего тезиса Дубровский ссылается на работы российского нейро-ученого А.М. Иваницкого [4, 5]. Он указывает, что Иваницкий пришел к заключению, что субъективное переживание в форме ощущений (или сознание) возникает при сопоставлении и синтезе на нейронах проекционной коры мозга двух видов информации: сенсорной (о физических параметрах стимула) и извлекаемых из памяти сведений о значимости сигнала. Информационный синтез обеспечивается механизмом возврата импульсов к местам первоначальных проекций после ответа из тех структур мозга, которые ответственны за память и мотивацию.

Необходимо отметить, что Чалмерс ранее указывал, что такая функция нервной системы как память (упоминаемая здесь Дубровским) может осуществляться, по его мнению, «в темноте», то есть не требует сознания. В терминологии Чалмерса это описывается так: память супервентна на физическом (легкая проблема сознания), тогда как сознание – не супервентно (трудная проблема сознания). Как же тогда интерпретировать данные, полученные, например, Иваницким?

По всей видимости, здесь необходимо разделять два принципиально различных аспекта памяти или, например, мотивации. С одной стороны, **обращение к памяти** осуществляется, действительно, чаще всего без участия сознания, когда человек, например, автоматически подбирает следующее слово в речи. Если бы в этом процессе участвовало сознание, то речь постоянно бы прерывалась. Но **формирование долговременной памяти**, например, при запоминании нового слова – это процесс, который сложно себе представить без участия сознания.

Аналогично дело обстоит и с формированием **условных рефлексов**. Исследования советско-

го ученого Павлова в области рефлексов были в своё время революционными. Однако, в наши дни такая способность организма как условный рефлекс уже не рассматривается как интересный предмет для передовых исследований. Рефлексы кажутся нам чем-то совершенно понятным и базовым, а автоматические действия противопоставляются сознательным. Поэтому исследователи сознания чаще всего обращаются к более экзотическим областям физиологии человека.

Сам по себе уже готовый **условный рефлекс** протекает бессознательно, автоматически, и человек не осознает, что есть какая-то связь между очагами возбуждения двух раздражителей в коре мозга. Этот процесс протекает уже без участия сознания. Однако, это вовсе не означает, что **формирование условных рефлексов** протекает без участия сознания.

Именно **аспект обучения** при формировании долговременной памяти, условных рефлексов и мотивации кажется весьма важным при рассмотрении проблемы сознания. Ведь несмотря на то, что все эти способности нервной системы проявляются автоматически, тем не менее, они формируются при участии сознания.

В этом тексте, таким образом, мы предлагаем ещё один аргумент против эпифеноменальной природы сознания. Назовём его аргументом обучения нейронной сети мозга или просто **аргументом обучения**. Возможно, «неуловимость» сознания, в том числе, связана с тем, что оно изначально имеет функционал, связанный с обучением, в то время как уже обученный какому-то умению организм стремится производить автоматические действия. Поэтому сознание может выглядеть как эпифеномен в тех ситуациях, где оно не имеет собственного функционала.

Обучение на биологическом уровне связано преимущественно с тремя процессами: это формирование условных рефлексов (умений), формирование долговременной памяти (знаний) и формирование мотиваций. Рассмотрим здесь более подробно как сознание вовлечено в нейрофизиологию формирования условного рефлекса.

На примере условного рефлекса известно, что осознание условного раздражителя является важным фактором формирования рефлекса. Условный рефлекс формируется значительно хуже без участия сознания, и надёжнее закрепляется у животного или человека только в том случае, когда условный раздражитель осознаётся в процессе формирования рефлекса. Рассмотрим этот момент более подробно, так как, если это действительно так, то сознание может рассматриваться как важное эволюционное преимущество для адаптации путем формирования условных рефлексов и других форм «обучения нейронной сети мозга».

Механизм образования условного рефлекса состоит в возникновении в коре головного мозга двух очагов возбуждения, связанных с условием и безусловным раздражителями. Между ними устанавливается временная связь, которую И.П. Павлов назвал замыканием [6]. Такое замыкание формирует не просто новую нейронную связь, но и «нейронную программу» будущего «автоматического умения» – рефлекса.

Для возникновения этого замыкания необходимо выполнения ряда условий, и среди них следующие три существенных для нас правила:

- раздражитель, будущий условный (сигнальный), должен иметь достаточную силу для возбуждения определенных рецепторов;
- условный раздражитель должен несколько предшествовать, либо предъявляться одновременно с безусловным стимулом;
- условный раздражитель должен быть слабее безусловного.

Например, если человек видит лимон и затем пробует его, то вид лимона будет условным раздражителем, а вкус лимона – безусловным. Поскольку лимон имеет кислый вкус, то он вызывает сильное слюноотделение. Поэтому возможно формирование условного рефлекса, когда только условный раздражитель (вид лимона) вызывает безусловный рефлекс – слюноотделение.

Должен ли человек при формировании такого условного рефлекса осознавать, что видит лимон? Поскольку для формирования условного рефлекса важно, чтобы условный раздражитель (вид лимона) был слабее безусловного (вкус лимона), то осознание условного раздражителя очень предпочтительно и является преимуществом. Только в этом случае условный раздражитель, который предшествует более сильному безусловному раздражителю, будет гарантированно сохраняться в памяти на фоне более сильного безусловного раздражителя.

В информационном смысле условный раздражитель фактически становится естественным знаком (означающим) для безусловного раздражителя (означаемого). Между ними образуется смысловая или информационная (нейронная) связь в мозге животного или человека. И это сочетается с тем фактом, что означающее знака, действительно, как правило слабее как стимул, чем то, что оно означает. Скажем, предвестники дождя чаще всего скромнее самого дождя, а пугающие тени на темной улице явно менее «витальны», чем те, кто их отбрасывает.

Для нас важно здесь, что выработка условных рефлексов (обучение умениям) крайне затруднена на неосознанном уровне. Обычно, когда речь идет о вещах, не связанных с сильными эмоциональными переживаниями, условные рефлексы, вырабатываемые при неосознанном условном раздражителе, живут совсем недолго. О выработ-

ке таких условных рефлексов имеет смысл говорить в основном только при формировании безотчетных эмоций, то есть в случаях невротических состояний или пограничных с ними, или в ситуациях, связанных с сильными эмоциональными потрясениями.

Многочисленные исследования по выработке условно-рефлекторных связей между неосознаваемыми стимулами и эмоциональными переживаниями были проведены под руководством Э.А. Костандова [7, 8, 9]. Указывается, что, когда выработка на неосознаваемом уровне производилась на нейтральный стимул, сформированная связь не сохранялась даже до следующего дня. Условием сохранения связей на неосознаваемом уровне оказалась сильная мотивация.

Оказалось, что выработка рефлексов требует определенных условий, наиболее важными из которых являются большая эмоциональная значимость стимулов для испытуемых и высокий уровень мотивации.

Формирование условных рефлексов на неосознаваемом уровне вовлекает лимбическую систему, связанную с эмоциями. Для таких рефлексов характерно то, что реакция (аффект) такого рефлекса обычно связан с возникновением у человека необъяснимых эмоций. Например, человек может услышать, но не осознать какое-то слово, которые вызвало у него эмоцию, причину которой он не осознает: неясную тревогу, беспочвенный страх, беспокойство и так далее.

Таким образом, если условный рефлекс, формируемый при осознаваемом стимуле, создает информационную связь между двумя раздражителями, давая человеку чаще всего некоторое полезное умение, то условный рефлекс, формируемый при неосознаваемом стимуле, создает скорее информационный шум, который ближе к понятию настраивание или интуиция.

Из этого можно сделать вывод, что рефлексы, которые формируются с участием сознания, становятся некоторыми автоматическими умениями или программами автоматического поведения, благодаря которым животное или человек частично автоматизирует свою жизнедеятельность, упрощая выполнение задач и экономя ресурсы. Условные рефлексы, несомненно, являются важным преимуществом при естественном отборе. А это значит, что для понимания эволюционной функции сознания необходимо исследовать, в частности, эволюционную функцию условных рефлексов. Кроме того, было бы также полезно изучать влияние сознания как необязательного фактора и на другие функции нервной системы. Если сознание эволюционно сформировалось для того, чтобы обеспечивать обучение животного и человека путем накопления памяти, мотивов и автоматических умений, то в дальнейшем оно (сознание) могло использоваться и другими, более сложны-

ми, психическими механизмами, такими как интеллект, разум и так далее.

Однако, вернемся к аргументу Чалмерса, который уже неоднократно подвергался критике разными исследователями. Основная сложность с аргументом «трудной проблемы» заключается в том, что она основана на концепции некоей недоступной для эксперимента «феноменальности» сознания, которая находится только в «ведении» философии. И если еще не так давно это стимулировало философские исследования сознания, то сегодня этот тезис разочаровал даже самых горячих его поклонников. Так автор перевода книги «Сознающий ум» на русский язык философ В.В. Васильев пишет:

«Одним из самых заметных терминологических нововведений последних десятилетий стал термин «трудная проблема сознания», предложенный в середине 90-х гг. XX в. Д. Чалмерсом. Можно, однако, показать, что сам этот термин небеспроблемен. И главная его проблема в том, что он, возможно, не имеет референта, пуст».

Действительно, «трудная проблема» сегодня уже не имеет того пафоса, который окрылял философов ещё каких-то пятнадцать лет назад. Но это, однако, не связано с тем, что эта проблема была теоретически решена. Скорее дело в том, что возлагаемые на неё надежды не были оправданы. И, тем не менее, ее теоретическое опровержение ещё предстоит осуществить. Но это необходимо делать на языке самого Чалмерса, в противном случае она не будет полностью разрешена.

Аргумент обучения, который мы здесь обсуждаем, даёт возможность внести некоторый вклад в критику «трудной проблемы». Чалмерс мог бы отвергать этот аргумент, но, делая это, он заставил бы аргумент обучения работать против «трудной проблемы» изнутри неё самой. Действительно, в ответ на **аргумент обучения** Чалмерс мог бы возразить, что, несомненно, скажем, условные рефлексы формируются при участии внимания человека, но не с помощью феноменального ментального (сознания), а с помощью психологического ментального.

Чалмерс убежден, что: «С точки зрения когнитивной науки внутреннее состояние, ответственное за продуцирование поведения, ментально вне зависимости от его осознанности», пишет он в той же книге «Сознающий ум» [2], указывая на то, что есть некоторое психологическое ментальное, которое может вовсе и не быть сознательным опытом. В таком случае, как мы можем проверить, какой именно аспект ментального задействуется при обучении?

Различая два понятия ментального, Чалмерс пишет: «Первое – *феноменальное* понятие ментального. Это понятие ментального, понятого в качестве сознательного опыта, и ментального состояния как осознанно переживаемого менталь-

ного состояния. Это наиболее загадочный аспект ментального, и именно на этом аспекте я сосредоточу свое внимание. Однако он не исчерпывает ментального. Второе – *психологическое* понятие ментального. Это понятие ментального как каузальной, или объяснительной, основы поведения. Некое состояние является ментальным в этом смысле, если оно играет надлежащую каузальную роль в продуцировании поведения или, по крайней мере, играет надлежащую роль в объяснении поведения. /.../ В соответствии с феноменальным понятием ментальное характеризуется тем, как оно *чувствуется*; в соответствии с психологическим понятием ментальное характеризуется тем, что оно *делает*» [2].

Итак, Чалмерс указывает на то, что феноменальное ментальное или сознание – это то, что **чувствуется**, а не то, что **оказывает каузальное влияние**. При обучении, однако, в частности при формировании условных рефлексов и приобретении новых умений, таких как чтение, езда на велосипеде или выбор траектории при перемещении в толпе, сознание как раз выполняет функцию чувствования. Как было указано выше, для формирования условного рефлекса необходимо, чтобы условный раздражитель был слабее, чем безусловный. Поэтому преимущество получают те ситуации обучения, когда условный раздражитель получает иное подкрепление в психике, чувствуется как-то иначе, или, проще говоря, осознается. В противном случае условный рефлекс не закрепляется, или закрепляется на уровне безотчётных эмоций, то есть в виде интуиций, а не умений. Приобрести умения без участия сознания оказывается более сложно, а на уровне естественного отбора сознание становится тут весомым преимуществом.

Сознание при обучении не несет никакой каузальной роли, в терминах Чалмерса, но оно изменяет вероятность того, что умение будет надежно усвоено. Участие сознания заключается тут не в том, что оно становится причиной чего-то, а как раз в том, что условный раздражитель **чувствуется**. Таким образом можно сказать, что феноменальная ментальность при обучении является некоторым самостоятельным фактором, который меняет статистику нейронных процессов и, следовательно, статистику эффективности обучения. Это относится, впрочем, не только к условным рефлексам, но и к формированию долговременной памяти и мотиваций.

Приведем пример. Если искусственно создать ситуацию, в которой человеку необходимо осуществлять выбор из вариантов, которые выглядят одинаково, то несмотря на различный результат (подкрепление), человек не научится долгосрочно выбирать правильный вариант, если не осознает суть выбора и не дополнит ее каким-то дополнительным «культурным» качеством. Например,

если свет в комнате управляется выключателем, рядом с которым расположен точно такой же второй выключатель, то, если для нажатия выключателя человек совершает идентичное движение, то запомнить какой именно выключатель отвечает за включение света можно только с участием сознания.

Если воображаемый испытуемый хотя бы однократно сознательно не выделит, что необходимый выключатель является, например, «левым» или «правым», то он не будет гарантированно включать свет с первой попытки в будущем. Возможен кратковременный успех, когда человек после ряда испытаний, разделенных на несколько часов, будет выбирать верный выключатель интуитивно. Однако, этот успех недолговечен, и ситуация выбора должна хотя бы однократно быть осознана для фиксации.

Итак, одной из биологических функций сознания, по всей видимости, является функция обучения. Это может быть как формирование условных рефлексов, так и формирование долговременной памяти и мотиваций. На уровне гипотезы можно было бы предположить, что влияние сознания на эти процессы является косвенным, но оно закрепилось эволюционно, так как давало организмам весомое преимущество при адаптации. Можно было бы также предположить, что сознание как некое «поле», действующее в области мозга, изменяет вероятность [11] процессов, например, вероятность изменения силы нейронных связей и образования новых нейронных связей. Эти вопросы необходимо специально исследовать.

Аргумент обучения также позволяет по-новому интерпретировать результаты исследований Иваницкого. В соответствии с его выводом, сознание возникает при сопоставлении и синтезе на нейронах проекционной коры мозга двух видов информации: сенсорной (о физических параметрах стимула) и извлекаемых из памяти сведений о значимости сигнала. То есть сознание по Иваницкому – это результат информационного синтеза между первоначальным импульсом и его «отражением» после возврата к местам первоначальных проекций после ответа из тех структур мозга, которые ответственны за память и мотивацию.

Иваницкий полагает, что «механизм» сознания заключается именно в том, что происходит синтез двух информационных сигналов, однако, в свете аргумента обучения тот же механизм может быть интерпретирован иначе, а именно, что сознание возникает не потому, что пересекаются два импульса, а потому, что при пересечении двух импульсов возникает дифференциал двух сигналов и запускается процесс оценки необходимости обучения. Метафорически выражаясь, сознание как бы задаёт вопрос: «Необходимо ли чему-то обучаться в этой ситуации?» То есть сознание в такой системе оказывается не результатом наложе-

ния, не самим наложением сигналов, а его контролёром.

Аналогично можно было бы предположить, что мы запоминаем что-то не потому, что осознаем, а мы осознаем что-то потому, что проверяем надо ли это запомнить. Мы также осознаем что-то, чтобы проверить, необходимо ли формировать у тебя такую мотивацию. И так далее.

В этом смысле то, что мы осознаем в будничной жизни, должно быть только тем, что по «мнению» нашей нервной системы «достойно» стать предметом для обучения и преобразования в условные рефлексы, мотивации и долговременную память. Но чтобы принять это решение сознание оценивает более широкий набор внешних данных. Такой вывод совпадает с ранее изложенными идеями о природе сознания в нашей работе [12].

Литература

1. Crick F., Koch C. Towards a neurobiological theory of consciousness // *Sem. Neurosci*, 2. 1990. p. 263–275.
2. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – 2-е издание. – Москва: Либроком, 2015. – 512 с.
3. Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу) / Д.И. Дубровский // *Вопросы философии*. – 2007. – № 3. – С. 90–104.
4. Иваницкий А.М. Главная загадка природы: как на основе работы мозга возникает сознание // *Психологический журнал*. 1999. № 3.
5. Иваницкий А.М. Естественные науки и проблема сознания // *Вестник Российской Академии Наук*. 2004. Т. 74. № 8.
6. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга // *Полн. собр. соч.* Т. IV. М.-Л., 1951. С. 33.
7. Костандов Э.А. Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознанное восприятие. М.: Наука, 1983. 171 с.
8. Костандов Э.А., Регулирующая роль установки в восприятии словесной информации // *Физиология человека*. 1997. Т. 23. № 2. С. 5–11.
9. Костандов Э.А., Черемушкин Е.А., Яковенко И.А., Воробьева Т.А. Влияние установки на когнитивную деятельность человека // *Журн. Высш. нерв. деят.* 1996. Т. 46. № 1. С. 3–10.
10. Васильев В.В. Существует ли в действительности «трудная проблема сознания»? / В.В. Васильев // *Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки*, Москва, 27–29 сентября 2024 года. – Москва: Русское общество истории и философии науки, 2024. – С. 549–552.
11. Сафронов А.В. Сознание в предельно универсализированной модели вероятностной все-

ленной без сил природы: каузальные и информационные связи-измерения / А.В. Сафронов // *Философия и общество*. – 2019. – № 4(93). – С. 89–110.

12. Сафронов А.В. Единое ничто. Эволюция мышления от древности до наших дней / А.В. Сафронов. – Москва: Издательство «Эксмо», 2023. – 384 с.

ON ONE BIOLOGICAL FUNCTION OF CONSCIOUSNESS

Safronov A.V.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the biological function of consciousness associated with learning, in particular with the acquisition of automatic skills. It is shown that it is necessary to distinguish consciousness in the process of learning, in the formation of conditioned reflexes, long-term memory and motivation, and in other situations. The relationship of the learning argument and the «hard problem of consciousness» is examined using the function of consciousness in the formation of conditioned reflexes as an example. It is concluded that in the case of learning, the «hard problem of consciousness» argument does not work, since phenomenal consciousness here acts as exactly the condition required for the formation of a conditioned reflex. The evolutionary advantage of consciousness is discussed, due to which organisms are able to learn more easily and acquire automatic skills and long-term memory. It is also shown that the learning argument allows for a new interpretation of a number of neurobiological studies if consciousness is considered not as a result of some neural processes or a causal cause, but as a factor influencing the statistics of neural processes in the brain in general.

Keywords: conditioned reflex, hard problem of consciousness, learning argument, long-term memory, statistics of neural processes.

References

1. Crick F., Koch C. Towards a neurobiological theory of consciousness // *Sem. Neurosci*, 2. 1990. p. 263–275.
2. Chalmers D. The conscious mind. In search of a fundamental theory / D. Chalmers. – 2nd edition. – Moscow: Librokom, 2015. – 512 p.
3. Dubrovsky D.I. Why subjective reality or “why don’t information processes occur in the dark?” (Answer to D. Chalmers) / D.I. Dubrovsky // *Questions of Philosophy*. – 2007. – No. 3. – P. 90–104.
4. Ivanitsky A.M. The main mystery of nature: how consciousness arises on the basis of the brain’s work // *Psychological Journal*. 1999. No. 3.
5. Ivanitsky A.M. Natural sciences and the problem of consciousness // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2004. Vol. 74. No. 8.
6. Pavlov IP Lectures on the work of the cerebral hemispheres // *Complete collected works*. Vol. IV. Moscow-Leningrad, 1951. P. 33.
7. Kostandov EA Functional asymmetry of the cerebral hemispheres and unconscious perception. Moscow: Nauka, 1983. 171 p.
8. Kostandov EA, The regulatory role of attitude in the perception of verbal information // *Human Physiology*. 1997. Vol. 23. No. 2. P. 5–11.
9. Kostandov EA, Cheremushkin EA, Yakovenko IA, Vorobyova TA Influence of attitude on human cognitive activity // *Zhurn. Vyssh. nerv. deat*. 1996. Vol. 46. No. 1. P. 3–10.
10. Vasiliev V.V. Does the “Hard Problem of Consciousness” Really Exist? / V.V. Vasiliev // *Science, Technology, and Values in an Unstable World: Collection of Scientific Articles of the IV Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science*, Moscow, September 27–29, 2024. – Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2024. – P. 549–552.
11. Safronov A.V. Consciousness in an Extremely Universalized Model of a Probabilistic Universe without Forces of Nature: Causal and Informational Connections-Dimensions / A.V. Safronov // *Philosophy and Society*. – 2019. – No. 4(93). – P. 89–110.
12. Safronov A.V. One Nothing. Evolution of thinking from ancient times to the present day / A.V. Safronov. – Moscow: Eksmo Publishing House, 2023. – 384 p.

Репутация профессиональная и деловая

Шутова Марина Вадимовна,

старший преподаватель кафедры «Связи с общественностью» Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, ассоциированный сотрудник лаборатории исследований социотехнических систем социологического института РАН – филиала ФГБУН ФНИСЦ РАН, соискатель кафедры социологии «Российский Государственный педагогический университет им А.И. Герцена»
E-mail: mvshutova@etu.ru

В статье анализируется проблема необходимости разграничения понятий профессиональной и деловой репутации в контексте трансформаций современного общества и роста значимости нематериальных ресурсов. Показано, что репутация в условиях цифровизации и индивидуализации становится важным элементом социальной стратификации и будучи объектом социального управления, требует точного понятийного различения. Подчеркивается, что смешение деловой и профессиональной репутации ведёт к размыванию категориального аппарата, затрудняя эмпирическое измерение и практическое применение социологического знания. На основе компонентного дискурса анализа, а также опоры на концепцию социального капитала, демонстрируются различия в основаниях формирования и функционирования двух типов репутации. Профессиональная репутация трактуется как оценка квалификации, экспертизы и соответствия нормам профессии, складывающаяся в прагматическом контексте сконцентрированном вокруг профессиональной деятельности индивида. Деловая репутация определяется как результат внешней публичной оценки надёжности, транспарентности и соблюдения моральных и правовых норм в межпрофессиональных, рыночных или межконтекстуальных взаимодействиях. Уточняется, что несмотря на наблюдаемое сближение двух типов репутации под воздействием цифровой медиации, они продолжают опираться на различные логики доверия – экспертную и институционально-моральную. Отмечается, что данное различие сохраняет аналитическую и прикладную ценность, позволяя точнее интерпретировать репутационные практики в различных социальных полях и проектировать эффективные стратегии управления персональной и организационной репутацией.

Ключевые слова: профессиональная репутация, деловая репутация, социальный капитал, управление репутацией, институциональное доверие, нематериальные ресурсы.

Актуальность

В контексте происходящих в обществе трансформаций изучение феномена профессиональной репутации и нового вида социального управления – управления репутацией, является важной задачей, поскольку в современных условиях текущего и «индивидуализированного общества» [2], появления прекариата [20], взаимного влияния профессиональной репутации сотрудников и репутации их работодателя [25, 26], профессиональная репутация становится важнейшим нематериальным активом индивида. В то же время феномен репутации представляет собой сложную и многомерную категорию, которая находится в фокусе внимания сразу нескольких дисциплин – социологии, экономики, психологии, маркетинга, управления и др. Это обстоятельство объясняет существующее разнообразие теоретических и методологических подходов к его осмыслению. Однако для целей социологического анализа такое междисциплинарное богатство требует системной дифференциации понятий. Отсутствие четких границ между различными типами репутации и использование элементов понятийного содержания без должной операционализации ведут к размыванию категориального аппарата и затрудняют как проведение корректного научного анализа, так и возможности управления профессиональной репутацией.

Постановка проблемы

В условиях информационного общества и укоренившейся в нём практики публичной самопрезентации символические ресурсы личности – включая репутацию – приобретают ключевое значение. Они оказывают прямое влияние как на индивидуальную карьерную траекторию [15], так и на эффективность деятельности организации или профессионального сообщества, с которым индивид себя идентифицирует. Это показывает и систематический аналитический обзор англоязычных работ, посвященных репутации опубликованных с 1984 по 2022 г. [24].

Высокий уровень цифровизации современного общества делает виртуальное пространство самостоятельной средой социального взаимодействия, обладающей реальным воздействием на репутационные практики. Репутация, формируемая как в офлайн-, так и в онлайн-контексте, становится важным фактором общественного выбора, влияя на формирование доверия между профессионалом и его клиентом, партнёром или работода-

телем [6]. В этом контексте особенно остро встает задача концептуального разграничения деловой и профессиональной репутации: их смешение не только затрудняет эмпирическое измерение, но и искажает саму логику социальных взаимодействий в профессиональной сфере, подменяя специфику экспертного признания рыночной результативностью и наоборот.

Понятие профессиональной репутации еще не устоялось в современных научных концепциях. Довольно часто профессиональная репутация используется как синоним деловой [3, 12, 14] или не выделяется вообще [5, 11]. В тоже время в ситуации конца эпохи постоянной занятости [10], расширения пространства прекариального труда [19, 20] происходит пересмотр профессиональных иерархий и привычных статусных позиций различных видов занятий и возрастает роль некоторых институционально-социальных акторов, таких как профессиональная репутация, например. В последние годы в юриспруденции уже появились публикации доказывающие необходимость изучения профессиональной репутации как самостоятельного феномена и ее несинонимичность с репутацией деловой: «Профессиональная репутация является самостоятельным нематериальным благом и ее нельзя отождествлять с деловой репутацией. <...> Профессиональную репутацию следует трактовать как оценку профессиональных и иных качеств государственного служащего (сотрудника), позволяющих ему занимать соответствующее положение в обществе, вызывать доверие к себе, как представителю государственной власти» [17]. Это замечание можно смело отнести не только к деятельности государственных служащих, но и к профессионалам в любой области. Причем чем сложнее деятельность профессионала, тем сложнее потенциальным клиентам, людям находящимся вне профессионального круга, оценить потенциальный результат взаимодействия с ним, и многочисленные рейтинги и оценки экспертов, публикуемые в сети никак не помогают этот вопрос разрешить: «Чем сложнее деятельность специалиста, тем труднее ее оценить и тем менее информативен рейтинг, составленный потребителями услуги. <...> Недостающая информация – это то, что думают о специалисте его коллеги по цеху: признают ли его авторитет и компетентность или, наоборот, считают шарлатаном, умело работающим на публику. Иными словами, в некоторых случаях нас может заинтересовать профессиональная репутация специалиста, к которому мы собираемся обратиться» [7].

Специфика деловой и профессиональной репутации

Следует отметить, что концепция репутации вошла в литературу по бизнесу и управлению бла-

годаря Фомбрену, но «попытки сделать это понятие всеобъемлющим привели к тому, что оно стало непригодным для использования, поскольку его невозможно эмпирически отличить от других связанных социологических понятий. Более того, методы измерения репутации страдают от недостаточной валидности и надежности, что делает эмпирическое применение понятия репутации невозможным» [29]. Отдавая себе отчет в том, что репутация – динамичная и многогранная сетевая структура, которая формируется и реифицируется в процессе множества социальных взаимодействий и стратегий, влияющих на её восприятие и устойчивость в социальных контекстах, в социологическом анализе феномена репутации важно учитывать и различия между двумя ключевыми её типами: профессиональной и деловой репутацией. Несмотря на пересечения в социальных функциях, они формируются в разных контекстах, основаны на различных типах взаимодействий и представляют собой неоднородные механизмы социальной легитимации. Она зависит от ценностей, характерных для конкретного общества и культуры, социальной роли и статуса индивида, а также прагматического контекста взаимодействия, непосредственно связанного с его профессиональной деятельностью. Так, компонентный дискурс-анализ 55 высказываний с упоминанием «профессиональной репутации» и 65 с «деловой репутацией», представленных на портале «карта слов»¹, показывает, что в публицистическом и литературном дискурсе эти два понятия наполняются различным содержанием. Профессиональная репутация чаще связывается с доверием, авторитетом, карьерной траекторией, экспертностью, а также уязвимостью перед моральной оценкой профессионального сообщества. Деловая репутация, в свою очередь, конструируется как публично оцениваемый нематериальный актив, связанный с честностью, договорной надёжностью, PR-управлением и правовой защитой (табл. 1).

Таблица 1. Кластеризация сем, связанных с понятиями деловой и профессиональной репутации

Сема	Профессиональная репутация	Деловая репутация
Авторитет, признание	26	7
Доверие и этичность	19	14
Качество услуг / результатов	14	5
Нарушение / угроза / утрата	11	17
Роль в карьере	10	9
Участие в экспертной или проф. среде	9	1
Судебная защита, диффамация	3	11

¹ <https://kartaslov.ru/>

Окончание

Сема	Профессиональная репутация	Деловая репутация
PR и публичное управление	2	15
Цифровая/медийная репрезентация	7	13
Экономическая оценка, актив	0	17

Профессиональная репутация проявляется в рамках узкоспециализированного поля – в оценках коллег, клиентов, профессиональных ассоциаций и регулирующих институтов. Её основа – признание квалификации, компетентности и соблюдение норм профессии, в том числе этических. Таким образом, профессиональная репутация служит инструментом социальной стратификации и структурирования профессионального пространства. Деловая репутация, в отличие от этого, возникает в более широком поле взаимодействий, не ограниченном рамками одной профессии. Она формируется в процессе координации усилий различных акторов, стремящихся к достижению общего результата, и охватывает межпрофессиональные, межорганизационные и даже межсекторные связи. При этом, как показывают исследования, деловая репутация основывается не столько на оценке профессиональной эффективности, сколько на восприятии этичности, честности, ответственности и предсказуемости поведения субъекта [1, 27], в то время как профессиональная непосредственно связана с профессиональными компетенциями [22]. Деловая репутация отражает соответствие моральным, общественным и корпоративным нормам и становится индикатором уровня доверия к субъекту со стороны различных стейкхолдеров. В результате профессиональная репутация может быть охарактеризована как институционально закреплённая и ролево ориентированная, тогда как деловая – как более гибкая, контекстуально зависимая и морально-нормативная. Следовательно, мы имеем дело с двумя различными логиками социальной регуляции: в одном случае – через норму профессии, в другом – через репутационную управляемость в рыночной и правовой среде. Их различие имеет не только теоретико-методологическое, но и практическое значение: оно позволяет более точно интерпретировать репутационные практики в разных социальных полях, выявлять механизмы формирования доверия и социального капитала, а также проектировать репутационные стратегии в организациях и профессиональных сообществах.

Исследователями давно показано [13, 16, 21, 23], что репутация – часть социального капитала личности. С точки зрения теоретико-социологического осмысления феномена репутации рассмотрим различие между деловой и про-

фессиональной репутацией как различие полей действия в рамках социального капитала (табл. 2).

Таблица 2. Устойчивые смысловые кластеры в рамках понимания репутации как формы социального капитала по П. Бурдьё

Тип взаимосвязи (смысловой кластер)	Профессиональная репутация	Деловая репутация
Репутация как капитал (ресурс доверия)	через признание компетентности и этики	через надёжность и предсказуемость
Репутация как уязвимость (объект риска)	риски морального осуждения, внутренние санкции	репутационные риски в медиа, диффамация
Репутация как проявление компетентности (профессионализма)	экспертность, стаж, признание	<i>косвенно: через образ действия и ответственности</i>
Репутация как часть карьерной (рыночной) стратегии	влияет на карьерную мобильность, статус	влияет на рыночную капитализацию, устойчивость
Репутация как основание социального признания	через профессиональное сообщество, институции, публичный образ	<i>опосредованно через рынок, партнёров, публичный образ</i>
Репутация как объект правовой (публичной) защиты	<i>опосредованно: этические нормы и коды</i>	судебная практика, законы, PR-политика
Репутация как нематериальный актив (экономическая категория)	запрос на сотрудничество, востребованность, стоимость часа	гудвилл, учёт, оценка в сделках
Репутация как медиаперсона (цифровой след)	отзывы, рейтинги, соцсети	отзывы, рейтинги, соцсети, кризисные стратегии

В современных условиях профессиональная репутация выходит за рамки исключительно профессионального поля, транслируясь в медиаполе, формируясь в цифровых средах, а также подвергаясь оценке со стороны непрофессиональных аудиторий [22]. Таким образом, она становится транссекторным ресурсом – одновременно отражающим профессиональное признание и цифровую узнаваемость. Деловая же репутация продолжает функционировать преимущественно в поле экономики и публичности, где она превращается в экономический капитал, оцениваемый рынком, клиентами, регуляторами и средствами массовой информации. Это не исключает её моральной составляющей: соблюдение моральных норм, транспарентность, предсказуемость и честность остаются ключевыми индикаторами деловой репутации. Кроме того, уникальными индикаторами именно деловой репутации являются: надёжность исполнения обязательств, соблюдение договорённостей, отсутствие нарушений в сфере ре-

гулирования, финансовая дисциплина и устойчивость в кризисных ситуациях. Эти характеристики в цифровом пространстве проявляются через прозрачность информации о деятельности организации или физического лица, доступность отчетности, отзывы контрагентов и клиентов, упоминания в бизнес-СМИ и соблюдение цифровой гигиены деловой коммуникации.

В свою очередь, профессиональная репутация формируется за счёт других, специфических признаков: глубины экспертных знаний, признания со стороны профессионального сообщества, качества выполненной работы, академической и прикладной результативности, а также способности к обучению и инновациям. В цифровом контексте это выражается в количестве и содержании экспертных публикаций, участии в онлайн-обучении и конференциях, ведении публичных профессиональных блогов, индексируемости в научных базах, а также в видимой вовлечённости в профессиональные дискуссии в социальных сетях и профильных платформах. Таким образом, в отличие от профессиональной, деловая репутация выражается не столько через признание экспертности, сколько через способность субъекта вызывать доверие в контексте экономического взаимодействия, подтверждая это повседневной практикой ведения дел, включая её цифровую составляющую.

Важно учитывать, что обе формы репутации представляют собой не только капитал, но и механизмы социальной регуляции поведения. Как подчёркивает Н.Л. Захаров, репутация может рассматриваться в контексте действия социальных регуляторов, которые структурируют поведение акторов в различных социальных пространствах [8]. Профессиональная репутация опирается на нормы профессии и экспертизы, а деловая – на ожидания поведения, соответствующего корпоративным, правовым и моральным нормам. Последние становятся особенно значимыми в условиях институциональной неопределённости и формируют доверие в условиях риска [см. также: 9].

Современные процессы цифровизации усиливают сближение этих двух типов репутации: профессиональная репутация теперь также формируется в публичной сфере [27], а деловая – становится всё более зависимой от цифровой видимости и управляемости [26]. Тем не менее, их различие сохраняет аналитическую ценность, поскольку они по-прежнему основаны на разных логиках доверия: экспертной (в случае профессии) и институционально-поведенческой (в случае бизнеса). В этой логике деловая репутация приобретает выраженное морально-нормативное измерение, поскольку оценивается через соблюдение не только формальных, но и неформальных норм – корпоративной этики, прозрачности, социальной ответственности [28].

Практическая значимость и применение

Практическая значимость различения профессиональной и деловой репутации становится особенно очевидной в сфере управления персональной репутацией, особенно в тех профессиональных полях, где индивид выступает одновременно как эксперт, работник и публичный представитель организации. Так, например, врач может обладать выдающейся профессиональной репутацией, основанной на экспертных знаниях, успешной практике и признании коллег, но утратить деловую репутацию в глазах пациентов при распространении негативной информации в интернете, связанной, например, с задержкой приёма или отсутствием вежливости. В другом случае – руководитель может иметь устойчивую деловую репутацию (как предсказуемый и честный партнёр), но утратить профессиональную – в глазах своей команды, если демонстрирует низкую управленческую компетентность. Эта дихотомия приобретает значение в репутационном менеджменте и построении персонального бренда. Стратегии, направленные на повышение профессиональной репутации, включают демонстрацию компетентности, экспертную активность, публикации и участие в профессиональных сообществах. Напротив, стратегии формирования деловой репутации предполагают прозрачность, управление отзывами, соблюдение норм корпоративной культуры, построение медиапрофиля и работу с репутационными рисками.

На практике это знание может использоваться:

- при формировании индивидуального бренда специалиста в цифровом пространстве: важно разделять, какие действия влияют на экспертную репутацию, а какие – на деловую узнаваемость;
- в кадровой политике и системе оценки сотрудников: можно разработать метрики оценки профессиональной репутации (качество работы, участие в профессиональном сообществе, наличие научных публикаций) отдельно от показателей деловой (соблюдение сроков, этика коммуникации, договорная надёжность);
- в PR-стратегиях организаций: работа с деловой репутацией, важно транслировать соблюдение ценностей и этических норм, а с профессиональной – укреплять авторитет через экспертные медиа, мероприятия и лидерство мнений;
- в судебной и юридической практике: различие оснований для защиты профессиональной чести и деловой репутации позволяет более точно квалифицировать ущерб и выстраивать правовую позицию.

Литература

1. Бадоев А.А. О Сущности защиты чести, достоинства и деловой репутации //Вестник Северо-

- Осетинского государственного университета имени КЛ Хетагурова. – 2014. – № 4. – С. 314–318, С. 316.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.
 3. Бегунков И.Д. Честь, достоинство и деловая репутация как правовые категории / И.Д. Бегунков // Вестник науки и образования. – 2018. – № 17–1(53). – С. 95–97. – EDN YPWVZB.
 4. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Пер. с фр. под общей редакцией С. Фокина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.
 5. Гаврина В.Ю. Виды репутации / В.Ю. Гаврина // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 30 марта 2018 года / Под общей редакцией Т.В. Кирилловой. – Рязань: Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, 2018. – С. 348–355. – EDN WWYXDV.
 6. Гаспарович Е. О., Дудина А.Н. Оценка соискателя с помощью профайлинга страницы в социальной сети // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. № 2. С. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2024-13-2-77-82> (дата обращения: 18.03.2025).
 7. Гордийчук Николай Валентинович. Как и зачем измерять профессиональные репутации? // Социодиггер. 2021. № 7 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-i-zachem-izmeryat-professionalnye-reputatsii> (дата обращения: 06.03.2025).
 8. Захаров Н.Л. Теория социальных регуляторов / Н.Л. Захаров. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 241 с. – DOI: 10.12737/2119965.
 9. Захаров Н. Л., Кузнецов А.Л., Перфильева М.Б. Становление современной системы трудовых отношений / Н.Л. Захаров и др. – Ижевск: Изд-во ИЖГТУ им. М.Т. Калашникова, 2020. – 168 с.
 10. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009.
 11. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с. С. 7.
 12. Король А.Н. Имидж и деловая репутация руководителя как инструменты маркетинговых коммуникаций / А.Н. Король // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы международной научно-практической конференции: в 2 т., Хабаровск, 27 апреля 2017 года. Том 1. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2017. – С. 378–381. – EDN YSSYUZ
 13. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139. С. 127
 14. Курбангалиева Д.Л. Сравнительная характеристика терминов «имидж», «бренд» и «деловая репутация» в теории репутационной экономики / Д.Л. Курбангалиева // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2019. – № 4. – С. 44–51. – EDN YGGMFS
 15. Мухаметшина Г. Р., Миннибаева Л.Р. Self-branding как условие успешности в профессиональной карьере // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. № 2. С. 93–96. DOI: <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2024-13-2-93-96> (дата обращения: 18.03.2025).
 16. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32. С. 27.
 17. Родина Л.В. Профессиональная репутация как объект неимущественного права органов государственной власти и государственных гражданских служащих (сотрудников) // Образование и право. 2022. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-reputatsiya-kak-obekt-neimuschestvennogo-prava-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-gosudarstvennyh-grazhdanskih> (дата обращения: 06.03.2025).
 18. Рязузова Елена Владимировна Репутация личности как кредит доверия Другого // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 1–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reputatsiya-lichnosti-kak-kredit-doveriya-drugogo> (дата обращения: 10.03.2025).
 19. Стемдинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 2014.
 20. Тощенко Ж.Т. Прекариат: новое социально-экономическое явление // Социологические исследования. – 2019. – № 9. – С. 51–63.
 21. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к их процветанию/ Москва: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
 22. Шутова Марина Вадимовна. Ценности как фактор формирования профессиональной репутации (в контексте теории графов) // Социология. 2024. № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-kak-faktor-formirovaniya-professionalnoy-reputatsii-v-kontekste-teorii-gradov> (дата обращения: 26.03.2025).
 23. Bourdieu, Pierre (1992) Les règles de l'art: genèse et structure du champ littéraire Libre examen. Politique (Paris).
 24. Carrillo-Durán M.V., Cabrera-Gala R., Sánchez-Baltasar L.B. What is known about personal reputation? A systematic literature review. Heliyon. 2023;9(5): e15680. Published 2023 Apr 26. doi:10.1016/j.heliyon.2023.e15680

25. Liu X. et al. The impact of individual and organizational reputation on physicians' appointments online // *International Journal of Electronic Commerce*. – 2016. – T. 20. – № 4. – p. 551–577.
26. Mauri A. G. et al. Humanize your business. The role of personal reputation in the sharing economy // *International Journal of Hospitality Management*. – 2018. – T. 73. – p. 36–43.
27. Shutova M. V., Rocheva Y.S. Digital mediatization in medicine: New models of clinic-to-doctor-to-patient interaction // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. – 2021. – Vol. 26, No. 4. – P. 722–729.
28. Treviño L. K., Hartman L.P., Brown M. Moral person and moral manager: How executives develop a reputation for ethical leadership // *California management review*. – 2000. – T. 42. – № 4. – p. 128–142.
29. Vlašić G., Langer J. Concept of reputation: different perspectives and robust empirical understandings // *Market-Tržište*. – 2012. – T. 24. – № 2. – C. 219–244.

PROFESSIONAL AND BUSINESS REPUTATION

Shutova M.V.

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg

The article addresses the need to distinguish between the concepts of professional and business reputation in the context of societal transformations and the growing significance of intangible resources. It is shown that in the conditions of digitalization and individualization, reputation becomes an important element of social stratification and, as an object of social governance, requires clear conceptual differentiation. It is emphasized that the conflation of business and professional reputation leads to the erosion of the conceptual framework, hindering both empirical measurement and the practical application of sociological knowledge. Based on component discourse analysis and drawing on the concept of social capital, the article demonstrates the differences in the foundations and functioning of the two types of reputation. Professional reputation is understood as the evaluation of qualifications, expertise, and adherence to professional norms, shaped within a pragmatic context centered on the individual's professional activity. Business reputation, by contrast, is defined as the result of external public assessment of reliability, transparency, and compliance with moral and legal norms in inter-professional, market-based, or cross-contextual interactions.

Keywords: professional reputation, business reputation, social capital, reputation management, institutional trust, intangible resources.

References

1. Badoev A.A. On the Essence of Protecting Honor, Dignity and Business Reputation // *Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. – 2014. – No. 4. – P. 314–318, P. 316.
2. Bauman Z. *Individualized society*. – M.: Logos, 2002.
3. Begunkov I.D. Honor, dignity and business reputation as legal categories / I.D. Begunkov // *Bulletin of Science and Education*. – 2018. – No. 17–1 (53). – P. 95–97. – EDN YPWVZB.
4. Boltanski L., Chiapello E. *The New Spirit of Capitalism* / Translated from French under the general editorship of S. Fokin. – M.: Novoye literaturnoye obozrenie, 2011. – 976 p.
5. Gavrina V. Yu. Types of reputation / V. Yu. Gavrina // *Scientific support for psychological, pedagogical and social work in the penal system: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Ryazan, March 30, 2018* / Under

- the general editorship of T.V. Kirillova. – Ryazan: Editorial and Publishing Department of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. – P. 348–355. – EDN WWYXDV.
6. Gasparovich E. O., Dudina A.N. Evaluation of an applicant using social network page profiling // *Personnel and intellectual resources management in Russia*. 2024. No. 2. P. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2024-13-2-77-82> (access date: 03/18/2025).
7. Gordiychuk Nikolay Valentinovich. How and why to measure professional reputations? // *Sociodigger*. 2021. No. 7 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-i-zachem-izmeryat-professionalnye-reputatsii> (access date: 03/06/2025).
8. Zakharov N.L. Theory of social regulators / N.L. Zakharov. – M.: INFRA-M, 2024. – 241 p. – DOI: 10.12737/2119965.
9. Zakharov N. L., Kuznetsov A.L., Perfil'eva M.B. Formation of the modern system of labor relations / N.L. Zakharov et al. – Izhevsk: Publishing house of Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, 2020. – 168 p.
10. Castel R. *Metamorphoses of the social question. Chronicle of hired labor*. St. Petersburg: Aleteya, 2009.
11. Kon I.S. *Sociology of personality*. Moscow: Politizdat, 1967. 383 p. P. 7.
12. Korol A.N. Image and business reputation of the manager as tools of marketing communications / A.N. Korol // *Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories: materials of the international scientific and practical conference: in 2 volumes, Khabarovsk, April 27, 2017*. Vol. 1. – Khabarovsk: Pacific State University, 2017. – P. 378–381. – EDN YSSYUZ
13. Coleman J. Social and human capital // *Social sciences and modernity*. 2001. No. 3. P. 122–139. P. 127.
14. Kurbangaliev D.L. Comparative characteristics of the terms “image”, “brand” and “business reputation” in the theory of reputation economics / D.L. Kurbangaliev // *Electronic Economic Bulletin of Tatarstan*. – 2019. – No. 4. – P. 44–51. – EDN YGG-MFS
15. Mukhametshina G. R., Minnibaeva L.R. Self-branding as a condition for success in a professional career // *Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*. 2024. No. 2. P. 93–96. DOI: <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2024-13-2-93-96> (date of access: 18.03.2025).
16. Radaev V.V. The concept of capital, forms of capital and their conversion // *Economic sociology*. 2002. Vol. 3. No. 4. Pp. 20–32. P. 27.
17. Rodina L.V. Professional reputation as an object of non-property rights of government bodies and state civil servants (employees) // *Education and Law*. 2022. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-reputatsiya-kak-obekt-neimuschestvennogo-prava-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-gosudarstvennyh-grazhdanskikh> (date of access: 06.03.2025).
18. Ryaguzova Elena Vladimirovna. Personal reputation as a credit of trust of Another // *Izvestiya. Saratov University Nov. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2014. No. 1–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reputatsiya-lichnosti-kak-kredit-doveriya-drugogo> (date of access: 10.03.2025).
19. Steming G. *Precariat: a new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem, 2014.
20. Toshchenko Zh.T. Precariat: a new socio-economic phenomenon // *Sociological studies*. – 2019. – No. 9. – P. 51–63.
21. Fukuyama F. *Trust: social virtues and ways to their prosperity* / Moscow: AST: Ermak, 2004. 730 p.
22. Shutova Marina Vadimovna. Values as a factor in the formation of professional reputation (in the context of the theory of cities) // *Sociology*. 2024. No. 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-kak-faktor-formirovaniya-professionalnoy-reputatsii-v-kontekste-teorii-gradov> (date of access: 03/26/2025).
23. Bourdieu Pierre (1992) *Les règles de l'art: generation and structure of the literary liberal arts*. Politics (Paris).
24. Carrillo-Durán M.V., Cabrera-Gala R., Sánchez-Baltasar L.B. What is known about personal reputation? A systematic literature review. *Heliyon*. 2023; 9(5): e15680. Published 2023 Apr 26. doi:10.1016/j.heliyon.2023.e15680

25. Liu X. et al. The impact of individual and organizational reputation on physicians' appointments online // International Journal of Electronic Commerce. – 2016. – T. 20. – No. 4. – p. 551–577.
26. Mauri A. G. et al. Humanize your business. The role of personal reputation in the sharing economy // International Journal of Hospitality Management. – 2018. – T. 73. – p. 36–43.
27. Shutova M. V., Rocheva Y.S. Digital mediatization in medicine: New models of clinic-to-doctor-to-patient interaction // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. – 2021. – Vol. 26, No. 4. – P. 722–729.
28. Treviño L. K., Hartman L.P., Brown M. Moral person and moral manager: How executives develop a reputation for ethical leadership // California management review. – 2000. – T. 42. – No. 4. – p. 128–142.
29. Vlašić G., Langer J. Concept of reputation: different perspectives and robust empirical understandings // Market-Tržište. – 2012. – T. 24. – No. 2. – pp. 219–244.

Сгенерированные тексты: как остановить распространение академического мошенничества

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент. доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Девятникова Ксения Георгиевна,

Преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, преподаватель Института международной экономики и бизнеса, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Исследование посвящено проблеме академического мошенничества и чрезмерного использования студентами высших учебных заведений текстов, сгенерированных искусственным интеллектом, для выполнения письменных академических заданий. Авторы проанализировали отчеты об антиплагиате, загруженные из официальной системы «Антиплагиат», на предмет наличия сгенерированных текстов в научных работах студентов и преподавателей, а также провели серию интервью с целью выявить возможные причины академического мошенничества и предложить возможные пути решения проблемы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, сгенерированный текст, академическое мошенничество, преподавание иностранных языков, информационные технологии, этические нормы.

Introduction

Currently, the Russian Federation is actively promoting introduction and dissemination of Artificial Intelligence (AI) technologies into the various spheres of human activity, aiming at achievement of country's technological sovereignty. This strategy dwells upon several important legislative documents, namely: the Federal Law No. 258-FL dated 31.07.2020 "On experimental legal regimes in the sphere of digital technologies in the Russian Federation", the Decree of the President of the RF dated 10.10.2019 No. 490 (amended 15.02.2024) "On development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: the National strategy of the AI development for the period up to 2030", and also the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation (amended 15.03.2021).

In Russia AI is penetrating various fields of the national economy with unprecedented speed, and the sphere of higher education is no exception. Starting from the appearance of ChatGPT on the market in 2022 and its growth in popularity, many academicians treat it as a potential threat [1]. Large language models like ChatGPT, DeepSeek, GigaChat and image generators like Dall-E have left the readership uncertain about what is genuine, starting from student essays or summaries to the celebrities' fashion choices. When it comes to the news, armies of chat bots, digital assistants, online mis- and disinformation, generated texts and images, make the readership operate under different sets of facts when it becomes extremely difficult to distinguish a carefully crafted digital personality from a real person. Not surprisingly, Collin's Dictionary recently named "AI" its word of the year 2024.

Scholars are actively discussing the violation of long-established conventional ethical norms of the academic world as creation of illogical, inaccurate, untrustworthy, superficial texts, the lack of plausible data, falsification of information sources, overreliance on misinformation are becoming a new viral trend, popular among students and some researchers [2]. According to the recent studies [3], AI does not possess such qualities as intuition, creativity, critical thinking or so-called thinking outside the box, cognitive flexibility, goodwill, benevolence, empathy and many other features attributable to humans. Thus, students relying on the AI technologies in their studies might eventually cease developing these skills.

In contrast, scholars with positive attitude towards AI envision the possibilities of incorporating ChatGPT

into the modern pedagogical practice that can result in potential boosting the efficiency of teaching [4]. ChatGPT is recognized as an effective tool for assessment of students' academic works or as a means for substantial alleviation of teachers' workload by eliminating the necessity to compose manually a lesson plan, presentations, tests or exercises for homework or self-tuition as well as conducting text analysis with the purpose of identifying the authorship [5]. Speaking of foreign language (FL) teaching, the positive aspect of ChatGPT application is seen in the opportunity to enhance language skills by obtaining immediate feedback. Thus, communication with a chat bot or a digital assistant incites to an independent educational activity, broadens the frontiers of learning process and, obviously reduces stress [6].

Numerous discussions about the perspectives of AI development easily get lost in countless hypothetical debates about potential job losses, including the sphere of higher education. AI is surely changing the nature of consciousness and affecting job satisfaction of educators. In theory, robots, computers, machines and neural networks are supposed to free up time for more creative and interesting tasks. However, in practice, as far as educational sphere is concerned, they seem to have had the opposite effect. The role of educators, nowadays, is often reduced to checking and correcting academic written works created by AI, partially or fully. If an academic written work does not successfully pass the plagiarism check from the first attempt (the average requirement for text originality is 80% for academic works, no generated text is permitted), the work is typically returned to the author or to the scientific consultant of the author for revision and correction. Typically, the number of such tests is usually restricted to 3 or 4, whereas the limitations are imposed by an authorized person conducting the test according to the official protocol accepted and enforced in educational organizations. In state universities of Russia, the rights to undertake antiplagiarism check of academic works are given to the authorized members of teaching personnel, typically carrying out administrative work and responsible for scientific, research or publishing activities. The name of a system manager appears on the produced reports along with the date of the test, the unique QR-code, and the amendments to the report, if any. The violation of the protocol by a manager leads to imposing the blockage of the system user, followed by administrative penalties or even dismissal of a system manager. It should be mentioned that uncontrolled incorporation of AI can often lead to violation of copyright law. For example, according to S. Wynn-Williams, the author of the bestselling book "Careless People: A Cautionary Tale of Power, Greed, and Lost Idealism", the specialists of Meta Platforms, Inc. have downloaded billions of pirate copies of electronic books from illegal websites to provide training database for their AI [7].

Thanks to computers, the number of tasks that remain open to humans is constantly reducing, affecting people's understanding of work and the variety of operations. As the result, the work of educators is becoming more routine in many cases, not less.

The issue of uncontrolled usage of neural networks in the process of learning, including appropriation of intellectual property composed by machines is considered academic cheat or academic fraud. Many students incline to submit generated academic works as their own papers and get good or excellent marks for them. Moreover, students' sociability results in an immediate exchange of information on various methods of academic cheat and dishonesty, i.e. the number of academic works generated by neural networks will only augment at an exponential rate. Educators should keep track of this process and control it in order to timely prevent and eliminate its detrimental consequences. According to the previous studies [8], the increasing scale of academic fraud among students can have a detrimental effect on the quality of higher education, learners' competency and the image of higher educational institutions in society in general.

Application of neural networks might have a negative impact on cognitive abilities of learners and their science-driven growth. As the result, critical thinking, analytical skills, the ability to work with texts and information will remain undeveloped or underdeveloped. Moreover, the quality of generated texts and images directly depends on the accuracy of user requests, competency level of users, the ability to evaluate relevance, adequacy and validity of information produced by neural networks. Authenticity and fullness of generated texts can only be valued by the highly-qualified specialist in the particular professional sphere possessing the necessary knowledge and expertise as AI is not able yet to solve real-world applied tasks independently. So, in order to avoid data falsification, a user should possess the high level of professional competency in the specific field of knowledge and the ability to assess information critically.

If technology cuts down on implementation of boring tasks, it is considered acceptable and beneficial. However, when technology starts threatening the sense of identity, it might pose a threat. Some students and educators suppose that using a bot to brainstorm ideas for project work and take care of menial tasks is an enjoyable work but interacting with AI assistants make them feel lonelier and crave more for social interaction. On practice, introduction of AI into the teaching-learning process leads not only to intensifying professional education, acquiring new digital competences by students and future specialists but also to the issue of the pervasive usage of texts generated by neural networks in academic papers.

New technologies can make teachers and students feel differently about their work. It really matters whether new technologies, neural networks included, are incorporated in collaboration with people using them or

imposed from above, and whether they enhance or sap their sense of competence and job security.

Methodology of the research

The relevance of the current scientific investigation is based on the fact the AI technologies are constantly evolving, their functionality is augmenting, along with the potential audience of the users of these innovative technologies.

The purpose of the current study is to analyze the reports produced by the official Russian system designed for identification of text plagiarism “AntiPlagiarism” where generated texts and the use of Artificial Intelligence have been determined, to outline the possible reasons for appearance of such academic works in a growing number and to propose the solutions of the issue. The function of distinguishing generated texts was introduced in the Russian system “AntiPlagiarism” (“AntiPlagiat”) in May, 2023. In the context of antiplagiarism, generated text is the text composed by AI algorithms or machine learning and not created by humans. These algorithms can be taught on big data and are able to generate texts that resemble authentic texts visually and structurally.

The object of the study is the academic written works prepared by the students of National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU) and uploaded in the system starting from May 2023 till March 2025 for plagiarism check. The total number of the academic written works for the period under consideration is 1430, the texts are composed in Russian and several foreign languages – English, German, French, Spanish, Italian and Chinese – and include scientific articles, essays, presentations, posters, monographs, educational tutorials and resources done for various academic purposes by the students of Bachelor, Specialist and Master programs studying foreign languages at the Department of Foreign Languages and Professional Communication.

The system “AntiPlagiarism” is the Russian internet project, constantly evolving software for testing text documents on the presence of improperly cited borrowings from the open internet sources. The project is fee-paying and available for basic users as well as for authorized representatives of higher educational institutions. It should be mentioned that testing for plagiarism is compulsory for all academic works that are intended for further publishing, whether online or in paper.

The authors of the study have applied quantitative methods for processing and analyzing the results of findings by grouping the antiplagiarism check reports for the period from May 2023 till March 2025 in various categories according to the type of a written work (essay, scientific article, conference paper, report, graduation work, educational resource), an author (students or members of teaching staff), the language of a paper. Qualitative methods have included the interviews

with the 1st year Bachelor and Master program students studying foreign languages in NRU MGSU as a compulsory part of curriculum. The group of students (total number 34) has been asked various questions regarding their attitude towards academic fraud, the frequency and the possible reasons of its occurrence as well as the ways of solution of this ethical issue in educational sphere.

Results and findings

The total number of the academic works undergone the plagiarism check for the period under consideration by an authorized system manager (May 2023 – March 2025) is 1430, among which 313 works contain generated text (21.9%) (figure 1). Figure 1 shows the visual representation of the report produced by the “AntiPlagiarism” system, whereas the part of the academic paper is highlighted in red and the whole document is marked as “suspicious”. It was observed by the authors that the probability of generated texts appearance was growing towards the end of the period under consideration that could be linked to both – continuous evolving the platform “AntiPlagiarism” and simultaneous developing of the skills of neural networks usage by students.

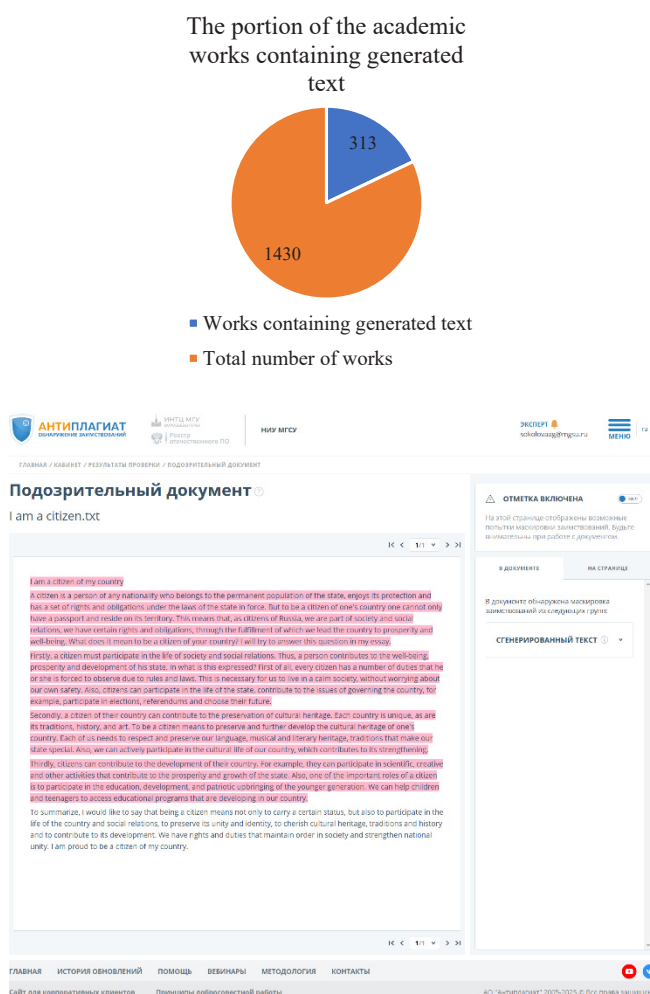

Fig. 1. The portion of the academic works containing generated text for the period May 2023 – March 2025.

The figure 2 demonstrates the breakdown of the academic works containing identified generated texts in conformity with work types. The main categories included students' essays on topics "I am a Russian Citizen", "Development of AI: prospects and risks", conference papers written by students for the annual intramural conference "Days of the Students' Science" (March 2024, February 2025), and teachers' papers for the International Scientific Conference "Innovative Processes in Social Sciences and Humanities" (December, 2024). The total number of works with generated text is 313, among which the papers composed by university teaching staff accounts for 11.8% only (categories "Educational tutorial" and "Journal Articles (Teachers)"). Ironically, the better half of the essays on the topic of AI application has been 'fabricated' by the students with the help of AI. So, here we are facing the "AI vs. AI" situation.

Distribution of written academic works with generated texts according to the type

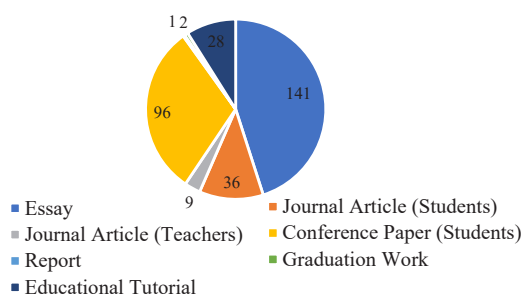

Fig. 2. Distribution of written academic works containing generated texts according to the type of works.

Distribution of the academic works with generated texts according to the language

Fig. 3. Distribution of the academic works containing generated texts according to the language.

Breakdown of the academic works according to the text language showcases that the majority of works (92,6%), partially or fully made up of generated texts, are written in English language, no generated text was identified in academic papers in German, French, Chinese and Italian languages (fig.3). This result could be explained by the prevalence of English language texts among academic works in general and, the probable inadequateness of the studied antiplagiarism system for analyzing texts in languages other than Russian and

English for the time being. Undoubtedly, the fast pace of technological progress will overcome this imperfection and situation might change in the foreseeable future.

The interviews conducted by the authors of the study with 1st year students (the total number of the interviewees is 34) majoring in civil engineering and architecture comprised several groups of questions, including the attitude of students to academic dishonesty, the possible reasons behind it, the frequency of AI usage for creating academic works, the necessity of enforcing the academic honesty code as well as future considerations regarding the application of AI technologies in educational sphere.

The results have shown that among the main reasons behind AI usage for producing academic works the interviewed students had mentioned the following:

- inability and unwillingness of students to produce a coherent and cohesive text with high percentage of originality. In particular, writing in academic style represents a challenge for many learners, so the prompt to create an original text composed in academic style on the given topic is given directly to AI (mentioned by 75% of interviewees);
- overreliance on internet open-access sources frequently containing generated texts from the outset. The authors of the study have experienced the similar situation while working with the content of official websites of many leading educational institutions and/or construction companies.
- procrastination, violation of deadlines for submitting written assignments leading to the urgent need to compose a paper at the supreme moment (94% of respondents);
- unawareness of existence of online libraries and/or inability to register and log in to scientific abstract and citation databases (Scopus, Web of Science, Google Scholar, Russian Science Citation Index), social networks created for research purposes (ResearchGate), and other reliable sources of scientific and professional texts (84% of respondents);
- the experience in academic fraud shared by more mature students on social networks and various chats, various "useful tips" and lifehacks encourage 1st year students to have a try at academic cheating (mentioned by 37% of interviewees);
- undeveloped skills of working with scientific and academic texts, processing and analyzing information sources, distinguishing plausible and reliable content from fake or generated one, inability to write summary or render the received information, identify key words and main ideas that could be explained by the lack of expertise and insufficient level of knowledge in specific sphere among students (42% of interviewees).

Conclusions

The results of the current study can be put into practice in the framework of the development of the academic

honesty code in NRU Moscow State University of Civil Engineering. The authors point at the urgent need of introducing ethical norms of academic behavior for students and teaching staff of higher educational institutions that will regulate the usage of AI technologies and their application in educational sphere, with identifying the instances of academic fraud being the main objective.

The authors have concluded that academic fraud is of complicated nature and has a multitude of reasons, so the solution of the issue should be found in various areas of responsibility of all the participants of an educational process. Teaching staff of higher educational institutions should connect theoretical knowledge obtained by students with their practical activity, motivating mindfulness of education and willingness to develop personal strengths and proactivity among students. In the framework of course outline, the lessons dedicated to ethic behavior, formation and acceptance of rules of conduct in educational and professional spheres should be included. It is of paramount importance to develop functional literacy skills in students, i.e. the ability to work with texts, process their content, highlight the main ideas, render the text, and correlate various information sources. This approach will eventually lead to training of highly-qualified specialists with a proactive approach to life, high performance capabilities, motivation for self-enhancement and realization of personal potential in profession and career. Finally, there is a need to enhance social accountability of educators by personal example rather than by precept.

Литература

1. Тарабарина Ю.А. Академическое мошенничество студентов с использованием нейросетей // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 121–130.
2. Герцен С.М. Меры предотвращения академического мошенничества (из опыта зарубежных вузов) // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 4. С. 1–11.
3. Митина Е.Г., Макеенко Г.А. Предотвращение «академического мошенничества» студентов для преодоления неуспешности в обучении // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3(138). С. 116–126. DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-116
4. Хуанг Дж., Салех С., Лью Ю. Обзор искусственного интеллекта в образовании // Академический журнал междисциплинарных исследований. 2021. № 10(3). С. 206–217. DOI: 10.36941/ajis-2021-0077
5. Метелькова Л.А., Сак А.Н. Определение авторства литературных произведений с помо-

щью нейросетей (на материале французской поэзии) // Инженерный Вестник Дона. 2024. № 11(119). С.791–809. ivdon.ru/ru/magazine/archive/n11y2024/9603

6. Трикоз Е., Гуляева Е., Беляев К. Российский опыт использования цифровых технологий и юридические риски ИИ // ЕЗС Веб оф Конференсес. 2020. Том 224, статья 03005. DOI: 10.1051/e3sconf/202022403005
7. Уин-Уильямс С. Беспечные люди. Предостерегающая история о власти, жадности и потерянном идеализме. Нью-Йорк: Флатирон букс. 2025. 383 с.
8. Соколова А.Г., Архипов А.В. Применение нейросетей в образовательной сфере: возможности и вызовы // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 127–130.

GENERATED TEXTS: HOW TO STOP ACADEMIC FRAUD FROM SPREADING

Sokolova A.G., Deviatnikova K.G.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The current study deals with the issue of academic fraud and excessive usage of texts generated by Artificial Intelligence by students of higher educational institutions for implementation of written academic assignments. The authors have analyzed the antiplagiarism reports downloaded from the official system “AntiPlagiarism” for the presence of generated texts in students and teachers’ academic works and conducted the series of interviews with the purpose to identify the possible causes of academic fraud and to propose the possible solutions of the issue.

Keywords: Artificial Intelligence, neural networks, generated text, academic fraud, foreign language teaching, information technologies, ethical norms.

References

1. Tarabarina Y.A. Students’ academic fraud using neural networks // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 1. P. 121–130. (In Russ.).
2. Gertsen S.M. Measures of prevention of the academic fraud (from experience of foreign higher education institutions) // Online Journal “Naukovedenie”. 2013. No. 4. P. 1–11. (In Russ.).
3. Mitina E.G., Makeenko G.A. Preventing «academic fraud» among students to overcome academic failure // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2024; (3): 116–126. (In Russ.). DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-116
4. Huang J., Saleh S., Liu Yu. A Review on Artificial Intelligence in Education // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2021. Issue 10(3). P. 206–217. DOI: 10.36941/ajis-2021-0077
5. Metelkova L.A., Sak A.N. Determining the authorship of literary works using neural networks (based on French poetry) // Engineering Journal of Don. 2024. No.11(119). P. 791–809. (In Russ.) ivdon.ru/ru/magazine/archive/n11y2024/9603
6. Trikoz E., Gulyaeva E., Belyaev K. Russian experience of using digital technologies and legal risks of AI // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 224, art. 03005. DOI: 10.1051/e3sconf/202022403005
7. Wynn-Williams S. Careless People. A cautionary tale of power, greed, and lost idealism. New York: Flatiron Books. 2025. 383p.
8. Sokolova A.G., Arkhipov A.V. Application of neural networks in education: opportunities and challenges // Innovations and Investments. 2023. No. 2. P. 127–130.

